«Люди, окружавшие монахиню Марию, переживали катастрофу старой России прежде всего как личную трагедию. Мать Мария принадлежала к тем, кто распознал в обстоятельствах времени и нечто большее: призвание к христианскому творчеству < ..> Свобода рассматривалась ею как бесценный дар Божий, и она шла на видимые и невидимые миру жертвы, чтобы сохранить его для тех, кто был рядом. При этом она сама оставалась по-настоящему свободным человеком».

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси

«Мать Мария — святая наших дней и для наших дней, женщина из плоти и крови, получившая Любовь Бога, которая бесстрашно смотрела в лицо проблемам нашего века <...> ее духовное значение будет для нас все возрастать по мере того, как и мы начнем понимать последний смысл Любви воплощенной и распятой».

Антоний (Блум), митрополит Сурожский

К 70-летию со дня гибели
матери Марии (Скобцовой)
1945—2015

СОДЕРЖАНИЕ

Ксения Кривошеина
МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА). СВЯТАЯ НАШИХ ДНЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ 11
Глава 1. ПРЕДКИ 27
Глава 2. НАЧАЛО ЖИЗНИ 47
Глава 3. ПЕТЕРБУРГ 61
Глава 4. АЛЕКСАНДР БЛОК 77
Глава 5.В МИРЕ ИСКУССТВА 88
Глава 6. БЕСПОКОЙНЫЕ ГОДЫ 127
Глава 7. РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА 174
Глава 8. С ЛЮБОВЬЮ, ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ... К НОВОЙ ЖИЗНИ 227
Глава 9. МОНАШЕСТВО 263
Глава 10. РОЖДЕНИЕ В СМЕРТИ 303

Приложение.
МАРШРУТЫ МАТЕРИ МАРИИ ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ: РОДСТВЕННИКИ И ДРУЗЬЯ 357
ПОЕЗДКА В ФИНЛЯНДИЮ, ЛАТВИЮ И ЭСТОНИЮ, 1932 ГОД 360

ИЗ АРХИВОВ

Митр. Сурожский Антоний (Блум)
СЛОВО О МАТЕРИ МАРИИ 369

Н. Бердяев
ПАМЯТИ МАТЕРИ МАРИИ 371

С.В. Пиленко
КУБАНЬ — МОЯ РОДИНА 373

А.Н. Шустов
Е.Ю. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (М. МАРИЯ) И АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ 382
Приложение.
Письмо Гаяны (Детское Село) от 23 сентября 1935 г. 388

Г. Ойцевич
ТАЙНА СМЕРТИ ГАЯНЫ 393

Г. Ойцевич
ГЕОРГИЙ МЕЛИЯ — ЗАГАДОЧНЫЙ ЗЯТЬ М. МАРИИ 415

Г. Ойцевич
ПЬЕСА-МИСТЕРИЯ «СЕМЬ ЧАШ» — ПОПЫТКА РАСШИФРОВКИ ВЕЧНЫХ ЗНАКОВ 452

А.Н. Шустов
ДАНИИЛ ЕРМОЛАЕВИЧ СКОБЦОВ:
ПУТЬ ОТ КУБАНИ ДО ПАРИЖА 474

Г. Беневич
ТЕМА СОФИИ И КАК ОНА СВЯЗЫВАЕТ
М. МАРИЮ, А. БЛОКА И ВЛ. СОЛОВЬЕВА 487

Г. Беневич
МАТЬ МАРИЯ И ЕЕ ВЫШИВКА «ЖИТИЕ ЦАРЯ ДАВИДА» 508

Г. Беневич
ПОЭМА «ДУХОВ ДЕНЬ» 515

«ВЕСТНИК» УЧАСТНИКОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ
Первый выпуск 532
Отчет о резистанской работе И.А. Кривошеина 536
Памяти отца Дмитрия Клепинина 552
Из воспоминаний Ф.Т. Пьянова 553
ВТОРОЙ НОМЕР «ВЕСТНИКА» 558
Встреча с Матерью Марией в лагере Равенсбрюк 561
Б. Сосинский. Вильде — Левицкий
(Дело Музея человека) 564
В.С. Варшавский. Борис Вильде 570
Последнее письмо Бориса Вильде к жене 578
Б. Вильде. Диалог в тюрьме 580
Анатолий Левицкий 589
С.В. Носович. Вики Оболенская
(Вера Аполлоновна Оболенская) 591
Ариадна Скрябина (Сарра Кнут) 602
Тамара Алексеевна Волконская 603

И.А. Кривошеин
РУССКИЕ УЧАСТНИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ 610

Н.А. Кривошеина
МАТЬ МАРИЯ 617

А.Н. Шустов
ОТЕЦ БОРИС (СТАРК) О МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ) 626

Н.И. Кривошеин
МАТЬ МАРИЯ В БЫВШЕМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ,
или ДОЛГАЯ ДОРОГА В РОССИЮ 628

Ж. Нива
«И ДО КОНЦА НАДО МНЕ ОБНИЩАТЬ...» 639

ЕЛИЗАВЕТА СКОБЦОВА. Летопись жизни и творчества 644

БИБЛИОГРАФИЯ 671

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 682

Ксения Кривошеина

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)

СВЯТАЯ НАШИХ ДНЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Рига. Анапа. Санкт-Петербург. Париж. Равенсбрюк

Она родилась в Риге 8 декабря 1891 года и была человеком своего времени, наследницей европейской культуры, идеалисткой с романтическими представлениями о «равенстве и братстве на земле». Мать Мария много писала о предназначении России и о ее будущем. Голос и творческое наследие монахини и сегодня звучат актуально.

Митрополит Антоний Сурожский глубоко почитал мать Марию и писал о ней: «*Она сумела, следуя по стопам своего Господа и Учителя, любить "напрасно", "безрезультатно": любить людей пропащих, безнадежных, тех, "из кого все равно ничего не выйдет", кого "и могила не исправит", — потому только, что они ей были "свои", русские, обездоленные, погибающие; а позже, во время войны, просто потому, что они были люди в смертной опасности, в страхе, в гонении, голодные, осиротелые — свои по крови не потому, что они принадлежали той или другой национальности, а потому, что для них Свою Кровь излил Христос, потому, что ею овладела до конца Божественная Его Любовь».*

Сейчас в России и на Западе выходят книги с ее богословскими эссе, стихами, репродукциями вышивок и икон. За последние годы состоялось несколько конференций, посвященных ей,

---

[1] Поскольку эта книга не является научной, количество примечаний сведено к минимуму.

прошла выставка работ монахини Марии в Пушкинском Доме, создан сайт в интернете; в Риге, на доме, где она родилась, висит мемориальная доска, в краеведческом музее Анапы открыт большой раздел семьи Пиленко, а во дворе музея в память о ней установлен поклонный крест. В Париже в 2013 году городскими властями принято решение назвать в честь мученицы монахини Марии Скобцовой новою улицу 15-го округа, выходящую на улицу Лурмель, где было расположено «Православное дело» до разгрома оккупационной полицией.

В этой книге впервые публикуется подробная биография монахини Марии, летопись ее земного пути. Здесь читатель узнает много интересного о жизни, творчестве и судьбе м. Марии (Скобцовой) в России и в эмиграции, а также о ее деятельном монашестве, участии в движении Сопротивления и трагической гибели в лагере Равенсбрюк.

Эта книга предназначена и для тех, кто никогда не слышал о ней, и для тех, кто, зная эту уникальную личность, откроет для себя новые страницы ее земной жизни.

Мне часто задают вопрос, почему мать Мария не канонизирована Русской Церковью? Я отвечаю рассказом о том, как готовилась ее канонизация. В 2000 году меня с моим мужем Никитой пригласил к себе в храм Трех Святителей архиепископ Корсунский Иннокентий и попросил принести с собой имеющиеся материалы о м. Марии. Владыка знал о том, что я занимаюсь организацией выставки художественных произведений м. Марии в Русском музее, дал свое благословение, обещал всяческую помощь в нахождении ее работ. Мы принесли ему толстую папку копий домашнего архива. «Попросил вас об этом, потому что Комиссия по канонизации поручила мне собрать максимум материалов о матери Марии. В Москву поступила просьба о рассмотрении возможного прославления м. Марии».

К этому времени я от Елены Дмитриевны Аржаковской-Клепининой, дочери о. Димитрия Клепинина, уже знала, что она с помощью о. Сергия Гаккеля подготовила папку документов, которую мне показала. Эти документы готовились архиепископом Сергием (Коноваловым) для передачи Синоду Константинопольской Церкви, как сам владыка рассказал в своем интервью газете «Русская мысль» в апреле 1999 года.

Синодальная комиссия Русской Православной Церкви по канонизации святых осенью 2000 года по представлению

митрополита Сурожского Антония внимательно изучала возможность канонизации матери Марии, ее сына Юрия и о. Димитрия Клепинина. При этом было выявлено много вопросов, на которые не нашлось ответа в представленных материалах. В частности, комиссия констатировала, что необходимо заняться серьезной архивной работой, в том числе в архивах гестапо, которая могла бы внести ясность в обстоятельства последних дней и кончины м. Марии, — из представленных документов было видно, что имеются противоречивые устные предания об этом. Было отмечено, что для дальнейшего продвижения процесса канонизации необходим также богословский анализ письменного наследия м. Марии. В предварительном заключении комиссии было сказано: «После получения новых сведений о жизни, подвиге, обстоятельствах кончины и почитании монахини Марии, ее сына Георгия Скобцова, священника Димитрия Клепинина комиссия вернется к обсуждению этого вопроса».

Однако на запросы, которые были направлены в том числе в Архиепископию Константинопольского патриархата на улице Дарю... реакции не последовало. Митрополит Антоний, который был в то время уже очень болен, также не смог представить дополнительных материалов. В январе 2003 года архиепископ Сергий неожиданно скончался, и многие надежды на воссоединение с Русской Церковью рухнули. На смену пришли другие поветрия, другие люди, и очень быстро, 1 мая 2003 года на общем собрании Архиепископии в Александро-Невском соборе главой Западноевропейского экзархата русских приходов был избран архиепископ Гавриил (де Вильдер). Владыка Антоний, который поставил вопрос о прославлении матери Марии в лоне Русской Православной Церкви, скончался в августе 2003 года... Дальнейшие события развивались уже без его участия.

16 января 2004 года Священный Синод Константинопольского патриархата в Стамбуле принял решение о канонизации монахини Марии (Скобцовой), протоиерея Алексия Медведкова, священника Димитрия Клепинина, Юрия Скобцова и Ильи Фондаминского. Основанием для канонизации стало прошение, направленное из Парижа экзархом Вселенского Патриарха архиепископом Гавриилом, управляющим Архиепископией православных русских церквей в Западной Европе.

Для многих эта групповая канонизация оказалась полной неожиданностью. Ведь нерешенные вопросы так и остались

нерешенными, никаких новых исследований за три года предпринято не было, а о некоторых из включенных в группу, присоединенную к м. Марии, известно значительно меньше, чем о ней. Кем была спровоцирована и кому была нужна эта поспешность? По получении официального известия о состоявшейся канонизации покойный Патриарх Московский и всея Руси Алексий II ответил своему константинопольскому собрату, что у Русской Церкви, членами которой большую часть своей жизни были все новопрославленные, кроме И.И. Фондаминского, крестившегося незадолго до смерти, — особый интерес к данной канонизации. Патриарх упомянул, что «в 2000 году вопрос о канонизации монахини Марии, Юрия Скобцова и отца Димитрия Клепинина был предметом рассмотрения Синодальной комиссии по канонизации святых. Тогда после детального обсуждения члены комиссии не пришли к согласному решению относительно возможности прославления» за недостатком «документальных свидетельств об их жизни и кончине». Но на братскую просьбу «направить нам для изучения материалы, на основании которых произведена канонизация», за десять последующих лет так и не поступило никакого ответа.

Московская патриархия в лице Комиссии по канонизации с большим тщанием вникала в сложные обстоятельства жизни, религиозного творчества и мученической жертвенной кончины м. Марии. Зрячая и убежденная русская патриотка, м. Мария по сути принадлежала Русской Церкви. Те, кто задумал «групповую канонизацию», ясно понимали, что это исключит рецепцию решения Константинополя в России. Достоинства и подвиг соканонизированных с м. Марией эмигрантов не оспаривались, но никогда и не обсуждались в Русской Церкви. А ведь установление святости обязательно предваряется глубоким и тщательным изучением жизни и поступков того или иного подвижника. Поставленная перед свершившимся фактом, Московская патриархия не могла и не должна была удовлетвориться наспех и неполно подготовленными данными.

Таким образом, для Русской Православной Церкви, при гробовом молчании Константинополя в ответ на все запросы, тема прославления м. Марии так и осталась открытой, ожидающей дальнейшего, более тщательного изучения.

* * *

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева в СССР была известна прежде всего как поэтесса, начинавшая свой творческий путь в эпоху Александра Блока, в тот период истории русского искусства, который получил название Серебряного века. Однако мало кто знает, что природа и Бог одарили эту женщину еще и подлинным талантом художника и высшим предназначением — монашества в миру.

Она открывала бесплатные столовые, дома для престарелых и бездомных. Во время войны и оккупации Франции мать Мария спасает и укрывает советских военнопленных. Эта опасная деятельность связала ее с французским Сопротивлением.

Имя матери Марии использовали как знамя своих идей представители разных идеологических станов. Например, в СССР ее преподносили обществу как партизанку и большевичку, а на Западе — как борца с ортодоксальным косным православием и заступницей исключительно евреев. Это противостояние продолжается до сих пор, но столь ограниченное клише обедняет характеристику этой личности, заслоняет ее многогранность.

К большому сожалению, изучение деятельности м. Марии было значительно затруднено в силу ряда причин. Во-первых, в силу исторических обстоятельств — Елизавета Юрьевна оказалась в эмиграции, и творчество ее, как впрочем и жизнь, было разрублено пополам: первая половина — Россия, вторая — исход в 1921 году, эмиграция во Францию с Россией в сердце. Елизавета Юрьевна Скобцова покидает свою родину с огромным интеллектуальным багажом, политически определившимися взглядами и душевно подготовленной к монашескому пути, который наметился еще в России.

Период с 1911 по 1921 год в ее жизни можно назвать российским, он был наполнен поэзией, выставками, первыми философскими эссе. В это время она была окружена и буквально пропитана воздухом Серебряного века, творчеством Александра Блока, Вячеслава Иванова, Николая Гумилева, Наталии Гончаровой, Максимилиана Волошина, но даже в ранних своих поэтических и живописных произведениях будущая м. Мария уже искала путь богопознания. Со временем она отходит от модернизма и окончательно находит себя в жанре религиозно-философской символической поэзии и живописи. Однажды, будучи еще совсем

молодой и не подозревая о своем предназначении, она сказала: «Мое творчество — это как молитва».

До переломного 1917 года лучшая часть российского общества воспитывалась на милосердии, на милости сердца к ближнему и вере в Бога. Открытие больниц и сельских школ, учреждение приютов, помощь неимущим, благотворительность — все это постепенно стало традиционным проявлением милосердия и любви к ближнему в русском обществе. Но волею известного исторического события Елизавете Юрьевне суждено было стать матерью отверженных не в Петербурге и не в Анапе, а в Париже.

Кто я, Господи? Лишь самозванка,
Расточающая благодать,
Каждая царапинка и ранка
В мире говорит мне, что я мать.

Эмиграция людей чаще не объединяет, а размежевывает и ожесточает. В условиях первой эмиграции людей, выброшенных в пустоту, было сотни тысяч. Среди них — и совсем простые, малообразованные, и аристократия, писатели, художники, артисты, духовенство. Большинство жило плачевно. Понять можно — русские бежали от пуль, от большевистских расстрелов. По дороге, если и удавалось что-то сохранить из сбережений, все продавалось. Редкий эмигрант мог заработать на жизнь своей специальностью, если таковая имелась. Расхожий образ: русский князь — шофер парижского такси — был, к сожалению, не выдумкой советской пропаганды.

В парижской эмиграции, куда семья Скобцовых попадает из Сербии в 1924 году, Елизавета Юрьевна встретилась с единомышленниками и старыми друзьями. Жить без общения с близкими по духу людьми было невозможно. И как бы ни тяготила бедность, будущая монахиня Мария шла по пути предначертанному. Она продолжала писать, публиковать статьи, стихи, читать лекции и... учиться. Творение красоты для нее всегда было спасением в самые трудные периоды жизни. И во время оккупации Парижа, и в период ее деятельности в рядах французского Сопротивления, и в лагере Равенсбрюк, в нечеловеческих условиях, больная, на краю гибели, мать Мария продолжала начатое.

До наших дней в России сохранилась малая часть живописных работ м. Марии, да и во Франции, где прошла ее «вторая»

жизнь вплоть до трагической гибели, произведения были рассеяны по храмам, частным лицам или просто потеряны, а некоторые уничтожены. Надо сказать, что литературные и художественные работы свои Елизавета Юрьевна ни в России, ни позже, уже в монашестве, во Франции никогда не подписывала. Поэтому можно надеяться, что со временем будут обнаружены какие-то дополнительные находки в запасниках музеев, фондах, частных собраниях, храмах как принадлежащие «неизвестному художнику».

За последние годы во Франции и Англии обнаружилась целая серия рисунков, вышитых икон, облачений, плащаниц, которые м. Мария создавала для своих храмов и приютов для обездоленных. Стены и окна в этих парижских храмах она расписывала сама, к сожалению, время и обстоятельства сохранили для нас только фотографии этих церквей, предметы же рассеялись по разным адресам.

Мать Мария давно погибла мученической смертью, и в неумолимой безумной сутолоке жизни, революций и войн многое окончательно стерлось из нашей памяти. Каждодневные разочарования и горечь затемняют память о вчерашних подвигах и жертвах, но мать Мария и «оттуда» продолжает свой рассказ. Более того, время высвечивает ее имя и облик особым светом, вероятно, образ ее совсем другой, не похожий на тот, который знало ее парижское окружение, и не тот, который знали в СССР. Этот образ приходит к нам из небытия через десятки лет. Да простит мне читающий эти строки, но невозможно сказать иначе: мать Мария (Скобцова) в наши дни стала и вправду востребованной.

Как не вспомнить, что мать Мария выросла во времена, когда каждая барышня из хорошей семьи знала французский или немецкий, рисовала и вышивала, пела, играла на пианино, танцевала и писала стихи в альбомы. Тогда эмансипация только начинала давать свои ростки, проявление многогранных талантов, стремление их реализовать было редкостью. Сегодня в Бахметевском архиве хранятся рисунки матери Марии, ее работы есть в Петербурге в Русском музее и музее Анны Ахматовой. Конечно, трагическая судьба матери Марии дала иную оценку и ее творческому наследию. Будет ошибкой рассматривать живопись матери Марии наряду с работами знаменитых мастеров-иконописцев, таких как Г. Круг, Д. Стелецкий, Л. Успенский, Г. Морозов... По художественному

исполнению ее работы на порядок ниже — м. Мария самоучка. Но в свои «несовершенные» работы она, как и сестра Иоанна (Рейтлингер), вложила энергию своей жизни, поисков и чувств. Понимала ли она, что истинное «я» ей предстоит обрести только в Равенсбрюке?..

Общеизвестно, что м. Мария и в лагере Равенсбрюк продолжала творить и готовилась к последнему обретению себя в смерти.

Время в пути, проведенное в поиске себя, усложнялось еще и тем, что творческая среда состояла из людей вполне определенного умонастроения. «Красное колесо» уже набирало обороты, а творческая интеллигенция грезила революцией, писала манифесты и жила вполне мирскими страстями в ожидании светлого будущего. Все ждали и трубили о приближении счастья и торопились похоронить Россию. Симпатии м. Марии были на стороне левой, «прогрессивной» части общества, она вступила в партию эсеров и горячо ратовала за перемены к лучшему, но очень быстро революционная бравада стала утихать. В годы, когда брат пошел на брата, когда начались облавы и расстрелы и большевистский каток уже давил все на своем пути, она, обожженная страстью и предчувствием конца, писала об этом в стихах и письмах к Александру Блоку. Елизавета Юрьевна тяжело переживала свой развод, страдала от невзаимности, отверженности, душевного одиночества, стала посещать богословские курсы, как ей самой грезилось, ждала особого «сигнала... знака», «искала испытаний» и носила под платьем что-то вроде вериг — тяжелую свинцовую трубку. В годы начала предсмертной агонии старой России ее собственная мятущаяся душа целиком обратилась к религиозной теме, и не важно, что ее поэмы и рисунки грешат переизбытком чувств и неотделанностью.

Мать Мария горько жаловалась в своих дневниках, что на «башне» Иванова ей невыносимо душно, и что все эти «небожители» ей далеки, и что они не способны спуститься со своего Олимпа на землю, на которой сейчас происходит что-то страшное, а «будет еще ужасней!». Она писала о грядущем апокалипсисе, о том, что этим гениальным «небожителям» глубоко наплевать на то, что делается у них под ногами: «их главная забота — это красование собой да борьба за выживание в новой революционной обстановке». Иван Бунин в «Окаянных днях» замечательно описал эту агонию, предательство и востор-

женное воспевание Советов многочисленными трубадурами и попутчиками новой власти, среди которых были Владимир Маяковский, Максимилиан Волошин, Алексей Толстой, Сергей Есенин. Алексей Толстой был старым другом м. Марии, его бесчисленные отъезды за границу, возвращения в СССР и долгая, мучительная работа над «Хождением по мукам» суть своего рода биографическая повесть о собственных сомнениях. Он начал писать этот роман еще до революции и никак не мог закончить «как надо», обстановка менялась стремительнее, чем он мог поставить окончательную точку. Елизавете Юрьевне в нем тоже нашлось место: она послужила прототипом героини Елизаветы Киевны. Могла ли она тогда предположить, какую роковую роль в 1935 г. сыграет Ал. Толстой в судьбе ее дочери Гаяны!

Монахиня Мария на протяжении всей жизни по-разному подписывала свои произведения: Лиза Пиленко, Е. Ю. Кузьмина-Караваева, Е. Скобцова, Юрий Данилов, Ю.Д. и Д. Юрьев, ММ и, под самый конец, мать Мария. Что же скрывалось за этим перечнем подписей, как не поиск себя, личности, которая всей своей парадоксальностью до сих пор вызывает споры не только в художественной среде, но и в церковной. Может быть, лишь в 2004 году, когда она была названа святой матерью Марией (Скобцовой), наконец окончательно оформилась эта личность? И сегодня ее детское восклицание «...и вот я умерла» вдруг неожиданно прозвучало заключительным аккордом.

Ее стихи изобилуют строками неудачными, корявыми, а порой и наивными. Богословские эссе грешат незаконченностью мысли, длиннотами, отступлениями, но они — целостное отражение того времени и ясности постановки вопросов, на которые искала ответы русская философская мысль. Литературовед К. Мочульский[2], лично знавший м. Марию, говорил, «что она пишет стихи запоем и никогда не отделывает их», а Г. Раевский[3] добавил: «Почти не отделывает». Но точнее всего определил ее стихи Евгений Богат[4]: «...разве дело в том, насколько искусно

---

[2] Мочульский Константин Васильевич (1892–1948) — русский писатель, литературовед, критик (с 1920 г. в эмиграции).

[3] Раевский Георгий Авдеевич (наст. фам. Оцуп; 1897–1963) — русский поэт.

[4] Богат Евгений Михайлович (1923–1985) — советский писатель, журналист, одним из первых опубликовавший в СССР статьи о м. Марии.

огранены те или иные ее строки? Стихи матери Марии — нечто большее, чем стихи в обычном понимании. Она писала их не для публикаций, а потому что должна была выразить душевную боль, поиск, порой безысходность». Действительно, в ее стихах есть не только пророчество, но и пожирающее пламя, и зажженная свеча перед образом, и любовь к Богу и людям. Так и ее живописные работы, которые в равной степени грешат техническим несовершенством, притягивают к себе. В чем же секрет? Почему чем больше читаешь ее тексты, рассматриваешь вышивки, иконы, присущие им наивность и дилетантство отходят на второй план?.. Может, потому, что в них трепет и молитва матери Марии? Может, поэтому безоговорочно прощаешь и эклектичность стиля, и неровность исполнения.

Всю жизнь мать Мария безо всякого сожаления раздавала свои работы, и эта щедрость помогла сохранить часть ее произведений. В лагере она мечтала, если выживет, «вернуться в Россию, посетить могилу Гаяны и потом бродить по дорогам». Ее мечта действительно сбылась, она вернулась домой: музей в Анапе, работы в Русском музее, в музее А. Ахматовой; ее произведения издаются, ей посвящены конференции и выставки, сняты фильмы, многочисленные публикации в интернете. В мировой сети на всех языках можно прочитать о матери Марии (Скобцовой). Ее жизнь, расколотая надвое, теперь не имеет границ!

Она была наследницей европейской культуры, а потому и в эмиграции, продолжая любить Россию, в равной степени восхищалась Францией. Точно так же и ее произведения нашли приют не только в России, но и в Европе: гобелены в Англии, собрание вышивок и икон в Париже, в храме на ул. Лекурб (в двух шагах от ул. Лурмель, где она основала свою церковь и приют и где гестапо арестовало ее сына Юру), рукописи и рисунки в Колумбийском университете в США... Многие из работ затерялись или были уничтожены, какие-то попали в частные коллекции. Вполне вероятно, что их владельцы даже не знают, кто автор; мать Мария чаще всего их не подписывала. Исключение — несколько карандашных портретов умирающей дочки Настеньки, датированные по часам.

Ее деятельность всегда вызывала у одних интерес и восхищение, у других — осуждение и недовольство. Она была просто женщиной: грешила, несколько раз выходила замуж, и дети

ее — все от разных мужей; она влюблялась, курила, была активной эсеркой, нажила массу недоброжелателей, ко всему прочему была поэтом и художником... и вдруг приняла постриг и стала монахиней в миру. Монахиней тоже странной, нетрадиционной, о чем сокрушался митрополит Евлогий (Георгиевский), хотя сам благословил ее на этот подвиг. Он быстро понял, что монашеский путь матери Марии — не в монастырских стенах, не в келье, а в активном делании добра, в миссионерской деятельности. Да, тогда русский эмигрант нуждался не только в слове и молитве доброго пастыря, но и в практической, ежедневной, физической помощи от церкви. С тех времен прошли десятилетия, начался новый век, но и сегодня нам так не хватает доброты, протянутой руки и поддержки. Сколько среди нас сомневающихся, невоцерковленных, не нашедших путь в храм, оробевших, а оттого многим из нас недостает такой земной защитницы, какая была в лице матери Марии.

Да, она была странной монахиней, которая вызывала много нареканий и недовольства в церковной среде, и до сих пор эти споры не утихают. Но не будем забывать, что она была дочерью своего времени, той Европы и России, которая чаяла катастроф и взрывов, чуяла и предрекала безысходность. Ее вера в Господа была и неугасимой лампадой, и теплом, согревавшим одиноких людей и питавшим ее творчество.

Со смертью дочери Гаяны вплоть до начала войны она все чаще в своих стихах говорит о смерти. Ее грезы наяву о собственной гибели, исчезновении от огня оказались пророческими. Будто недели и часы, которые она проведет в лагере Равенсбрюк через пару лет, были уже заранее описаны ею в рисунках и поэмах. Не дожив до победы двух месяцев, она погибла в печах концлагеря Равенсбрюк.

Существует несколько версий ее гибели. По одной из них, накануне Пасхи, 31 марта 1945 года, монахиня Мария вошла в газовую камеру вместо другой женщины.

* * *

Мой тесть Игорь Александрович Кривошеин скончался в 1987 году. После его ухода в мир иной остался довольно большой архив. И эти чемоданы писем, фотографий и папки с историческими документами, которые прожили тоже «четыре трети жизни Кривошеиных», мне достались в наследство, их я и принялась разбирать.

Игорь Александрович был единственным и первым репатриантом из Парижа, который после выхода из Дахау в 1945 году, а затем из Тайшетского лагеря в 1954-м стал активно рассказывать о м. Марии, его молитвами и стараниями во многом состоялось ее «проявление» в бывшем Советском Союзе.

По мере того как я перелистывала записи в тетрадях и вчитывалась в старые вырезки из газет, выстраивался новый образ Игоря Александровича. А самое главное, я совершенно внезапно окунулась в жизнь и судьбу матери Марии (Скобцовой). Она вошла в мой мир неожиданно, обожгла, с ней стало жить интересно, но крайне неудобно: она волновала и ввергала в совершенно неожиданные обстоятельства, возникало множество вопросов. Именно так в 1987 году я с ней познакомилась. Потом я задумала написать ее изображение, затем появился мой сайт и книга о ее творчестве «Красота спасающая», предисловие к которой написал митрополит Смоленский Кирилл (нынешний Патриарх Московский и всея Руси), а послесловие — профессор Жорж Нива. Позже я работала с архивами Колумбийского университета, и постепенно *она* свела меня в жизни с интересными людьми, одинаково увлеченными этой замечательной личностью, для которых мое дело (начатое Игорем Александровичем) стало *их* делом.

В 2000 году я задумала устроить выставку работ м. Марии в Русском музее. Мне предстоял огромный труд. Нужно было найти, собрать воедино максимальное количество ее полотен, разбросанных по миру, и привезти в Питер. На пути этом меня ждало много разочарований, но и радостей!

Для осуществления замысла я получила благословение двух архиепископов, помог мне и митрополит Смоленский Кирилл, написавший предисловие к моей книге.

Я договорилась с архиепископом Сергием (Коноваловым)[5], настоятелем собора Св. Александра Невского на ул. Дарю в Париже, что приду к нему. Он очень помог мне с этой выставкой и обещал найти и передать для нее три иконы м. Марии. Трудность заключалась в том, что иконы куда-то затерялись и никак не удавалось их обнаружить. В храме их не было, я обзвонила многих настоятелей, прошла по парижским церквям 15-го округа. Все безрезультатно.

---

[5] Архиепископ Евкарпийский Сергий (Коновалов; 1941—2003) — управляющий Западноевропейским экзархатом русских приходов Константинопольского патриархата.

Иконы исчезли. Надо сказать, что с работами м. Марии всегда много сюрпризов. Достаточно вспомнить, что после ее гибели, в сороковых годах, в храме на ул. Лурмель были закрашены коричневой масляной краской ее фрески, а гобелен «Тайная вечеря» убрали с глаз долой.

Но я не унывала, а продолжала поиски. Я попросила владыку Сергия еще раз пройти по комнатам подворья, подняться на этажи, заглянуть в разные чуланы, спуститься в крипту. Ничего! И уже отчаявшись, остановившись у какой-то покосившейся полуоткрытой двери, за которой было навалено старье и ломаная мебель, я сказала: «Ну не здесь же мы будем искать?» А владыка устало ответил: «Посмотрим на всякий случай». Мы увидели старую, допотопную деревянную стремянку, прислоненную к большому дубовому шкафу, который простирался под самый потолок. И что-то меня как бы толкнуло, и я сказала: «Владыка, простите сердечно, но не могли бы вы немного подстраховать меня, попридержать эту лестницу, а то, боюсь, я с нее рухну» — и полезла наверх. Шкаф был весь в пыли. Когда я поднялась на последнюю ступеньку под потолок и заглянула в темноту, то увидела три деревянных ящика в паутине. Открыла их и ахнула: на меня смотрели образ Господень, Богородица «Умиление» и святитель Филипп, митрополит Московский. «Вот они! Я нашла!» — «Ну и слава Богу! Ксения Игоревна, берите их к себе домой, почистите и, пока готовится выставка, держите у себя», — произнес владыка Сергий.

У многих из нас есть домашние иконы, мы им молимся, у нас с ними взаимосвязь, они стали неотъемлемой частью нашей жизни, а может, и жизни наших предков. Странное дело, но после того как я принесла свою драгоценную находку домой, отчистила иконы от копоти, привела их в божеский вид, поставила рядком и зажгла лампадку, то поняла, что мне хочется поскорее унести их в церковь. Было чувство, что этим иконам мало домашнего прибежища: они так долго жили в забытьи, в изоляции от людей, что вопиют и жаждут храмовой молитвы. Время шло, а непонятное беспокойство, исходящее от них, росло с каждым днем. Я рассказала об этом владыке Сергию и получила от него благословение передать иконы в храм Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лекурб. Этот храм находится в ста метрах от места, где когда-то была церковь, обустроенная матерью Марией, именно в ней она писала эти иконы. Так в церкви на Лекурб постепенно стала накапливаться настоящая коллекция

работ м. Марии. А через пару лет я уговорила Георгия Лещенко (крестного сына Д.Е. Скобцова) передать в дар храму энкаустики м. Марии. Благодаря заботливому участию настоятеля о. Николая Чернокрака ее живопись и вышивки соединились в этом храме для продолжения жизни и на радость молящимся.

Работая над изучением творчества Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии), я никогда не теряю надежды на открытия. На протяжении моей исследовательской деятельности мне очень помогали покойный о. Георгий Чистяков и Е.Ю. Гениева, а также А.Н. Шустов[6], который познакомил меня с неизвестными биографическими страницами м. Марии. После выставки в музее Пушкинского Дома, книги-альбома «Красота спасающая», многочисленных публикаций в печати и начала работы сайта, имя этой замечательной поэтессы, художницы и монахини обрело новое значение в России. И вот однажды в Париже я получила по почте письмо, которое хочу привести здесь:

«Дорогая Ксения Игоревна,

я — коренная петербурженка, мой дедушка — известный до революции врач-психиатр Александр Павлович Омельченко. Его дети, Мария Александровна (моя мама) и Елена Александровна, учились в очень известном в Петербурге ВВКУ (Выборгское восьмиклассное коммерческое училище). Это было одно из немногочисленных имевшихся тогда в Петербурге передовых средних учебных заведений, организованных в 1904 году группой учителей-энтузиастов. Одним из основных принципов было не раздельное, а совместное обучение юношей и девушек. Вместе с моей мамой и ее сестрой учились дети известных петербуржских семей. Круг общения моего дедушки Александра Павловича был чрезвычайно широк. Он был не только врачом, но и известным лектором, затрагивающим темы психологии, семьи, искусства, литературы и т. д. Поэтому, по всей видимости, ничего удивительного не было в том, что через общих знакомых семьи Омельченко Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева пригласила погостить в свое имение под Анапой мою маму, ее сестру и брата. Моей маме, Марии Александровне, было в то время уже 17 лет, ее сестре — 19, брат был значительно

[6] Шустов Анатолий Николаевич (1935–2012) — неутомимый исследователь жизни м. Марии. Автор выражает ему особую признательность. На страницах этой книги читатель не раз встретится с его именем.

моложе. Поэтому неудивительно, что между уже взрослыми девушками и Елизаветой Юрьевной сложились теплые, дружеские отношения. Во время обеда и ужина, когда все собирались за одним столом, шли разговоры о происходящих вокруг событиях. Елизавета Юрьевна очень любила рисовать, рисунки свои она охотно дарила гостям из Петербурга. Перед отъездом Елизавета Юрьевна подарила папку со своими рисункам сестрам Омельченко, а также свою поэму "Мельмот-скиталец".

Пришло время революции, разрухи, репрессий. Видимо, опасаясь за судьбу своих детей и меня, Александр Павлович никогда не говорил о хранящихся у него в кабинете рисунках матери Марии. Было большим мужеством в годы гонений на Церковь хранить дома рисунки на библейские темы. Кабинет моего дедушки был всегда в полном моем распоряжении, я могла брать и читать что угодно, но единственным неприкосновенным местом для меня и всей семьи был письменный стол, где хранились документы и рукописи. В 1935 году был репрессирован мой отец (искусствовед). В любой момент к нам могли прийти с обыском, тем удивительнее, что рисунки матери Марии остались непотревоженными. Началась война, всю блокаду Александр Павлович работал в Ленинграде, несмотря на страшный холод, ни книги, ни рукописи, ни картины не были сожжены. Однажды во время войны осколки от разорвавшегося снаряда попали в комнату моего дедушки, стол, в котором хранились рисунки матери Марии, остался неповрежденным.

Я убеждена, что моя семья осталась в живых и перенесла войну благодаря Дару, полученному от матери Марии, который нам удалось чудом сохранить!

Вот так эта папка с рисунками дожила до 1953 года в столе Александра Павловича Омельченко. Только после его смерти моя мама рассказала мне об истории их появления в нашей семье. До 1977 года мы не рассказывали никому о находящихся у нас работах матери Марии. В том же семьдесят седьмом году Елена Александровна решила отдать часть коллекции в Русский музей. Моя мама и я были в то время против этого, мы считали, что реликвия должна оставаться в семье. Сейчас я понимаю, что передача части рисунков Русскому музею была единственно правильным решением, но мы были категорически против отдать все рисунки. Оставшиеся у нас рисунки не были никому показаны. В 1987—1988 годах я и моя дочь пытались заинтересовать

Русскую Православную Церковь рисунками матери Марии, но интереса это не вызвало. В 2002 году начала зреть мысль, что нельзя хранить такое достояние у себя дома. Прочитав Вашу книгу "Красота спасающая", мы еще более убедились в этом. Теперь уже мой внук Всеволод занялся поисками путей, дающих возможность показать России эту ценную реликвию. И мы надеемся на Вашу помощь»

Я была потрясена этим письмом! Конечно, я немедленно перезвонила в Санкт-Петербург и пообещала помочь. Мне очень хотелось, чтобы эти работы, пережившие столько испытаний временем, обязательно остались в России. Конечно, самым простым выходом было бы продать их частному коллекционеру или вывезти за границу. Я сразу сказала И.В., что постараюсь сделать все возможное, но при условии, что это попадет в достойное место, лучше всего в музей. Более того, когда я увидела фотографии этих работ, я сразу поняла, что можно смело говорить об уникальности этой находки. Это одно из самых неожиданных и значительных открытий последнего времени!

Но не скоро дело делалось. На собственном опыте могу сказать, что трудности и подводные камни всегда подстерегают на пути, связанном с матерью Марией: публикации текстов, выставки, даже ее канонизация — выстраиваются в череду неожиданностей. Так и с этими акварелями. Время шло, кандидатов и доброхотов было много, но никто не мог набрать нужную сумму (которая по сегодняшним меркам смехотворна). И вот однажды в Петербурге меня познакомили с директором музея Анны Ахматовой — Ниной Ивановной Поповой, которая сразу, не раздумывая, сказала: «Я сделаю все от меня зависящее, чтобы эта коллекция из 28 работ попала в наш музей! Ведь судьба матери Марии, ее творчество тесно переплетены с Николаем Гумилевым и с Анной Ахматовой...» И Нина Ивановна выполнила свое обещание. Низкий ей поклон за это.

А читателю этих страниц хочется привести слова самой м. Марии, которые она повторяла своим солагерницам в Равенсбрюке: «Вот если выживу, то вернусь в Россию, буду бродить по дорогам, странствовать, миссионерствовать среди простых русских людей».

ГЛАВА 1
ПРЕДКИ

Где под ярмом томительной работы
Рос мой отец, и так же дед мой рос.
Край безымянный… Где к тебе дороги?
Я помню, помню серых гор отроги,
Кустарников колючий переплет
И белый дом, таинственный и строгий.[1]

За десятилетия советской власти у русского человека сформировалось искаженное представление о том, что же такое истинная христианская Русь, как жили семьи до 1917 года, как они воспитывали своих детей, как традиции и вера передавалась из поколения в поколение, как с детства и юности богослужебная поэзия и литература формировали сердце и душу молодых людей. В укладе жизни каждого сословия, существовавшего в царской России, сохранялись представления о милосердии, добре, вере, щедрости, уважении к старшим, любви к родине — на этих принципах строились русские семьи. Память предков ценилась высоко, и не было «Иванов, не помнящих родства»; на примере дедов росли внуки, изустно и письменно они передавали жития святых, стараясь воспитать своих детей в духе сохранения памяти и уважения к прошлому. Славились на Руси династии и семьи, где традиционно все мужчины были военными или священниками, землепашцами или ремесленниками…

Несмотря на войны, голод и стихийные бедствия, русские сохраняли целостность бытия, учили, просвещали, строили и возводили. Рос образованный класс. Так на протяжении веков многонациональная огромная империя приобрела свой

[1] Здесь и далее в эпиграфах — стихи м. Марии (Скобцовой).

ни на кого не похожий характер. Цари, двор, высший свет (аристократия) были связаны кровными узами с немецкими, испанскими и французскими династиями. Двуглавый орел империи смотрит на Запад и Восток.

* * *

Прежде чем приступить к описанию жизни матери Марии (Лизы, Елизаветы Юрьевны Пиленко, Кузьминой-Караваевой, Скобцовой) — многоименной героини нашего повествования — необходимо познакомить читателя с историей ее предков.

О биографии нашей героини сохранились сведенения, частично дошедшие до нас в воспоминаниях ее современников, частично записанные Софьей Борисовной Пиленко[2] (матерью Лизы), а также троюродным братом Лизы Сергеем Владимировичем Пиленко[3], который окончил свои дни в возрасте 87 лет в самом начале 2000-х годов на юге Франции.

Все чаще мы приходим к заключению, что не всегда от гениальных родителей рождаются гениальные дети, но от многоталантливых предков чаще всего рождаются незаурядные личности. Вот и у Елизаветы Юрьевны Пиленко причудливо смешалась кровь старинных русских дворянских родов с французской и украинско-польской кровью. Наградили предки будущую м. Марию талантами и личными качествами доброты, трудолюбия, смелости, независимости во взглядах и суждениях. Веселым характером и прекрасной внешностью: статная, румяная, чернобровая Лиза была похожа на отца и на его старшую сестру, урожденную Ольгу Дмитриевну Пиленко.

Таинственное генетическое сочетание привело к рождению девочки, которая, чуть не скончавшись при рождении, взошла в конце своей жизни в огонь и на крест. С раннего детства проявились в ней сила и выносливость. Особенно она была терпелива к боли. Известно, что, играя, падая и разбиваясь в кровь как все дети, она никогда не плакала. Однажды,

---

[2] Софья (София) Борисовна Пиленко (урожд. Делоне; 1863–1962), далее по тексту сокращение — С.Б.

[3] О Сергее Владимировиче Пиленко см. в разделе «Из архивов», воспоминания «Кубань — моя родина».

купаясь в море, выйдя на берег, она спокойным голосом сказала матери: «Пришли кого-нибудь, я сломала ногу». К счастью, это оказался сильный вывих: коленная чашечка болталась сбоку, а на ее месте была впадина. Лиза не стонала, она читала вслух стихи, а ее двоюродная сестра Ольга, молодой врач, вправляла ей колено. Несколько месяцев после этого случая Лиза ходила на костылях и в гипсе.

Она стойко переносила болезни. Позже, в Петербурге, подвергла себя физическому испытанию, привязав к ногам свинцовую трубку, наподобие вериг, которую носила не снимая на протяжении нескольких недель, и все время молилась... Длинная юбка надежно скрывала это от близких. Рискованность и даже некий авантюризм многократно мог привести ее к неминуемой смерти, которую она предрекала в своем «конце огнеопальном», о чем много писала в своих стихах. Смерть близких людей меняет наше отношение к жизни, мы начинаем осознавать хрупкость своего бытия, Лизу же внезапная потеря отца привела к неверию в «справедливого Бога», а по прошествии десятилетий смерть ее маленькой дочери Насти, наоборот, сподвигла встать на путь монашества.

Фамилия Пиленко определенно имеет украинское происхождение. Происходили Пиленко из числа служивых малороссийских казаков. В основе фамилии лежит уменьшительная форма имени, прозвища или профессии (рода занятий), данная далекому предку. Но происхождение фамилии Пиленко объясняет и легенда.

В XVI веке крымские татары совершали частые набеги на южные границы русского государства. С целью их защиты от противника были организованы специальные казачьи заставы и станицы, в том числе у Днепра, на Дону, под Азовом. В 30-х годах XVI столетия набеги совершались особенно часто. Дошедшее до наших дней семейное предание Пиленко гласит, что однажды татары взяли в плен группу казаков и заковали их в кандалы. Один из них, чтобы вырваться на свободу, отпилил себе руку, за которую он был прикован к стене, и вернулся к своим. За это казаки прозвали его Пилин. Отсюда якобы и пошла фамилия Пиленко, то есть — сын Пилина (или Пилы).

Воинское ремесло на Руси всегда было делом почетным и многотрудным. Воин должен был быть храбр, быстр и решителен, готов на подвиг, выносливв походах, искусен в ратном бою. Формированию таких качеств способствовали наказы родителей, односельчан, поучения великих людей: «Сын мой, когда на рать с князем едешь, то езди с храбрыми впереди»[4]. Вот и у будущей матери Марии по линии отцовской все служили в армии.

Из архивных дел Департамента герольдии Сената известно, что далекий предок нашей героини Филипп Пиленко где-то в конце XVII века, «вышедши с другим шляхетством из Польши, служил в Малороссии полковым старшиной». Согласно семейным преданиям свое дворянство Пиленко получили еще в XVII веке из рук польского короля Сигизмунда III. В якобы пожалованном им гербе Помяне действительно фигурирует отрубленная рука (являющаяся, впрочем, древним славянским геральдическим символом). В документах же российских архивов, относящихся к началу XIX века, в которых перечисляются заслуги предков, дающие право Пиленко на получение дворянства, об их польском «шляхетстве» не упоминается. Каждый из представителей этого рода выслуживал свое дворянство самостоятельно.

Упомянем, не углубляясь в подробности, что род Пиленко славился многочисленными боевыми заслугами. Участвовали они и в Полтавской битве на стороне войск Петра I в составе Гадяцкого полка гетмана И.И. Скоропадского.

Пиленко в XVIII веке являлись типичными представителями кубанского военного казачества. Они несли строевую службу, участвовали в походах и сражениях в составе своих полков и сотен; в мирное же время жили на хуторах, занимаясь натуральным хозяйством. Сыновья и внуки В.М. Пиленко, продолжая традицию предков, поступали в основном на военную службу.

Один из них, Пантелеимон Пиленко, служил в знаменитом Лубенском гусарском полку, куда он поступил в 1808 году. Этот полк участвовал в войне 1812 года и в заграничных походах 1813–1814 гг. Командиром полка был генерал-майор

[4] Фраза из «Наставления отца к сыну», известного на Руси с XI в.

А.П. Мелиссино, с которым у поручика Пиленко произошел конфликт: он подал на сумасбродного генерала «претензию» — жалобу, после чего «по высочайшему повелению <...> предписано было обходить его, Пиленко, чинами два года и в продолжении сего времени не принимать от него просьб ни об отпуске, ни об увольнении от службы».

Брат Пантелеимона, Иван Пиленко, после окончания кадетского корпуса, проходил службу в Рижском драгунском полку. Оба брата участвовали в Отечественной войне 1812 года против наполеоновской армии. Пантелеимон получил благодарность за сражение под Рудней, а штабс-капитан Иван Пиленко в битве при освобождении Полоцка потерял правую руку выше локтя. За участие в этом сражении указом за подписью фельдмаршала Барклая де Толли он был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом. Позже его имя было выбито на мемориальной доске в галерее храма Христа Спасителя в Москве.

Вся жизнь деда Елизаветы Юрьевны Дмитрия Васильевича Пиленко (1830—1895) была связана с армией. Он был участником русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с многочисленными боевыми наградами вышел в отставку «за болезнью» с производством в генерал-лейтенанты, с мундиром и пенсией полного оклада. Несмотря на семейную традиционную военную карьеру, почти всех Пиленко тянуло к земле. Они любили свои усадьбы, были хорошими и заботливыми «барами» для своих крестьян. Способности к земледелию проявились и у деда Лизы (от него перешло к ее отцу, который впоследствии стал работать в Министерстве земледелия и был назначен директором Никитского сада). В 1865 году Дмитрию Васильевичу в награду за службу был пожалован в вечное и потомственное владение участок земли в размере 2500 десятин из свободных земель на берегу Черного моря, недалеко от озера Абрау, где им были заложены первые на северном черноморье виноградники.

После выхода в отставку генерал Пиленко окончательно обосновался в Анапе и всю свою энергию, хозяйственную сметку и наследственные организаторские способности направил на развитие виноградарства и садоводства.

Он прослыл истинным пионером своего дела и страстным новатором — выписывал корни лозы из Франции, сам объезжал каждый день виноградники, строго следил за сбором и уходом за виноградом, не гнушался «черной работы» копания в земле. Первые посадки лоз Пиленко сделал еще в начале 1870-х годов в своем имении Хан-Чокрак в 25 верстах севернее Анапы. Пиленко очень любил этот оазис и согласно его завещанию был там похоронен.

В 1887 году Д.В. Пиленко посадил первый куст на купленном им в пяти верстах от Анапы участке пустынной и бесплодной полосы приморских песков, имевших символическое название Джемете — Золотая Россыпь. Эти первые скромные посадки на площади всего лишь в 10 десятин вызвали недоверие и насмешки как пустая затея. Местные жители считали, что чудак-генерал попусту закапывает деньги в песок. Из Франции им привозятся первые саженцы, способные противостоять филлоксере. В основном это были белые сорта: «совиньон блан», «шардоне», а также «клерет», прозванный черноморскими казаками «вивсянкой» по сходству побегов с овсом.

Результаты превзошли все ожидания: первый урожай золотого винограда рассеял все сомнения, а скептики были посрамлены. Огромная заслуга Д.В. Пиленко состоит в том, что он не ошибся в отборе сортов винограда. Изучив климат, землю, склоны, он сумел приспособить французскую лозу к местному климату: «рислинг» и «каберне» в результате составили основу анапского виноделия. Вскоре в Джемете появились виноградники и других владельцев. С годами Джемете превратилась в зеленую долину, на склонах раскинулись виноградники, и кропотливым трудом к 1894 году их площадь в Кубанской области увеличилась до 2500 десятин.

Был там и роскошный сад, в котором росли французская акация, тутовник, немецкий дуб, испанская сосна, некоторые виды пальм и различные фруктовые деревья. В саду были вырыты пруды, в которых плавали китайские красные рыбки в окружении гигантских лотосов. Более того, Пиленко вошел в контакт с моряками, которые на протяжении нескольких лет привозили ему заморских птиц , в том числе и павлинов

и попугаев. Они украсили сад не только пением, но и придали ему необычный колорит. Для местных жителей чудаковатый генерал организовывал «экскурсии» по этому райскому уголку, сам водил от дерева к дереву, рассказывал о цветах и птицах...

Не мог себе представить генерал-виноградарь, что жизнь его внучки — Лизы Пиленко — накрепко свяжется с этими местами и что его любимое поселение со странным названием Джемете будет воспето в ее стихах и рисунках, здесь она встретит незнакомца и здесь родится ее первая дочь Гаяна. Эти места на долгие годы станут для Лизы убежищем и вдохновением на пути поиска себя, душевных страданий, ведущих к Богу и к будущему монашескому предназначению.

Дева с именем Ималли
Пела песни о павлине,
О спокойном беге вод.
Тамаринды и бананы
Были ей от бурь защитой
И давали ей плоды...[5]

Впервые генерал оказался в Анапе в 1849 году, и уже в первый свой приезд он восхитился тогдашней чистотой города, ухоженностью и благоприятным климатом. Солнце и песчаные пляжи, прекрасные прогулочные тропинки, хорошие пансионы для отдыхающих, гостиницы и первые здравницы. В 1887году вместе со своим другом и городским врачом В.А. Будзинским он решил вложить средства в развитие лечебных корпусов. В районе Анапы оказался самый здоровый и самый благоприятный микроклимат для лечения людей! Будзинский был добрым бессребреником, никогда никому не отказывал в помощи, не брал с бедных людей денег, пропагандировал природные блага Анапы и вместе с Пиленко убеждал общество в ее большом будущем в качестве уникального курорта.

Пиленко организовал пристройку к существующей Онуфриевской церкви (св. Онуфрий и Петр) нового придела

---

[5] Поэма «Мельмот-скиталец» Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

в честь святого Александра Невского. В каменном доме рядом с этой церковью по его инициативе была открыта церковно-приходская школа на 30 учеников для местных ребятишек. Позже появились мужское и женское начальные училища.

В августе 1893 года при активном участии отставного генерала в Анапе был заложен новый храм в честь пророка Осии и мученика Андрея Критского (Осиевская церковь). Заканчивал строительство уже его сын Юрий Дмитриевич Пиленко. Проект храма выполнил зять генерала академик архитектуры В.П. Цейдлер. Это был высокий храм со звонницей, выложенный из красного кирпича. В народе его называли Красной церковью. Знаменательная деталь, о которой пишет С.Б.: «Лиза все скопленные в копилке деньги отдала, чтобы на стене написали образ ее святой — Елизаветы».

За служебные и общественные отличия Пиленко незадолго до смерти, в сентябре 1894 года, по ходатайству Таврического дворянского депутатского собрания был «признан по личным заслугам в потомственном дворянском достоинстве». Дело это слушалось в Сенате 13 апреля 1895 года и было разослано для исполнения 29 мая того же года, но Дмитрий Васильевич скончался в марте, так и не узнав о решении Сената.

Таким образом, внучка генерала Лиза Пиленко была потомственной дворянкой в третьем поколении.

В эмиграции, в Париже, м. Мария с гордостью рассказывала о своем деде и его «подвигах» и часто шутливо заканчивала, имея в виду себя: «Как говорят в народе, яблоко от яблони недалеко падает, а вот меня далеко унесло».

* * *

Отец Лизы, Юрий Дмитриевич Пиленко, родился 9 мая 1857 года на Кавказе в селении Алагир, где отец его служил тогда управляющим Алагирского серебро-цинкового завода в чине штабс-капитана корпуса горных инженеров.

Окончив в 1877 году гимназический курс в московском лицее Цесаревича Николая, Юрий Дмитриевич в августе того же года поступил в Московский университет на юридический факультет, но через месяц он решает переехать

в Петербург и продолжить обучение на юрфаке Петербургского университета. Здесь он проучится пять лет, выезжая на летние каникулы к родителям на Кавказ, в том числе — в Анапу. Каждый летний приезд на юг из города на Неве был для него радостным событием. Он с огромным рвением помогал отцу в саду и трудился на виноградниках.

Юридический курс Юрий Дмитриевич окончил в декабре 1882 года, уехал на год в Анапу, где приступил к написанию кандидатской диссертации, которую защитил в 1883году, выбрав для нее тему «Станичные суды Кубанского казачьего войска». В этом сказалась его потомственная связь с казачеством. Блестяще защитив диссертацию, он получил звание специалиста по юридическому праву и сразу же приступил к службе в Петербургском окружном суде, где вплоть до 1890 года исполнял обязанности следователя в Витебском окружном суде, а с 1 апреля 1890 года был назначен товарищем (заместителем) прокурора Рижского окружного суда.

Кроме основной службы ему приходилось выполнять и другие обязанности: в частности, он являлся одним из директоров сначала Перновского, а затем Вольмарского уездного отделения Общества попечительства о тюрьмах, то есть следил за «улучшением нравственного и физического состояния заключенных и мест заключения».

В самом начале 1891 года Юрий Дмитриевич женится на Софии Борисовне Делоне.

8 декабря 1891 г.ода в Риге у супругов рождается дочь Елизавета — будущая мать Мария, а через два года, 27 октября 1893-го, — сын Дмитрий. К моменту рождения дочери они жили в самом центре Риги, на бульваре Наследника, в доме № 1. Отсюда Пиленко было легко добираться до службы: прокуратура размещалась в здании Окружного суда на Александровском бульваре. Рядом с домом был городской сквер, поблизости — огромный православный кафедральный собор, в котором крестили Лизу. Каждое воскресенье семья выезжала на Рижское взморье, летом купались, устраивали пикники, зимой катались на коньках — Софья Борисовна особенно любила это занятие. Летом они отправлялись в Анапу, на

берег Черного моря, в имение Джемете. Там их ждал большой белый двухэтажный дом со «средневековой» башней и террасами, окруженный виноградниками и садом.

Ю.Д. Пиленко был человеком могучего телосложения, любил физические упражнения, особенно греблю и плавание. По воспоминаниям его жены Софьи Борисовны, он был не только на голову, но и на плечи выше других. Характер у него был мягкий, добродушный; в быту он был радушным и хлебосольным хозяином, любил вкусно поесть. На долгие годы сохранилась в роду Пиленко поговорка Юрия Дмитриевича: «Много ли человеку надо? Съел птичку — и сыт». А «птичка» эта порой была целым индюком. Он счастливо женился, был хорошим отцом и любящим мужем, всячески заботился об образовании детей, опекал свою тещу, которая жила вместе с ними, мечтал, чтобы его дочь Елизавета была на нее похожа.

«Воспитывали мы детей заботливо, ласково, но сурово. Если муж или я говорили “нельзя”, то это было беспрекословно, и они никогда не приставали «Дай, дай. Позволь». Наша задача была в том, чтобы вырастить здоровых, неизнеженных и неизбалованных людей, и, с Божьей помощью, дочь и сын были здоровые, стойкие и крепкие люди». С самого рождения родители старались привить своим детям чувство красоты и праздника. «Зимой мы делали детям елки. Один раз, когда они были крошками, в то время как они ужинали, к окну подошел прелестный Дед Мороз, и они замерли от восторга с ложками в руках и с открытыми ротиками. В его руках была елочка с фонариком, и вдруг он ушел. Дети были в отчаянии, но раздался звонок, и появился Дед. Митя, ему было года четыре, стал читать стишки, приветствуя Деда, а Лиза приседала и наконец робко попросила: “Можно ли вас поцеловать?”. Когда он им дал игрушки, она спросила, куда он поедет дальше, и была уверена, что он приехал на серебряных саночках, на олене с золотыми рогами», — С.Б.

Ю.Д. Пиленко успешно продвигался по служебной лестнице, жизнь в Риге строилась безмятежно и счастливо, но 20 февраля 1895 года в далекой Анапе неожиданно умирает его мать, а 7 марта от паралича сердца — отец. Получив

в наследство часть отцовских виноградников в Джемете под Анапой, Юрий Дмитриевич увольняется со службы и летом 1895 года уезжает с семейством на юг. Несмотря на неожиданную перемену в жизни, отъезд в Анапу никак не сказался на его карьере. Более того, унаследовав от отца огромное имение, он проявил большую энергию и творческий интерес к садоводству и виноградарству, как и его отец, он любил землю и успешно продолжал начатое дело.

Через несколько лет Юрий Дмитриевич уже поехал делегатом первого съезда виноградовладельцев и виноградарей в Новороссийск, на котором он выступил с двумя докладами. В одном из них он высказал идею об открытии специальной начальной школы в Анапе по подготовке рабочих-виноградарей, причем, по его мысли, училища создавать надо было как для мальчиков, так и для девочек с 15 лет, с прохождением специального курса обучения садоводству, изучением общих наук, в перечень которых входили литература, география и история, — без этого нельзя было стать настоящим мастером-виноделом.

Он всегда уделял много времени воспитанию и обучению молодежи — и в Анапе, и в Ялте и окрестностях. По рассказам его жены известно, что он принял живое участие в судьбе сына анапского плотника П.Я. Крутько. Молодой человек был одаренным и стал рано проявлять способности в живописи. Ю.Д. не только просвещал юношу, но и содействовал поступлению его в Московское художественное училище графа С.Г. Строганова. Позже Крутько долгие годы жил и работал в Анапе, стал членом Союза художников, некоторые из его работ советского периода находятся в Анапском историко-краеведческом музее. Живя в Анапе, Крутько преподавал рисование в школе.

Одновременно Юрий Дмитриевич вел и большую общественно-административную работу. Он избирался почетным мировым судьей Анапы, председателем общественного собрания; являлся почетным смотрителем анапского трехклассного училища и почетным блюстителем сасыкского начального сельского училища. В сентябре 1900 года Ю.Д. Пиленко был избран городским старостой Анапы на четырехлетний

срок. После введения в Анапе полного городского самоуправления, с 1905–1906 гг. он должен был избираться городским уполномоченным.

На всех этих должностях Юрий Дмитриевич проявил себя как заботливый и рачительный хозяин, много сделавший для развития Анапы. Большая часть города была замощена, возле домов устроены тротуары, улицы, обсаженные деревьями, регулярно подметались и были освещены газовыми фонарями. Была построена первая очередь водопровода, открыт курорт «Анапа» с водолечебницей доктора В.А. Будзинского и пансионат на 90 мест. В городе появилось несколько благоустроенных и недорогих гостиниц, библиотека. Базар был вынесен из центра города, а на его месте устроен сквер. Был приведен в порядок городской сад, в котором не только устраивались гулянья и концерты, но был открыт специальный детский уголок, куда принимались дети родителей, ушедших на пляж. Дети бесплатно получали игрушки и находились под присмотром врача и педагога.

Деловые качества Юрия Дмитриевича, его несомненные заслуги были замечены начальством: учитывая его большой практический опыт и организаторские способности, в мае 1905 года Ю.Д. Пиленко назначили директором Никитского ботанического сада и училища садоводства и виноделия. В конце мая Пиленко сдал свой виноградник под Анапой в аренду и переехал в Крым, поселившись в Никите.

После аскетической природы Анапы Крым очаровал всю семью. С террасы Никитского сада открывался вид на море и Ялту. Софья Борисовна вспоминала, что, живя в Крыму, они восторгались его нежной красотой и дивными дворцами Алупки и Ореанды.

Воспитанный в военной семье, где честность и порядок были основными и непреложными качествами каждого мужчины, Юрий Дмитриевич обладал характером бескомпромиссным. Именно поэтому ему предложили должность директора Никитского сада, где к тому времени дела шли плохо, — необходим был человек, который смог бы справиться с постоянными недоимками и приписками, попросту казнокрадством.

Он согласился поехать в Никиту директором на два года, однако после безуспешной борьбы с воровством и интригами, подал в отставку и 10 марта 1906 года был уволен с директорской должности с причислением его к Главному управлению землеустройства и земледелия. Это было время начала столыпинских реформ, и многое из проводимой политики импонировало Юрию Дмитриевичу не только как активному общественному деятелю, но и как хорошему хозяйственнику и правоведу. В связи со служебным переводом в столицу ему предстояло сменить место жительства. Весной он приехал в Петербурге.

К этому времени его дочь Лиза с наградой 2-й степени окончила четвертый класс женской гимназии Ялты (1905/06 учебный год). Надо сказать, что в этой гимназии в числе прочих обязательных предметов девочкам преподавали и рисование.

В мае 1906 г.ода Ю.Д. Пиленко перевозит семью в Петербург, устраивает детей в петербургские частные гимназии и выезжает в Анапу. Здесь намечались выборы городского головы, и в качестве одного из кандидатов был назван Юрий Дмитриевич. Но 17 июля 1906 года он скоропостижно умирает от болезни почек, не дожив до 50-ти лет.

Он был похоронен на городском кладбище в Анапе, но затем по просьбе родственников перезахоронен в родительском склепе в саду имения Хан-Чокрак.

Внезапно овдовев, Софья Борисовна понимает, что ей будет трудно одной справиться с хозяйством и двумя детьми. Через Тюркский крестьянский банк она продает земли крестьянам-переселенцам. Практически она продала все, кроме усадьбы в Джемете и 60 десятин виноградников в имении Хан-Чокрак. Довольно скоро в результате этой купли-продажи образовалось новое село, которое было названо Юрьевкой — в честь Юрия Дмитриевича. Два села существовали раздельно до 1950-х годов, а потом слились в одно село Юрьевку, или Юровку. В советское время тут был образован совхоз «Первомайский», но все жители до сих пор говорят: «пойду в Юровку», «пойду в Пиленки» (если разговор идет о другом конце села).

Хорошими виноделами были и сестры Юрия Дмитриевича — Ольга Дмитриевна Щастливцева, Елизавета Дмитриевна Цейдлер, Екатерина Дмитриевна Чистович. Их виноградники были рядом с виноградником брата Юрия Дмитриевича Пиленко. Елизавета Дмитриевна создала известную Анапскую опытную зональную станцию виноделия, которая существует и поныне. Интересно, что Лиза Пиленко, став взрослой, тоже занималась виноделием и даже принимала участие в съездах виноделов юга России. Усадьбу Хан-Чокрак она подарила после Февраля 1917 года местным крестьянам с просьбой устроить там школу. Школа просуществовала вплоть до конца 1940-х годов.

Ныне старые пиленковские имения Хан-Чокрак и Джемете полностью разрушены. Разрушен и дом Пиленко в Анапе.

После внезапной смерти мужа Софья Борисовна решает все-таки обосноваться в Петербурге, где Лиза поступает учиться в пятый класс гимназии Л.С. Таганцевой, годы пребывания в которой будут для нее настоящим взрослением, определением характера и увлечений.

Атмосфера открытости, доброжелательности, доверия между членами семьи сыграла огромною роль в воспитании и душевном росте детей. Общественные и служебные действия отца никогда не оставались вне стен родного дома — все доверительно обсуждалось за вечерним столом, и эта доступность взрослого мира довольно рано сформировала характер Лизы.

Дом Пиленко был открыт для людей самого разного толка, здесь можно было встретить и аристократа, и простого учителя гимназии. Атмосфера была очень либеральной по духу и открытости обсуждаемых тем. Недаром Юрий Дмитриевич прослыл прогрессистом.

С шести лет Лиза окунулась в мир печатного слова и к тринадцати годам прочла много взрослой литературы. Она любила задавать вопросы, не всегда получала на них ответы, чаще всего она возвращалась к теме веры: в чем кроется правда и существует ли Бог — Бог любви и милосердия?

Внезапная смерть отца сотрясла юную душу, это было крушение любви, гармонии, мира... Лиза не просто любила

отца, она боготворила его! Как реакция — страстный протест против смерти, этой «мировой несправедливости». Темная, промозглая петербургская ночь навсегда затмила солнце, море, Крым... То был первый удар судьбы, первый уход близкого человека, первое разочарование в Боге, который не спас отца. Бродя по чужому городу, плача по ночам, молясь, обращаясь к Нему, она задавала наивные вопросы: «за что?» и «почему?». На эти вопросы ей предстоит отвечать всю жизнь и всю жизнь терять и хоронить близких.

Но придет время, и в своей статье «Рождение в смерти» она напишет: «И мы верим! И вот по силе этой нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становиться рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения...»

А тогда молодость и время постепенно брали свое — по натуре она была человеком энергичным и жизнелюбивым.

* * *

Все сведения о знаменитых и талантливых предках с большим почтением сохранялись в семье Софьей Борисовной Пиленко. Родословная пополнялась из поколения в поколение, и, как уже было сказано выше, благодаря именно ей многое дошло до наших дней. Прекрасно образованная, начитанная, художественно одаренная, она унаследовала лучшие качества своих предков. В ее петербургских квартирах (она их снимала в разные годы в разных частях города) хранились произведения ее родственников Дмитриевых-Мамоновых, иконы старинного письма, портреты-миниатюры и отличная коллекция старинных кружев ручной работы, которой в начале 1910-х годов восхищалась жена Александра Блока. Многое из этого «домашнего музея» после революции осталось в Петрограде и в Анапе и, к сожалению, пропало бесследно. То, что удалось спасти, было продано в тяжелые голодные годы странствий в эмиграции, в трудных двадцатых годах в Париже...

В 1912 году в Петербурге вышла обстоятельная монография с приложением генеалогического древа, гербов и т.п. — «Дмитриевы-Мамоновы». Не подлежит сомнению,

что до эмиграции эта монография находилась в семье Софьи Борисовны.

Сама С.Б. по материнской линии была из рода Рюриковичей, по мужской — из Делоне, обрусевших французов, которые приходились прямыми потомками знаменитого коменданта Бастилии де Лоне.

Когда-то Рюриковичи были удельными князьями, но со временем утратили свои наследственные уделы; их княжества остались лишь в воспоминаниях да на страницах летописей. С 1688 года потомки этих князей (по материнской линии м. Марии) получили специальное разрешение царя именоваться двойной фамилией: Дмитриевы-Мамоновы. Род этот был чрезвычайно разветвленный, породнившийся со знаменитыми русскими семьями. Один из первых Дмитриевых-Мамоновых, Иван Ильич, был горячим сторонником преобразований Петра I. Он участвовал во всех крупных сухопутных сражениях Северной войны: под Нарвой, Лесной, Полтавой, а также в Шведском и Дербентском походах. При его ближайшем участии были разработаны важнейшие документы петровского времени: Воинский артикул, Табель о рангах и другие. Он был морганатическим супругом царевны Прасковьи Иоанновны, племянницы Петра I, дочери его брата Иоанна.

Дмитриевы-Мамоновы были связаны с императорским домом, один из них даже был фаворитом Екатерины II. Некоторые из них состояли в родстве с писателем Д.И. Фонвизиным и с Грибоедовыми: А.С. Нарышкина, двоюродная бабушка Лизы, была замужем за А.Ф. Грибоедовым — родным дядей автора «Горя от ума». По семейным преданиям, сам Александр Сергеевич Грибоедов часто бывал в доме и читал отрывки из своей комедии «Горе от ума». Многие Дмитриевы-Мамоновы оставили заметный след в русской истории, но в соответствии с нашей героиней и рассказом о ней, коснемся лишь тех из них, кто имел непосредственное отношение к искусству.

Прадед Лизы А.И. Дмитриев-Мамонов (1787—1836) любил живопись и сам рисовал. Несколько его этюдов, посвященных эпизодам войны 1812 года, в свое время украшали

залы царскосельского дворца. У матери Лизы хранилась акварель, изображающая взятие Парижа русскими войсками в 1814 году.

А.И. Дмитриев-Мамонов являлся одним из основателей Общества поощрения художников (1821 г.). Благодаря этому обществу десять крепостных художников получили вольную; в 1825 г.оду в Петербурге была открыта первая постоянно действующая публичная выставка русских художественных произведений, а несколько позже организована художественная лотерея по распространению предметов культуры во всех слоях русского общества.

Организуя общество, меценаты обязались «всеми возможными средствами помогать художникам, выказывающим дарование...».

Одними из первых стипендиатов стали братья К.П. и А.П. Брюлловы. Сам А.И. Дмитриев-Мамонов принимал личное материальное участие в обеспечении отправки этих молодых дарований за границу на обучение и стажировку. В свою очередь и Карл Брюллов рисовал членов семьи Дмитриева-Мамонова, например, нам известен портрет Александра Ивановича (1822), находящийся в Русском музее Санкт-Петербурга.

По семейным преданиям, существовал также портрет одной из дочерей мецената кисти Брюллова.

Супруга Дмитриева-Мамонова была фрейлиной императрицы Марии Федоровны при дворе Павла I. Она обладала многими талантами: прекрасно рисовала, играла на рояле и арфе, а их дети стали художниками-профессионалами.

Их сын, Э.А. Дмитриев-Мамонов (1824—1880), по оценке современников, был «художник и мыслитель замечательный». Он является автором портретов многих известных русских общественных деятелей и писателей: Н.В. Гоголя, Н.Ф. Павлова, К.С. Аксакова, А.С. Хомякова, Н.В. Нащокина, П.В. Киреевского, Н.М. Языкова и других. Для усовершенствования мастерства в конце 1840-х годов Эммануил Александрович ездил в Италию, а в начале 1850-х сблизился со славянофилами, где в салоне А.П. Елагиной встретился с виднейшими русскими общественными деятелями.

Его брат Ипполит Александрович (1825–1884) был также художником по росписи фарфора и... мастером карикатуры. Его рисунки остро и смело высмеивали крепостников и бюрократов. Одна из литографированных карикатур изображала Сенат, где все сенаторы крепко спят вокруг стола, а на столе стоит зерцало, лежат своды законов, которые грызут мыши. Подпись под карикатурой гласила: «Спите, Бог не спит за вас!».

Племянник Эммануила и Ипполита А.Н. Волков был профессором Петербургского университета, некоторое время работал вместе с И.И. Мечниковым. Выйдя в отставку, он решил целиком посвятить себя искусству, уехал в Англию, где написал множество акварелей. Свои работы он подписывал и продавал под фамилией Русов.

Повествуя о родословной Софьи Борисовны Пиленко, мы не можем не упомянуть о французской крови, которая текла в ее жилах от легендарного Пьера-Шарля де Лоне (1793–1853), сына коменданта Бастилии. Он происходил из купеческого сословия г. Тура департамента Индра и Ульри.

Бастилия взята. Предместья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де-Лоней.

(М. Волошин. «Взятие Бастилии»)

В России имя де Лонеэ (de Launay) постепенно превратилось в Делоне.

Пьер-Шарль Делоне, прадед Лизы Пиленко, получил медицинское образование во Франции; в звании фельдшера или санитара (officier de santé) участвовал в войне с Россией, будучи помощником полевого лекаря в армии маршала Даву. В 1812 году он был взят в плен. «По учинении на верность и потданность Российской Империи присяги» Делоне был определен на службу в московскую больницу странноприимного дома с 18 декабря 1815 года, выдержав предварительное испытание на звание лекаря 2-го отделения, предоставлявшее ему право «практиковать по общим отраслям медицины». В 1818 году Делоне уволился из больницы по состоянию здоровья и стал вольнопрактикующим лекарем и оператором.

На своей вновь обретенной родине Петр Карлович (так стали его звать на русский манер) служил весьма исправно, и в 1829 году императором Николаем I был пожалован в русское дворянское достоинство.

Профессиональная жизнь его сложилась на редкость успешно. Он принимал активное участие в ликвидации эпидемии холеры в Москве в 1831 году, был возведен московской медико-хирургической академией в степень хирурга-медика, стал членом-корреспондентом Медицинского общества и парижского Медицинского факультета, имел награды. Закончил он свои дни в Симбирске, находясь в должности старшего врача симбирской больницы.

Он был дважды женат, вторым браком на Е.Н. Кусовой (урожд. Тухачевской). У супругов Делоне было шестеро детей.

Старшим ребенком, первенцем, был сын Борис Петрович (1828—1887).В 1852 году он окончил Московский университет, служил военным врачом, а потом получил должность старшего окружного врача Бежецкого уезда Тверской губернии. В этот период Б.П. Делоне жил в основном в Москве, на Арбате, но часто выезжал к больным в Подмосковье. По дороге доктор Делоне не просто останавливался в деревнях, где лечил крестьян, но и оставлял им бесплатно лекарства. С 1864 года Борис Петрович состоял действительным членом Общества русских врачей в Москве, а в 1869 году редактировал «Московскую медицинскую газету», в которой сам регулярно печатался. Он автор многих статей, где проявил себя знатоком медицины Древней Греции и Индии.

Борис Петрович Делоне женился на Софии Александровне Дмитриевой-Мамоновой, родной сестре художников Эммануила и Ипполита, о которых было рассказано выше. Свою будущую жену он увез под венец буквально из-под замка, куда ее заперли родственники: гордым Рюриковичам не очень хотелось отдавать свою дочь за «лекаря», недворянина, да еще полуфранцуза. Их дочь, София Борисовна Делоне (в замужестве Пиленко), родилась в Москве 17 августа 1863 года. Она получила отличное домашнее воспитание и образование. Родители Софии Борисовны служили ей образцом для

подражания, она любила их и гордилась ими. С юности она много посещала оперу, очень хорошо играла на рояле, пела и сочиняла стихи. Любовь к поэзии она передала своей дочери Лизе Пиленко.

В начале 1891 года София Борисовна вышла замуж за Юрия Дмитриевича Пиленко. Брак этот не вызвал большой радости у «родовитых» родственников: его считали мезальянсом, то есть неравным, и даже в чем-то «унизительным», что совершенно не мешало супругам жить счастливо, в любви и согласии. После смерти мужа София Борисовна посвятила свою жизнь воспитанию детей.

Она была настоящей русской образованной аристократкой, у которой душевное благородство сочеталось со скромностью в словах и поступках. Эти качества она сумела передать детям. Во Франции она стала активной соратницей своей дочери Лизы, разделила с ней невзгоды и эмигрантскую бедность, воспитывала внуков, была незаменимой помощницей в ее благотворительных делах и мужественно переносила удары судьбы. Особенно велика заслуга Софии Борисовны в приведении в порядок «архива» матери Марии, в том числе — в расшифровке и переписывании ее рукописей, оставшихся после гибели, написанных довольно неразборчивым почерком. Как уже говорилось, София Борисовна и сама была литературно одаренной женщиной: ее перу принадлежат живо написанные (в весьма преклонном возрасте!) мемуары о своих предках (Дмитриевых-Мамоновых и Делоне), о муже, о дочери. Некоторые из этих воспоминаний опубликованы в посмертных сборниках стихотворений матери Марии, вышедших в Париже.

Она похоронила всю семью — мужа, сына, дочь, троих внуков... и осталась одна.

Скончалась София Борисовна в 1962 году на сотом году жизни в Нуази-ле-Гран под Парижем, в доме для престарелых, некогда основанном ее дочерью. Похоронена она на знаменитом русском православном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. В этой же могиле лежит ее внучка Настенька.

ГЛАВА 2
НАЧАЛО ЖИЗНИ

Детство, знакомство с К. Победоносцевым,
Никитский сад, Ялта, смерть отца, 1905 год…

Нет, Господь, я дорогу не мерю, —
Что положено, то и пройду.
Вот услышу опять про потерю,
Вот увижу борьбу и вражду.
Я с открытыми миру глазами,
Я с открытою ветру душой;
Знаю, слышу — Ты здесь, между нами,
Мерой меришь весь путь наш большой.

Сегодня о монахине Марии много написано, изданы ее стихи, эссе, богословские труды, но наработанные клише скрывают от нас что-то очень важное… И именно в это «что-то» до сих пор всматриваются и историки, и люди Церкви, и мы с вами, для которых жизнь и смерть есть тайна.

Лиза родилась 8 декабря 1891 года. Во время родов ее матери пришлось сделать кесарево сечение, девочка появилась на свет с туго обвязанным пуповиной горлом. Прошло три недели, и во время крещения, 27 декабря, при троекратном опускании в купель Лиза захлебнулась, и ее возвращали к жизни как утопленницу.

В одной биографической справке приводится случай, происшедший с Елизаветой Пиленко в детстве. Лиза была общительным ребенком, любила собирать вокруг себя детвору и увлеченно рассказывала разные истории. Однажды ее мать, случайно находившаяся по соседству, расслышала, как Лиза произнесла: «…и вот я умерла». Слышала ли мать, о чем рассказывала ее дочь? Или это была финальная фраза повествования? Мы, отдаленные от тех времен, можем только разглядеть

и сравнить некие знаки и странности, которые нас заставляют задуматься: она могла умереть и при рождении, но ей было уготовано прожить долгую жизнь и подготовиться к последнему обретению себя в смерти — в лагере Равенсбрюк. Ее жертвенная гибель на долгие годы затмила важную составляющую этой универсальной женщины: поиск самой себя.

Ее детство сформировал век Достоевского и Толстого, подобно другим барышням, она засыпала с французским романом под подушкой, позднее увлеклась Хомяковым и Вл. Соловьевым, дружила с Сарьяном, училась символизму, подражала Н. Гончаровой, была влюблена в Блока, а в Париже ее духовными наставниками стали о. Сергий Булгаков и Николай Бердяев... Этот беглый экскурс может лишь приблизительно дать нам представление о разбросе увлечений молодой Лизы, девушки, выросшей в богатой петербургской семье, увлеченной модными левыми идеями, что было присуще целому ряду русских эмансипированных женщин XX века.

Впервые Лиза попала в Петербург в возрасте трех лет, весной 1894-го. Но воспоминаний от города у девочки не осталось. Боясь простуд, Лизу и ее брата Митю практически держали дома, вывозили в гости, в театры на балеты или на дачу к Лизиной крестной, тетке ее матери, Елизавете Александровне Яфимович (урожд. Дмитриевой-Мамоновой, фрейлине при дворе Вел. княгини Елены Павловны). Крестная мать Лизы в прошлом много путешествовала со своим мужем-офицером, который долгое время служил на Кавказе, где и получил звание генерала. В Тифлисе она подружилась с вдовой А.С. Грибоедова Ниной Чавчавадзе-Грибоедовой. От тех времен в семье Яфимович бережно хранился подарок вдовы Грибоедова — маленький кинжал с золотой рукояткой и с надписью «Нина».

Овдовев, генеральша Яфимович поселилась в столице. К ней, в ее гигантскую квартиру из 13 комнат на Литейном проспекте, 57, вплоть до 1906 года Пиленко приезжали ежегодно.

С рождения Лиза звала свою крестную «бабушкой», своей родной она не знала. Огромная петербургская квартира в центре столицы с анфиладой в 13 комнат, с коридорчиками,

чуланчиками и антресолями, была для нее и младшего брата «миром чудес». Она вспоминала: «В каждой комнате стояло несколько часов. Во время боя вся квартира наполнялась своеобразной музыкой: низкий и медленный гул столетних часов переливался и обгонялся серебристым звоном севрских, потом начинали бить часы с башенным боем, потом вообще нельзя уже было разобрать, сколько и какие часы бьют». Яфимович обладала веселым нравом, обожала детей и часто устраивала у себя праздники. К приезду Лизы и Мити составлялось расписание, ничего в «развлечениях» не было лишнего, но и упущено ничего не было. Каждый год Лиза с нетерпением ждала зимы. Софья Борисовна приезжала обычно к Рождественскому посту, а возвращались в Анапу до Пасхи. Она вспоминала: «В Петербурге было еще холодно, лежал снег, но чем дальше мы ехали, становилось теплее и весеннее, а когда ранним утром мы подъезжали к нашей станции Тонельная, то весна была в полном разгаре. Едем в извощичьей коляске. Воздух чудный, жаворонки поют, с горы видны вдали море, песчаный берег Анапы, а потом и строения. Спускаемся в долину. Кое-где ярко-зеленые овсы пестреют красными тюльпанами... все ближе море и Анапа, и наконец мы дома!»

В своем тексте «Друг моего детства»[1] Лиза вспоминает о Яфимович: «У нее в гостиной можно было увидеть принцессу Елену, внучку Елены Павловны, и бабушкину крестницу, дочь ее швеи, или нашего детского приятеля-репетитора, косматого студента Борчхадзе, рядом с членом Государственного совета бароном Таубе, и нельзя было заметить и тени разницы в обращении хозяйки со своими гостями». Этому равенству со всеми научила Лизу ее крестная. «Настоящий аристократ должен быть равен со всеми», — повторяла Е. Яфимович.

Как и все дети, играя в театр, Лиза обожала переодеваться. Сохранилась фотография, где она одета русской царевной, а ее брат рядом в черном костюме то ли волшебника, то ли Кощея Бессмертного, с длинной белой бородой. Во время

---

[1] Рассказ «Друг моего детства» (1925, Париж) — своеобразная дань памяти К.П. Победоносцеву к 100-летию со дня его рождения.

одного из таких костюмированных праздников Лиза неожиданно заявила, что хочет станцевать лезгинку. И Яфимович сказала: «Ну, пляши!» Ей было уже под восемьдесят лет. Лиза кончила плясать, а бабушка неожиданно поморщилась и произнесла: «Какая гадость! Я сейчас вам покажу, как надо плясать лезгинку».

Софья Борисовна вспоминает о том вечере: «Мы с двоюродной сестрой, которая была с нами, пришли в ужас. 80-летняя старушка... Это даже опасно для нее. А тетя: —Пойте лезгинку и хлопайте в ладоши! Только я должна башмаки снять, они велики. — И пошла... Это была настоящая лезгинка, как танцуют ее на Кавказе. А она, кончив, даже не устала; села на стул и говорит: — Вот это лезгинка!» Этому искусству ее научила в Тифлисе ее подруга Нина Грибоедова.

Тетушка-бабушка была персонажем из другого времени, она родилась в 1818 году, все ее близкие и друзья к началу XX века покинули сей мир, а она надолго пережила свое время: «Люблю я вас всех, друзья мои, и все же вы мне чужие. Близкие все давно в могилах».

Семья Яфимович дружила с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым. Он часто приходил без приглашения на огонек, так как жил в доме напротив: Литейный проспект, 62.; каждый раз о приезде семьи Пиленко ему сообщалось запиской: «Любезнейший Константин Петрович. Приехала Лизонька!» А на следующее утро он появлялся с книгами и игрушками, улыбался ласково, «расспрашивал о моем, рассказывал о себе». В пять лет Лиза впервые разговорилась с ним, после того как он похвалил ее детские рисунки, с семи лет между ними завязалась дружеская переписка. Он, человек строгих правил, который был грозой либеральной России, на долгие годы станет ее другом, собеседником и наставником: «Он действительно ощущал меня не как "бутуза и клопа", а как человека, с которым у него есть определенные отношения».

В своем эссе о Победоносцеве м. Мария пишет: «В детстве я не помню человека другого, который так внимательно и искренно умел бы заинтересоваться моими детскими интересами — и казался поэтому единственно равным из всех

взрослых людей». Для многих эта дружба казалась странной: что могло быть общего у 70-летнего старика и маленькой девочки? Ей задавали вопросы, она отвечала: «Мы друзья». Их дружба оборвалась в 1906-м, ей исполнилось 15 лет, мирная переписка все больше походила на яростный спор, все чаще Лиза задавала своему другу вопросы, на которые получала ответы, совершенно ее не устраивающие. Революция 1905 года проложила борозду в их отношениях... Может быть, уже тогда она встала на путь поиска себя?

Подлинный облик Победоносцева сложен, к нему совершенно неприменим одномерный подход. Характеристика, данная ему Блоком в поэме «Возмездие», довольно дерзкая, но именно так его воспринимали либералы:

Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна...

Однако при грозном обер-прокуроре за четверть века его «правления» в десятки раз увеличилось число церковно-приходских школ по всей России — миллионы крестьянских детей смогли получить начальное образование. Он считал, что «вера в общие начала есть великое заблуждение нашего века. Что жизнь — не наука и не философия; она живет сама по себе, живым организмом». Он не был врагом подлинной науки, но был против фетишизации новоиспеченных теорий, под которые хотели подогнать жизнь различные теоретики конца XIX века — в основном социалисты. Поэтому-то многие и считали, что он реакционер и ретроград, что он утверждал вечные ценности: Бог, Отечество, Родители — и тем самым хотел укрепить человека, сделать его независимым от земных кумиров.

В доме Победоносцева было 40 комнат, громадный кабинет и такой же просторный зал ожидания для просителей.

На Лизу, впервые попавшую в эту квартиру, произвели впечатление огромные дубовые письменные столы, расположенные каре, полностью заваленные папками, бумажной деловой перепиской, рукописями и газетами. Посетители сразу понимали, что они попали в «мозговой центр России». Сюда приходили и приезжали со всей страны купцы и министры, монашки и военные, а в гостях у прокурора бывали Достоевский, Чайковский, Вл. Соловьев, В. Розанов, И. Аксаков, И. Крамской, М. Балакирев и многие другие знаменитости того времени. Особенно Победоносцев дружил с Ф. Достоевским: «Сегодня скончался великий писатель. Мне был он близкий приятель, и грустно, что нет его. Но смерть его — большая потеря и для России. В среде литераторов он, — едва ли не один, — был горячим проповедником основных начал веры, народности, любви к отечеству. Несчастное наше юношество, блуждающее, как овцы без пастыря, к нему питало доверие...» (из письма цесаревичу Николаю Александровичу).

Со слов Лизы, она воспринимала Победоносцева не как государственного деятеля и «идеолога реакции царствования Александра III, а исключительно как человека, как старика, повышенно нежно относящегося к детям».

О своем особом отношении к детям сам К.П. Победоносцев рассказал в одном из писем к дочери поэта Ф.И. Тютчева Анне Федоровне: «Я всегда любил детей, любил с ними знакомиться, любил соединяться с ними в их детскую радость». Со своей будущей женой он познакомился, когда ей было семь лет, и сразу ему захотелось говорить с ней о Боге, пробудить все высокое и хорошее в ее душе. Она была младше его на двадцать лет.

Года два обер-прокурор приходил в дом к Яфимович и никогда не приглашал Лизу к себе домой. Но вот этот день наступил, и она переступила порог этого странного мира. Видимо, далеко не все знали о потаенной «странной» комнате за кабинетом, где все стены от пола до потолка сплошь были увешаны портретами детей разных сословий и разных возрастов. В углу стоял «волшебный» шкаф, набитый игрушками и великолепными детскими книгами.

В этой комнате и проходили самые задушевные беседы Лизы с К.П. Победоносцевым. «Помню, однажды я была у Константина Петровича на Пасху. Он извлек из шкафа яйцо лукутинской работы и похристосовался со мною. Внутри яйца было написано: "Его Высокопревосходительству Константину Петровичу Победоносцеву от петербургских старообрядцев"».

Жена Победоносцева, красавица Екатерина Александровна, устраивала детские праздники, на которые всегда приглашались дети заключенных Литовской тюрьмы, учащиеся церковно-приходских школ и ее любимые ученицы из Свято-Владимирской церковно-учительской женской школы. Лиза с Митей с радостью принимали самое активное участие в подготовке рождественских колядок, упаковке подарков, убранстве огромной елки. Всегда рядом с ними была приемная дочь Победоносцева Марфа, на три года младше Лизы.

Их переписка не прекращалась и летом. Константин Петрович регулярно посылал Лизе открытки и письма в Анапу. «Слыхал я, что ты хорошо учишься, но, друг мой, не это главное, а главное — сохранить душу высокую и чистую, способную понять все прекрасное».

С каждым годом тон их писем становился серьезнее: смерть отца, события 1905 года — революция и брожение мыслей — не могли не коснуться и Лизы. Слишком она была молода и, как подраненный птенец, искала не только утешения, но и подсознательно желала начать с нуля, отказаться от детского, уютного семейного умиротворения... Одним словом, как всякий подросток, хотела бунтовать, найти собственный голос.

Она пишет: «Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому — народ. Единственно, что смущало и мучило, это необходимость дать ответ на самый важный вопрос: верю ли я в Бога? Есть ли Бог?» Ответы, которые она получала от окружающих и из газетных новостей, ее не устраивали. «В моей же душе началась большая борьба. С одной стороны, отец, защищающий всю эту революционно настроенную и казавшуюся мне симпатичною молодежь,

а с другой стороны, в заповедном столе — Победоносцев». Было над чем призадуматься. Почему бы не обратиться к старому другу. Весной 1906 года она к нему пришла и задала наивный и очень дерзкий вопрос: «Константин Петрович, что есть истина?» И ее старый мудрый друг, в котором она стала сомневаться ответил: «Милый мой друг Лизонька! Истина в любви, конечно. Но многие думают, что истина в любви к дальнему. Любовь к дальнему — не любовь. Если бы каждый любил своего ближнего, находящегося действительно около него, то любовь к дальнему не была бы нужна. Так и в делах: дальние и большие дела — не дела вовсе. И настоящие дела — ближние, малые, незаметные. Подвиг всегда незаметен. Подвиг не в позе, конечно. А в самопожертвовании, в скромности...»

Лиза была разочарована. Она решила, что Константин Петрович экзамена не сдал. И ушла. 10 марта 1907 года Победоносцев умер. Похороны были грустными, за гробом великого политика шло несколько человек, члены императорской семьи не присутствовали. Лиза уже постоянно жила в Петербурге. Но на похороны не пошла.

Тогда она не поверила старику. Прошли годы, и смерть дочери Насти высветила многое, в чем она заблуждалась: «О чем и как ни думай, — больше не создать, чем три слова "любите друг друга", только до конца и без исключения, и тогда все оправдано и вся жизнь освещена, а иначе мерзость и тяжесть». Эти строки можно считать поворотными, началом нового пути, к которому она так долго внутренне готовилась, шла ощупью, ошибаясь и разбиваясь в кровь. Но это будет в 1934 году в Париже...

Как бы ни сложилась в ближайшем будущем жизнь Елизаветы Пиленко, можно предположить, что ее эсеровские увлечения, желание «исправить мир» и стать «побольшевистки справедливее и лучше» в конце ее трудного пути радикально изменились. Хотя по внутреннему настрою ей, конечно, было по пути с его критиками — Н. Бердяевым и Г. Флоровским, — они ей были ближе, чем обер-прокурор. Хотя уроки и мысли своего старшего друга, которые она по молодости отвергла, ей пришлось отчасти признать.

Для понимания принципов, на которых стоял Победоносцев, лучше всего служат его письма к Екатерине Федоровне Тютчевой (1835–1882) — дочери поэта, жившей в Москве. Сам Победоносцев — внук московского священника, сын университетского профессора и сам бывший профессор — чувствовал себя неуютно в чиновно-аристократическом Петербурге; политические взгляды большинства окружавших его людей были ему чужды или просто ненавистны. Победоносцев считал, что церковь и вера — основы государства.

Можно предположить, что обер-прокурор был очень одинок. Отшельник-«диссидент» искал слушателя и, может быть, единомышленника, в Лизе он увидел живую мысль, и вполне надеялся развить в ней свое представление о России, которая к этому времени уже ускользала из его рук. Все, что копилось и таилось в душе Победоносцева, изливалось в письмах не только к Лизе, но и к другой московской корреспондентке. Письма к Тютчевой позволяли Победоносцеву окунуться в атмосферу близкой его сердцу Первопрестольной. Тютчева была близка ему и по взглядам, и по родственно-дружеским связям — она вращалась в кругах славянофильской ориентации, к которым тяготел и Победоносцев; ее родная сестра Анна Федоровна была замужем за И.С. Аксаковым — видным славянофилом, однокашником Победоносцева по Училищу правоведения.

Он писал ей: «Итак, к чему ведут все настояния наших идеалистов о провозглашении того, что они называют свободою в деле вероисповедания? К тому, что враги наши отхватят у нас массами русских людей и сделают их немцами, католиками, магометанами и прочими — и мы потеряем их навсегда для церкви и для отечества. Говорят: для чего наше духовенство не действует? Но наше духовенство — плоть от плоти нашей и кровь от крови нашей, с теми же качествами и с теми же недостатками. Какова наша церковь — это показывала нам история и покажет еще: церковь наша — одно с народом — не лучше его и не хуже. В этом ее великое качество. Но Государство обязано понять ее и обязано защитить. От кого? От целой армии дисциплинированных врагов ее и наших — всяких вероисповедных пропагандистов,

которые, пользуясь простотой народной, бездействием правительства, условиями пространства и бедной культуры, врываются, как волки, в наше стадо, не имеющее достаточно пастырей. Стадо это — наша будущность; что сегодня не может быть в нем возделано, то будет возделано через десятки лет, но покуда — мы должны оберегать его от волков»[2].

* * *

«Приехав в Никитский сад, нам всем показалось, что мы попали в рай, так изумительно была красива в нем природа, и самое красивое место была площадка перед нашим домом. Терраса была обвита чудными розами. В конце площадки стояло громадное столетнее дерево пистация, и под ним — каменная скамья... От нее спускалась лестница, которая называлась царской. С одной стороны лестницы была скала, а с другой росли земляничные редкостные деревья. В конце росли громадные латании и начинался сад Никиты. Природа была райская...» — С.Б.

Семья Пиленко быстро обжилась на новом месте, они подружились с соседями и продолжили традицию радушных хозяев. На воскресных обедах собиралось человек двадцать, дети неизменно присутствовали, а Лиза даже принимала участие во взрослых разговорах.

Лариса Евгеньевна Габрилович со своей семьей жила в начале прошлого века на Кавказе, и вот что она вспоминает: «Я прекрасно помню, как мы все вместе отмечали день рождения нашего общего друга. Пригласили и нас, соседей. Портрет деда (Лизы) в черкеске с газырями и орденами за храбрость при покорении Кавказа висел на стене. Родители наши часто вспоминали боевые годы, рассказывали о боях и подвигах. В разгар веселья появилась 14-летняя Лиза Пиленко. Мне запомнились ее яркий румянец на щеках, небольшие косички, умные глаза и громкий задорный голос. Она уже тогда славилась умением слагать стихи. И на этот раз гости попросили, чтобы она их почитала. Кто-то заметил, что она слишком молода, чтобы знать жизнь и писать настоящие стихи. И неожиданно Лизочка тут же экспромтом ответила:

---

[2] Победоносцев К.П. Письма к Е.Ф. Тютчевой.

Когда мне говорят, что жизни я не знаю,
когда мне говорят, что слишком молода,
тому с улыбкой отвечаю,
что человека ведь не делают года.

Так часто старец среброкудрый
не знает жизни, как ребенок.
А юноша, как будто старец мудрый,
познал ее инстинктом уж с пеленок.

Потом она призналась, что это были ее первые стихи, которые родились тут же на месте и совершенно непонятным образом слетели с языка».

Юрий Дмитриевич Пиленко получил назначение в Никиту весной 1905 года. Поражение русской армии в Русско-японской войне 1904—1905 гг. и январское Кровавое воскресенье в Петербурге 1905 года взорвали всю страну. Семья Пиленко жила еще в Джемете, и дети помогали взрослым упаковывать посылки — собирали белье для раненых; события нарастали с каждым месяцем и вызывали бурю эмоций. Дети очень переживали гибель «Варяга» и разгром русского флота у Цусимы. В Ялте начались волнения учащейся молодежи, 13 марта был разгромлен полицейский участок, сожжена тюрьма и освобождены заключенные. Город был переведен на положение усиленной охраны. Восстание моряков Черноморского флота на броненосце «Потемкин» в июне 1905 года только подлило масла в огонь, начались забастовки рабочих, которые перекинулись на все южное побережье.

«Мы пережили японскую войну и революцию, мы были поставлены перед необходимостью спешно разобраться в наших детских представлениях о мире и дать себе ответ, где мы и с кем мы. Впервые в сознание входило понятие о новом герое, имя которому “народ”»[3].

Еще в 1900 году в Ялте была образована социал-демократическая рабочая организация, которая поддерживала связь с редакцией газеты «Искра». С 1903 года газета сравнительно регулярно стала распространяться в городе. Так,

[3] Мать Мария.

в Ливадийскую слободку «Искра» посылалась непосредственно из Женевы. Поступала она и из Полтавы, где в это время находился один из центров распространения газеты на юге России. Можно только удивляться, как вся эта взрывоопасная ситуация медленно тлела на протяжении пяти лет (!) под стенами Ливадийского императорского дворца!

18 октября 1905 года в Симферополе забастовали работники типографий и табачных фабрик, служащие почтово-телеграфной конторы, закрылись магазины, в Ялте не работали учреждения и учебные заведения, магазины и банки. Крым лихорадило от восстания.

Публикация октябрьского манифеста, возвестившего «свободу слова, свободу совести, свободу собраний и свободу союзов», ялтинской прогрессивной интеллигенцией была встречена на ура! За ужином отец Лизы рассказывал о недовольствах и о все учащающемся мародерстве. Сам он был настроен либерально, приглашал к себе местную интеллигенцию, в доме Пиленко свободно обсуждалось восстание на броненосце «Потемкин» и готовящаяся в городе забастовка.

17 октября в Ялте произошел бунт, в котором участвовало полторы тысячи человек. 14 ноября на «Очаков» прибыл лейтенант Шмидт, подняв на нем красный флаг, он возвестил: «Командует флотом Шмидт!» В ночь на 15 ноября ударные отряды бунтовщиков овладели минным крейсером, и уже на всех восставших кораблях развевались красные стяги. Во второй половине дня 15 ноября восставшим был предъявлен ультиматум о сдаче. Не получив ответа, верные правительству войска начали обстрел восставших кораблей, завязался морской бой, а в 4 часа 45 мин. царский флот уже одержал полную победу. Шмидт вместе с другими руководителями восстания был арестован.

С января по март 1906 года все крымские газеты регулярно печатали материалы о процессах над арестованными матросами — «потемкинцами» и «очаковцами», о суде и казни лейтенанта П.П. Шмидта. Когда Шмидту был вынесен смертный приговор, ялтинцы через свою газету обратились к императору с просьбой о помиловании. Эту просьбу поддержали жители многих других городов.

Казнь лейтенанта произвела сильнейшее впечатление на семью Пиленко. Убеждения и политический настрой Юрия Дмитриевича ни для кого не были в Ялте секретом. Его уход с поста директора был не совсем добровольным, практически эта отставка была спровоцирована его симпатиями к бастующим. Не раз он их защищал, поддерживал требования митингующих и писал письма в столицу. С конца 1905 года волнения перекинулись на соседнюю с Ялтой Никиту: грабежи в домах и винных лавках, разбойные нападения на дорогах и т.п. С 9 января 1906 года в массандровских подвалах бастовало более 200 рабочих. Их волнения не прекращались, и в начале февраля в Никиту и Массандру был направлен крымский дивизион и отряд полиции.

События развивались стремительно. 7 февраля в Никитском саду, в училище, которым руководил Пиленко, было арестовано по подозрению в революционной агитации 22 человека, в том числе 9 агитаторов, 5 учеников училища виноделия, 2 учителя, фельдшер и ученый-винодел Ховренко. В тот же день все арестованные на пароходе «Пушкин» были отправлены в феодосийскую тюрьму.

Сам Пиленко в это время выезжал на три дня в Симферополь к таврическому губернатору, и все аресты и обыски проводились в его отсутствие. Лиза проявила смекалку, сумела предупредить группу учеников, и они успели кое-что из компрометирующих документов уничтожить. Бунтовщики, арестованные в Никите, через неделю были освобождены из-под ареста в Феодосии, но уже 14 февраля Никитское училище виноделия было закрыто, а его воспитанники распущены по домам. Директор училища и Никитского ботанического сада Ю.Д. Пиленко и пятеро преподавателей были уволены. Их увольнение не без оснований связывалось с митингами и арестами в Никите.

В 1905 и 1906 годах Лиза училась в ялтинской женской гимназии и окончила четвертый класс с наградой второй степени. Ее брат посещал второй класс ялтинской мужской Александровской гимназии. Лиза довольно рано стала рисовать, в гимназии у них были специальные уроки рукоделия и живописи, и она смогла продолжить свои первые шаги

под руководством местных учителей. Ее всегда притягивали живопись и слово, довольно рано она почувствовала поэзию. К музыке, несмотря на занятия с домашними педагогами, она осталась равнодушной на всю жизнь. Победоносцев ей много читал В.А. Жуковского, и она знала его стихи наизусть, потом увлеклась лермонтовским «Мцыри», а когда ей было одиннадцать лет, к ним в гости в Анапу пришел поклонник К. Бальмонта и прочел его стихи... Как она сама потом говорила, «они пронзили мое воображение» — настоящая страсть к поэзии дала свои ростки.

Революционная лихорадка будоражила воображение Лизы. Россия вступала в роковые десятилетия протяженностью почти в век, в которых наша героиня не спасется, а превратится в пепел Серебрянного века, размолотого Молохом «красного колеса» и фашизма.

Лиза была в курсе всего происходящего, тем более что и в ее гимназии также объявлялась *ученическая* забастовка. Позже она писала об этом периоде: «Долой царя? Я на это легко соглашалась. Республика? Власть народа — тоже. Все выходило гладко и ловко... Вся эта суетливо-восторженная революция была очень приемлема, так же как и социализм, не вызывая никаких возражений, а борьба, риск, опасность, конспирация, подвиг, геройство — просто даже привлекали».

Но тогда, в те бурлящие годы, когда от одной искры разгоралось пламя, готовое сожрать всю страну, она, как всякий молодой человек, жаждала дерзновения и свободы, искала смысла и ожидала пророчеств... Не получив ясного ответа от Победоносцева, она ему не простила: слишком была молода, чтобы понять, что ее друг был духовным вождем старой, монархической России. Пройдет несколько лет, Елизавета расскажет о своей встрече с обер-прокурором Н. Бердяеву, поделится своими воспоминаниями и услышит: «В своей личной жизни этот человек, приобретший репутацию великого инквизитора, был мягким, он трогательно любил детей, боялся своей жены, совсем не был свиреп в отношении к ближнему. Он не любил дальнего, человечества, гуманность, прогресс, свободу и равенство».[4]

[4] *Бердяев Н.* «Истоки и смысл русского коммунизма». 1937.

ГЛАВА 3
ПЕТЕРБУРГ

Гимназии (Таганцевская и Стоюнинская), увлечения рисованием и поэзией, первые романтические поиски справедливости…

Кто дал мне жизнь, — ушел в твои глубины;
Я с ним разлучена, как с корнем ствол.
И дремлют только камни-исполины
Над ним, кто вновь к тебе — родной — ушел.

После внезапной смерти мужа, в конце августа 1906 года, С.Б. Пиленко с детьми окончательно переехала в Петербург. На первых порах они остановились у Цейдлеров на Чернышовом переулке, 14. С этой семьей они были в родстве, связывала их давняя дружба, крымское виноделие и благотворительная деятельность. В.П. Цейдлер (двоюродный дядя Лизы) — академик архитектуры и строитель (1857–1914) — был известен своими многочисленными постройками в Петербурге и Нижнем Новгороде. По его проекту в имении Джемете под Анапой был построен родовой дом Пиленко, а в самой Анапе — каменная церковь. Он же являлся автором бюста Д.В. Пиленко, деда Елизаветы Юрьевны, установленного в саду в Джемете и пропавшего после революции.

Семья Цейдлер жила в Петербурге, и Пиленко, приезжая в столицу, частенько останавливались у них. Несмотря на то что Цейдлер был архитектор, он всегда находил время для занятий живописью и особенно акварелью. Его работы, по оценке самого А. Бенуа, «отличались воздушностью, легкостью тонов и большим изяществом», хотя в выставках художников он участия не принимал, но акварели его были хорошо известны. Еще в Крыму В.П. Цейдлер стал первым учителем

живописи Лизы Пиленко. Он был первым, кто показал ей технику акварели, которая, как известно, достаточно трудна.

Не подлежит сомнению, что Цейдлер во многом способствовал развитию художественных способностей своей племянницы, может быть, и наглядным показом акварельных приемов, которыми он владел в совершенстве. Владимир Петрович также занимался благотворительной деятельностью — более 20 лет он состоял членом Человеколюбивого общества. В Петербурге его супруга активно занималась вопросами ухода за бедными детьми, вела благотворительную работу в Ясельной комиссии общества «Детская помощь».

Цейдлеры окружили Пиленко заботой и активной помощью в обустройстве нового жилья. К осени С.Б. с детьми уже переехала в небольшую, скромно обставленную квартиру в Басковом переулке, 26. Средств было мало, жизнь в столице по всем направлениям отличалась от провинциальной Ялты. Но тем не менее детей решено было отдать учиться в хорошие и дорогие школы.

Смерть отца — это постоянное чувство пустоты, незаживающей душевной раны. «Чувствую, как будто отрезали мне руку или кусочек сердца... новая не вырастет, и сердце уже бьется иначе». Лизе было тяжело во всех отношениях. Город, в котором она проводила счастливые зимние каникулы, встретил свинцовым небом и полным равнодушием к ее горю. К этой новой и непривычной жизни нужно было приспосабливаться. С 1 сентября 1906 г. она начала заниматься в пятом классе известной гимназии Л.С. Таганцевой. «Утром начинаем учиться при электрическом свете, и на последних уроках тоже лампы горят... Мне было трудно заставить себя учиться. Вместо гимназии я отправлялась бродить далеко через Петровский парк, на свалку, мимо голубиного стрельбища. Самая острая тоска за всю жизнь была именно тогда. И душе хотелось подвига, гибели за всю неправду мира, чтобы не было этого рыжего тумана и бессмыслицы», — писала она.

Основательницей гимназии, расположенной на Моховой ул., 27, была Любовь Степановна Таганцева. Она была дальней родственницей известного юриста-криминалиста В.Н. Таганцева. Его сын с женой будут расстреляны 26 августа

1921 года по так называемому антибольшевистскому «заговору Таганцева». Среди сотни расстрелянных будет и поэт Николай Гумилев.

Любовь Степановна, будучи учителем по призванию и по профессии, всю свою жизнь мечтала о собственной школе. Помог случай. Она выиграла в лотерею изрядную сумму денег и пустила ее на организацию гимназии с современными программами и с индивидуальным подходом. Из воспоминаний И. Еленевской (учившейся в то время) можно представить атмосферу, царившую в этой новаторской женской школе:

«Гимназия занимала два этажа дома на Моховой улице. В нижнем этаже помещались приготовительный, первый и второй классы и гимнастический зал, который служил и для игр во время перемен. В верхнем этаже — все прочие классы, с третьего по восьмой включительно, актовый и гимнастические залы, столовые, учительская, и к ним примыкала квартира начальницы, Любови Степановны Таганцевой.

Начиная со второго класса в каждом было по два отделения, по 20–25 учениц, для того чтобы учительскому персоналу легче было поддерживать личный контакт с отдельными ученицами, наблюдать и направлять формирующиеся характеры.

Насколько серьезно относились к педагогическим задачам учителя, видно из того, что в конце каждого учебного года Любовь Степановна вызывала к себе родителей и каждой матери в отдельности говорила об отрицательных сторонах характера ее дочери, чтобы с ними бороться. Учебный день начинался с молитвы. Все классы с имеющимся налицо учительским персоналом, во главе с начальницей Любовью Степановной собирались в актовом зале. Хор из учениц старших классов пел “Отче наш”, одна из учениц восьмого класса читала Евангелие и затем молитву перед занятиями.

Маленькие перемены между уроками длились десять минут, а большая перемена, во время которой завтракали, продолжалась сорок пять минут. Ученицы могли приносить с собой бутерброды, можно было получать за отдельную плату горячий завтрак от гимназии, а некоторым, близко живущим, приносили завтрак в судках из дому.

Из преподавательниц младших классов мне запомнилась учительница русского языка Юлия Петровна Струве, на редкость обаятельная москвичка с бархатными карими глазами, с заложенной венцом на голове косой темных волос, веселая, прекрасно читающая выдержки из творений русских писателей и хорошая декламаторша. Она умела пробудить в своих маленьких ученицах живой интерес к своему предмету и все, искренно любя ее, старались отличиться знанием задаваемых уроков. Ко мне она относилась ласково, но всегда высмеивала мой "петербургский" выговор. Она любила, чтобы немного растягивали слова, выговаривая букву "о" смахивающей на "а", букву "ч" как "ш": "харашо", "што".

В первом классе, где нас было сорок три ученицы, мы еще как бы приглядывались друг к другу, "дружба" с отдельными девочками стала завязываться со второго класса, когда нас разделили по отделениям. Тут мне пришлось испытать и радость первых привязанностей, и детскую жестокость, которая проявляется откровенно, так как дети не умеют еще скрывать или, во всяком случае, сдерживать проявления своих симпатий и антипатий»[1].

По воспоминаниям подруг и самой Лизы, «в гимназии царила серьезная атмосфера дисциплины и научный дух критики». Здесь преподавали первоклассные педагоги, которых тщательно отбирала Л.С. Таганцева. Действительно, со второго курса, на который сразу по прохождении собеседования попала Лиза, класс уже состоял из 24 учениц, самых разных сословий: «Мы были разделены на две группы: чинных барышень высшего чиновного и промышленного круга и бойких развитых интеллигенток, дочерей профессоров, адвокатов, художников». В гимназию принимали после собеседования и девочек из совсем неимущих семей. С некоторыми из них Лиза особенно подружилась: так, ее подруга А. Афанасьева была из бедной рабочей семьи. Тагацева сумела для таких особо одаренных детей найти меценатов, которые платили за их обучение.

Наряду с общеобразовательными предметами в гимназии Таганцевой преподавалось и рисование; уроки эти вела

---

[1] И. Еленевская (1897–1981). «Петербург до революции», машинопись, архив А. Шустова.

одна из сестер Шнейдер, известных акварелисток, Варвара Петровна. Сестры Шнейдер были постоянными участницами петербургских акварельных выставок, страстно увлекались народным искусством и русским орнаментом, были дружны с Н.К. Рерихом. Во время занятий Варвара Петровна старалась уделить время каждой ученице, собственноручно показывала технику и премудрости рисунка. На каждом уроке наглядным показом и сравнением репродукций она старалась объяснить стили, привить девушкам хороший вкус к пониманию изобразительного искусства. Для обучения гимназисток рисованию использовались классические гипсовые слепки античных героев, в частности голова богини Геры, висевшая на стене и, видимо, порядком намозолившая глаза ученицам. Пятиклассница Лиза Пиленко, побывавшая както на открытой лекции по энергии, на другой день горячо рассуждала в кругу подруг: «Нет, вы подумайте — материи, этой тяжелой, косной материи нет, есть одна энергия! И эта стена — энергия, и эта голова Геры тоже — энергия...»

Одноклассница Лизы Ю.Я. Эйгер (по мужу Мошкова) вспоминала позже: «Девушки-гимназистки были в курсе литературных, театральных и музыкальных событий Петербурга, посещали выставки "Мира искусства". Нашими любимыми художниками были Бенуа, Лансере, Сомов, Кустодиев, Альтман... Лиза была настоящая художница. Рисовала она не просто хорошо, на каждом рисунке лежала печать ее неповторимого своеобразия и таланта. Рисовали мы в гимназии на уроках банальные гипсовые орнаменты, и некоторые из нас научились их рисовать правильно и точно, может быть даже изящно. А вот в рисунке Лизы, резком и подчеркнутом, всегда была выделена какая-то идея, остальное было сделано небрежно, как бы едва намечено. Я до сих пор помню ее рисунки, поразившие меня, и, несомненно, она, а не наш учитель рисования научила меня понимать живопись как искусство, проникать в самую сущность людей и вещей, созданных гением человека. И как ни странно, в то время Лиза рисованию не придавала особого значения!» [2].

---

[2] Цит. по: *Кривошеина К.* Красота спасающая. СПб.: Искусство—СПБ, 2004.

Конечно, художники Серебряного века влияли на становление художественного вкуса молодых учениц и самой Лизы. Тяга к современному искусству у нее развивались под бурлящими, новаторскими идеями того времени. Художники и артисты торопили время, спешили сломать и разрушить устои, новые мысли и идеи были сродни веку. Россия впитывала как губка европейские «либеральные взгляды», бунтарство и протест против всего «старого и отжившего» захлестнули умы интеллигенции, дотянулись и до студенческой молодежи.

Софья Борисовна вполне отдавала себе отчет в том, что Лиза ищет способы забыть свое горе, ее не пугает опасность, она стремится подражать отцу. Много раз ей приходилось упреждать дочь, но характер у нее был упрямый, и уж если она ставила перед собой задачу, то шла к намеченной цели до конца.

Довольно скоро вместе с подругами по гимназии она решила проводить уроки с рабочими Путиловского и Франко-русского заводов по арифметике, географии, русскому и немецкому языкам. С.Б. вспоминала: «Однажды она пришла ко мне и объявила, что ее пригласили по вечерам давать уроки рабочим на Путиловском заводе. Я пришла в ужас! Это был 1906 год, всюду аресты, и вдруг 15-летняя девочка будет давать уроки рабочим, да еще вечером! Говорю ей: “У тебя у самой много уроков, тебе самой еще учиться нужно, да и в беду попадешь...” Она бросилась меня целовать и говорит смеясь: “Не бойся, мать, и уроки выучу, и ничто со мной не случится... а вечером оттуда меня старики-рабочие до трамвая обещали проводить”. Я скрепя сердце позволила, думая, что она этим от душевной тяжести избавится. Несколько раз в неделю ей приходилось туда ездить. Прошло несколько месяцев, и в какой-то праздник Лиза говорит мне, что она должна идти в музей Александра III (ныне Русский музей), ее там ждет группа учеников, она им обещала прочесть лекцию о русской живописи. За несколько дней она с гимназистками и с преподавательницей ходила в музей и теперь расскажет рабочим, что сама узнала. Спросила у капельдинера, не ждут ли ее рабочие, тот сказал: “Ждут!” — и прочла им лекцию».

Приведенный рассказ достаточно точно характеризует настроения, царившие в то время в русских умах. В те годы ширилась пропаганда произведений искусства среди трудящихся масс, считалось, что музеи и выставки повысят их культурный уровень и смогут заменить рабочим научную и художественную литературу, так как из-за непосильного труда и угнетения на чтение и театры у них нет времени. Наступал период борьбы с несправедливостью, с самодержавием... Активными помощниками «искусство в массы» стала целая плеяда знаменитых деятелей искусства. Иллюзии и надежды, связанные с поголовной ликвидацией безграмотности, были огромными; студенчество воспринимало это всерьез, а 1917 год все это утопил в крови.

Революционная лихорадка, как заразная болезнь, легче всего подхватывалась в молодежной среде. Газета «Новое время» в декабре 1906 года публикует статью, где дается обширный обзор ситуации в стране: «Русская революция отличается от всех революций в мире тем, что она вербует в свои ряды не только взрослых, но и детей. Четырнадцатилетних граждан она называла сознательными, давая им в руки красный флаг, и предложила им полную автономию в школе. Все, что происходит на фабриках и заводах, отражается, как в зеркале, в нашей школе».

В эмиграции, в 1933 году, уже приняв монашество, м. Мария напишет: «В наше время как будто бы окончательно выясняется, что в мире борются две силы, — сила христианства и сила безбожного, воинствующего коммунизма, а промежуточное пространство между ними все более исчезает, проваливается в полном отсутствии воли и творчества. А от такой исключительности этих двух сил все яснее их непримиримость, их несогласуемость. Вот почему делается яснее, что и между этими символами — между крестом, серпом и молотом — существует такая же несочетаемость и равная взаимная непримиримость... Сейчас становится все яснее, что известные слова "Интернационала" "...никто не даст нам избавленья... добьемся мы освобожденья своею собственной рукой" — нуждаются в существенной поправке. Собственной рукой, да еще железной и принудительной, никто ничего сегодня не добьется!»[3]

[3] Мать Мария. Эссе «Крест и серп с молотом».

Но для того чтобы написать это, Лизе Пиленко нужно будет еще многое испытать, пройти через идеологию социализма, построения «рая на земле» и обратиться к глубоким евангельским истинам.

Вернемся к воспоминаниям Ю. Эйгер: «Лиза на самом деле удивляла не только свою мать. Она была чрезвычайно, можно даже сказать гениально, одарена. Мозг ее работал непрестанно, она всегда напряженно думала об отвлеченных проблемах, жизненно важных для нее в эту минуту. Целиком захваченная какой-нибудь идеей, Лиза настойчиво внедряла ее в сознание близких людей и требовала от них такого же понимания, такого же увлечения. Она всегда была в приподнятом творческом состоянии и потому по сути своей глубоко оптимистична. У друзей Лиза не допускала никакого упадка настроения, даже грусти».

Огромное впечатление на «ищущую» молодежь произвело рождение нового героя Глана в романе Кнута Гамсуна «Пан». Он, как никто, стал тем принцем во всех отношениях, о котором мечтают девушки. Глан стал олицетворением настоящего мужчины в противовес тем городским «испорченным цивилизацией» юношам, с которыми гимназистки встречались в жизни. «Пан» — один из лучших лирических романов выдающегося норвежского писателя К. Гамсуна о величии и красоте природы и трагедии неразделенной любви. Книга вышла в 1894 году, переведена на русский была в начале XX века. Вот что писал об этой книге Александр Куприн: «Чехов один из первых приветствовал его, называя этот роман чудесным и изумительным еще в то время, когда о Гамсуне очень мало знали даже на его родине, в Норвегии. Если хотите, — это роман, поэма, дневник, это листки из записной книжки, написанные так интимно, точно для одного себя, это восторженная молитва красоте мира, бесконечная благодарность сердца за радость существования, но также и гимн перед страшным и прекрасным лицом бога любви».

У Лизы Пиленко романтическая вера во встречу с Гланом сохранилась на многие годы: он долго был ее идеалом. Даже в своей поэме «Мельмот-скиталец», выводя своего

героя, описывая его внешность и характер, она невольно находилась под впечатлением Глана. А тогда ее душа терзалась, бродила в потемках, падала в бездну, и вдруг стали созревать первые стихотворные строки «о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели... и о встрече».

Не здесь, не здесь, — в пустынном океане,
Средь бурь, средь волн сердитых и в седом тумане
Решил Мельмот спасение искать.
<...>
На береге морском Ей моряк говорил
Про смерть и про грех, про земные утраты,
Про горечь безвременных, тихих могил,
О жизни средь мира, стяжаньем богатой,
О гибели частой и веры, и сил...[4].

* * *

Смесь романтизма с непокорностью вполне сопутствует болезням молодости. А еще хотелось встречи с новым героем — сильным, смелым и умным. Девичьи фантазии затмевали реальность, но поиск продолжался по разным направлениям. В эти годы она впервые задумалась о подвиге.

Гимназические подруги следили за современными дискуссиями, читали модного в ту пору Ницше с его идеями сверхчеловека. О сверхчеловеке писалось много. Одни трактовали его в стиле самого Ницше как зоологический тип, другие — как богочеловека, третьи — как демона, четвертые — просто как художественный символ. По мнению философов Н. Федорова и Вл. Соловьева, сверхчеловеком мог считаться лишь тот, кто, подобно Богу, победит смерть, станет бессмертным. Это тоже было приближением к *богочеловеку*. Однажды Лиза вступила в спор и сказала: «Не будет сверхчеловека вообще, мне он не нужен. Я людей люблю, даже таких, как теперь: слабых, но родных». Ее оппонентка возразила: «В будущем совершенно сгладится разница полов, ведь уже и теперь это заметно». А кто-то высказал мнение, что наука сумеет сделать «сверхженщину и сверхмужчину».

[4] «Мельмот-скиталец».

Рассуждения были достаточно наивны, но никто тогда из юных спорщиц не подозревал, что выведением будущей расы сверхлюдей займется Адольф Гитлер.

В 1907 году группа учениц шестого класса Таганцевской гимназии организовала кружок по изучению марксизма, к которому охотно примкнула и Лиза Пиленко. Ее анапский «революционный» опыт подталкивал к конкретным действиям. В памяти были свежи события Кровавого воскресенья. В баррикадных боях тогда принимали участие и подростки, в том числе — гимназисты.

Небольшую группу таганцевок возглавляла Анна Афанасьева, подруга Лизы Пиленко. Вскоре они познакомились со своим главным идеологом-руководителем. Им оказался член молодежного оргбюро студент I курса университета С.А. Дианин. В программу занятий входило изучение философии, политэкономии и социализма. По словам Дианина, работа кружка имела «деловой и бодрый дух». Девушки читали запрещенную политическую литературу, писали рефераты, участвовали в маевках.

Игра в конспирацию зашла далеко, им придумали подпольные клички (мужские): А. Афанасьеву звали Митя, а ее одноклассницу Н. Михнович — Миша. Собирался кружок на квартире родителей Ю. Эйгер в центре города. Общие собрания раз в месяц проходили обычно на квартире сестер Неслуховских или у «молодого большевика» Ф. Кваскова. Лиза писала: «Наконец-то я встретила настоящих революционеров и стала частью общего кипения». Ее подруга Эйгер была увлечена поиском правды жизни по Эрфуртской программе германской социал-демократической партии. Программа эта выдвигала требования свержения монархии и установления демократической республики. «Предысторические годы, ценное свидетельство Эрфуртской программы, когда мысль жаждет единства и стройности, когда выпрямляется позвоночник века, когда сердцу нужнее всего красная кровь аорты», — писал О. Мандельштам.

Поиск цели и истины (тот вопрос, на который она не получила ответа у Победоносцева), казалось, начинал обретать очертания. Но именно что казалось: на этом пути ее будут

ожидать разочарования не только в людях, но и в методах достижения этих радужных целей. В письме Афанасьевой она писала: «Не спрашивай, почему надо так делать; спрашивай, во имя чего». Ответы на многие вопросы были не слишком философские, но достаточно по-партийному жесткие. Тем более что молодость шла рука об руку с максимализмом. Лиза читала запрещенную литературу, их учили агитации и составлению текстов листовок.

Повзрослев, Лиза не без иронии замечает: «Я не могла понять, отчего политическая экономия — вещь не более привлекательная, чем счета с базара, которые приносит моей матери кухарка Аннушка». Свое участие в подпольной молодежной организации она впоследствии опишет в нескольких рассказах и автобиографической хронике. Одним из ее реальных персонажей будет молодой пятнадцатилетний марксист Шидловский по кличке Шило. «Сегодня я видела на курсах товарища Шило. Знаете, такой, что по Марксу живет. В конце концов за ними, может быть, будущее». Убежденной марксисткой Лиза тогда не стала, чуть позднее примкнула к эсерам, а вот ее старшая дочь Гаяна уже в Париже повторит путь матери. Марксистские кружки и лекции в 30-х годах она усердно посещала.

До нас не дошло свидетельств о том, как в организации относились к «женскому вопросу». Несомненно, что всячески приветствовались феминистские течения, борьба за равенство полов, свободу угнетенной матери, влачащей жалкое существование под гнетом изверга-мужа. На этот суровый подход перерождения женщины и построения нового общества имелся и другой взгляд. Церковный журнал «Русский паломник» писал: «Равенство гражданских и политических прав оставит в сердцах их неизмеримую пустоту. Не путем изменения их внешнего положения достигнут они счастья <...>. Женщина может выйти из этого движения менее женственною, и это будет несчастьем для человечества; ее освобожденный разум может разрушить в ней священный инстинкт ее сердца как девицы, супруги, матери». Удел женщины — любить мужа (“и даже поработить себя ему”), воспитывать детей, жертвовать собою, заниматься благотворительной деятельностью, наконец».

Лиза зачитывалась «Войной и миром» и не могла не осознавать, что Лев Толстой, выписывая ею любимые образы Наташи Ростовой и Марии Болконской, придерживался антифеминисткого взгляда на «женский вопрос». В одной из публикаций Лиза случайно прочла его статью, которая вызвала в ней смешанные чувства: «Идеал совершенства женщины не может быть тот же, как идеал совершенства мужчины. Допустим, что мы не знаем, в чем этот идеал, во всяком случае, несомненно то, что не идеал совершенства мужчины. А между тем к достижению этого мужского идеала направлена теперь вся та смешная и недобрая деятельность модного женского движения, которое теперь так путает женщин». Со своими единомышленницами они обсудили «заявление» великого писателя и пришли к выводу, что он устарел. На следующее собрание кружка одна из подруг принесла газету «Вперед» под редакцией В.И. Ленина: «Век новый начал активное втягивание женщин во всевозможные женские движения, в общественное производство. На собраниях уже идет речь о “дворянском” и “разночинном” женском пролетариате, которые должны и даже будут вынуждены зарабатывать себе на жизнь самостоятельным трудом: именно эти “благородные девицы” должны стать новыми женщинами, образованные, мыслящие и передовые с повышенной чуткостью к общественным проблемам, готовых служить другой России, но не прислуживать власть имущим».

* * *

Практически до самого конца 1907 года она совсем не знала, кто такие современные поэты, о чем они слагают стихи, и впервые (случайно!) услышала их «живое» чтение на одном из входящих тогда в моду вечеров поэзии. Среди выступавших был Александр Блок. Правда, имя это тогда еще ничего не говорило молодой гимназистке, но после этого поистине исторического случая и вечера она не только нашла и прочла стихи Блока, — она решила доверить ему свою душу и сердце и попробовать получить от поэта ответы на волнующие ее философские вопросы... Но об этой встрече наш рассказ впереди... А пока Лизе пришлось сменить школу. Седьмой

выпускной класс (1908–1909) она заканчивала в гимназии М.Н. Стоюниной.

Весна и белые ночи 1908 года раздавили ее сильнее, чем рыжий туман и черные зимние дни нелюбимого ею города. Лиза отличалась на редкость крепким здоровьем. Она никогда не простужалась, хотя с раннего детства С.Б., привозя детей в Петербург, старалась их держать в квартире. Но и тут она взбунтовалась!

О ее выносливости рассказывала С.Б., а бабушка называла Лизу и Митю «маленькими спартанцами». Лиза была неприхотлива в жизни, никогда не страдала от отсутствия комфорта, редко меняла старые платья на новые, а зимой, несмотря на морозы, обходилась пальто. Вероятно, эта неприхотливость позволила ей в будущем легко перенести кочевую жизнь и все эмигрантские тяготы. Известен случай, когда бабушка купила ей красивое платье, а на следующий день Лиза подарила его подруге. Яфимович обиделась, а Лиза ее обняла, поцеловала и говорит: «Бабуля, но ведь у нее, может быть, никогда в жизни не будет такой красоты! Семья у них большая и бедная».

Если телесная крепость в ней сохранялась, то ее нервное истощение сказалось на успеваемости. Она училась неплохо, но без особого усердия и напрочь запустила французский и немецкий. Решением педсовета гимназии ей была определена переэкзаменовка на осень. Сил наверстать упущенное не было, и осенью 1908 года она перешла в гимназию Стоюниной. Из воспоминаний матери следует, что причиной перехода был ее конфликт с одним из преподавателей «Таганцевки», который чем-то оскорбил одну из учениц и не извинился перед ней. Лиза вспылила и наговорила учителю дерзостей, да еще обвинила его в несправедливом подходе к «неимущему классу». Новая гимназия находилась ближе к дому, на улице Кабинетской, 20. Пиленко жили уже на Малой Московской, 4. Гимназия располагалась как раз напротив Синодальной типографии Митрофаньевского подворья. На фасаде дома была огромная фреска — Бог Вседержитель на облаке. Эту фреску, словно некий путеводный знак, Лиза видела каждый день, посещая занятия. Интересно, что в этом

здании в то же время проживал епископ Евлогий (Георгиевский) — член III Государственной думы. Четверть века спустя, в Париже, раба Божия Елизавета именно им будет пострижена в монашество и станет матерью Марией.

Уровень преподавания в Стоюнинской гимназии считался выше, чем в Таганцевской. Может, потому, что наряду с обычными предметами здесь читались отдельные лекции с живым обсуждением. «Состав учениц у нас более интеллигентский, дух — более демократический и передовой. Нам читал лекции сам поэт Владимир Гиппиус», — вспоминала Лиза. Младший брат Владимира, Василий Гиппиус (поэтический псевдоним Галахов), также был связан с гимназией. Восторженный отзыв Лизы о Галахове не случаен. В тот период он увлекался немецким поэтом-романтиком XVIII века Новалисом (Ф.-Г. фон Харденбергом) и давал читать его стихи гимназисткам. Как пишет С.Б.: «по его "заданию" Лиза сделала стихотворный перевод некоторых поэм на русский язык». Русские символисты были под большим очарованием Новалиса, он привлекал их идеями христианского равенства, а стиль поэм напоминал духовные гимны первохриситан. В том же году Вяч. Иванов сделал стихотворный перевод четырех фрагментов из прозаического романа Новалиса, опубликовав их позже в журнале "Аполлон"».

В выпускном седьмом классе, в который поступила Е. Пиленко, было 38 учениц; атмосфера занятий из-за большого количества заданий и желания объять необъятное доводили учениц до нервных срывов. Наряду с обязательными предметами девушки в гимназии Стоюниной учились хорошим манерам, рисованию, шитью и умению быть хорошими хозяйками в доме. Они должны были хорошо и ясно излагать мысли, писать сочинения, проводились уроки естествознания и ораторского искусства. Почти все выпускницы жаловались на перегрузку и усталость. Давая характеристику класса, в котором училась Лиза, учительница отмечала, «что общий ход занятий оживленный, и многие принялись за дело с интересом и охотой. Что же касается Е. Пиленко, то у нее отмечено небрежное отношение к делу и непривычка заниматься рукоделием... в результате к концу учебного года из-за

небрежного отношения к основному делу — нет никаких успехов».

Этот отзыв никак не раскрывает подлинного творческого отношения юной Лизы к вышивке, которое просто не сумела разглядеть преподавательница. Примеров подобной педагогической слепоты и глухоты в истории искусства немало.

В 1912 году Елизавета опубликует стихотворение:

О другой тишине буду Бога молить,
Вышивать бесконечный узор,
Поведет меня медленно алая нить
Средь пустынь и сияющих гор.
Вышью я над водою оливковый лес,
Темных снастей кресты, рыбарей,
Бесконечную синь распростертых небес,
Красных рыб средь прозрачных морей.
И средь синего полога голубь взлетит
С ореолом прозрачных лучей;
И средь звездных полей будет дьявол разбит,
Вышью золотом взмахи мечей.

Пройдет почти 20 лет, и эти строки будут воплощены ею в вышивке на евангельский сюжет.

Несмотря на переход в другую гимназию, Лиза оставалась верной своим прежним подругам. Занятия в политическом кружке и связанная с этим конспирация сдружили девушек надолго, вплоть до ее свадьбы. В апреле – мае 1909 года Лиза прекрасно сдала выпускные экзамены, почти по всем предметам она получила оценки «отлично», четверки были только по математике и естествознанию. По русской словесности девушки писали сочинение на тему «Русская барышня 20-х годов» по Грибоедову (Софья Фамусова) и Пушкину (Татьяна и Ольга Ларины). Можно предположить, что классические героини были выбраны Министерством народного просвещения не случайно. Зная о все нарастающей эмансипации среди молодого женского поколения, чиновники хотели обратить внимание на «других героинь», о которых с таким презрением писали большевики.

Подводя своеобразный итог гимназического периода жизни Лизы Пиленко, можно сделать вывод, что тяга к искусству носила у нее в основном стихийный и эмоциональный характер, художественное мышление ее в то время было очень наивным, специальных технических знаний и мастерства владения рисунком и живописью она не приобрела к тому времени. Впрочем, это касается не только живописного искусства, но и стихотворных проб; природный талант ее был так силен, что интуиция и воображение извергались на поверхность бумаги бесстрашно, а это и было самым правильным началом ее творческого развития как поэта, многогранного самобытного художника и будущего христианского мыслителя.

В 1909 году Лиза окончила гимназию с серебряной медалью, получила аттестат и уехала летом в свое родовое имение на юг.

ГЛАВА 4

АЛЕКСАНДР БЛОК

Встречи, сомнения, расставания и отчаяние

В декабре 1907 года двоюродная сестра Лизы, Ольга Щастливцева, желая выбить ее «из колеи патетической тоски и веры в бессмыслицу», пригласила ее на один из поэтических вечеров. В своих воспоминания к пятнадцатой годовщине смерти А. Блока м. Мария пишет: «Я была для нее “декадентка”. По доброте душевной она решила заняться мной. И заняться не в своем, а в моем собственном духе. Однажды она повезла меня на литературный вечер какого-то захолустного реального училища, куда-то в Измайловские роты. В каждой столице есть своя провинция, так вот тут была своя измайловско-ротная, реального училища — провинция. В рекреационном зале много молодого народу. Читают стихи поэты-декаденты. Их довольно много. Один, высокий, без подбородка, с огромным носом и с прямыми прядями длинных волос, в длиннополом сюртуке, читает весело и шепеляво. Говорят, это Городецкий. Другой — Дмитрий Цензор, лицо не запомнилось. Еще какие-то, не помню. И еще один. Очень прямой, немного надменный, голос медленный, усталый, металлический.

Темно-медные волосы, лицо не современное, а будто со средневекового надгробного памятника, из камня высеченное, красивое и неподвижное. Читает стихи, очевидно

новые, “По вечерам, над ресторанами”, “Незнакомка”... и еще читает.

В моей душе — огромное внимание. Человек с таким далеким, безразличным, красивым лицом. Это совсем не то, что другие. Передо мной что-то небывалое, головой выше всего, что я знаю. Что-то отмеченное... В стихах много тоски, безнадежности, много голосов страшного Петербурга, рыжий туман, городское удушье. Они не вне меня, они поют во мне самой, они как бы мои стихи. Я уже знаю, что ОН владеет тайной, около которой я брожу, с которой почти сталкивалась столько раз во время своих скитаний по островам этого города.

Спрашиваю двоюродную сестру: “Посмотри в программе — кто это?”

Отвечает: “Александр Блок”.

О странной гипнотизирующей манере поэта читать стихи вспоминает и М. Волошин: «Сам он читает свои стихи неторопливо, размеренно, ясно, своим ровным, матовым голосом. Его декламация развертывается строгая, спокойная, как ряд гипсовых барельефов. Все оттенено, построено точно, но нет ни одной краски, как и в его мраморном лице. Намеренная тусклость и равнодушие покрывают его чтение, скрывая, быть может, слишком интимный трепет, вложенный в стихи. Эта гипсовая барельефность придает особый вес и скромность его чтению»[1].

В этот темно-рыжий нескончаемо холодный период ее жизни, превратившийся из месяцев в годы тоски, произошло чудо! На следующий день она нашла книжку стихов Блока, вчиталась и поняла, что это навсегда. Она услышала не только голос, но и встретила родственную душу: «Я не понимаю... но и понимаю, что он знает мою тайну. Читаю все, что есть у этого молодого поэта. <..> Я действительно в небывалом мире. Сама пишу, пишу о тоске, о Петербурге, о подвиге, о народе, о гибели, еще о тоске и... о восторге!»

Ей было шестнадцать, поэту почти тридцать

Стихи, весь облик Блока, созвучные мысли родили в ее голове абсолютную уверенность, что он — это живое

[1] *Волошин М.* Лики творчества. Кн. 1. СПб.: Аполлон, 1914.

воплощение Мудреца. Он знает сокровенные тайны мира, он предвидит и наверняка сможет ответить на мучившие ее вопросы. Нет сомнений, что она влюбилась в него с первого взгляда, это была любовь без стыдливости хорошо воспитанной барышни, это была любовь не поклонниц талантов великих певцов и актеров, нет, это была встреча своего второго «я», которая чудесным образом в отчаянный момент жизни была послана ей во спасение.

Она узнает его адрес и 6 февраля 1908 года идет к нему на Галерную. В одном из своих текстов она пишет: «Я шла как на плаху!» Она приходила к Блоку дважды и не заставала дома, ждала у подъезда. На третий раз попросила у горничной разрешения подождать поэта в его кабинете. «Жду долго. Наконец звонок. Разговор в передней — входит Блок! Он в черной широкой блузе с отложным воротником, совсем такой, как на известном портрете. Очень тихий, очень застенчивый. Я не знаю, с чего начать. Он ждет, не спрашивает, зачем пришла. Мне мучительно стыдно, кажется всего стыднее, что, в конце концов, я еще девочка, и он может принять меня не всерьез».

Он долго молчал, внимательно слушал, ей удалось разговорить поэта; за окном уже темно, зажигаются фонари. По необъяснимым обстоятельствам эта почти девочка сумела вызвать в нем отклик. «Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно». Реакция наивная, она не знала, что Блок был увлечен Н.Н. Волоховой, и разговор с Лизой был своего рода мыслями вслух, размышлениями о себе и его любовных переживаниях.

Материнская встревоженность у 16-летней девушки о взрослом мужчине?! Может показаться странным, но таков уж был у нее характер — она опекала, покровительствовала и любила тех, кто был слабее ее, кто нуждался в ней. Даже к собственной матери она относилась как к младшей сестре, постоянно заботясь о ней.

Через неделю она получила от него письмо из Ревеля в ярко-синем конверте, в которое он вложил свое стихотворение, посвященное ей:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном...
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О, нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

Сколько ни говорите о печальном,
Сколько ни размышляйте о концах и началах,
Все же, я смею думать,
Что вам только пятнадцать лет.
И потому я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные речи
о земле и о небе.

Право, я буду рад за вас,
Так как — только влюбленный
Имеет право на звание человека.

В письме он говорит об умерших, ему кажется, что Лизе нужно искать выход, может быть, в соединении с природой, в соприкосновении с народом: «Если не поздно, то бегите от нас умирающих». Ее реакция бурная: «Не знаю, отчего я негодую. Бежать — хорошо же. Рву письмо и синий конверт рву. Кончено. Убежала. Так и знайте, Александр Александрович,

человек, все понимающий, понимающий, что значит бродить без цели по окраинам Петербурга и что значит видеть мир, в котором Бога нет».

Не прошло и нескольких месяцев, как Лиза знакомится с молодым поэтом Николаем Гумилевым, студентом университета. Он читает ей стихи и как бы шутливо за ней ухаживает; уже тогда за ним закрепилась роль «рокового обольстителя». Пройдет несколько лет, и он «перепосвятит» ей свое стихотворение «Это было не раз...», написанное ранее для А. Горенко (Ахматовой).

Это было не раз, это будет не раз
В нашей битве глухой и упорной:
Как всегда, от меня ты теперь отреклась,
Завтра, знаю, вернешься покорной...

Его мимолетное увлечение Лизой можно отнести к зиме 1908—1909 гг. Со временем между двумя поэтессами, Анной и Елизаветой, установились довольно натянутые отношения. Гумилев же сохранил по отношению к Лизе Пиленко самые добрые чувства. После того как она разочаровалась в «Цехе поэтов» и решила, что ни с Гумилевым, ни с Ахматовой ей не по пути, Анне Андреевне задали вопрос: «Почему Блок не ответил на признания Лизы?». Ее ответ был пронизан режущей беспощадностью: «Она была некрасива — Блок не мог ею увлечься». Несмотря на то что жизненные и творческие пути двух поэтесс еще накануне революции разошлись, а революция, Гражданская война (эмиграция м. Марии) поставили между ними непреодолимую преграду, Анна Андреевна до конца дней сохранила уважительное отношение к своей почти единомышленнице и по-дружески продолжала ее звать Лизой. В 1936 году она узнает о возвращении в СССР Гаяны, старшей дочери м. Марии, ее неожиданная кончина вызовет в ней разные предположения и даже сомнения в официальной версии этой смерти...

Встречи Лизы с Блоком, их переписка, разговоры напоминали морские приливы и отливы; этих встреч было много, некоторые исследователи считают, что они состоят из

трех периодов. 19 февраля 1910 года она неожиданно для всех выходит замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева; они приглашаются на обед к Блоку, потом ответные визиты — несколько раз с женой он приходил на чай в квартиру к Софье Борисовне, которая показывала им свою коллекцию кружев. Затем общие посещения театров, поэтических вечеров, опять обеды... Но во время этих светских раутов между ними почти не было разговоров... так, нечто незначительное: «...говорили о детстве и о детской склонности к страшному и исключительному. Он рассказывал, как обдумывал в детстве пьесу. Герой в ней должен был покончить с собой. И он никак не мог остановиться на способе самоубийства. Наконец решил, что герой садится на ЛАМПУ и СГОРАЕТ. Я в ответ рассказывала о чудовище, которое существовало в моем детстве. ЗВАЛИ ЕГО — ГУМИСТЕРЛАП. Он по ночам вкатывался в мою комнату, круглый и мохнатый, и исчезал за занавеской окна».

Блуждание в потемках, побеги от самих себя, внезапные отъезды то на юг, то в Германию, неожиданные письма с призывами «приходите» в тех же ярко-иних конвертах и бдения до утра... Она была умна, не по возрасту образована, он, как и вся Россия, «искал смысла», общество раскололось на «за Распутина» и на «за революцию», промежуток был пуст. Поэт хотел уберечь ее от опрометчивых шагов, а ей казалось, что он слишком застенчив. Можно предположить, что Елизавета его пугала и он не хотел развития их отношений, которые могли привести к непредсказуемому, а она ревновала его не только к женщинам, но и к воздуху, и к друзьям, и к стихам, которые он читал другим... Блок для нее стал тем первым толчком, который вывел Елизавету на путь богоискательства.

В судьбе почти каждой значительной личности происходят события, которые меняют не только весь ход мыслей, но и жизни. Чаще всего это происходит в кризисные моменты поиска собственного «я» и, конечно, желания найти родственную душу.

По окончании гимназии 1 сентября 1909 года Елизавета Пиленко стала слушательницей философского отделения Бестужевских курсов. Она увлечена занятиями: «В этот

период мне пришлось много заниматься философией. Очень по-студенчески одолевала я премудрость отдельных философов, вместе с Кантом торжествовала победу над философской мыслью, не постигшей еще тайн критицизма, от Канта шла дальше, к неокантианцам. И каждый вновь постигнутый элемент знания именно по-студенчески воспринимался как нечто очень прочное, близкое по своей достоверности к математике».

Как правильно вырвалось у нее — «шла дальше»! Об этом периоде рассказ отдельный, а то, что встреча с Блоком стала поворотной на ее пути, так это несомненно. Можно предположить, что влюбленность в «принца» принесла огорчения, а поэтому и столь внезапная свадьба, которая повергла всех в удивление, — некий отчаянный жест девушки выбить клин клином. Замужество не принесло счастья, а только большее осознание, что Блок и есть ее судьба. В 1915 году она пишет: «Передо мной проходят все мысли последнего времени, проверяю решения. Россия, ее Блок, последние сроки — и надо всем ХРИСТОС, единый, искупающий все <..> Что мы можем? Что могу я, любя Вас? Потому что сейчас в Вас будто мы все, и Вы символ всей нашей жизни. Даже всей России символ. Перед гибелью, перед смертью Россия сосредоточила на Вас все свои самые страшные лучи».

Еще во время их первой встречи в 1908 году Блок говорил ей, что принадлежит к умирающему поколению, он советовал всем, кто еще кровно не связан с этим уходящим временем, бежать куда глаза глядят, искать новых путей. Елизавета Кузьмина-Караваева последовала совету Блока — она отошла от декадентов, покорно ожидающих гибели, и стала искать другой путь. Таких путей в Петербурге было немало, хотя зачастую они отличались от старых лишь названиями и попросту являлись тупиками. В то время возникали и распадались многочисленные течения и группы. Молодые поэты кочевали из одного кружка в другой, пытаясь определиться. Иной из них успевал за один сезон побывать в пяти-шести «обществах», а затем и сам брался за основание чего-нибудь своего, столь же недолговечного, как и другие. Найти истинный путь в этом лабиринте было нелегко.

Так она попадает на «башню» к Вячеславу Иванову — поэту-символисту, эстету и историку. На Таврической, 35, в башне с куполом собирались философы, поэты, художники, историки и артисты... Невозможно даже перечислить всех тех, кто бывал здесь. Огромная квартира Иванова имела исключительное значение для всей духовной предвоенной России с 1905 по 1913 год она стала центральным местом для всего художественного Петербурга, своеобразной Академией Искусств. Забегая вперед, можно сказать, что Елизавете поначалу было все это «брожение» интересно, а потом надоело. Скорее всего, именно общение с Блоком помогло ей разобраться в расстановке сил и порвать с обитателями «башни».

Как известно, Иванов многократно приглашал поэта на свои «среды», упрекая его в том, что он уклоняется, на что Блок дипломатично отвечал: «Как Вы странно говорите "уклониться". Я совсем не уклоняюсь от существенного, живу напряженно, избегаю только литературной среды, притом окончательно, как избегал ее почти всю жизнь». В разговорах с Лизой он отмечал, что в тогдашних «салонах» «много светского, внешнего»[2].

В начале июля 1916 года Лиза находится в Джемете, узнав о его мобилизации на фронт, она посылает Блоку письмо, спокойное и даже торжественное. И хотя в нем много слов о ее любви и нежности к нему, но они скорее указание на родство и единство духа, но не на страсть: «Итак, если Вам будет нужно, вспомните, что я всегда с Вами и что мне ясно и покойно думать о Вас. Господь Вас храни. Елиз. Кузьмина-Караваева». И в конце приписка: «Мне бы хотелось сейчас Вас поцеловать очень спокойно и нежно».

И сразу же она получает ответ: «Я теперь табельщик 13-й дружины Земско-городского союза. На войне оказалось только скучно. О Георгии и Надежде, — скоро кончится их искание. Какой ад напряженья! А Ваша любовь, которая уже не ищет мне новых царств. Александр Блок». Война, настроения солдат и офицеров все больше разочаровывали, все больше раздражали и затягивали, с его слов, «лошадиные,

[2] Письма Александра Блока. Л.: Колос, 1925. Письма А. Блока к Вяч. Иванову (1907—1916).

аэропланные, телефонные, кухонные и окопные интересы», надежды увидеть на войне героическую победу рушились с каждым днем. Упоминание о святых Георгии и Надежде сделано не зря — это очень жестокий вывод всей катастрофической ситуации: повержен не дракон, а сам Георгий и все надежды на спасение.

Елизавета немедленно отвечает:

«20. VII. 1916. Дженет[3].

Мой дорогой, любимый мой, после Вашего письма я не знаю, живу ли я отдельной жизнью или все, что "я", — это в Вас уходит. Все силы, которые есть в моем духе: воля, чувство, разум, все желания, все мысли — все преображено воедино и все к Вам направлено. Мне кажется, что я могла бы воскресить Вас, если бы Вы умерли, всю свою жизнь в Вас перелить легко. Любовь Лизы не ищет царств? Любовь Лизы их создает, и создает реальные царства далее, если вся земля разделена на куски и нет на ней места новому царству. Я не знаю, кто Вы мне: сын ли мой, или жених, или все, что я вижу, и слышу, и ощущаю. Вы — это то, что исчерпывает меня, будто земля новая, невидимая, исчерпывающая нашу землю...»

Следующее письмо Елизавета Юрьевна написала 26 июля, в нем были и стихи о великомученике Георгии: «После Вашего письма писала я стихи. Если Вы можете их читать как часть письма, то прочтите; если же нет, то пропустите. Они выразили точно то, что я хотела Вам сказать:

Увидишь ты не на войне,
Не в бранном, пламенном восторге,
Как мчится в латах, на коне
Великомученик Георгий.

Ты будешь видеть смерти лик,
Сомкнешь пред долгой ночью вежды;
И только в полночь громкий крик
Тебя разбудит — зов надежды!

---

[3] См. далее по тексту объяснение названия Джемете/Дженет.

И белый всадник даст копье,
Покажет, как идти к дракону;
И лишь желание твое
Начнет заутра оборону.

Пусть длится напряженья ад, —
Рассвет томительный и скудный.
Нет славного пути назад
Тому, кто зван для битвы чудной.

И знай, мой царственный, не я
Тебе кую венец и латы:
Ты в древних книгах бытия
Отмечен, вольный и крылатый!

Смотреть в туманы — мой удел,
Вверяться тайнам бездорожья,
И под напором вражьих стрел
Твердить простое слово Божье.

И всадника ввести к тебе,
И повторить надежды зовы,
Чтоб был ты к утренней борьбе,
И в полночь, — мудрый и готовый.

Это был безнадежный зов, она понимала, что близится финал их отношений, рушилась Россия, в «терновом венце революции» приближался роковой 1917 год. Ответа от Блока не последовало, и, как она вспоминает, «воцарилось страшное гробовое молчание». Прощальное письмо из Петрограда, куда она приезжала (в последний раз) весной 1917 года, тоже осталось без ответа: «Дорогой Александр Александрович, <...> мне хотелось бы Вам перед отъездом сказать вот что: я знаю, что Вам скверно сейчас; но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь, — всякий, всякий, — я бы все же с радостью свернула с него, если бы Вы этого захотели. Зачем — не знаю. Может быть, просто всю жизнь около Вас просидеть...»

Может показаться странным, но символический Георгий, боец и победитель, возникал на их пути уже не раз. В самом начале их знакомства, в 1906 году, когда Лиза была только на подступах к поэзии, Блок записал ей на память две строки Бальмонта: *«Святой Георгий, убив дракона,/ взглянул печально вокруг себя».*

В 1915 году у Е.Ю. Кузьминой-Караваевой вышла философская повесть со странным названием «Юрали». Первая часть имени, усеченное «Юр», — сокращенное от Георгий (Юрий), в память о любимом отце. А вторая часть — от мусульманского «Али» — мудрый, возвышенный. Юрий — это славянская переделка имени Георгий, которая вошла в обиход в России достаточно поздно. В год написания «Юрали» поэтесса не могла предвидеть, что о святом Георгии в 1916 году ей будет писать Блок в своем последнем письме и что в 1920 году у нее родится сын, которого она назовет Юрием в память об отце и поэте.

«Каждого человека стережет судьба; и никто не может уйти от пути своего. С детства видит человек, что пути его от судьбы предназначены. Я же пришел сказать вам: нет случая. Как зерно не случайно вырастает, как стебель не случайно выкидывает колос свой, так же не случайна дорога человека» *(«Юрали»).*

ГЛАВА 5
В МИРЕ ИСКУССТВА

Бестужевские курсы, РФО, замужество, «Башня», «Цех поэтов», «Бродячая собака», первые книги стихов, выставки… и опять А. Блок, А. Толстой и М. Волошин

Читатель еще не раз встретится здесь с именем Блока, а пока вернемся к 1 сентября 1909 года, когда Лиза становится слушательницей философского отделения историко-филологического факультета Бестужевских курсов, расположенных на 10-й линии Васильевского острова. Это было первое высшее женское учебное заведение в России, открытое в 1870 году в результате настоятельных просьб общественности и ученых, которые убедили правительство Александра II ввести образование для женщин. Решение назревало давно и стало подобием свободного университета, чтобы русские женщины не ездили учиться за границу. В числе известных слушательниц были Л.Д. Блок, Н.К. Крупская, О.Д. Форш и другие. Решающую роль в становлении курсов сыграл ректор Петербургского университета Андрей Николаевич Бекетов. Поначалу их так и называли «Бекетовскими»; лекции читали выдающиеся ученые, среди которых был и Д. Менделеев.

Многие преподавали без вознаграждения и были активными сторонниками женского образования в России. Примечательно, что программа обучения для курсисток ничем не отличалась от стандартной университетской, по которой занимались мужчины.

В 1906 году под влиянием первой русской революции, произошло изменение системы курсов в сторону большей автономии. Совету профессоров даже было разрешено выбирать директора из своей среды. На эту должность был избран В.А. Фаусек — энтомолог и пропагандист женского образования, в том же году открылся новый юридический факультет по изучению права. Его программа включала изучение философии, истории, экономики, а также государственного и полицейского права. При желании студентки этого факультета могли также изучать богословие, немецкий, французский, английский и итальянский языки.

Отсутствие обязательной сдачи государственных экзаменов означало, что курсы юридически не принадлежат к высшим учебным заведениям. Такое положение было изменено лишь 30 мая 1910 года. Интересно познакомиться с данными социологического опроса курсисток, проведенного в 1909 году. Наибольшее влияние на формирование их мировоззрения оказали: Л. Толстой (39% ответивших), Ф. Достоевский (27,2%), И. Тургенев (24,1%), К. Маркс и его школа (18%). Любимыми писателями курсистки назвали: из классиков — Ф. Достоевского, Л. Толстого, И. Тургенева, а из современников — Л. Андреева, А. Чехова, М. Горького. Так называемые иные (А. Белый, Д. Цензор, Вл. Гиппиус, М. Кузмин) набрали в сумме только 2,8%. Многих писателей-современников девушки относили к «модернистам» и «декадентам», не делая никакого различия между ними. В этом, безусловно, сказалась устойчивость гимназического восприятия. В анкетах встречались резкие отзывы о «модернистах»: «Нет любимых — все нервы дергают», «Никакие они не любимые, неинтересные и грязные», «Читая новую литературу, можно окончательно расшатать себе нервную систему и испортить пищеварение благодаря ее безыдейности и односторонности».

Студентки тех годов вспоминают обстановку курсов как ужасную: в аудиториях непрерывная толчея, мелькание, шум, слабое освещение и пыль от неметеных полов. Сословный состав курсисток был чрезвычайно разнообразен: от бедных, которые падали в голодные обмороки, до вполне

обеспеченных. В особую группу входили революционно настроенные барышни, за которыми велся довольно открытый полицейский надзор.

Вскоре Лизу избрали старостой группы, хотя по возрасту она была чуть ли не моложе всех — основная масса слушательниц была в возрасте около 20–25 лет.

Атмосфера курсов Елизавету не то чтобы пугала, а скорее удивляла, потому как прекрасный состав педагогов мало соответствовал студенческому уровню. Однажды она разговорилась в перерыве между лекциями с одной из девушек и та призналась, что она плохо понимает философскую терминологию. Основными предметами по философии были: энциклопедическое введение в философские науки, логика, психология, история философии. При выборе программы своих занятий слушательница обязана была в центр внимания поставить одну из основных научных дисциплин (теорию познания, этику, метафизику, психологию), а остальные «расположить около главной». Курсы наук на философском отделении читали известные ученые: А.И. Введенский (логика), И.И. Лапшин (психология), Н.О. Лосский (история новой философии), С.Л. Франк (этика и социальная философия).

«В этот период мне пришлось много заниматься философией. Очень по-студенчески одолевала я премудрость отдельных философов, вместе с Кантом торжествовала победу над философской мыслью, не постигшей еще тайн критицизма, от Канта шла дальше, к неокантианцам. И каждый вновь постигнутый элемент знания именно по-студенчески воспринимался как нечто очень прочное, близкое по своей достоверности к математике». В будущем она не раз будет вспоминать лекции, на которых ей поначалу было очень трудно, а потом «из студенческой ограниченности», конспектирования и заучивания придет собственный подход, и она проявит себя как незаурядный автор-философ, анализируя взгляды таких мыслителей, как В. Соловьев, А. Герцен, А. Хомяков, Ф. Достоевский...

Под руководством Лосского слушательницы занимались на семинаре, посвященном «обзору современных имманентных теорий знания»; под руководством Франка занятия

велись в просеминаре, посвященном общим вопросам философии. Слушательницы готовили рефераты на темы: «Критика наивного реализма», «Общее учение материализма», «Античный материализм», «Понятие материи», «Идеализм у Декарта», «Современная критика психофизического параллелизма» и другие.

Елизавета Пиленко принимала в этих семинарах деятельное участие — ее фамилия названа в числе лучших слушательниц в отчете о научно-учебной жизни факультета за 1909/10 учебный год. Вместе с тем она слушала еще и лекции по энциклопедии и философии права у юриста, профессора Л.И. Петражицкого.

В соответствии с установленными на курсах правилами, она сдала в I семестре экзамены по обязательному предмету — латинскому языку (латынью она факультативно занималась еще в Стоюнинской гимназии) и по нефакультетскому предмету — немецкому языку, а во втором семестре — по психологии и энциклопедическому введению в философию. 1910/11 учебный год, второй год обучения Елизаветы Кузьминой-Караваевой, ставшей к этому времени замужней дамой и сменившей свою девичью фамилию, начался печально.

1 июля 1910 года скончался первый выборный директор Бестужевских курсов, общий любимец молодежи В.А. Фаусек, как вспоминала Лиза, «симпатичный и трудолюбивый». Огромное впечатление на курсисток произвели уход (побег) обожаемого всеми Л. Толстого и его кончина: 8 и 9 ноября 1910 года на курсах был объявлен траур. Трудно сказать почему, но эти две смерти и начинающиеся с осени во всех учебных заведениях *беспорядки* совершенно изменили учебную атмосферу. Уже в середине ноября курсистки организовали всеобщую сходку, посвященную памяти Фаусека, читали и отрывки из «Воскресения» Льва Толстого. На Васильевском острове состоялась трехтысячная демонстрация студентов Петербургского университета против смертной казни, поддержанная учащимися других высших учебных заведений. Эта демонстрация явилась откликом на смерть Л.Н. Толстого, а 11 ноября на Бестужевских курсах началась бессрочная

забастовка, которую сопровождали многочисленные аресты и исключения.

Из-за последовавших затем политических акций регулярные занятия на курсах начались лишь с 7 декабря. В результате разыгравшихся событий слушательницы Бестужевских курсов по ходатайству совета профессоров сдавали государственные экзамены при университете. После учебной забастовки 26 января 1911 года многие курсистки были арестованы или исключены; посещаемость занятий резко упала, а на философском отделении учебный процесс и вовсе прекратился.

На протяжении всего 1910 года Лиза продолжала встречаться со своими старыми подругами по политическому кружку. Даже после распада организации в целом, после перехода в другие учебные заведения они продолжали общение. В июне 1910 года после студенческих беспорядков была арестована Т. Неслуховская, через несколько месяцев заключения она была отпущена домой на поруки. Никто из подруг не осмелился приходить в гости к поднадзорной, и только Лиза регулярно навещала Неслуховскую до суда и отъезда из Петербурга. Смелость и преданность друзьям остались ее главными качествами на всю жизнь.

К моменту этих событий Елизавета все реже посещала занятия, она с головой окунулась в мир искусства и религиозной философии. В результате она вообще перестала посещать курсы. Во всяком случае, экзамены за третий и четвертый семестры 1910/11 года она не сдавала, и с 1 сентября 1911 года была официально отчислена с Бестужевских курсов.

* * *

Можно смело сказать, что духовный путь Елизаветы, будущей м. Марии, начавшийся в бурные годы начала XX века, целиком отразился на ее биографии. Какими только фарватерами ни шел ее нагруженный корабль, в какие опасные штормы ни попадал, терпел крушения и чудом, несмотря ни на что, спасался! Ее будущий единомышленник и соратник Николай Бердяев очень точно определил: «М[ать] Мария была одной из самых замечательных и одаренных русских

женщин. Она характерна для своей эпохи и отражала самые характерные ее течения. Она была новой душой. Она была поэт, революционер и религиозный деятель. <...> Она не приняла революции в большевистской форме. Она прошла через русский культурный ренессанс начала века, через русскую поэзию эпохи символистов, была близка с А. Блоком, ей свойственно было беспокойство той эпохи. Но в душе матери Марии отразились также религиозные искания и течения эпохи. Она была вольнослушательницей петербургской духовной академии»[1].

В эмиграции, в Париже, в Свято-Сергиевском Богословском институте Елизавета Юрьевна встретится с теми, ради кого она покинула Бестужевские курсы и перешла в петербургское Религиозно-философское общество (духовную академию РФО). Можно только удивляться, сколь странными путями шло возмужание ее души, как странно сочеталась революционность с христианской поэзией и живописью, страстность натуры с нежностью, любовью к природе и религиозной философии...

На одну из лекций, которую читал Н. Бердяев, ее привела подруга-«бестужевка». После доклада ей очень захотелось с ним поговорить, но он был окружен плотной толпой молодежи. Их знакомство состоялось позднее. Так она стала вольнослушательницей РФО. На собраниях выступали люди самые разные, велись дискуссии и обсуждения: философы, священники, журналисты, политики, литераторы, теософы (В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, А.Ф. Керенский, А.В. Карташев, А.А. Блок, Вяч. Иванов, П.Б. Струве, Н.О. Лосский и др.). Общество возникло в 1907 году и просуществовало до 1917-го.

Духовным основателем и председателем РФО был Сергей Николаевич Булгаков — будущий отец Сергий, создатель гностического учения о Софии и Богочеловечестве, о мире и его истории как воссоединении с Богом. В 1925 году в Париже он станет одним из основателей знаменитой богословской «парижской школы», а пока в монографиях «Философия хозяйства» (1912) и главным образом «Свет Невечерний» он

---

[1] *Бердяев Н.* О матери Марии. Архив Н. и К. Кривошеиных.

намечает основы собственного учения, идущего в русле софиологии Владимира Соловьева и Флоренского. В 1910 году он целиком переходит от лекций и статей на темы религии к оригинальным философским разработкам. Нет сомнения, что Елизавета не только прочла вышедшую в 1911 г. книгу С. Булгакова «Два града», но и попыталась ее осмыслить.

За десять лет своего существования РФО стало по-настоящему массовым и насчитывало ко времени его упразднения в 1917 году более 1800 человек слушателей. Впечатляет и количество проведенных им заседаний, докладов и выступлений —— порядка ста двадцати.

Из воспоминаний Елизаветы Юрьевны можно представить обстановку этой духовной академии: «Все, кто здесь был, могли не только попросить слово и выступить с докладом, но споры и обсуждения продолжались и потом. Мы устраивали чаепитие, до хрипоты доказывали истину, часто к нам присоединялись и профессора, знаменитые ораторы. В перерывах между лекциями споры продолжались в “кулуарах”».

Лиза уже не застала отцов-основателей, многие из них к этому времени перессорились между собой, но в секции по изучению христианства, руководимой Вяч. Ивановым, она слушала доклады по философии религии, где ставились такие вопросы, как «сущность религии», «бытие Бога», «идея личности». Слушателями были в основном молодые люди самого разного толка, от рабочих, сектантов, “бестужевок” до старообрядцев и слушателей “народного университета”. После 1920 годы споры “кто прав, а кто виноват” перенеслись в эмиграцию, но противники были помечены уже тогда на заседаниях РФО, когда, по воспоминаниям Бердяева, «главным врагом русской общественности Мережковский провозгласил славянофильский национализм и «зоологический патриотизм”, назвав “врагов” поименно (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.Ф. Эрн, свящ. П. Флоренский)».

Мировоззренческие дискуссии никогда не приводили к нахождению истины. Чаще всего оппоненты оставались при своем мнении. Уже после двух месяцев работы РФО Блок довольно резко отозвался об этом объединении, назвав его «болтовней» и «словесным кафешантаном». «...Они говорят о Боге,

о том, о чем можно только плакать одному, шептать вдвоем, а они занимаются этим при обилии электрического света; и это — тоже потеря стыда, потеря реальности...»[2] На самом деле нужно посмотреть правде в глаза: «...на улице — ветер, проститутки мерзнут, люди голодают, людей вешают, а в стране реакция, а в России — жить трудно, холодно, мерзко»[3].

Остается только сказать, что дискуссия продолжила извечную традицию русских размышлений о «социальном христианстве», о том, чему все-таки учит христианство, — спасению души или общественному деланию. Выбор этот встанет перед м. Марией в Париже, она выберет активное деянье, милость сердца к ближнему и дальнему, слова поддержки падшему и больному.

* * *

Внезапное решение Елизаветы принять предложение руки и сердца Дмитрия Кузьмина-Караваева поразило всех. Они были мало знакомы, по некоторым сведениям, их представил на одном из литературных вечеров свояк Дмитрия поэт Николай Гумилев. По другим рассказам, их встреча произошла в доме у художницы Надежды Войтинской[4]. В 1908 году она вернулась из заграничной поездки, полная свежих впечатлений, почти сразу стала работать для известного журнала «Аполлон», принимала участие в его оформлении, сделала несколько заказных портретов известных деятелей искусства: М. Добужинского, А. Бенуа, М. Кузмина и других.

Встреча Лизы с Войтинской была во многом судьбоносной. Профессиональный рисовальщик, прожившая долгое время в Европе, не только делилась впечатлениями, но и приглашала начинающую художницу к себе в мастерскую. Здесь собирались писатели, критики, художники — Анна Ахматова, К. Сомов, М. Волошин, С. Грузенберг, Аким Волынский,

---

[2] Статья А. Блока «О новопутейцах и болтунах» в журнале символистов «Новый Путь».

[3] Там же.

[4] Войтинская Надежда Савельевна (1886–1965). Училась живописи в Петербурге, в 1905–1908 гг. занималась литографией и живописью во Франции, Италии, Германии, Швейцарии. После возвращения в Петербург сблизилась с художниками группы «Мир искусства».

балерина Карсавина, Николай Кульбин... Сама Войтинская на протяжении нескольких лет занималась литографией в частных студиях Берлина и Парижа, была в курсе новейших направлений современного западного искусства, рисовала в студии Родена, посещала выставки парижских салонов. Два раза в год она устраивала в своем ателье выставки, на которые приходили друзья, одним из них был и Дмитрий Кузьмин-Караваев. Так завязались у Лизы не только первые художественные контакты с миром искусства, но и знакомство с будущем мужем.

Д.В. Кузьмин-Караваев принадлежал к старинному дворянскому роду из Тверской губернии, уходящему корнями в XIII век. Отец его, В.Д. Кузьмин-Караваев, был известным писателем, профессором уголовного права и политическим деятелем. Дмитрий Владимирович родился 17 мая 1886 года. С раннего детства его формировала атмосфера дома: в семье господствовал культ Вл. Соловьева и парил аромат довольно «прогрессивных» идей.

Еще в гимназии, как отмечено в его аттестате зрелости, он «любознательность обнаружил особую к изучению истории и русской словесности». В 1904 году поступил на юридический факультет Петербургского университета, который окончил в октябре 1909 года. Политические брожения тех лет не обошли и его; как последовательный продолжатель отцовских идей, он страстно увлекался социал-демократическим движением, принимал участие в митингах и сходках. При первом же знакомстве с Елизаветой он рассказал ей, что за свои убеждения, он и трое его товарищей были судимы профессорским дисциплинарным судом, но «мы были блестящими студентами и нас отпустили восвояси». Хотя на самом деле история была куда серьезней. Под влиянием отца, депутата Государственной думы, члена партии демократических реформ, Дмитрий вступил в партию социалистов-революционеров. Большевики сразу же определили его в связного. Некоторое время он перевозил нелегальную литературу, встречался на тайных квартирах с товарищами из других городов. Был пойман, судим. Вызволил отец. После 1906 года Дмитрий разочаровался в подпольной

работе, вышел из партии. Но «товарищи» долго его преследовали, угрожали и шантажировали.

Романтика и смелость молодого аристократа, бесстрашного борца за справедливость, видимо, и здесь сыграли решающую роль в выборе спутника жизни! Трудно сказать, что послужило толчком к этому стихийному замужеству. Во многом, как уже говорилось, — неудачный роман с Блоком, а с другой стороны, желание поскорее повзрослеть. Как часто бывает, истинный образ человека не всегда соответствует придуманному. Кроме этого, Дмитрий производил впечатление не только бесшабашного, но и очень образованного человека. В студенческие годы сам писал стихи, входил в поэтический «Кружок молодых», дружил со многими известными личностями: Недоброво, братьями Гофман, Городецким, Пястом, водил знакомство с Блоком. Был он человеком тонким, образованным, светским, общительным и сугубо столичным. Лизина подруга Ю.Я. Эйгер вспоминала: «Я была на свадьбе, и когда я увидела жениха, мне сразу стало ясно, что Лиза и он — не пара. Она его создала в своем воображении, а может, хотела спасти от какой-нибудь “бездны”. Ведь она вечно кого-то спасала! Человек этот, пустой и никчемный, был, видимо, на некоторое время захвачен ее буйным полетом мысли и талантливостью». Здесь можно не согласиться с Эйгер. Дмитрий был интересной личностью, и то, как сложилась его жизнь в дальнейшем, говорит о нем как об ищущем и глубоком человеке.

Венчались молодые люди в небольшой церкви Рождества Пресв. Богородицы при гимназии Александра I (Казанская ул., 27), которую в свое время окончил жених. Гимназия эта была не совсем обычной. Она отличалась своим аристократизмом и солидной историей. Здание ее заметно выделялось своей монументальностью. В этом старейшем учебном заведении столицы учились многие замечательные люди: П.А. Вяземский, сыновья Пушкина Александр и Григорий, А.Ф. Кони, Н.Н. Миклухо-Маклай и другие... Принимались сюда мальчики после тщательного отбора, интеллектуальный уровень и знания стояли на первом месте. Прощались шалости и подростковые «болезни роста», но плохая успеваемость вела к немедленному исключению.

Свидетелями со стороны жениха были его отец и двоюродный брат — Д.Д. Бушен, а у невесты — двое знакомых молодых юристов. Приглашенных было немного, но все подруги по гимназии Таганцевой и по политическому кружку присутствовали. Там же, в гимназическом зале, и отпраздновали свадьбу.

Молодые обосновались в небольшой квартире на Новоисаакиевской. Дмитрий Бушен, известный театральный художник ДДБ[5], в Париже в 1925 году вспоминал: «Лизу я увидел первый раз, когда она еще была невестой. В сущности, она была одинока, и до замужества одинока, и даже, увы, после него. Он ввел ее в известные литературные круги, на «башню» Вячеслава Иванова, но она ощущала там себя чужой. То, что казалось, наверное "блеском эпохи", — ее не интересовало!» И как бы вторя ему, Елизавета продолжает: «В 1910 году я вышла замуж. Мой муж из петербургской семьи, друг поэтов, декадент по самому своему существу, но социал-демократ, большевик. Семья профессорская — в ней культ памяти Соловьева и милые житейские анекдоты о нем. Ритм нашей жизни нелеп. Встаем около трех дня, ложимся на рассвете. Каждый вечер мы с мужем бываем в петербургском мире. Или у Вячеслава Иванова на Башне, куда нельзя приехать раньше 12 часов ночи, в "Цехе поэтов", или у Городецких и т. д.»

Благодаря Дмитрию Кузьмину-Караваеву и его широким связям Лиза быстро окунулась в столичный водоворот художественной богемы. Одной из достопримечательностей этой интеллектуально блестящей (во всех смыслах) жизни тогдашнего Петербурга были знаменитые «среды» в квартире-«башне» поэта Вяч. Иванова. Здесь собирались «мистические анархисты и православные, декаденты и профессора-академики, неохристиане и социал-демократы,

[5] Дмитрий Дмитриевич Бушен (1893–1993) — представитель объединения «Мир искусства» и эпохи Серебряного века. Прожив за пределами России более 60 лет и будучи очень разносторонним художником, Бушен вошел в историю мирового искусства прежде всего как художник театра — в его оформлении шли спектакли в Гранд-опера, Ла Скала, Оперном театре Рима, Королевской опере в Гетеборге, Амстердамском оперном театре и др., в его костюмах танцевали Ида Рубинштейн и Ольга Спесивцева.

поэты и ученые, художники и мыслители, актеры и общественные деятели», — писал один из участников «сред».

Апогей «сред» приходился на 1905–1907 годы, когда еще жива была супруга Вяч. Иванова Л.Д. Зиновьева-Аннибал. В тот период «среды» имели тесную связь с революционной общественностью. К тому времени, когда Кузьмина-Караваева стала посещать «башню», — это был уже их закат. О революции, правда, еще говорили («все были за революцию»), но никто не собирался воспринимать ее серьезно, а тем более умирать за нее. «И жалко революционеров, потому что они умирают, а мы можем только умно и возвышенно говорить о их смерти», — так описала Елизавета Юрьевна политическую атмосферу «башни».

Собиравшиеся у Иванова гости предавались «духовным играм»: они читали стихи и доклады, обсуждали различные философские и социальные проблемы. Здесь ссорились и сходились, писали художественные манифесты и посвящали в гении...

Посетители «башни» с полным основанием рассматривали свои собрания как составную часть Серебряного века русской культуры, которую позднее назовут русским ренессансом. Этот рассвет отмечен появлением новых пластических форм в живописи, поэзии, театре; возникают течения иногда с неожиданными названиями: акмеизм, лучизм, футуризм, поздний символизм, дадаизм... Поиски и эксперименты начала XX века оставили нам в наследство имена русского авангарда мировой известности. Несомненно, что революционный настрой, бунтарство и брожение в сердцах и умах интеллигенции, поиск этого неведомого «нового героя», которого пыталась найти вся русская интеллигенция, целиком отражается в образах, формах и словах эпохи модернизма. «Башня» была одним из его центров. Здесь шли жаркие дискуссии, обсуждения, чтение стихов, а порой и представления спектаклей, чаще всего поставленных по законам абсурда. Каждый из присутствовавших обязан был высказаться; чем заумней был ответ или вопрос, тем больше ценился интеллект автора. Вечера переходили в ночь, утро, день... В качестве примера такой гениально абсурдной зауми

Елизавета вспоминала разбор символического значения отдельных действующих лиц романа Достоевского «Бесы»: «Ставрогин — “князь мира сего” — такое определение его с ясностью вытекает из слов Хромоножки, — сталкивается на пути своем с землей. Земная поверхность, доступная человеку, не углубленная мистическим понятием земли, выявлена в образе Лизаветы Николаевны, недаром она в зеленом, символизирующим землю, платье описана в сцене в Скворешниках; там земля изображена в круге вечности, — комната, в которой, происходит разговор между Лизой и Ставрогиным, — комната круглая, круг — символ вечности. Хромоножка — это недра земли, недоступные человеку, князю мира сего, от этого она изображена безумной, фиктивной женой Ставрогина, от этого она в высшей мудрости своей одна проникла в сущность его, — сущность князя мира сего»[6].

Посещая лекции Вяч. Иванова в 1910 году, на Бестужевских курсах, где он читал историю древнегреческой литературы, Лиза не могла вообразить, что этот строгий профессор — один из идейных вдохновителей Серебряного века. Пройдет несколько лет, и основные темы поэзии Иванова, его религиозного «мифа» — смерть, возрождение, отчаяние и следующая за ним надежда, воскресение, прославление жертвенного страдания — станут для Елизаветы (м. Марии) некой путеводной звездой в поисках собственного «я». В своих поэмах «Юрали» и «Мельмот-скиталец» она, безусловно, следует за Ивановым, который отвергает «парнасский» принцип искусства для искусства и переходит к искусству религиозному, реалистическому (в противовес идеалистическому) символизму. Путь, на который она ступила в эти годы, будет длинным, творчество — это только начало, философские поиски приведут к богословским осмыслениям... А пока она пытается разобраться в себе самой. От богемы отторгает ее и утопический взгляд, и полный отрыв от реальности ее новых друзей, как она сама пишет, «нелепый ритм жизни». Уже тогда непосредственной реакцией ее было стремление и переход от слов к делу — к самоотдаче. И все же, несмотря

---

[6] *Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Юрий Данилов).* Последние римляне. 1924.

ни на что, десятые годы оказались очень плодотворными для Лизы! Выходят из печати ее первые книги «Скифские черепки», «Юрали», «Руфь». Это первые поэтические пробы, в которых она на ощупь, робко, но уже пытается выразить свой взгляд на религиозно-христианскую мысль .

На «башне» кипели нешуточные страсти. В битве за истинное понимание и развитие русской идеи сталкивались разные мнения и философские направления. Это место стало поистине одним из идейных центров русского символизма, творческой лабораторией поэтов; в своих литературных «средах» Вяч. Иванов видел прообраз «соборных» общин. За годы существования «башни» здесь побывало множество разных людей. А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, Л. Андреев, М. Волошин... Однако далеко не все задерживались здесь, в результате каждый выбирал свой путь. Самый существенный разрыв в обществе единомышленников (со старшими символистами) произошел в 1907 году после того как Иванов поддержал теорию «мистического анархизма» Георгия Чулкова, но с Брюсовым (зачинателем русского символизма) он сохранил дружбу вплоть до смерти.

Пожалуй, больше всего спорщиков «сред» занимал больной вопрос о судьбе и о значении русской интеллигенции. Тут страсти достигали высшей точки кипения. Наиболее горячие обсуждения вызвала статья Д. Мережковского «Религия и революция» (1908), в которой он писал: «...поймет ли русская интеллигенция, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира».

Возрождение, духовный подъем нации некоторые философы и писатели «башни» видели лишь на пути христианства: «...со Христом — к свободе. Христос освободит мир». Интеллигенция при этом должна стать не только человеческим разумом, но разумом Богочеловеческим, Логосом. Оппонентом выступал Г. В. Плеханов, считая подобные высказывания «псевдофилософской болтовней», а мировоззрение — «евангелием от декаданса». Неоднократно возвращались в спорах к высказываниям Мережковского о «славянофильском

национализме и зоологическом патриотизме», а также о разочарованности А.В. Карташева, который много раз говорил о том, что надежды на воспитание и просвещение в РФО обернулись утопией и что «открывается, в сущности, религиозно-философская говорильня», причем пояснял — «политическая говорильня». На самом деле «петербуржцы начинают тяготиться мирным "побулькиванием" богоискательской мысли».

По словам Городецкого, также частенько бывавшего на «башне», в «средах» Иванова было много «будоражащего мысль, захватывающего и волнующего», но в основном споры и разговоры посетителей были освещены лучами «волшебного фонаря мистики»; «запах тления воспринимался как божественный фимиам». Характерно, что на первых порах Блок «бережно отстранил» Городецкого от посещения «чердачных чертогов» Иванова, где все было «замкнуто в узком мистико-эротическом, интеллигентски самодовольном кругу».

В своей статье «Последние римляне» (1923) одной из первых в эмиграции Елизавета описывает атмосферу предреволюционного Петербурга: «Новичком, поистине варваром, пришлось мне бывать на "башне" у Вячеслава Иванова. Там собирались люди, в полной мере владевшие ключами от сокровищницы современной культуры».

Эти собрания, по ее словам, отличало «ночное бдение до зари, какая-то пряность и утонченность всех речей». Все чаще она вспоминала советы Блока: «Бегите от нас умирающих пока не поздно, оставьте последних римлян, найдите выход в природе, труде, соприкосновении с народом».

«Непередаваем этот воздух 1910 года. Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции. В этот период смешалось все. Апатия, уныние, упадочничество и ЧАЯНИЕ НОВЫХ КАТАСТРОФ и сдвигов. Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту, — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура. Цитировали наизусть греков, увлекались французскими символистами, считали скандинавскую литературу своею, знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира.

В этом смысле МЫ были гражданами вселенной, хранителями культурного великого музея человечества. Это был Рим времен упадка! МЫ не жили, МЫ созерцали все самое утонченное, что было в жизни, МЫ не боялись никаких слов, МЫ были в области духа циничны и нецеломудренны, а в жизни вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революцией до революции — так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты перебрасывались в будущее. И вместе с тем эта глубина и смелость сочетались с неизбывным тлением, с духом умирания, призрачности, эфемерности. Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции. За нами простиралась снежная всероссийская пустыня, скованная страна, не знающая ни наших восторгов, ни наших мук, не заражающая нас своими восторгами и муками... И вдруг прозрение: Мне жалко Христа. Он... умирал, у НЕГО был кровавый пот, Его заушали[7], а мы можем об этом громко говорить, ведь у нас нет ни одного запретного слова. И если понятна ЕГО смерть за разбойников, блудниц и мытарей, то непонятна за нас, походя касающихся ЕГО язв и не опаляющихся ЕГО кровью. Постепенно происходит деление. Христос, еще не узнанный, становится своим. Черта деления все углубляется... Христос — это наше... А чье наше? Разве я там, где Он? Разве я не среди тех, кто произносит безответственные слова, которые начинают восприниматься как кощунство, как оскорбление, как смертельный яд? Надо бежать, освобождаться...» [8]

* * *

Начинающая поэтесса увлекалась не только литературой, посещением знаменитой «башни» Вячеслава Иванова, она принимала активное участие в художественно-выставочной жизни Петербурга. Группа «наиболее культурных живописцев», как писал С. Маковский, художники старшего поколения, объединились в «Мир искусства», а творческая молодежь, тянувшаяся к более авангардным, формалистическим

---

[7] Заушать — *ц.-слав.* бить по ушам и щеке, давать пощечину, *перен.* порочить, позорить.

[8] Мать Мария, очерк «Встречи с Блоком».

направлениям, создавала свои объединения и писала к ним программные манифесты. Молодые художники столицы, противопоставлявшие себя «Миру», основали в феврале 1910 года сообщество «Союз молодежи». Целью этого объединения была пропаганда нового направления путем организации выставок, аукционов, встреч, дискуссий. Это было, пожалуй, самое левое из всех формальных объединений того времени.

Возможно, на формирование вкусов Елизаветы оказала влияние и Софья Ивановна Бодуэн де Куртенэ[9], молодая художница, постоянный участник выставок «Союза» и близкая подруга Н. Войтинской. Может быть, именно поэтому дебют Кузьминой-Караваевой как живописца связан с этим объединением. Проявляла она интерес и к творчеству Пикассо, о котором в это время много говорили в художественных кругах Петербурга и Москвы. В то время стали появляться цветные репродукции Анри Матисса, творчеством которого были увлечены и Н. Гончарова, и М. Сарьян.

Художники «Союза» старались искать собственные пути самовыражения, они были во многом солидарны с футуристами. Выпуская совместный журнал, они признавали кубизм и лучизм. Для определения своего стиля и направления они предложили новый термин «пуризм», подчеркивая этим, что выбранный ими путь в пластике и живописи призван подчиняться чистоте линий и форм, полноте и яркости цветовой гаммы. Своей живописной палитрой они были в некоторой степени сродни методам слововыражения поэтов-акмеистов.

Пуристы считали своим долгом создать музей новейшей русской живописи, куда обыватель приходил бы не для отдыха, а посредством живописи обращался бы к переживанию событий наших дней.

---

[9] Бодуэн де Куртенэ Софья Ивановна (1887–1967) — живописец, художник-монументалист. Из аристократического французского рода, обосновавшегося на рубеже XVII–XVIII вв. в Польше. Дочь выдающегося ученого-языковеда и общественного деятеля Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), который в 1899–1918 гг. был профессором Санкт-Петербургского университета.

Работы художников «Союза» вызывали много незаслуженной брани и насмешек, их искусство считали декадентством, а их самих «бездарными пошляками». Сами «мирискусники» во главе с А. Бенуа возмущались «вандализмом союзной молодежи», ее эстетическим бессмысленным бунтом, эпатажем и вызовом бездарностей, которые не умеют рисовать, но зато хорошо знают, как устроить скандал! Многое в этой критике соответствовало эстетическому кредо «молодых вандалов», высказанному в манифесте поэтом С. Городецким, этот рецепт новой революции творчества распространялся не только на писателей, но и на художников: «Красота наконец-то демократизируется, и красивым становится некрасивое, иногда даже уродливое, что вполне возможно только при полном обновлении дряблой, пошлой современной души... Никогда форма не стояла так далеко от содержания, как в наши дни... итак, смотрите пристальнее на "Ослиный хвост", боготворите новаторов в поэзии и музыке, и тогда вам будет еще возможно выжить».

По тому же пути последовательного разрушения какой бы то ни было эстетики, погружения в минимализм, увлечения африканским племенным искусством шли Пикассо, Макс Эрнст и группа «Дада». Поэт Тристан Тцара — основатель течения дадаизм — и его группа единомышленников рассматривали дадаизм как протест против Первой мировой войны. «На языке негритянского племени кру, — писал Тцара в манифесте 1918 года, — "дада" означает хвост священной коровы, в некоторых областях Италии так называют мать, это может быть обозначением и детской деревянной лошадки...»

Выставки «Союза» проходили ежегодно, молодежь хотела «жить и дышать», она искала способы выразить свои чувства в протесте против современности, спокойный быт и буржуазность их раздражали. Где была середина или, скорее, правда и справедливость, в которые они верили? Ответ на этот вопрос они не нашли, но шумихи создавали много. Художники, актеры, писатели группы Городецкого устраивали театрализованные манифестации, что вызывало неоднозначную реакцию в прессе.

Летом 1911 года Елизавета Юрьевна отдыхала с мужем в его родовом имении Борисково в Тверской губернии (Бежецкого уезда). Здесь она много и увлеченно рисовала. Ее друг ДДБ (Д.Д. Бушен) на закате дней вспоминал, как они вместе «живописали» в одной мастерской. В первой книге Елизаветы Юрьевны «Скифские черепки» есть стихотворение, посвященное поэтессой ДДБ (оно так и называется: «ДДБ») — своему младшему собрату по живописи, в котором звучат немного легкомысленные нотки:

Как радостно, как радостно над бездной голубеющей
Идти по перекладинам, бояться вниз взглянуть...

Недалеко находилось имение Гумилевых — Слепнёво, куда из Парижа приехал Николай Гумилев со своей женой Анной Ахматовой, а 15 июля, в день именин В.Д. Кузьмина-Караваева (свекра Лизы), Гумилев представил Ахматову родным и друзьям. Так познакомились Лиза и Анна.

Сохранилась групповая фотография, сделанная летом 1911 года, на которой сняты многие из упомянутых лиц (там же и Д. Пиленко — брат Лизы). На этом фото Елизавета Юрьевна стоит рядом с А. Ахматовой. В небольшом тексте о Слепнёве Анна Андреевна остроумно вспоминает: «В 1911 году я приехала в Слепнёво прямо из Парижа, и горбатая прислужница в дамской комнате на вокзале в Бежецке, которая веками знала всех в Слепнёве, отказалась признать меня барыней и сказала кому-то: “К слепневским господам хранцужанка приехала”, а земский начальник Иван Яковлевич Дерин — очкастый и бородатый увалень, когда оказался моим соседом за обедом и умирал от смущения, не нашел ничего лучшего, чем спросить меня: “Вам, наверно, здесь очень холодно после Египта?” Дело в том, что он слышал, как тамошняя молодежь за сказочную мою худобу и (как им казалось) таинственность называла меня знаменитой лондонской мумией, которая всем приносит несчастие. Николай Степанович (Гумилев) не выносил Слепнёво. Зевал, скучал, уезжал в невыясненном направлении. Писал: “Такая скучная, не золотая старина...” и наполнял альбомы

Кузьминых-Караваевых посредственными стихами. Но, однако, там что-то понял и чему-то научился. Я не каталась верхом и не играла в теннис, а только собирала грибы в обоих слепневских садах, а за плечом еще пылал Париж в каком-то последнем закате...»

Скорее всего, именно в Борискове Елизавета Юрьевна написала акварель «Змей Горыныч», с которой она дебютировала на 3-й выставке «Союза» в конце декабря 1911 года. Нельзя, правда, утверждать, что название «Змей Горыныч» было ее собственным, а не придуманным в последующих советских атрибуциях, потому что вся символика картины говорит не о ее сказочной принадлежности, а о стилизации библейско- иконно-языческой: женская фигура с крыльями и нимбом (как бы Богородица Знамение, одновременно напоминающая Софию Премудрость Божию), в окружении младенцев, с парящим драконом в грозно огненных небесах — перекликается с библейскими сюжетами. В связи с чем, в последнее время эту акварель принято именовать «В саду Эдемском». Примерно к этому же периоду относится и акварель «София Премудрость Божия построила себе храм», на которой фигура Софии изображена практически идентично[10].

Выставка «Союза» открылась одновременно и в одном здании с экспозицией Петербургского общества художников, и это странно несовместимое совпадение по всем направлениям было немедленно обыграно в прессе: «Весьма пикантно будет сопоставление этих выставок — крайне левая и крайне правая!» После открытия один из современных обозревателей выставки «Союза» дал в целом положительную оценку произведений, представленных на ней, но отметил, что она «отпугивает кажущимися крайностями, каким-то преднамеренным варварством и буйством. К чему они зовут, что стоит за всем этим экспериментом?»

Брошенное автором обидное для «Союза» прозвище «варвары» было подхвачено Кузьминой-Караваевой, которая придала ему иной смысл: «Варвары — это разрушители не только старой, но и носители новой культуры». В очерке

[10] Обе акварели находятся в Русском музее в Санкт-Петербурге.

«Последние римляне» она сочувствует «варварам», причисляя к ним себя и даже радуется, что «римляне» уже дрожат под их натиском. Интересно, что и жена Максимилиана Волошина вспоминала позже, что они с мужем «рядом с этими утонченными людьми... чувствовали себя варварами. Они смотрели назад, мы же искали будущее».

Поэтический дар слова жил у Елизаветы Юрьевны наравне с живописью. Многие поэты — рисовали, художники — писали тексты; русская традиция многоталантливости продолжала развиваться, а Е.Ю. со всем ей присущим темпераментом записала:

Смысл — он в вулкане, смысл — он в кометах,
В бешено мчащихся вдаль антилопах,
В пламенных вихрях, в ослепительных светах,
Что наше сердце в безумии топят.
Смысл — он в стихах, никогда не допетых,
Смысл — в недоступных, нехоженых тропах.

* * *

Первый «Цех поэтов» начал свое существование 20 октября 1911 года на квартире у поэта С. Городецкого, где состоялось первое организационное собрание будущего объединения. Несколько странное название было придумано по аналогии с названием ремесленных объединений средневековой Европы и подчеркивало отношение участников к поэзии как к профессии цехового ремесла, требующего упорного труда. Во главе стоял синдик — главный мастер. По замыслу организаторов, «Цех» должен был служить для познания и совершенствования поэтического ремесла. Подмастерья должны были учиться становиться поэтами. Гумилев и Городецкий считали, что стихотворение, то есть «вещь», создается по определенным законам, «технологиям». Этим приемам можно научиться, а талант — вещь вспомогательная, но не основная. Официально синдиков (старшин) было три: Гумилев, Городецкий и Кузьмин-Караваев.

По началу «цехисты» не отождествляли себя ни с одним из существующих течений в литературе и не стремились

к общей эстетической платформе, но в 1912 году Гумилевым и Городецким был предложен термин «акмеизм». По мысли его создателей, акмеизм пытался «хотя и бессознательно, внести материалистическую поправку в символизм» (С. Городецкий). Интересно свидетельство бывшего акмеиста Мандельштама: «Акмеизм возник из отталкивания: прочь от символизма, да здравствует живая роза! — таков был его первоначальный лозунг. Городецким в свое время была сделана попытка привить акмеизму литературное мировоззрение, "адамизм", род учения о новой земле и о новом Адаме. Попытка не удалась, акмеизм мировоззрением не занимался; он принес с собой ряд новых вкусовых ощущений, гораздо более ценных, чем идеи...»[11]

Создание «Цеха», сама его идея были встречены некоторыми поэтами весьма скептически. В одном из первых печатных откликов на возникновение объединения иронически заявлялось: «Часть наших молодых поэтов скинула с себя неожиданно греческие тоги и взглянула в сторону ремесленной управы, образовав свой цех — цех поэтов». В. Брюсов называл его «тепличным растением», «столичной причудой» и предрекал ему гибель «через год или два»[12]. Скептически относился к акмеизму и Блок, хотя среди «цеховистов» у него было немало друзей и знакомых.

Объединение выпускало поэтические сборники участников; стихи и статьи публиковались в журналах «Гиперборей» и «Аполлон».

В начальный период на собраниях «Цеха» бывали А. Блок, М. Кузмин, А. Толстой, В. Пяст. Но затем они отошли (Блок иронически называл «Цех поэтов» «Гумилевско-Городецким обществом»), и в «Цехе» осталась в основном поэтическая молодежь Петербурга: А. Ахматова, М. Лозинский, О. Мандельштам, М. Моравская и другие. Постоянного помещения у них не было, и они собирались на квартирах наиболее активных членов, в том числе у Гумилева и Кузьминых-Караваевых. В этот период Елизавета и Анна виделись регулярно.

---

[11] *Мандельштам О.* О природе слова. 1922.

[12] Первый «Цех» прекратил существование в 1914, второй в 1916–1917. и третий — в 1920 г.

Е.Ю. Кузьмина-Караваева активно включилась в работу «Цеха». Она прилежно посещала все собрания. Ее муж также примкнул к «цеховикам». Более того, не будучи поэтом, он, наряду с Городецким и Гумилевым, стал третьим синдиком, исполняющим роль стряпчего. Но вот что характерно: если на «башне» Елизавету Юрьевну воспринимали в основном как «жену своего мужа», то в «Цехе» роли их поменялись. Теперь она благодаря своему поэтическому дару настолько утвердилась в литературном мире, что уже Кузьмин-Караваев воспринимался как «муж поэтессы».

Поэзия и живопись не могли прокормить молодую чету Кузьминых-Караваевых, и Дмитрий решил не только вернуться к юридической практике, но и с 1 октября 1911 года поступил на государственную службу в Главное управление землеустройства и земледелия.

К членам «Цеха» предъявлялись обязательные требования поэтической активности. На своих заседаниях молодые поэты были обязаны читать свои новые стихи. Заседания эти проходили на квартирах у Городецкого, Лозинского, в Царском Селе у Гумилевых и у Кузьминой-Караваевой (на квартирах матери: на улице Малой Московской, 4 и в Манежном переулке). Первые полгода собирались по три раза в месяц, а затем периодичность сократилась до двух собраний в месяц.

Секретарь «Цеха» Ахматова рассылала повестки. Первые встречи проходили живо и интересно, но со временем они потускнели. Ахматова так характеризовала эти дежурные заседания: «Сидят человек десять-двенадцать, читают стихи, то хорошие, то заурядные, внимание рассеивается, слушаешь по обязанности». Естественно, бывали и творческие взлеты, поэтические удачи. Та же Ахматова значительно позже обмолвилась, что в «Цехе» и сама она, и Мандельштам, чей поэтический дар она оценивала очень высоко, «выработали там точный вкус».

Предсказания В. Брюсова сбылись: объединение распалось в апреле 1914 года.

1910–1911 годы были для Елизаветы «урожайными». Она пишет акварели, выставляется, читает стихи не только на вечерах и собраниях «Цеха поэтов», но и в домашней

обстановке. На некоторых, крайне редко, присутствовал А. Блок — он держался в стороне от всех новых движений. В его дневнике можно прочесть: «Безалаберный и милый вечер. Кузьмины-Караваевы, Елизавета Юрьевна читает свои стихи и танцует» (20 октября 1911); у Вяч. Иванова «Елизавета Юрьевна читала стихи, черноморское побережье, свой "Понт" (7 ноября 1911)». Стихи, с чтением которых выступала К-К, составили ее первый поэтический сборник: в марте 1912 года в акмеистическом издательстве вышли «Скифские черепки».

Во время их коротких встреч Блок, как бы полушутя, повторял: «Уезжайте отсюда», а ей не хватало с ним диалога, и на одном из литературных вечеров она решилась вызвать поэта на «серьезный разговор... об искусстве». «Он покраснел, только он, всегда такой бледный — мог так краснеть от смущения и ушел от ответа». Единственное, что сказал: «Придет время, и вы услышите мое мнение»[13].

10 декабря 1911 года вместе с друзьями она сидела на «собрании» в литературном кабачке «Вена», который был центром встреч художественной элиты и работал всю ночь. Это был небольшой зал с низкими потолками, стены его украшали не только картины посетителей-художников, но и были расписаны пародиями, каламбурами и даже нотными музыкальными отрывками. Порядком подустав от чтения стихов, уже под утро собравшиеся разыграли шуточную сцену заочного избрания «Короля русских поэтов». По единодушному мнению всех присутствовавших, таким королем стал Блок. Тут же за столом каждый написал куплет-экспромт, и открытое письмо-диплом было отправлено новому «королю» по почте.

Они его обожали, преклонялись перед умом и талантом, боялись его меткого слова и завидовали. Личные отношения между «цеховистами», акмеистами, символистами, футуристами и представителями других течений выстраивались сложными зигзагами, не всегда справедливое отношение к таланту было объективно. Многие знали, что: «Блок не любил Ахматову. Вся история их личных отношений — а они были знакомы друг с другом около десяти лет и жили в одном

[13] Мать Мария.

городе — Петербурге — представляет собой историю уклонения Блока от всякого более короткого знакомства. Когда через 40 лет после смерти Блока Ахматова обратилась к своей памяти, оказалось, что ей нечего сказать о Блоке. И это не случайно, и возникло по причине самого Блока, а не Ахматовой. Историки литературы и литературоведы пытаются затушевать это обстоятельство биографии двух поэтов и совершенно напрасно»[14].

Но в своей статье 1921 года «Без божества, без вдохновения» (Цех акмеистов) А. Блок поднимается выше личной нелюбви и отдает должное поэзии А. Ахматовой: «Настоящим исключением среди них была одна Анна Ахматова; не знаю, считала ли она сама себя "акмеисткой"; во всяком случае, "расцвета физических и духовных сил" в ее усталой, болезненной, женской и самоуглубленной манере нельзя было найти». И далее приводит безжалостный анализ «акмеизма»:

«Среди широкой публики очень распространено мнение, что новая русская изящная литература находится в упадке. <...> Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть "специалистом". <..> Бесчисленные примеры благодетельного для культуры общения (вовсе не непременно личного) у нас налицо; самые известные — Пушкин и Глинка, Пушкин и Чайковский, Лермонтов и Рубинштейн, Гоголь и Иванов, Толстой и Фет. Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика. Вместе они и образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры. Слово и идея становятся краской и зданием; церковный обряд находит отголосок в музыке <..> Когда начинают говорить об "искусстве для искусства", а потом скоро — о литературных родах и видах, о "чисто литературных" задачах, об особенном месте, которое занимает поэзия, и т. д., и т. д., — это, может быть, иногда любопытно, но уже не питательно и не жизненно <..> появились Гумилев и Городецкий, которые

[14] *Шаламов В.* Собр. соч. Т. 5: Эссе и заметки. Записные книжки 1954–1979. «Блок и Ахматова».

“на смену”(?!) символизму принесли с собой новое направление: “акмеизм” (от слова “acme” — высшая ступень чего-либо, цвет, цветущая пора») или “адамизм” (“мужественно-твердый и ясный взгляд на жизнь”). Почему такой взгляд называется “адамизмом”, я не совсем понимаю, но, во всяком случае, его можно приветствовать; только, к сожалению, эта единственная, по-моему, дельная мысль в статье Н. Гумилева была заимствована им у меня; более чем за два года до статей Гумилева и Городецкого мы с Вяч. Ивановым гадали о ближайшем будущем нашей литературы на страницах того же “Аполлона”; тогда я эту мысль и высказал <...> Тянулась война, наступила революция; первой «школой», которая пожелала воскреснуть и дала о себе знать, был футуризм. Воскресение оказалось неудачным, несмотря на то, что футуризм на время стал официозным искусством. Жизнь взяла свое, уродливые нагромождения кубов и треугольников попросили убрать; теперь они лишь изредка и стыдливо красуются на сломанных домах; “заумные” слова сохранились лишь в названиях государственных учреждений.

Несколько поэтов и художников из футуристов оказались действительно поэтами и художниками, они стали писать и рисовать как следует; нелепости забылись, а когда-то, перед войной, они останавливали и раздражали на минуту внимание; ибо русский футуризм был пророком и предтечей тех страшных карикатур и нелепостей, которые явила нам эпоха войны и революции; он отразил в своем туманном зеркале своеобразный веселый ужас, который сидит в русской душе и о котором многие “прозорливые” и очень умные люди не догадывались.

В этом отношении русский футуризм бесконечно значительнее, глубже, органичнее, жизненнее, чем “акмеизм”; последний ровно ничего в себе не отразил, ибо не носил в себе никаких родимых “бурь и натисков”, а был привозной “заграничной штучкой”. “Новый Адам” распевал свои “аллилуиа” не слишком громко, никому не мешая, не привлекая к себе внимания и оставаясь в пределах “чисто литературных”».

* * *

Совет Блока бежать к природе и назад к предкам был принят Елизаветой. В марте 1912 года в издательстве «Цеха» выходит ее сборник «Скифские черепки». Вся книга — это попытка создать стилизацию «скифского эпоса», передать атмосферу тех веков, найти дверь в «заповедную родину» славян, населявших южные степи от Дуная до Кубани. (Древняя вольная ковыльная Скифия признавалась тогда нашей прародиной.) Считая себя коренной южанкой, потомком «огненосцев-скифов», Кузьмина-Караваева писала в своих стихах:

Греки, генуэзцы и черкесы
Попирали прах моих отцов...

Образы многих стихотворений навеяны картинами жизни в Анапе и в Крыму:

Чтобы взять пшеницу с нивы
И кровавое, пьянящее вино, —
Вы входили в тихие заливы,
Где сквозь синь мелькает дно.

За вино платили звонкими рублями,
На зерно меняли золото монет
И, гремя по борту якорями,
Оставляли в море пенный след.

Мы ж, купцы и виноделы,
Пахари береговой земли,
Ждем, чтоб вновь мелькнули дыма стрелы,
Чтоб на якорях качались корабли.

Лиза рада выходу своей первой книги, дарит ее близким и друзьям, сборник приобретает настоящую известность и широкий отклик в прессе. Но книга получилась не акмеистической. «Скифские черепки» — не только взгляд в прошлое, реконструкция эпоса языческой прародины, но это одновременно и предсказание будущего: «У русских есть соблазн почувствовать себя скифами <...>. Скифская

идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости революционной стихией людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии. Скифская идеология — одна из масок Диониса» — так писал Н. Бердяев в «Философии неравенства». Тема Диониса постоянно обсуждалась на «башне» Иванова. Это был его конек. В основе стихов — переживания скифской девушки, оторванной ее же отцом, «владыкой кочевным», от родины:

Он в рабство продал меня чужому тирану,
у которого белая, цепкая рука...

Софья Борисовна пишет в воспоминаниях, что образ «курганной царевны» возник, вероятно, в связи с тем, что за воротами их имения «стояли два древних кургана, разрытые проф. Веселовским, часть из найденных в курганах сокровищ находилась в Керченском музее на могиле Митридата, куда любили заходить дети Пиленко, а часть была в Эрмитаже».

Отклики в прессе были разные, от положительных до насмешливых. Но это было не самое главное. Первая ласточка вылетела из-под пера Лизы и молодой автор получил заслуженное внимание мэтров: «Умело и красиво сделаны интересно задуманные “Скифские черепки”» (В. Брюсов), «умело написанная книга» (В. Ходасевич). Имя поэтессы было поставлено в один ряд с именами А. Ахматовой и М. Цветаевой: «Книги г. Цветаевой и г. Кузьминой-Караваевой объединены ясностью и простотой стиха» (Н. Львова). В то же время автор последней оценки, сама поэтесса, отмечает, что стих у Кузьминой-Караваевой «подражателен», а образы «не ярки и только приблизительны». Отзыв Брюсова был в известной степени «спровоцирован» Гумилевым. Посылая летом 1912 года из Слепнёва сборник поэтессы, Гумилев, в частности, писал Брюсову: «Я очень дружески настроен к автору “Скифских черепков”».

Большинство авторских монологов в книге написаны от имени царевны.

Курганного царя я дочь,
Я жрица и хранитель тайны я...

Насмешливый и злой на язык Городецкий опубликовал посвященное молодому таланту стихотворение, написанное под впечатлением ее «курганной царевны»:

В высоком кургане, над морем, над морем,
Мы долго лежали; браслета браслет
Касался, когда под налетами бури
Качался наш берег и глухо гудел.

Потом нас знакомили в милой гостиной.
Цветущею плотью скелет был одет,
За стекла пенснэ, мимо глаз накаленных,
В пустые глазницы я жадно глядел.

Через пару дней Городецкий прислал Лизе огромный торт, на котором шоколадными буквами было выведено: «*Царевна, я равен тебе*», — что было переиначенными строками из «Скифских черепков»:

Царевна я — равна рабе,
И мертва...

С нетерпением она ждала реакции Блока, и наконец он прислал записку: «“Скифские черепки” мне мало нравятся... мне кажется, что Ваши стихи — не для печати, то есть они звучали бы иначе, если бы не были напечатаны». От В. Нарбута тоже последовала критика: «Стихи-думы... тяжеловаты, сумрачно и однообразно тягучи».

Но ни дружеская критика, ни насмешки не остановили ее, начало было положено, первая книга дошла до читателя, и начался длинный путь Е.Ю. в искусстве. Из Лизы — Елизаветы Пиленко она превратилась в поэтессу Серебряного века — Елизавету Юрьевну Кузьмину-Караваеву.

Живопись и поэзия продолжали соседствовать. Символизм и акмеизм не только стимулировали слово, но и рождали в воображении Елизаветы фантастическую живопись. Поглощенная поисками своего стиля, Елизавета Юрьевна скоро отошла от «Союза молодежи» и в других выставках участия

не принимала. Но ее общение с талантливыми и самобытными художниками, в частности с Наталией Гончаровой и Анной Ахматовой, не прошло бесследно, их влияние можно проследить даже в поздних произведениях французского периода Елизаветы Юрьевны — м. Марии. Особенно это видно в ярких растительных орнаментах, которыми были расписаны стены и окна (как бы витражи) ее парижских храмов. Русские орнаменты и яркие краски, похожие на лубочные картинки, во многом несут отпечаток встреч и контактов в России до эмиграции. Хотя можно допустить, что работы Руо (особенно его витражи) и декоративные вырезки из бумаги Матисса сыграли не последнюю роль в ее парижском периоде.

Московская группа художников, примыкавшая к «Союзу», — Н. Гончарова, М. Ларионов, А. Шевченко — выступала с пропагандой новой живописи беспредметного, абстрактного искусства (лучизм Ларионова), а так же «примитива». Причем «примитив» заявлялся не только как стиль, но и как своеобразное вероучение, «религия художника». Наталия Гончарова была его ярким представителем. Идеологом группы был А. Шевченко, который в 1913 году издал специальную брошюру под названием «Неопримитивизм».

В ней он говорил: «простая, бесхитростная красота лубка, строгость примитива, механическая точность построения, благородство стиля и хороший цвет, собранные воедино творческой рукой художника-властелина, — вот наш пароль и наш лозунг. Мы берем за точку отправления нашего искусства лубок, примитив, икону, т. к. находим в них наиболее острое, наиболее непосредственное восприятие жизни, притом чисто живописное».

Художественные критики еще до революции считали, что искусство Н. Гончаровой глубоко русское, традиционное. Сказочно-лубочный, близкий к народной картинке стиль ее живописи оказался созвучен во многом духовным и творческим поискам Елизаветы Юрьевны.

* * *

29 марта 1912 года она выезжает в свою первую заграничную поездку, в Германию, на курорт в Бад-Наугейм. В эти годы

он представлял из себя своеобразное ожерелье курортов, поскольку к Наугейму примыкали тогда еще Фридберг и Иоганнинсберг, расположенныепоблизости. Елизавета Юрьевна побывала в каждом из них. Но больше всего ее привлекал Иоганнинсберг, откуда она даже послала открытку А. Блоку, на которой был изображен вид «Ивановой горы».

Иоганнинсберг был небольшим селением на правом берегу Рейна, славившимся своими виноградниками, что было для Елизаветы Юрьевны, как выходца из семьи потомственных виноделов, особенно интересно. Ведь первые виноградные лозы ее дед, Д.В. Пиленко, для своих виноградников в районе Абрау вывез именно из этих мест.

В прогулках по волнующим ее сердце местам Елизавета Юрьевна не расстается с блокнотом. Из письма к А. Блоку, где Лиза подробно описывает многие и дорогие для него достопримечательности Наугейма, выходит, что она много гуляет, пишет стихи, рисует и дышит не только чудным воздухом гор, но и впитывает атмосферу, в которой жил ее любимый поэт. Она представляет, как Блок бродил по тем же местам, делает наброски, мечтает показать их ему: «Я сидела целый час на башне во Фридберге. Меня там запер садовник, чтобы я могла рисовать», — пишет она Блоку. Из этой серии этюдов сохранились только два — это рисунок карандашом и пейзаж, цветной набросок маслом на бумаге.

Она не могла не знать, что в 1897 году поэт, посещая Бад-Наугейм (вместе с матерью), пережил первую и сильную любовь к Ксении Садовской, которая оставила глубокий след в его творчестве. В свои 38 лет, после неудачных третьих родов Садовская приехала в эти места поправить здоровье и... покорила сердце юного поэта. Тетушка Блока, писательница М.А. Бекетова, вспоминала: «Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью. Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика». По прошествии 15 лет история любви повторяется, но только уже неопытная девушка Лиза приехала ощутить на себе магию этих мест и осмыслить любовь к поэту.

В одном из писем к Блоку, то ли скучая по северной столице, то ли с надеждой на радужное возвращение, она замечает:

«Я не верю, что в Петербурге нет каштанов, и красных крыш, и душного сырого воздуха, и серых дорожек, и белых с черными ветками яблонь...» В Наугейме она написала несколько стихотворений, которые позже были ею соединены с анапскими в одну книгу «Дорога». Этот сборник стихов, или, как она назвала их, «Лирическая поэма», вроде бы никак не связан с посещением курорта в Германии, скорее они полны внутренних раздумий и схожи по стилю с поэзией поздних символистов, но если знать о чувствах, наполнявших сердце Елизаветы, и ее сомнения, то эти стихи есть лакмусовая бумажка для историка... Прогулки без устали по «его» маршрутам, одно то, что здесь бродил, сочинял и рисовал «он» — ее любимый Александр Блок! Было ли это целительно для нее? Ей казалось, что она может лучше разобраться в себе, в нем, почувствовать время, в котором живет. Она вспоминала, что говорил поэт о взаимодействии и неразрывности искусства во всех его направлениях: «Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. <...> ...Неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, общественность, даже — политика».

Эти строки из статьи Блока (они уже приводились выше) во всем были ей близки. Пройдут годы, и синтез взаимопроникновения, о котором пишет Блок, станет для Елизаветы Юрьевны, впоследствии м. Марии, настоящим воплощением не только в ее творчестве, но и на пути монашества. Драматические события уничтожили большинство ее работ, но некоторые рисунки и вышивки чудом сохранились, и у нас есть возможность взглянуть на ее творчество во времени, проследить путь талантливого художника, во многом самоучки, для которого дар от Бога стал движущей силой ее мироустройства.

Художественный, рисовальный талант играл в ее жизни важную роль на пути к монашеству, о котором она еще не помышляла в те годы, к ее страстному желанию самопожертвования, поиску нелегкого пути, на котором ее преследовало чувство собственного предназначения, отпущенное ей Господом. Фундаментом в формировании личности м. Марии стало Творчество. В ранних рисунках и акварелях на евангельские темы уже появились ее собственные находки: расстановка

акцентов, символика, композиция, выбор фактуры и материала... Тот же путь, те же поиски можно увидеть и в ее стихах. Поэтический образ она немедленно воплощала в рисунок, акварель, вышивку... В книге «Стихи»[15] мать Мария легко и виртуозно соединила поэзию с иллюстрациями на полях книги. Именно так впервые у нее получилось естественное взаимопроникновение «поэтической мысли и рисунка», о котором говорил А. Блок.

* * *

После отдыха и лечения в Германии Елизавета Юрьевна, вернувшись в Россию, проводит лето 1912 года у себя в имении Джемете под Анапой. Сюда из Симбирской губернии к ней приезжают погостить друзья — А.Н. Толстой со своей женой, художницей С.И. Дымшиц[16]. Они много читают, рисуют, мечтают о будущем. Позже Софья Исааковна вспоминала об этой поездке: «Лето стояло жаркое. По ночам мы часто бежали от духоты из дома и уходили в сад, где спали на земле, на разостланных тулупах. На заре Алексей Николаевич пробуждался первым и будил меня, чтобы посмотреть на восход солнца. В Анапе мы много работали. Я писала виноградники, большие, пронизанные солнцем виноградные кисти»[17].

Безусловно, и сама Елизавета Юрьевна рисовала и писала акварелью, выбирая любимые сюжеты. Училась ли она у Дымшиц, которая была в это время уже опытным художником? Как знать... но можно с уверенностью сказать, что это не были уроки в академическом понимании. Работая рядом, Лиза невольно следила за ее рукой и кистью.

Семья Толстых познакомилась с Кузьминой-Караваевой при посредничестве Максимилиана Волошина в 1911 году, когда А. Толстой и его гражданская жена С.И. Дымшиц вернулись из Парижа в Петербург. Завязалась дружба, которая

---

[15] Издательство «Петрополис» — Германия. 1937 г.

[16] Дымшиц Софья Исааковна (1884–1963, Ленинград) — русская художница-авангардистка. Жена шурина Марка Шагала — Исаака Розенфельда (1905–1906), гражданская жена А.Н. Толстого (1907–1914).

[17] Цит. по: *Кривошеина К.* Красота спасающая. 2004.

впоследствии так трагически обернулась для Гаяны, старшей дочери матери Марии. В течение нескольких лет встречи и общение с Толстыми были достаточно частыми. Петербургская интеллигенция в те годы любила устраивать встречи и дискуссии в литературном салоне ресторана «Вена», в «Бродячей собаке», а иногда и просто в редакции журнала «Аполлон» и »Цехе поэтов».

Летом 1912 года Елизавета Юрьевна с Толстыми посещают Коктебель, где живет Максимилиан Волошин. Большой красивый Макс, заводила и любитель шумных застолий, в этом он не уступал Алексею Толстому. Из имения Джемете семья Толстых и Елизавета Юрьевна на несколько недель перебралась в Коктебель, где царила особая атмосфера вечного праздника.

С Волошиным она познакомилась в редакции «Аполлона», часто встречались на «башне» у Вячеслава Иванова и в Крыму. Макс был красивой, яркой личностью, притягивающий к себе как магнитом самых разных людей; он был не только поэтом, но и незаурядным рисовальщиком, превосходно владел техникой акварели. В его доме в Коктебеле на самом берегу моря, собирался цвет молодых талантливых артистов и писателей, устраивались различные литературные чтения, спектакли, веселые пирушки с розыгрышами. Этим летом для жителей поселка был организован концерт пианистки В.А. Поповой и танцовщицы И.В. Быстрениной с участием артистки Московского художественного театра О.В. Богословской.

В конце июня 1912 года коктебельцы были поражены необычайным событием: их земляк грек Александр Георгиевич Синопли открыл местное художественно-футуристическое кафе под названием «Бубны». Это кафе задумывалось как некий двойник, подражание знаменитому столичному кафе «Вена». Коктебельское кафе представляло собой большой деревянный сарай, а его название явно подчеркивало преемственную связь с московским обществом художников-авангардистов «Бубновый валет». Оригинальной особенностью клуба «Бубны» являлось то, что стены его были украшены необычными росписями в стиле кубизма и футуризма.

В свободной манере, с юмором, даже гротеском, на одной из стен были изображены различные яства, а на другой —

шаржи на отдыхающих знаменитостей, друзей по перу и кисти. Можно почти не сомневаться в том, что М. Волошин, Дымшиц, а также Елизавета Юрьевна принимали участие в подготовке и росписи стен этого кафе. Так, например, А. Толстой был изображен на пляже в шубе и бобровой шапке. Надпись гласила: «*Нормальный дачник — враг природы, страшитесь, голые народы!*»

Певица Большого театра М.А. Дейша-Сионицкая, не любившая обнаженных, была нарисована в виде Бабы-яги, вытаскивающей крючковатыми пальцами из воды голых, купающихся на ее участке: «*Дейши зубы крепки, у Дейши руки цепки, никак не взять нам в толк, ты бабушка иль волк?!*»

Марина Цветаева была изображена забившейся в страхе под стол вместе со своими рычащими псами, а Волошин — в одной короткой рубашонке.

К декоративному украшению «Бубнов» были привлечены и художники А.В. Лентулов и В.П. Белкин, которые в то время гостили у Волошина и с которыми Елизавета Юрьевна совместно выставлялась в «Союзе молодежи»; окруженная художниками-новаторами, она старалась не отстать от своих друзей по «цеху». Находясь под обаянием многих из них, она проходила свое обучение не посещением школы изящных искусств, а погружаясь в эту необычную художественную среду, которая воспитывала и формировала ее творческую личность.

Искусство и творчество были тем, без чего она не могла жить и мыслить, они помогали ей в трудные минуты, может быть, даже спасали от всех испытаний, выпадавших на пути. Не раз в жизни она повторяла: «Мое творчество — это как молитва».

В те годы карандаш, тушь и акварель были для нее основным подручным материалом. Надо сказать, что ее друзья по кисти, авангардисты того времени, мало были обременены заботой, чем и на чем они живописуют. Ведь главная забота того же «Союза молодежи» была в поставленной ЗАДАЧЕ и во вложенной ИДЕЕ, в чувстве «ответственности перед человечеством», о чем они хотели прокричать всему миру максимально ясно и просто, даже нарочито «примитивно» и по возможности «некрасиво». Им было не до Красоты, когда разлагался и погибал

Мир! Это был революционный бунт против буржуазных предрассудков — гармонии и красоты. Модернисты выступали за хаос и некрасивость, что всячески провозглашали в своих манифестах

Ее первым учителем акварели был Цейдлер, Волошин стал, по сути, вторым, он владел этой техникой в совершенстве. Важно отметить, что они оба были превосходные акварелисты-неореалисты, то есть не слепые копировщики натуры. Термин «неореализм» к этим двум художникам более чем применим, так как он вобрал в себя своеобразный художественный синтез, о чем несколько позже будет написано у Е.И. Замятина. В Коктебеле Елизавета много рисовала, по некоторым данным, брала уроки акварели у Волошина. Уезжая, она подарила ему «Скифские черепки» с надписью: «Из Крыма очень недолго доехать до Анапы. А Анапа замечательна многими курганами. Буду смотреть на приходящие пароходы и ждать».

Из Коктебеля по пути домой в Анапу Елизавета Юрьевна решила заехать к тетке Ольге в Феодосию. В Петербург она приехала в декабре, к Рождеству. Ее приезд был встречен с радостью. М. Лозинский извещал поэта С. Грааль-Арельского (С.С. Петрова), что «завтра, в пятницу» у него будет «полуцеховое» собрание в честь приехавшей Кузьминой-Караваевой. Это заседание участников «Цеха поэтов» состоялось 28 декабря 1912 года в редакции журнала «Гиперборей»[18], которому Гиппиус посвятил шуточный экспромт:

По пятницам в «Гиперборее» расцвет литературных роз.

Известно, что в начале 1913 года Елизавета Юрьевна несколько раз встречалась с Блоком. Много раз в поэтической форме она признавалась ему в любви: она Царевна, он — Владыка («Скифские черепки»). Эта тема нашла свое продолжение и в других стихотворениях. Но, словно предвидя их окончательную разлуку, она публикует в акмеистическом «Гиперборее» новые стихи, где есть строки, многое проясняющие:

---

[18] Санкт-Петербург, Васильевский остров, Волховский переулок, 2.

Хорошо, хорошо, отойду я теперь,
Крепкий узел, смеясь, разрублю;
Но, Владыка мой темный, навеки поверь,
Что я та же и так же люблю.

С ее слов, это было началом нового этапа, который, «не дав ничего существенного в наших отношениях, он житейски не сблизил нас, а скорее просто познакомил».

* * *

Литературно-художественный мир столицы все больше вызывал двойственные чувства: как поэт-профессионал, она должна была посещать различные вечера и «салоны», встречаться с собратьями по перу, но душа не прирастала к этим людям. Инициатором многих таких посещений был ее муж Дмитрий, который частенько выступал в кругу либеральных эстетов. Бывали Кузьмины-Караваевы и в ночном петербургском литературно-художественном кабаре «Бродячая собака» на Михайловской площади, основанном группой художественной интеллигенции во главе с режиссером Б.К. Прониным, который был к тому же известным антрепренером. Одним из главных учредителей был А.Н. Толстой. Чтобы попасть в этот клуб-кабачок, нужно было пройти во второй (задний) двор и по скользким ступеням спуститься в неприглядный с виду подвал, на дверях которого было одно лишь слово — «Тут».

Официальное открытие кафе состоялось в новогоднюю ночь 1 января 1912 года. Через год, празднуя годичный юбилей заведения, Д. Кузьмин-Караваев прочел экспромт: *Наши девы, наши дамы,/ что за прелесть глаз и губ!/ Цех поэтов — все Адамы,/ всяк приятен и не груб.*

Специфика «Собаки» состояла в особой атмосфере свободной импровизации, розыгрыша и спонтанных театральных капустниках. Помещение кабаре состояло из двух небольших комнат. Стены и потолок были расписаны С.Ю. Судейкиным (в художественном оформлении принимали участие также В.П. Белкин и Н.И. Кульбин). Среди росписей выделялись яркие «цветы зла». Воздух в подвале из-за отсутствия вентиляции был душно-прокуренным. Все

это тесное помещение освещалось тусклым светом фонарей. Кафе было открыто четыре дня в неделю.

Тон здесь до начала войны с Германией задавали акмеисты и их друзья. В этом артистическом подвале они жили «для себя» и «для публики». Завсегдатаями кафе были А. Ахматова, Н. Гумилев, О. Мандельштам, Г. Иванов, М. Кузмин, В. Пяст, Ал. Толстой, М. Добужинский, Б. Пронин, С. Судейкин... «Самое настоящее» художественное веселье в «Собаке» начиналось после трех часов ночи. Гости засиживались в «залах» до семи утра, но выходили на улицу трезвыми. Все встречи начинались с гимна:

На дворе второй подвал,
Там приют собачий.
Всякий, кто сюда попал, —
Просто пес бродячий. —
Но в том гордость, но в том честь,
Чтоб в подвал залезть...
На дворе трещит мороз,
Отогрел в подвале нос.

Кафе просуществовало до 1915 года, по выражению Бенедикта Лившица[19], «...первое же дыхание войны сдуло румяна со щек завсегдатаев “Бродячей собаки”», хотя истинные причины закрытия, вероятнее всего, были финансовые. Доступ широкой публики в это кабаре был практически закрыт в основном из-за тесноты помещений. Но представители творческой интеллигенции Петербурга («бродячие собаки») душевно отдыхали здесь и с удовольствием шли на огонек.

Одна из частых посетительниц кабачка, Ю. Сазонова[20], вспоминала спустя много лет: «...именно “Бродячая собака”, подобно предреволюционным кабачкам Парижа, более всего

---

[19] Лившиц Бенедикт Константинович (1886–1938, Ленинград) — русский поэт, переводчик и исследователь футуризма. Расстрелян в 1938 г. по ленинградскому «писательскому делу».

[20] Сазонова Юлия Леонидовна (1887–1957, Париж) — сестра поэта Михаила Слонимского, была известна в литературных кругах, сотрудничала в журнале «Аполлон», создала первый в Петербурге театр марионеток, посещала кабаре «Бродячая собака».

отличала ту атмосферу неблагополучия, которая никем тогда сознательно не ощущалась, но которая гнала людей из семейного уюта, и праздничных настроений ярко освещенных зал, из благоустроенных театров в подвальный погребок, душный, прокуренный <..> и где красивое смешивалось с безобразным, истинно художественное с притворным и напряженно-надуманным».

Спустя два десятка лет высокий, элегантный поэт-футурист Бенедикт Лившиц в своих воспоминаниях оставил нам внешне ироническое, но по сути восхищенное описание этого «интимного парада», на котором поэт превращался в актера на подмостках, а читатель — в зрителя: «Затянутая в черный шелк, с крупным овалом камеи у пояса, вплывала Ахматова, задерживаясь у входа, чтобы по настоянию кидавшегося ей навстречу Пронина вписать в “свиную”» книгу свои последние стихи, по которым простодушные “фармацевты” строили догадки, щекотавшие их любопытство. В длинном сюртуке и черном регате, не оставлявший без внимания ни одной красивой женщины, отступал, пятясь между столиков Гумилев, не то соблюдая таким образом придворный этикет, не то опасаясь “кинжального взора в спину”». Анна Ахматова посвятила «Бродячей собаке» стихотворения «Все мы бражники здесь, блудницы...» и «Да, я любила их, те сборища ночные...»

19 декабря 1912 года в кабаре состоялся вечер акмеистов, на котором с докладом «Символизм и акмеизм» выступил Городецкий. В прениях участвовал Д. Кузьмин-Караваев. О посетителях «Собаки» м. Мария позже вспоминала: «Как накипь, всплыла на поверхность жизни целая плеяда талантливых юношей (...), одетых всегда чрезвычайно изысканно, читающих очень хорошо написанные, но такие пустозвонные стихи». В числе этих поэтов она назвала Г. Иванова, Р. Ивнева, И. Северянина...

ГЛАВА 6
БЕСПОКОЙНЫЕ ГОДЫ

Рождение дочери Гаяны, Москва, встреча с М. Сарьяном, возобновление переписки с А. Блоком, поэма «Мельмот-скиталец», «Юрали», «Руфь», первые пророчества грядущего апокалипсиса

В одном из писем к Блоку она писала: «Когда я была у вас еще девчонкой, я поняла, что это навсегда... а потом жизнь пошла, как спираль... кончался круг, и снова как-то странно возвращалась к вам... С мужем я разошлась, и было еще много тяжести кроме того... и снова человека полюбила... И были вы... Забыть вас я не могу, потому что слишком хорошо чувствую, что я только точка приложения силы, для вас вошедшей в круг жизни. А я сама — ни при чем тут».

Семейная жизнь Елизаветы Юрьевны не сложилась. Замужество с Д. Кузьминым-Караваевым оказалось недолговечным и несчастливым: после трех лет совместной жизни, в начале 1913 года Елизавета Юрьевна оставила мужа и уехала из Петербурга в Анапу — «к земле». Как она писала Блоку: «Это было бегство». В отличие от предыдущего, это лето на Кубани выдалось удачным. Оно отличалось умеренными дождями. Первая половина была прохладной, а в августе наступила жара, благодаря чему урожай винограда в окрестностях Анапы выдался отличным. В этом же 1913 году в Анапе был построен винный подвал — первый в России почин в кооперации мелких виноградарей-виноделов. Большая заслуга в этом была семьи Пиленко.

До глубокой осени, когда начинаются бури на Черном море, Елизавета с радостью отправлялась на лиманы охотиться на уток: «Скитаемся в высоких сапогах по плавням. Вечером по морскому берегу домой. В ушах вой ветра, свободно, легко. Петербург провалился. Долой культуру. Долой рыжий туман, "башню", философию». В Петербург она не вернется, ей хочется порвать с прошлым и начать жизнь с чистого листа. В своих воспоминаниях о Блоке Елизавета Юрьевна писала: «Осенью 13 года по всяким семейным соображениям надо ехать на север, но в Петербург не хочу. Если уж это неизбежно, буду жить зимой в Москве... Кстати, в Москве я никого почти не знаю».

18 октября 1913 года в Москве у нее родилась внебрачная дочь, которую она назвала символическим именем Гаяна (Земная). Она не могла не поделиться новостью с Блоком и в ноябре посылает ему письмо в Петербург, в котором сообщает о рождении дочери и своем душевном смятении. Этим письмом ознаменовался очередной период их общения.

Поэтесса сняла скромную квартиру на Арбате, в Дурновском переулке, 4, который был ее своеобразным родовым гнездом. Здесь в свое время жили Делоне — ее дед (по материнской линии) с бабушкой; там же, неподалеку, на Воздвиженке жил когда-то и другой предок — М.А. Дмитриев-Мамонов.

Сердечные разочарования, развод, рождение Гаяны и тяжелые, запутанные взаимоотношения с А. Блоком — все вело к раздумьям и уединению. Перемена жизни для Елизаветы Юрьевны с рождением дочери была как бы предопределена. Оказавшись в Москве, она хотела укрыться от многого, что окружало ее в Петербурге. Ей казалось, что в Москве получится жить в относительной тишине, забыть шум пестрых и зачастую безалаберных столичных встреч, которые ее всегда раздражали. Однако намеченные планы спокойной жизни в Москве не сбылись.

Вскоре после переезда Елизавета Юрьевна случайно на улице столкнулась с С.И. Дымшиц, оказалось, что Толстые живут неподалеку, на Зубовском бульваре. От них она узнала, что в Первопрестольной обосновался и Вячеслав Иванов,

который пытается воссоздать у себя некое подобие петербургских собраний на «башне». Жизнь и друзья все-таки настигли ее в Москве.

Ее позвали как свою единомышленницу, а она уже мобилизовалась к бою. «Еду в боевом настроении», «чувствую потребность борьбы», «бой начинается» — так она описывает эту первую встречу у Иванова и поясняет, что борьба идет... за Блока, поскольку виновным в его «гибели» (лидерства) она считает именно Иванова и его окружение. Еще в городе на Неве она неоднократно вставала на защиту своего кумира в образе «ребенка» русского народа, которого безумная мать Россия «нам на руки кинула». Столь странное представление о Блоке, вероятно, было достаточно принято в узком приятельском окружении поэта: не случайно, что острый на язык С.М. Городецкий[1] на своей книжке «Царевич Малыш» сделал ему шутливую дарственную надпись: «Любимому ребенку Руси Саше Блоку» (2 марта 1911)...

Но в этот вечер «битвы» за Блока не случилось, речь о нем не заходила, все были увлечены новой восходящей звездой, художником Сарьяном, который несколько лет путешествовал по Турции, Египту и Ирану и своими учителями-вдохновителями считал Матисса и Гогена. Он привез необыкновенно красивые акварели и целый вечер рассказывал о своих путешествиях. Елизавета не только была наслышана об этом талантливом художнике, но и видела его работы на выставках «Мира искусства». Гости разошлись далеко за полночь, а С. Дымшиц удалось нарисовать пастелью несколько портретов гостей, в том числе и Елизавету, на котором поэтесса изображена внимательно слушающей какого-то собеседника.

1 ноября, через четыре дня после этой ночи она получает до боли знакомый ярко-синий конверт[2]. «Как всегда в письмах Блока ни объяснений, почему он пишет, ни обращений "глубокоуважаемая" или "дорогая". Просто имя и отчество, и потом

---

[1] Городецкий Сергей Митрофанович (1884–1967, Обнинск) — русский поэт-символист. В 1905–1906 гг. посещал «башню» Вяч. Иванова, опубликовал книги стихов «Ярь», «Перун», «Дикая воля» (с ярко выраженным фольклорным уклоном). В 1915 г. увлекся так называемыми новыми крестьянскими поэтами (С. Есенин, Н. Клюев и др.).

[2] См.: Мать Мария. Встречи с Блоком.

как бы отрывок из продолжающегося разговора между нами: "...Думайте сейчас обо мне, как и я о Вас думаю... Силы уходят на то, чтобы преодолеть самую трудную часть жизни — середину ее... Я перед Вами не лгу... Я благодарен Вам..."»[3]

«26 ноября 1913, мы вместе с Толстым у В. Иванова на Смоленском... <..> Но у меня неосознанный острый протест. Я возражаю, спорю. Не зная даже, против чего именно я спорю..<..> Вскоре опять, 26 ноября 1913 г., мы вместе с Толстыми у В. Иванова на Смоленском. Народу мало, против обыкновения. Какой-то мне неведомый поэт, по имени Валериан Валерианович (потом узнала, — Бородаевский), с длинной, узкой черной бородой, только что приехал из Германии и рассказывает о тоже мне неведомом Рудольфе Штейнере. Хозяин слушает его с таким же благожелательным любопытством, как слушает вообще все. Для него рассказ в основных чертах не нов, поэтому он расспрашивает больше о подробностях, о том, как там Белый, Волошин и т. д. Оттого, что о главном мало речи, я не могу окончательно уловить, в чем дело. Но у меня не осознанный, острый протест. Я возражаю, спорю, не знаю даже, против чего именно я спорю. Но странно, сейчас я понимаю, что тогда основная интуиция была верной. Я спорила против обожествления и абсолютизации человеческой природной силы. В нелепом, приблизительном споре я вдруг чувствую, что все это не случайно, что борьба у меня идет каким-то образом за Блока, что тут для него нечто более страшное, чем враг из безличного становится личным. Поздно вечером уходим с Толстым. Продолжаем говорить на улице. Сначала это спор. Потом просто моя декламация о Блоке. И мы уже с Толстым не домой идем, а скитаемся по снежным сугробам на незнакомых, пустых улицах. Я говорю громко, в снег, в ночь вещи для самой пронзительные и решающие: "У России, у нашего народа родился такой ребенок. Такой же мучительный и на нее похожий. Ну, мать безумна, а мы все ее безумием больны. Но сына этого она нам на руки кинула, и мы должны его спасти, мы за него отвечаем. Как его в обиду не дать — не знаю, да и знать не хочу, потому что не своей же силой можно защитить человека.

[3] Мать Мария. «Воспоминания о Блоке».

Важно только, что я вольно и свободно свою душу даю на его защиту"».

Зимой 1913—1914 гг. Елизавета Юрьевна часто виделась с Толстыми. Их дружба укреплялась, благодаря общительному характеру Толстого круг ее московских знакомых постепенно расширился и стал весьма разнообразным. Алексей Толстой всегда славился широтой связей, любил шумные застолья, розыгрыши. В письме Е.О. Волошиной сыну Максу (из Москвы в Коктебель) она рассказывает о том, кто присутствует на знаменитых волошинских «обормотских вечерах», которые неким филиалом Толстой перенес в Москву. В числе приглашенных частенько бывали и художники М.С. Сарьян и Е.С. Кругликова. Тон в салонных встречах задавал А. Толстой.

Алексей Николаевич обожал богему, но по многим обстоятельствам (и не только потому, что он не был поэтом) в ее бурлящую «гущу» он принят не был, тем не менее страстное желание до этой среды дотянуться оставалось всегда. Много язвительных строк он посвятил в своем неоконченном романе «Егор Абозов» питерской «Подземной клюкве», она же «Бродячая собака». Писательские и поэтические кружки бесконечно распадались и вновь создавались, но оставаться на плаву и в центре, несмотря ни на что, — было у А. Толстого в крови, как бы вторым талантом.

Главным заводилой, озорником и эпатажником с попранием законов божеских и человеческих был Максимилиан Волошин. Именно он стал основателем коктебельских «обормотов», состоящих из его поклонниц, единомышленников-поэтов и художников. Сам Волошин был грузный, толстый мужчина с огромной головой, покрытой буйными кудрями, которые придерживались ремешком или венком из полыни, с курчавой бородой. Одевался он достаточно экзотично, носил длинную холщовую рубаху на манер древнегреческого хитона, чуть прикрывающую колени, и кожаные сандалии. В таком свободном виде он достаточно долго расхаживал по поселку, чем немало шокировал местное население, но однажды к нему пришла делегация от болгарских крестьян и попросила его надевать под хитон брюки, чтобы не шокировать их жен и дочерей. Мать Волошина (Елена

Оттобальдовна) носила обормотское прозвище Пра (Праматерь) и принимала активное участие во всех мероприятиях. Это была худощавая пожилая дама, коротко стриженная, курящая, носившая или шаровары или брюки, а ее ученицы (танцовщицы) из этой обормотской компании ходили в фантастических костюмах, напоминавших греческие. Летом волошинский дом наполнялся до отказа, многие спали в саду, кое-кто устраивался в подобиях гамаков на деревьях, а рано утром большая процессия во главе со «жрецом» Максом отправлялась в горы на поклонение восходящему богу-Солнцу. Во время полнолуния устраивались ночные процессии к берегу моря, омовения и чтение стихов. Из приезжих в обормотской компании, как и в жизни кабачка «Бубны», деятельное участие принимали А. Толстой, художник Лентулов и многие другие.

Это небольшая зарисовка лишь частично отражает мир безграничной свободы художественной интеллигенции того времени, в котором переплетались самые невероятные идеи: чем оригинальней был заводила, тем больше он собирал поклонников, крайности не знали границ. Одним из таких новаторов был самобытный и уже признанный коллекционерами современного искусства художник Сарьян. Он не был эпатажником, но его живопись, яркая и свежая, произвела настоящий фурор на столичную братию. Он быстро завоевал известность, и несколько его полотен уже тогда приобрели некоторые музеи.

Личность Сарьяна и не только его живопись, но и художественно-философский «взгляд на Восток» во многом повлияли на Елизавету Юрьевну. Сам Сарьян писал о своем кредо так: «Художник должен любить свои краски, писать быстро, но с большой осторожностью, по возможности избегая излишнего смешения красок... Художник должен смотреть на свою палитру, как на цветник, и уметь обращаться с нею мастерски, как истинный садовник». М. Волошин, который посвятил Сарьяну отдельную статью в «Аполлоне» в ноябре 1913 года, которую сам Сарьян считал наиболее удачной, говорит о зрелом и весьма самобытном художнике, о его принципе упрощения в равной мере как рисунка, так

и цвета и что именно это является «руководящей нитью» в его живописи. В этой статье Волошин подчеркивает, что искусство Сарьяна «...отражает Восток, и в своем романтизме он остается человеком Востока. Подход Сарьяна к Востоку чисто импрессионистский, но у Сарьяна есть чувство рисунка, доведенного до высшей простоты, и такое же чувство упрощения тона». А еще у Сарьяна чувствуется «стиль турецких лубочных картинок, характерные восточные цвета».

Это чрезвычайно интересное свидетельство для нас, поскольку о восточных истоках русского искусства начала 1910-х гг. много говорилось в печати. Поддерживал это модное увлечение Востоком и авангард московских модернистов. «Да здравствует прекрасный Восток! Мы против Запада, опошляющего наши и восточные формы и все нивелирующего», — провозглашают в своем манифесте «Лучисты и Будущники». Наталия Гончарова в том же 1913 году предлагала «черпать художественное вдохновение у себя на родине и на близком нам Востоке: «Для меня Восток — творчество новых форм, расширение и углубление задач цвета».

В связи с творчеством Сарьяна следует отметить еще одно обстоятельство. С 1910 по 1913 год он объездил Ближний Восток, о чем многократно рассказывал друзьям, сопровождая своеобразные лекции показом своих рисунков и акварелей. Елизавета Юрьевна регулярно бывала на этих просмотрах и постепенно стала увлеченной последовательницей Сарьяна. Именно в это время ее акварели приобретают яркую гамму, а в сюжете появляются восточные и библейские мотивы. Известно, что в 1912—1913 гг. она изучала персидские миниатюры и фаюмские портреты в коллекции Музея изящных искусств[4], а если говорить о технике исполнения своих акварелей под тонким слоем воска, можно с уверенностью сказать, что ей были известны иконы из Синайского монастыря, хранящиеся в Музее Киевской духовной академии, которые были написаны восковыми красками[5].

---

[4] В 1909 г. в Музей изящных искусств было передано уникальное собрание подлинных произведений Древнего Египта, принадлежавшее известному российскому египтологу В.С. Голенищеву.

[5] Живопись эта, как известно, выполнялась теплыми восковыми

Дружба с Сарьяном, видимо, глубоко повлияла на Кузьмину-Караваеву, причем не только в художественном плане. Теперь становится понятной во многом загадочная фраза из письма Е.О. Волошиной (Пра) к сыну от 22 октября 1914 года: «...летом приезжала в Коктебель Кузьмина-Караваева... была очень мила, проста, и расстались мы с ней совсем друзьями. Хочет два года пожить без людей в уединении, затем ехать в Мидию». Что касается «Мидии» — то ее, конечно, следует понимать в переносном смысле, как сказочную сарьяновскую Персию.

Поэтесса любила землю; кровь предков — земледельцев и виноделов — постоянно давала о себе знать. Много строк она посвятила «праматери и матери Земле»:

Земля владычица, невеста из невест,
Мать Матерей, все тихо и все просто...
Питая всех деревьев корни,
Лелея зерна средь полей,
О, Мать, ты солнца чудотворней
И звезд пылающих мудрей...

* * *

Круг ее московских встреч в ту зиму 1913–1914 гг. был весьма разнообразен: только у А.Н. Толстого она встречается с К.В. и М.П. Кандауровыми (художником и балериной), с М. Сарьяном, поэтессой М.П. Кювилье (вскоре ставшей женой племянника Н.А. Бердяева, во втором браке — женой Ромена Роллана), Еленой Оттобальдовной (Пра), П.Я. и Е.Я. Эфрон (деверем и золовкой М.И. Цветаевой) и многими другими. Но из всех своих современников литераторов выше всех Кузьмина-Караваева ставила Вяч. Иванова, которому она посвятила немало слов признательности в очерке «Последние римляне» (1924): «...считаю его индивидуально

красками, которые после наложения на доску или картон по мере впитывания обрабатывались горячими катушками, после чего можно было накладывать новые слои краски. В заключение вся икона покрывалась слоем эмали, которая придавала энкаустической живописи особенную глубину тонов, воздушность, сближая ее с масляной.

наиболее крупным представителем последних римлян, значение которого, может быть, главным образом личное даже значение, а не только значение его книг, — еще недостаточно оценено. <...> с именем Вячеслава Иванова у меня ни в какой степени не связано ни малейшего отрицания. Я его принимаю целиком, очень ценю, люблю даже, — и на этом основании, говоря именно о нем, совершенно отвожу от себя всякий упрек в стремлении кого-либо унизить и развенчать...» Несмотря на огромные потрясения в личной жизни — рождение ребенка, развод, переезд в Москву, — 1913 год выдался поэтически урожайным для Елизаветы Юрьевны. В декабре она думает обратиться в издательство «Альциона», советуется с Толстым и пишет Блоку письмо: «Месяц тому назад я решила издать вторую книгу стихов; тогда мне уже приходили в голову мысли попросить Вас посмотреть книгу до того, как я отдам ее в печать... Теперь я видалась на днях с Толстым, который знает, что в своих стихах я не умею разбираться, и он мне сказал, что видел Вас, что он Вам говорил о моей второй книге, и Вы ничего не имеете против, если я Вам ее пошлю в рукописи. В книгу эту, как я ее Вам посылаю, вошла четвертая часть написанного за это время... Сегодня же посылаю Вам мои стихи и буду ждать Вашего ответа». В феврале она продолжает: «Я читала Ваши заметки на полях рукописи, и за ясными и определенными словами, почти всегда техническими, я узнавала то, что заставило меня написать Вам тогда, осенью... У меня сейчас опять всю эту зиму — перепутье. Поэтому мне необходимо исключительно для себя издать книгу, попытаюсь переработать ее соответственно Вашим указаниям и издам». Книга должна была состоять из 70 стихотворений.

Одновременно в феврале она посылает свои стихи в футуристическое издательство «Центрифуга» и пишет известному литератору и художнику С.П. Боброву, одному из основателей этого издательства: «Посылаю Вам и те стихи, о которых говорила; но Вы дали мне возможность свободно выбрать, что посылать, — и я этим воспользовалась». С Бобровым, автором книги «Виноградари под розами», она была знакома еще по Петербургу, где в 1912 году они вместе

выставлялись в обществе художников «Союза молодежи». В результате переговоры с издателями ни к чему не привели, и задуманная книга не вышла.

Весной 1914 года вместе с Гаяной она уезжает в Анапу и в письмах к Блоку пишет о невероятных наводнениях и бедствиях, обрушившихся на Черноморское побережье Кавказа. В мае от обильных дождей и града пострадал город Ейск; в июле на Кубани установилась невыносимая жара, а в Екатеринодаре температура достигала 41 градуса: «Весной 14 года, во время бури на Азовском море погрузились на дно две песчаные косы с рыбачьими поселками. В это время у нас на Черноморском побережье земля стонала. <...> А летом было затмение солнца. От него осталось только пепельно-серебристое кольцо. Запылали небывалые зори, — не только на востоке и на западе, — весь горизонт загорелся зарею. Выступили на пепельно-зеленом небе бледные звезды». Несколько месяцев подряд шли дожди, река Кубань вышла из берегов, сильнейшие подземные толчки разрушили большие здания, 8 августа было полное солнечное затмение. Местные жители воспринимали эти природные катаклизмы как предвестники чего-то страшного и катастрофического.

19 июля (1 августа по новому стилю) 1914 года началась Первая мировая война, которая резко изменила весь уклад жизни как в России, так и в мире. Двадцатого числа государь Николай II подписал Манифест о вступлении в войну, а 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия.

Много раз судьба сводила и разводила Алексея Толстого с Е.Ю., можно предположить, что не всегда он воспринимал молодую поэтессу всерьез. Сам он был человеком увлекающимся, частенько впадавшим в крайности, а его острый язык и перо причинили боль многим из его окружения — особенно тем, кого он вывел в своих произведениях под вымышленными именами. В «Хождении по мукам» Толстой достаточно злобно изобразил Блока в образе поэта-декадента Бессонова, и, как говорили многие, портрет был похож на оригинал. О том, что это был Блок, говорит и идентичность инициалов (А.А.Б.), и портретное сходство, и почти один и тот же возраст, и те три бессоновских белых томика стихов, которые

с дурманящим упоением читала Даша Булавина (намек на три блоковских томика в белых обложках), и мотивы блоковской поэзии, прежде всего мотив катастрофы старого мира в стихах Бессонова.

Е.Ю. Кузьмину-Караваеву он увидел так: «Елизавета Киевна была красивая, рослая и румяная девушка, с близорукими, точно нарисованными глазами и одевавшаяся с таким безвкусием, что ее ругали за это даже телегинские жильцы. Когда в доме появлялся новый человек, она зазывала его к себе, и начинался головокружительный разговор, весь построенный на остриях и безднах, причем она выпытывала — нет ли у ее собеседника жажды к преступлению? способен ли он, например, убить? не ощущает ли в себе "самопровокации"? — это свойство она считала признаком всякого замечательного человека. Телегинские жильцы даже прибили на дверях у нее таблицу этих вопросов. В общем, это была неудовлетворенная девушка и все ждала каких-то "переворотов", "кошмарных событий", которые сделают жизнь увлекательной, такой, чтобы жить во весь дух, а не томиться у серого от дождя окошка».

Летом 1914 года Алексей Толстой и Софья Дымшиц гостили в Коктебеле у Волошина. В мае София Исааковна побывала у Елизаветы Юрьевны в Джемете под Анапой, а в июне туда же приезжал Толстой, они провели вместе несколько недель. Вернувшись в Коктебель, Алексей Николаевич написал рассказ «Четыре века». В этом рассказе он использовал отдельные эпизоды из жизни Кузьминой-Караваевой и ее мужа Дмитрия. Надо сказать, что в этом рассказе было много метких наблюдений, перемешанных с довольно злыми характеристиками: «Чиновник (муж) он был отменный и прямо метил в вице-губернаторы. Дома завел игру в винт. Был скуповат, скрытен, осторожен, и чем увереннее чувствовал себя Балясный, тем печальнее становилась Наташа. В семейной жизни у них было неладно, хотя внешне все казалось благополучным. В марте Наташа родила дочку. Окрестили ее Гаяна, что значит — "земная", имя не то адское, не то собачье. На третью зиму она разошлась с мужем <...> Наташа со всей силой торопилась жить. Время тогда было точно перед

грозой <..> вскоре она заболела нервной горячкой и надолго слегла в постель».

Действительно, Елизавета Юрьевна прожила с мужем, Д.В. Кузьминым-Караваевым, с зимы 1910 по весну 1913 года, официальный развод они оформили в самом конце 1916-го. Не совсем тактично обыгрывает Толстой в своем рассказе и редкое раннехристианское имя, которым Елизавета Юрьевна назвала свою дочь.

С началом войны и разводом А. Толстого с С. Дымшиц встречи между Кузьминой-Караваевой и Софьей Исаковной пошли на убыль. Правда, некоторое время контакты между молодыми женщинами еще продолжались — ведь они были не только друзьями и художниками, но и матерями-одиночками малолетних дочерей, к тому же не отличавшихся крепким здоровьем. Во время московских встреч Дымшиц написала несколько портретов Елизаветы Юрьевны. Ей удалось передать глубокое внутреннее напряжение и затаенную грусть в глазах своей модели. По психологической выразительности этот портрет может быть отнесен к явным удачам Дымшиц. В августе 1914 года Дымшиц из Петербурга послала телеграмму Кузьминой-Караваевой на юг: «Вернулась из Москвы. Нужен немедленный приезд. Хлопочу о будущем Марианночки»[6].

Вскоре Елизавета Юрьевна вернулась в Петроград, где застала эйфорию патриотических чувств первых месяцев войны. Возможно, что этот экстаз был вызван душевным подъемом после неизжитой тяжести поражения России в войне с Японией за десять лет до этого. Двоюродные сестры Елизаветы Юрьевны поступили на курсы сестер милосердия. В частности, Е.А. Чистович — «сестра милосердия военного времени» — была направлена петроградской общиной св. Георгия в городской лазарет имени короля Бельгийского. Брат Елизаветы Юрьевны Дмитрий, студент-юрист, весной 1914 года был отчислен из университета «за невзнос платы» за обучение. В ноябре 1914 года было опубликовано

---

[6] Толстая Марианна (Марьяна) Алексеевна (1911–1988) — внебрачная дочь А. Толстого и С. Дымшиц. Пожениться А.Т. и С.Д. не могли: муж Софьи отказал ей в разводе.

специальное правительственное «разъяснение» о льготах студентам, уходящим добровольцами на фронт. Согласно постановлению ушедшие на фронт студенты университетов считались «в отпуску до окончания войны». И что, пожалуй, самое важное — им было обещано по возвращении освобождение от платы за обучение. И Дмитрий записался в армию.

Сама поэтесса, подобно многим современникам, приняла войну с радостью, считая, что наконец-то пришла хоть и кровавая, но живительная гроза, которая разрядит «затхлую атмосферу»:

Все горят в таинственном горниле;
Все приемлют тяжкий путь войны...
Только в сердце тайная тревога, —
Знак, что близок временам исход.
Разве нам страшны теперь утраты?
Иль боимся Божьего суда? —
Вот, — благословенны иль прокляты, —
Мы впервые шепчем: навсегда.

В строках ее стихотворения звучат тревога и надежда, которая не оправдалась: война принимала все более затяжной и действительно кровавый характер, а социальные перемены так и остались лишь мечтой курсисток и студентов. Кажется странным, почему через войну можно было надеяться на возрождение России. Но в умах «прогрессивных» интеллигентов эта война виделась как некое очистительное духовное испытание, суд нации, суд истории над империей, лично над государем Николаем II, его семьей и над «кровавым самодержавием». Не будем вдаваться в анализ исторической ситуации, в которой пребывала Россия к началу войны, — это не наша задача, но необходимо прояснить некоторые странности, если не парадоксы, отношения разных слоев общества к этой войне. Страна оказалась зажатой между полуреформами, и особенно поздно свершенной так называемой крепостнической, которую провел в 1861 году Александр II. Реформа не только запоздала, но более того, многие современники утверждали, что она, освободив крестьян, никак их

не поддержала, а бросила на произвол судьбы. Столыпинские реформы, которые начались только в 1906 году и которые ставили задачу передать надельные земли в собственность крестьян, были восприняты в штыки либеральной частью аристократии и тем более интеллигенцией. В массе своей деревенское население жило почти в средневековье, ни о каком техническом аграрном процессе после отмены крепостного права речь не успела пойти. После убийства Столыпина от дальнейшего руководства отстранили всех его соратников[7]. Двор, государь и императорская семья к этому времени находились в состоянии полной изоляции от народа, от интеллигенции и от деятельных министров, готовых провести необходимые реформы. К этому моменту интеллигенция жила в предвкушении перемен, жажды мщения и действительной надежды на искупительную и кровавую войну.

Вырисовывалась странная картина как бы трех (а может, и четырех) миров сословий, которые жили в параллельном пространстве. Не будем сбрасывать со счетов и синодальную церковь, которая к этому времени переживала тяжелейшие времена непопулярности среди всех названных выше слоев населения.

Елизавета Юрьевна писала в очерке «Последние римляне»: «...в некоторых кругах русской интеллигенции остро выросло чувство какой-то мистической веры в путь войны и очищение через этот путь». Тогдашние газеты, брошюры, сборники были полны «патриотическими» идеями, прославлявшими героизм русского солдата. Война с Германией пробудила националистические настроения. Отмечались настоящие погромы немецких предприятий и преследования людей с немецкими фамилиями. Соратница Кузьминой-Караваевой по «Цеху поэтов» поэтесса М.Л. Моравская писала:

---

[7] В частности, это коснулось и Александра Васильевича Кривошеина (1857–1921). С 21 мая 1908 г. — главноуправляющий землеустройством и земледелием; один из ведущих участников проведения в жизнь Столыпинской реформы. В 1914–1915 гг. руководил экономической политикой правительства. Стал инициатором проведения «нового курса», который заключался в стимулировании экономического роста.

Быть может, это будет последняя война?
Всю злобу мировую вытравит до дна,
И порешит вражду, и разрешит все узы,
Всю землю примирит, весь мир обезоружит,
Все горе мировое высушит до дна
Последняя, великая, всемирная война!

Война 1914 года стала первым испытанием на сплоченность интеллигенции. В стане Городецкого, Гумилева войне пелись дифирамбы.

И воистину светло и свято
Дело величавое войны.
Серафимы, ясны и крылаты,
За плечами воинов видны...[8]

В.Я. Брюсов считал, что «*По пажитям Европы древней / Идет последняя война*». Игорь Северянин стоял на урапатриотических позициях и сочинил «Благословение войне». Футуристы-революционеры первые и единственные в российском искусстве прокляли войну и боролись против нее всеми «оружиями искусства». В. Маяковский очень болезненно воспринял бессмысленную бойню, резко осудил и написал стихотворение «Война и мир»:

Хорошо вам.
Мертвые сраму не имут.
Злобу
К умершим убийцам туши.
Очистительнейшей влагой вымыт
грех отлетевшей души.

Нельзя обойти стороной и Григория Распутина — личность темную, роковую, игравшую разрушительную роль в тогдашней России и имевшую почти магическое влияние на семью императора Николая II. Были широко известны его предсказания, и когда в 1914 году в Сибири Распутина

[8] Из стихотворения Н. Гумилева «Война» (1914).

впервые ударили ножом, то впоследствии выяснилось, что это нападение произошло в тот же день, когда в Сараево был убит эрцгерцог Фердинанд, что привело к Первой мировой войне. В течение нескольких недель Распутин был близок к смерти. Придя в себя, он узнал, что царь отверг его совет не вступать в войну и сделал все наоборот.

Брожения творческой интеллигенции, как бы поиск корней, довольно поверхностный «уход в природу и народ», даже в язычество (как у М. Волошина), увлечение Востоком и Азией в сочетании с безбожием, бунтом и религиозной стилистикой — все это делалось последовательно (во многом подсознательно), но приносило горькие плоды, разъедающие тело России, и как результат — зарождение революционных настроений. Но революция и «очистительная» война, которая «кровью промоет гнойные раны России», — как теперь мы знаем, принесли 75 лет безбожной советской власти.

К началу Первой мировой войны возникал соблазн переписать русскую историю или по крайней мере найти свой, русский, особый путь. Петр I сблизился с Европой, но этим неотвратимо предрек кризис интеллигенции. Русское слилось с европейским, аристократическая утонченность мировоззрения последних веков породила нового человека — русского европейца, целиком взращенного на немецкой философии, французской живописи, итальянской архитектуре и английском укладе жизни. Этот некий цивилизованный остров был окружен почти средневековой Русью. Свое место в этой ситуации определила и интеллигенция (особенно левая), выбрав оппозицию!

Николай Бердяев в тексте «Война и кризис интеллигентского сознания», опубликованном в январе 1915 года, пишет: «Тот мрак душевный, тот ужас, который охватывает силу отходящую и разлагающуюся, но не способную к жертве и отречению, ищет опьянения, дающего иллюзию высшей жизни. Так кончина старой исторической силы застигает ее в момент оргии. И история окружает этот конец фантастикой. Вырождается и приходит к концу какое-то темное начало в русской стихии, которая вечно грозила погромом ценностей, угашением духа».

Все противоречия в военное время резко обострились, и обществом постепенно овладело уныние и разочарование. Интеллигенция, которая на протяжении нескольких десятилетий вопила о жертве и отречении, очень быстро растерялась и поняла, что не способна на эту жертву. Бердяев продолжает: «В огромной массе русской интеллигенции война должна породить глубокий кризис сознания, расширение кругозора, изменение основных оценок жизни. Привычные категории мысли русской интеллигенции оказались совершенно непригодны для суждения о таких грандиозных событиях, как нынешняя мировая война. < ..> Война может принести России великие блага, не материальные только, но и духовные блага <..> Война изобличает ложь жизни, сбрасывает покровы, свергает фальшивые святыни. Она — великая проявительница. Но она несет с собой и опасности».

Так и произошло, Бердяев был провидцем. С первыми неудачами на фронте не только Елизавета Кузьмина-Караваева почувствовала глобальное обострение революционных настроений. Стало очевидным, что на страну надвигается нечто страшное и неизбежное. Где искать ответы, с кем посоветоваться?

25 октября 1914 года она, не предупредив о своем визите, буквально врывается к Блоку на Офицерскую. Поэт переживал не самое лучшее время своих взаимоотношений с супругой, он только что расстался с очередным предметом увлечения, впрочем, эти мучительные и затяжные расставания и возвращения происходили на протяжении всей совместной жизни Блока и актрисы Любови Дмитриевны Менделеевой. Он болел, ревновал, прощал и страдал, в 1913 году после очередного неудачного романа Л.Д. они вместе уезжают во Францию... и возвращаются порознь. Его друг поэт Г.И. Чулков[9] писал: «Необыкновенно точный и аккуратный, безупречный в своих манерах и жизни, гордо-вежливый, загадочно-красивый, он был для людей, близко его знавших, самым растревоженным, измученным... человеком».

---

[9] Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — поэт, создатель теории мистического анархизма, входил в круг символистов, дружил с А. Блоком и Вяч. Ивановым

Елизавета знала о семейных неурядицах поэта, но только увидев его воочию, поняла насколько он душевно изможден. Можно предположить, что в этот момент два заплутавших и очень усталых человека встретились и кинулись друг к другу. Потом они читали стихи, он аккуратно избегал воспоминаний, был рад встрече, но не более. Разговор затянулся далеко за полночь... и на следующий день она опять пришла к нему. Так начался третий этап их общения, пик которого приходится на зиму 1914—1915 гг. В этот период они встречаются очень часто, разговаривают по телефону, но по существу, как пишет Кузьмина-Караваева, «это был единый разговор, единая встреча, прерванная случайными внешними часами пребывания дома для сна, пищи, отдыха».

Блок не разделял любви Кузьминой-Караваевой. Всем своим существом, кипучей энергией, темпераментом, постоянным поиском истины она слишком заполняла пространство. С такой неженской силой характера ему было тяжело, он «уставал» от нее и в результате стал тактично уклоняться от общения. Слишком разными они были и по сути; как точно заметил известный специалист по русскому Серебряному веку Д.Е. Максимов[10], «общим у них было то, что поэтесса, подобно Блоку, несла в себе острое чувство кризиса и надвигающейся катастрофы»; она «услышала в поэзии Блока нужные и близкие ей слова о “страшном мире” и не могла их забыть. Так же как и Блок, она была полна бунтарским духом и сочувствовала революционному движению эпохи. Блока и Кузьмину-Караваеву роднило ощущение «вины перед народом».

В этот период у нее укрепляется острое чувство жертвенности, желание выстрадать во имя и на благо: «Сейчас надо всей России в войне, в труде и в молчании необходимо искать своего Христа и в нем себя найти». Как неожиданно это заявление! Об этом она уже говорила с Блоком, и, по воспоминаниям ее матери, Лиза как-то пошла в Александро-Невскую

[10] Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904—1987) — российский литературовед, поэт, доктор филологических наук. Специалист по русской поэзии XIX — нач. XX в. Исследователь журналов «Современник», «Весы».

лавру к ректору Духовной академии, он сказал, что не может принять ее как слушательницу, так как у них принимают только мужчин, но что он будет присылать ей лекции, а она, подготовившись, может сдавать экзамены на дому у каждого профессора». Экстерном она сдавала экзамены самым разным профессорам, реакция их на молодую женщину, желающую углубить свое богословское образование , тоже была неоднозначная, иногда совсем даже не доброжелательная. Один из них заявил: «Не пущу, может, она еще террористка какая! Виданное ли дело, чтобы женщина на богословские курсы шла». Подобные новшества воспринимались скорее плохо.

Безответное и глубокое чувство любви к А. Блоку в эти годы доводит ее до отчаяния, оптимизма не добавляют и рождение внебрачной дочери, и развод с Кузьминым-Караваевым, да и война нанесла ее сердцу глубокую рану. Страх за будущее России и людей поглощает ее целиком, может быть, именно тогда она впервые от собственных переживаний обращается к невзгодам людей, все больше она говорит и пишет о собственном покаянии, о жажде жертвы и стяжании Господа.

Софья Борисовна пишет: «Лизу возмущало, что самые умнейшие, образованнейшие люди в такое страшное время о всем, даже самом святом, рассуждают нецеломудренно, неблагоговейно и небережно. И когда очень известный писатель, очень нецеломудренно писавший, спросил: “С кем вы, с Христом или Антихристом?”, то она почувствовала, что она-то навсегда с Христом». В ее воспоминаниях мы находим следующие слова ее дочери: «Покупаю толстую свинцовую трубку, довольно тяжелую. Расплющиваю ее молотком. Ношу под платьем как пояс. Все это, чтобы стяжать Христа, вынудить его открыться, помочь, нет, просто дать знать, что ОН есть. И в Четьи-Минеях, в свинцовой трубке, в упорных, жарких и бесплодных молитвах на холодном полу — мое военное дело. Это для чего-то нужно, для войны, для России, для народа моего любимого... для народа нужен только Христос, я это знаю».

Тогда она была еще слишком молода, неопытна, слова и действия были порой спонтанными, но уже тогда Господь

тронул ее сердце, взял за руку и направил на путь спасительный, на путь испытаний. Весь земной путь Кузьминой-Караваевой, будущей м. Марии, был подготовкой к иной вечной жизни, и вторая евангельская заповедь — «Возлюби ближнего твоего как самого себя» — стала для нее главной.

В начале Первой мировой войны (по сути, первой для нее) ей было трудно сформулировать личное отношение к происходящему; легче было определить, кто был «свой», кто «с Христом или с Антихристом». Труднее было отмежеваться от людей, близких по творчеству, но, как выясняется, с началом войны ставших совсем далекими. Ей предстоит узнать о начале Второй мировой, и тогда она напишет слова, которые наверняка зародились у нее уже в 1914 году: «В молодости сама эта молодость тянет нас, будоражит и смущает. Личные неудачи и срывы, различные разочарования, крушения надежд — все это не дает осесть нам и успокоиться. Есть и более серьезные вещи: настоящее горе, безвозвратные утраты, больше всего смерть любимых, — это все то, что на какие-то сроки уничтожает нашу тяжесть, даже вообще нашу весомость, что вдруг властно и повелительно уводит нас из этого мира с его законами в мир иной, законы которого нам неведомы. <..> Думаю, что христианская совесть никогда не может руководствоваться мотивами разбойника, т. е. для нее никогда не приемлемо агрессивное участие в войне. Гораздо сложнее обстоит дело с вопросом претерпевания войны, пассивного в ней участия, войны защитительной. И тут я подхожу к главному, что определяет христианское отношение к войне. Сила не в ней, а в том, что за нею. Есть в войне нечто, что заставляет — не всех, но многих — прислушиваться, и вдруг, среди рева пушек, стрекотания пулеметов, стонов раненых, — услышать иное, услышать далекую архангельскую предваряющую трубу. <..> В известном смысле можно утверждать парадокс, что всякая война, как бы она ни кончилась, самым фактом специфического своего влияния создает возможность, даже неизбежность следующей войны»[11].

[11] Статья «Прозрение в войне», 1939, Париж.

* * *

Известно, что у талантливых людей страдания приводят к высшему подъему творческого напряжения. В этот период Елизавета Юрьевна замышляет свою самую загадочную поэму «Мельмот», навеянную чтением готического романа английского писателя Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец». Можно без преувеличения сказать, что поэма о Мельмоте, над которой она работала с 1914 по 1915 год, является не только самым пространным, но и самым сложным из ее известных поэтических произведений, имеющим к тому же глубинные связи со многими произведениями мировой литературы. Поэма, написанная в символическом стиле начала XX века, состоит из четырех глав-песен и композиционно делится на две части: жизнь героини до встречи со скитальцем и после нее. Во многом это произведение автобиографично, так как в повествовании легко прослеживаются, угадываются реальные люди, как, например, А. Блок, но особенно реалистичен образ героини — Владычицы Ималли. Поэма о Мельмоте — это отголосок безответной любви поэтессы к Блоку, который ассоциировался у нее с Мельмотом не только своим «демонизмом», но и тем, что он, подобно Мельмоту, вкусил мудрость от древа познания, что он многое знает и предвидит (может быть, даже все!).

Это сказительно-фантастический рассказ о мятущейся душе юноши, который не находит ответов на вечные вопросы о смысле жизни, о добре и зле. Герой страшится смерти, отчего ищет власти и бессмертия. Зло побеждает добро, но на своем пути мрачного скитальца он встречает любовь девушки, которая носит имя Ималли. В начале поэмы Е.Ю. выводит эпиграфом слова: *«В полной уверенности, что близко время Мельмоту прилететь и искушать нас одним только обещанием, и с сомнением — неужели никто не согласится быть искушенным».*

То был Мельмот!
Все скорби испытав и веру искусив,
Проникнув в тайны знаний,
Он не был в страстии спокоен и счастлив
Пред часом умираний.

Поэма писалась несколько лет и, вероятнее всего, была закончена в Анапе в 1917 году. Известно, что вместе с папкой рисунков рукопись «Мельмота» была подарена детям Омельченко. Их было трое (две девочки и мальчик); по приглашению Елизаветы Юрьевны дети провели предреволюционное лето в Анапе, в ее родовом имении. «...она нам много читала из своей поэмы о Мельмоте»; перед детьми возникал таинственный скиталец. «Он то прилетал, то улетал на свои недоступные острова в Индийском океане...» Все это волновало и будило живое воображение детей, и, как вспоминает Е.А. Омельченко, «...брат мой еще долго потом рисовал корабли (не знаю, морские или воздушные), на которых прилетал Скиталец Мельмот».

Не здесь, не здесь, — в пустынном океане,
Средь бурь, средь волн сердитых и в седом тумане
Решил Мельмот спасение искать.
И рассекая облако бортами,
Корабль летит над тихими местами,
Мельмот смотрел на голубую даль.
И к вечеру на острове далеком
Мельмот уже бродил, вперед гонимый роком.

Ложились тени, и горел закат;
И ящериц блестели слабо спины,
Ступали гордо пестрые павлины,
Желтел в лучах закатных виноград,
И серебрился месяц на востоке;
У ног журчали медленно потоки;
На крыльях тихих приближался сон.
В воде закатные лучи дрожали.
Раздвинув ветви, тихо шла Ималли...

В поэме странным образом звучат фаустовские нотки обреченности человека, попытки смены собственной судьбы на чужую, вплоть до подписания некоего договора с довольно жесткими условиями. Этот трагический скиталец вынужден ради собственной свободы найти «заместителя» по мукам.

Прежде чем встретиться со своей спасительницей Ималли, он облетает на своем корабле мир и с отчаянием вопрошает:

Неужели на земле неплодной
Средь усталости и нищеты,
Среди тленья, тленья и тщеты
Все спокойны духом и святы,
В выборе дорог своих свободны?

Его душа настолько очерствела, а сердце охладело, что, встретив прекрасную Ималли, он сразу понимает, что перед ним чистая дева, и просит ее обменяться с ней душами. Девушка готова отдать изгнаннику все — даже жизнь, но не душу: душа принадлежит Богу, а не дьяволу. Отвергнутая Ималли становится кем-то вроде настоятельницы общины или монастыря. Она уединенно живет в своем белом доме у отрогов гор и стережет людской покой. Но и в эту обитель прилетел Мельмот. Владычица Ималли просит его успокоиться, прекратить свои вековые скитания, советует ему повиниться перед Богом, вверить ему свою судьбу. Но Мельмот не в силах сделать это. И тогда ради любви, ради спасения любимого существа Владычица Ималли берет грех Мельмота на себя, ибо только таким образом можно избавить его от адского огня. Несмотря на протесты Архангела Михаила, Владычица обменивается судьбой с Мельмотом, и тот тихо и счастливо умирает:

Мне блага не надо;
Я согласна нести твой грех.
Благословенна отрада —
Пасть за любовь ниже всех.
В любви мне сияет награда.
. . . . . .
Эти плечи слабые мои несут
Всю судьбу твою чрез скрежет и пожары
В край, где завершится суд.

Владычица Ималли состарилась, но продолжала жить в белом доме. Она ничего не просила и не ждала от жизни,

а только заботилась и молилась об усталых. Время текло незаметно, подошел срок и ее кончины, и душа Владычицы стала безнадежно ждать у райских дверей, пока не предстала наконец перед небесным судом. Но торжество дьявола было преждевременным. Ведь Ималли отдала свою душу даром, а не ради богатства и власти. Она так и объяснила на суде, что поддалась просьбе Мельмота во имя Бога:

Он так тогда устал,
А Ты мне силу дал,
И я могла нести спокойно бремя кары.
Пусть отдыхает он...
Уходит на покой
Усталый путник мой, —
И кару за него приму я без боязни.
В любви моя награда!

Чаша греха оказалась перевешенной чашей добра, победила любовь и великая жалость. Небесный суд оправдал Ималли: «...потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее» (Мф. 2:28). Что касается Блока (в образе Мельмота), то он не хотел никакого спасения, особенно от Е.Ю., вероятнее всего, она многое нафантазировала, и подвиг спасения, на который она его толкала, был ему абсолютно чужд.

В поэме есть описание белого дома, в котором живут Мельмот и Ималли, образ которого можно соотнести с тем, о чем Е.Ю. пишет Блоку: «Если я скажу о братовании или об ордене, то это будет только приближением, и не точным даже. Вот церковность — тоже неточно, потому что в церковности Вы, я — пассивны: это слишком все обнимающее понятие. Я Вам лучше так расскажу: есть в Малой Азии белый дом на холмах... И там живет женщина, уже не молодая, и старый монах. Часто эта женщина уезжает и возвращается назад не одна: она привозит с собой указанных ей, чтобы они могли почувствовать тишину, видеть пустынников. В белом доме они получают всю силу всех; и потом возвращаются к старой жизни».

Работа над «Мельмотом» закончилась в 1917 году, а начиналась она в 1914-м в Джемете , или, как она его переиначила

в письмах к Блоку, — *Джанете*. Так в Коране именуется рай, от арабского *джиннат*.

Известный петербургский врач-гигиенист А.П. Омельченко и его семья дружили и были даже в далеком родстве с Пиленко. В военное лето 1917 года трое детей из семьи Омельченко (две девочки и мальчик) были приглашены Елизаветой Юрьевной провести несколько месяцев в Джемете: «Нас, скромных и очень застенчивых петербуржцев, встретили в семье Елизаветы Юрьевны как-то просто и приветливо. У Елизаветы Юрьевны была маленькая, лет трех-четырех, дочь Гаяна. На греческом языке Гаяна — земная, как нам пояснила Елизавета Юрьевна. Девочка редко появлялась среди нас, но однажды, в ранние часы темного вечера, она пришла. На небе сверкали яркие южные звезды. Гаяна потянулась к окну и просящим голосом, обращаясь ко мне, сказала: "Дай мне звездочку, что тебе стоит?" Вопрос очень удивил и смутил меня. Елизавета Юрьевна любила рисовать. Рисовала она иногда при нас, в столовой, краскам, почти не пользуясь при этом карандашными набросками. Однажды я застала ее и моего брата Андрея (ему было 14 лет) за рисованием. Андрей дорисовывал красками этюд, сделанный с дома Пиленко — этого средневекового замка, как мы его называли, а Елизавета Юрьевна рисовала что-то на излюбленные ею библейские темы. Рисунки свои она потом охотно дарила нам. И они нам очень нравились. Иногда она вырезала из тонкого картона удивительные миниатюрные силуэты, предварительно не нанося на бумагу рисунка карандашом, мы очарованно смотрели на это, как на чудо... А еще она нам много читала из своей поэмы о "Мельмоте", перед нами возникал таинственный незнакомец Мельмот, он то прилетал, то улетал на свои недоступные острова в Индийском океане, все это волновало и будило воображение. А брат мой еще долго потом рисовал корабли (не знаю, морские или воздушные), на которых прилетал скиталец Мельмот».

Такой же корабль в облаках был нарисован ею как иллюстрация к стихам, при этом она использовала черную тушь с отмывкой. Что касается вырезок из плотной бумаги, то как не вспомнить о художнице Кругликовой, с которой в начале 1914 года Елизавета Юрьевна встречалась в Москве. Она

была к тому времени уже известна своими силуэтами, чем, безусловно, привлекла к себе внимание молодой художницы и поэтессы. Встречи и общение в кругу друзей были частыми, а следовательно, и невольное изучение техники не прошло мимо восприимчивой ко всему новому Елизаветы Юрьевны. Вырезки ее, выполненные из тонкого картона и плотной бумаги, поражают виртуозностью и экспрессией. Не верится, что эта работа делалась без каких-либо предварительных эскизов, а одним движением ножниц, да еще и на глазах удивленных зрителей.

Решение Елизаветы Юрьевны отдать акварели и рукопись «Мельмота» малознакомым детям до сих пор вызывает недоумение. Было ли это своеобразным наитием, взглядом через годы, интуитивным желанием спасти хоть что-то из ее прежней жизни? Ведь разлука с Россией уже была близка, но для нее самой не очевидна. Во всяком случае, этот необъяснимый дар в Джемете обернулся сегодня подарком судьбы для нас: по сохранившимся таким образом в России около 30 акварелям можно судить о ее творчестве до эмиграции. Акварели и рукопись долгое время хранились в семье у сестер Омельченко. Уже на закате своих дней они решили передать рисунки в Русский музей. Сравнительно небольшое количество вещей, предположительно того же периода (акварели и рисунки), хранится в Бахметевском фонде в Нью-Йорке, куда они вместе с частью рукописей были переданы в 1955 году Софьей Борисовной Пиленко.

Уже говорилось многократно, что работы свои мать Мария никогда не подписывала, даже в те ранние годы, когда была простой мирянкой Кузьминой-Караваевой. Серия акварелей, которая сейчас находится в запасниках Русского музея, Государственного объединенного тверского музея и музея Анны Ахматовой, не является вещами, рожденными одномоментно. По всему видно, что в «папку Омельченко» были вложены работы целого периода, с 1914 по 1917 год, а если говорить о пейзаже Бад-Наугейма, то он был написан в Германии в 1912 году.

Большая часть работ из собрания Омельченко выполнена в своеобразной и редко встречающейся технике — акварель с гуашью, покрытой воском, несколько карандашных

рисунков слегка подцвечены акварелью, а два этюда выполнены на бумаге маслом. Один из них — женщины, давящие виноград в огромных бочках, — явно сделан с натуры в Джемете, где виноделие было главным занятием. Вполне вероятно, что многие акварели предреволюционных лет послужили для Елизаветы Юрьевны тем художественным багажом, запасом композиционных и колористических решений и находок, которые помогли ей впоследствии в работе над фресковыми росписями в Париже. Они стали некими заготовками для последующих росписей интерьеров и гобеленов для ее храмов («Царь Давид», «Тайная вечеря» и др.). В серии акварелей из «анапской папки Омельченко» — «Ангелы трубящие», «Встреча Анны и Елизаветы», «Благовещение», «Пророки» и др., несмотря на их небольшой размер, уже угадывается талант художника-монументалиста. Определенное влияние и сходство ее работ можно обнаружить с работами Наталии Гончаровой, например, с «Богоматерью с младенцем» 1909 года, а акварель Кузьминой-Караваевой «Красный город» и по своему антивоенному звучанию, и по художественному решению напоминает гончаровский цикл «Война». Безусловно, прослеживается и влияние М. Сарьяна, особенно в рисунках, связанных с восточной тематикой, но самые близкие аналогии — это рисунки и карандашные эскизы Н.С. Войтинской, хранящиеся в Государственной публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. В них есть непосредственная перекличка «пророков» и «пастырей» с рисунками Кузьминой-Караваевой.

В своем творчестве она чаще всего шла ощупью, набираясь опыта и смелости у друзей. Но не только художники, ее собратья по кисти и перу, были причастны к направлению, на которое она свернула. Может быть, и русский фольклор, народное рукоделие, кровь ее земных предков, древний культ природы (которой поклонялся Волошин и его окружение) в виде богинь земли и плодородия сыграли роль в созревании ее как самостоятельной творческой личности.

О, мир, о, мой одноутробный брат, —
Нам вместе радостно под небом Божьим

Глядеть, как Мать воздвигла белый плат
Над нашим хаосом и бездорожьем.

Софья Борисовна вспоминала, что Лиза, рассматривая ее коллекцию кружев и вышивок, спрашивала о мифологическом образе "матери сырой земли", часто встречающемся в народном рукоделии (особенно на рушниках). Эта символическая женская фигура Земли необыкновенно напоминает Богородицу Оранту с поднятыми вверх и раскинутыми в стороны руками — в традиционном жесте заступнической молитвы.

Может показаться странным, но Дмитрий Владимирович Кузьмин-Караваев, ее бывший супруг, в это время тоже сделал первый шаг к Богу. В 1913 году он случайно купил Новый Завет у женщины, торговавшей книгами в поезде Тамбов — Санкт-Петербург. «Я сделал это отчасти из сострадания, отчасти из снобизма», — напишет он. Когда мать увидела его покупку, она очень обрадовалась этому приобретению и для того, чтобы и далее радовать свою мать, Дмитрий постоянно носил с собой Новый Завет, однако начал читать его лишь после Октябрьской революции 1917 года. «Как много утешения я обрел в Новом Завете! Образ Христа Спасителя, Его торжествующие смирение, Его любовь как Бога и как человека, настолько глубокая и беспристрастная, — навсегда проникли в мое сердце». 5 мая 1920 года он присоединился к Католической церкви, а в 1922 году был выслан вместе с группой интеллигенции на так называемом философском пароходе, в Риме в 1927 году принял священство.

* * *

Прямых доказательств нет, но в многочисленных свидетельствах неоднократно приводятся предположения, что отцом Гаяны был, что называется, «простой человек». После разрыва с мужем, в котором она не нашла «простоты», и очередного неудачного общения с Блоком Кузьмина-Караваева уезжает в Анапу, где встречается с незнакомцем. До сих пор неизвестно даже его имя. Может показаться очень странным, как, любя Блока, она могла так спонтанно поступить?

Что стояло за этим? Отчаяние, импульс, ревность, желание наказать себя и «пойти на вы» с враждебным окружением и декадентством? На самом деле подсознательно или сознательно она воплощает в жизнь совет, данный ей Блоком еще при первой их встрече в 1908 году:

...я хотел бы,
Чтобы вы влюбились в простого человека,
Который любит землю и небо
Больше, чем рифмованные и нерифмованные
Речи о земле и о небе.

Только ей и поэту ведомы ее слова из письма к нему от 28 ноября 1913 года: «Когда я была в Найгейме — это был самый большой перелом, самая большая борьба, и из нее я вышла с Вашим именем. Потом были годы совершенного одиночества. Дом в глуши на берегу Черного моря... И были Вы, Вы. Потом к земле как-то приблизилась; и снова человека полюбила, и полюбила, полюбила по-настоящему, а полюбила потому, что знала, что Вы есть. И теперь месяц тому назад у меня дочь родилась, — я ее назвала Гаяна — земная, и я радуюсь ей, потому что — никому не ведомо, — это Вам нужно».

Действительно, со слов Ю.Я. Мошковской, она вышла за Дмитрия К.-К. «не по любви, а из жалости... Лиза создала его в своем воображении, а может, хотела спасти от какой-нибудь “бездны”». Уезжая из Петербурга весной 1913 года, она вычеркивала из жизни не только свое окружение, но и расставалась с неудачным браком. Одна из ее близких подруг, гостивших у нее летом в 1915 года отмечала: «Она полюбила простого человека, охотника, гамсунского “капитана Глана”». В письме к Блоку есть слова: «...полюбила по-настоящему. (Я сейчас с дочерью в Москве), а потом буду с ее отцом жить». Но и эта встреча закончилась ничем, начавшаяся война и революция их раскидала, девичья мечта юности — «лейтенант Глан» — исчез из ее жизни навсегда. При встречах и в переписке с Блоком вопросы задаются прямо, ответы поэта ее не устраивают...

«Скифские черепки», вышедшие в 1913 году, стали переломным этапом. Именно в них Е.Ю. нащупывает христианскую ноту; первые критические высказывания не ранят ее самолюбия. Начало положено, и она идет дальше. Весь сборник «Черепки» пронизан религиозными поисками, темой чуда. Одновременно с работой над «Мельмотом» Кузьмина-Караваева писала философскую повесть «Юрали» (названную по имени главного героя), где она развивает тему добра и зла, любви и предательства. Повесть вышла весной 1915 года.

«О, Юрали, Юрали, ты, улыбающийся всем! Ты воистину подобен солнцу, греющему и добрых и злых... Никто в мире не знает таких слов, как ты. Никто не умеет так ласково заглянуть в глаза. Я знаю, Юрали, что не встречу любви большей, чем твоя любовь».

О сложной символике этого произведения и зашифрованном в названии смысле было уже здесь написано. В своей изначальной форме Юрий/Егорий/Георгий в переводе с греческого означает «земледелец». Ведь и дочь ее тоже была названа Гаяной — «земной». Кроме того, имя Юрий импонировало ей еще одним своим скрытым значением: в балтийских языках (а она была родом из Латвии и жила там свои первые четыре года) оно означает «море». Море Кузьмина-Караваева очень любила... Позже она назвала Юрием своего сына, использовав затем его имя и отчество для своего литературного псевдонима — Юрий Данилов.

«*Среди детей были две девочки: одна — горбунья, а другая — ласковая и злая; маленькой змейкой казалась она Юрали. Они особенно привязались к нему. Горбунья впервые видела, что уродство ее не пугает, что Юрали так же ласков с ней, как и с другими детьми. Часто говорила ему так: "Ты как солнце, Юрали; солнце светит и добрым и злым, прекрасным и калекам. Ты на меня смотришь так же ласково, как и на других, ты не боишься моего уродства. Это потому, что ты мудр и ясен, Юрали. Только тот боится уродства, кто сам уродлив. Мой прекрасный, тихий Юрали, я люблю тебя". И нежно гладила горбунья его руки и заглядывала ему в глаза...*»

Создавая образ Юрали, Елизавета Юрьевна заимствовала у мусульман-шиитов (она общалась с ними, живя в Анапе)

не только имя, но и саму идею появления нового пророка, учителя мудрости[12]. Согласно мусульманскому учению где-то существует таинственно исчезнувший, сокрытый от людей некий имам (духовный глава), которому предстоит объявиться на земле в роли махди (мессии). Однако в целом Юрали предстает перед читателем не мусульманским, а христианизированным проповедником.

«Тайное знание осенило его: куда бы ни привели шаги, — везде будет его родина ждать. Родина еще неведомая! То же солнце будет освещать путь его, то же небо ласково раскинется над ним, те же звезды тихо запылают ночью. Извечная родина, ласковая колыбель лелеет усталого от пути Юрали; тихая мать нежит ноги его; мать земля зеленая. И к восходу или закату, в страну ночи или в страну солнца поведет его дорога — везде он желанный сын мудрой земли, везде он любимый брат зверям и злакам земным».

Повесть написана ритмической прозой, сюжет стилизован под народные сказания, состоит из многих аллегорий и притч. Главный герой ее — певец, сказочник, мудрец, новый учитель-проповедник. Искания его противоречивы и непоследовательны, он во многом полагается на судьбу, на предопределение. Характерно, что в один из периодов жизни своего героя Елизавета Юрьевна поселила его в монастырь. Юрали добр, наивен, чист; он «расточал душу свою всем», «расколол сердце свое на куски, растопил любовь свою» на многих грешников. За это он получил упрек от старого монаха: «Кто хочет быть свободным и справедливым, должен выжечь из души своей любовь... Только суровая справедливость должна владеть помыслами». Во имя этой справедливости, а не любви и заступился старый монах за людей перед судьями. Этот диалог старчества с молодостью во многом созвучен с ветхозаветной суровостью и новым евангельским образом человека. Юрали, как и автор, знает: где нет любви, прощения, надежды, там нет и жизни, ибо «призваны люди любить и лелеять жизнь». За нарушение устава (ветхозаветного закона) юноша изгоняется из обители.

---

[12] В 1912 г. в западночеркесских аулах Кубанской области насчитывалось 123 мечети и несколько молитвенных домов.

По оценке Д.Е. Максимова, «Юрали» — это повесть, в которой «искания преобладают над решениями». В тяжелые военные годы молодая писательница устами своего героя дала клятвенное обещание: «Отныне я буду нести и грех, и покаяние, потому что сильны плечи мои и не согнутся под мукой этой». То же самое говорит и ее героиня Ималли, взявшая грех скитальца Мельмота на свои плечи.

Как часто в ее творчестве слово и рисунок живут рядом. Именно в тот же период она создает цикл акварелей, которые можно рассматривать как своеобразные иллюстрации к этой повести. Из отдельных писем мы узнаем, что она все больше углубляется в изучение богословия и религиозной философской мысли: «Вот продолжаю заниматься своими академическими учениями и ясно чувствую, что это самое главное из того, что надо делать».

После выхода книги Е.Ю. пишет 1 июня 1915 года в Петроград историку И.С. Книжнику-Ветрову[13]: «Как мой Юрали принят у Вас? Думала начать большую новую вещь: мне казалось, что она в большой степени поправит юралины недостатки. А получается скверно: вроде какого-то романа для юношества. Думаю, что это происходит потому, что каждый пишущий должен проникаться не только теоретически идеями своего труда, но и подчинить им жизнь. <..> Юрали был тесно связан с моею жизнью; а то, что теперь пишу, — так трудно выполнимо. Можно даже сказать парадокс: гораздо легче создать что-нибудь и проникнуться этим, чем подчинить себя чужому, даже такому, что теоретически принято».

---

[13] Книжник-Ветров Иван Сергеевич (1878–1965) — анархист, историк, философ. Наряду с Бакуниным, Лозинским, Кропоткиным Книжник-Ветров выдвигается в число ведущих российских теоретиков анархизма, но вскоре его взгляды претерпевают эволюцию: из ортодоксального последователя Кропоткина он становится приверженцем религиозно-мистического направления в анархизме. В 1912–1917 гг. принимает участие в собраниях Религиозно-философского общества, где встречается с Д.С. Мережковским, З. Гиппиус и П.Б. Струве. В 1915 г. принимает крещение.

* * *

Осенью 1915 года Е.Ю. приезжает в Петроград, а весной 1916-го выходит ее второй поэтический сборник «Руфь». В предисловии к этой книге она объявляет о своем призвании «волею, ей неведомой» и заявляет о дороге, с которой не собирается сходить:

«Неизбежность заставила меня подняться на высоты. Обреченный не знает: зачем, но ему дано иное знанье: так надо. Оставив холмы и долины внизу, я видела сроки, и вера моя сливалась со знаньем, потому что я могла пересчитать, сколько холмов меня отделяет от них, и могла сверху проследить все изгибы дороги, ведущей к ним. Неизбежность заставила меня оплакивать умершую мою душу человеческую. Разучившись говорить на земных языках, потеряв тайну земных чувств и желаний, я могла только именовать холод, который был во мне, и созерцать зеленую планету Землю, распростертую предо мною. Волею, мне неведомой, я вновь спустилась в долины. Как паломник иду я к восходу солнца. Тайна, влекущая меня с высоты, открылась мне; "если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" (Ин. 12:24). Перестала видеть, чтобы осязать, чтобы не только измерить разумом дорогу, но и пройти ее медленно и любовно. Еще по-детски звучит моя земная речь, вновь познаваемая мною, еще случайными спутниками кажутся мне те, кто тоже идет на восток и кому надлежит пересечь холмы. И мне, не забывшей сроков и не слившейся с дорогой, кажется, что сумраком окутана земля и что ноша моя — необходимый искус, а не любимое дело.

Если дано мне читать страницы еще несовершенного, если сквозь память о том, что было и что есть, я не забыла счета холмам и извивам дороги, то все же смиренно говорю: сейчас трудная цель моя — взойти на первый пригорок; оттуда я увижу, как солнце подымается меж холмами; и, может быть, не мне будет дано видеть его восход из-за грани земли, из бездны темной и непознаваемой. Вероятно, что и я, как многие другие, умру, не дождавшись срока, который я видела с высоты. Но близок, близок он. Немногие спутники

мои, те, кто вместе со мною смотрел или только верил в мои виденья, на новом языке вспоминаю вас; и вы узнаете меня в новых одеждах: разлука не суждена нам.

И Ты, обрекший меня и утаивший явное, чтобы тайным осветить разум мой, не оставляй меня, когда длится земной закат, и не ослепляй взора моего, который прозрел по Твоей воле».

Стихи этого сборника не имеют датировок (что является одной из характерных черт творчества поэтессы). Своим построением, делением на циклы с собирательными заголовками «Руфь» напоминает книги С.М. Городецкого «Ива» (1913) и «Цветущий посох» (1914). Но все главное Е.Ю. написала в своем предисловии, а стихи в книге — это красота слова, библейские образы, память о прошлом, надежда на воскрешение. Почему именно «Руфь»? Может, потому, что впервые она начинает ощущать себя как «вестницу слова Господа» и в письме к Блоку от 20 июля 1916 года пишет:

Смотреть в туманы — мой удел:
Вверяться тайнам бездорожья.
И под напором вражьих стрел
Твердить простое слово Божье.

Настоящим прорывом, заложившим основу будущей христианской поэзии Кузьминой-Караваевой, явился последний стих сборника «Я силу много раз еще утрачу...». Это одно из лучших ее ранних стихотворений, в котором пророчески предсказана будущая судьба матери Марии:

Я силу много раз еще утрачу;
Я вновь умру, и я воскресну вновь;
Переживу потерю, неудачу,
Рожденье, смерть, любовь.

И каждый раз, в свершенья круг вступая,
Я буду помнить о тебе, земля;
Всех спутников случайных, степь без края,
Движение стебля.

Но только помнить; путь мой снова в гору;
Теперь мне вестник ближе протрубил;
И виден явственно земному взору
Размах широких крыл.

И знаю, — будет долгая разлука;
Неузнанной вернусь еще я к вам.
Так; верю: не услышите вы стука
И не поверите словам.

Но будет час; когда? — еще не знаю;
И я приду, чтоб дать живым ответ,
Чтоб вновь вам указать дорогу к раю,
Сказать, что боли нет.

Не чудо, нет; мой путь не чудотворен,
А только дух пред тайной светлой наг,
Всегда судьбе неведомой покорен,
Любовью вечной благ.

И вы придете все: калека, нищий,
И воин, и мудрец, дитя, старик,
Чтобы вкусить добытой мною пищи,
Увидеть светлый Лик.

Книга «Руфь» вызвала самые противоположные отзывы, литературные критики, далекие от религиозной темы, пытались объяснить сборник по-своему. Странно ли, что по выходе из печати положительных отзывов было мало? Книгу то ли не заметили, то ли, заметив, замолчали. Может быть, оттого, что для многих друзей поэтессы эта тематика была не по вкусу? В 1916 году, в разгар «военного патриотизма», слово «Руфь» не воспринималось даже наборщиками: в некоторых изданиях в библиографических отделах вместо «Руфь» было ошибочно напечатано «Русь».

Наиболее справедливую оценку сборнику дал Городецкий; старый друг поэтессы отозвался о книге летом 1917 года из далекого Тифлиса: «В плеяде поэтов, выдвинутых

петроградским "Цехом поэтов", Е. Кузьмина-Караваева занимает не последнее место... Принципы коллективной поэтической школы, господствовавшие в "Цехе", пошли ей на пользу и создали еще одного поэта. После книги "Руфь" о Кузьминой-Караваевой можно говорить как о вполне определившемся работнике на черноземе поэзии. Именно слово "чернозем" вспоминается, когда читаешь ее стихи. Она вся близка земле, природе, глубоким и темным ее силам... Нельзя сказать, чтобы книга "Руфь" была легка для чтения. В ее образах много бывает стихийной грузности, земной тяги. Пытливая мысль часто идет путями извилистыми и дальними. Любители "легкого" чтения, иначе говоря книгоглотатели, не берите этой книги. Но все, кого беспокоит, тревожит и волнует психическая жизнь современной женщины, заблудившейся в противоречиях между свободным чувством и лицемерным бытом, все, для кого жизнь человеческая не кончается с последним ударом молотка в последний гвоздь, забиваемый в крышку гроба, найдут в стихах "Руфи" немало откликов и отзвуков на свои думы»[14].

Слишком ясно и смело в книге были обозначены приоритеты — Бог, вера, жертвенность. Казалось бы, ситуация в стране звала именно к этому, но в большинстве своем русские либеральные интеллигенты, вольно или невольно подыгрывая разнообразным противникам, стали на путь раскачивания ситуации в стране и постепенно превратились в соучастников революционного разгрома России, приведшего в конечном итоге не к обретению свободы, а к торжеству большевизма.

Народная революция, которая могла произойти еще в XIX веке, не случилась. Можно долго рассуждать, по каким причинам, но к этому не были готовы ни христианские либералы, ни сам народ, в массе своей очень далекий от церкви. Священник и философ Павел Флоренский писал, что у русского простого человека суеверие и религия шли вместе, а Церковь никак не «снисходила», оставалась сервильной и не желала идти к народу, превратившись в один из государственных департаментов. «Для русских православных людей таким кумиром чаще всего служит сам русский народ и естественные

[14] *Городецкий С.* Поэты из деревни // Кавказское слово. 1917.

его свойства. Вера в быт превыше требований духовной жизни, обрядоверие, славянофильство, народничество, как ни различны они между собою, однако все эти уклоны силятся стать на первое место, а вселенскую церковность поставить на второе или вовсе отставить»[15]. А русский религиозный историк Георгий Федотов уточнял: «Христианство в Киевской Руси было главным образом религией цивилизованного, городского населения, верой аристократического общества»[16].

Вот и возникает вопрос, почему в России к началу войны было столько прекрасных, образованных деятелей культуры и политиков, которые не смогли договориться между собой, уж не говоря о диалоге с народом. Где заплутали великие русские мыслители, интеллектуалы и философы русского религиозного Серебряного века?

Евгений Трубецкой[17], описывая хаос тех годов, тонко замечает: «Церковь сама должна освободиться от временных исторических наростов и явить миру во всей его первообразной чистоте христианский общественный идеал. Это прежде всего идеал положительной всеобщности и равенства, ибо во Христе нет различия между иудеем и эллином, между рабом и господином; в христианстве выражается и высшая тайна человеческого существования, и тот прямой путь, который ведет ко спасению. То анархическое движение, которое на наших глазах разрастается, не может быть остановлено никакой внешней, материальной силой. Вещественное оружие бессильно, когда падает в прах весь государственный механизм. Только сила нравственная, духовная может положить предел всеобщему разложению, резне, грабежу, анархии

---

[15] *Флоренский П.* Записка о православии. 1923.

[16] *Федотов Г.* Русская религиозность. Ч. I. Христианство Киевской Руси X—XII вв.

[17] Трубецкой Евгений Николаевич (1863—1920) — князь, русский философ, правовед, общественный и религиозный деятель. Один из основных представителей метафизики всеединства, созданной В.С. Соловьевым. Написал знаменитые очерки о русской иконе: «Умозрение в красках» (1915), «Два мира в древнерусской иконописи» (1916) и «Россия в ее иконе» (1917). В 1919 г. на белом Юге России принимает участие в создании единого управления Российской Православной Церкви.

общественной и анархии правительственной. Христианство — та единая и единственная нравственная сила, перед которою у нас склоняются народные массы; иной у нас нет. И если русская демократия не определится как демократия христианская, то Россия погибнет бесповоротно и окончательно»[18].

В советские годы о книге Кузьминой-Караваевой «Руфь» тоже никто не вспоминал, и только к началу 1990-х ленинградский искусствовед А.С. Сытова написала следующее: «"Руфь" — самая зрелая и интересная работа молодой поэтессы. В ней нашли место размышления о жизни, о предопределенности выбранного пути, о долге, ответственности за все и причастности ко всему, что происходит в мире. Душевная энергия, страстная любовь к жизни, к людям прорывается в стихах "Руфи" с особенной силой».

Это своеобразное выражение жизненного и философского кредо поэтессы: отдавать всю себя людям, нести на своих плечах бремя мук человеческих, переживать их как свою собственную боль. Религиозная устремленность сочетается в ней с утверждением радости земного бытия и труда, примером чему может служить ее стихотворение «Преображенная земля»:

Взлетая в небо, к звездным млечным рекам
Одним размахом сильных белых крыл,
Так хорошо остаться человеком,
Каким веками каждый брат мой был.

И вдаль идя крутой тропою горной,
Чтобы найти взросший древний рай,
На нивах хорошо рукой упорной
Жать зреющих колосьев урожай.

Читая в небе знак созвездий каждый
И внемля медленным свершеньям треб,
Мне хорошо земной томиться жаждой
И трудовой делить с земными хлеб.

---

[18] *Трубецкой Е.Н.* Два зверя // Смысл жизни : статьи 1906–1919 гг.

Это стихотворение легло в основу рисунка обложки к книге, сделанного самой поэтессой. От этого первого варианта она впоследствии отказалась. В «папке Омельченко» есть и другой вариант; кем он был выполнен, долгое время оставалось загадкой.

А. Сытова уточняет: «В отличие от сборника "Скифские черепки", где указан в качестве автора обложки Сергей Городецкий, в этом издании художник не назван. И только благодаря варианту обложки из собрания Омельченко, очень близкого к варианту, с которым сборник увидел свет, стало известно, что он был нарисован самой поэтессой. Первый вариант относится к 1915 г. — этот год вмонтирован в композицию листа и несет, помимо информационной, и декоративную нагрузку. По стилю рисунок близок поздней мирискуснической книжной графике с ее изысканностью и любовью к орнаментике. В нем уже найдено основное решение — пропорции и членения листа, шрифт текста и его расположение. Однако в окончательном варианте Кузьмина-Караваева убрала орнаментальные украшения в виде цветочных гирлянд по бокам и сноп колосьев с серпом справа и слева от названия. Выполненные черной тушью рамка и членения листа заменены в издании золотыми полосками. Это сделало обложку строже, лаконичнее, собраннее и привело ее в большее соответствие с содержанием книги».

Библейское имя героини Руфь означает «подруга», «помощница», «благодетельница»; библейская Руфь согласно тексту (Руфь 1:2) после смерти своего мужа-иудея вместе со свекровью отправляется к нему на родину и присоединяется к народу Израиля. Выйдя замуж за своего родственника по мужу Вооза, она остается как бы заложницей семьи и работает на нее. Героиня Е.Ю. поступает иначе, и тут поэтесса, конечно, олицетворяет себя с *новой* Руфью, она подводит итог и уходит, для того чтобы начать работу для других (*дальних*) и начать новое восхождение. К своему Горнему пути она готовится ощупью...

Теперь я вновь бичую тело;
Обречена душа; прости.
Напрасно стать земной хотела, —
Мне надо подвиг свой нести.

«Руфь» вышла 10 апреля 1916 года, а 20 апреля книга уже была у Блока, на ее титульном листе рукою поэтессы было написано: «Если бы этот язык мог стать совсем понятным для Вас — я была бы обрадована».

«В это время, — пишет Елизавета Юрьевна, — мрачней и мрачней становилась петербургская ночь». Все уже, и не только Блок, чуяли приближение конца. Летом ответ от него: «Я теперь табельщик 13-й дружины Земско-городского союза. На войне оказалось только скучно. Какой ад напряжения. А Ваша любовь, которая уже не ищет мне новых царств. Александр Блок».

Разговор с поэтом продолжается, и в октябре 1916 года она пишет Блоку: «Начинается моя любимая осенняя тишь, и все, бывшее в году, подсчитывается... <..> Особенно трудно сознание, что каждый только в возможности вестник Божий, а для того чтобы воплотить эту возможность, надо пройти через самый скудный и упорный труд. И кажется мне, что цель — этого достигнуть, ибо наступает сочетание, дающее полную уверенность в вере и полную жизнь. Тогда закон, данный Богом, сливается с законом человеческой жизни».

В своей новой книге Елизавета Юрьевна поместила стихотворение, посвященное Александру Блоку. Она вспоминала позже об одной (фактически последней) его просьбе, относящейся к их весенней (1916 года) встрече: «Я хотел бы знать, что часто, часто, почти каждый день вы проходите внизу под моими окнами. Только знать, что кто-то меня караулит, ограждает. Пройдете, взглянете наверх. Это все». Ее ответом, памятью о нем стало это стихотворение, где есть атмосфера города, близость Финского залива, окна его квартиры на Офицерской:

Смотрю на высокие стекла,
А постучаться нельзя;
Как ты замерла и поблекла,
Земля и земная стезя.

Над западом черные краны
И дока чуть видная пасть;

Покрыла незримые страны
Крестом вознесенная снасть.

На улицах бегают дети,
И город сегодня шумлив,
И близок в алеющем свете
Балтийского моря залив.

«Руфь» — книга мучительных раздумий и мрачных предчувствий приближающегося конца. Эсхатологические настроения в обществе были усилены затянувшейся войной. Во многих строках ее звучит тема обреченности: «Мы все полны святой тревоги», «Близится звенящий миг», «Настанет час последний», «Близок белый ослепительный срок», «Последние сроки горят», «Надеяться сердце устало», «Близок наших дней исход», «Духом приготовимся к исходу», «Мой дух к мучению готов»... Только вера в «вечный путь», в причастность к чуду еще дает ей силы держаться:

Брат, верь: язык Святого Духа
Огнем прорежет вечный мрак.

Литератор и философ Г. Беневич[19], разбирая смысл сборника «Руфь», пишет: «В отличие от библейской Руфи, которая собирала колосья (на поле Вооза, еще до того, как он взял ее в жены) для себя и своей свекрови (см.: Руфь, 2), лирическая героиня Кузьминой-Караваевой на поле народном собирает урожай для других — для баб, которые в голодную зиму находят несмолотые колосья на пороге. Стихотворение следует толковать в контексте диады “народ и интеллигенция”. Интеллигент-народник (чужой для народа, бывший “язычник”) не просто сливается с народом, входит в него, он, работая в народном поле, приносит народу нечто, работает не для себя, а для него — такова “народническая” программа

[19] Беневич Григорий Исаакович (р. 1956) — византолог. Кандидат культурологии (2001, Санкт-Петербургский государственный университет культуры, факультет теории и истории культуры). Заведующий кафедрой и руководитель программы специализации по византийской философии в РХГА.

Кузьминой-Караваевой. Колосья, приносимые интеллигентом народу, “не смолоты”, т. е. это — приносимое — следует еще обработать. Необходимо понять, что же поэтесса собиралась принести народу? Здесь мы снова встречаемся с поэтикой загадки, полем интерпретации, каковым является Библия».

Собирала колосья в подол.
Шла по жнивью чужому босая;
Пролетала над избами сел
Журавлей вереница косая.

И ушла через синий туман
Далеко от равнины Вооза;
И идет средь неведомых стран,
Завернувшись в платок от мороза.

А журавль, уплывая на юг,
Никому, никому не расскажет,
Как от жатвы оставшийся тук
Руфь в снопы золотистые вяжет.

Лишь короткий подымется день
И уйдет хлебороб на работу,
На равнинах чужих деревень
Руфь начнет золотую охоту.

Низко спустит платок на свой лоб,
Чтоб не выдали южные косы,
Соберет свой разбросанный сноп,
Обойдет все холмы и откосы.

А зимою, ступив чрез порог,
Бабы часто сквозь утренний холод
На снегу замечали, у ног,
Сноп колосьев несмолотых...

Так заканчивается книга "Руфь", в которой угадывается путь самой поэтессы — собирание колосьев, тяжелая работа не только на ближнего, но и для дальнего... для незнакомого».

В повествовании о Лизе Пиленко, ставшей поэтессой Кузьминой-Караваевой, мы подошли к важной полосе ее жизни — к моменту оформления, по ее же словам, будущего монашества в миру. Встав на путь деятельного милосердия, монахиня Мария, основательница «Православного дела», напишет: «Мы собрались не для теоретического изучения социальных вопросов в духе православия — мы хотим поставить нашу социальную мысль в теснейшую связь с жизнью и работой. Вернее, из работы мы исходим и ищем посильного богословского ее осмысления»[20]. Книга «Руфь» была зерном, брошенным на русской земле, но которое взошло и заколосилось далеко от родины: «Как паломник иду я к восходу солнца. Тайна, влекущая меня с высоты, открылась мне: "Если пшеничное зерно, падши на землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода" («Руфь»).

Да, куда тропа земная
Не вела б меня теперь, —
Я сынам земным родная,
Брат мне, — каждый дикий зверь.

В небо чуждое не манит
Путь к пылающей звезде:
Здесь зерно звездою канет
В каждой взрытой борозде.

И земля, — но не планета,
А земной единый мир, —
В синий плащ небес одета,
Будет править долгий пир.

Очень точное определение формирования личности м. Марии дал французский православный богослов и философ

[20] Отрывок из программного текста «Православного Дела», 1939 г., Париж.

Оливье Клеман[21]: «В духовной истории православия судьба матери Марии одновременно становится неким итогом и пророчеством. К.П. Победоносцев, грозный обер-прокурор Святейшего синода, в детстве учил ее (она была его любимицей) любви к ближнему вместо любви к дальнему. Она открыла, что он любил человека, а не человечество. Революционеры учили ее любви к дальнему. Революция показала, что они любили человечество, но не человека. Русское возрождение привило ей вкус к духовному, хотя, являясь революционером, она никогда не была материалистом, но это было духовное малокровие, не имевшее связи с жизнью, лишенное социально-творческой силы. Мать Мария не проповедовала, а любила. Она всегда помнила, что по-настоящему драгоценно только то, что воздает подобающую честь образу Божию в человеке. <...> Ее судьба является пророчеством о тайне Церкви и еврейского народа. В том, что христиане принимают добровольные страдания и смерть за евреев или вместе с ними, она видела приближение того эсхатологического момента, когда Ветхий Израиль откроет наконец подлинный лик Иисуса Христа и признает в Нем своего Мессию, распятого на кресте. Ее размышления об аскезе встречи и "второй евангельской заповеди" стали важнейшим вкладом в христианскую мысль нашего времени».

«Неизбежность заставила меня подняться на высоты. Неизбежность заставила меня оплакивать умершую мою душу человеческую» («Руфь»).

1916 год стал поворотным не только в творчестве, но и в личной жизни Е.Ю. Усталость и депрессия последних лет дают о себе знать. По отдельным фразам из писем к Блоку можно заключить, что она как бы находит интерес в занятиях «приземленных» и пишет ему не только о своей любви, но и сообщает о некоторых деталях этой «земной» жизни: «И виноделие мое сейчас, где я занята с 6 утра до 1 часу ночи,

---

[21] Клеман Оливье-Морис (Olivier-Maurice Clement; 1921–2009) — французский православный богослов, историк, профессор Свято-Сергиевского богословского института (Париж). Автор многочисленных книг, популяризатор православия в Западной Европе, экуменист.

все нарочно» (27 августа); «И жизнь впустую идет; и эти жизненные ценности, — побрякушки какие-то» (14 октября); «...идут какие-то нелепые дела: закладываю имение, покупаю мельницу и кручусь, кручусь без конца. Всего нелепее, что вся эта чепуха называется словом "жить"» (22 ноября).

В стихах этого периода она устало спрашивала: «Как нести любовь, чужую ношу?» И сама же ответила: «Этой ночью, гневной и лихой, / Я мой груз на перекрестке брошу». Писатель Е.М. Богат, много сделавший для возрождения памяти матери Марии в СССР, сказал по этому поводу: «Трагизм неразделенной любви в том, что невозможно понять, как это пропадут даром те сокровища, которые хочешь передать другому человеку и которых, как кажется тебе, достаточно для счастья, равного которому не было на земле ...»[22]

Осенью 1916 года к Елизавете Юрьевне в Анапу приезжал из действующей армии на побывку ее брат Дмитрий. Он воевал на Западном фронте. Зимой 1914–1915 гг. Дмитрий участвовал в кровопролитных боях на реке Бзуре в Польше. Атаки немцев на русские позиции были почти непрерывными, с применением отравляющих газов. Противник потерял тогда десятки тысяч своих солдат, но ни на шаг не приблизился к Варшаве. Позже Елизавета Юрьевна писала о военных настроениях этого периода: «...война все настойчивее говорила о том, что скоро ничего не будет, что мы все обнищаем, обнищаем до конца, что останется только голый человек на голой земле».

Апокалиптический образ голого человека выведен в пьесе Л. Андреева «Савва». Как знать, может быть, она этот образ заимствовала отсюда? Чуть позже она нарисует одинокую, отстраненную от мира обнаженную фигуру многострадального Иова, сидящего на голой земле. Во время работы над «Руфью» Елизавета Юрьевна сделала несколько энкаустик и акварелей на религиозную тему, к ним относится прекрасная встречи Девы Марии и праведной Елизаветы, изображения библейских пророков, царя Давида, пророка Даниила со львами, встречи Иисуса и самаритянки, Евхаристии (Церковь

---

[22] «Мысли Евгения Богата о нравственности и о любви»; 1960–1970 гг., переписка из архива И.А. Кривошеина.

земная и Небесная)[23]. Цитаты из пророков и псалма Давида являются эпиграфами разделов в «Руфи».

В октябре, проводив брата, она съездила в Кисловодск, чтобы «поправить сердце», о чем сообщила Блоку. «Начинается моя любимая осенняя тишь <...> На зиму окончательно остаюсь в Анапе». Но не случилось найти успокоения ни в любимых с детства местах, ни в творчестве, ни с самой собой. Ей было всего 25 лет! Это так мало и вместе с тем уже столько пережито.

В первых хроникальных автобиографических повестях, которые она напишет уже в эмиграции (1924—1925 гг.), говоря о себе в третьем лице, Кузьмина-Караваева подвела итог своей жизни до революции: «Она вообще ничего не замечала, — ни того, что война уже третий год продолжается и по улицам то и дело полки на фронт идут, ни того, что еще что-то новое надвигается на Россию»[24]; «пережив очередное увлечение <...> событиями личной жизни, — впервые оглянулась вокруг. Она неожиданно поняла, что война гремит, и это значит — гибель»[25]. Подобно героине одной из своих повестей, она словно бы очнулась от затяжного сна: «Что было в жизни? Была любовь, большая любовь, — и ничего не осталось»[26].

Елизавете Юрьевне не удалось зазимовать в Анапе, планы поменялись, и в декабре 1916 года она возвращается в Петроград, где решает оформить развод с Д.В. Кузьминым-Караваевым. Как знать, может быть, она окончательно расставалась с мужем в надежде на жизнь с отцом Гаяны (романтическим Гланом)?.. Но и он исчез из ее жизни. Не получилось укрепить и отношения с Блоком, он ее любви не принял, поэзия не принесла ни особого успеха, ни удовлетворения. И только вера в Бога постепенно входила и грела ее душу, крохотным светлячком указывала ориентир, вселяла надежду на выход из безнадежного и длинного туннеля

[23] В данное время все эти работы находятся в запасниках Государственного Русского музея, музея А. Ахматовой (СПб) и Тверского музея изобразительных искусств.

[24] *Скобцова Е.Ю.* Клим Семенович Барынькин.

[25] Она же. Равнина русская (Хроника наших дней).

[26] «Клим Семенович Барынькин».

неудач. Но в действительности сентиментальные переживания, которые она воспринимала драматически, были своего рода веселой забавой по сравнению с тем, что ее ждало «за поворотом». Не ведала она тогда, что пройдет совсем мало времени, и она предстанет перед судом за сотрудничество с большевиками, и ее будущий супруг с трудом спасет ее от смертной казни.

Пророчества об апокалипсисе и Страшном суде, содержащиеся в «Руфи», станут реально осуществляться не только для нее, но и для России, а тема апокалипсиса продолжится в ее текстах и рисунках вплоть до 1942 года. Подводя некий итог творчества Кузьминой-Караевой в предреволюционный период, можно сделать вывод, что за три-четыре года она прошла огромный путь отречения от «язычества» (скифского и славянского) к пророчеству о христианстве. По словам Г.И. Беневича, «в этот период она создала ряд сочинений, которые представляют самостоятельный интерес произведений искусства и мысли, с устойчивыми понятиями-символами ("чудо", "земля" и т. п.), развитие которых отражает ее духовный путь и является способом его осмысления»[27]. Если припомнить слова Блока, что «первым и главным признаком того, что данный писатель не есть величина случайная и временная, — является чувство пути»[28], то можно сказать, что это чувство было свойственно Кузьминой-Караваевой в высшей степени

«Все уже, — не только Блок, — чуяли приближение конца. Одни думали, что конец будет, потому что на фронте не хватает снарядов, другие — потому что Россией распоряжается Распутин, третьи, как Блок, — может быть, не имели никакого настоящего "потому что", а просто в ознаменование конца сами погибали медленно и неотвратимо», — м. Мария.

---

[27] *Беневич Г.И.* Мать Мария (1891–1945). Глава I: Духовная биография Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

[28] *Блок А.* Душа писателя. 1909.

ГЛАВА 7

РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Февральская революция, октябрьский переворот, партия эсеров, патриарх Тихон, красные и белые на Кубани, «Как я была городским головой» — суд и приговор, второе замужество

27 февраля (12 марта) 1917 года в России была свергнута монархия; победила буржуазно-демократическая революция.

Прежде чем продолжить рассказ о Елизавете Юрьевне и о том, что произошло в ее жизни к началу 1917 г., необходимо представить атмосферу мрака в стране. «Россия умирает, — как же смеем мы не гибнуть, не корчиться в судорогах вместе с ней? Скоро, скоро пробьет вещий час, и Россия, как огромный, оснащенный корабль, отчалит от земли, в ледовитую мертвую вечность», — писала она.

Авторы и участники этой трагедии, добровольные или пассивные, погибшие на войне, расстрелянные и сгнившие в застенках ЧК, октябристы, кадеты, эсеры и анархисты, царедворцы и смутьяны, интеллигенция левая и правая, оппозиционеры со всех сторон, народовольцы, западники и предатели — всех их постигла одна участь: в 1917 году они навсегда лишились России. Эта огромная часть земного шара, как Атлантида, погрузилась на дно океана и до сих пор ее никто не может найти.

О судьбоносных исторических весах, на чашечках коих перевесила песчинка хаоса революции (кем же брошенная?), написаны тома исследований.

Французский посол в Петербурге Морис Палеолог, внимательно следивший за предреволюционной парадоксальной ситуацией в России, вспоминал об «общем невежестве русского народа», с одной стороны, и его «элите» — с другой. Он удивлялся абсолютной полярности «некультурной и отсталой массы» и элиты — «блестящей, активной, плодотворной и сильной». С одной стороны — Павлов и Менделеев, Толстой и Врубель, а с другой — «мужики», которые ставят свечки то ли перед образом святого Григория — в память убитого Распутина, то ли перед образом святого Димитрия — в память убийц Распутина».

Слова французского посла приводит в своих воспоминаниях писатель-журналист Иван Солоневич[1] («Великая фальшивка февраля»), который даже среди сотрудников консервативных изданий слыл крайне правым. Несмотря на достаточно принципиальные позиции, ни один из его материалов не был опровергнут ни в леворадикальной прессе, ни в лагере либералов. «Я был профессиональным свидетелем событий всего 1916 и 1917 гг. — политическим репортером крупнейшей газеты России — суворинского “Нового времени”. Даже для нас, репортеров, так сказать, профессиональных всезнаек, революция была как гром среди совершенно ясного неба. Для левых она была манной, но тоже с совершенно ясного неба. Предреволюционная Россия находилась в *социальном* тупике, — не хозяйственном, даже и не политическом, а социальном. Новые слои, энергичные, талантливые, крепкие, хозяйственные, пробивались к жизни и к власти. И на их пути стоял старый правящий слой, который уже выродился во всех смыслах, даже и в физическом».

А что же Церковь?

В последнюю неделю февраля 1917 года в Святейшем правительствующем синоде Российской Православной Церкви, по словам протопресвитера военного и морского духовенства

---

[1] Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — журналист, исторический писатель и общественный деятель. Участник Белого движения. Получил широкую известность как автор книг об СССР. Работая журналистом «Нового времени», Солоневич наблюдал Февральскую революцию. Скончался в Уругвае.

Георгия Шавельского[2], «царил покой кладбища». Синодальные архиереи вели текущую работу, занимаясь в основном бракоразводными и пенсионными делами. В те судьбоносные для России дни Синод не предпринял никаких попыток поддержать монархию. Первое после свержения монархии заседание Святейшего синода под председательством митрополита Киевского Владимира состоялось 4 марта. От лица Временного правительства Владимир Львов объявил на нем о предоставлении Церкви свободы от опеки государства.

Члены Синода (за исключением отсутствовавшего митрополита Питирима) выразили искреннюю радость по поводу наступления новой эры в жизни Церкви. В частности, архиепископ Новгородский Арсений говорил о появлении перед Российской Церковью больших перспектив, открывшихся после того, как «революция дала нам (Церкви) свободу от цезарепапизма». О необходимости поддержать монархию говорил товарищ обер-прокурора Н.Д. Жевахов. Митрополит Владимир отказался помочь падающей монархии, невзирая на настоятельные просьбы Жевахова. «Тогда же из зала заседаний Синода по инициативе обер-прокурора было вынесено царское кресло, которое в глазах иерархов являлось «символом цезарепапизма в Церкви Русской». Знаменательно, что вынести его обер-прокурору помог член Синода митрополит Владимир. Кресло было решено передать в музей. На следующий день Синод распорядился, чтобы во всех церквах Петроградской епархии многолетие царствующему дому «отныне не провозглашалось». Теперь во всех храмах империи совершались молебны с возглашением многолетия «богохранимой державе Российской и благоверному Временному правительству ея»[3].

2 марта 1917 года император Николай II в Пскове встретился с прибывшими из Петрограда Гучковым и Шульгиным, которым он и отдал подписанный по собственной воле манифест об отречении от престола в пользу великого князя Михаила Александровича. Сложно судить, чем руководствовался Николай II, при подписании манифеста. Причину этого поступка

---

[2] Протопресв. Георгий Иванович Шавельский (1871–1951, Болгария) РПЦ, РПЦЗ. Духовный писатель, автор мемуаров.

[3] Диак. Георгий Малков. «Русь во Христе».

он объяснил в своем дневнике так: «Во имя спасения, удержания армии на фронте и спокойствия нужно сделать этот шаг». Михаил Александрович не рискнул возложить на себя ответственность и тоже отрекся от трона. Фактически именно 2 марта 1917 г. монархия в России перестала существовать.

События февраля — марта 1917 года на местах были встречены иерархами Российской Православной Церкви неоднозначно. Одни представители епископата приветствовали их сразу после получения сообщений об отречении императора Николая II и отказа великого князя Михаила Александровича от принятия верховной власти (временного отказа: до соответствующего решения Учредительного собрания о форме правления в стране). Другие архиереи (большинство из их общей численности: в начале 1917 года российская церковная иерархия включала 177 архиереев, из которых 19 были заштатными (на покое)) — не спешили полностью открывать свои политические взгляды до обнародования решения вышестоящего органа — Святейшего правительствующего синода. Третьи (единичные представители) считали необходимым вернуть монархию в лице великого князя Михаила Александровича...

Разброд и растерянность переросли в хаос, объявший все общественные слои, но и здесь мгновенно появились трубадуры революции, — поэт В. Брюсов один из первых приветствовал ее:

Освобожденная Россия, —
Какие дивные слова!
. . . . . .
Преображенная Россия
Свободной стала, — наконец!

Писали гимны новой России Вяч. Иванов и К. Бальмонт:

Да здравствует Россия
Свободная страна!
Свободная стихия
Великим суждена.

Зиму 1916–1917 гг. Кузьмина-Караваева провела в столице. Она никогда не придерживалась монархических взглядов и встретила Февральскую революцию радостно, с надеждой на социальные перемены, на прекращение кровопролитной войны. За небольшим исключением, в этих иллюзорных надеждах пребывала большая часть интеллигенции, по-разному, но миллионы сердец ждали перемен, говорили о грядущем, тоже по-разному — но все без исключения довольно быстро увидели, как запылала Россия и как трудно было потушить этот пожар. Позже, в повести «Равнина русская», Елизавета Юрьевна дала оценку февральским событиям в России: «На всем пространстве равнины русской, в душных теплушках и в удобных квартирах, в суровом северном городе и в бескрайних южных степях. Люди говорили: "Быть буре" Но не крепили якорей, не спускали парусов. И многоликий народ, разбросанный по городам и деревням, не хотел останавливать порывов ветра, не хотел бороться с грозой. Душное время последних годов слишком сдавило сердце, ядовитые испарения крови слишком затуманили разум. Даже тот, кто видел грядущую гибель, твердил: "Я погибну, а со мной и они. Гибну с радостью". И гремела колесница истории, несомая бешеными конями, и люди чуяли гибель и шли к ней спокойно. Голос вещей старухи пророчил гибель и рыдал над сыновьями своими. Кровь убитых потом проступила по русской земле <...> Февраль 1917 г.: рухнул трон. Многовековая сказка развеялась легким призраком. И народ русский не останавливаясь прошел мимо обломков крушения. Содрогалась земля».

Живыми образами описывает Е.Ю. хронику революционного Невского проспекта, от Адмиралтейства до Николаевского вокзала: «Трамваев нет. Везде красные флаги. Огромная толпа не движется, а, разбросанная кучками по всему Невскому, стоит и обсуждает события. Много солдат. Много рабочих. Изредка попадается мужик из дальней деревни. Какие-то девушки, студенты, штатские...»

«Пролетел тяжелый грузовик. На нем вооруженные люди: рабочие, гимназисты. На крыльях грузовика лежат два солдата с винтовками. Развевается красный флаг».

Около Публичной библиотеки собралась толпа. «Спорят два солдата, принадлежащие к разным политическим партиям: один — большевик, другой — эсер: "Нет, так, товарищ не резон. Что такое революция? А то, что ты вчера рабом был, а я господином. А сегодня проснулись равными: ни господ, ни рабов". — "Ты, товарищ, дурак. Ну, а в прошлом как поравняешь? По-моему так выходит: ты вчера был господином, а я рабом; а сегодня обратно: ты — раб, а я — господин". Слушающий их прохожий рабочий считает, что оба неправы; все должны одинаково и равно трудиться».

«Восторженная девица, смотря с любопытством вокруг себя, приперла к дверям магазина молодого солдата:

— Ну товарищ, а как на фронте встретили революцию?..

Солдат смущается и говорит тихо:

— Радовались очень. Сразу все сало поели.

Девица недоумевает».

В «хрониках» Елизаветы Юрьевны приводится и выступление марксиста (уже упоминавшегося ранее Шила), отражающее знаменитую апрельскую речь Ленина с броневика у Финляндского вокзала: «"Политическая революция только начало... надо пролетариату готовиться к социальной революции". Народ слушает сочувственно: слова все умные, — пусть и непонятно немного». В то время название «социальная» понималось именно как «социалистическая». И призыв Ленина как раз заключался в том, чтобы перейти от буржуазных реформ Февраля к дальнейшей пролетарской «социализации»; лидер большевиков приветствовал солдат и рабочих, «сумевших не только Россию освободить от царского деспотизма, но и положивших начало социальной революции в международном масштабе»[4].

Стоять в стороне в этот политический момент было не в характере поэтессы Е.Ю., она была потомственной помещицей, землю хорошо знала и любила. В крестьянской стране, каковой тогда являлась Россия, вопрос о земле был одним из самых острых. Его не решила ни отмена крепостного права (хотя со времени Манифеста прошло уже полвека),

[4] Отрывки из повести «Равнина русская».

ни Столыпинская земельная реформа. Неонароднические идеологии, которой она придерживалась, привела Кузьмину-Караваеву в ряды партии социалистов-революционеров (эсеров). Позже, познакомившись ближе с практикой эсеровского террора, поэтесса говорила: «Люди, которые погибали, — герои; люди, которые не погибали, — несчастные, потому что единственное их оправдание в терроре — смерть; люди, которые организовывали террористические акты, — негодяи»[5].

Анализируя политические симпатии Е.Ю., культуролог А. Шустов отмечает: «Дело было, конечно, далеко не в романтике "подвига" или "мученичестве". Партию эсеров Кузьмина-Караваева рассматривала примерно так же, как и С. Есенин — в качестве своеобразного рабочего органа для расчистки исторических завалов. Оба они (естественно, независимо друг от друга) считали, что после свержения монархии наступит новая эпоха; революция, по их мнению, откроет пути русскому мужику к общественной жизни, поскольку эсеры опирались на крестьянство. Есенин верил в идеальную мужицкую Русь, а Кузьмина-Караваева мечтала о "соборности" русского народа на основе крестьянской общины. Как показала дальнейшая жизнь, — это были утопические мечты, поскольку они резко расходились с идеологией и практикой победившего большевизма, который, кстати говоря, использовал для своей победы эсеровский лозунг: "Земля — крестьянам"»[6].

Революционные события застают Блока на фронте. Вернувшись в Петроград во второй половине марта, он восторженно приветствует революцию. В письме к матери от 19 марта 1917 года он пишет: «Произошло то, чего никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала, не произойти не могло, случиться могло только в России. <..> Для меня мыслима и приемлема будущая Россия как великая демократия (не непременно новая Америка)». Вряд ли Блок хорошо представлял, как и что делать теперь; он растерянно спрашивал Зинаиду Гиппиус: «...как же теперь... ему...

---

[5] Вестник РХД. Париж, 1980.

[6] *Шустов А.Н.* Дочь России. О жизни и творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // Анапа. 2004. Сент.

русскому народу... лучше послужить?» Блок, «вышвырнутый из жизни войной», плохо разбирался в политической жизни, смотрел на происходящее как бы из окна, судил о политических партиях понаслышке. Есть даже мнение, что в мае на голосовании в Городскую думу он подал голос за социалистический блок случайно. Выбрал он этот блок, спросив у швейцара и кухарки, за кого голосовали они. Если Е.Ю. в своих хрониках писала как непосредственный свидетель событий Февраля, то Блок ничего этого не видел, в это время он был на фронте.

Точных данных о времени вступления Кузьминой-Караваевой в партию эсеров не сохранилось. Предположительно, это могла быть весна 1917 года. После Февральской революции многие русские интеллигенты устремились в эту партию, в результате чего она быстро стала самой многочисленной и активно влияющей на политическую жизнь страны. С марта по июнь 1917 года партия насчитывала уже около миллиона человек, объединенных в 436 организаций в 62 губерниях, на флотах и на фронтах действующей армии. Это неожиданное для них самих массовое пополнение рядов ветераны партии иронически называли «мартовскими эсерами». Из нашего далека трудно понять, почему Е.Ю. вообще вступила в партию. Может, к эсерам она пошла потому, что оригинальность эсеровского социализма заключалась в теории социализации земледелия. Исходная идея этой теории была в том, что социализм в России должен начать произрастать раньше всего в деревне. Почвой для него, его предварительной стадией, должна была стать социализация земли (*общное владение*) и отмена частной собственности на нее. Вполне логично, что после Февраля Е.Ю. подарила свою родовую усадьбу Хан-Чокрак местным крестьянам. Елизавета Юрьевна пишет: «В партию эсеров повалили все. Шла в нее та масса, раньше стоявшая далеко от политики, а тут вдруг почувствовавшая известную психологическую необходимость принять участие в общем деле. Шли из-за моды, шли, наконец, потому, что это было самое левое, самое революционное течение, проникнутое ненавистью к старому строю и, значит, способное ломать»[7].

[7] М. Мария. «Как я была городским головой».

В выборе партийной принадлежности нельзя исключать и роль Блока, своеобразного «политического наставника» для Елизаветы Юрьевны, который кинулся в эту партию не раздумывая. Более того, он с увлечением и, видимо думая «о пользе дела», с 8 мая 1917 года приступает к работе в Чрезвычайной правительственной комиссии по расследованию «противозаконных по должности действий бывших министров».

Довольно быстро, несколько отстраненно и без оптимизма он начинает понимать, что «не за то боролись». На улицу, «в народ» поэт все-таки выходит и посещает свою новую работу в Зимнем дворце. Из разговора солдат у Петропавловской крепости Блок узнает, что «стрелки убили сапера за противуленинизм...» и охрана «всячески противится выдаче еды заключенным».

В своем дневнике в мае 1917 г. он запишет: «Не большевизм, а темнота». И далее продолжает: «Революционный народ — понятие не вполне реальное. Не мог сразу сделаться революционным тот народ, для которого, в большинстве, крушение власти оказалось неожиданностью и “чудом”; скорее просто неожиданностью, как крушение поезда ночью, как обвал моста под ногами, как падение дома. Революция предполагает волю; было ли действие воли? Было со стороны небольшой кучки лиц. Не знаю, была ли революция?»

4 мая 1917 года Елизавета Юрьевна сделала очередную, последнюю, попытку восстановить отношения с Блоком. Она обратилась к нему с письмом: «Я знаю, что Вам скверно сейчас, но если бы Вам даже казалось, что это гибель, а передо мной был бы открыт любой другой самый широкий путь <..>, я бы все же с радостью свернула с него, если бы Вы этого захотели». Он на это письмо не ответил.

Для понимания мотиваций тех или иных решений Е.Ю., недостаточно экскурсов в историческое прошлое. Можно допустить, что порыв, эмоции, любовь, эмансипированность сыграли не последнюю роль. Сегодня перед нами стоит трудная задача — постараться понять не только саму м. Марию, но и попытаться для людей, ее не знающих, максимально приближенно выявить ее психологическую сущность. Поэт и журналист Дмитрий Быков в своей статье о м. Марии написал

следующее: «Ну да, собственно, такая она и была, их таких было — не скажу "много", потому что для такой жизни нужны все-таки довольно редкие душевные качества вроде полного бескорыстия и настоящего любопытства, — но тип существовал, в том числе и на моей памяти. Все знают русского мальчика, потенциального бомбиста, а в зрелости очень часто самозабвенного государственника и чуть ли не сатрапа; но мало кто знает русскую девушку, которая, в отличие от мальчика, честна физиологически, органически не на уровне болтовни, а всем своим существом. Экстрим для нее не мода, она чувствует дух времени не потому, что много книг прочла, а потому, что природные катаклизмы понятны ей заранее, как, например, кошке. Женщина вообще ближе к природе, интуитивнее, в каком-то смысле чище, и девушки десятых отлично понимали, что грядет великое и катастрофическое. Они хотели не то чтобы в этом поучаствовать на стороне победителей — еще неясно было, кто победит, — и не то чтобы предотвратить неизбежное, поскольку это задача безнадежная; их мучило больше всего именно несоответствие между этим великим, надвигающимся — и тем, что делают все вокруг. Будет такое, такое! — а вы все тут читаете стишки, сплетничаете, мелко и мерзко флиртуете, словно не видите приближающейся волны, не слышите мирового цунами! И лихорадочные ее разговоры с большинством друзей или новых знакомцев — не тестирование их на предмет потенциального теракта, преступления или новой коммуны, а бешеный, тоскливый поиск единомышленника, чтобы хоть проверить эти предчувствия и либо с облегчением убедиться, что они бред, либо с отчаянием понять, что все так. Единомышленника такого не находилось — подлинно сейсмическая чуткость была у одного Блока; и Блоку было суждено стать главной ее любовью, литературной и человеческой, на всю жизнь»[8].

* * *

«На плечи русского народа легла великая тяжесть: история велела ему сразу выполнить две непосильные задачи — вести войну, сомкнутым строем отстаивая родину

[8] *Быков* Д. Мать Мария / Дилетант. 2012. № 5 (май).

и революцию, и создать новую жизнь, перестроить все здание государства Российского заново» («Равнина русская»).

В конце мая Елизавета Юрьевна уехала в Анапу, где долго не задержалась и перебралась в Джемете. Здесь, «в садах» — как она говорила, все было привычно и относительно спокойно. С одной стороны к ее дому подступало ласковое море, с другой проглядывалась степь с курганами, а вдалеке виднелись силуэты гор. Она много занималась хозяйством, виноградниками, ездила в соседние селения. Настроение было не самое радужное, видимо, она никак не могла поверить в окончательный разрыв с Блоком. Маленькая Гаяна была единственным утешением и еще творчество: она много рисовала, делала силуэтные вырезки из плотной бумаги, вновь возвращалась к поэме о Мельмоте. В мае ее навестил троюродный брат Ю.В. Пиленко. Она показалась ему «чем-то озабоченной, удрученной и точно потерянной». Именно в это лето у нее гостили дети Омельченко. По вечерам она читала им отрывки из своей поэмы, а на машинописном экземпляре сделала надпись: «В полной уверенности, что близко время Мельмоту прилететь и искушать нас одними только большими обещаниями, и с сомнением — неужели никто не согласится быть искушенным».

Е.А. Омельченко писала своей подруге в Петроград (15 июля 1917 года), что в Анапе «абсолютно нет большевиков», а «контрреволюция притихла». Надежды на усмирение революционной горячки Февраля были у большинства русских. Кузьмина-Караваева отлично знала политическую обстановку в городе, но дома вслух о ней не говорила, чтобы не волновать детей. Советская власть по просторам России шла медленно, характерно, что даже в соседнем промышленном Новороссийске после Октября 1917-го Совет был наполовину меньшевистским, а городская дума находилась в руках меньшевиков и эсеров. Что же говорить о маленькой курортной Анапе, расположенной в стороне от железной дороги?

После Февральской революции на Кубани сложилась политическая ситуация, отличная от общероссийской. Неожиданно для многих произошло возрождение традиций казачьего самоуправления. Уже 11 марта Временное правительство

разрешило в казачьих войсках создать войсковые круги как высшие органы власти, пообещав распространение на казачьи области «самого широкого самоуправления».

14 марта военный министр А.И. Гучков издал указ «О реорганизации местного гражданского управления казачьего населения», который подтверждал отмену всех ограничений казаков в правах (в связи с их военной службой) и введение у них самоуправления. Как и в остальной России, на Северном Кавказе возникли советы. Они в основном создавались в промышленных центрах, и в них преобладали меньшевики и эсеры. На Кубани образовалась Кубанская войсковая рада, заседания которой проходили в конце апреля — начале мая 1917 года. Качания, споры и размежевания продолжались на Кубани вплоть до октября. Выдвинув лозунг «борьбы с диктатурой слева и справа» (то есть с большевизмом и угрозой реставрации монархии), Кубанское правительство пыталось найти свой, третий путь в революции и гражданской междоусобице.

В середине августа 1917 года Кузьмина-Караваева выехала в Петроград, а оттуда — в Москву, где в этот период состоялись чрезвычайно важные для России события. Под председательством А.Ф. Керенского 12–14 августа 1917 года проходило Государственное совещание, организованное Временным правительством. В его работе, кстати, принимал участие и бывший муж Елизаветы Юрьевны Д.В. Кузьмин-Караваев как делегат от Минского губернского исполкома. В хроникальной повести «Равнина русская» м. М. говорила, что на этом совещании было «каждой твари по паре». Большевики там говорили о революции, а правые — о родине (о старой России, поскольку новую они не приняли). У революционеров родина и революция сочетались во что-то вожделенное, за что надо бороться, что требует жертв: «С первого же дня стало ясно, что единого языка у русских людей нет. Государственное совещание разделилось резко на две части: правая часть настаивала на крупных мерах по отношению всех, не желающих выполнять требований, которые предъявляются необходимостью вести войну, а левая утверждала, что о старой дисциплине сейчас говорить не приходится, что

везде и повсюду должно сказаться влияние новой жизни, созданной революцией. Первым мерещилась за спиной социалистов ухмылявшаяся физиономия Ленина, и поэтому они им не верили; социалисты же в свою очередь прозревали за спиной своих противников белого генерала, которому будет поручено "прекратить все это безобразие" — и они в свою очередь не верили им».

Важнейшее событие в жизни России произошло 15 августа 1917 года — открылся Первый Всероссийский Поместный собор Российской Православной Церкви под председательством московского митрополита Тихона (Беллавина). Только сейчас, по прошествии почти ста лет, мы можем утвердительно сказать, что этот Собор, в реально катастрофической ситуации выбрав жеребьевкой (по велению Духа Святого) патриарха Тихона, спас Церковь и веру от полного ее разрушения богоборческим режимом. Святой патриарх-мученик жертвенно сохранил нам многострадальное Православие от калечащего разъедания, уготованного ему обновленческой «Живой церковью» во главе с А.И. Введенским[9] и его руководителями — Луначарским и Ярославским. Из самых абсурдных ораторских зрелищ тех лет были диспуты Луначарского и Введенского «Бог ли Христос?», «Христианство и коммунизм!»

В работе Собора принимало участие не только духовенство, но и миряне. Князь Е.Н. Трубецкой был избран на Соборе в Высший церковный совет от мирян вместе с профессорами С.Н. Булгаковым, А.В. Карташевым, И.М. Громогласовым, П.Д. Лапиным и С.М. Раевским. Главные дебаты развернулись с 11 по 28 октября. На Соборе вопрос стоял не просто о церковном вожде, духовном пастыре, а о роли и выживании самой церкви в условиях создания нового, послереволюционного государства. Одну из наиболее острых дискуссий Собора вызвал вопрос о влиянии Церкви на

[9] Введенский Александр Иванович (1889–1946, Москва) — протоиерей, известный проповедник, один из лидеров обновленческой т.н. «Живой церкви». Имел репутацию непревзойденного оратора благодаря своим выступлениям на публичных диспутах с «антирелигиозниками».

грядущие выборы в Учредительное собрание — насколько точно церковная власть может высказывать свои предпочтения на этих выборах? Одна крайняя позиция заключалась в том, что Церковь должна прямо назвать своих кандидатов, а другая крайняя позиция утверждала, что Церковь вообще не должна реагировать на эти выборы. Трубецкой предложил «средний царский путь»: «Обратиться с воззванием к народу, не опираясь ни на какую политическую партию, и определенно сказать, что следует избирать людей, преданных Церкви и Родине». Именно его предложение было принято Собором. Во время обсуждения князь заметил, что новому патриарху не придется довольствоваться властью, а на его долю выпадет самое тяжелое время в истории России и что не земное торжество Церкви, а только торжество и слава на небесах могут ожидать его. Как мы теперь уже знаем, эти слова были пророческими.

5 ноября 1917 года «под гул пушечной канонады» большевистских орудий после двухсотлетнего «вдовства Церкви» в России вновь было восстановлено патриаршество, а председатель Собора митрополит Тихон (Беллавин) был избран Патриархом Московским и пережил самое страшное время в истории Церкви. Решение об избрании патриарха, которое принималось в условиях государственного переворота и зарождения Гражданской войны, не было безупречным и с процедурной точки зрения. В голосовании смогли принять участие меньшинство участников Собора, при этом предварительно не были определены права и обязанности будущего патриарха.

Елизавета Юрьевна внимательно следила за работой Собора и позже написала мемуарную статью «О церковном Соборе 1917 года», в которой описывает парадоксальность создавшейся ситуации: «Члены собора должны были зачастую, так сказать, переходить фронт, чтобы попасть на заседание, многие из них жили в так называемой “белой части” Москвы. На каждом углу их обыскивали, по улицам шла стрельба. Выходя, они не знали, вернуться ли домой, они не знали, будет ли сам собор разогнан, а все участники арестованы. <..> оно характеризуется одним событием, имевшим место в момент

расстрела большевиками юнкеров. Собор послал в Совет свою делегацию во главе с митрополитом Платоном просить о прекращении казней. Сначала Совет не хотел слушать делегацию, пришедшую с иконами. Тогда митр. Платон сказал, что готов коленопреклоненно просить Совет выслушать его».

Рассказы участников Собора были самые разные, конечно, каждый воспринимал события по-своему: «То большевики не разрешали вынести из Успенского собора икону Владимирской Божией Матери», которую ждали в храме Христа Спасителя перед окончательными выборами патриарха, то слова крестьянина-делегата: «Синод мы любить не можем, а патриарха можем». И то, что этот Собор стал поистине провидческим чудом, говорят слова Елизаветы Юрьевны: «... несомненно, что, опоздай собор на несколько месяцев — он вообще не состоялся бы, потому что большевики его бы сорвали».

Большевистская власть в 1917 года официально провозгласила свободу вероисповеданий. На самом же деле эта свобода обратилась в систематическое и беспощадное гонение на православную веру и на служителей православной церкви, а также в сплошное уничтожение и расхищение церковного достояния. Вскоре духовенство стали истязать и избивать до смерти; алтари и предметы богослужения были подвергнуты осквернению. Так, за 1918 год большевиками было убито четырнадцать высших представителей духовенства, среди них митрополит Киевский Владимир, архиепископ Пермский Андроник и бывший епископ Тобольский Гермоген, затем епископы Макарий и Ефрем, викарий Новгородский Варсанофий и вятские викарии Амвросий и Исидор, Гермоген Тобольский был зимой отправлен на окопные работы, а затем утоплен. Число замученных за 1918 год священников уже не поддавалось учету, их вместе с семьями надо было считать на тысячи. Никто не мог предполагать, что этот страшный сон наяву продлится 75 лет и увенчается в 2000 году прославлением новомучеников и исповедников Российских XX века во главе с Царственными страстотерпцами!

Патриарх Тихон, вручив свою судьбу Богу, открыто и бесстрашно выступил против большевистской власти. Он издает

послание к Совету народных комиссаров, в котором призывает прекратить грабежи и убийства, а также произносит в Казанском соборе в Москве яркую и горячую проповедь. Каждое слово этих обращений грозило патриарху смертью, но он бесстрашно направил послание Ленину и принял все меры по широкому его распространению. Мы знаем продолжение этой трагедии длиною в семь лет... 7 апреля 1925 года в праздник Благовещения патриарх Тихон скончался, по официальной версии, от сердечного приступа, на самом деле, видимо, от отравления. За несколько часов до смерти он произнес: «Теперь я усну крепко и надолго. Ночь будет длинная, темная-темная».

В дни Октябрьского переворота Е. Кузьмина-Караваева была еще в Москве. Большевистскую революцию она назвала потом событием, «масштабом своим покрывающим понятие революции». Не могла она представить в те дни, что ее строки из «Руфи» будут провидческими не только по отношению к ее судьбе, но и к той части русского народа, которая, спасаясь от коммунистической власти, свершит «исход»:

И знаю я: рыбак оставит сети
На желтых берегах своей реки;
Все в путь пойдут: калеки, старики,
И женщины, и юноши, и дети.

Через неделю после Октября большевики решили привлечь на свою сторону всю тогдашнюю интеллигенцию Петрограда. К этому мероприятию они тщательно готовились; появились объявления о собрании, в газетах, афиши в городе, было разослано несколько сот персональных приглашений — в Смольный явилось всего 5—7 человек, среди которых, однако, были Владимир Маяковский и Александр Блок. Блок, по словам его биографа М.А. Бекетовой, встретил Октябрь «радостно, с новой верой в очистительную силу революции... Он ходил молодой, веселый, бодрый, с сияющими глазами...». Слепота и полное «очарование злом» особенно проявились у Блока в статье «Интеллигенция и Революция», которая заканчивалась словами: «Всем телом, всем сердцем,

всем сознанием — слушайте, слушайте музыку Революции!» — и тут же поэт говорит, что русский народ был совершенно прав, когда в прошлом октябре стрелял по соборам в Кремле, и, наводя напраслину на церковь, сообщает: «В этих соборах толстопузый поп целые столетия водкой торговал, икая!»[10] Таким же ерничаньем и пафосной эйфорией пронизана блоковская поэма «Двенадцать», писавшаяся параллельно со статьей «Интеллигенция и Революция».

Иван Бунин был в числе писателей, которые не поддались на приглашения новой власти к соработничеству, и в связи с выходом «Двенадцати» написал: «Уж до чего это дешевый, плоский трюк: он [Блок] берет зимний вечер в Петербурге, теперь особенно страшном, где люди гибнут от холода, от голода, где нельзя выйти даже днем на улицу из боязни быть ограбленным и раздетым до гола и говорит: вот смотрите, что творится там сейчас пьяной, буйной солдатней, но ведь в конце концов все ее деяния святы разгульным разрушением прежней России и что впереди нее идет Сам Христос, что это Его апостолы.

Товарищ, винтовку держи не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь,
В кондовую,
В избяную,
В толстозадую!

Почему Святая Русь оказалась у Блока только избяной да еще и толстозадой? Очевидно, потому, что большевики, лютые враги народников, все свои революционные планы и надежды поставившие не на деревню, не на крестьянство, а на подонков пролетариата, на кабацкую голь, на босяков, на всех тех, кого Ленин пленил полным разрешением “грабить награбленное”»[11].

Владимир Маяковский, Сергей Есенин, Валерий Брюсов

---

[10] У Блока в статье: «Почему дырявят древний собор? — Потому, что сто лет здесь ожиревший поп, икая, брал взятки и торговал водкой».

[11] *Бунин И.А.* Окаянные дни. Первое изд.: газета «Возрождение». 1925—27 гг.

стали на сторону большевиков. Околдованные словами и посулами, вряд ли они понимали, какую угрозу России несет Ленин. Но далеко не все поэты и писатели были ослеплены происходящими событиями. Так же как и Иван Бунин, на большевистский путч резко отозвалась З. Гиппиус:

Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу,
И даже не убил — засек кнутом!

И Волошин:

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посады и хлеба,
Разорила древнее жилище
И пошла поруганной и нищей
И рабой последнего раба.

В поэме Блока по улицам Петрограда идут 12 красноармейцев, сметая все на своем пути, а впереди с кровавым флагом, в венчике из роз — Иисус Христос! Был ли Блок идеалистом, который, как и его единомышленники, верил, что революция в образе Христа может пойти по пути обновленного, «божьего» развития? В этой революции действительно были и такие, как Е.Ю., которая надеялась на христианский вариант событий, некое новое богословие в сочетании с коммунизмом... но «белый венчик из роз» очень быстро исчез, а впереди был уже не Христос, а головорез с ножом.

К.И. Чуковский в своей статье «Александр Блок как человек и поэт» пишет, что «Н. Гумилев сказал, что конец поэмы "Двенадцать" (то место, где появляется Христос) кажется ему искусственно приклеенным, что внезапное появление Христа есть чисто литературный эффект. Блок слушал, как всегда, не меняя выражения лица, но по окончании сказал задумчиво и осторожно, словно к чему-то прислушиваясь: "Мне тоже не нравится конец "Двенадцати". Я хотел бы, чтобы этот конец

был иной. Когда я кончил, я сам удивился: почему Христос? Но чем больше я вглядывался, тем яснее я видел Христа. И тогда же я записал у себя: к сожалению, Христос"»[12].

До сих пор неизвестно, как Елизавета Юрьевна отнеслась к поэме «Двенадцать» и статье «Интеллигенция и Революция». Никаких текстов и дневниковых записей, описывающих ее реакцию, не было обнаружено. Но в своей хронике «О церковном Соборе 1917 г.» и особенно в статье «12-й час» она четко расставляет акценты: «Ведь как бы пламенна ни была наша вера в светлый завтрашний день, как бы мы ни жаждали его, — мы должны помнить, что на нашем пути могут быть иные срывы и неудачи <...>. Сердце России помнит: поругание церкви и мученическое исповедание веры верных сынов церкви; сердце России помнит смерть тысяч своих детей в темных подвалах чека, из которых никуда не докричишься и никого не дозовешься; помнит оно голодных ребят, умирающих от голода по всем дорогам, по всей равнине русской; помнит гибельную гражданскую войну, когда русский убивал русского; помнит Соловки, где к медленной смерти ежедневными мучительствами приближаются люди; помнит изгнанных и томящихся в чужой земле; помнит растлеваемое юношество, которое насильно обращается в коммунистов».

Выводы из приведенного отрывка читатель сделает сам.

* * *

В ночь со 2 на 3 марта 1917 года государь Николай II подписал отречение от престола в пользу младшего брата Михаила. Последний обратился к народу и попросил граждан подчиниться Временному правительству, для того чтобы оно подготовило страну к созыву Учредительного собрания. На выборах в Собрание, состоявшихся в ноябре 1917 года, 410 из 721 мандата получили эсеры, 175 — большевики, кадеты — 29, меньшевики —16.

После выборов стало ясно, что большевики проиграли и Собрание будет эсеровским по своему составу. Кроме того,

---

[12] *Чуковский К.И.* Александр Блок как человек и поэт: Введение в поэзию Блока. М.: Русский путь, 2011.

в состав Собрания были избраны такие политики, как Керенский, атаманы Дутов и Каледин, украинский генеральный секретарь военных дел Петлюра. Курс большевиков на радикальные преобразования оказался под угрозой: у них было всего 23% голосов. Кроме того, эсеры были сторонниками продолжения «войны до победного конца» («революционное оборончество»), что склонило колеблющихся солдат и матросов к разгону Собрания. Коалиция большевиков и левых эсеров приняла решение разогнать Собрание как «контрреволюционное». Единственное заседание Учредительного собрания продлилось 13 часов. Резко против был настроен Ленин, и разгон Собрания, заседавшего в Таврическом дворце 5 (18) января 1918 года произошел по его личному приказу, руками комиссара Дыбенко и анархиста матроса Железняка; в пятом часу утра 6 (19) января матрос Железняк объявил, что «караул устал». На протяжении всей весны 1918 года эсеры и меньшевики пытались всеми силами — путем выборов в местные советы и забастовок — сопротивляться большевикам. Но непокорные советы безжалостно подавлялись, начались массовые аресты и бессудные расстрелы.

Писатель Е. Богат считал, что именно жажда подвига и жертвенности прибила Елизавету Юрьевну к эсеровским берегам, а не к большевикам. Хотя и среди коммунистов-фанатиков было полно людей «подвига» с «чистыми руками, кристальной честностью и горячим сердцем», которые в действительности оказались бомбистами, палачами и ворами.

Уже летом 1917 года на Кубани возник продовольственный кризис, что оказалось на руку войсковому правительству, состоявшему в основном из богатой казачьей верхушки. В борьбе с голодом демократические и революционные силы области пытались сплотиться и выработать единую тактику. Противостояние сил все более обострялось. С разгоном Временного правительства, а следовательно, всех структур управления и отменой законов в конце ноября 1917 года были образованы Кубанский областной и Екатеринодарский городской продовольственные комитеты.

Установление советской власти на Кубани — одна из трагических страниц в истории казачества. Не будем

забывать, что территорию этого богатейшего и цветущего края веками возделывали люди самых разных национальностей — русские, украинцы, грузины, татары, — все они жили и трудились вместе, без особых раздоров, более того, без межрелигиозной вражды! Советская власть нарушила традиционный уклад этого края, болезненно ударила по казачеству, принесла хаос и много горя.

Первые шаги большевиков в отношении казачества были сугубо коварными, направленными на раскол общины. Уже на второй день после Октябрьской революции было опубликовано обращение съезда Советов к казакам, которое заканчивалось призывами: «Всероссийский съезд Советов протягивает вам братскую руку. Да здравствует союз казаков с солдатами, рабочими и крестьянами всей России!» В большевистском «Декрете о земле» (октябрь 1917 года) подчеркивалось, что «земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются». В декабре 1917 года было опубликовано постановление Совнаркома «Ко всему казачеству. Об отмене обязательной воинской повинности и установлении полной свободы передвижения казаков». Не будем забывать, что советский декрет № 31 от 12 ноября 1917 г. (по объему две трети машинописного листка) отменил все титулы и звания, упразднил все российские законы и объявил всю собственность «собственностью пролетарского государства».

С отменой обязательной воинской повинности для казаков объявлялось о принятии на государственный счет обмундирования и снаряжения при призыве их на военную службу, об отмене сословных обязанностей в станицах (еженедельных дежурств при правлении, зимних военных занятий и т. п.), о разрешении для казаков полной свободы передвижения.

Естественно, что эти решения, принятые в то время, когда казачьи части возвращались с фронтов Первой мировой войны, способствовали росту симпатий к советской власти, и к концу марта 1918 года она была установлена почти на всей территории Кубани. Часть зажиточного крестьянства ушла в банды Покровского и Шкуро, не приняв новой власти, кто-то перебрался к Корнилову и Деникину. Как во всякой

гражданской войне — брат пошел на брата, начались казни и расправы, друзья очень быстро превратились во врагов и предателей, шкурные интересы заменили честь и совесть. Интересно другое, что, несмотря на постоянную смену власти, которая, как в театральной пьесе, менялась каждый месяц, — станичники всегда защищали своих от очередных расправ. Об этом пишет в повести «Как я была городским головой» и Е.Ю., которая к этому времени вполне осознавала, что, приняв опасную должность «главы», может быть, и сможет защитить своих станичников от разбойной власти большевиков, но может и поплатиться жизнью. Пройдет полгода, и в августе 1918 года почти вся Кубанская область будет отбита деникинскими войсками. Как ни печально это сознавать, но и эта власть на Кубани принесет тот же режим террора с выявлением симпатизировавших красным, а станичники вновь будут прикрывать своих, давая им положительные характеристики «раскаявшихся» и принимать решения о том, чтобы их «взять на поруки и под надзор станицы до суда».

Кульминацией является документ от 9 сентября 1918 года о благонадежности при советской власти комиссара станицы Анапской Алексея Бакана. В документе отмечается, что он «при наступлении Добровольческой армии, дабы защитить станицу и нанести удар отсутствующему врагу — бывшей советской власти — тайно взялся организовать казачий отряд под названием “Куматырский” под командой многоуважаемого нашего станичника доблестного командира подъесаула Ивана Колесника (которого тоже “брали на поруки” и пытались освободить из майкопской тюрьмы)... благодаря этому отряду наша станица осталась невредима, тогда как другие станицы подвергались всяким жертвам и грабежам...». Далее станичный сбор постановляет считать А. Бакана политически благонадежным и выражает благодарность за его плодотворную работу на благополучие станицы. Николай Курбацкий, который при советской власти был заместителем комиссара, председателем революционного комитета, членом военной секции, как пишется в документе, «был против советской власти и держал чисто казачью политику, на его долю выпала

тяжелая и ответственная должность, и он с трудом выполнял таковую не в пользу большевистской власти, а лишь бы только отчитываться на обещаниях и бумажках...»[13].

Вот в такой клубок политической неразберихи попала поэтесса-художник Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева. Всю осень 1917года она провела в разъездах, другие дела отвлекали ее от жизни в Анапе, в город поэтесса вернулась только к Рождеству и активно включилась в общественную жизнь. За это время многое изменилось, возникло расслоение общества, чувствовалась общая подавленность, отрыв от центра сказывался в полном непонимании и неспособности оценки событий. К концу декабря 1917 года здесь был только один большевик, бывший городовой Кострыкин, и к нему «относились как к чему-то комическому и нелепому... Жизнь замерла. Ждали событий»[14]. Эти события не заставили себя долго ждать, и вскоре сюда приехало подспорье советам — «свои же солдатики, с детства знакомые, известные Ваньки и Митьки. Но теперь они были неузнаваемы». С ними произошла метаморфоза — все они стали активными большевиками, «гордились тем, что привезли в город нечто совершенно неведомое и истинное». Октябрьский переворот пришел сюда с отставанием на несколько месяцев — только 6 (19) февраля 1918 года.

Апатия, охватившая жителей Анапы, дала возможность советам беспрепятственно в лице этих солдат захватить власть. Ответственность за управление городским хозяйством они брать на себя не решались, а потому все сводилось к агитации и митингам, на которых выступали все по очереди, «самым талантливым оратором был солдат Иван Кособрюх. Он доходил во время своих речей до экстаза: плакал, бил себя в грудь, бросался на колени, афоризмы его были неподражаемые. О старом режиме он заявлял: "Кошмарная рука царизма!"»[15].

В результате непрерывных митингов в Анапе произошло изменение в классовой и партийной структуре городского населения — людей ссорили, им угрожали, заманивали посулами. Елизавета Юрьевна писала: «В зале Думы были, так

---

13 «Книга приговоров» станицы Анапской 1918–1920 гг.

14 «Как я была городским головой».

15 Там же.

сказать, официальные митинги, на площадке около электрической станции было образовано нечто вроде политического клуба, где с утра до поздней ночи толпился народ и говорились речи. Наконец, базар стал тоже несмолкающим митингом». В январе 1918 г. в анапском Курзале состоялось городское собрание, на котором один из членов Законодательной рады (из Екатеринодара) разъяснял значение «великой реформы». А народ в ответ ему кричал: «Да здравствует Ленин! Да здравствует Троцкий!»[16]

Доктор Будзинский, старый друг и соратник семьи Пиленко, встретил Февральскую революцию в Петрограде. Вернувшись в Анапу, он неожиданно тоже выступил на митинге в Курзале, где приветствовал случившееся словами: «Осуществилась желанная мечта!»

На митингах осуждались местные буржуи, пьющие пролетарскую кровь, в городе появились агитаторы и инструкторы из Новороссийска. Доктор Будзинский, несмотря на то что сам был «буржуем», стал активным попутчиком новой власти. Горожане все более склонялись к Советам. Бывший городовой Кострыкин объявил себя большевистским комиссаром. Претерпели изменения и органы власти: вскоре в городе был создан военно-революционный комитет, занимавшийся в основном военными вопросами и укреплением только что созданной советской власти, а в марте возник Совет народных комиссаров во главе с новороссийским «варягом», большевиком П.И. Протаповым, который стал яростным противником Елизаветы Юрьевны. «Этот неведомый нам молодой человек (латыш, бывший в ссылке, имевший известный опыт и очень талантливый диктатор) был призван владеть городом», — говорила о нем Е.Ю. Большевики постепенно забирали власть в свои руки, и, чтобы хоть как-то оберечь думу от полного ее захвата, Е.Ю. согласилась выдвинуть свою кандидатуру на пост товарища (заместителя) городского головы от партии эсеров.

4 (17) февраля 1918 года прошли довыборы в Думу. Е.Ю. Кузьмина-Караваева была избрана товарищем городского головы. В ее ведении оказались отделы народного здравия и образования. Через два дня вся власть практически

[16] Там же.

перешла к совету, и голова Морев подал в отставку. Так Елизавета Юрьевна автоматически заняла его место.

Пребывание женщины на посту главы города было весьма необычным явлением и рассматривалось окружающими как положительный результат революции, провозгласившей равенство прав женщин с мужчинами. Но были и такие, кто выражал, мягко говоря, недоумение: «Шо мы наробыли! Голову скинулы, тай бабу посадилы, тай що молодую бабу»... Елизавета Юрьевна писала: «Сознаюсь, что я сама была согласна: действительно "наробили"».

Дума как основной орган городского самоуправления давно уже потеряла свой авторитет и имела скорее номинальную, чем реальную власть. В результате она самораспустилась, передав свои функции исполнительной власти — управе. На некоторое время в городе установилось двоевластие: с одной стороны, была «привычная» власть во главе с председательницей управы Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, а с другой — советская власть во главе с П.И. Протаповым.

Протапов по характеру был горяч, а по натуре — романтик. Елизавета Юрьевна была смела и тверда в своих решениях и поступках, часто шла на риск, хотела, чтобы за ней «всегда оставалось последнее слово». Взгляды двух городских руководителей на многие проблемы порой были диаметрально противоположны; как говорится, коса иногда находила на камень. Большевики вели себя агрессивно и излишне категорично. Дело доходило до острых конфликтов, грозивших Елизавете Юрьевне как минимум арестом. Но в целом у нее с Протаповым наладились нормальные деловые и хорошие личные отношения. «Я была, так сказать, порождением революции, и потому со мной нужно было считаться. С другой стороны, мне прощалось многое, чего бы они не простили ни одному мужчине. Между нами шла известная конкуренция». В результате борьбы против бессмысленных постановлений она понимала, что ее могут арестовать: «И я заявляла: "Я добьюсь, что вы меня арестуете". На что горячий и романтический Протапов кричал: "Никогда! Это значило бы, что мы вас боимся"»[17].

[17] «Как я была городским головой».

О Протапове подробно написано в повести Е.Ю. «Как я была городским головой» (отрывки из которой здесь приводятся), а также в «Равнине русской», где ему посвящено несколько страниц и он выведен под именем латыша Яура. Этот убежденный и «умный большевик» уверен в полной и окончательной победе революции: «Он давнишний коммунист. Это дает ему право отнестись критически к работе более молодых товарищей. Советская власть сейчас победила своих врагов и займется новым строительством. Он предупреждает всех, что всякая помеха, чинимая кем бы то ни было, будет сурово караться»[18].

Совет все более набирал силу. Большевики всячески стремились укрепить свое положение. Начали они с формирования вооруженных отрядов для борьбы с контрреволюцией, которые выступали в соседние станицы и возвращались с награбленной добычей. Пытались они наладить новые производственные и общественные отношения; приступили к национализации частных и акционерных предприятий. С конца февраля начала выходить новая городская газета «Известия Анапского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», редактировал которую сам Протапов.

Авторитет Кузьминой-Караваевой в Совете был достаточно высок. В этот период Елизавета Юрьевна безвозмездно отдала казакам станицы Гостагаевской свое имение (около 60 десятин), состоявшее из виноградника и пашни. Это был чуть ли не единственный случай добровольного обобществления во всей Кубанской области. Позже на деникинском суде свидетели обвинения вспомнили и этот факт.

Своей главной задачей управа считала защиту от уничтожения культурных ценностей города и поддержание нормальной жизни анапчан. В частности, ей приходилось решать вопросы размещения возвращающихся с фронта солдат, трудоустройства беженцев с севера и т. п. После национализации зданий санаториев, ранее принадлежавших доктору В.А. Будзинскому, и аптеки заведывание ими было передано управе, и Кузьмина-Караваева направила туда врача, сестер

[18] «Равнина русская».

милосердия, аптекаря — создала элементарный рабочий порядок в этих заведениях.

Способствовала она и организации занятий в училищах и гимназиях: «В этот период случилось событие, которое потом чуть не кончилось для меня катастрофически. Митинг постановил реквизировать санатории доктора Будзинского в пользу города... началось нечто невообразимое». Вместе с большевиками Елизавете Юрьевне как городскому главе приходилось иметь дело и с псевдореволюционерами. Весной 1918 года в Анапу из Новороссийска пришли корабли черноморского флота. Этот отряд моряков-анархистов возглавлял некто Пирожков. Матросы намеревались казнить бывших городских голов — Будзинского и Морева — и некоторых других лиц. Они организовали обыски и потребовали у Совета выплатить им «контрибуцию» в 20 тысяч рублей. Это напомнило Елизавете Юрьевне события далекого 1905 года в Крыму.

Однако власть постепенно уходила из рук управы. Протапов предложил собрать митинг. Кузьмина-Караваева вышла на трибуну и твердо заявила анархистам: «“Я — хозяин города и ни копейки вы не получите”. В зале наступила тишина, и кто-то из матросов сказал: “Ишь, баба!” — Я опять стукнула кулаком. “Я вам не баба, а городской голова!”»[19] Тот же матрос уже несколько другим тоном заявил: «Ишь, амазонка!» После голосования матросам было отказано в незаконных требованиях. Их реакция была неожиданной: они встретили это решение хохотом, но нужно было предотвратить возможные кровопролития. Вечером Кузьмина-Караваева вместе со своим «помощником» долго беседовала с моряками и даже водила их на «экскурсию» по городу, на кладбище и на высокий берег, чтобы отвлечь от «кровавых намерений». Как она сама позже вспоминала, при этом у нее «работала не голова, а перенапряженные нервы». «Знаю, что у меня были попытки шутить. Я говорила, что когда придет Корнилов (а о нем все чаще и чаще упоминали), то не кто другой, как я, буду их всех от виселиц отстаивать». Она победила и в этом поединке: матросы дали ей слово уйти и никого не трогать.

[19] «Как я была городским головой».

И все же утром, уходя из Анапы, они захватили с собой на корабль учителя и милиционера и утопили их в море.

События на добровольческом фронте Гражданской войны рисовали самую противоречивую картину. То наступали корниловцы, то их оттесняли красные кубанцы, то кубанцы соединялись с Корниловым. «Несмотря на долю недоверия к большевистским источникам, у нас всех было чувство, что дело Корнилова обречено. Оставалось совершенной загадкой, на что рассчитывают его вожди», — писала Е.Ю.

В Анапе началась мобилизация, и народ шел нехотя и безразлично. Весной 1918 года драматично развивались события и вокруг семьи Пиленко (в частности вокруг двоюродного дяди Е.Ю.), владельцев акционерного общества «Латипак» (в обратном чтении «Капитал»). В отчем доме собрались Юрий, Борис и младший Сергей (братья Е.Ю.). Когда главу дома Владимира Илларионовича и старших сыновей пришли арестовывать большевики, им пришлось бежать через окно. Доплыв на лодке до Новороссийска, они сели на корабль, который шел в Тунис.

Власть на Кубани вновь меняется, изгнанное краевое правительство заключило соглашение с командованием Добровольческой армии, которая попыталась в середине апреля овладеть Екатеринодаром, но понеся большие потери, стала пополнять свои ряды за счет антисоветски настроенных казаков, которые в конце апреля все же захватили западную часть Северного Кавказа. На этот момент большая часть казачества выступает на стороне Добровольческой армии, и главная причина заключается в том, что местные органы советской власти не сумели решить земельный вопрос так, как было обещано «Декретом о земле». Народ потерял всяческую веру в законность и в вечные христианские ценности — добро, милосердие, любовь, — то, что веками на Руси было основой и помощью в решении социальных проблем. Евгений Николаевич Трубецкой, непосредственный участник Добровольческой армии, писал: «Вот вроде белое знамя, вроде бы идеи православия, но грабят и убивают наши добровольцы чудовищно. <...> К тому, кто даст открытое разрешение на

грабеж, пойдет весь народ. Большевики дали это разрешение на грабеж. Вспомните лозунг Ленина "Грабь награбленное"». Жизнь человеческая потеряла цену»[20]. Можно допустить, что именно поэтому большевики в результате победили, а либеральная интеллигенция и христианские демократы проиграли — слишком они были либеральны и слишком надеялись на христианский гуманизм, в массе своей народ этого не принял.

Нарастающий вал событий поверг в удивление и ужас христианских мыслителей, увидевших в революции и Гражданской войне далекость народа от христианства. Народ-богоносец стал на сторону кровавых мстителей под красные флаги с одной стороны и в равной степени на глазах терял облик Божий в Белой армии. В 1918 году С.Н. Булгаков резюмировал происходящее словами своего персонажа из сочинения «На пиру богов»: «Как ни мало было оснований верить грезам о народе-богоносце, все же можно было ожидать, что церковь за тысячелетнее свое существование сумеет себя связать с народной душой и стать для него нужной и дорогой. А ведь оказалось то, что церковь была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу, и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался не христианским».

Довольно быстро, уже весной 1918 года, Анапский совет постановил упразднить управу, а членов ее сделать комиссарами. Таким образом, Елизавета Юрьевна против своей воли стала комиссаром по народному здравию и образованию.

К этому времени уже произошло окончательное размежевание эсеров на левую и правую партии. Кузьмина-Караваева примкнула к правой. Как писал один из членов партии правых эсеров, «эти люди хотели быть реалистами и вместе с тем оставаться идеалистами, свободолюбцами и патриотами». Рисовался некий образ социалистов-гуманистов, и по трагической необходимости они были революционеры.

В Новороссийске в апреле проходила губернская конференция эсеров, на которую Елизавета Юрьевна получила

[20] *Трубецкой Е.Н.* Два зверя (статья). М., 1918.

приглашение и выехала вопреки запрету Протапова. В день ее возвращения в Анапу ночью взрывом какой-то самодельной бомбы был смертельно ранен Протапов. Он скончался, не приходя в сознание. «Это была самая дикая и страшная ночь за все то время. Поминутно врывались в санаторий пьяные солдаты, кто-то истерически плакал... доктор и медицинский персонал метались в панике». Выяснилось, что во время покушения на Протапова был настоящий бой и сам он выпустил из нагана и парабеллума все патроны. В спешке «расследования» Кузьмину-Караваеву пытались обвинить чуть ли не в организации этой акции. «Созванный для суда над убийцами митинг приговорил арестованных подозреваемых к расстрелу. Тела их долго валялись на площади перед управой»[21]. На другой день город прощался с председателем Совета. Гроб был установлен в зале Совета и окружен стеной красных знамен. На похоронах Елизавета Юрьевна шла за гробом в первом ряду, не скрывая слез. После этих похорон она решила немедленно уехать, «потому что дольше выносить эту обстановку не было сил».

В конце апреля полулегально Елизавета Юрьевна выехала в Москву на VIII совет (съезд) партии правых эсеров, делегатом которого она была избрана в Новороссийске.

Совет ППСР проходил в Москве в помещении университета А.Л. Шанявского с 7 по 16 мая 1918 года. Этот совет назвал ликвидацию большевистской диктатуры *«очередной и неотложной»* задачей всей демократии. В тот год Пасха праздновалась 18 мая, и эсеры воспользовались этим для своей предсъездовской агитации: «Безверие убивает энергию, вера удесятеряет ее. Да поверит же русский народ в свое неизбежное воскресение. Мы веруем в Воскресение России»[22].

В работе съезда приняли участие около двухсот человек. Вечером третьего дня по ордеру, подписанному Ф.Э. Дзержинским, почти все делегаты были арестованы. После переписи они были отпущены, и на другой день съезд продолжил

---

[21] «Как я была городским головой».

[22] Земля и воля. 1918, 4 (17) мая. Газета «Земля и воля» — орган эсеров. Выходила в Москве с марта 1917 до конца мая 1918 г.

работу. Как известно, этот съезд ППСР провозгласил подготовку восстания против советской власти и выступил за образование «демократического правительства», которое должно было быть избрано новым Учредительным собранием. Это объяснялось тем, что правые эсеры рассматривали Советы как правительство насилия (недемократическое). Для них революция закончилась в феврале 1917 года свержением монархии. Совет предостерегал членов партии от заговорщической тактики в борьбе с большевизмом, но заявлял, что партия будет оказывать всяческую помощь массовому движению за демократию, направленному к замене *«комиссародержавия действительным народовластием»*. Новый всплеск напряженности был связан с нарастанием активности большевиков на селе, которая настороженно воспринималась эсерами, традиционно считавшими себя крестьянской партией.

Иначе стали действовать левые эсеры, которые сохраняли лояльность до событий 6—7 июля 1918 года. 5 июля 1918 года Съезд официально одобрил идею применения против противников советской власти «массового террора». 6 июля лидеры левых эсеров, присутствовавшие на V Съезде советов в Москве (Пятый Всероссийский Съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов), были арестованы. Во время Съезда, находясь в меньшинстве, около 350 из 1164 депутатов открыто выступили против своих бывших союзников — большевиков. Не получив поддержки, они приступили к активным действиям.

* * *

Во время своего поездки в Москву на съезд, которая длилась десять дней, Е.Ю. внимательно наблюдала и записывала свои впечатления: «...вся Россия от Черного моря до Волги и до Москвы, весь русский народ, болен большевизмом <..> На съезде партии с такими разговорами я и столкнулась. Первое впечатление, что перед глазами кучка безумцев <..> Я главным и активным образом была настроена против коммунистов, то есть до известной степени контрреволюционером»[23].

[23] М. Мария (Скобцова). «Чем может быть пореволюционное народничество». 1931. См. библиографию.

Оставшись в Москве после VIII совета ППСР, Кузьмина-Караваева выполняла различные партийные поручения, связанные с укомплектованием белой «учредиловской» армии Восточного фронта. Выезжала она и в некоторые города Поволжья. Ее энергия, сдерживаемая несколько лет, казалось, наконец-то нашла выход. В своей заговорщической деятельности летом 1918 года поэтесса явно искала риска и опасностей. По неподтвержденным сведениям, поэтесса даже замышляла покушение на Троцкого. Работа, порученная Кузьминой-Караваевой ЦК ППСР, не принесла ей удовлетворения. К тому же в Анапе у нее остались мать с ее пятилетней дочерью Гаяной и брат Дмитрий, бывший фронтовой офицер и георгиевский кавалер.

Может быть, слишком наивно она надеялась, что ее деятельность против большевиков послужит ей защитой от «чрезмерных кар»? Но выбор был небольшим, оставаться в Москве, да и вообще на советской территории, было крайне опасно. Тем более, что 5 сентября 1918 года, вскоре после расстрела Ф. Каплан, было издано постановление Совнаркома, одобрившего деятельность ЧК, осуществлявшей «красный террор». Постановление ВЦИК о красном терроре было опубликовано в газете «Известия ВЦИК» 10 сентября и вскоре стало именоваться «Декретом о красном терроре». Под ним стояли три подписи: народный комиссар юстиции Д. Курский, народный комиссар по внутренним делам Г. Петровский и управляющий делами Совета народных комиссаров В. Бонч-Бруевич. Публично о начале террора объявил Я. Свердлов. В тексте говорится: «...необходимо обеспечить Советскую республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях <...> обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью»; «...подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам»[24].

Народный комиссар Г.И. Петровский разослал приказ, в котором, в частности, говорилось: «Все известные местным советам правые эсеры должны быть немедленно арестованы (в качестве заложников). При малейших попытках

[24] Декреты Советской власти. Т. 3. С. 291–292.

сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочный массовый расстрел. <...> Тыл наших армий должен быть наконец окончательно очищен от всякой белогвардейщины и всех подлых заговорщиков против власти рабочего класса ...»[25]

Елизавете Юрьевне стало ясно, что физическое истребление коснется и таких, как она.

После убийства Протапова и ее спешного отъезда новости о событиях в Анапе она черпала из газет, так что истинного положения она не знала. Находясь в Москве, Е.Ю. получила письмо, из которого ей стало известно о расправах над невинными людьми, проводившимися анархистами. Свидетель этих событий писал: «...из Новороссийска к нам ворвался катер, захваченный матросами-анархистами: на мачте развевался огромный черный флаг с белой надписью: "Анархия — мать порядка". Эта банда проведала винные погреба и городскую кассу, а затем арестовала случайно подвернувшегося им на улице комиссара юстиции Домонтовича, бывшего московского адвоката, и его жену Щепетеву, дочь директора гимназии, преподавательницу немецкого языка. Их привели на катер. Собралась толпа. Бандиты притащили с пристани две небольших бетонных плиты и стали подвешивать их на ноги своим жертвам. "Постойте! Не надо, товарищи! Мы сами!"— сказали муж и жена. Обнялись, перекрестили друг друга, поцеловались и, волоча груз, спрыгнули за борт»[26].

Убийства казаков и угрозы в адрес чехословацких легионеров неожиданно изменили расстановку сил и обернулись против большевиков. С мая по июнь большевицкая власть понесла большие потери. Под натиском Добровольческой армии генералов Алексеева и Корнилова она рухнула на Дону и в Сибири, в губанских степях образовались формирования казаков, присоединившихся к Белой армии.

В августе 1918 года в Анапу пришли белые. За городом сразу были построены две виселицы славившимся особой

---

[25] Приказ о заложниках. Наркомвнудел Петровский. Еженедельник ВЧК. 1918. № 1. С. 11. Цит. по: История России. 1917–1940: Хрестоматия.

[26] Личный архив автора.

жестокостью генералом Покровским[27]. На одной он повесил комиссара финансов, коммуниста, к другой подвели Федьку, который выступал на всех митингах с бессвязными и смешными речами. «Проси милости!» — закричал ему с коня генерал. Федька плюнул в его сторону и был казнен. Конечно, при той же толпе и тех же семечках. Это был стиль времени[28].

Террор, казни и бесправие стали за последний год почти привычным делом. Но то, что бессудные расправы чинились солдатами и офицерами Белой армии, потрясло многих. «Некоторые казни поражали своей нелепостью. Казнено было 14 человек. Казнил Инджебели. После приговора он, говорят, валялся в ногах у пьяного генерала Борисевича и кричал: "Ваше превосходительство, я верный слуга Его Величества". Генерал оттолкнул его сапогом. <...> Казнили Женкина, винодела. Его вина заключалась в том, что он поступил в качестве винодела на службу в реквизированный большевиками подвал общества "Латипак". Казнили солдата Михаила Шкляренко, тоже за службу в этом подвале. Избили его так, что он сошел с ума и сам разбил себе череп об угол печки в камере. Везли его на казнь разбитого, лежащего на подводе, сумасшедшего и громко поющего песни <...> Казнили еще матроса, он перед смертью говорил судьям, что сам бросал офицеров в топки»[29].

Вот в такую Анапу вернулась Елизавета Юрьевна. Она отсутствовала в родных местах до середины октября 1918 года, и, как сама пишет: «Я приехала, чувствуя себя, во-первых, главным и активным образом настроенной против коммунистов <...> Уже в Ростове люди понимающие советовали сначала запросить своих в Анапе, а потом уже ехать. Я совершенно не представляла себе обстановку. Большевизм был изгнан из Анапы 28 августа 1918 года, и Покровский сразу

---

[27] Покровский Виктор Леонидович (1888–1922, Болгария) — генерал. В Белом движении с начала 1918 г. Генерал А.И. Деникин дал ему следующую характеристику: «Покровский был молод, малого чина и военного стажа и никому неизвестен. Но проявлял кипучую энергию, был смел, жесток, властолюбив и не очень считался с "моральными предрассудками"».

[28] Личный архив автора.

[29] «Как я была городским головой».

поставил перед управой виселицу. Началась расправа с большевиками и с теми, на кого доносили»[30]. Случайный знакомый сообщил ей, что усердным доносительством занимается доктор Будзинский.

По прибытии в Анапу Е.Ю. позвонила домой. Ее брат долго не мог поверить, что она вернулась в город, а потом спросил, зачем она приехала. «...Моя семья жила еще в саду. В шести верстах от Анапы, я поехала туда. Общее настроение было такое, что я решила не томить их ожиданием и на следующее утро отправилась в город и записалась в адресном столе».

Вечером за ней приехал взвод конных казаков Добровольческой армии генерала Деникина, и ее арестовали. «Все то, что определяло мою антибольшевистскую работу в Советской России, по эту сторону фронта оказалось почти большевизмом и, во всяком случае, с точки зрения добровольцев, чем-то преступным и подозрительным», — писала она спустя несколько лет. Белые не доверяли эсерам; в их глазах член партии эсеров был почти как большевик. Так что с точки зрения деникинцев эсерство Кузьминой-Караваевой было явно предосудительным фактом. К тому же им было известно ее сотрудничество с местной советской властью в начале года, когда она короткое время была комиссаром в Совете. Безусловно, что им стало известно от Будзинского о ее активном участии в национализации санаториев акционерного общества «Анапа и Семигорье» и винных подвалов акционерного общества «Латипак», которым владел ее двоюродный дядя Пиленко и его сыновья, бежавшие от большевиков и сумевшие избежать расстрела. Горестно было сознавать, но старейший друг и соратник семьи доктор Будзинский стал главным обвинителем (истцом) по делу Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой. Как говорила о нем сама поэтесса, «один из крупных общественных деятелей Анапы, бывший в 1915–1917 гг. городским головой. В 1917–1920 гг. он не придерживался определенных политических взглядов, часто лавировал между белыми и красными».

Во время ареста присутствовал ее брат Дмитрий. Он вызвался ее проводить и перед всем городом сказал: «Если

[30] Там же.

это кончится плохо, я своего Георгия и погоны с почтением отдам Деникину».

Шесть недель провела Е.Ю. в тюрьме во время предварительного следствия. На допросах стало ясно, что главным свидетелем обвинений по ее делу фигурирует Будзинский со своими служащими. Обвиняют ее в том, что она, помимо факта ее невольного комиссарства, была инициатором реквизиции санаториев Будзинского «во благо народонаселения». Близкие и друзья просили председателя следственной комиссии отпустить ее до суда под залог, что в результате было исполнено, но Будзинский опять проявил активность и сообщил присяжному поверенному о готовящемся побеге Е.Ю., причем «при попытке к бегству» ее должны были убить!

Она продолжала жить под надзором без права выезда, ее часто вызывали на допросы. «Особенно много возился с моими показаниями приехавший контрразведчик, кокаинист Крым-Шахмалов. Перед допросом он красочно рассказывал, как казнил известную Ге» и всячески старался запугать «"...у меня такая тактика — как тигр, одним ударом со спины", и при этом предлагал мне кокаину. Я смеялась, отказывалась и отвечала: "А моя тактика — прямо в лоб" и показывала на его лоб. После этого он держался ближе к делу»[31].

В городе установилась полная апатия и «помимо политических и экономических показателей того, что добровольчество мертво, стала общая моральная инвалидность. Анапа пила так, что в Курзале после благотворительных вечеров несколько дней стоял запах винного перегара. Пили все: контрразведчики и бывшие комиссары, запасные офицеры и дамы беженки, гимназисты и интеллигенты»[32]. Между тем Е.Ю. готовилась к суду, списалась с присяжным поверенным в Екатеринодаре, который перенес ее дело из военно-полевого в военно-окружной суд, где было больше законности и гарантий. Подбирались свидетели защиты. Будзинский в свою очередь не останавливался на полпути, когда до него доходили сведения, что Е.Ю. просила кого-нибудь быть свидетелем,

---

[31] Там же.

[32] Там же.

«он к этому человеку отправлялся. Сначала пытаясь убедить его в моем большевизме, а в случае неудачи недвусмысленно угрожал». И многие, даже из близких друзей, — дрогнули! Один из таких был адвокат, близко знавший семью Пиленко и саму Лизу с детства. Она вспоминала: «Он многим был обязан моему отцу, но уклонился довольно демонстративно. Немудрено — был период, когда было неприлично не быть архидобровольцами и контрразведчиками (Белой армии)».

Но при открытии судебного заседания вдруг неожиданно выяснилось, «что свидетели обвинения, кроме Будзинского, почти все отсутствуют... и что по требованию Будзинского меня должны были просто арестовать»[33].

Арест удалось отменить, и повторно заседание суда было назначено на 2 (15) марта 1918 года.

В результате отсрочки удалось собрать толковых свидетелей, и все двинулись в Екатеринодар. Не последнее значение в подготовке суда, подборе защитников и свидетелей со стороны Е.Ю., а также в вопросе о переносе срока и изменение категории суда оказали «старики», в том числе и юристы, помнившие еще отца и деда подсудимой. Защитницей многих осужденных в Анапе выступала и тетушка поэтессы Е.Д. Цейдлер. По делу своей племянницы она специально ездила в Екатеринодар, чтобы «сговориться» там с защитниками. Огромную роль в спасении поэтессы сыграл ее старый друг поэт М.А. Волошин.

По материалам этого дела, которое наделало много шума и стало достоянием подробных исследований, А.Н. Шустов пишет: «Зимой 1919 г. Волошин жил в Одессе. Узнав об аресте Кузьминой-Караваевой и о грозящем ей расстреле, он развернул активную деятельность. Прежде всего он попросил писательницу Н. Тэффи немедленно связаться с генерал-губернатором Одессы А.Н. Гришиным-Алмазовым, который по их просьбе дал срочную “ручательную” телеграмму в Екатеринодар. Сам же Волошин обратился к одесскому митрополиту Платону, бывшему участнику Всероссийского Поместного собора, и “заинтересовал” его. Митрополит также ходатайствовал о смягчении участи подсудимой.

[33] Там же.

Кроме этого, Волошин встретился в Одессе с известным политическим деятелем В.В. Шульгиным, в свое время принимавшим отречение Николая II, который в это время обосновался в Екатеринодаре. Шульгин редактировал влиятельную газету "Россия" ("Великая Россия") и пользовался большим авторитетом у добровольческих вождей. По всей вероятности, с Шульгиным было передано в Екатеринодар коллективное письмо группы писателей, живших тогда в Одессе, которое позже, уже после вынесения приговора, было опубликовано в "Одесском листке": "Невозможно подумать, что даже в пылу гражданской войны сторона государственного порядка способна решиться на истребление русских духовных ценностей, особенно такого веса и подлинности, как Кузьмина-Караваева". Это письмо подписали: М. Волошин, А. Толстой, В. Инбер, Л. Гроссман, Н. Крандиевская, Н. Тэффи и другие. Об участии Шульгина в защите поэтессы свидетельствуют красноречивые строки из письма к нему Волошина (июнь 1919 г.): "... обращаюсь к Вам снова по делу аналогичному с делом Кузьминой-Караваевой, о которой я Вас просил в Одессе в марте месяце и благоприятный исход которого, конечно, обязан Вашему слову"»[34].

Главными свидетелями обвинения были Будзинский и двое его служащих, а также представитель общества «Латипак». Все они, кроме Будзинского, чувствовали себя неловко, было очевидно, что их «втянули в дело». Председательствовал полковник Н.С. Кириченко, обвинителем выступал помощник военного прокурора Петров, защитниками — Ю.А. Коробьин и Хинтабидзе. Зал заседания был переполнен. С самого начала Е.Ю. настаивала, чтобы защита ее базировалась на принадлежности к партии эсеров. Ей было трудно поверить, что судили ее по нелепому приказу Кубанского правительства № 10 за подписью Быча и Кулабухова; статья, по которой она проходила, предусматривала смертную казнь или до трех рублей штрафа!

В ответ на предъявленные обвинения Кузьмина-Караваева признала себя виновной в том, что она действительно занимала в Анапе «ответственную и руководящую» долж-

---

[33] А.Н. Шустов. «Дочь России».

ность комиссара народного образования и здравия. Однако с усилением власти большевиков подала в отставку, не считая для себя возможным сотрудничать с ними. Но ее отставка принята не была. Как комиссар она, по существу, играла роль буфера между интеллигенцией Анапы и советской властью. На заседаниях исполкома она отстаивала принцип справедливости и многих спасла от большевистского ареста и обвинений. «Показания свидетелей были очень характерны, так как ярко рисовали ту панику, в которой находились при большевиках анапские обыватели». Один из свидетелей напомнил и подтвердил, что она вошла в Совет «механически», после переименования городской управы в Совет. Подобно другим «интеллигентным труженикам», она работала в совдепе с целью противодействия разрушительной работе большевиков и подрыва советской власти изнутри. На митингах, как убежденная эсерка, она защищала идею повторного созыва Учредительного собрания.

«Прокурор произнес довольно вялую речь. Зато мой защитник разразился целыми декламациями, в которых он противопоставлял две психологии — мою и Будзинского... и выявил склонность Будзинского к доносительству». В результате он был скомпрометирован в суде: его уличили в алчности. Еще до реквизиции санаториев городская дума предложила выкупить их у владельца. Будзинский запросил тогда непомерную сумму — более миллиона рублей. На суде он бросил реплику, что отдача земли казакам — это «красивый жест» со стороны Кузьминой-Караваевой. На что защитник отреагировал: «Да! Красивый жест, но у подсудимой красивая и душа!»[35]

Выступление защиты было ярким и убедительным.

В последнем слове Е.Ю. просила принять во внимание, что, будучи членом партии эсеров, она считала для себя обязательными постановления об исключении из партии всех принимающих активное участие в большевистском строительстве. Более того, она прямо заявила, что здесь ей приходится отвечать за чужие преступления и за чужую идеологию, что же касается конкретных обвинений доктора Будзинского, то

[35] «Как я была городским головой».

она сочла себя виновной в том, что недостаточно скрупулезно оформляла с ним чисто деловые отношения.

В качестве смягчающих вину обстоятельств и сама обвиняемая, и свидетели защиты привели факты ее работы в ЦК ППСР: участие в охране золотого запаса, заведывание паспортным бюро партии эсеров, отправку добровольцев на Восточный фронт.

По выражению Елизаветы Юрьевны, «судьи хлопали глазами», потом совещались два часа и постановили считать ее виновной. Но суд в силу целого ряда «смягчающих обстоятельств приговорил ее к двум неделям ареста. Дело кончилось в два часа ночи».

Адвокаты самых разных направлений считали этот процесс одним из наиболее интересных за время существования Добровольческой армии, особенно важной в этом деле была защита, которая строилась на партийной принадлежности подзащитной. Процесс с подробным отчетом освещали в Советской России московские «Известия» (от 27 апреля 1919 г.), а также многие южные газеты разных направлений. В нескольких номерах, в течении трех дней, о суде над Е.Ю. Кузьминой-Караваевой писала и газета «Утро Юга», но «анапчане были лишены газет, так как Будзинский скупал все номера, где были разоблачения его работы»[36]. Антибольшевистская деятельность поэтессы обросла выдумками и легендами: она «приняла совершенно гипертрофические размеры, будто бы я похищала у большевиков золотой фонд для Колчака. Советское радио говорило так: суд приговорил ее к двухнедельному аресту; как же иначе мог приговорить добрармейский (Добровольческий) суд своего лакея»[37].

На самом деле, несмотря на партийные разборки, угрозы, которые закончились для Е.Ю. не расстрелом и не штрафом в три рубля, а «детской отсидкой», она стала жертвой предательства и злопамятства близкого человека. «Стоя на почве защиты человека, стремясь только к этой цели и отметая все

---

[36] Екатеринодарская газета «Утро Юга». Одним из организаторов и активнейших сотрудников газеты в 1918–1920 гг. был С.Я. Маршак.

[37] «Как я была городским головой».

остальное, я смогла найти “человеков” и среди партийных, и среди принципиальных врагов»... а рядом, практически в собственной семье — получила удар в спину. Елизавета Юрьевна заканчивает свою повесть словами: «в революции — тем более в гражданской войне, — самое страшное, что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучаемся видеть деревья — отдельных людей»[38].

Вот некоторые страницы из биографии Будзинского[39], которые широко приводятся в различных монографиях: жена В.А. Будзинского умерла еще до переезда семьи в Анапу, оставив Владимиру Адольфовичу сына и дочь. В Анапе у него сложился роман с Людмилой Васильевной Пиленко. Муж ее, Владимир Илларионович Пиленко (который спасся от большевиков, выпрыгнув через окно), «смотрел сквозь пальцы на связи своей жены». В 1918 году санатории национализируются, но В.А. Будзинский остается в них работать. Историки отмечают, что во время революции Владимир Адольфович смог найти контакт с новыми властями, а после разгрома Белой армии жизнь главного обвинителя Елизаветы Юрьевны продолжилась в Краснодаре, куда он был отозван в 1920 году для управления курортами Кубани и Черноморья. После повторного установления в Анапе советской власти он сотрудничал с Н.А. Семашко. В 1922 году активно организует борьбу с инфекционными заболеваниями (сыпной тиф, холера, дизентерия) в 1921-м был направлен в Ейск для восстановления и организации там курорта, где, спустя два года, 20 июля 1923 года, он скоропостижно умер от диабета.

* * *

В жизни Елизаветы Юрьевны произошла еще одна судьбоносная встреча. Во время процесса в Екатеринодаре через своего защитника, присяжного поверенного Коробьина, она познакомилась с Даниилом Ермолаевичем Скобцовым. С его

---

[38] Там же.

[39] О личности этого человека достаточно откровенно написано самой м. Марией в ее воспоминаниях «Как я была городским головой». О семейных и политических качаниях Будзинского писал исследователь казачества А.Н. Шустов в своих статьях о Д.Е. Скобцове.

стороны это была любовь с первого взгляда. Можно допустить, что для Е.Ю. появление в ее одинокой жизни бравого кубанского офицера, который без памяти в нее влюбился — было неким отвлечением от тяжелейшей и опаснейшей ситуации; по мере развития событий, через своего друга и соратника Коробьина Даниил Ермолаевич принял самое активное участие в организации защиты Е.Ю., постоянно поддерживал морально и материально Софью Борисовну, Дмитрия и маленькую Гаяну. Он, что называется, прикипел душой к этой семье. Сложилась странная картина, зеркально повторяющая чувства Елизаветы к А. Блоку. Строки из ее хроникальной повести явно относятся к ней самой и помогают понять их отношения со Скобцовым: «...я очень устала, и мне любовь совсем сейчас не нужна. Мне хочется чего-то другого, мне это другое, нужное (Он) дает. Мы с ним большие друзья. Только о любви у нас не было сказано никогда ни слова». Даниил Скобцов при подготовке к суду поднял все возможные и невозможные связи среди казаков и белых офицеров, помогал в подборе защитников и свидетелей, сам присутствовал на заседании. Многие летописцы жизни м. М. сходятся в том, что если бы не он, то все могло бы пойти по вполне предсказуемому сценарию и она не избежала бы казни.

Коробьин и Скобцов еще с осени 1918 года были избраны депутатами Краевой рады (Скобцов от «линейцев», а Коробьин от «иногородних»). Ко времени знакомства с Елизаветой Юрьевной, Скобцов был членом Кубанского правительства в ранге министра земледелия. В период, когда Екатеринодар находился в руках большевиков, он воевал в составе окрестных казачьих отрядов и был участником первого (Ледяного) похода генерала Л.Г. Корнилова. После занятия Екатеринодара белыми (август 1918 года) состоялось общее собрание Добровольческой армии и Кубанского правительства[40].

После завершения судебного процесса Елизавета Юрьевна уезжает в Анапу; в это время в Екатеринодаре начинается повальная эпидемия тифа.

---

[40] О личности Д.Е. Скобцова и его деятельности см. в разделе «Из архивов» статью А.Н. Шустова «Даниил Ермолаевич Скобцов: путь от Кубани до Парижа».

Несмотря на пережитые опасности, Е.Ю. опять решается пересечь линию фронта и поехать в Москву на заседание IX совета ППСР (18–20 июня). В эти дни Красная армия начинает массированное наступление и наносит удар по Сибирской Белой армии под Челябинском. Разногласия с Кубанским правительством Деникин с полным основанием считал одной из серьезных причин неудачи Белого движения на юге. Увлеченные идеей своего суверенитета, кубанцы активно не поддерживали ни белых, ни тем более красных, посильно сопротивляясь против тех и других. Прав был Деникин: «Борьба кубанских правителей на два фронта — против большевиков и Добровольческой армии — являлась заведомо непосильной и потому безумной. Она губила и их и нас». В марте 1918 года был расстрелян красными матросами министр внутренних дел Кубанского правительства Кондрат Бардиж вместе со своими сыновьями. А следующий удар по «самостийникам» был нанесен деникинцами в июле 1919 года, когда был убит председатель Краевой рады Николай Рябовол. На Южнорусской конференции он резко раскритиковал Добровольческую армию. На следующий день Рябовол был убит двумя выстрелами из револьвера. Рада выступила тогда с воззванием: «Враги народа устраняют со своего пути борцов за народоправство!» К октябрю положение на Кубани запуталось окончательно, а Белая армия понесла тяжелейшее поражение под Орлом и на северо-западе, под Петроградом. Практически ситуация на фронтах Гражданской войны приближалась к неутешительным результатам. В осенние месяцы 1919 года окончательно решится исход первой фазы этой братоубийственной бойни.

На июньском IX совете правых эсеров в Москве было принято решение «прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти и заменить ее обычной политической борьбой, перенеся центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри...»[41], что привело к расколу теперь уже и среди самих правых эсеров.

[41] Из резолюции IX совета партии эсеров «О прекращении вооруженной борьбы против большевиков» (июнь 1919 г.)

На совете присутствовало 33 делегата с решающим голосом и 14 — с совещательным. По основному вопросу повестки дня — об отношении партии эсеров к советской власти — на совете выявились различные точки зрения. В.К. Вольский высказался за соглашение с большевиками. Близко к этой точке зрения стоял Н.И. Ракитников, предлагавший прекратить вооруженную борьбу против большевиков и со своей платформой войти в советы. Однако IX совет принял резолюцию своего ЦК, возглавляемого В.М. Черновым. Резолюция объявляла борьбу на два фронта — против реакции и против коммунистов. В отличие от VIII совета эсеров, открыто вставшего на позицию вооруженной борьбы против советской власти, резолюция IX совета провозгласила временный отказ от вооруженной борьбы против большевиков, подчеркнув, что этот отказ должен рассматриваться не как признание советской власти, а как тактическое решение, продиктованное реальным положением вещей. Совет вынес решение о слиянии с меньшевиками, а также высказался в своей резолюции против III Интернационала.

Этот «тактический маневр» воспринимался рядовыми членами партии как изменение политического курса ее руководителями и вызывал у многих партийцев чувство горечи и разочарования. Выходило так, что все жертвы, принесенные ими в борьбе, оказывались напрасными. Может быть, именно тогда и пришла в голову Елизавете Юрьевне мысль о «негодяях-организаторах», играющих судьбами людей, посылая их на бессмысленные террористические акты.

Можно смело предположить, что антибольшевисткий настрой Е.Ю. целиком совпадал со взглядами ее партийного товарища Ильи Исидоровича Фундаминского[42]. О нем рассказ впереди, тем более, что он, как и мать Мария, станет жертвой нацизма: в 1942 году погибнет в газовой камере, а в 2004-м будет канонизирован во Франции вместе с четырьмя православными страстотерпцами.

---

[42] Фондаминский (Фундаминский) Илья Исидорович, литературный псевдоним Бунаков; 1880–1942) — российский революционер, религиозный деятель. В 1907–1917 гг. и с 1919 г. в эмиграции. В 1941 г. принял Православие. Погиб в Освенциме. Канонизирован в 2004 г. Константинопольским Патриархатом.

После Февраля, в апреле 1917 года, он вернулся из Франции в Москву. Летом 1917 года И.И. Фундаминский познакомился с Е.Ю., а на III съезде эсеров он был избран членом Центрального комитета партии и стал товарищем председателя исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов, осенью того же года был назначен генеральным комиссаром на Черноморском флоте от партии эсеров. Он славился блестящими ораторскими способностями, умел вдохновлять слушателей и прекрасно составлял манифесты. После Октябрьской революции и разгона в январе 1918 года Учредительного собрания Фундаминский был сторонником широкой антибольшевистской коалиции. С Елизаветой Юрьевной они встретились на июньском заседании IX совета партии. Резолюции этого собрания совершенно шли вразрез с его убеждениями. Весной 1919 года И.И. Фундаминский эмигрировал и поселился в Париже.

Не только участие в эсеровском съезде влекло Е.Ю., в Москву. Безусловно, ей хотелось пообщаться со старыми друзьями, которых революция раскидала по свету. Их московская встреча будет последней, следующая состоится в Париже; во время съезда он поведал ей много нового, и особенно о Блоке... О, как она рвалась к берегам Невы! Может быть, этот порыв был желанием поставить окончательную точку после затянувшихся на годы многоточий? Фундаминский рассказал ей, что поэт очень плохо себя чувствует, болеет, началась астма, психическая неуравновешенность, но более всего он страдает оттого, что его против воли вводят в различные советы, организации и назначают на должности. Блок описывал свое состояние того периода словами «меня выпили». Этим же, возможно, и объясняется творческое молчание поэта. В одном из частных писем он горько сокрушается: «Почти год как я не принадлежу себе, я разучился писать стихи и думать о стихах...» «Как я устал от государства, от его бедных перспектив, от этого отбывания воинской повинности в разных видах. Неужели долго или уже никогда не вернуться к искусству?»

Его поэма «Двенадцать» наделала много шума. Это был эпатаж, выпад, многие не могли понять, как такой «гений

и мессия» упал до блатных частушек (у В. Шкловского это определено как «блатной стиль»). В марте 1918 года он упросил свою жену, актрису Любовь Дмитриевну, читать поэму со сцены. Причем Блок рассказывал ей, в какой «бытовой, эксцентричной и провокационной манере» следует декламировать эти стихи, то есть в совсем другой, не похожей на символическую блоковскую манеру, которая поразила когда-то воображение юной Лизы Пиленко.

Поездка в Петроград не состоялась, она вернулась из Москвы и объявила близким о своем венчании с Даниилом Скобцовым. Неожиданность этого решения вполне соответствовала характеру Елизаветы Юрьевны. Точно так же безрассудно, в одночасье, она вышла замуж за Дмитрия Кузьмина-Караваева. Как знать, может, поездка в Москву стала окончательным концом ее изнуряющей любви к поэту? А может, и полным осознанием бессмысленности «революционного гуманизма»?

Венчание состоялось в Екатеринодаре, в соборе Св. Александра Невского. Софья Борисовна была чрезвычайна рада этому браку, а Даниил Ермолаевич на всю жизнь остался верным и надежным помощником семьи Пиленко.

Мне надоела я. К чему забота
О собственном глухонемом уме?
О, слышу я, вокруг гудит охота
И всадники сшибаются во тьме
<...>
Вот крепко в сердце замыкаю тяжесть.
Вот связываю крылья за спиной.
Пусть, если надо, их Господь развяжет...
И отягчит меня еще виной.

«Руфь». «Покаяние»

* * *

Можно допустить, что события последних месяцев никак не способствовали творческому настрою Е.Ю., но, несмотря ни на что, она вела дневниковые записи, которые послужили в дальнейшем прекрасным материалом для ее

биографических повестей. На ее глазах происходила гибель страны. Революция и Гражданская война перевернули ее представления о народе, взращенные на гуманизме серебряного века, зиждившиеся на фундаменте уважения «общечеловеческих прав», с негативным отношением к «войне, несправедливости и бедности». Этот новый «гуманизм» абсолютно исключал Бога. Соблазнительная тема «революция как религия», а следовательно, большевизм как «вера», подменившая истинную веру в Бога, взбудоражила почти всех интеллигентов ее круга, что привело в итоге к Февральской революции. Но это она осознает позже, а тогда в ней оставалась надежда на справедливость и «все человеческие утопии последнего времени, заражавшие собою Россию»[43].

Помимо философских раздумий, она получает радостную новость от друзей из Москвы: в издательстве «Зерна» вышел сборник стихов «Весенний салон поэтов» (1918), собравший под одной обложкой многих известных поэтов разных возрастов и художественных направлений. В этом сборнике были опубликованы и ее четыре стихотворения из «Руфи».

Смена боевых доспехов эмансипированной поэтессы на подвенечный наряд окончательно закрыла книгу ее эсеровской политической деятельности. Блоковский Христос в венчике из роз оказался в действительности в терновом и кровавом венце революции; гуманизм без Бога, душевная и творческая истощенность, самообман, на который пошел ее кумир Блок, если не отрезвили окончательно, то сильно встряхнули Елизавету Юрьевну. Каким-то подсознательным чутьем она поняла, что только на пути восстановления христианской совести, чести и истинного добра — можно восстать из грязи и дьявольского наваждения большевизма.

«Богочеловечество было безнадежно предано. И можно только в свете сегодняшнего дня благословлять русский XIX век за то, что он порознь не предал ни божественного начала, ни человеческого», — напишет она в своей статье. «Где-то на дне церковного ковчега блюлась неприкосновенно полнота божественной истины. А на своих безбожных путях человечество обосновалось и утверждало свою человеческую

[43] Мать Мария.

свободу, свободу творческой индивидуальности, свободу человеческого лица <...> Итак, "великий октябрь". Гибель старого мира. Воистину гибель, поскольку задание октября может быть воплощено, а воплощение может быть окончательным. Мистический лик большевизма характеризуется не тем, что он безбожен. Безбожным по существу был весь гуманизм. Начиная с конца Средних веков на Западе мы имеем безбожную светскую культуру, так удачно и плодотворно привитую России Петром.

Все человеческие утопии последнего времени, заражавшие собой Россию, почти все человеческое творчество — было безбожно, было вне Бога. Но даже не это характеризует большевизм! Основное в нем, что он *противобожен*! Впервые не игнорируют Бога, а идут против Бога. Впервые противобожие проповедуется с пламенным пафосом»[44].

Этот отрывок красноречиво говорит о многом, и вплоть до сегодняшнего дня социализм с человеческим лицом, «равенство и счастье» без Бога, до сих пор подогревает мировые идеологии. «Любовь к народу» в XX веке обернулась на практике его истреблением не только в России, но и во всех коммунистических странах. Елизавета Юрьевна Скобцова в эти годы четко поняла, что любовь к ближнему и дальнему лежит в совсем другой сфере, что «в революции — тем более в гражданской войне, — самое страшное, что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучаемся видеть деревья — отдельных людей».

Осенью 1919 года она ждала рождения ребенка и жила в Джемете. О раздорах в Раде ей рассказывал Скобцов, который приезжал из Екатеринодара. 22 ноября, после очередного «переворота», он был избран председателем Краевой рады. Драматическое противостояние красных и белых, борьба за власть привели к окончательному поражению казачества в целом. А. Шустов описывает эти события так: «Звезда "черноморцев" на некоторое время закатилась, Кубань перестала мыслить себя в отрыве от России. За это президиум Рады получил от самостийников ("черноморцев") презрительную кличку — "президиум генерала Покровского". И все же,

---

[44] Очерк Е.Ю. Скобцовой «В поисках синтеза» (1929).

несмотря на разгром Рады, Деникину так и не удалось заставить кубанцев ополчиться против большевиков. В декабре 1919 г. была восстановлена Законодательная рада, сменившая "ноябрьский президиум". Вместо Скобцова председателем был избран "самостийник" И.П. Тимошенко. Процесс разложения области и кубанских войск усилился. Кубанцы массами дезертировали из Кавказской армии добровольцев. В спешном порядке, под нажимом главнокомандующего была сформирована новая Кубанская армия, мобилизация в которую, особенно в канун весны, шла очень туго. Эту армию возглавил генерал А.Г. Шкуро.

В январе 1920 года в Зимнем театре Екатеринодара состоялось заседание Рады, настроенной враждебно к добровольцам, терпящим поражение от Красной Армии. На это заседание были приглашены представители Дона и Терека. Из трех казачьих войск был образован Верховный Казачий Круг, который собрался в начале января 1920 года 29 января на Круге выступил Деникин. Теперь, в резко изменившихся условиях, он был вынужден изменить тактику: не просто предлагал казакам не рвать связи с добровольцами, но и выдвинул новые лозунги: об Учредительном собрании, о передаче земли тем, кто ее обрабатывает. Но было уже поздно — в недрах Круга нарастали примирительные отношения к большевикам. Казаки понимали, что какая бы власть ни победила, Кубань — это их родина, уходить им некуда, да, пожалуй, и незачем. В феврале уже многие станицы встречали большевиков чуть ли не с хлебом-солью, поскольку считали, что "большевики теперь уже совсем не те, что были. Они оставят нам казачий уклад и не тронут нашего добра". Как писал позже Деникин, на Екатеринодарском Круге "после горячего спора из предложенной формулы присяги было вовсе изъято упоминание о России. Распятую Россию любить не стоит". Это тоже был "федерализм", но уже не "черноморский", а "казачий". Кубанское правительство начало активные переговоры с буржуазной Грузией и петлюровской Украиной.

Большевики наступали с севера. Весной 1920 года перед Радой остро встал вопрос: уходить ли из Екатеринодара или

начать переговоры с большевиками о перемирии. После долгих прений проголосовали за уход. 16 марта под гром красноармейских пушек Круг принял резолюцию, которая включала и такие пункты: считать соглашение с Деникиным несостоявшимся; изъять войска Дона, Кубани и Терека из подчинения Деникина; немедленно приступить к организации союзной власти "на принципах парламентаризма и широкого народоправства". Собственно говоря, на этом Круг и прекратил свое существование, а кубанская фракция Круга вошла в состав распылившейся Краевой Рады, последнее заседание которой состоялось также 16 марта»[45].

11 марта (27 февраля) 1920 года у Скобцовых родился сын, названный в честь деда по матери Юрием[46]. Даниил Ермолаевич понимал, что нужно как можно скорее вывезти семью из сжимающегося кольца. Начались смута и грабежи. В последнем обозе Кубанской рады он успевает отправить из города жену с новорожденным сыном, Гаяной и своей тещей. 17 марта 1920 года Екатеринодар был взят Красной Армией.

«Покинув пределы Кубанской области, деятели Рады и Правительства перестали быть "властью", они оказались лишь бесправной группой лиц. Всю власть по закону военного времени взяло командование во главе с атаманом Н.А. Букретовым. Армия отходила на юг. Эвакуироваться из Новороссийска в Крым к П.Н. Врангелю кубанцы не хотели, они не собирались далеко отрываться от родных хуторов. С боями (с севера наседали красноармейцы, а в горах активно действовали "зеленые" партизаны) пробивались казаки по побережью в Грузию. Но Грузия не соглашалась пропустить их на свою территорию. Исключение было сделано лишь для кубанского атамана, членов Круга, Рады и Правительства, которые вошли в Грузию в середине апреля.

В Анапе и соседней с ней станице Гастогаевской власть в начале марта оказалась в руках "зеленых". Неожиданно

---

[45] *Шустов А.Н.* «Даниил Ермолаевич Скобцов: путь от Кубани до Парижа».

[46] Дата и место рождения Юрия до сих пор установлены не окончательно.

анапское направление в штабе Деникина приобрело важное стратегическое значение: отступающие от Екатеринодара белые войска решено было направить со ст. Тоннельной в Тамань для переправы их в Керчь»[47].

Но уже 24 марта 1920 года 15-я стрелковая дивизия, входившая в красную Первую конную армию, заняла Анапу, установив в городе советскую власть. Обходными дорогами, с остановками в пути Елизавета Юрьевна с новорожденным малышом, дочерью и Софьей Борисовной добралась до Новороссийска.

Об «исходе» или, вернее, трагическом «беге» она пишет: «Люди уже начали брать с боя пароходы. Вся масса народа, связанная с Добровольческой армией, была прижата теперь к узкой полоске земли и с тоской смотрела на глубокую Новороссийскую бухту. Качались у пристани корабли. По ночам английские прожекторы вспахивали белой полосой прибрежные горы. Итальянские пароходы ломились от пассажиров: везде, — на палубе вповалку, в трюме, где раньше люди никогда не находили себе места, — везде сидели, лежали, притыкались к канатам и к каким-то ящикам люди. Все покидали Россию. Все спасались от гибели. И никто не знал: надолго ли это; что ждет их на далеких чужих берегах»[48].

«Вечная память» и «Со святыми упокой» — шептали губы русских людей, отплывающих на этих кораблях, покидающих навсегда отчизну.

Не знала она, какая судьба ждет их впереди. Со своим мужем она воссоединилась в Константинополе, в самом конце 1920 года, куда он добрался в составе комиссии по охране казачьих знамен и реликвий. В январе 1921 года в Константинополе был организован Объединенный совет казаков Дона, Кубани и Терека, в который вошел и Д.Е. Скобцов как представитель кубанского казачества.

Остановка в Константинополе была недолгой, потом остров Лемнос, на котором сосредоточилась врангелевская

---

[47] *Шустов А.Н.* «Даниил Ермолаевич Скобцов: путь от Кубани до Парижа».

[48] *Скобцова Е. (Юрий Данилов).* Равнина русская: хроника наших дней. 1-е изд. Современные записки, 1924.

армия и остатки казаков. В результате эвакуации более 130 тысяч человек — военных и гражданских — на 126 кораблях покинули берега Крыма, многие тогда не понимали, что прощались с родиной навсегда. В числе вынужденных беженцев были 50 тысяч казаков, часть из которых была вывезена в Грецию, на остров Лемнос, и в район Чаталджи, в 50 км к западу от Константинополя (Донской и Кубанский казачьи корпуса). Большинство из них составляли строевые чины Русской армии.

Острова, на которых расположилась Белая армия, были пустынны и практически лишены растительности. Зимой здесь царил холод и бушевали бури, а летом стояла изнурительная жара. Жизнь в лагерях на Лемносе была тяжелейшей, на грани выживания. Жить приходилось в палатках, которых не хватало, ввиду чего в каждой жило по 14 человек. Вокруг палаток казаки вырыли небольшие ровики для стока воды, выходившие в крупные каналы, протянувшиеся паутиной через весь лагерь. Однако из-за ливневых дождей зимой многие палатки промокали. Спать приходилось на сырой земле или тонкой подстилке из травы.

В начале 1922 года семья Скобцовых, вместе с 11 тысячами казаков перебазировалась в Югославию (в то время — Королевство Сербия, Хорватия и Словения). На этот поистине грандиозный переезд бывший российский посол в США Б.А. Бахметев перевел 400 тысяч долларов, предназначенных для устройства казачьей армии. В город Сремски Карловцы переехал и сам генерал Врангель со своим штабом. Казаки трудились в Югославии на разных работах, а 1-я кавалерийская дивизия (более 3300 человек) была принята на службу в составе корпуса пограничной стражи королевства.

Покидая родину, Елизавета Юрьевна оставляла позади себя первую половину своей жизни. Это было прощанием с любовью земной, народной, с идеалами, с политической борьбой и... могилами предков и близких. В пути ее настигло сообщение, что от тифа 21 апреля скончался штабс-капитан георгиевский кавалер Дмитрий Пиленко, воевавший в составе 3-й батареи Дроздовцев. Его похоронили в Севастополе, о чем Е.Ю. и С.Б. узнали гораздо позже.

В августе 1921 года умер Александр Блок. В последние свои месяцы он уже ясно осознавал, что ошибся, что его иллюзии и активная работа с Советами обернулись для него личностной трагедией. Великий поэт перестал писать! За несколько месяцев до смерти он, как будто предчувствуя свой конец, выступил в феврале 1921 года с речью «О назначении поэта». Вечер в Доме литераторов был посвящен 84-й годовщине смерти А.С. Пушкина. Слова Блока, завершающие статью, прямо говорят о миссии поэта и о его убийцах: «Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха. Покой и воля. Они необходимы поэту для освобождения гармонии. Но покой и волю тоже отнимают. Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю, не свободу либеральничать, а творческую волю, тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл. Любезные чиновники, которые мешали поэту испытывать гармонией сердца, навсегда сохранили за собой кличку черни. Однако испытание сердец поэзией Пушкина во всем ее объеме уже произведено без них... Пускай же остерегутся от худшей клички те чиновники, которые собираются направить поэзию по каким-то собственным руслам, посягая на ее тайную свободу и препятствуя ей выполнять ее таинственное назначение. Мы умираем, а искусство остается...»[49]

[49] *Блок А.А.* О назначении поэта. Речь, произнесенная в Доме литераторов на торжественном собрании, в 84-ю годовщину смерти А.С. Пушкина. «Пушкинская речь» была написана Блоком в феврале 1921 г. и произнесена 11 февраля 1921 г. на торжественном собрании в Доме литераторов в Петрограде.

ГЛАВА 8

С ЛЮБОВЬЮ, ВЕРОЙ И НАДЕЖДОЙ... К НОВОЙ ЖИЗНИ

Сербия, Париж, рождение дочери, «Клим Семенович Барынькин», «Равнина русская», смерть Насти, «Жатва Духа», поездки по Франции, помощь обездоленным...

За этот день, за каждый день отвечу, —
За каждую негаданную встречу, —
За мысль и необдуманную речь,
За то, что душу засоряю пылью
И что никак я не расправлю крылья,
Не выпрямлю усталых этих плеч.

У нас нет точных данных о, возможно, кратковременном пребывании Скобцовых в Грузии. Вероятнее всего, это был некий транзит. До недавнего времени их путь рисовался так: «От восточного берега Черного моря на Юг, в Грузию; затем на запад в Константинополь; затем в Белград»[1].

Путь был долгий, Елизавета Юрьевна, чтобы прокормить семью, выполняла самые разные работы: заказы по шитью, вязанию и изготовлению кукол. От большого переутомления она окончательно испортила себе зрение и уже практически никогда не могла обходиться без очков. Перед тем как покинуть родину, на вопрос эмиграционной анкеты «Знание ремесла, дающего возможность получить заработок» она пишет — *рисование*.

В Сербии им со временем были выданы нансеновские паспорта[2], и Скобцовы поселились в городе Сремские Карловцы

---

1 *Прот. Сергий Гаккель*. Мать Мария. YMCA-Press, P.,1980.

2 Нансеновский паспорт — международный документ, который удостоверял личность держателя и впервые начал выдаваться Лигой

на Дунае неподалеку от Белграда. 22 декабря 1922 года их семья увеличилась еще на одного человека — у Елизаветы Юрьевны родилась дочь Настенька.

Никакими средствами семья не обладала, кое-что из ценных предметов и семейных драгоценностей удалось захватить в последний момент, но все это было довольно быстро продано и обменено на еду. Начиная с 1920 года Сербское королевство стало страной-убежищем для русских. В результате революции и Гражданской войны большая часть населения гигантской многонациональной Российской империи эмигрировала в Белград, Берлин, Париж, Прагу, Лондон, на Дальний Восток, в Аргентину, Америку, Австралию... До сих пор нет точных цифр результата этого исхода. Может, потому, что многие умерли по пути, так и не добравшись до нового места?

По некоторым данным, к 1920 году в православной Сербии проживало около 31 000 эмигрантов, а в конце 1921 г. — 42 500 беженцев из России. Эмигрант, независимо от национальной принадлежности, действует более-менее одинаково; его поведение прежде всего определяется незнанием местного языка, обычаев, отсутствием документов и работы. Тем русским, кто имел востребованные специальности, удалось «вжиться» в страну; они нашли работу, адаптировались и счастливо прожили вплоть до 1939 года. Потом началась Вторая мировая война, это была уже следующая страница истории русских в Сербии, которая не закончилась и после 1945 года. Гражданские войны в Югославии, начавшиеся в 1990 году, нарушили единство страны, что привело к трагическим результатам. Но несмотря на эту череду несчастий, выпавших на долю Сербии, вплоть до наших дней русская диаспора в этой стране хранит православную веру, традиции отцов и любовь к России.

Несколько лет странствий между Константинополем и Белградом остаются для исследователей жизни Е.Ю. лакуной. Можно допустить, что трое детей, бабушка Софья

Наций беженцам без гражданства. Этот документ был разработан в 1922 г. верховным комиссаром Лиги наций по делам беженцев норвежцем Фритьофом Нансеном.

Борисовна, муж и полная нищета — никак не способствовали творческому состоянию Елизаветы Юрьевны. Можно допустить, что и политическая активность сошла на нет: слишком отрезвляющим был исход! Ее окружала смерть, позади лежала разоренная страна, впереди неизвестность, страдания вытеснили народнический гуманизм эсерства, который зиждился на детском христианском равенстве, и истинное христианство заняло место отвлеченных понятий «равенства и справедливости».

Еще раз Елизавете Юрьевне пришлось быть невольным свидетелем исторического церковного события. Первый раз — избрание патриарха Тихона в Москве, а теперь, в сентябре 1922 года, в Сремских Карловцах был образован Архиерейский синод Русской Православной Церкви за границей. В состав РПЦЗ вошли тогда не только епископы-эмигранты, но и те части Российской Церкви, которые оказались вне пределов бывшей Российской империи: многочисленные приходы в Западной Европе, епархия в Америке, две епархии на Дальнем Востоке. Об этом церковном расколе достаточно много написано, но в случае Елизаветы Юрьевны (и ее будущего монашеского пострига) церковное размежевание трех ветвей единой Русской Церкви сыграет особую роль в ее церковной судьбе. Более того, этот раскол догонит ее и после смерти, определит юрисдикцию, совершившую канонизацию матери Марии (Скобцовой). Она станет святой не РПЦЗ и не РПЦ, а Архиепископии русских православных церквей Константинопольского патриархата (в Париже).

Карловацкий собор был своего рода церковной контрреволюцией иерархов, которые в условиях эмиграции решили противостоять безбожному режиму Советов и его гонениям на Церковь. Патриарх Тихон официально поблагодарил сербского патриарха Димитрия за то, что он предоставил убежище русским архиереям, но при этом отрицательно отнесся к новому церковному образованию. Практически 13 сентября 1922 года произошел полный разрыв со Вселенским патриархом, в результате чего митрополит Евлогий уклонился от исполнения указа патриарха Тихона от 5 мая 1922 года (№ 349), что впоследствии послужило ему обосно-

ванием его притязаний на особые полномочия в церковной эмиграции и его позднейших пререканий с Архиерейским синодом РПЦЗ во главе с митр. Антонием (Храповицким).

Собственная интерпретация митр. Евлогия последствий указа сводилась к следующему: «Патриарх Тихон <..> решительно осудил политические притязания Карловацкого Собора, угрожал церковным судом его деятелям, а полноту церковной власти за рубежом вручил мне (Евлогию), назначив меня временно Управляющим православными приходами в Западной Европе, с предписанием немедленно распустить Высшее Церковное управление в Карловцах и выработать новый проект управления церквами»[3]. Фактически митрополит Евлогий уклонился от восприятия порученной ему патриархом власти, а переехав в Париж, куда перевел свое управление, стал действовать самостоятельно. С января 1923 года он обосновался в Париже, где храм Св. Александра Невского стал его кафедральным собором.

Вехи будущей судьбы м. Марии определились не только этим расколом, но и еще двумя событиями. Первое: в сентябре 1922 года приказом Ленина из страны была выслана на «философском пароходе» большая группа интеллектуальной элиты России. Ленин боролся с инакомыслием не только расстрелами, террором и подкупом, но и методом разделения и обескровливания нации через высылку за границу.

Пассажирами первого парохода, «Обербургомистр Хакен», отплывшего из Петрограда, были философы Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин, С.Е. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев и многие другие деятели культуры. 30 сентября пароход прибыл в Штеттин. На борту находилось около 30 человек из Москвы и Казани. 16 ноября отплыл второй пароход «Пруссия», на нем в изгнание была отправлена группа во главе с Н.О. Лосским, Л.П. Карсавиным и И.И. Лапшиным. Знаменитая фраза эмигрантки-литератора Нины Берберовой «Мы не в изгнании — мы в послании» на долгие десятилетия стала неким символом предназначения, миссии на чужбине для отверженной Советами русской элиты. Многие

---

[3] *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. Париж, 1947. (Российское издание: М., 1994).

из этих великолепных «отщепенцев» составляют теперь золотой фонд мировой культуры, а тогда некоторым из них казалось, что большевизм продержится недолго, «пересидка» на чемоданах, временные трудности — некое недоразумение. Но месяцы вырастали в годы, рождались дети, внуки, СССР укреплялся, и становилось очевидным, что чемоданы пора распаковывать и обосновываться на постоянном месте жительства на Западе.

Как знать, может, так же сложилась бы судьба Александра Блока, не умри он в 1921 году. Прошло всего несколько месяцев после кончины великого поэта, как А.В. Луначарский 9 марта 1921 года написал Н.П. Горбунову[4]: «Поэт Александр Блок после революции присоединился к левым эсерам. Был арестован во время разгрома левых эсеров после известного восстания в Москве. Очень скоро примирился с судьбой своих недавних друзей; сейчас директор большого Драматического театра, организованного М.Ф. Андреевой под знаком советским, для культивирования героического театра. С тех пор написал несколько вещей, из них блестящую поэму "12", где изображена революция в весьма мрачных и сентиментальных чертах. Написал, кроме того, книгу о Каталине. Вообще, во всем, что пишет, — есть своеобразный подход к революции: как-то смесь симпатии и ужаса типичнейшего интеллигента. Гораздо более талантлив, чем умен».

* * *

В судьбе эмигранта многое зависит от везения. Так и в жизни Е.Ю. произошло второе событие, которое сыграло решающую роль в определении ее судьбы: в 1922 году была заложена основа Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. Семья Скобцовых, перебравшись в январе 1924 года в Париж, проведет в этом городе вторую половину своей жизни, а перед Елизаветой Юрьевной откроются новые горизонты.

По инициативе А. Никитина и Л. Липеровского удалось устроить совещание с крупнейшим деятелем протестантизма

---

[4] Горбунов Николай Петрович (1892–1938) — секретарь Совнаркома РСФСР и личный секретарь Ленина.

и руководителем Всемирной ассоциации христианских студентов Джоном Моттом. В совещании принимали участие русские религиозные деятели, уже прибывшие в Париж после высылки — Карташев и Зеньковский. Вопрос был поставлен о создании высшей церковной школы для русской эмиграции. После совещания Мотт выделил на Богословский институт в Париже 8000 американских долларов. 18 июля 1924 года митрополит Евлогий приобрел владение немецкого протестантского пастора rue de Crimée, 93, с тем чтобы создать там русский приход и богословскую академию. Тогда это было довольно заброшенное место, общими усилиями оно было обустроено. Занятия начались уже в следующем году, тотчас после Пасхи, 30 апреля 1925 года. Этот день принято считать датой начала работы Богословского института. Именно здесь, на окраине Парижа, в очень бедном квартале, где в те времена жило исключительно маргинальное население столицы, продолжилась традиция русской богословской мысли XX века. Гораздо позже это явление получит название Парижской школы богословия. Здесь будут читать лекции и защищать диссертации самые известные люди в истории русской теологии.

Многие из прежних знакомых, обосновавшихся во Франции, зовут семью Скобцовых в Париж, обещают помочь с устройством и работой. Жить без близких по духу людей было трудно, хотелось живого плодотворного общения. Елизавета Юрьевна вопреки всему продолжала писать стихи и хроникальные воспоминания о пережитом за последние годы. Истосковавшись за годы странствий по друзьям, в Париже она наконец встретилась со своими единомышленниками.

Читатель, особенно воцерковленный, невольно задается вопросом: как Елизавета Пиленко, став на путь политический, эсеровский, долгое время пребывая в богеме, вдруг все отринет и устремится в храм?! Ответ на этот вопрос может быть только один — пути Господни неисповедимы! Только Он выбирает, берет за руку и ведет за Собой. Вся дальнейшая дорога Елизаветы Юрьевны, ее путь к монашеству — был тем, о чем она сама скажет: «Это называется “посетил Господь”».

Личность Елизаветы Юрьевны настолько связана с эпохой, в которой она воспитывалась и росла, что нельзя о ней сказать, что она «человек на все времена», которому и теперь можно подражать во всем. Мы можем только восхищаться ее силой духа, смелостью и даже безрассудностью, с которой она кидалась навстречу неизвестности ради нахождения истинного решения. Ее внутренний огонь опалял окружающих, а многие говорили, что когда она входила в комнату, то будто заполняла собой все пространство. Так и в деле помощи ближнему, в милосердии, в будущем строительстве домов для бедных и больных, открытии храмов — сила ее и вера в то, что она сумеет довести начатое до конца, заражала ее помощников. Она все делала своими руками для своих приютов — и полы мыла, и стены возводила, и храмы расписывала, и пищу готовила... Судьба матери Марии во многом сходна с судьбой России XX века. Революция расколола страну и выбросила лучших ее сынов и дочерей. Мать Мария в этой безнадежности душ и отчаянии сердец нашла силы спасать людей и словом и делом.

Не будем забывать, что, попав в Париж, она могла прибиться к тем же эсерам, пойти по пути светскому, войти в политические кружки или ассоциации, которыми изобиловала эмиграция, пытавшаяся почти зеркально отражать Россию: были совсем простые и малообразованные люди, была аристократия, были интеллектуалы, писатели, художники, артисты, духовенство, были меньшевики, эсеры и монархисты. Но все эти слои в своей массе находились в бедственном материальном положении. Люди бежали от пули, от большевистских расстрелов, пересекали границы (Сербия, Турция, Чехия, Германия, Франция...). Если и удавалось что-либо сохранить из сбережений и ценных вещей — все по дороге тратилось и продавалось. Редко кто из прибывающих на Запад мог заработать на жизнь своей настоящей специальностью, если таковая была. Большинство из тех, кто знал иностранные языки (а в среде интеллигенции и аристократии их было большинство), устраивались или гувернерами в богатые дома, или манекенщицами в дома мод, снимались в кино, мужчины шли во французскую армию (в Иностранный легион), поступали

в Сорбонну получали французские дипломы. «Приток эмигрантов еще продолжался вплоть до 1928–1929 гг. Потом если кому-нибудь и удавалось уехать из СССР, то чрезвычайно редко и трудно: понемногу выросла “стена из чертополоха” (Краснов), и какое бы то ни было общение с Россией на долгие годы совсем прекратилось. Вот эта полная оторванность от страны, от того, что там делается, стала с годами одной из основных черт жизни и психологии первой волны людей, вынужденных стать эмигрантами. Да и главная задача была у всех — выжить, хоть как-то расселиться, зарабатывать и, наконец, узаконить свое существование. Можно сказать, что к 1930 г. этот процесс завершился, — кто сел за руль, так уж и остался за ним; дамы, ставшие манекенщицами или продавщицами в знаменитых домах парижского “couture”, тоже надолго там застряли. Еще более оторванными от России оказались те, кто попал в Балканские страны; правда, там к ним относились с благожелательной симпатией, и социальное положение там было иным, так что следы русских рук надолго остались и в Югославии, и в Болгарии, и даже, пожалуй, в Чехии»[5].

Эмигрантская действительность расставила свои акценты и у Скобцовых: о том, чтобы прокормиться рисованием, не могло быть и речи. При большой семье с тремя детьми Елизавета Юрьевна бралась за любую работу. Она стала заниматься росписью тканей в технике пошуар, этим было охвачено в то время много русских дам, которые, как и Е. Ю., пребывали в большой нужде; так что и здесь ее подстерегала конкуренция. Появилась возможность получать заказы по вышивке и разнообразному рукоделию, оплата за этот тонкий и изнурительный труд была мизерной. У Даниила Ермолаевича была «специальность» политического лидера казачества — профессией это назвать трудно, но тем не менее

[5] Н.А. Кривошеина, воспоминания «Четыре трети нашей жизни». Книга издана дважды в серии А.И. Солженицына «Наше недавнее», YMCA-Пресс, Париж —1984 г., в России —«Русский путь», М., 1999 г., по-французски^ Nina Krivocheine. «Les Quatre Tiers d’Une Vie». 1987. Ed. «Albin Michel». Книга легла в основу сценария фильма «Восток–Запад», режиссер Режи Варнье (1999, Россия-Франция). Одного из главных героев играет Сергей Бодров (мл.).

он активно включился в общественную деятельность в среде казаков-эмигрантов Парижа. А для того чтобы прокормить семью, он сдал экзамены и получил разрешение на работу шофером. Кроме того, еще в Сербии он начал писать воспоминания о революции и Гражданской войне на Кубани, о трагедии Краевой рады, участником которой ему довелось быть: «Его очерк увидел свет в 1926 г. в "Голосе минувшего на чужой стороне", а позже вышла отдельная книжка, представляющая и сегодня исторический интерес. В последующие годы Д.Е. Скобцов опубликовал еще несколько статей и даже роман под фамилией Скобцов-Кондратьев»[6].

В 1925 году Николай Бердяев возглавил в парижском Свято-Сергиевском Богословском институте кафедру догматического богословия. Его выступления привлекали слушателей и вызывали огромный интерес, часто возникали споры, обсуждения. Елизавета Юрьевна была знакома с Н. Бердяевым еще по Петербургу и как только узнала, что он читает лекции, сразу записалась вольнослушательницей Богословского института. В том же 1925 году состоялось освящение храма Сергиевского подворья. Атмосфера Богословского института, в которую она окунулась, совершенно ее преобразила, на мучившие ее вопросы стали находиться ответы. Душа постепенно оттаивала, свои первые благодарственные молитвы на чужбине она возносила Богу на службах в Свято-Сергиевском храме; будто новую жизнь она начала, сблизившись с чутким наставником и ставшим ее духовником о. Сергием Булгаковым. Она высоко ценила Булгакова-богослова, но сейчас она еще больше оценила Булгакова-священника. В те годы статьи и философские размышления, написанные Е.Ю., были пронизаны идеями отца Сергия. Он остался на всю жизнь ее наставником. «Отец Сергий — мой духовный отец, я ему всем обязана. Через сто лет его будут почитать как отца Церкви», — говорит она К. Мочульскому.

В Париже началась вторая духовная жизнь Е.Ю., первая служила для нее фундаментом и богатым, неисчерпаемым источником. В «плавильной печи» открывающихся горизонтов сжигались страницы прошлого, но не так, чтобы все забыть,

---

[6] См. в разделе «Из архивов».

а наоборот — так, чтобы придать пережитому огласку и бесстрашно отдать себя на суд читателя.

Изгнанническая Россия издавала немало газет и толстых журналов. Наиболее укоренившимися, ставшими впоследствии знаменитыми, превратившимися в хранилище интеллектуальных памятников эмиграции были «Современные записки», «Путь», «Дни», «Сатирикон», «Возрождение», «Новый журнал», «Иллюстрированная Россия». Страницы этих журналов превращались в летопись русской культуры, авторы самых разных политических взглядов и направлений свободно высказывались на страницах новой периодики. В ноябре 1920 года в Париже вышел первый номер толстого журнала «Современные записки», которому было суждено стать самым значительным литературным изданием первой волны русской эмиграции. Основанный при деятельном участии А.Ф. Керенского журналистами и публицистами эсеровских взглядов, он должен был способствовать уяснению причин «катастрофы и крушения русской демократии». Но при этом создатели не собирались ограничиваться политическими дискуссиями. Сохраняя в имени своего детища память о двух крупнейших русских журналах XIX века (идея принадлежала историку Тихону Полнеру) — о «Современнике» и «Отечественных записках», — они стремились наследовать не только их импульс, но и литературные и художественные традиции. Известность, если не сказать — славу принес «Современным запискам» литературный раздел. Здесь печатались философы Н.А. Бердяев, о. Сергий Булгаков, Б.П. Вышеславцев, Ф.А. Степун... Постоянными авторами были Лев Шестов, историк и культуролог Г.П. Федотов, живший в Софии литературовед П.М. Бицилли, Д. Мережковский, З. Гиппиус, М. Алданов. Основное внимание редакции уделялось прозе (история, богословие и проч.), меньше — поэзии, о чем неоднократно писала Марина Цветаева. Но будем справедливы к «Запискам», за время существования журнала вплоть до 1940 года в нем широко печаталась поэзия К.Д. Бальмонта, В.И. Иванова, В.Ф. Ходасевича, Г.В. Адамовича, Г.В. Иванова, Б.Ю. Поплавского.

Исход русской пишущей элиты вызвал необходимость в основании серьезного издательства. В 1921 году в Праге

было заложено знаменитое издательство русской книги «ИМКА–Пресс» («YMCA-Press»), позже оно перекочевало в Берлин, а с 1925 года нашло свой постоянный адрес в Париже. Среди его авторов — И. Бунин, И. Шмелев, Н. Бердяев, М. Цветаева, О. Мандельштам, а также многочисленные религиозные философы и богословы. Именно здесь впервые вышли произведения А. Солженицына и многих других запрещенных в СССР авторов. На протяжении всего советского периода это издательство и его руководители были неутомимыми энтузиастами и продолжателями лучших традиций книгоиздания русской литературы.

В 1924 г. в «Современных записках» выходит повесть Елизаветы Юрьевны «Равнина русская — хроника наших дней».

Это произведение-исповедь, где каждый персонаж выписан Е.Ю. со знанием истории и психологических подробностей участников драматических лет русской истории. Через судьбу главной героини Кати Темносердовой и ее братьев рассказана хроника событий (с конца 1916 до конца 1920 года), происходивших в Петербурге и в далеком южном городке (в котором легко угадывается Анапа). Действие разворачивается в Москве и на фронтах Гражданской войны. Безжалостный суд над своим прошлым не смущает Е.Ю., она повествует об эсеровской идеологии, зачастую опиравшейся на террор («террор — только подвиг, всячески оправданный, всячески неизбежный, а террорист — никак, ни одной частью своей души не убийца, а только герой и жертва»). Финал произведения — неожиданный. Можно подумать, что сама Е.Ю. не смирилась с отрывом от родины и хотела бы поступить так, как героиня, оставшаяся в Советской России: после крушения всех надежд на победу эсеровских идей она принимает приглашение подруги — становится богомолкой и уходит странствовать по деревням. (Именно об этом в лагере Равенсбрюк будет мечтать сама м. Мария!) Ностальгия по оставленной родине звучит в конце повести почти в каждом слове: «В сердце каждом — ты. В каждой капле крови — ты. Отрава наша. Тоска наша. Любовь наша <...> В полях бескрайних была Катя частью России, плотью от плоти матери

своей; и хотелось ей больше и больше растаять, рассыпаться пылью, чтобы с матерью соединиться до конца, чтобы ее голосом безумным тревожить людей по деревням...»[7]

В 1925 году в журнале «Воля России» (Прага) Елизавета Юрьевна опубликовала еще одну повесть, «Клим Семенович Барынькин». Неудивительно, что на этот текст не было никакой реакции в эмигрантской среде, видимо, слишком рядом, практически за дверью, стояли пережитые ужасы Гражданской войны. Время шло, об этой повести забыли в эмиграции, о ней ничего не знали в СССР, и только в начале XXI века в России она прозвучала громко и значительно.

Написан этот текст как страстная исповедь человека, находящегося то ли в пустыне, то ли на краю бездны. Авторские монологи и мысли героев голосом Е.Ю. рассказывают о том как бы страшном сне, мороке, в котором пребывали все те (и, конечно, сам автор!), кто пережил революции и Гражданскую войну. Люди эти не знали, куда шли, они были похожи на окаменевших сердцем слепцов, все рушащих на своем пути. Действие повести охватывает период с начала 1900-х годов до конца Гражданской войны. Так же как и в «Равнине русской», события происходят то на юге (в кубанской станице), то в Петербурге. Главные герои — ровесники автора; по характеру — это надломленные личности, ищущие смысл жизни в круговерти личных проблем и мелких переживаний. Жутким исключением является Клим Барынькин — тип «нового человека»! Личность неврастеническая, аполитичная, примитивная, страшная в своем язычестве. Революционной волной Клим был выдвинут на должность командира. Однако, хотя он и объявил (!) себя большевиком, идеология его далеко не рабоче-крестьянская (он — сын мясника). Многие поступки Клима — бездумно-жестоки, порожденные его необузданным характером, они на грани безумия: «впервые на этом его пути кровь появилась, а появившись, все дальнейшее определила». Он сам хвалится, что живет «по-звериному»: грабит, насилует, убивает. «Да и никто в отдельности из толпы себя убийцей не чувствовал. Но, несмотря на это, всем стало ясно, что убивать легко, не только когда пули летят

[7] «Равнина русская».

в невидимого врага или когда в пылу атаки не помнишь себя, но и тут, среди своих русских, когда вот был только что поручик, среди них, — потом все сгрудилось, охнуло, тяжело задышали солдаты, — и нет поручика, — только куски растерзанного мяса, — на одном куске погон болтается... Пьяная кровью была толпа, сумасшедшая».

Этот звериный характер есть прообраз палачей красного террора, ваятелей новой жизни и «нового человека». «Зверь-то сквозь все ваши поры пророс. Пожалуй, уж больше вам с ним не совладать... и думаю, что вам самому страшнее должно быть, чем мне», — говорит ему Ольга. Нет для Клима ни авторитетов, ни героев, а есть только анархия и кровь: «...веселым голосом он начал ей рассказывать, как он после победы здесь первым человеком в красной армии будет, как начнут его Ленин с Троцким бояться и не будут знать, куда его силу от себя отвратить... и посмотрим еще, кто кого одолеет, — он ли, — герой всенародный, или комиссары московские. Да, впрочем, тут-то и смотреть нечего, — с ним будет сила и слава». Нелепая смерть Клима от случайного выстрела — конец скорее счастливый для такого недочеловека, ведь большинство из них, погибали в подвалах ЧК от рук единомышленников.

Героиня повести Ольга Малахова во многом похожа на саму Елизавету Юрьевну. Всей душой она стремится понять и распознать в Климе человека и полагает, что через предельную самоотдачу, самоотречение можно из зверя сделать человека, что в душе самого последнего убийцы мерцает светлячок надежды на спасение: «Сама-то она сильная, что ли? Да, сильная, потому что всю себя отдавать умеет. Не силою сильная, а напряжением своим, которое все ее существо воедино объединяет. И в любви своей была она сильной». Ольга гибнет вслед за ним, но на «взлете» внезапного просветления Клима его отец говорит ей: «Климу конец скорый, — это я вижу, — догорает его свеча... Ну, если чудо какое, может, и спасен будет. Только думаю, что и вы с ним сгорите в одночасье. А затем, — воля ваша... Ведь и вам, вижу, только и радости, что гореть».

Центральный образ повести — это образ безбожника, основная тема — поиск символического «нового человека», романтической мечты большевиков в кожаных тужурках

и запыленных шлемах, интеллигентов и авангардистов XX века, которым так хотелось все разрушить во имя построения светлого коммунистического будущего «с человеческим лицом». В действительности «новый человек» отразился как в кривом зеркале страшным Климом и потерянной душой таких, как Ольга.

Один из героев повести говорит: «Главная ошибка, что дали людям озвереть. Теперь от этого звериного начала надо каждого русского, как опасного больного, лечить. Поэтому законы должны быть мудрыми и мягкими, сочетанием разумной свободы с принудительной властью диктаторской. Когда народ поймет, что законы мудры, — преступников карают, заблудшихся милуют, а невинным гражданам обеспечивают мирную жизнь, — тогда большевики сами собой исчезнут, потому что никто за ними не пойдет».

О каком чуде говорит отец Клима и на какое самоотречение идет Ольга? Ответ кроется не в поиске нового человека-разрушителя, а в обретении действительно нового человека, о котором говорит в своих посланиях ефесянам апостол Павел. Только так можно из слепца стать зрячим, только так, добродетелью христианина, можно явить кротость и милость к падшим. Именно поэтому христианину необходима добродетель долготерпения, а также снисхождения к немощам, слабостям и недостаткам братьев во Христе. Это снисхождение должно быть не горделивым или превозносящимся, не укорительным или обидным, а ласковым, тихим, деликатным и любящим: «Небывалое совершалось в Олиной душе. Будто горячей волной затопилась ее душа. Налилась любовью напряженной ко всему живому, испоганенному, гибнущему. К Климу этому дикому, к себе, — такой беспомощной, — ко всем людям, страждущим по просторам русской земли».

Апостол Павел учит, что христиане не могут сразу иметь в себе совершенство и высшую очищающую любовь. Вот почему он говорит о любви, доступной тем, кто еще находится в борении со страстями и демонами, — о любви деятельной, снисходительной, покрывающей и терпящей немощи ближнего. Ольга Малахова интуитивная христианка, не знающая о себе ничего, она деистка, не понимающая Бога,

она порождение земли русской, потерявшей опору, а ее добродетели не могут справиться с обольщенным демонами язычником.

Истина показала нам во Христе *нового человека*, такого, каким каждого из нас хочет видеть Бог. Но демоны и наше падшее естество продолжают свои попытки обольщать нас земными благами. Что же нам делать, чтобы не поддаваться этим соблазнам? На это апостол Павел говорит: нам должно «обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины» (Еф. 4:23–24).

В повести много вкраплений из личной жизни автора; на многие события Ольга смотрит глазами своей создательницы. В отличие от «Равнины русской» в этой повести практически нет обобщений; финал ее трагичен — все главные герои погибают. Но каждый персонаж выписан с любовью и жалостью. «И даже не любовь это была, а острое чувство, что все это живет, живет по-настоящему, чувствует все, — как кожу ветер обдул, как Климова шашка на плечо опустилась, как закат холодом своим напугал, как тоска охватила. Все живое, и она, Оля, тоже живая, и ей, как и всему, больно. И нет разницы между нею живой и другими живыми, — и все неотделимо».

И «Равнина русская», и «Клим Семенович Барынькин», несмотря на неодинаковость сюжетов, во многом дополняют друг друга; их герои совершают подлинное хождение по мукам, подсознательный поиск искупляющей любви.

Свои повести Е.Ю. Скобцова опубликовала под псевдонимом «Ю. Данилов». Советская цензура внимательно следила за всеми эмигрантскими публикациями, эти тексты были тоже прочитаны и взяты на заметку. До широкого читателя они, конечно, не дошли, но в обозрении эмигрантской литературы один из идеологических критиков (под вымышленным именем) отметил талант молодого «писателя» (начавшего, как он считал, писать только в эмиграции — имя-то для него новое!), но при этом обозвал его (ее) «официальным плакальщиком о растерзанной России».

Уже неоднократно отмечалось, что эмигрантская жизнь механически перенесла на новую почву все сложности

взаимоотношений, вкусов и предпочтений, укоренившихся за последние десятилетия в России: «В 19-м номере «Современных записок"» за 1924 г., в котором была опубликована половина повести "Равнина русская", появилась статья Антона Крайнего (псевдоним З.Н. Гиппиус) о "молодых и средних" русских писателях, — пишет историк А.Н. Шустов. — С явным осуждением Гиппиус сообщала об "измене" В. Брюсова, А. Белого, М. Зощенко, М. Слонимского. По ее мнению, все эти литераторы, перейдя в лагерь большевиков, утратили "чувство прекрасного"».[8]

В Париже тех лет новую русскую литературу не признавали и всячески подчеркивали, что процесс ее роста после Октябрьской революции прекратился. С точки зрения «того берега», революция представлялась как восстание голодных дикарей против цивилизации. А ведь совсем недавно для многих все это представлялось иначе: «Звали они революцию — и пришла она. Но пришла не в тишине, не в тихом пламени неопалимой купины, а в грозе и буре народного вихря. Ждали они ее в виде разубранного флагами корабля, торжественно салютующего холостыми зарядами, — пришла она в вихре пыли, грязи, крови, среди бурных валов бушующего моря. И мимо них проходит корабль революции — они с ужасом отвернулись от него», — писал критик Р.В. Иванов-Разумник[9]. Да, для многих из прежних «пророков» революция оказалась подобна выпущенному из бутылки джинну. И теперь, забыв собственные слова о прогрессивной роли русской интеллигенции, лидеры эмиграции в запальчивости заявляли, что в плоть и кровь оставшейся на родине интеллигенции вошла чуть ли не врожденная «привычка к рабству».

Статья А. Крайнего свидетельствовала о том, что Гражданская война не завершилась. В этой обстановке Елизавета Юрьевна сочла необходимым выступить с большим полемическим очерком «Последние римляне». При этом она сразу же заметила, что писать о современной литературе в России

---

[8] *Шустов А.Н.* Дочь России // Восхождение. Тверь, 1994.

[9] *Иванов-Разумник Р.В.* Испытание в грозе и буре; впервые: Наш путь : Литературно-политический журнал Революционного Социализма. 1918. № 1 (апрель).

не будет, поскольку недостаточно с ней знакома. «Последние римляне» явились откликом на выступление Зинаиды Гиппиус. По свидетельству современников, немногие в эмиграции были способны вести спор с Гиппиус, — так высок был ее авторитет. И в этом свете работа Скобцовой представляет особый интерес, тем более что в своем очерке Елизавета Юрьевна дала четкую оценку содержанию публицистики самой Гиппиус. Касаясь ее «Дневника», опубликованного совсем незадолго до этого, она отметила: «Я лично <...> не знаю более кошмарного литературного произведения <...>, чем дневник Зинаиды Гиппиус <...>, нет в нем никакого внутреннего стержня <...>. Стержнем таким нельзя ни в коей мере признать ту чисто обывательскую злобу, которая все окрашивает в один общий цвет».[10]

По инициативе Гиппиус в Париже было создано общество «Зеленая лампа» (1925–1939), призванное объединить разнообразные литературные круги эмиграции. Девизом воскресных собраний общества была свобода высказываний и сохранение либерально-гуманистических традиций старой «гвардии» — маститых мастеров. Отмечалось, однако, что и «Зеленая лампа» страдала идеологической нетерпимостью, что порождало в обществе многочисленные конфликты. Свои нелицеприятные и бескомпромиссные статьи Гиппиус подписывала мужским именем Антон Крайний. «Крайний» не считался ни с авторитетами, ни с громкими именами. Для него было важно не кто пишет, а что пишет, поэтому ко всем взявшимся за перо он подходил с одной-единственной меркой — меркой таланта. Гиппиус славилась острым словом и дурным характером.

В статье «Последние римляне» Е.Ю. Скобцова замечает: «...группа писателей, принадлежащая к последнему дореволюционному периоду русской литературы, дает совершенно определенный отзыв о следующем писательском поколении и с большой болью и искренностью говорит о гибели старых традиций, о перерыве в поступательном движении литературы». Отвечая Гиппиус на ее утверждение, что якобы «чувство красоты неведомо молодым, и поэтому литература сейчас не имеет

[10] Последние римляне // Воля России. Прага. 1924.

никакого поступательного движения», Е.Ю. пишет: «Не так это все... Разве сейчас закаты не такие, как десять лет тому назад? А в Петербурге не такие же белые ночи? И не такой разве снег зимой и не такая трава весной? <...> Поэтому для старых все новое кажется лишенным красоты, а для новых надо создавать новое, на новой зеленой земле, без традиций, без авторитетов. Римлянам не понять варваров, а варварам не понять римлян».

Определение «варваров» вызывает у Е.Ю. свои ассоциации; безусловно, что само понятие «варвар» в то время стало быстро видоизменяться. Если во времена «башни» собирающиеся декаденты — «последние римляне» — делали все, чтобы разрушить прежний уклад, стремились найти путь к варварам от «земли» и наречь их «народом», то теперь, после революции и Гражданской войны, этот народ предстал в виде таких страшных Климов Барынькиных, что и прежние умилительные понятия изменились. «При первой встрече с Блоком (в 1908 г.) он говорил мне, что принадлежит к умирающему времени <...> он советовал всем бежать от них, искать новых путей». Бежать от мира «последних римлян», к которому принадлежал сам поэт, было великим провидением Блока. Но как не подумать о его самообмане, соблазне «новыми варварами», от которых он в результате погиб? Он был разочарован прошлым и скептически смотрел на своих друзей по перу, обольщаясь «новыми варварами», ему казалось, что на их почве можно посеять что угодно, и взойдет урожай, а на истерзанной «римской» — ничего, кроме брюзжания, взойти не может. «...В жилах римлян ни капельки свежей крови <...> процесс перед революцией начал развиваться с головокружительной быстротой. Слова звучали пустыми звуками. Вера умирала во всех окончательно <...> и все же несомненно, что последняя страница перевернута, книга захлопнута. Опыт того времени изжит до конца <...> Идут варвары творить новую культуру»[11].

Упреки А. Крайнего в том, что «сверхкошмар проник в новую литературу», а за этими описаниями ужасов нет самой литературы, — Елизавета Юрьевна не приемлет. Да, сейчас такой период, когда нужно все переосмыслить,

[11] «Последние римляне».

выговориться, и как не понять, остаться слепым, не увидеть, что «...большевисткий период создал сверхкошмарный быт, от которого нельзя уйти. На этом основании вся перегруженность страниц новых писателей кровью, мукой, расстрелами является следствием того быта, в котором живет страна <...> Сверхкошмар, проникший в новую литературу, не только вполне законен, не только связывает жизнь с искусством, но и имеет свое великое оправдание, как фактическое преодоление сверхкошмара в жизни». Е.Ю. убеждена, что всякое отречение от этого создало бы мертвое, эстетствующее произведение, но для создания нового произведения, зарождения таланта «надо сначала наглядеться вволю, наслушаться. И наслушаться всего: и птичьего свиста, и ружейной трескотни; наглядеться и на солнечный закат, и на кровь, и на мерзость человеческую, — понять, вместить в себя, не испугаться, сочетать». Потенциальными воссоздателями русской культуры она считала не советских «пролетарских» писателей; по ее глубокому убеждению, большевизм стал той окончательной катастрофой, которая разрушила здание старой культуры: «После большевизма, конечно, не останется каких-нибудь культурных наследств, — только голая степь, на которой надо заново начинать пахать, вернее, учиться пахать».

Несмотря на субъективизм оценок, провокационную остроту замечаний и выводов, как показало будущее, Елизавета Юрьевна оказалась во многом права. Но она не могла предвидеть, что Россию ждут еще более страшные испытания и появятся новые великие описатели сверхкошмаров, такие как Варлам Шаламов, Александр Солженицын, Евгения Гинзбург и многие другие.

* * *

Горе упало неожиданно! Маленькая дочь Настя стала болеть еще зимой 1925 года; родителям казалось, что это был грипп, которым переболела вся семья, но по прибытии в Париж состояние девочки резко ухудшилось, она быстро теряла в весе. Врачи недоумевали и не могли поставить диагноз, пока наконец не нашелся молодой врач, который определил признаки менингита. Софья Борисовна Пиленко была давно дружна

с Ольгой Николаевной Мечниковой, и благодаря ее протекции Настю положили в парижский Пастеровский институт.

Елизавета Юрьевна получила разрешение находиться в больнице рядом с девочкой, ухаживать за ней. Два месяца она присутствовала при медленном угасании Насти. В течение последних дней и часов агонии ребенка Елизавета Юрьевна не расстается с карандашом. Она буквально по часам рисует умирающую Настю. Нельзя без трепета смотреть на эти рисунки или, как мы сейчас говорим, почти стоп-кадры фильма. Три рисунка 7 марта 1926 года помечены разным временем того дня, в который наступила смерть. Мама Е.Ю., Софья Борисовна, так написала о последних неделях своей внучки: «Умерла 4-летняя Настя Скобцова. Ее мать, Елизавета Юрьевна Скобцова, будущая мать Мария, во время болезни Насти пробыла с ней в Пастеровском госпитале. Профессор Ру, по просьбе О.Н. Мечниковой, разрешил Лизе жить в комнате Насти и ухаживать за ней, где она и пробыла до Настиной кончины. Это было около двух месяцев. Комната была на втором этаже. И нам разрешалось только через балконную дверь, которая была и окном, разговаривать через стекло с Лизой. Настя сильно страдала. Приходил к ним проф. Ру каждый день, все было сделано для ее спасения, но ничто помочь не могло. Ее страдания и кончина очень потрясли Лизу. Это было первым толчком к монашеству...»[12]

В эти дни Елизавета Юрьевна пишет: «Как бы ни тяжела была пытка, я нахожу невозможным создать что-либо большее, чем эти три слова: любите друг друга — только до конца и без исключения. И тогда все оправдано, и жизнь озарена, а иначе она мерзость и бремя... Это называется — посетил Господь. Чем: горем? Больше, чем горем. Вдруг открыл истинную сущность вещей, и увидели мы — с одной стороны, мертвый скелет живого... а с другой стороны, одновременно с этим, увидели мы животворящий, огненный, все пронизывающий и все опаляющий и утешительный дух»[13].

---

[12] Из воспоминаний С.Б. Пиленко (копия рукописи хранится в семейном архиве Кривошеиных). Текст также воспроизводится в книге прот. С. Гаккеля «Мать Мария» (P.: YMCA-Press, 1980).

[13] Слова м. Марии, написанные в записной книжке у одра умира-

Смерть девочки, так же как и смерть отца, стали новым этапом в духовной жизни Е.Ю. Определение «несправедливости» смерти, о котором она писала и говорила в юношеские годы после кончины отца, сейчас обрело другие формы. Тогда она замкнулась и почти озлобилась на Бога, всячески пытаясь разобраться, в чем же «Его справедливость и за что наказание?». А сейчас, в свои тридцать пять лет она написала следующее: «Сколько лет, — всегда, я не знала, что такое раскаянье, а сейчас ужасаюсь ничтожеству своему. Еще вчера говорила о покорности, все считала властной обнять и покрыть собой, а сейчас знаю, что просто молиться-умолять я не смею, потому что ничтожна». И дальше... «Рядом с Настей я чувствую, как всю жизнь душа по переулочкам бродила, и сейчас хочу настоящего и очищенного пути не во имя веры в жизнь, а чтобы оправдать, понять и принять смерть. И чтобы оправдывая и принимая, надо вечно помнить о своем ничтожестве...»[14]

Эти строки можно считать поворотом и обретенным осознанным (об этом писала С.Б.) решением встать на путь монашеский, к которому она шла долго и непростыми путями. Перед ней открылись, как она сама говорила, «ворота в вечность, и законы вчерашнего дня отменились», и «выросли крылья». Произошло чудо, она увидела ясную цель: без остатка отдать себя на любовь к ближнему своему.

Ей предстояло пережить еще две страшных утраты. В 1935 году по совету А. Толстого, старого друга, в СССР возвращается ее старшая дочь Гаяна. Через год двадцатитрехлетняя молодая и здоровая женщина умирает (по официальной версии) от тифа в Москве. Через восемь лет, во время оккупации Парижа, 8 февраля 1943 года гестапо арестовывает ее сына Юрия. Зимой 1944 года он гибнет в Бухенвальде. Маленькая Настя была похоронена на бесплатном участке пригородного кладбища Банье, гораздо позже ее останки были перенесены на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Могила Гаяны практически не найдена до сих пор.

Смерть Насти привела к семейным потрясениям. Невозможно точно указать, когда возникла размолвка, но

ющей дочери (опубл. в: *Гаккель С., прот.* «Мать Мария»).

[14] Там же.

трещина между супругами превратилась в непреодолимый ров. В 1927 году Скобцовы разъезжаются; Даниил Ермолаевич вместе с Юрием стали жить отдельно, а Гаяна осталась с матерью и бабушкой. Между супругами сохраняются дружеские отношения.

В 1927 году на пятом съезде РСХД (Русского студенческого христианского движения) в Клермоне Елизавета Юрьевна была выбрана кандидатом в члены Совета Движения и секретарем по социальной работе. Практически с этого момента начинается ее миссионерская деятельность. На шестой съезд в Амьене (1928) она приехала с дочерью Гаяной.

Основа РСХД была заложена в 1923 году в Пшеровском замке в Чехии, куда съехались делегаты от всех христианских организаций русской эмиграции. Позднее центр Движения переместился в Париж. Цели этого объединения были достаточно высокими и благородными: «РСХД за рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом» <..> «РСХД утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа»[15].

Основной задачей РСХД в те годы являлась выработка христианского мировоззрения у верующей молодежи, в первую

[15] Так были сформулированы цели РСХД на его V общем съезде в 1927 г. и дополнены в Уставе 1959 г. Эти формулировки воспроизводятся на обложке журнала Движения как отражающие его цель и смысл.

очередь у студенчества; спасение и успокоение мятущихся и не находящих пристанища душ; защита национального сознания от размывания, поскольку русская колония была неизбежно подвержена искусу ассимиляции. В то же время, будучи студенческим по названию, Движение объединяло в своих рядах людей более зрелого возраста — в среднем тридцатилетних и даже старше. Русское рассеяние, массовая эмиграция двадцатых годов явились, с одной стороны, страшной трагедией, а с другой стороны, благословением Божиим, благодаря которому Православие, перекочевав с Востока, укоренилось на Западе, а затем уже стало расти и свидетельствовать.

Можно только сожалеть, что прекрасные идеалы и практическая деятельность РСХД, которая велась на протяжении всех десятилетий существования СССР, стала съеживаться, и сегодня это достойное движение превратилось в полную противоположность своим исходным принципам. Внуки эмигрантов, рожденные во Франции, не всегда знают русский язык, может быть, только малая часть из них знакома с семейной историей, далеко не все остаются православными. Сердце кровью обливается, когда уходят из жизни «последние из столпов» и вся бережно накопленная библиотека или архив этих людей выбрасывается как ненужный хлам на помойку. После распада СССР только малая часть эмигрантских начинаний сумела успешно себя перевоплотить или переместиться в Россию. К счастью, в 1995 году в Москве открылась библиотека-фонд «Русское зарубежье» (с 2009 г. — Дом русского зарубежья (ДРЗ) им. А.И. Солженицына) и за последние годы многие архивы русской эмиграции получили в нем достойный приют, в частности и некоторые документы, касающиеся м. Марии и ее ближайшего окружения.

* * *

В русском Париже тех десятилетий выходило несколько ежедневных газет, журналов, открывались лицеи и школы, летние православные лагеря для детей и подростков. Перенесся в Париж и Кадетский корпус, продолжили свою деятельность политические движения и партии, от левых до монархических. Общественная и культурная жизнь била

ключом. Франция двадцатых годов жила на подъеме, оправлялась после тяжелейших ран Первой мировой войны, отмечался экономический рост. Старые эмигранты вспоминают, что так было до мирового кризиса 1929 года, но, конечно, эта атмосфера в меньшей степени касалась русских. Социальная государственная защита и помощь неимущим, тем более эмигрантам, только зарождалась. Было страховое обеспечение по болезням, но это было частное страхование, которое могли себе позволить люди работающие и откладывающие деньги на случай болезни или госпитализации. Русская эмиграция (впрочем, как и другие) могла занять место только среди наименее квалифицированной части пролетариата, то есть совершенно люмпенизироваться, что и произошло почти со всеми слоями русского общества во Франции. Более того, по сравнению с французским рабочим русский мог рассчитывать на мизерный заработок, и, даже получив работу, он никогда не был уверен в завтрашнем дне — при малейшем кризисе его увольняли первым. Конечно, это социальное неравенство тяжело сказывалось на морально-психическом состоянии людей. Особенно унизительным это было для тех, кто в России обладал специальностями и имел общественно-политическое положение, то, что называлось «обладал весом». Автоматически это было непереносимо в западные условия, нужно было все начинать с нуля.

Формально в РСХД деятельность Елизаветы Юрьевны сводилась к поездкам по Франции с докладами, выступлениями на собраниях русских общин, разбросанных по всей стране. Сама она писала в своих отчетах, что чаще всего эти лекции превращались в духовные беседы, более того она говорит: «С первого же знакомства завязывались откровенные беседы об эмигрантской жизни или о прошлом, и мои собеседники, признав, вероятно, во мне подходящего слушателя, старались потом найти свободную минутку, как бы поговорить со мной наедине: около двери образовывались очереди, как в исповедальню. Людям хотелось высказаться, поведать о каком-нибудь страшном горе, которое годами лежит на сердце, или об угрызениях совести, которые душат. В таких трущобах (где она чаще всего бывала. — *К.К.*) о вере в Бога, о Христе, о Церкви

говорить бесполезно, тут нужда не в религиозной проповеди, а в самом простом — в сочувствии»[16].

Ее рассказ о том, как она посещала шахтеров в Пиренейских горах на юге Франции и с какой ненавистью она была встречена этими несчастными людьми, как только начала свою «проповедь», — заслуживает особенного внимания. С чтением лекций о добре и зле, с призывами к состраданию к ближнему, но без подлинного душевного сочувствия к людям невозможно было выступать и философствовать, когда страшная нищета и болезни шахтеров требовали незамедлительных действий. Ее предложение провести беседу было встречено враждебным молчанием и злобными словами: «Вы бы лучше нам пол вымыли да всю грязь прибрали, чем доклады читать!» Она сразу согласилась. «Работала усердно, да только все платье водой окатила. А они сидят, смотрят... а потом тот человек, что так злобно мне сказал, снимает с себя куртку кожаную и дает мне со словами: "Наденьте... Вы ведь вся вымокли". И тут лед растаял. Когда я кончила мыть пол, меня посадили за стол, принесли обед, и завязался разговор»[17]. В результате беседы выяснилось, что один из шахтеров был на грани самоубийства. Елизавета Юрьевна решила, что оставлять его здесь невозможно. Она уговорила его ехать к ее знакомым, где он смог бы восстановить свои душевные силы.

В следующей своей поездке в Марсель, целью которой было спасение двух русских интеллигентов-наркоманов, она совершенно бесстрашно вошла в притон и буквально силой вытащила из него молодых людей; она посадила их на поезд, отвезла в семью (в деревню), где они постепенно, работая на природе, стали приходить в себя.

Об этих двух примерах (а таких случаев было много) можно сказать словами самой Е.Ю.: «то, что я даю им, так ничтожно: поговорила, уехала и забыла. Каждый из них требует всей вашей жизни, ни больше ни меньше. Отдать всю свою жизнь какому-нибудь пьянице или калеке, как это трудно».

---

16 «Православное Дело», 1939 г.

17 Цит. по: *Манухина Т.* Монахиня Мария // Новый журнал. (Нью-Йорк). Т. 41 (1955). С. 139–140.

Она продолжала ездить и читать доклады по всей Франции, но каждый раз лекции превращались в живое общение. Душеспасительные разговоры переходили в конкретные действия; она старалась помочь больным, осиротевшим детям, отчаявшимся от одиночества и нищеты женщинам... Она все чаще стала задумываться о том, что же необходимо сделать для этих несчастных людей и как она должна поступить сегодня. Все больше Е.Ю. понимала, что она должна идти по пути конкретных действий. Уже тогда в ее голове возникают мысли о домах, приютах и центрах помощи. Но как это воплотить в жизнь? Где взять средства и найти соратников?

Католичество с давних пор уделяло большое внимание социальным вопросам, а с середины XIX века Ватикан взял на себя разработку «католической социальной доктрины». Протестанты тоже вели активные поиски в этой области, и к тридцатым годам XX века появилось «Движение социального христианства».

Если говорить о настоящем времени, то католичество и протестантство XX века показало воплощение идей «социальной доктрины». Во Франции существуют современные католические больницы для всех слоев общества. Бесплатные столовые и денежные пособия для бездомных. Для детей-сирот, одиноких стариков, наркоманов — специальные бесплатные центры, где их лечат и дают приют. Более того, эта помощь распространяется и на другие страны, причем совершенно не ставится условие, что помощь направляется только в католические страны. Примеров много, особенно в последние десятилетия, когда войны, экологические катастрофы, болезни и эпидемии обрушились на весь мир. Щедрость наших братьев во Христе католиков остается примером для многих. Можно только радоваться, что и в России за последнее десятилетие появились специализированные центры, как государственные, так и церковные, активно работающие с наркоманами, бездомными, сиротами, жертвами пожаров и наводнений. Широкий профиль «Милосердия» сегодня реально существует в России и будет только укрепляться.

Но вернемся к нашему рассказу. В предреволюционные годы русские традиции милосердия XIX века были глубоко социальны, именно поэтому к началу XX века уже были намечены конкретные пути к решению «православных социальных проблем» в России. Группа русских, оказавшихся во Франции, сумела объединиться не только в РСХД, но и создать общественное объединение «Православное Дело». В одной из своих статей в сборнике «Православное Дело»[18] м. Мария говорит: «Мы собрались вместе не для теоретического изучения социальных вопросов в духе православия. Среди нас мало богословов, мало ученых, и мы тем не менее хотим поставить нашу социальную идею и мысль в теснейшую связь с жизнью и работой. Вернее, из работы мы исходим и ищем посильного богословского ее осмысления. Мы помним, что "вера без дел мертва", и что главным пороком русской богословской мысли — была ее оторванность и беспочвенность от церковно-общественного ДЕЛА».

Название организации «Православное Дело» придумал Н. Бердяев, мать Мария стала председателем, ее заместителем был выбран К. Мочульский, ближайшие помощники и сотрудники были всегда рядом: секретарь Ф.Т. Пьянов, казначей о. Михаил Чертков, И.И. Фундаминский, о. Димитрий Клепинин, духовный наставник о. Сергий Булгаков, Г. Федотов, о. Сергий (Шевич), а уже в начале войны большую организационную помощь оказывал в течении полутора лет И.А. Кривошеин. Со слов Пьянова, «хотя митрополит Евлогий являлся нашим почетным председателем и оказывал нам поддержку своим именем, однако, по общему суждению, мы должны были считать себя независимыми от церковной иерархии. Совершенно свободной и самоуправляющейся организацией». С самого начала у м. Марии было множество идей и проектов, но, со слов Пьянова, «осуществление которых связано с деньгами, а их нет». Вскоре появились друзья православной диаспоры — англикане П.Ф. Андерсон и П.Е.Т. Уидрингтон. Благодаря их усилиям стала поступать помощь из экуменических

[18] «Православное Дело», 1939 г., 96 с. Париж. Сборник выражает мировоззрение основателей организации, возникшей по инициативе монахини Марии (Скобцовой) в Париже в 1936 г.

кругов. С 1936 года «Православное Дело» стало получать регулярную поддержку от Лиги Наций (Комиссии по делам беженцев). К моменту открытия своего первого помещения «Православное Дело» накопило уже немалый опыт. Это были не только богословские кружки и поездки с лекциями по Франции, но и организованная помощь неимущим.

Число русских эмигрантов только в Париже в 1921 году составляло около 40 тысяч человек, к 1926 году их количество выросло до 72 тысяч. Какой процент из них были люди, прибывшие из Сербии или Константинополя, — неизвестно. Нет точных данных и обо всем русском населении Франции и о процентном соотношении к активной православной диаспоре. Один из историков точно заметил: «Русский Париж напоминал теперь не русскую провинцию, а столицу»[19]. На осень 1931 года пришелся пик безработицы. В одной из своих статей Елизавета Юрьевна отмечала, что только в Париже было около 400 безработных русских, 70 из которых вели образ жизни бездомных бродяг. В провинции безработных — «безгранично больше». Во Франции 30 процентов русских в той или иной степени были выведены из строя. Многие не вставали на административный учет, жили по просроченным документам, а иногда и без них. И все эти люди нуждались в немедленной и постоянной помощи.

Шли месяцы, постепенно вокруг будущей матери Марии стала образовываться группа людей, поставивших своей задачей наряду с практической благотворительной деятельностью искать и выяснять христианские основы общественной социальной работы.

В своем рассказе-отчете «В мире отверженных» Е.Ю. пишет: «Во-первых, удалось организовать Комитет помощи русским душевнобольным, в который вошли доктора-психиатры, как русские, так и французы, и различные лица, принявшие к сердцу тяжелое положение этих больных. Во-вторых, удалось путем переписки со всеми французскими психиатрическими учреждениями (которых больше

[19] Из беседы со студентами Г.П. Федотова (1886–1951), русского историка и философа, профессора Свято-Сергиевского богословского института. Был близок кругу Н. Бердяева и м. Марии.

восьмидесяти) установить, что по крайней мере в 60 из них находятся на излечении русские. Общая цифра этих людей достигает 600 человек. Дома чрезвычайно разбросаны по всей Франции, русские распределены в них неравномерно — есть такие, где два-три человека, а есть и такие, где их несколько десятков. Перед Комитетом стоит задача посетить все дома, что, конечно, требует больших средств даже при возможности поручить это дело в особо удаленных департаментах местным православным священникам. Но, несмотря на трудности этой задачи, кое-что мне удалось осуществить.

Во-первых, этим делом сейчас занимается пять человек (это помощники по Общему Делу). Мне лично удалось посетить, не считая парижского района, все дома Нормандии и Бретани, дома, расположенные в центре Франции, и дом в Армантье (Норд). В общей сложности я была в 18 домах, остальные посетители видели тоже домов до 12. Думаю, что общий итог обследованных больных сейчас превышает 200 человек. По моим подсчетам, из этих 200 меньше 15–20 могут быть возвращены к нормальной жизни.

Прежде чем говорить об этих конкретных случаях, мне кажется нужным дать общую характеристику постановки дела и лечения душевнобольных во Франции (в тридцатые годы XX века. — *Е.С.*). Конечно, дома чрезвычайно разнообразны, но общее впечатление от них совсем неплохое. Поражает огромное количество врачей, по нашим понятиям юношей, в возрасте 30 лет, которые стоят во главе домов (главврачи) с 1000–2000 больных. Это очень отрадное явление. Так как это квалифицированный врач, думается, что это явление чрезвычайно благоприятно отражается на общей атмосфере самой больницы. Впечатление такое, что в течение последних пяти лет обновился весь медицинский состав. Младший состав лечащих врачей чем дальше от Парижа, тем лучше, проще и сердечнее. В смысле помещений картина также разнообразна: есть очень устарелые и малогигиеничные здания, а есть только что построенные, причем по последним правилам техники и гигиены. Тут мне хочется сделать одну неожиданную оговорку. Мне пришлось посетить одно учреждение, которое состоит наполовину

из старых и негигиеничных павильонов, предназначенных на слом, а другая половина этой больницы — только что отстроена. Новые павильоны поражают количеством солнца, воздуха, чистоты. Это своеобразные стеклянные оранжереи, окруженные песчаными площадками для прогулок.

...Далее из всех моих впечатлений мне хочется выделить "две семейные колонии": мужскую и женскую. Они находятся в департаменте Сены. Центр этого учреждения по составу больных не велик — это больница человек на пятьдесят, где есть зал для собраний, кинематографический зал, душ, парикмахерская, помещение для персонала и административное бюро. Принцип этой больницы-приюта, что больные распределены по квартирам у местных жителей. Правительство платит местным жителям, которые берут к себе домой больного, около 300 фр. в месяц. А лучший из хозяев на ежегодном конкурсе получает награду.

Для местных жителей это своеобразное подсобное ремесло, а для больных — это возможность жить не в больничных стенах (эта больница может располагать только 50 койками, но располагает врачами и фельдшерами, которые еженедельно навещают больных). Мужчин, числящихся за этой больницей, — 800, а женщин — 500. Интересно заметить, что за 30 лет подобной практики существования колонии почти не было несчастных случаев, т. е. когда фельдшер замечает, что состояние больного ухудшается, он незамедлительно забирает его в больницу. Должна сказать, что система этих двух колоний произвела на меня самое отрадное впечатление.

Теперь хочу перейти к вопросу о "русских" больных. Это понятие "русский" для меня и нашего «Православного дела» гораздо шире. А здесь я хочу перейти к конкретным примерам и тому, что мы должны делать для них.

Понятие "русский" тут надо понимать более чем растяжимо. Мне часто приходится иметь дело с больными вообще любой славянской народности. Они были рады объясниться со мной хоть на каком-то славянском языке и рассказать о своих нуждах. Ведь они даже французского не знают и объясниться с персоналом не могут!

Нашему Комитету придется в связи с помощью для таких людей вступить в переговоры с различными консульствами, рекомендуя обратить их внимание на собственных граждан, находящихся в чрезвычайно трагической ситуации. Я сама видела совершенно ужасающий случай (и, видимо, он не единственный), как один молодой поляк, только что приехавший во Францию и не знающий ни слова по-французски, заболел, но попал на излечение не в обыкновенную больницу, а в сумасшедший дом. Там-то я его и обнаружила. И сколько таких случаев еще! Многие из таких больных умоляют помочь им выйти отсюда. Не будем забывать, что больных среди них большинство и что выход для них невозможен. Но необходимо посещать больных как в нормальных стационарах, так и душевнобольных. Надо отвечать на их письма, посылать им газеты, книги, табак...

Но есть категория людей, которым нужна не только такая "косметическая", но кропотливая и постоянная помощь. Это те люди, кто поправился совершенно и мог бы быть выпущен на свободу. Относится это к разным больным — и к категории поправившихся душевнобольных, и туберкулезных, и прочих.

Необходимо, чтобы кто-нибудь взял на себя заботу об их устройстве на работу или нахождению им посильного труда вне стен больницы. К этой категории относятся: бывшие пьяницы, сидящие иногда по пять лет и получившие дезинтоксикацию, потом жертвы всяческих несчастных случаев, падений, переломов, сотрясений мозга, плохо видящие и глухие.

Посещая больницы, по составу людей из "русско-славянских" народов я видела за последнее время: несколько инженеров, художников, много офицеров, таксистов, простых казаков, одного банкира, солдата экспедиционного корпуса, одного калмыка. (Женщин гораздо меньше, чем мужчин.) Среди больных попадаются и очень молодые. Я видела трех слепцов, и одному из них, по словам врача, операция помогла. Все эти люди нуждаются в общении на родном языке, участливости и внимания, так как все они одиноки.

Чтобы этот рассказ не производил впечатления полной безнадежности для наших сил и не пугал трудностями

поставленной задачи, я считаю своим долгом добавить, что нам удалось уже помочь шестерым из нуждающихся. Они совершенно вошли в жизнь, но психологически находятся в некотором промежуточном периоде. Нам необходимо обследовать и далее все больницы и психиатрические лечебницы, в них мы можем помогать выявлять здоровых и нуждающихся в поддержке людей»[20].

Известно, что одним из любимых рассказов м. Марии, бытующих в народе, было сказание о св. Николае Угоднике и св. Кассиане Римлянине. День памяти св. Касьяна отмечается раз в четыре года. Может быть, в народе объясняли это тем, что Бог лишил его ежегодных именин за недоброжелательность к бедным людям. Легенда рассказывает, как однажды св. Касьян и Николай Угодник шли по дороге и увидели мужика, пытавшегося вытащить воз из грязи. Мужик обратился к ним за помощью, но Касьян отказался, сказав: «Не могу, еще испачкаю об твой воз свою райскую ризу, как же мне в рай прийти и на глаза Господу Богу показаться?» Николай же Угодник, засучив рукава, молча поднял воз и поставил его на сухое место. Пришли св. Николай и св. Касьян в рай. Бог увидел, что риза Николая Угодника испачкана, и спрашивает: «Где это ты, Никола, так выпачкался?» — «Я, — говорит Николай, — мужику воз помогал из грязи вытаскивать». — «А у тебя отчего риза чистая, ведь ты вместе шел?» — спрашивает Господь Касьяна. «Я, Господи, боялся ризу испачкать». Такой ответ Богу не понравился, и он повелел Касьяну праздновать именины один раз в четыре года, а Николаю — два раза в год.

* * *

Пусть отдам мою душу я каждому,
Тот, кто голоден, пусть будет сыт,
Наг — одет, и напьется пусть жаждущий,
Пусть услышит неслышащий весть![21]

---

[20] М. Мария, развернутый очерк «В мире отверженных» (1940). Ранее: Русская география Франции// Последние новости, Париж. 1932. 14, 18 и 24 июня, а также: Социальные сдвиги в эмиграции // Новый Град. 1936. № 2. См.: Библиография.

[21] Мать Мария (Скобцова).

Чтобы мысль воплотить в слово, «ословесить», нужно время, хотя в голове она высвечивается мгновенно. Для того чтобы осознать свое призвание — иногда достаточно мгновения, а порой на это уходят годы. Есть многочисленные примеры внезапного озарения людей, посвятивших себя служению Богу, ушедших в монастыри, ставших аскетами и иноками. О своем монашеском служении, о том, какие формы оно примет, Елизавета Юрьевна вряд ли задумывалась в России, но с уверенностью можно сказать, что божественное озарение на нее снизошло великой милостью. Один из ее персонажей в «Жатве Духа», Авва Пимен, говорит: «От земли мы — от плоти земной. Итак, вспомним эту нашу родину. И смирим себя, потому что праху нельзя возноситься. Как земля не падает вниз, так и тот, кто до конца смиряет себя, не упадет никогда». Не те же ли это слова, которые шептали губы Е.Ю. у постели умирающей дочери: «Надо вечно помнить о своем ничтожестве»?

Горний путь был предначертан м. Марии; будущая основательница храмов во Франции «все скопленные в копилке деньги отдала, чтобы на стене (анапского храма) написали образ ее святой — Елизаветы»[22]. Ее школьная подруга Ю.Я. Мошковская писала: «Все, что в девочке было драгоценного, человеческого, возвышенного, — все это она донесла до своего трагического конца». В отрочестве Лиза несколько раз уговаривала мать отпустить ее в монастырь, Софья Борисовна отказывала, «но не прошло и года, как она опять пришла просить паспорт, чтобы путешествовать с богомолками по монастырям». Навязчивые мысли о скитании стали все чаще посещать Е.Ю. после внезапной кончины Гаяны, умершей при странных обстоятельствах в Москве. В 1940 году она заявляет: «При первой возможности поеду в Россию, куда-нибудь на Волгу или в Сибирь. В Москве мне нужно пробыть только день, пойти на кладбище, на могилу Гаяны. А потом в Сибири буду странствовать, миссионерствовать среди простых русских людей». Те же слова: — «если выживу...» — она, как молитву, повторяла во время своего заключения и перед

[22] Из воспоминаний матери, С.Б. Пиленко, приведенных в предисловии к книге м. Марии «Стихи» (Париж, 1949).

самой гибелью; служение людям, миссионерство остались при ней и в бараках смерти.

Поворотным в судьбе матери Марии оказался 1927 год: смерть Насти, расставание с мужем, активное миссионерство, первые шаги на пути монашества, выход книги «Жатва Духа». В этой книге, состоящей из двух небольших брошюр, на конкретных примерах житийного монашеского опыта, изложенных св. Димитрием Ростовским и «Древним Патериком», она пытается обозначить центральную роль просветления душ святых подвижников. Всего «Жатва Духа» содержит восемь повествований: «Как авва Леонтий исцелял», «Спиридон — епископ Тримифундский», «Лев Катанский и Илиодор-волхв», «Милостивый Филарет», «Виталий монах», «Петр — сборщик податей», «Серапион-синдонит», «Путь к человеческим душам».

Сквозная тема книги — «ни несогласия, ни распри» — это тот стержень, на котором должно зиждиться соборное единство христиан. В тексте «Вторая евангельская заповедь» Е.Ю. пишет: «Не в уединении проходит путь спасения, человек является членом Тела Христова, разделяет судьбу своих братьев во Христе, оправдывается праведниками и несет ответственность за грехи грешников. Православная Церковь — это не одинокое стояние перед Богом, а соборность, связывающая всех узами Христовой и взаимной любви». Было бы неправильно думать, что будущую монахиню Марию аскетизм не интересовал, но на пути, ею намеченном, она выбирает для себя послушание не в монастырских стенах, а в приютах для бедных. Житийные повествования в книге в основном посвящены исполнению второй евангельской заповеди — полагания своей души для спасения других. Об этом — житие Иоанникия Великого, сказания об авве Агре и авве Оре, о мученике Никифоре и его друге Саприкии-пресвитере, об «единодушных братьях», о Виталии-монахе, о Серапионе-синдоните и преп. Марине.

Египетский инок Серапион готов был отдать последнее и самое драгоценное имущество — Евангелие — на пользу нищих и бродяг. И когда его спрашивали, куда он девал Евангелие, он отвечал: «Я продал Слово, которое научило меня: продай имение свое и раздай нищим». Подвижники,

о которых повествуется, уходят в притоны, на «дно», чтобы служить спасению людских душ, принять на себя чужой грех и страдания. Путь просветления — долог, так и пути ее героев — падших, заблудших и горделивых — складываются из испытаний, приводящих к высшим духовным подвигам. О своем внезапном озарении Елизавета Юрьевна писала: «Я чувствую, как всю жизнь душа по переулочкам бродила, и сейчас хочу настоящего и очищенного пути».

«В том-то и дело, — писала мать Мария, — что наше человекообщение в большинстве своем проходит лишь в плоскости земных встреч и лишено подлинной мистики, которая делает его богообщением. Нам же совершенно реально дана возможность, общаясь в любви с человечеством, с миром, чувствовать себя в подлинном общении со Христом».

В «Жатве Духа» (само название раскрывает смысл книги) рассказано о ловушках, которые подстерегают человека всю жизнь. Легко упасть, трудно подняться, легко солгать и предать, но раскаяться еще тяжелее... Потеря памяти и мужества приводит к измене Христу.

Один из таких примеров — рассказ о Никифоре, дружба которого со священником Саприкием, длящаяся почти всю жизнь, распалась из-за пустяковой ссоры. Саприкий упорно отказывался от примирения; гордыня, которая у него развилась вследствие ссоры, привела его к отступничеству в пору гонений на веру. Никифор же, отвергнутый и поруганный другом, принял мученическую смерть вместо него и ради него.

Г.П. Федотов[23], заведующий кафедрой агиологии Свято-Сергиевского института, в своей рецензии на книгу м. Марии, опубликованной в журнале «Современные записки» (1928, № 35) отмечает, что «автор этих житий примыкает к таким писателям, обращавшимся к аналогичному жанру, как Н.С. Лесков, М.А. Кузмин, А.М. Ремизов. Примечательно, что «она не взяла ни одной мученической и ни одной аскетической

[23] Федотов Георгий Петрович (1886–1951, США) — русский историк, философ, религиозный мыслитель. В эмиграции с 1925 г. В 1931–1939 гг. редактировал журнал «Новый град», в публикациях которого была предпринята попытка синтеза нового духовного идеала, объединяющего лучшие стороны социализма, либерализма и христианства.

легенды. <...> Ее восемь сказаний являются находкой, плодом определенных поисков». Федотов отмечает, что «для духовной генеалогии русского народничества находки Е. Скобцовой чрезвычайно ценны. Она ищет редкого, и это редкое объединено одной идеей. Все ее жития написаны на тему любви к человеку — любви беспредельной, парадоксальной, доходящей иной раз до особого юродства — юродства любви... Мы удивляемся, что до сих пор проходили мимо этих поисков».

«Мы зачастую слышим, что человек в любви своей должен знать меру, ограничивая себя... Христос не знал меры в своей любви к людям... и в этом смысле Он учит нас Своим примером не мере в любви, а абсолютной и безмерной отдаче себя... Без стремления к такой отдаче нет христианства»[24].

Завет «любите друг друга» Елизавета Юрьевна старается подкрепить судьбами тех подвижников, которые не уединялись в монастырских кельях, а под видом смиренных и убогих беззаветно служили людям, зачастую получая в награду лишь поругания.

На примере жития монаха Виталия Е.Ю. рассказывает о его аскетической жизни в пустыне, о его искушениях и победе над плотью, в результате чего он достигает высот богопознания и высшей, небесной молитвы. Но сердце его и душа захотели «для всех стать всем», и пронзило его высшее призвание, и сердце его «заболело», и тогда Виталий стал молиться в пустыне за мир, оплакивать его, молиться и жалеть. И только когда эта великая жалось к падшему миру становится «зрелым плодом», он выходит из пустыни и идет к людям, как «жнец на жатву» и как «ловчий на охоту»: «Оставив гробницу, в которой жил, ушел Виталий из пустыни в город Александрию. Так оставляет жнец дом свой и, взяв серп, выходит на жатву».

Во время работы над «Жатвой» в душе автора происходила своего рода аналитическая работа. Нетрудно догадаться, что вся прежняя жизнь и деятельность монахини Марии были направлены на беспощадную исповедь, проверку себя на прочность. Ведь на самоотверженность далеко не всякий способен! В собранных ею житиях это качество будет превалировать, а жалость у святых вызывают не просто страдаю-

[24] Е.Ю. Скобцова. «Жатва Духа».

щие люди (как это было у народников), а люди, губящие свою душу. Ее монашество будет складываться на примерах и монаха Виталия, который, несмотря на ложные обвинения его в разврате, ходил по притонам и спасал блудниц, и Серапиона, который не смущался общения со скоморохами, и аввы Агра, не бросившего заблудшего брата, — никто из них не пожалел своего доброго имени ради спасения ближнего.

Сомнений и неясностей у Елизаветы Юрьевны было столь же много, как и замыслов, но, видимо, недостаточно крепки были ее плечи и не было еще уверенности и сил выдержать монашеское послушание. Может быть, поэтому сомнения одолевают и одного из ее персонажей, святого Иоанникия: «Принятая им на себя чужая тяжесть и добровольно взятый чужой грех оказались не по его слабым человеческим силам».

С образами святых-отшельников, ушедших в мир, будет связана и мистерия «Анна», где Е.Ю. Скобцова возвращается к судьбе монаха Виталия, который посвятил себя спасению и перевоспитанию падших женщин, «тем самым подымая на себя тяжелый труд и непомерный подвиг...». Будущая мать Мария говорила: «Помощь возможна только в любви к этим потерявшимся и пьяненьким, помощь в отказе от своих белых одежд <...> Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. На Страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли голодного, одела ли голого, посетила ли больного и заключенного в тюрьме».

Знавшие Е.Ю. в те годы не были озабочены написанием ее биографии, остались лишь разрозненные воспоминания друзей по общему делу да несколько рецензий на книги. Осознание масштаба ее личности пришло гораздо позднее. Член парижского Союза писателей и журналистов Т.А. Величковская (Жаба) пишет: «Произведения матери Марии занимают в русской поэзии особое место. Это стихи человека, с юных лет посвятившего себя служению Богу, своим ближним и борьбе за правду-истину. Но то, что мать Мария так хорошо назвала “Жатвой Духа”, проявляется с особой силой в более поздних стихах, хотя автору никогда не хватало времени их отделывать,

доводить до совершенства форму и стиль. Г.А. Раевский всегда пенял ей на это, но мать Мария только отмахивалась, говоря, что "есть дела поважнее". Как-то принято считать, что у каждого христианского поэта есть три главные темы: жизнь, смерть и Бог. Мать Мария была поэтом одной темы, которая прошла через всю ее жизнь. Эта тема — Бог. Все остальное в нее включалось. Если у поэтов их жизни — творческая и человеческая — проходят параллельно, переплетаясь, но не всегда смешиваясь, то у м. Марии они соединились в одно. За каждым поэтическим словом следовал аналогичный поступок, и встреча с Богом у нее шла через людей. Твердо помнила она слова Христа: "...ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне" (Мф. 25: 35–36)».

В марте 1931 года Елизавета Юрьевна присутствовала при перезахоронении останков своей дочери Насти на Сент-Женевьев-де-Буа. Она шла за гробом и очень четко осознала: «Мне открылось другое, какое-то особое, всеобъемлющее материнство. Я вернулась с кладбища другим человеком. Я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни». А позже добавила: «Девочка моя — ворота в вечность. Были мы на кладбище парижском».

На закате загорятся свечи
Всех соборных башен крутолобых.
Отчего же ведаешь ты, вечер,
Только тайну смерти, жертвы, гроба?
Вечер тих, прозрачен и неярок.
Вечер, вечер, милый гость весенний,
С севера несу тебе подарок
Тайну жизни, тайну воскресенья.

ГЛАВА 9
МОНАШЕСТВО

Митрополит Евлогий (Георгиевский), постриг м. Марии, Свято-Сергиевский Богословский институт, соратники, помощники, первые храмы и общежития для бедных, вышивки, иконы, стихи

Декларация заместителя Местоблюстителя Патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) от 27 июля 1927 года о лояльности Церкви советскому режиму вызвала несогласия и споры как внутри страны, так и в диаспоре. Документ содержит слова: «Тем нужнее для нашей Церкви и тем обязательнее для нас всех, кому дороги ее интересы, кто желает вывести ее на путь легального и мирного существования, тем обязательнее для нас теперь показать, что мы, церковные деятели, не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и с нашим правительством».

Только по прошествии многих десятилетий и несмотря на всю сомнительность сложившегося в результате Декларации коллаборационизма, стало очевидным, что этот поступок оказался таинственно промыслительным. Вопреки тому, что десятки тысяч ее клириков и сотни тысяч мирян погибли в лагерях, ссылках и были расстреляны, Русская Церковь не погибла! Парадоксально и таинственно массовое открытие церквей на оккупированных нацистами территориях к 1942–1943 гг. вынудило советское руководство признать глубину народной веры. В результате Сталин встретился в Кремле с тремя

митрополитами, что реально спасло Церковь. Нынешняя РПЦ чтит память патриарха Сергия.

15 февраля 1930 года митрополит Сергий дал интервью советским газетам, в котором отрицал факт гонения на религию в СССР, факт репрессий по отношению к верующим и говорил об улучшении положения Церкви. Летом состоялся Синод, на котором было вынесено решение об увольнении митр. Евлогия (Георгиевского) и упразднении парижского Епархиального Совета. Указом от 24 декабря 1930 года подтверждалось решение Синода (10 июня), в котором говорилось, что управление Западно-Европейскими приходами поручается митрополиту Литовскому Елевферию (Богоявленскому).

Митрополит Евлогий не принял этого решения и, опираясь на поддержку своей паствы, 17 февраля 1931 года в резиденции Константинопольского патриарха в Фанаре был принят под его юрисдикцию. Так родилась Архиепископия православных русских церквей в Западной Европе, Экзархат Вселенского патриархата, который существует и поныне.

В газете «Возрождение» за 30 января 1931 года было опубликовано «Обращение митрополита Евлогия к пастве православных русских церквей в Западной Европе». Там, в частности, говорилось:

«*Для более прочного обоснования этого нового канонического положения епархии и для укрепления ее канонической связи со всею Православною Церковью я считаю нужным испросить благословение Первенствующего иерарха Православной Церкви Вселенского Константинопольского Патриарха, чтобы временно, до восстановления правильных, нормальных отношений с Матерью Русскою Церковью, от которой нас хотят оторвать, наша епархия могла находиться под его высоким покровительством, не порывая, однако, своего единства с Русскою Церковью, оставаясь русскою церковною организациею, с возношением за богослужением имени Местоблюстителя Московского Патриаршего Престола Митрополита Петра, и чтобы и впредь я мог беспрепятственно исполнять волю Святейшего Патриарха Тихона, изъявленную в упомянутом его Указе*»[1].

[1] Указ от 20 ноября 1920 г.

Приведенный отрывок особенно важен для последующего понимания развития событий. Неурядицы продлились вплоть до кончины владыки Евлогия и, к сожалению, продолжаются до сих пор. Вся суть заключается в словах о «временном» статусе, «переходе» под КП «до восстановления правильных, нормальных отношений с Матерью Русскою Церковью».

О непоследовательности действий и заявлений митрополита Евлогия говорят и такие его слова: «Так благополучно разрешился сложный вопрос о каноническом неопределенном моем положении, создавшемся после разрыва с Москвой: вместо зыбкости канонического положения — каноническая устойчивость; вместо увольнения — я назначен Экзархом Вселенского Патриарха; я и моя паства не оторвались от Вселенской Церкви, сохранили с ней каноническую связь при соблюдении внутренней русской автономии»[2].

Качания и неуверенность затронули всю диаспору, которая пребывала во взаимной вражде, особенно яростной во времена правления митр. Антония (Храповицкого); вплоть до того, что верующие, не по своей воле ставшие чадами Архиепископии, не переступали порога храмов МП и тем более РПЦЗ. Многие семьи были втянуты в ожесточенную вражду и делились на «антоньевцев», «евлогианцев-дарюшников»[3] и «сергианцев». Оскорбления доходили до абсурда, и в церковной среде на многие десятилетия укоренилось предвзятое мнение, что в лоне Архиепископии сосредоточились все интеллектуальные умы, а в МП и РПЦЗ — некие «примитивные традиционалисты». Во многом этот миф произошел оттого, что Евлогий получил поддержку либеральной части русской эмиграции, тогда как правые эмигрантские круги сохранили ориентацию на Антония и Сергия. В 1934 году произошло примирение двух митрополитов — Евлогия и Антония, после чего последовало снятие прещений с Евлогия со стороны Архиерейского синода.

21 ноября 1944 года Местоблюститель Патриаршего престола митр. Алексий (Симанский) получил письмо от

---

[2] *Митр. Евлогий (Георгиевский).* «Путь моей жизни», Париж: YMCA-Press, 1947.

[3] Архиепископия РПЦ КП расположена на ул. Дарю в Париже.

митр. Евлогия, в котором он изъявил желание вернуться в лоно русской Матери-Церкви, а в 1945 году он обращается с таким же призывом к диаспоре в Париже. В результате длинной переписки с Москвой для окончательного соглашения о воссоединении с Московской патриархией 29 августа 1945 года в Париж прибывает митр. Николай (Ярушевич). Приведем отрывок из письма митр. Евлогия митр. Алексию от 21 ноября 1944 года.

«...Я же и мои викарные епископы: архиепископ Владимир, бывший Белостокский и епископ Сергий, бывший Бельский, всемерно держались единства с Матерью Русской церковью. Однако и на меня неоднократно сыпались обвинения: если карловацкая группа обвиняла меня в измене монархическому принципу, то из Москвы приходили обвинения также политического характера и требовалось более определенное заявление о лояльности Советской власти. Поводом для этих последних обвинений служили мои поездки в Англию, где среди своих друзей-епископов и духовенства нередко делал заявления о том, что Русская православная церковь терпит большие притеснения от своего правительства: разрушаются храмы, монастыри, отправляют в ссылку епископов и проч. Это было единственным политическим пунктом в моих выступлениях, и об этом, по совести, я не мог молчать. Я помню, с каким негодованием было встречено заявление митрополита Сергия корреспондентам иностранной печати о том, что таких притеснений церкви в России нет. Между тем прещения из Москвы по отношению ко мне продолжались и завершились наконец тем, что мне категорически предписано было заявить о признании Советской власти и запрещены поездки в Англию, а когда я по обоснованным, как мне казалось, соображениям заявил, что этого сделать не могу, и просил ограничить требования лишь общими заявлениями о лояльности к Советской власти, то был со всем своим клиром и паствой совершенно отторгнут от общения с матерью Русской церковью с запрещением мне и сущим со мной иерархическим лицами священнослужения. В таком трудном положении я решил прибегнуть к покровительству Вселенского патриарха; я обратился к нему как

к высшему носителю власти в православной церкви с апелляцией на суровое и, по-моему мнению, несправедливое решение Высшей Русской церковной власти и лично поехал в Константинополь для изложения своего дела. Святейший патриарх Фотий по всестороннем обсуждении нашего дела в патриаршем синоде согласился принять меня со всеми духовенством и приходами во временное свое ведение до тех пор, пока установятся нормальные сношения с Москвой, и выдал мне грамоту, подтверждающую мои полномочия по управлению. Причем в грамоте ясно указано, что вся эта конституция управления заграничными русскими церквами является временно, впредь до восстановления нормальных сношений с Москвой. Этой милостивой грамотой внесено было полное успокоение в жизнь моей паствы, и мы живем на этом основании до настоящего времени».

2 сентября 1945 года в соборе Св. Александра Невского на улице Дарю была отслужена совместная литургия. Для окончательного завершения процедуры воссоединения было недостаточно полученного устного согласия из Фанара, текст которого гласил, что «на сие имеется словесное согласие Его Святейшества патриарха Вселенского Вениамина». Многие из окружения Евлогия были резко против воссоединения. Совместная литургия с посланником Московской патриархии оказалась для митрополита Евлогия единственной и последней. Он серьезно заболел и скончался ранним утром 8 августа 1946 года. Митрополит Ленинградский Григорий (Чуков) прибыл из Москвы на похороны во главе большой делегации Московского патриархата. Отпевали владыку 12 августа в закрытом гробу.

Возвращаясь к ситуации, в которой оказалась православная часть диаспоры на чужбине, необходимо констатировать, что как только русские оседали в Париже, Берлине, Праге, Харбине... то сразу начинали создавать православную общину и искать место для церкви. Денег хватало только на то, чтобы снять гараж да перестроить его в церковь, собрать кое-какую церковную утварь. Духовенство служило в облачениях, трогающих сердце: столько было положено заботы, любви и тщания, чтобы из жалких тряпочек соорудить одежды,

достойные предстоятелей. Но, несмотря на бедность, люди жертвовали на строительство, устраивали приходские школы, всячески старались сохранить русский и церковнославянский языки. Эти годы были «урожайными» на прекрасных священников, сохранивших традицию, но было много и новых рукоположений — например, офицеров, у них была особая выправка, богословское образование они получили не в семинариях, а под свист пуль.

Те русские, которые в результате разделения Церкви оказались в лоне Вселенского патриархата во Франции, объединились вокруг митр. Евлогия и основали Свято-Сергиевский Богословский институт. К этой части эмиграции относилась и будущая мать Мария (Скобцова). Священник Лев Жилле[4] пишет: «В каждую человеческую проблему он (Евлогий) вникал с сочувствием. Причем определяющую роль в проблемах для него играл не объективный момент, а момент личный, индивидуальный. Каждому или каждой он хотел дать возможность следовать собственному призванию».

К 1929 году Елизавета Юрьевна уже вплотную подошла к решению принять монашеский постриг. На пути к задуманному стояло много канонических препятствий: два мужа (с одним из которых она была в разводе, а с другим в «размежевании»); немаловажный вопрос — дети, Гаяна и Юрий. Как им объяснить свой уход? Обо всем этом она советовалась с митр. Евлогием, но особенно ценны для нее были советы отца Сергия (Булгакова).

Ее возвращение в Церковь сопровождалось не только миссионерской деятельностью и обращением к святоотеческой письменности. У пишущей части церковной интеллигенции накопилось много вопросов: как осмыслить опыт революции и Гражданской войны? Как проанализировать большевизм и рассказать о его негативных последствиях молодежи? Что такое марксизм и где искать русскую идею?

[4] Лев Жилле (Jillet; 1893–1980, Лондон), архим., один из основателей франкоязычного православного прихода в Париже. Некоторое время служил в церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель, 77 в Париже, основанной м. Марией. Работал с русскими заключенными в тюрьмах, вел кружки по изучению Священного Писания.

Для самой Е.Ю. оставалось неразрешенным ее отношении к «красной России». Не только она, но и многие эмигранты колебались в своих чувствах вплоть до конца 1946 года. Этот вопрос для м. Марии так и останется без ответа в практическом плане: она погибнет в лагере и не сможет поехать «бродить по дорогам России», хотя уже во время войны в оккупированном Париже она четко встала на позиции патриотические.

Для обсуждения насущных вопросов Е.Ю. вместе с Г. Федотовым выступила в РСХД с инициативой организации религиозно-философских семинаров с целью определения «православного мировоззрения в применении ко всем событиям реальной жизни». Семинар ставил перед собой теоретические задачи и не претендовал на роль еще одной политической партии или движения.

В 1929 году Е.Ю. написала три работы — философские размышления, посвященные крупнейшим русским мыслителям: В.С. Соловьеву, А.С. Хомякову и Ф.М. Достоевскому. Религиозно-философскими мыслями этих авторов увлекались интеллигенты начала XX века, их идеи лежали в основе работ о. С. Булгакова, В. Лосского, С. Франка (в области социальной философии Франк развивал намеченное Хомяковым учение о соборности человечества, подчеркивая при этом первичность категории «мы»). Елизавету Юрьевну особенно привлекала философская мысль Соловьева о «предельно радостном, предельно оптимистичном» начале и о том, что уродство — это лишь несовершенная, не воплотившаяся до конца красота; ложь — несовершенная истина, а зло — несовершенное добро. Он верит в конечное торжество добра, как у «художника, прозревающего в глыбе глины идеальные формы своего будущего творения <...> так и наша жизнь получает последний нравственный смысл лишь когда между ней и совершенным добром устанавливается совершенствующаяся связь». Более того, Соловьев близок ей своей идеей «вселенскости» и «всеединства» религии и Церкви, «человеческая мировая душа, душа космоса... соединяется с божественным Логосом». Но с легендой Достоевского о Великом инквизиторе и легендой Соловьева об Антихристе, некоем

предвидении XX века, что «мир во зле лежит и зло торжествует даже под личиной правды и справедливости», она согласиться не могла.

В одном из своих стихотворений она писала:

Не то, что мир во зле лежит, не так,
— Но он лежит в такой тоске дремучей.
Все сумерки, — а не огонь и мрак,
Все дождичек, — не грозовые тучи.

В этих трех философских трактатах Е.Ю. Скобцова поднимает вопросы о кризисе христианской цивилизации и той роли, которую ей предстоит сыграть в России. В некотором смысле эти работы стали отправной точкой и основой семинаров, состоящих из трех кружков: первый — по изучению основ марксизма и ленинизма с христианской точки зрения (для выявления ложности марксизма как материалистического учения), второй — по вопросам русской историософии (в этом кружке изучались труды русских мыслителей прошлого), третий — по изучению русской литературы с религиозной точки зрения. В составе курса «Русские мыслители» Елизавета Юрьевна читала лекции о Хомякове, которые пользовались большой популярностью.

В Хомякове, который был одним из лидеров русских славянофилов, ее особенно привлекала мысль о соборности и особом пути народничества в России, его готовности положить душу свою за других. По мнению философа, западный мир находится в состоянии нравственного разложения, стоит на краю гибели. Высокая миссия России заключается в духовном обновлении человечества через возрождение себя, своих славянских собратьев, а затем и западного мира: «...Поскольку “славянофильская” мысль была не единственной в России и ей противостояла школа “западников”, грешащая другой крайностью, — общее равновесие в понимании русской истории было соблюдено. В дальнейшем если оно и нарушалось, то именно в сторону западничества и в сторону забвения путей русского народа, забвения путей славянофилов. Славянофилы откликнулись на все основные вопросы

современной им России. Все элементы, влияющие на психологию русского народа, были ими так или иначе изучены. В центре изучения славянофилов стояло православие. Пожалуй, до них психологически и философски никто из русских мыслителей не изучал его. Можно смело сказать, что до Хомякова в России не существовало настоящей православной философской школы»[5].

Прочитав статью о Хомякове, Н. Бердяев отметил: «У нее [Е.Ю. — *К.К.*] была одна неизменная любовь-страсть, любовь к России и к русскому народу. В ней была славянофильская закваска, но славянофильство это было не консервативным, а революционным. Она хотела умереть за русский народ». А литературный критик Сергей Жаба[6], внимательно следивший за творчеством Елизаветы Юрьевны, написал: «Работа Скобцовой о Хомякове — это очень вдумчивая превосходная книжка».

Во время своих поездок по Франции Елизавета Юрьевна постоянно вела дневниковые записи, рисовала, писала стихи. Многие зарисовки легли в основу оформления ее книги «Стихи», вышедшей в Берлине в 1937 году в издательстве «Петрополис». Книга была издана скромно, на плохой дешевой бумаге; почти на каждой странице стихи в обрамлении легких рисунков, выполненных пером и тушью на полях, которые иногда забегают на текст. «Голод, смерть и кровь, вихри, беды, войны; из которых один умирает на больничной койке, а другой пропивает у стойки тяжелую память годин», — постоянно находили отражение в стихотворениях и путевых заметках Е. Скобцовой. Куда бы она ни приезжала, она встречала буйных, нищих, сирых:

---

[5] *Скобцова Е.* Хомяков. Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — русский поэт, публицист, философ, один из основоположников славянофильства, член Петербургской академии наук (1856)

[6] Жаба Сергей Павлович (1894–1982) — студент юридического факультета Петербургского университета. Член партии эсеров (1915). В 1920–1921 гг. был заключен в тюрьму за защиту академической свободы от диктатуры большевиков. Бежал из России (1922). Долгое время жил во Франции. Журналист, эссеист и религиозный мыслитель. Был близок к «Православному Делу» м. Марии.

Упившихся, унылых, непотребных,
Заблудшихся на всех дорогах мира,
Бездомных, голодающих, бесхлебных.

В Марселе она пишет:

Лица женские одутловаты, —
Неприглядeн и тосклив разврат,
Облака, как клочья грязной ваты,
Улицы — дороги в черный ад.
Негры бродят в синих грязных блузах...

Эти строки написаны во французском городе Ним, в 1931 году:

Вольно льется на рассвете ветер,
За стеклом плуги с сноповязалкой,
Сумрак. Римский дом. С ногою-палкой
Сторож бродит в бархатном берете.

На базар ослы везут капусту.
Солнце загорелось, в тучах рдея.
В сумрачных пролетах Колизея
Одиноко, мертвенно и пусто...

Черные фигуры двух монахинь.
В низкой шляпе и плаще священник.
В этом звонком, в этом древнем прахе
Ясно слышу поступь поколений.

Довольно часто она посещала восточную часть Франции, город Безансон:

Испанцы некогда здесь жить хотели
И строились. Камней чернильный цвет.
Гудят ветра в высокой цитадели,
Заброшенной уж много сотен лет.

На перекрестке светлый шум фонтана,
Тугие дуги сводчатых ворот,
И фонари здесь потухают рано,
И не спешит на площадях народ.

Средь частой паутины улиц узких,
Где даже днем полупрозрачный мрак,
Забралось несколько скитальцев русских
На исторический чердак.

После разъезда с мужем Елизавета Юрьевна Скобцова снимала в Париже крошечную и сырую комнатку; вместе с матерью и дочерью они спали на одном топчане, тут же готовили пищу, все остальные удобства были коммунальными и находились на лестничной площадке этажом выше. Как вспоминала хорошо знавшая ее Т. Манухина, «в этот период Елизавета Юрьевна внешне напоминала нашу курсистку-революционерку того старомодного стиля, отличительной чертой которой было подчеркнутое пренебрежение к своему костюму, прическе и бытовым стеснительным условиям: виды видавшее темное платье, самодельная шапочка-тюбетейка, кое-как приглаженные волосы, пенсне на черном шнурочке, неизменная папироса... Елизавета Юрьевна казалась такой русской, такой доброй, до улыбки и повадке во всем — именно русской. Можно было удивляться, что она сумела сохранить в Париже, в центре моды и всякой внешней эстетической вычурности, всем нам знакомый облик эмансипированной женщины»[7].

* * *

Начиная с 1925 года, Скобцова особенно сблизилась с о. Сергием Булгаковым, который занимал кафедру догматического богословия в Свято-Сергиевском институте, куда Е.Ю. записалась вольнослушательницей. Не только на пути к монашеству, но и будучи уже в постриге, Е.Ю. слышала порицания и недовольство со стороны священства и мирян. Даже ее близкий друг и соратник по общему православному делу

[7] *Манухина Т.* Монахиня Мария // Новый журнал. Нью Йорк. 1955.

Н.А. Бердяев считал, что уставное монашество не соответствует ее «свободолюбивой бунтарской природе», а Ф.Т. Пьянов[8] (впоследствии — ближайший ее помощник) в виде протеста даже не пришел к ней на постриг.

Препятствия вырастали на каждом шагу, и казалось, их невозможно было преодолеть. Но уже не раз в ее жизни Божий промысел оказывался сильнее преград, и, как она говорила впоследствии К. Мочульскому, «Господь взял за руку и вытащил». В результате исповедей и многочасовых бесед с о. Сергием, созрело решение идти по пути монашества в миру. Но оставалось неясным, как к этому отнесется митрополит Евлогий и не будет ли канонических препятствий к постригу.

Даниил Ермолаевич был против пострига и церковного развода, более того, он категорически отказывался дать свое письменное согласие. Немаловажным препятствием были и дети, которые в создавшейся новой ситуации попадали в довольно двусмысленное положение. Митрополит несколько раз беседовал со Скобцовым, с детьми и с Софьей Борисовной. В результате выяснилось, что канонические правила Номоканона (VII–IX века) в 14 титулах (II. 4), признавая применение 117-й новеллы императора Юстиниана (542 г.), допускают церковный развод в случае, если хоть один из супругов желает принять монашество. На этом основании митрополит Евлогий объяснился с членами семьи м. Марии, в результате чего Даниил Ермолаевич принял обоснования и условия, а митрополит согласился дать церковный развод супругам. О гражданском разводе в данном случае речь не шла: перед лицом церкви в нем не было нужды, а Скобцовы могли избегнуть лишних судебных расходов. Церковный развод состоялся 7 марта 1932 года — в годовщину смерти Насти.

---

[8] Пьянов Федор Тимофеевич (1889–1969) — один из руководителей РСХД. К середине 30-х гг. — активный помощник м. Марии и секретарь «Православного дела». Участник Сопротивления. 20 сентября 1941 г. был арестован и заключен в лагерь Компьень, в 1943 г. снова арестован гестапо вместе с о. Димитрием Клепининым и Юрием Скобцовым.

Все пересмотрено. Готов мой инвентарь.
О, колокол, в последний раз ударь.
Последний раз звучи последнему уходу.
Все пересмотрено, ничто не держит тут.

А из туманов голоса зовут.
О, голоса зовут в надежду и свободу.
Все пересмотрено. Былому мой поклон...
О, колокол, какой тревожный звон,

Какой крылатый звон ты шлешь неутомимо...
Вот скоро будет горный перевал,
Которого мой дух с таким восторгом ждал,
А настоящее идет угрюмо мимо.

Я оставляю плату, труд и торг,
Я принимаю крылья и восторг,
Я говорю торжественно: «Во имя,

Во имя крестное, во имя крестных уз,
Во имя крестной муки, Иисус,
Я делаю все дни мои Твоими».

(1932, Париж)

До совершения пострига Елизавета Скобцова провела три дня и три ночи в молитве в комнатке-келье Свято-Сергиевского института. От намерения принять тайный постриг она отказалась. Решила окончательно облачиться в монашеское одеяние в миру и открыто совершить пострижение. «Как-то невольно получилось так, что стала монахиней открыто», — писала она.

16 марта 1932 года в церкви парижского Свято-Сергиевского Богословского института митрополит Евлогий совершил постриг Елизаветы Юрьевны Скобцовой с наречением имени Мария. Ее облачили в белую мантию и вручили крест. Митрополит прочитал слова иноческого пострижения: «Приими, сестро Марие, щит веры, крест Христов <...> и памятствуй всегда, яко речет Господь: иже хощет по мне ити,

да отвержется себе, и возмет крест свой, и последует ми». Служба закончилась чтением тропаря о блудном сыне.

В рубаху белую одета...
О, внутренний мой человек.
Сейчас еще Елизавета,
А завтра буду — имя рек.

Нарекли Елизавету Юрьевну Марией в честь преподобной Марии Египетской; имя это было выбрано митрополитом Евлогием не случайно. Бывшая александрийская блудница подвизалась в пустыне за Иорданом и суровой аскезой прославила себя. К своему постригу Е.Ю. написала икону преподобной Марии Египетской, на которой изображен ангел, который крылами прикрывает и осеняет склонившуюся в смирении фигуру молодой женщины, а рукой указывает ей путь в сторону города и вверх, как бы говоря:

Иди, живи средь нищих и бродяг,
Себя и их, меня и мир сопряг
В неразрубаемый единый узел.

В литературно-художественной среде уход в монашество Елизаветы Юрьевны не вызвал особого удивления, многие уже знали, что за последние годы она целиком ушла в церковь и сблизилась с РСХД. А вот у церковных людей вызывала сомнение каноническая обоснованность ее монашеского пострига. Несмотря на то, что каноны нарушены не были, произошел некий пропуск первой ступени обетов. Рясофорное послушание длится довольно долго, и послушник проходит через целую череду испытаний, прежде чем подойти к полноте и готовности монашеского служения. И если даже Бердяев сомневался в правильности ее выбора («Должен сознаться, что я не сочувствовал принятию ею монашества. Я думал, что это не ее призвание...»), то что же говорить об обычных людях?!

Зинаида Гиппиус то ли с насмешкой, то ли с иронией писала в марте 1932 года Е.М. Лопатиной (сестре философа

Л.М. Лопатина, друга Вл. Соловьева): «А слышали ли вы о пострижении Скобцовой сразу "великим постригом"? Развелась с мужем, детей куда-то отдала, а сама постриглась... никуда, просто в миссионерки, но "лично", без всякой "общины"»[9].

Ответ митрополита на эти недоуменные вопросы был предельно прост: вся предшествующая постригу жизнь монахини Марии была школой прохождения через трудности и нужду. Она с честью прошла эти испытания. Позже аналогичную оценку дал и русский философ Ф.А. Степун: «Духовный путь, пройденный этой замечательной женщиной, можно по праву рассматривать как прообраз того пути, который один только и ведет к спасению»[10].

Исступленная самоотверженность м. Марии вызывала у церковных людей неприятие. В те годы в эмиграции о женском и мужском монашестве и русских монастырях во Франции вопрос не стоял. Путь, выбранный Елизаветой Юрьевной, не только при жизни, но и после ее кончины многих ввергал в недоумение. У обывателей (как на Западе, так и в СССР), не знавших историю России и эмиграции, сложилось некое отрицательное мнение, ставшее клише, надолго и сознательно затмившее сложный путь и образ этой многоталантливой личности. В среде интеллигенции она стала полуотверженной, а в среде церковной — полупринятой. Вероятнее всего, это происходило из-за невозможности принять ее такой, какой она была. Ее опаляющая самоотреченность во имя ближнего в условиях, когда люди эгоистически только и думали, как бы спасти самих себя, вызывала ропот и ненависть. Самоотречение во имя дальнего, а не своей рубашки, которая ближе к телу, чаще всего воспринимается не как милосердный жест, а как некая демонстрация своей «бедности паче гордости».

Вот и после ее гибели русские эмигранты первой волны выплеснули наружу свои эмоции: разорили ее церковь,

---

[9] *Гиппиус З.* Письма к Е.Н. Лопатиной и С.Л. Еремеевой // Вестник Русского христианского движения. Париж; Нью-Йорк; Москва. № 133 (I /1981 г.).

[10] *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся // Собр. соч.: в 2 т. Изд-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1956.

выбросили на улицу ее рукописи, иконы и фрески замазали коричневой краской, а в России предали забвению ее поэтическое прошлое.

Елизавета Юрьевна знала, сколь тяжела была ее миссия, становясь монахиней, она не очень заботилась о своей репутации, а прежде всего поставила перед собой цель: создать настоящий приют — дом с храмом, где люди могли бы не только поесть и обогреться, но и получить помощь в оформлении документов для получения так называемого эмигрантского разрешения на работу. Можно допустить, что если бы м. Мария стала диаконисой, то она встречала бы меньшее сопротивление со стороны окружающих. До революции неоднократно поднимался вопрос о восстановлении чина диаконис, но дискуссии так и остались дискуссиями. Известный русский богослов, канонист С.В. Троицкий, закончивший свои дни в Югославии, посвятил целый ряд статей монашескому и диаконическому служению. В результате своих исследований он пришел к выводу, что оба пострига на протяжении веков слились в один чин — монашеский.

Обычное обращение к монахине — «сестра». Однако новая монахиня сразу же получила иное имя — мать Мария. Такое обращение допускается лишь к старшей в монастырской иерархии — игуменье. «Присвоение» его Скобцовой могло означать признание ее заслуг на ниве милосердия и благотворительности. «Ее легко стали именовать матерью Марией, постепенно забыв ее мирское имя. Да и сама монахиня Мария считала свою благотворительную деятельность "всеобъемлющим материнством", — отмечает критик Т.А. Манухина.[11]

Вначале митрополит Евлогий очень надеялся, что мать Мария пойдет по пути традиционного монашества. Но еще до пострига он понял, что у нее другой путь. Ей необходимо было проверить себя, свои силы, выбор монашеского послушания должен был созреть постепенно. Почти сразу она проехала по монастырям, побывала и в Эстонии, в женском Пюхтицком монастыре, ездила в Финляндию, на Валаам. В результате этой поездки она еще сильнее почувствовала

[11] *Манухина Т.* Монахиня Мария // Новый журнал. Нью Йорк. 1955.

свое призвание, вся ее деятельная натура была направлена к служению в миру.

Где-то в середине 30-х гг. митрополит Евлогий и мать Мария вместе ехали в поезде и, стоя у окна, любовались пейзажем Франции; неожиданно для нее самой он задумчиво вслух произнес: «Вот ваш монастырь, мать Мария!»

Основоположницей женского келейного монашества во Франции она не стала. Не оправдались надежды митрополита Евлогия. В конце 30-х гг. он с прискорбием говорил, что «монашества аскетического духа, созерцания, богомыслия, то есть монашества в чистом виде, в эмиграции создать не удалось <...> потому что аскетическое монашество — цвет и украшение Церкви, показатель ее жизненности». Он внимательно и с большой сердечностью относился ко всем начинаниям м. Марии, помогал ей во всем, с его благословения и помощью она открыла свои дома и храмы.

* * *

В сентябре 1932 года мать Мария подписала свой первый контракт на аренду дома, в нем она собиралась устроить «Общежитие для одиноких женщин». Этот дом на ул. Вилла-де-Сакс в Париже был снят ею без всяких надежных финансовых средств. Пришлось взять денег в долг. Потом у нее подобная ситуация повторялось часто. Сначала возникала идея, которой она была одержима, и она погружлась в нее с головой, заражала своим энтузиазмом своих помощников, ее пытались отговорить, образумить, но она никого никогда не слушала и... у нее получалось. Она добивалась цели!

«9, Вилла-де-Сакс. Тупичок, вымощенный большими булыжниками, освещенный одиноким фонарем; рядом глухая стена монастыря Кларисс, дальше какие-то ненаселенные места. Ворота автоматически открываются: небольшой дворик, двухэтажный особняк. В столовой сидят монахиня Мария, ее мать Софья Борисовна, ее сын Юра — шустрый, быстроглазый мальчик лет 13-ти и несколько неопределенных девиц-пансионерок. Мебель сборная с аукционов Саль Друо: разнокалиберные стулья. Качалка с “роскошной” подушкой, купленная за 7 франков. Мать Мария показывает мне свои

владения. 14 комнат на втором этаже, домашняя церковь, сделанная собственными руками, иконостас с малиновыми цветами на синем фоне с белыми крыльями. Иконы Рейтлингер[12] в рублевском стиле. "Чашу для св. Даров, — говорит м. Мария, — нам подарила монахиня-нищенка, тоже мать Мария. Вы ее, наверное, знаете, она сидит у ворот церкви на рю Дарю и просит: "Помогите, родимые". И вот на свои нищенские гроши купила Чашу". Потом мы пьем чай. Стиль общежития — веселый, все шутят и смеются. Большая простота и добродушие. Софья Борисовна приносит коробку с семейными фотографиями...»[13]

Эта зарисовка — отрывок из кратких дневниковых записей друга и единомышленника м. Марии историка и писателя К.В. Мочульского, датированных 1932–1945 гг. Сохранились воспоминания и Софии Борисовны о том, как обустраивались первые дома и церкви ее дочери:

«Мать Мария попросила у Владыки благословение на устройство женского общежития и домовой церкви. Средств у нее не было, но была вера в помощь Божию и громадная энергия. Дом был нанят на улице Вилла-де-Сакс, и контракт подписан в день праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Владыка сказал, что это прямое указание свыше, чтобы храм наш был во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и еще заранее пожертвовал на наем дома 5000 фр. "Но, — сказал Владыка, — я больше не могу вам помочь, устраивайте сами"»[14].

Дом был совершенно не благоустроен, в нем не было мебели, но мать Мария первая поселилась в нем и стала спать просто на полу. Очень скоро приют стал настолько известен в Париже своим гостеприимством и действенной помощью,

---

[12] Рейтлингер Юлия Николаевна (Иоанна; 1898–1988, Ташкент), иконописец. В 1921 г. перешла границу с Польшей, жила в Праге в семье проф. П.Б. Струве. Общалась с М. Цветаевой, создавала портреты поэтессы и ее дочери Али. Занималась иконописью у старообрядца П.М. Софронова. В 1935 г. приняла монашество (рясофор) с именем Иоанна.

[13] *Мочульский К.В.* Воспоминания. Машинопись, архив Кривошеиных.

[14] *Кривошеина К.* Красота спасающая. СПб.: Искусство—СПб, 2004.

что матери Марии пришлось перейти жить в каморку под лестницей, за котельной, часть ее окна была врыта в землю. Там она принимала друзей, приглашая их «посидеть на пепле». В этом закутке были иконы, много книг, рукописей, вышивок, портреты умершей дочери, скудная мебель и дыра, заткнутая старым сапогом, где жила прирученная крыса. Мать Мария не принадлежала себе: в дверь непрерывно стучали. Иногда приходило до сорока человек в день — знакомых и незнакомых, со своими нуждами, горестями и радостями.

Постепенно храм обстраивался, оживал молящимися, а это было трудным делом, так как икон почти не было, и вот первое пожертвование пришло от сестры Иоанны Рейтлингер, которая сама была иконописцем. Именно здесь мать Мария впервые расписала стены и часть царских врат растительным орнаментом. Сохранились фотографии этого храма, и на них видно, сколько было вложено ею собственного умения и любви во внутреннее убранство церкви, росписи стен и окон. «Одна из комнат на Вилла-де-Сакс была превращена ею в домовую церковь, которую мать Мария сама расписывала. Над северными и южными дверьми в алтарь парили на голубом фоне белоснежные серафимы и херувимы; рядом с ними были веселые узоры из цветов в современном русском стиле, напоминающие работы Н. Гончаровой»[15].

Общественная жизнь набирала обороты, 21 января 1933 года в помещении на ул. Вилла-де-Сакс прошел съезд Лиги православной культуры. К. Мочульский писал: «В субботу всенощная. В воскресенье литургия. Служит о. Сергий Булгаков. Львиная голова, порывистые движения, хриплый взволнованный голос. Когда он стоит перед престолом, кажется, что он в огне. Мать М. мне говорит: “Отец Сергий — мой духовный отец, я ему всем обязана. Через сто лет его будут почитать, как отца Церкви”. Доклады, обсуждения: на ужин каша и чай. Владыка Евлогий благодарит меня за доклад и говорит: “Вот мать Мария постриглась и с тех пор все сияет”. В “Последних новостях” прочел: “Церковь матери Марии. Вечерняя пассия. Краткое слово скажет отец Лев Жилле”. Захотелось поехать. В маленькой, почти пустой церкви

[15] Из воспоминаний Софьи Борисовны Пиленко.

о. Лев читал по-французски страсти по Евангелию от Марка. Надвигались сумерки. Кто-то в углу стоял на коленях, кто-то плакал. Мать Мария лежала на полу ничком, прижав голову к рукам — долго и неподвижно»[16].

8 ноября 1933 года состоялось открытие Богословских (миссионерских) курсов с числом слушателей в 56 человек. Вступительная лекция была прочитана о. Сергием Булгаковым, задача была поставлена большая: лекции по изучению Священного Писания, семинары, дискуссионные собрания, борьба с безбожием, с равнодушными, оккультистами и сектантами. За несколько месяцев до этого события Мочульский пришел к м. Марии: «Сидим с матерью в ее чулане "на пепле". Она снимает апостольник и сразу делается моложе, домашнее, с трогательными двумя косичками. Увлечена идеей курсов. "А знаете, в миссионерстве есть большой соблазн. Вот существует Церковь, Евангелие. Но чтобы привести к ним каких-то Ивана Ивановича и Марью Ивановну Богу понадобилась еще моя личность! Не очень ли много я о себе воображаю?" Мать собирается снять дом в 48 комнат. "Необходимо иметь твердую базу, и тогда можно будет завести типографию и журнал, и курсы, и столовую. Чем больше я думаю, тем больше прихожу к заключению, что путь мой правильный, что все другие пути не для меня. Правильный, но ах! Какой трудный!"» [17]

Действительно, дело, которое начиналось буквально из ничего, через два года настолько расширилось, что потребовало большего помещения, и мать Мария пустилась на поиски нового места; риск был огромный, потому что денег не было, но коли уж она задумала, то отступать не хотела. И вскоре на улице Лурмель, 77 был найден большой дом.

* * *

Новый дом стоил 20 тысяч франков в год, денег никаких, но она не сомневается в задуманном: «Вы думаете, что я бесстрашная. Нет, я просто знаю, что это нужно и что это будет.

---

[16] *Мочульский К.* Воспоминания. Машинопись, архив Кривошеиных. См. ссылки на К. Мочульского в «Летописи жизни».

[17] Там же.

На Сакс я не могу развернуться. Я кормлю теперь двадцать пять голодающих, там я буду кормить сто. Я просто чувствую по временам, что Господь берет меня за шиворот и заставляет делать то, что Он хочет. Так и теперь с этим домом. С трезвой точки зрения, это — безумие, но я знаю, что это будет. Будет церковь, и будет столовая, и большое общежитие, и зал для лекций, и журнал. Со стороны я могу показаться авантюристкой. Пусть! Я не рассуждаю, я повинуюсь».

На улице Лурмель во дворе была конюшня, а само здание сильно запущено и необитаемо. Настоящая парижская трущоба. Так уж получилось, что довольно большое русское поселение эмигрантов сконцентрировалось в 15-м округе Парижа. В то время этот район был достаточно бедным; на улицах скорее слышалась не французская, а русская речь. Сейчас практически ничего не осталось от тех трущоб, за последние 80 лет этот округ превратился в благоустроенный буржуазный район.

С помощью сына Юры м. Мария устраивает церковь в гараже. Налаживание жизни требовало помощников: Гаяна заведует столовой, сын прислуживает священнику. «Сама (м. Мария) все умеет делать: и столярничать, и плотничать, и малярничать, шить, вышивать, вязать, рисовать, писать иконы, мыть полы, стучать на машинке, стряпать обед. Набивать тюфяки, доить коров. Полоть огород. Она любит физический труд и презирает белоручек. Еще одна черта: она не признает законы природы, не понимает, что такое холод, по суткам может не есть, не спать. Отрицает болезнь и усталость, любит опасность, не знает страха и ненавидит всяческий комфорт — материальный и духовный. “Особенно духовный, — говорит она, — всякие духовные пути в кавычках — почти всегда это просто ханжество”»[18].

В воскресенье 14 ноября 1934 года состоялся первый храмовый праздник на рю Лурмель, церковь осветили в честь Покрова Пресвятой Богородицы.

Софья Борисовна с самого начала взяла на себя роль старосты прихода. «Говорили, что раньше в зале продавали доски, зал был перегорожен, — вспоминает С.Б. — Там, где

[18] *Мочульский К.* Из дневниковых записей (архив Кривошеиных).

были окна, видимо, сидели конторщики, другая же половина без окон была почти темная, нельзя было видеть, какой в ней пол, каменный или деревянный, первым делом сняли перегородку. Мать Мария повязала голову платком, взяла принадлежности для мытья пола и принялась за работу. К ее изумлению и радости, пол оказался паркетным, а на дверях после мытья показались золотые обводки. Как по волшебству открывалось, что это старый, когда-то прекрасный особняк. Окна были так грязны, что из них ничего не было видно.

Труднее было с обустройством церкви. В этом помещении когда-то была конюшня. Направо от входа во всю длину были ясли для многих лошадей. Когда все это было уничтожено (расчищено), матери Марии пришла мысль для амвона употребить каменные плиты, находящиеся во дворе. Иконостас храма, бывшего на улице Сакс, оказался слишком мал для нового помещения церкви. Опять пришла на помощь милая сестра Иоанна (Рейтлингер) и дала иконы своей работы: Спасителя и Божьей Матери для иконостаса и огромную икону Покрова Богородицы на наружную стену над входом в храм. Мать Мария вышила Тайную вечерю над царскими вратами, хоругви, малую плащаницу, большое полотно с ангелами и именами умерших и массу мелких вещей — облачения на аналоях и столиках, два стихаря для чтецов, а также замечательные облачения для священника (лиловое бархатное с каменьями и теплое с красной вышивкой).

И теперь в лурмельской церкви все ризы (кроме пасхальной) работы м. Марии, и одна из них — художественное произведение! Это богородичная риза из синего шелка с чудными вышивками всех Празднеств Пресвятой Богородицы, то, что принято называть Богородичными праздниками. Прелестна епитрахиль с вышитым на ней Благовещением, на филоне ризы (спина и грудь) вышиты праздники Успение и Сретение, на плечах Рождество и Введение во Храм...»[19].

Целиком востребован оказался не только огромный труд матери Марии в организации, строительстве и привлечении людей, но и ее художественный талант. Утварь и

[19] *Пиленко С.Б.* Из воспоминаний (архив Кривошеиных).

книги, перекочевавшие из прежнего дома на улице Сакс, — непрестанно пополнялись. Люди приносили и жертвовали иконы и даже чашу для Евхаристии принесла нищая монахиня, купившая ее на собранную милостыню. Внутри лурмельской церкви мать Мария повесила специальный занавес из тяжелой ткани, на котором вышивала имена умерших, своеобразный синодик, по которому священник совершал поминальные молитвы по усопшим.

Постояльцы общежития могли, но не были обязаны посещать церковь. Монахиня Евдокия (Мещерякова; 1895–1977) перебралась из СССР в Париж в 1932 году. Вначале она появилась на улице Вилла-де-Сакс, прибилась к общине, вжилась, стала помогать. Мать Мария, почувствовав в ней монашеское призвание, стала уговаривать ее принять постриг, и вдруг выяснилось, что она уже тайно постриглась в 1927 году в крымском монастыре города Кизельташ. В 1932 году ее арестовали, но вместо ссылки ей было разрешено с семьей выехать во Францию. В Париже она преподавала английский язык в Свято-Сергиевском институте и, узнав о новообразованной общине м. Марии, по благословению митрополита Евлогия стала ее самоотверженной помощницей. К сожалению, со временем стало ясно, что во многом их понимания монашеского служения не совпадали. Со слов м. Евдокии: «Я матери Марии боялась, а ее я раздражала».

Была при лурмельской церкви и вторая монахиня, Бландина (Оболенская) из семьи известного общественного деятеля князя В.А. Оболенского. Она приняла постриг в 1937 году, а с начала основания РСХД стала активным членом этой организации. Расставшись в 1939 году с м. Марией, вместе с м. Евдокией они основали монашескую общину в местечке Муазен в 50 км от Парижа, а позднее, в 1946 году перебрались в Бюси-ан-От (Бургундия), где был основан Покровский женский монастырь.

Несколько лет на ул. Лурмель служил отец Киприан (Керн)[20] — строгий, традиционного направления иеромонах.

---

[20] Киприан (Керн; 1899–1960), архим., был духовником писателя Бориса Зайцева: «Как исповедник он был очень милостив. Грешнику всегда сочувствовал, всегда был на его стороне» (Б. Зайцев).

Он не разделял взглядов на монашеский путь, выбранный м. Марией, и это было тяжело для них обоих. Три года, что он пробыл в качестве настоятеля, были большим испытанием для общины. «Наш новый священник очень славный человек, он очень умный, но он слишком строг» — так писал в одном из писем Юра Скобцов. Митрополит Евлогий к осени 1939 года перевел о. Киприана в Богословский институт, а на место его назначил о. Димитрия Клепинина, настоящего духовного друга м. Марии. Их единодушие и взаимная поддержка помогли м. Марии расширить ее деятельность. Митрополит Евлогий при всей поддержке, которую он оказывал м. Марии во всех ее начинаниях, в своей книге «Путь моей жизни» как бы сетует на сложившуюся ситуацию: «Потом пришла к монашеству постриженная мною м. Мария (Скобцова), женщина умная, богато одаренная, образованная и с крепкою волею. Я обрадовался и мечтал, что она сделается основоположницей женского монашества в эмиграции. В Париже она создала небольшое церковное общежитие, сначала в улочке-тупике (Villa de Saxe), выходящей на avenue de Saxe, а потом на rue Lourmel, № 77. К сожалению, скоро выяснилось, что м. Мария неспособна воспринять идею подлинного, исторического монашества. Она вышла из левых интеллигентских кругов, отлично понимала и умела справляться со специальной церковной работой (попечение о безработных, больных, умалишенных...), называла свою общественную деятельность “монашество в миру”, но монашества, в строгом смысле этого слова, его аскезы и внутреннего делания, она не только не понимала, но даже отрицала, считая его устаревшим, ненужным. Внутренний смысл монашества, его особенный, чисто церковный характер так мне и не удалось ей разъяснить».

За несколько лет до 1939 года в самом Париже она открыла еще несколько приютов и санаторий для туберкулезных, который в последствии был превращен в дом отдыха

«Единственной подлинной радостью было в его жизни богослужение, совершение Евхаристии, мистические глубины Страстной недели, Пасхи» (о. А. Шмеман). Митр. Иларион (Алфеев): «Был человеком высокой культуры. Блестяще знал русскую литературу и поэзию; среди его любимых авторов Константин Леонтьев и А. Блок».

для выздоравливающих после больницы. Позднее, кроме общежития на Лурмель, мать Мария организовала и другие учреждения: общежитие для семейных «Православный очаг» на улице Франсуа Жерар, 43; общежитие для мужчин на Феликс Фор, 74. Для детей бедняков были организованы школы: на улице Лурмель («четверговые»), а также на улице Жобе Дюваль и в фабричной зоне Монруж под Парижем.

Мать Мария вела всю бухгалтерию, доставала продукты, чаще всего сама стояла у плиты. Столовую посещали в основном безработные, доходило до 120 обедов в день, часть обедов выдавалась бесплатно, часть — по самым низким ценам. Знавший в те годы мать Марию о. Борис Старк[21] как-то спросил ее, почему она берет со своих столующихся за обед один франк, в то время как в обычной столовой такой обед стоил бы 8 франков. На это мать Мария ответила: «Я кормлю за франк, и все довольны. Если же я стала бы давать даром, каждый сказал бы: "Даром кормить невозможно. Значит, кто-то дает деньги и, возможно, часть остается в ее кармане". А если я вижу, что человеку и франк не по силам, я ему его дам. Но все же он будет относиться к этому обеду более уважительно». Ее смущало не то, что ее осудят, а то, что у человека могут возникнуть нехорошие мысли, подозрения. Несмотря на то что столовая была почти бесплатной, блюда были приготовлены вкусно, здесь и в постные дни подавалась скоромная еда. Приходила и французская беднота. Позднее на Лурмель открылся «очаг для женщин», куда попадали самые разные социальные слои общества вплоть до наркоманов и пьяниц. Мать Мария приютила у себя бесплатно несчастную морфинистку, которая на следующий день украла у Гаяны 25 франков. Началось разбирательство, и конечно, подозрение пало на пришелицу. Но м. М. подбросила свои деньги под диван и за обедом сказала: «Вот как опасно обвинять, не разобрав дела. Деньги просто завалились за диван». Морфинистка расплакалась и бросилась обнимать мать Марию.

---

[21] Старк Борис Георгиевич (1909–1996, Ярославль) – митрофорный протоиерей. В студенческие годы принимал активное участие в РСХД, в 1937 г. был рукоположен митр. Евлогием. В 1952 г. вернулся в СССР.

Она радовалась и гордилась достижениями, но в то же время очень не любила говорить о своей исключительности и о своем монашестве. Манухина вспоминала, что м. М. «между прочим, считала, что ее монашество позволяет ей успешнее вести борьбу с бюрократизмом: «Благодаря тому что я в монашеском одеянии, многое мне доступно и просто <...> в правительственных учреждениях всюду монахине легче справиться с трудностями, добраться до начальства, обойти волокиту».

Физической работы м. Мария не боялась, всегда с улыбкой, в приподнятом настроении и в то же время находила время писать статьи, выступать на конференциях, рисовать, писать иконы и вышивать. Русские студенческие кружки (группы) были немногочисленными, но м. Мария любила общаться с молодежью, частенько выступления-лекции заменялись непринужденным и задушевным разговором. Она читала стихи (и не только свои), вела евангельские беседы, рассказывала о живописи. Будучи разъездным секретарем РСХД, она много путешествовала по Франции. На заседаниях она не отрывалась от рукоделия, ее руки всегда были заняты работой. Многие, знавшие м. Марию в те далекие годы, свидетельствовали о том, что часто видели ее с иголкой в руках. Она вышивала гладью, тонкие шелковые нити переплетались с более грубыми льняными, порой дополнялись бисерной инкрустацией, искусственным жемчугом и камнями. Чаще всего эти вышивки рождались, что называется, по наитию, без предварительного рисунка, часто на глазах у зрителей.

Однажды сын Юрий, увлеченный изучением истории искусства, принес домой альбом с репродукциями знаменитого ковра королевы Матильды из Байё (на тему захвата Англии норманнским королем Вильгельмом-Завоевателем). Ей настолько понравился стиль гобелена и техника исполнения, что она решила перенять его и вышила в этой же манере огромный гобелен — «Жизнь царя Давида». Эта работа (около 5 метров в длину) сохранилась до наших дней и находится в одном из православных монастырей Англии.

На протяжении всей жизни и в стихах, и в живописи м. Мария неоднократно возвращалась к теме царя Давида. Со слов Софьи Борисовны, «ее всегда пленяли его вдохновенные

псалмы и любовь к Богу. По отзывам знатоков, эта великолепная вышивка ("жизнь царя Давида") — художественное произведение. Но работы м. Марии "кому-то" очень не нравились, и после ее ареста (1943 г.) их старались уничтожить. Когда я вернулась на Лурмель (после войны), то услышала, что "кому-то" сюжет царя Давида показался неподходящим для храма, и вышивка была снята. Я попросила у заведующей ризницей, что, если царь Давид не нужен, то отдали бы его мне, но В.В. Д. ответила, что ни одну малейшую вещь из церкви нельзя взять... и еще в церкви были закрашены все арабески под иконами иконостаса, вместо этого под ними были подвешены куски красной материи. Той же коричневой краской закрашен свечной ящик. На нем был изображен матерью Марией сад с деревом познания добра и зла»[22].

Можно говорить как о чуде, что, несмотря на обстоятельства, время и не всегда доброжелательное отношение к бескорыстной монахине, — до нас дошли не только архивные фотографии, но и оригиналы ее вышивок, иконы, рисунки и тексты. Из лурмельского периода сохранился «Ангел с кадилом»[23], замечательный гобелен на тему Откровения св. Иоанна Богослова. «И пришел иной Ангел, и стал перед жертвенником, держа золотую кадильницу; и дано было ему множество фимиама, чтобы он с молитвами всех святых возложил его на золотой жертвенник, который перед престолом» (Откр. 8). «Ангел изображен как дьякон, исполняющий служение в Небесной литургии»[24].

Эта икона мастерски выполнена в необычной смешанной технике; дорогих подручных материалов у м. Марии не могло быть, и она употребила обрезки разноцветного шелка, расшила их серебряными нитями, украсила бисером и искусственным жемчугом. Несмотря на бедность материала, благодаря виртуозности исполнения икона производит

---

[22] Из воспоминаний С.Б. (машинопись, архив Кривошеиных).

[23] Хранится в церкви Покрова и Прп. Серафима Саровского на улице Лекурб в Париже. «Образ вызывает в памяти известного "Ангела с кадилом" М. Врубеля, и это не случайно, мать Мария является наследницей искусства русского модерна» (*Языкова И.* Образ // Дорога вместе. 2004).

[24] Сноска к вышивке.

впечатление богато украшенного гобелена. Мать Мария любила и знала традиции иконографии, но никогда не замыкалась на них. Ангел из Откровения возникает и в ее стихах:

Глаза средь этой темноты кромешной
Привыкли в небе знаки различать.
Они видали, как рукой нездешней
Снял Ангел с Откровения печать.

В начале 2001 года в парижском соборе Александра Невского нашлись еще три иконы лурмельского периода: св. Филипп, митрополит Московский, образ Спасителя на убрусе и икона Божьей Матери. Эти работы сделаны единовременно, на одном дыхании и великолепно дополняют представление о прикладном и декоративном даре монахини. Как и в «Ангеле с кадилом», она смело использует различные фактуры: искусственные камни, бисер. Лики икон написаны сестрой Иоанной Рейтлингер и гармонично вписываются в стиль м. Марии.

Этот своеобразный триптих предназначался для маленькой уютной церкви-часовенки, которую м. Мария и о. Димитрий Клепинин устроили в пристройке основного храма, где вначале помещалась ризница. Со временем они мечтали объединить обе церкви в одну при помощи арки.

По благословению покойного архиеп. Сергия (Коновалова)[25] некоторую часть уцелевшего прикладного наследия м. Марии удалось собрать вместе и перенести в один из храмов в Париже[26]. Получился своего рода небольшой музей из десяти работ: плащаница, вышивки, иконы, два облачения... Храм на улице Лурмель больше не существует, он был снесен в начале 60-х годов, вместо него построено серое шлакоблочное здание, на котором висит табличка в память о м. Марии, с 2013 года улица носит имя монахини.

---

[25] Сергий (Коновалов; 1941–2003, Париж), архиеп. Евкарпийский — экзарх Константинопольского патриарха в Западной Европе для приходов русской традиции.

[26] Храм Покрова и Прп. Серафима Саровского на улице Лекурб (Архиепископия КП).

В воспоминаниях Т.П. Милютиной[27], жившей в Париже в 30-х гг., есть интересные описания творческого процесса м. Марии. Вместе с подругами Милютина отдыхала летом 1931 года в молодежном лагере РСХД на побережье Бискайского залива, неподалеку от Бордо. К ним на отдых приехала (еще до пострига) Елизавета Юрьевна. По распорядку в лагере утром девушки шли на пляж, а после обеда, в тихий час, они часто просили Е.Ю. побеседовать с ними. Даже самые легкомысленные и равнодушные не могли не слушать ее — она всегда говорила со страстным напором, убежденно и искренне. Такие беседы проводились на живописной лужайке, окруженной цветущим вереском и соснами. Под лучами ласкового солнца девушки вязали, а Елизавета Юрьевна вела беседу и вышивала. «Это вышивание было необычайно и очень нас занимало. Между кружками пяльцев натягивалась плотная простая материя, на которой ровным счетом ничего не было нарисовано. А Елизавета Юрьевна рисовала прекрасно! На этой поверхности появлялись причудливые рыбы: горбились их спины, сверкала чешуя, извивались хвосты. Елизавета Юрьевна знала стелющиеся швы старинного иконного шитья, и нитки, подобранные ею, были необычных, перекликающихся тонов. На эти рыбы ложилась тонкая сеть, к ним протягивались руки, над ними возникали согнувшиеся, с изумленными лицами фигуры рыбаков-апостолов. Так к концу нашего месячного отдыха Елизаветой Юрьевной была вышита икона на тему Евангелия о ловле рыбы».

Написанное в 1912 году стихотворение неожиданно воплотилось в 1931 году в вышивку:

Вышью я над водою оливковый лес,
Темных снастей кресты, рыбарей,
Бесконечную синь распростертых небес,
Красных рыб средь прозрачных морей.
И средь синего полога голубь взлетит.

---

[27] Милютина Т.П. (1911–2004) — активный член РСХД, автор книги воспоминаний «Люди моей жизни» (Тарту, 1997).

* * *

«Все больше убеждаюсь в том, что мне дано жить не во дворце Хозяина, а где-то подальше, на хуторах. Роль моя чисто инструментальная. Когда я постриглась, я думала, конечно, о своей "духовной жизни", но вот с тех пор как я стала монахиней, я поняла: Бог сделал меня орудием, чтобы с моей помощью расцветали другие души» (м. Мария).

По натуре и по убеждениям мать Мария была максималисткой. Многие русские эмигранты относились к ней с недоверием и недоброжелательно, ее монашество многих шокировало, а церковная благотворительность была настолько нова в те годы, что вызывала недоумение и ропот. Сама она считала, что в нашу страшную эпоху разрушения, полной дисгармонии чувств, близкого апокалипсиса, ее путь предначертан, а потому не могла отгородить себя от страданий за ближнего: «Тема Апокалипсиса обретает особое звучание к концу 30-х гг. в связи с надвигающейся катастрофой, — что остро ощущается <..> и звучит в статьях о. Сергия Булгакова "Размышления о войне" (1940) и матери Марии "Прозрение в войне" (ок. 1942)»[28].

Ближе к войне она все чаще повторяла, что эмиграция мертва, что разговорами и «своими докладами мы только гальванизируем труп». Единственно жива в эмиграции церковь, тоненькая жилка, по которой еще течет кровь и что только на церковной ниве можно еще что-то сделать. В этом, — как она сама утверждала, — и есть историческое призвание русской диаспоры. В 1937 году в разговоре с К. Мочульским в период тяжелого душевного надрыва она признается, что пора ей передать дом и храм другим и «отправиться скитаться по Франции»: «Теперь мне ясно: или христианство — огонь, или его нет. Мне хочется просто бродить по свету и взывать — "покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!", и принять всякое поношение и зол глагол. Пусть мы призваны к духовной нищете, к юродству, к гонениям и поношениям — мы знаем, что это единственное призвание, данное самим гонимым, поносимым, нищающим и умаляющимся Христом».

---

[28] Т. Викторова, статья «Руководитель, друг, отец: мать Мария (Скобцова) и прот. Сергий (Булгаков)».

Без сомнения, мать Мария была универсальной личностью, наделенной разными талантами. Навыки живописи, рисунка и композиции, приобретенные в России, нашли свое развитие и применение во Франции. В работе над иконой у нее определился свой стиль; ее «богословие в красках» скорее сродни таким художникам, как о. Григорий Круг[29], Д. Стеллецкий[30] и с. Иоанна Рейтлингер, чем иконописи Леонида Успенского[31]. Со временем группа художников, примыкавших к «новому богословию» Свято-Сергиевского института, стала именоваться Парижской школой иконописи. У каждого из них были учителя в России, каждый прошел свою живописную школу, но в условиях эмиграции их таланты и уменя были приложены к украшению храмов. Так и монахиня Мария в своем творчестве не только не забывает навыки учителей Серебряного века, она идет дальше:

Будет дом, а не какой-то склеп.
Будет кров, — не душная берлога.
На тарелке я нарежу хлеб,
В чаше растворю вина немного.
Сяду, лоб руками подперев,
(Вот заря за окнами погасла).
Помню повесть про немудрых дев,
Как не стало в их лампадах масла.

---

[29] Инок Григорий (Круг; 1906–1969, Франция) — иконописец. В 1931 г. знакомится и заводит дружбу с Л.А. Успенским. В 1933 г. вступил в православное Братство св. Фотия в Париже, под руководством В.Н. Лосского. Активный участник парижского общества «Икона». В 1935 г. при участии Успенского расписывал церковь Трехсвятительского патриаршего подворья в Париже. В 1948 г. от своего духовного отца архим. Сергия (Шевича) принял монашеский постриг с именем Григорий.

[30] Стеллецкий Дмитрий Семенович (1875–1947, Париж) — с 1914 г. в Европе. Расписал храм Св. Сергия Радонежского на Свято-Сергиевском подворье в Париже (образцом служили фрески Ферапонтова монастыря близ Белого озера).

[31] Успенский Леонид Александрович (1902–1987, Париж) — иконописец, богослов. Автор труда «Богословие иконы Православной Церкви». С 1953 по 1958 г. преподавал иконоведение. В 1969 г. читал лекции в Московской духовной академии.

В стихах 1937 года мать Мария возвращается к евангельской притче о десяти девах, пяти мудрых и пяти неразумных (Мф. 25:1–13). Она дополняет свои стихи рисунком: монахиня в апостольнике и рясе, на столе хлеб, чаша с вином, готовая к причастию, и зажженная лампада. «Тогда подобно будет Царствие Небесное десяти девам, которые, взяв светильники свои, вышли навстречу Жениху» (Мф. 25:1). Конечно, образ жениха — это аллегория, и ее нужно понимать как образ идущего навстречу к нам Спасителя.

Дух, боренье в этот час усиль.
Тише. Стук. Кричит пред утром петел.
Маслом сыт в лампаде мой фитиль.
Гость вошел. За ним широкий ветер.

Развивая тему добра и зла, она пишет: «Неизбежность заставила меня подняться на высоты!» Раскаяние, беспощадное осуждение себя, доходящее порой до физического самобичевания, было присуще ей с ранних лет. Путь, на который она вступила, был действительно «горний и долгий», Господь указал ей тернистый путь, уврачевал язвы прошлого, и она, как египетская блудница, пала ниц и обнажила перед Богом всю свою душу — она «обнищала до конца». «Иисус стоит и ждет. Но людям дана свобода следовать за Ним или навсегда остаться у подножья горы» (м. М. 1937 г.).

«Мать Мария особенно чтила Христа ради юродивых, подвижников, не уединявшихся в монастырских стенах, а совершающих свой подвиг в миру под личиной безумных и убогих, служа людям и принимая поругания», — вспоминает И.А. Кривошеин. Большой образ Василия Блаженного был написан ею в середине 30-х годов. Вокруг центральной фигуры святого Василия изображены чудеса, знамения и предсказания святого в царствование Иоанна Грозного. Василий Блаженный был юродивый, каких принято называть «спасающими святыми». Тема юродства, странничества и аскетизма всегда волновали м. Марию. В своей статье «О юродстве» она останавливается именно на тех моментах в житии св. Василия, которые изображены ею на иконе.

Несомненно, что мать Мария чувствовала себя причастной к этому типу святости, о чем свидетельствуют страницы, посвященные старчеству в ее статье «О монашестве». Историк Н. Каухчишвили[32] пишет: «Хотя она и не заточала себя в духовной пустыни перед принятием монашества, тем не менее прошла через пустыню страданий, которым подвергла ее жизнь, через школу крайнего аскетизма, которая придала ей необычайную духовную силу, сравнимую с силой современного старца в женском обличье. Она была готова отказаться от всего, чтобы поделиться с другими своими духовными завоеваниями. Пример тому — эссе об аскетизме "Аскетика человекообщения"»[33]. Сочинение это мистического характера, и, чтобы написать его, она удалялась в свою пустынь и пребывала там как затворница, пока работа не была закончена. Она делала это с той же конкретной серьезностью, с которой вершила общественную деятельность, потому что чувствовала себя обязанной оставить свое духовное наследие также и в виде письменных рассуждений.

В литературе о матери Марии до сих пор слишком мало связывалась ее практическая, социальная жизнь с тем, о чем она пишет в своих статьях. Если в будущем удастся связать вместе именно это, то личность матери Марии получит наконец достойную адекватную оценку. По свидетельствам, которыми мы располагаем, мать Мария, как и старцы, была наделена редкой проницательностью. Б.П. Плюханов про нее пишет: «Она умела с поразительной проницательностью определить характер человека, даже предсказывала его будущее. Держа собеседника за руку, она вглядывалась в его глаза, и ее определения были искусством психолога, а не опытного хироманта»[34].

---

[32] Каухчишвили Нина Михайловна (1919–2010) — итальянский литературовед. Родилась в семье эмигрантов из России, отец — грузин, мать — русская. В 60-х годах организовала славяноведческую кафедру в унивеститете Бергамо. В 90-х годах была одним из организаторов ежегодных конференций в монастыре Бозе на тему русской духовности.

[33] *Каухчишвили Н.* Святость, юродство, странничество и старчество Матери Марии.

[34] *Плюханов Б.В.*// РСХД в Латвии и Эстонии (сб.). Р.: YMCA-Press. 1993.

Этот особый дар матери Марии получает дальнейшее развитие в те месяцы, которые она провела в лагере Равенсбрюк... Стихи, которые определенно можно рассматривать как часть духовной автобиографии матери Марии, — своего рода «самопознание» (по Бердяеву) — пронизаны заботой о внутренней жизни ближнего, навеяны сознанием ее материнской ответственности:

Нет, мир с тобой, я говорю, сестра, —
И ты сестру свою сегодня слушай, —
Мы — искры от единого костра,
Мы — воедино слившиеся души.

В дополнение хочу привести свидетельство А.А. Угримова, заведующего мельницей около Парижа[35]: «Ее необычный вид, немного напоминавший древних юродивых, вызвал недоумение у французских рабочих». Спустя много лет Угримов воскрешал эту встречу в начале войны, когда она приехала к нему вести переговоры о доставке продуктов для тех, кого она скрывала от немцев у себя на рю де Лурмель: «От встречи, от беседы с матерью Марией у меня осталось воспоминание чего-то светлого, легкого <...> Я запомнил ее улыбающейся, я бы сказал, духовно радующейся, как человек, нашедший свой настоящий путь к подвигу. Она показалась <...> живым воплощением любви к Богу. На следующий день <...> не обошлось без насмешливых замечаний насчет моей вчерашней посетительницы. Я объяснил, что это русская монахиня; но это объяснение никого не удовлетворило. Наконец, один старик заявил: “Говорите мне все, что хотите, я никогда не поверю, что эта женщина — я хорошо видел ее большие мужские ботинки, торчавшие у нее из-под сутаны”. А после войны я рассказал <...> кем она была, а старик признался: “А я-то был уверен, что

[35] Об А.А. Угримове см. у А.И. Солженицына, «Невидимки» — дополнение к книге «Бодался теленок с дубом», вышедшее по-французски отдельным изданием: *Soljénitsyne, A.* Les Invisibles = Невидимки. — Paris: Fayard, 1992; о Дурданской группе Сопротивления см. далее — с. 335, 608, 612..

к Вам какой-то переодевшийся мужчина приезжал по делам Сопротивления”»[36].

За провизией для своего пансиона мать Мария сама по утрам ходила на центральный рынок Парижа. Когда на заре перед закрытием уже заканчивалась оптовая торговля, она могла по более дешевой цене купить оставшиеся (иногда подпорченные) продукты: мясо, рыбу, овощи, фрукты... Все это она складывала в огромный мешок и на своих плечах тащила в общежитие. У французов столь необычный вид монахини с мешком вызывал крайнее удивление.

Встреча с сильной личностью всегда производит неизгладимое впечатление. Многие говорили, что когда мать Мария входила в комнату, то будто заполняла собой все пространство. Этот «гипнотический» феномен человека, живущего постоянной молитвой и духовным стяжанием, хорошо известен. Люди, хоть раз в жизни общавшиеся со старцами или отшельниками, на всю жизнь запоминают их особый *неотмирный* свет, покой и особое притяжение. «Я была у ней в ее каморке раза три-четыре — и вот как-то, пожалуй уж под конец, я сидела и слушала ее — как раз про сушение, и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!.. А вот в памяти от этих минут осталось только ее лицо — лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал и сияющие сквозь дешевенькие металлические очки незабываемые глаза»[37].

После гибели м. Марии храм и общежитие на Лурмель пришли в запустение. В результате церковь закрылась, а через десяток лет был снесен и сам дом. Единственным близким человеком для *бабушки* (так ласково величали Софью Борисовну) остался Д.Е. Скобцов. Все работы монахини Марии разошлись по разным адресам, кое-что удалось сохранить С.Б., некоторые рукописи и иконы взял себе Скобцов, остальное попало в разные храмы или на «временное хранение».

---

[36] *Каухчишвили Н.М.* Святость, юродство, странничество и старчество Матери Марии. URL: http://mere-marie.com/fate/svyatost-yurodstvo-strannichestvo/ (сайт «Мать Мария»).

[37] *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни. Глава «Мать Мария», см. здесь в разделе «Из архивов».

Почти перед смертью С.Б. передала часть архива в Америку, в Бахметевский архив, но многое до сих пор не найдено.

Несколько икон и вышивок находятся сейчас в православном монастыре Знамения Божией Матери во Франции (Московской патриархии). В этом монастыре и «Василий Блаженный», и икона «Богоматерь Владычица Афонская», где тема монашества интересно переплетена с традиционным изображением Покрова Богородицы. К сожалению, сама икона очень пострадала. Она написана темперой на простой фанере без грунта. Как уже говорилось, иконописцы-эмигранты за неимением средств пользовались самыми простыми подручными материалами. Необычно само решение иконы: в ней как бы соединено два образа Божией Матери. Фигура Афонской Богородицы и ее голова покрыты монашеским апостольником игуменьи, и одновременно она изображена как Владычица и защитница афонских монахов. Гора Афон, как мы знаем, именуется Уделом Божией Матери, но в то же время Она покрывает весь мир своим омофором. Все храмы, открытые м. Марией во Франции, были поставлены под покровительство Пресвятой Богородицы.

Как у всякого художника, у монахини Марии есть несколько тем, к которым она возвращалась на протяжении всей своей жизни. Так, с середины десятых годов вплоть до сороковых она неоднократно работает над акварелями, иконами и вышивками Софии Премудрости Божией. В 1920-х гг. в Париже мать Мария была близка Братству Святой Софии[38] и внимательно изучала софиологию отца Сергия Булгакова. В трех разных по времени изображениях можно проследить, как языком художественной пластики претворялись идеи ее духовных учителей.

Первоначальная икона Софии Премудрости Божией была написана на Руси между XI и XIII веками, элементами для написания послужили древние библейские и апокрифические сказания. Отсюда, конечно, и берет свое начало такой

[38] Братство Святой Софии, созданное еще в России по благословению Святейшего Патриарха Тихона, возобновило свою деятельность в эмиграции. Членами Братства были о. С. Булгаков, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, П.Б. Струве, Г.Н.Трубецкой, А.В. Карташев и др.)

синтез разнообразия символов и загадочности темы, которая так увлекала м. Марию. Икона Софии встречается только на православном Востоке и почти не известна на Западе. На первом плане изображен как бы юноша ангельского вида, с длинными волосами и большими крыльями. Он (она) одет в царский хитон или саккос с омофором. На голове — венец с городами, в правой руке — длинный жезл, а в левой — свиток. Восседает эта фигура на византийской подушке золотого престола. По сторонам фигуры предстоят в склоненном положении: справа — Св. Дева с Предвечным Младенцем на круглом диске, который она держит у груди обеими руками, а слева — Иоанн Предтеча во власянице и хламиде. Над головой центральной фигуры в малом круге поясной образ Спасителя, а выше — во всю ширину иконы — радуга, украшенная рядом звезд; посреди же ее — престол с книгой, и перед престолом — скамейка с крестом и копьем.

Центр этой иконы есть Иисус Христос, Он — Воплощенная Премудрость, и изображен он в виде ангела (иногда в виде младенца, покоящегося в лоне Св. Девы). В своем тексте «Миросозерцание Вл. Соловьева» (1929) мать Мария так описала эту икону: «...крылатая женщина, сидящая на престоле, а по бокам ее Богоматерь и Иоанн Креститель, над нею Христос и мир небесных сил. Эта икона — икона Святой Софии, Премудрости Божией, — не совпадающей ни с Богоматерью, ни с Христом, обличает тайное ведение наших предков, не нашедшее никакого словесного воплощения. Предстоящие крылатой женщине Богоматерь и Иоанн Креститель являются образом совершеннейших вершин творения, истинными представителями всего человечества, всей единой и соборной Церкви»[39].

Акварель м. Марии «В саду Эдемском» представляет для нас особый интерес по сочетанию сказочности и символики Ветхого Завета. Здесь налицо настоящий симбиоз истории семи дней творения и «нового богословия». В центре композиции с распростертыми крыльями стоит София

[39] Вышивка «София Премудрость Божия» находится сейчас в православном монастыре в Англии, а две акварели на ту же тему — в собрании Русского музея в Санкт-Петербурге.

Премудрость Божия (т. е. Иисус Христос как воплощенная Премудрость), и Христос же, но в виде Младенца, пребывающего в лоне Св. Девы. Обнимает Премудрость, как древо познания добра и зла, сам Адам. Справа фигура Евы с ребенком на руках, и, можно предположить, что изображенные дети — Авель, Каин, Сиф — дети Адама и Евы. Ведь именно от Каина и Сифа расцвело родословное древо человечества... На багровом небе в виде сказочного Змея-Горыныча застыл над миром змий-искуситель! Долгое время в советской музейной атрибуции эта акварель носила название «Змей Горыныч», но правильнее было бы изменить его на другое.

ГЛАВА 10
РОЖДЕНИЕ В СМЕРТИ

Отъезд Гаяны в СССР, сборник «Стихи», основание «Православного Дела», начало войны, лагерь Компьень, связи с Сопротивлением, арест м. Марии, Равенсбрюк…

Так сильно связано все в жизни в узел вечный:
И неба синь, и улиц серый прах,
И детский звонкий крик, и смысл в стихах…
1930 г.

Для м. Марии, остро и болезненно пережившей выкорчевывание себя из России, смерть маленькой Насти, а в 1936 году отъезд и гибель Гаяны в СССР, бедность и страдания окружающих ее людей привели к настоящему раскрытию монастырских стен души. Она была богословски глубоким человеком, и ее понимание того, что происходит в мире, было выше каждодневных проблем: мировое Зло и его столкновение с Добром было для нее очевидным. К началу Второй мировой войны чувство отчаяния от невозможности остановить приближение катастрофы заполняло все ее существо. В 1938 году это предчувствие становится для нее почти реальностью, и в те же годы ее собственный суд над собой за собственное нарушение устава, за грехи, за которые многие ее винили достигает крайней меры.

Еще до смерти будет суд,
Мой, собственный и беспощадный,
Когда возьмут и унесут
Монашеский наряд нарядный.

Оказавшись в эмиграции, она искала именно тех путей в монашестве, которые были недоступны в России, особенно

после революции. Ей казалось, что та свобода, которую получило русское православие (церковь), в эмиграции дает огромные возможности. «Наша церковь никогда так не была свободна, — говорила она Мочульскому, — такая свобода, что голова кружится. Наша миссия — показать, что свободная церковь может творить чудеса. И если мы принесем в Россию наш новый дух — свободный, творческий, дерзновенный, — наша миссия будет исполнена. Иначе мы погибнем бесславно».

«Мать Мария жаждала “неудобного” (по ее определению) христианства, где не было бы вообще никакого комфорта. Ее христианство и ее монашество были обращены всем своим существом и деянием к миру... в этом же апостольнике и рясе она таскала с рынка мешок с рыбой и овощами, и рыба оттаивала на солнце и заливала рясу. Ее упрекали, что она в этом же доме на улице Лурмель держит свою старую мать и своего сына — значит, не отреклась от семьи, от мирского. А разве было бы лучше и по-христиански примернее снять у чужих людей убогую комнату (денег-то ведь не было) для старушки с мальчиком? Ведь вопрос не в том, в разных ли квартирах живут или в одной, а в том, как соблюдают заветы Христовы, переносят тяготы друг друга. Мать Мария написала много статей о заповеди любви к ближнему. Она сама стала живым протестом и даже соблазном, и в жару полемики иногда переступала через край, особенно когда ей казалось, что одностороннее восприятие заповеди о любви к Богу затмевает и заслоняет от сознания заповедь о человекообщении! Классический принцип монашества состоял в противопоставлении своего подвига обычаям грешного мира. Для инока затвор был одним из высших проявлений подвижничества. Но вот на какой-то ступени Божия Матерь выводит иеромонаха Серафима Саровского из затвора на старческое служение народу — миру. Затвор — это только школа, этап духовной собранности, но не самоцель, не гнездо личного спасения. Затвор — время молитвы и размышления и база на пути к деянию, к деланию. Это становится особенно ясным в XIX в., когда в мире ясно чувствовалось приближение социальных бурь.

Мы, русские православные, имеем много свидетельств о том, что русские подвижники XIX века, тот же Серафим Саровский, епископ Игнатий Брянчанинов и оптинские старцы, предвидели новую эпоху столкновения и мировых сил, и миросозерцания. Монастыри старой формации доживали свой век, над ними уже была занесена рука истории»[1].

Мировые революционные потрясения русский народ пережил сполна. Мать Мария, дочь XIX века, будучи по натуре бунтарем и максималисткой, приветствовала Февральскую революцию и вполне разделила идеи левой интеллигенции. Разочарование и отчаяние оттого, что все идет не так, как мечталось, и что страна окунается в Гражданскую войну и красный террор, очень скоро отрезвили ее. Крестьянство, этот важнейший и корневой источник экономики и православия в России, подвергся разорению и уничтожению. Интеллигенция — воплощение русской души и мысли, которая к началу XX века была уже сращенной с европейской культурой, — массово покидала страну; те, кто оставался с надеждой на перемены, — платили жизнью. Духовенство, над которым «была занесена рука истории», не подозревало о грядущем тотальном выкорчевывании. Довольно быстро, уже в 1918-м, началось разорение церквей, монастыри превратились в казематы смерти, чередой следовали аресты и расстрелы священников.

Спасая себя и опасаясь за жизнь близких, м. Мария, как и тысячи русских, оказалась на чужбине. Огромный социокультурный пласт людей — интеллигенция, дворянство, военные, духовенство, крестьянство, — оставив родину, пытался вжиться в совершенно незнакомые для них обстоятельства, в которых чаще всего приходилось думать о том, как не умереть с голода. Но с первых дней эмиграции вплоть до самого своего конца странная монахиня мечтала вернуться на родину. Можно только удивляться неосведомленности и наивности, с которой м. Мария грезила о своем миссионерстве в тогдашнем СССР. Ни о свободной церкви, ни о новом ее духе, ни о странствиях по дорогам,в сталинской Стране Советов

---

[1] *Кривошеин И.А.* К 25-летию со дня кончины матери Марии (Скобцовой).

не могло быть и речи! Как и сотни тысяч граждан, она была бы арестована и закончила бы свой недолгий путь в ГУЛАГе. Но как не подумать о другом: может быть, она вполне предвидела, что ей предначертана гибель, и вполне сознательно стремилась к ней, да только Господь выбрал другой каземат, не Колыму и Соловки, а Равенсбрюк.

Знаковые судьбы ее двух детей, как зарубки в нашей памяти о тех временах! Гаяна — 22-летняя девушка, увлеченная марксизмом, едет в сталинский СССР, где погибает через год. Сын Юрий — 24-летний молодой человек, идеалист, глубоко верующий, помощник матери по Сопротивлению — арестован гестапо и гибнет в Бухенвальде. Как странно, что и смерть ее детей была отмечена сталинизмом и нацизмом, этими двумя сиамскими близнецами апокалиптического века, о котором так часто писала сама монахиня Мария. В 1935 году патриотически настроенная Гаяна едет в СССР. Почти через полтора года она умирает в Москве при загадочных обстоятельствах. Официальная версия — то ли дизентерия, то ли тиф. До сего дня многие исследователи пытаются докопаться до истинной причины ее отъезда и обстоятельств внезапной смерти. Гаяна была похоронена на Преображенском кладбище в Москве, но никаких следов от могилы не осталось, кроме нескольких строк в архивных кладбищенских отчетах.

Не слепи меня, Боже, светом,
Не терзай меня, Боже, страданьем.
Прикоснулась я этим летом
К тайникам Твоего мирозданья.
Средь зеленых, дождливых мест
Вдруг с небес уронил Ты крест.

Принимаю Твоей же силой
И кричу через силу: «Осанна!»
Есть бескрестная в мире могила,
Над могилою надпись: Гаяна.
Под землей моя милая дочь,
Над землей осиянная ночь.

Тяжелы Твои светлые длани,
Твою правду с трудом принимаю.
Крылья дай отошедшей Гаяне,
Чтоб лететь ей к небесному раю.
Мне же дай мое сердце смирять,
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять.

Отношения в семье, несмотря на разъезд м. Марии со Скобцовым, сохранялись теплыми: Гаяна дружила с братом, очень любила отчима, с матерью много спорила и бунтовала, а бабушку нежно любила. Членов семьи, несмотря на развод родителей, связывало общее дело и дружба. Живая и общительная девушка, Гаяна почти всегда сопровождала мать во время ее поездок по Франции, в том числе и на съезды РСХД. В доме на улице Лурмель в ее обязанности входила работа по кухне и уборке дома. Кроме того, Гаяна вместе со своими единомышленниками, в основном сверстниками, принимала активное участие в молодежных марксистских кружках и съездах. Что она знала об СССР? Судя по всему, достоверной информацией эмигрантская молодежь не обладала, и если возникали негативные или резко критические замечания в адрес «красной России», то подобные сведения сразу отвергались. Гаяна вполне унаследовала материнский максимализм, стремление к справедливости и безапелляционность суждений, внешне она была красивой, привлекательной черноволосой девушкой. Она не отличалась особенным усердием в школе, к своим 18 годам у нее так и не выявились пристрастия к определенному ремеслу или продолжению учебы. Можно допустить, что и сильная личность матери стояла некой преградой к ее взрослению. Протест — как защита, а на самом деле незащищенность и даже наивность сыграли в ее судьбе роковую роль!

Неизвестно, как сложилась бы судьба Гаяны, если бы она, как и предполагалось, поехала бы переводчиком в СССР вместе со знаменитым писателем Андре Жидом. Увлеченный социалистической идеей поклонник Сталина, он яро выступал защитником коммунистической системы. В середине 30-х гг. он посетил Союз, где было издано его полное

собрание сочинений, но в 1935 году в Париже он встретился с Борисом Пастернаком, который в беседе с ним несколько приоткрыл ему глаза на истинное положение дел в СССР. Его следующая двухмесячная поездка в 1936-м окончательно сняла с него розовые очки, в результате чего он написал книгу «Возвращение из СССР». Не только для Советов, но и для всей западной левой интеллигенции откровенные развенчивания сталинской пропаганды стали своего рода разорвавшейся бомбой. И. Эренбург в своих мемуарах «Люди, годы, жизнь» высказывал свое недоумение: «В 1936 году Андре Жид приехал в Советский Союз, всем безоговорочно восхищался, а вернувшись в Париж, все столь же безоговорочно осудил. Не знаю, что с ним произошло...» Напротив, Г.П. Федотов сразу же откликнулся на выход книги и точно определил ее значение: «"Возвращение" есть событие в мире моральном. Закрывая эту книгу, говоришь с облегчением: да, в мире не окончательно пропала совесть»[2].

В июне 1935 года в Париж на 1-й Конгресс писателей в защиту культуры приехал старый друг семьи Скобцовых Алексей Толстой. Посланец Страны Советов в составе большой делегации советских писателей 23 июня выступил с трибуны конгресса, рассказывая о «рождении в Советском Союзе нового гуманизма»! После долгих метаний, отъездов за границу и возвращений в СССР Толстой выбрал берег, к которому и «причалил свой баркас». В Париже ему была отведена незавидная роль агитатора-пропагандиста, заманивателя в СССР писателей и общественно-культурных деятелей эмиграции. Его слава как русского писателя была своего рода гарантом правдивости слов и обещаний, которые он раздавал при личных встречах с эмигрантами. Жертвами «возвращенческой ностальгии» (в тот период) стало немалое число русских, среди них А. Куприн, И. Билибин, М. Горький и др. Позже, в1946 году, этот патриотический порыв заманенных Сталиным привел к очередному витку отъездов для тысяч закончивших свои жизни в лагерях и ссылках.

Зарождение движения «возвращенцев» относится еще к 1925 году, когда советское консульство в Париже офи-

[2] *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. Т. II.

циально известило всех эмигрантов, бывших военнопленных и других лиц, оказавшихся во Франции, что желающие вернуться в СССР могут сделать это, зарегистрировавшись в консульстве. Летом того же года на родину отправился первый эшелон с беженцами. Осенью 1935 года в Париже возник «Союз оборонцев», лозунг которого был воспринят многими рядовыми эмигрантами с энтузиазмом: «Надо быть с Россией. Надо познать родину, изучать советскую жизнь. Надо верить в новую Россию». К «оборонцам» примкнул Бунаков-Фондаминский, сын российского министра земледелия И.А. Кривошеин и многие другие. Со временем движение «оборонцев» превратилось в «возвращенцев», которое особенно активизировалось после принятия в СССР новой Конституции. Указом от 14 июня 1946 года Президиум Верховного Совета СССР объявил «амнистию белой эмиграции», виновной в организации контрреволюционной деятельности, и предоставил желающим возможность принять советское гражданство. Во время обеда в советском посольстве в Париже с представителями эмиграции приехавший в Париж для участия в конференции министров иностранных дел четырех держав товарищ В.М. Молотов заверил собеседников в полной неприкосновенности по возвращении на родину. Он обещал им, что они смогут выбрать место жительства, получить жилье и работу по специальности. «Этому безумному "возвращенческому порыву"» поддались тогда около десяти тысяч «белых эмигрантов, в числе которых были Угримов и И.А. Кривошеин».

В последние годы появилась новая информация, приоткрывающая завесу смерти дочери Е.Ю. Скобцовой Гаяны. Статьи А.Н. Шустова и Гжегожа Ойцевича[3] — это своего рода следственная филология, попытка проследить и увязать в одну цепочку всех действующих лиц и обстоятельства тех драматических событий. «В дни работы Конгресса А. Толстой встречался с матерью Марией. Откровенно трусить писатель не мог, но под постоянным вниманием НКВД он вел себя крайне осторожно. Позднее, в 1937 году, во время поездки в Лондон А. Толстой признавался, что НКВД "ходит за ним

[3] См. раздел «Из архивов».

по пятам". В этом контексте его свидания с м. Марией были весьма рискованными. По возвращении домой в СССР Толстой "захватил" с собой Гаяну. Ехали они отдельно от остальных членов делегации, через Лондон. Толстой писал с дороги своей жене Н. Крандиевской: "Из Парижа я вывез дочь Лизы Кузьминой-Караваевой, Гаяну. Она жила в нечеловеческих условиях и, кроме того, была лишена права работы. Девочка умная, коммунистка, ей нужно учиться в вузе. Я думаю так: до осени она будет жить в Детском Селе, а осенью — в прежней комнате Марьяны Дымшиц. Всю историю про Лизу (она монахиня м. Мария) и про Гаяну расскажу подробно"»[4].

Странное впечатление производит это письмо — словно бы оно написано не только жене, но и сотрудникам НКВД (с расчетом на возможную перлюстрацию?). Не успев вернуться в Ленинград, 22 июля Толстой в целях реабилитации поспешил опубликовать несколько интервью и очерков о командировке, в которых он доказывал свою лояльность. Для критики западной жизни, в том числе — русской эмиграции, он не жалел темных красок. Напомним, что этот метод по отношению к своим соотечественникам Толстой применял и раньше: «Исказить, прибавить, раздраконить — благо никто не ответит»[5]. Мать напутствовала уезжавшую Гаяну стихами, представляя ее библейской голубкой, вылетающей на волю в поисках суши после великого Потопа.

О горлица моя, лети, лети же,
Среди разлившихся, раздутых рек.
. . . . . .
О горлица, среди разверстых хлябей
Лети, лети, ищи себе приют.
Не для тебя законы жизни рабьей,
Которыми в ковчеге все живут.

«В Париже Гаяна отличалась какой-то «огненной живостью". Она напоминала свою мать в ее молодые годы. Сама

[4] См. раздел «Из архивов». *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой.

[5] *Черный С.* Графская небрежность (Сменовеховская новелла).

м. Мария очень образно сказала о дочери, что это был "пир огня и света". В СССР это был совсем иной человек — "огня в крови у нее не было", — писал Никита Алексеевич Толстой (сын писателя). Молчаливость и замкнутость Гаяны объяснялась тем, что она оказалась в совершенно чуждой, не той, о какой мечталось, атмосфере и расстановке реальной жизни.

В Ленинграде Гаяна попыталась разыскать родных. Двоюродные бабушка (Н.Д. Цейдлер) и тетя (Т.А. Чистович) жили в Ленинграде; двоюродный дядя (член-кор. АН СССР Б.Н. Делоне) тоже был ленинградец; но связей с племянницей все они не поддерживали, видимо, опасались, что в дни сталинского террора она их "скомпрометирует". Но Гаяна не унывала, она была уверена, что нашла свое место в жизни как активный строитель социализма! В конце октября 1935 г., сразу по возвращении из Чехословакии, Толстой оформил развод с Н. Крандиевской и женился на Л. Баршевой. Крандиевская с младшим сыном Дмитрием уехала из Детского Села, и Гаяна осталась в доме одна. Когда в декабре 1935 г. после двухмесячного отдыха в Кисловодске новобрачные Толстые вернулись в Детское Село — Гаяны там уже не было. Она уехала в Москву. Кстати, и Толстые вскоре перебрались в столицу, но с Гаяной они больше не встречались: "Долгое время нам о ней ничего не было известно, а еще много времени спустя мы узнали, что она умерла от тифа. Как звали ее мужа и чем они занимались в Москве, я не знаю" (со слов Л. Толстой (Баршевой)) <...>

А Гаяна в Москве поступила на службу в проектную контору и вышла замуж за Г. Мелия, с которым познакомилась еще в Париже. Он был студентом одного из парижских университетов. Гаяна писала в Париж своим родным письма, полные оптимизма, а в апреле 1936 г. поздравила по телефону мать с Пасхой»[6].

Несомненно, что А.Н. Толстой сыграл в этом деле непростую роль; тяжело думать, что он был крестным отцом Гаяны. Из ее письма родным в Париж видно, что она не только была одурманена перспективами молодого строителя

[6] А.Н. Шустов, см. раздел «Из архивов».

коммунизма, но и надеждой на брак с писателем: «Вообще, в всеобщем представлении (кажется), что приехала дочь поэтессы Кузьминой-Караваевой, развела Алешу, и они поженятся в ближайшем будущем и уедут в Москву. Это совершенно достоверно говорят все до такой степени, что я не знаю, как мне отбояриваться от всяких обедов, вечеров и т. д.»[7]. Очевидно, что когда операция по «спасению» наивной патриотки успешно завершилась, он забыл о ней. В истории Гаяны до сих пор больше вопросов, чем ответов: почему и при каких обстоятельствах Гаяна вышла замуж за Георгия Мелия? кем был сам Мелия? действительно ли она умерла от тифа? Свое тщательное расследование в 2012 году провел известный филолог-криминалист Гжегож Ойцевич: «О лице, представляющемся мужем Гаяны, и ее замужестве мы знаем очень мало. Из доступных материалов вытекает, что Гаяна вышла замуж в Москве в 1936 году за ревнивого советского студента, с которым она познакомилась еще в Париже. Мы знаем его имя и фамилию: Георгий Мелия, называемый Гаяной — Жоржем.

Я не в силах это еще доказать, но мне кажется, что Георгий Мелия мог быть тайным сотрудником НКВД, подставленным сталинской полицией для наблюдения за русскими эмигрантами, прежде всего — за самой же Матерью Марией и ее ближайшим окружением. Явные отношения с Гаяной — опирающиеся на настоящую или притворную любовь — могли создавать идеальную легенду для ведения спецопераций. Несомненно, факт принадлежности Георгия Мелии к НКВД решал бы много вопросов, в том случае и связанных с нехваткой данных о нем в то время, когда он вел себя безопасно в характере промарксистского студента в Париже, и потом — после внезапной смерти своей первой жены (в Париже).

<...> Есть еще один важный и достоверный источник информации на тему смерти Гаяны, источник стыдливый, но полностью обосновывающий московскую мистификацию, какая, по всей вероятности, имела место и целью которой было сохранить доброе имя Матери Марии, ее семьи,

[7] См. раздел «Из архивов».

мужа (сожителя) Гаяны и, спасая жизнь тому, кто был виноват в ее смерти. Речь идет о том, что Нина Берберова (1901–1993) в документально-биографическом романе о баронессе Марии Будберг, озаглавленном "Железная женщина", указывает на неудачный аборт как непосредственную причину смерти Гаяны. Берберова пишет: «Он (А.Н. Толстой. — *К.К.*) увозил крестницу с собой на теплоходе из эмигрантского болота в счастливую Страну Советов. В Париже девочка (ей было тогда лет восемнадцать) "погибает", она — коммунистка и хочет вернуться на родину, откуда ее вывезли ребенком. Ее мать теперь православная монахиня, а отец, давно разошедшийся с ее матерью, известный реакционер Кузьмин-Караваев, перешел в католичество и делает карьеру в Ватикане. "Давайте поможем дочери монахини и кардинала, — сказал Толстой, смеясь. — В Париже она не знает, что с собой делать, и хочет домой". Локкарт, разумеется, тотчас обещал Толстому сделать все, что нужно. Это была Гаяна, дочь Е. Скобцовой (матери Марии) от первого брака. Через год она умерла от неудачного аборта»[8].

Гаяна постоянно писала письма в Париж. Получала ли она ответы, или они оседали в особых отделах НКВД? Ее письма сохранились, но, к сожалению, для общественности и для историков они остаются недоступными. Какую тайну опасаются приоткрыть держатели этих бесценных документов? Единственное письмо, приводимое в этой книге, достаточно красноречиво говорит о восторженности Гаяны, не подозревавшей о той западне, в которую ее угораздило попасть: «Перед праздниками у нас будут раздавать награды, и как ударнице-стахановке мне, кажется, будет преподнесено полное собрание сочинений Сталина. Я так довольна, что мне трудно описать». И далее: «Теперь только я поняла, почему мама любила бродить по Ленинграду. Я это так хорошо понимаю, что сама брожу часами, и когда уже от усталости ноги не идут, мне все же еще хочется ходить и ходить. Я совершенно влюбилась в этот город, и мне кажется, что на свете ничего не может быть лучше. Была на премьере в Мариинском театре; мне очень понравился балет "Бахчисарайский

[8] Гжегож Ойцевич, см. раздел «Из архивов».

фонтан", и Галя Уланова была бесподобна. Была и в Филармонии, и в Александринке — все мне тут нравится и всем я довольна, но поверьте, что я от этого не забываю вас и часто думаю о вас и крепко люблю»[9].

Что это — наивность, глупость? Или расчет на цензуру? В1935 году страна находилась на пороге «большого террора»: слежка, доносы, аресты, расстрелы... а Гаяна пишет: «...у меня есть друг[10], совершенно очаровательная личность, он мне помогает, редактирует, а после этого обыкновенно мы с ним долго-долго беседуем на литературные темы. Вот уже несколько раз мы говорили только о Льве Толстом: теперь скоро будет его юбилей, — и готовятся работы о нем. Одну из них взял мой друг Старчаков, и мы с ним выясняли, откуда симпатичный Лев Николаевич брал свое учение, кто был его учителем и т. д. Я страшно довольна нашей дружбой с ним, так как это мне дает не только очень ясные понятия о литературе, но также и общеобразовательные. При этом он старый коммунист, и я в сопровождении с ним расту партийно многим больше, чем на заводе или же даже при чтении книг[11].

Сейчас вот уже две недели, как я сижу дома, хожу в театры, концерты и вообще ничего не делаю, кроме писания, так как я поранилась на заводе, разрезала довольно сильно палец. Наталья Васильевна[12] страшно испугалась, и поэтому были подняты все знаменитости города, чтобы смотреть мой палец и лечить его, когда ничего, в общем, нету. Одним словом, прописали "аква дистилата". Самый печальный факт в моей биографии, если это можно назвать моей, — это то, что Алеша разошелся с Натальей Васильевной, и это были совершенно феноменальные драмы, в которых я себя очень

---

[9] См. раздел «Из архивов».

[10] Имеется в виду писатель и литературный критик А.О. Старчаков, близкий друг, соратник, помощник и соавтор Алексея Толстого. После ареста его в 1937 г. Алексей Толстой отрекся от него. — *Прим. авт.*

[11] Гаяна работала в Ленинграде на макаронной фабрике электриком. — *Прим. авт.*

[12] Крандиевская Н.В. (1888–1963 гг.) — третья жена А. Толстого, русская поэтесса. — *Прим. авт.*

глупо чувствовала. Алеша еще не вернулся из Чехии, а когда вернется, ходят слухи, что мы с ним переедем в Москву. А там не знаю».

Что было в ответных письмах и доходили ли они до Гаяны — об этом история умалчивает.

«Гаяна скончалась скоропостижно 30 августа 1936 года. Согласно укоренившейся версии, основанной, видимо, на слухах из Москвы, причиной смерти Гаяны считается тиф. Сомнение по этому поводу позже высказала Ахматова: ведь от тифа так быстро не умирают — тем более никаких вспышек этого заболевания в Москве тогда не было. Если вспомнить, какие это были годы... то не исключался и акт насильственной смерти. Очевидно, в гибели Гаяны Анна Андреевна Ахматова серьезно подозревала НКВД, основываясь на собственном печальном опыте. Сын Ахматовой неоднократно был арестован, тянул большие сроки. А если вспомнить судьбу дочери Марины Цветаевой, то Гаяна и ее смерть были логичны в длинном, скорбном списке репрессированных детей. Жизнь Гаяны в Москве была столь же одинокой, изолированной, и она была никому не нужна. В предсмертные дни возле нее был только ее муж»[13].

Невольно задаешься вопросом: читала ли Гаяна книгу Андре Жида, в которой он говорит: «На лжи не построишь ничего прочного. Надо видеть вещи такими, каковы они в действительности: народ в СССР сейчас более несчастен, чем когда-либо, более несчастен и менее свободен, чем в какой-либо другой стране...»; «ложь СССР слишком долго совращала с пути не только наивных, но иногда и лучших среди нас»[14].

Получив известие о смерти Гаяны, м. Мария писала: «Очень тяжело. Черная ночь. Предельное духовное одиночество....»

---

[13] Отрывки и статьи А.Н. Шустова «Е.Ю. Кузьмина-Караваева и А. Толстой: контакты», см. раздел «Из архивов».

[14] *Жид А.* Возвращение из СССР (1936 г., переведена на русский язык в 1989 г., изд.: М., 1990).

* * *

В кружках и на собраниях м. Мария зачитывает свою статью о тоталитарных государствах и демократии. Она говорит, что предчувствует неслыханную катастрофу: «Культура кончена, мы вступаем во времена эсхатологические. Ее христианство освещено огнем мира и Страшного суда. Неужели вы не чувствуете, что конец уже близок?» Поражает в этих словах не столько предчувствие, а предсказание — ведь святые мученики и исповедники российские уже взошли на голгофу и, просияв своим подвигом, спасли Церковь и Россию!

«Православное Дело» продолжало развиваться. Соборность, столь близкая сердцу м. Марии, была фундаментом при основании «Дела» и оставалась связующим звеном и, со слов о. Сергия Булгакова, «душой православия». Современники отмечали, что мать Мария творила настоящие чудеса, сближая и одухотворяя людей, — вокруг нее кристаллизовался «соборный организм». Она была охвачена воинственным духом, со слов Мочульского, она «бунтует против комфорта, христианского благополучия и обрядового благочестия. Читает отрывки из своей замечательной статьи ("Типы религиозной жизни") о христианстве синодальном, эстетическом, аскетическом и евангельском».

Вместе с тем она постоянно жалуется на усталость, у нее опускаются руки и все чаще она впадает в мрачное настроение: «Я ничтожна, но судьба моя огромная. Мне дана страшная сила (не моя), и она меня раздавливает. Есть люди с трагической судьбой. У меня никакого мировоззрения нет. Но я знаю, что судьба моя трагическая»[15].

В 1938 году за неделю до Рождества она собирается в поездку с целью посетить психиатрические лечебницы, перед отъездом говорит: «Уеду на четыре дня по сумасшедшим домам. Тьма надвигается. Мы уже давно живем в лепрозории». Многие дома ей были знакомы еще по прежним поездкам. Но тут она поставила задачу максимально выявить русских больных. Возвращается потрясенная и берет на содержание несколько человек. В газете «Последние новости» появляется

[15] *Мочульский К.* Воспоминания «Монахиня Мария» (машинопись в архиве Кривошеиных).

ее отчет об этом путешествии. Она проделала его без отдыха, без чемодана, без вещей и почти без денег. «Дирекция и врачебный персонал встретили меня не только доброжелательно, но и радостью. Потому что, как мне объяснила главный врач-женщина, она не имеет возможности лечить ни русских, ни арабов, так как в психиатрии самое главное — понимать, что человек говорит, а русские, почти без исключения, не говорят ни одного слова по-французски <…> Директор заранее собрал всех русских в большом зале, чтобы я имела возможность поговорить с ними. Входя туда, я наивно думала, что смогу обратиться к ним ко всем с какой-то простой речью, но вид моей аудитории навел на меня некоторую оторопь: один гримасничал, другие кричали и жестикулировали, некоторые сидели с совершенно отсутствующим видом. Мне пришлось просто по алфавиту вызывать их и иметь беседу отдельно»[16].

Один из собеседников оказался простым деревенским парнем из Перми. Попал в плен, и началась его «сумасшедшая жизнь»: «Свобода, французская речь, новая пища и быт. Он оказался недостаточно гибким, чтобы примениться ко всему этому». Во время разговора с м. Марией он сказал: «Я-то здоров, а вот жизнь сошла с ума». Большинство пациентов оказались люди, впавшие в сильнейшую депрессию, совершенно оторванные от событий и внешнего мира. «И с каждым вновь подходящим рушились мои надежды на то, что я найду среди них нормальных». В результате она отобрала восемь человек, которые, по свидетельству врача и как ей самой показалось, были скорее «поправимы». Они были «скорее здоровы, и врач сам связывал их симптомы с войной». Ей разрешили увезти с собой только троих, но и то, писала м. Мария, «я безгранично рада тому, чего здесь добилась»:

Слушаю бред их, то слезы, то смех,/ и хочется душу отдать мне за всех,/ и сил нет от этой жестокой печали…

В результате публикации статьи русская диаспора решила организовать Комитет помощи русским душевнобольным. Нашлись волонтеры, которые объехали все психиатрические

---

[16] *М. Мария.* Статья о посещении психиатрической лечебницы // Последние новости. 1939. Янв.

учреждения Франции, а сама м. Мария в течение года посетила еще семнадцать больниц. Русский Комитет установил 400 нуждающихся в лечении, и французское правительство обещало помощь. К сожалению, начало войны свело на нет все государственные начинания. В столь же отчаянном положении находились и туберкулезные больные. Митрополит Евлогий лично посещал госпиталь Ларошфуко и отмечал: «Они обрекались оставаться годами в больницах без надежды вырваться оттуда и часто повторно там заражались. Эта обреченность доводила до отчаяния». Один из больных горько сетовал: «Мы томимся здесь годами, нас забыли... хоть бы одному из нас попасть в санаторий — и то был бы просвет в нашей темной жизни».

В 1937 году во Франции были проведены реформы, в результате которых к началу войны эмигранты получили те же права в здравоохранении, что и французы, а также официальное разрешение на работу. С целью оказания действенной помощи туберкулезникам мать Мария приобрела небольшую усадьбу с парком и огородом в восточном пригороде Парижа Нуази-ле-Гран, где был открыт санаторий. Первым директором стал Ф.Т. Пьянов. Через митрополита Евлогия она обратилась к министру здравоохранения Франции Э. Лафону с просьбой взять на обслуживание русских больных наряду с французами и добилась положительного решения. После этого дом в Нуази из санатория был переоборудован в дом отдыха, в котором 30 процентов посетителей обслуживались бесплатно, за счет государства.

В результате конфликта, который произошел у нее с м. Евдокией и м. Бландиной, а также с о. Киприаном, где столкнулись не только сильные личности, но принципы и взгляды на монашеское послушание, мать Мария задумала написать текст, в котором она обрисует два разных подхода к монашеству. Так рождается пьеса-мистерия «Анна». Как и в других произведениях, автор исходит из собственного опыта, стараясь предоставить читателю самому выбрать истинно правильный ответ на поставленные вопросы. В одной из своих статей 1937 года она пишет: «Нельзя осуждать идущих другими путями, условными, не жертвенными, не

требующими самоотдачи, не открывающими всей тайны любви. Но молчать о них тоже нельзя».

Понятно, что в пьесе м. М. защищает свой путь и не очень оправдывает монастырские кельи. Ее героиня Анна видит смысл в «материнской любви к миру», погрязшему в грехе, страданиях и искушениях. Образ Анны — это сама м. Мария, описанный в первом действии пьесы конфликт между двумя монахинями (Анной и Павлой) — практически неразрешимый спор сурового монастырского устава и монашества в миру. Первое действие происходит в монастыре, где у Анны назревает внутренний конфликт, она не желает жить в затворе и пытается обосновать свой взгляд Павле:

«...если в мире тяжело живется, — пусть будет тяжело в монастыре.

Мы крест мирской несем на наших спинах. Забрызганы монашеские рясы земною грязью, — в мире мы живем...»

Она убеждена, что монах не может отгородиться от мира:

«Коль Божий Сын людьми не погнушался и снизошел до перстной нашей плоти, то нам ли чистотой своей гордиться?»

Рассудить обеих монахинь призван архимандрит, который приезжает в монастырь. Он признает, что есть «различные пути», но каждый должен испытать себя, а потому посылает Анну в мир, а Павла остается в монастыре. Второе действие разворачивается уже в миру, где Анна встречается с 300-летним скитальцем, он скорее напоминает мистический образ Мельмота, который, как и фаустовский персонаж, подписал договор: на протяжении столетий он будет спокойно жить, но по окончании срока попадет на суд Сатаны. Так же как и в «Мельмоте», свое избавление от грядущих страданий он может получить только при условии замены себя на другого человека до окончания отведенного срока. Он многих уговаривал, сулил богатства, но так и не нашел замены. Возлагая на себя грехи и предстоящие адские муки, Анна соглашается на обмен, после чего старик мирно умирает. Сострадание к человеку, пребывавшему в грехе, избавляет Анну от страшной судьбы. Своей любовью она упраздняет зло. Господь сильнее Сатаны!

В одной из статей она продолжает тему «Анны» и пишет: «Пустите за ваши стены беспризорных воришек, разбейте ваш прекрасный уставной уклад вихрями внешней жизни...»

Постыло мне ненужное витийство.
Постыли мне слова и строчки книг,
Когда повсюду кажут мертвый лик
Отчаянье, тоска, самоубийство.

Не в первый раз образы героев ее литературных произведений высвечивают судьбу самой м. Марии. Ималли и Анна, как верстовые столбы на дороге, последнего жертвенного пути, по которому ей предстоит войти в газовую камеру Равенсбрюка и подтвердить свои детские предчувствия об «огнепальном конце». Ее грезы наяву о собственной гибели удивляют прозрением. Будто недели и часы, которые она проведет в лагере через пару лет, были уже заранее описаны: «*Господи, на этой вот постели, — /(не другую ж, в самом деле, ждать), — /пролежу предсмертные недели, /медленно я буду умирать...*»

Основной смысл жизни мать Мария видела в самозабвенной благотворительной работе, но при этом оставалась артистом в высшем смысле этого слова и говорила, что «человечество к творчеству обязывается». Она писала стихи и статьи, но не придавала им особого значения, для нее это было скорее обдумывание собственных мыслей, выяснение отношений с самой собой, с собственными заблуждениями. Творчеству она посвятила работу «Истоки творчества» и эссе «О творчестве». Задолго до наших споров XXI века о том, каким должно быть истинное творчество и как отличить божественное в искусстве современности от замаскированного под правду, м. Мария размышляет в статье: «Мы видим сплошную цепь отклонений в человеческом творчестве, которое искажает Божественный замысел, делая его немощным и бледным. Плоды человеческого творчества несут на себе печать субъективных искажений и уклонений в такой степени, что перед нами встает вопрос о Злом Творчестве.

И на первый взгляд наличие этого Злого творчества как бы уничтожает всякую возможность говорить о Божественном происхождении Творчества вообще».

В 1936 году исполнилось 15 лет со дня смерти А. Блока. Она не могла остаться равнодушной и написала воспоминания «Встречи с Блоком»[17]. Практически вслед за этим, в 1937 году в берлинском издательстве «Петрополис» вышел сборник «Стихи». Обе книги были своего рода реквиемом. Призраки прошлого вышли из небытия — встреча с Толстым, отъезд и смерть Гаяны, рыжий туман ее нелюбимого города, где она пережила смерть отца, первую любовь к поэту и разочарования, — все это в совокупности стало толчком к воспоминаниям о поэте, хотя дата была некруглой, неюбилейной.

За свою литературную дерзость она получила много порицаний со стороны церковных начальников. Чересчур мирские откровения монахини вызвали шквал осуждений. Но были и ценители ее «документального мемуара». Исследователь жизни и творчества А. Блока литературовед, специалист по русской поэзии XIX — начала XX века Д.Е. Максимов отметил: «...в этих талантливых, поэтически насыщенных воспоминаниях есть свой вполне индивидуальный аспект, который заставляет читателя признать их значительность и отнестись к ним с интересом и вниманием <..>. Воспоминания ее интересны не объяснением и истолкованием личности Блока и его эпохи, а поэтическим рассказом о них человека, вышедшего из недр этой эпохи, несущего в себе ее противоречия, но умеющего видеть, глубоко чувствовать и по-своему оценивать виденное. Все это гарантирует ценность мемуаров <..> как поэтического документа истории»[18].

Не все ль равно? Сначала заболею,
И близких не узнаю. Будет жар...
Иль смертью уподоблюсь я злодею,
Иль дух уснет, от дней устал и стар.

---

[17] *М. Мария.* Встречи с Блоком // Современные записки. 1936. № 62.

[18] Воспоминания о Блоке Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // Вступ. ст. Д.Е. Максимова. Тарту, 1989.

Не все ль равно? Чрез месяц иль сегодня,
Вот в эту саму глухую ночь
Дотянется до глаз рука Господня
И отберет весь свет от взора прочь.

Трудно представить себе художника, который был бы абсолютно равнодушен к творчеству своих собратьев. Это в полной мере относится и к матери Марии. Ей была присуща восторженность и непосредственный интерес ко всему новому, в искусстве она любила открывать для себя незнакомые имена.

Ее друг и соратник Б.В. Плюханов вспоминал позже: «Монахиня Мария не раз порывалась сопровождать меня (в те годы студента) на художественную выставку эпохи итальянского Возрождения, открытую в то время в Лувре (*июль 1935 г. "От Чимабуэ до Тьеполо"*). Но ежедневные, ежечасные заботы об общежитии и других делах Объединения не давали ей возможности совершать эти, как она говорила, "походы для души". Зато она была очень довольна, когда, узнав, что я собираюсь на открытое заседание религиозно-духовной академии, посвященное искусству эпохи Возрождения, смогла пойти со мною вместе. С докладом на заседании выступали Н.А. Бердяев и Б.П. Вышеславцев[19]. Мы сидели вдвоем с монахиней Марией в первом ряду. Она любила живопись, понимала ее, хорошо знала не только русское, но и западно-европейское искусство и часто повторяла, что "только через язык формы и пластики можно еще глубже проникнуть в сущность людей, событий, вещей". К этому она стремилась и в своих работах. Рассматривая картины других художников, она всегда выделяла основную мысль произведения, умела тонко проанализировать детали, с поэтической проникновенностью описать изображенное»[20].

Во время своих многочисленных разъездов, которые она окрестила «русской географией Франции», посещая больницы

[19] Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954, Женева) —русский философ, мыслитель. Один из основателей издательства «YMCA-Press» и журнала «Путь». Преподавал историю новой философии и нравственное богословие в Св.-Сергиевском Богословском институте в Париже.

[20] *Плюханов Б.В.* РСХД в Латвии и Эстонии. 1993.

и тюрьмы, м. Мария не упускала случая познакомиться с музеями, памятниками старины, витражами и шпалерами. В ее стихах нередко встречаются описания готической архитектуры, шпили соборов Страсбурга она образно называет свечами.

Эти крутые, крылатые башни
Все заместили, и реки, и пашни...
Солнце все топит в своей позолоте.
Мерная мера таинственных готик
Ввысь устремилась, за небом в охоте...
Здесь не боятся готических лестниц
До самого Рая, до ангельских песен.

В марте 1939 года она вновь оказалась в Страсбурге, где ее застало известие о предстоящей операции о. Сергия Булгакова. Все знали, что у него рак, и никто не надеялся на благополучный исход операции. Написанные сердцем спонтанные строки — это крик ее души, страх очередной смерти дорогого человека:

Руководитель, друг, отец,
Неужто и тебя терять навеки?
Какие огненные реки
Влекут туда, где дням конец?

Когда вернусь, куда? Бог весть.
О многолюдная трущоба,
Лишь здесь, где горечь, боль и злоба,
Мне надо знать — ты в мире есть.

Приемлю радость и беду
Я средь метелицы слепящей.
Отец и друг — руководящий,
Прощай и будь, — я в мглу иду.

О том, что французская и итальянская живопись оказала на нее влияние и что она была к ней небезразлична, говорят ее собственные работы; большой гобелен «Жизнь царя Давида», безусловно, сделан под влиянием вышивки

королевы Матильды из г. Байё, ее лагерная равенсбрюкская косынка и икона тоже были навеяны западноевропейской живописью.

Нельзя исключать и того, что мать Мария была знакома с работами Жоржа Руо. В его творчестве периода 1917–1935 гг. преобладает религиозная тематика. Его живопись маслом, акварели и знаменитые витражи, сделанные для храма в Асси, отличаются яркой цветовой гаммой и экспрессионизмом, их стиль схож со стилем Н. Гончаровой, а следовательно, они, несомненно, были близки м. Марии.

В 30-е гг. в Тулузе мать Мария увидела фреску художника Марселя Ленуара (Жюля Ури), на которой была изображена Богородица с крестообразно распластанным Младенцем Христом. Эта фреска произвела на нее сильное впечатление, впоследствии она легла в основу той иконы, которую мать Мария не успела закончить, находясь в лагере. Изображение Младенца с раскрытыми руками, как бы ожидающего будущее распятие, встречается и в фламандских примитивах XIV–XV вв. В ранней итальянской живописи можно увидеть изображение Богородицы со спящем на коленях Младенцем, запеленутым в покрывало. Покрывало одновременно предвосхищает и плащаницу Христа Спасителя, и образ Пьеты.

Памяти Марселя Ленуара, который скончался в 1931 году, мать Мария посвятила стихи с описанием фрески:

Белый цвет и цвет коричневый.
Синий лишь у Матери хитон,
Ангельские одеяния сини.
Сбоку видны воинские латы, —
В них коричневый светлеет тон,
Легче в них волне спокойных линий...

* * *

10 мая 1940 года немцы вторгаются в Бельгию и Голландию, а 21 мая премьер-министр Франции Поль Рено объявляет по радио о взятии Арраса и Амьена. Мать Мария была спокойна, как бывают спокойны верующие люди перед лицом неминуемой опасности: «Я не боюсь страданий и люблю

смерть». Мочульский спрашивал ее: «А как будет после смерти?» И она отвечает: «Не знаю... просторно. И там мы узнаем маленькую тайну, что ад уже был».

Несмотря на грядущие военные события, она решает остаться на Лурмель, а потом пробраться на восток пешком, с эшелонами, куда глаза глядят: «Уверяю вас, что мне более лестно погибнуть в России, чем умереть с голоду в Париже. Я люблю Россию. Патриотизм — глупое слово. Это совсем другое. Вот Илюша Фондаминский настаивает, чтобы я уехала из Парижа. Ну, в крайнем случае немцы меня посадят в концентрационный лагерь. Так и в лагере люди живут»[21].

18 июня 1940 года генерал Шарль де Голль по радио из Лондона обратился ко всем французам с призывом объединиться для борьбы с агрессором: «Пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет!» К сожалению, во Франции мало кто услышал тогда эту первую лондонскую речь генерала. 28 июля 1940 года английское правительство признало де Голля главой движения «Свободная Франция». Повсеместно на оккупированной территории, в основном в лесах, стали возникать отряды maquisards (партизан) и franc-tireur (подпольная организации Сопротивления). Первоначально они появились в Париже и в угольном бассейне Па-де-Кале. После подписания перемирия между Францией и Германией и прекращения военных действий во Франции часть жителей, покинувших Париж, вернулась обратно, но это был уже совсем другой город, чем тот, каким он был до войны. На Эйфелевой башне и на всех официальных учреждениях был вывешен красный флаг со свастикой. В отеле «Мажестик» у площади Этуаль разместилось гестапо. В городе было введено берлинское время (стрелки часов переведены на 2 часа вперед); установлен комендантский час: с 9 часов вечера (а с 6 июля 1940 года — с 23 часов) до 5 часов утра выходить из дома запрещалось. Все лето автобусы и такси в городе не работали, многие станции метро, магазины и рестораны были закрыты. В опустевшем городе появились велосипедисты.

---

[21] *Мочульский К.* Воспоминания «Монахиня Мария» (машинопись в архиве Кривошеиных).

Естественно, новые правила отразились на жизни пансионата матери Марии, на всей ее благотворительной деятельности. На очередном заседании «Православного дела» в августе 1940 года разговоры велись в основном о ценах, о запасах овощей, картошке и капусте. Она кормила голодающих, ездила на рынки, носила тяжелые мешки с овощами, рукав ее пыльной рясы был разорван, на ногах она носила стоптанные мужские башмаки... В сарае мать Мария устроила продуктовый склад и дешевый рынок. В эти же дни столовая на Лурмель была признана муниципальной, и м. М. выступила с предложением перейти к практической работе по оказанию материальной помощи нуждающимся: «Сейчас не до идеологии. Зимой будет голод. Нужно спасать погибающих...»

20 сентября начались круглосуточные налеты и бомбежки городов Англии. Мать Мария просит К. Мочульского записать ее предсказание: «Вот начались равноденственные бури. Англия спасена. Германия проиграла войну».

В первые месяцы оккупации Франции «пламени борьбы», о котором говорил де Голль, еще не было. Были лишь отдельные вспышки. Первые проявления Сопротивления были весьма скромными. Так, в июле на скамейках парков появились наклеенные плакаты: «Долой оккупантов». В августе было совершено покушение на немецких солдат в Булонском лесу. На стенах зданий появились «бабочки»-листовки.

Первая организованная группа Сопротивления возникла в Париже летом 1940 года в Музее человека. В нее вошли представители научной интеллигенции. Главой организации был молодой и талантливый ученый-этнограф, русский эмигрант Б.В. Вильде[22]. У группы имелся ротатор, на котором печатались «бабочки» и другие материалы. В частности, здесь были отпечатаны знаменитые «33 совета жителям

[22] Вильде Борис (1908–1942) — родился в Санкт-Петербурге в православной семье, в 1919 г. семья переехала в Эстонию. Лингвист, этнограф, работал в Музее человека в Париже. Участник французского Сопротивления и основатель газеты «Résistance». Арестован гестапо и расстрелян 23 февраля 1942 г. в форте Мон-Валерьен. См.: *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941–1942. М.: Русский путь, 2005.

оккупированной зоны». Члены группы добывали секретные сведения о немецких военных объектах, которые передавали голлистам в Англию. Вели они и другую активную работу.

15 декабря 1940 года вышел первый номер подпольной газеты «Résistance» («Сопротивление»). Название газеты дал Вильде (видимо, с учетом призыва первой речи де Голля). Он же написал и передовицу, в которой говорилось: «Сопротивляться! Этот крик идет из глубин ваших сердец <..>. Это голос всех, кто не смирился, всех, кто хочет выполнить свой долг <..>. Сопротивляться — это уже значит не сдаваться ни умом, ни сердцем, сохранить себя. Но главное — действовать...»[23].

В день нападения гитлеровской Германии на СССР — 22 июня 1941 года, в Париже было арестовано около тысячи русских эмигрантов. Среди них оказалось много друзей монахини Марии и ее соратников по «Православному Делу»: Ф. Пьянов, Л. Зандер, И. Фондаминский. Русские арестованные этой группы попали, как и сотни других, в лагерь Компьень. В их числе был и И. Кривошеин. Он был освобожден в начале сентября 1941 года, и товарищи по заключению попросили его организовать помощь как им, так и их семьям. Для более эффективной организации помощи Игорь Кривошеин обратился к С.Ф. Штерну (он был известен как человек исключительной доброты), более того, у него был практический опыт — он годами занимался сбором пожертвований для нуждающихся эмигрантов. Штерн сразу согласился помочь и посоветовал пойти на Лурмель к матери Марии. Она ласково приняла И. Кривошеина и сразу включилась в дело. Так началось знакомство и сотрудничество Игоря Александровича Кривошеина с м. Марией, продлившееся полтора года.

На Лурмель был организован Комитет помощи, в который вошли м. Мария, С.Ф. Штерн, И.А. Кривошеин, о. Димитрий Клепинин, С.В. Медведева и Р.С. Клячкина. В сборе продовольствия и упаковке посылок принимали участие все, в том числе и родственники заключенных. Раз в неделю О.А. Игнатьева отвозила посылки в Компьень. Для их

[23] См. раздел «Из архивов».

перевозки организация Красного Креста предоставила м. Марии грузовик. Кроме посылок, материальной помощи и документов для лиц, преследующихся и скрывающихся от немецкой администрации в Париже, на Лурмель давали кров и пищу всем нуждающимся. Люди жили во флигеле, в сарае и просто на полу в зале.

События разворачивались стремительно. Начиная с 15 июля 1942 года после указа об обязательном ношении евреями нашивки — желтой шестиконечной звезды, мать Мария и Комитет помощи решились на рискованный шаг: выдавать евреям свидетельства о крещении. Со слов И. Кривошеина: «Здесь вопрос уже шел не только о насущной помощи и крыше над головой, дело дошло вплоть до того, что на лурмельской кухне работал некоторое время, до переправки к партизанам, бежавший из лагеря один из первых советских военнопленных, и он был не последним. Долгое время скрывались двое американских летчиков, которым удалось раздобыть поддельные документы и переправить в безопасную зону. Нужно было доставать поддельные документы и для участников Сопротивления, и для евреев, которые скрывались на Лурмель и в Нуази. Из этих центров была налажена сложная цепь по всей Франции для спасения и бегства людей».

В результате м. Мария и ее организация оказались в самом центре настоящей антифашисткой борьбы, с хорошо налаженными связями с группами Сопротивления, которым удалось сохраниться вплоть до февраля 1943 года.

Старый друг монахини Марии (еще по партии эсеров в России) Илья Исидорович Фондаминский тоже был арестован и находился в Компьеньском лагере. Он был евреем, принимал активное участие в помощи «Православного дела», присутствовал на службах, но не решался принять крещение. Со слов Г. Федотова, «не болея особенно еврейскими проблемами, он не хотел разрывать связи с еврейским народом, прежде всего с кругом друзей, родных и близких, для которых религиозное и национальное были связаны неразрывно». Арест, лагерь и разворачивающиеся события, подтолкнули Фондаминского к действиям. После всенощной под праздник Рождества

Богородицы (20 сентября 1941 года) священник Константин Замбржицкий, настоятель Свято-Троицкого храма в Клиши, сам находившийся в заключении, крестил его в православной церкви, устроенной о. Константином в одном из бараков. По просьбе Фондаминского крещение было совершено тайно. На следующий день немцы разобрали церковь. Праздничную литургию, на которой впервые причащался новопросвещенный Илия, пришлось служить в комнате священника. По свидетельству крестного отца, Ф.Т. Пьянова, Фондаминский был вдохновлен и радостен. «Я чувствую себя прекрасно, — писал он сестре, — и уже давно, давно не чувствовал себя таким спокойным, веселым и даже счастливым». Одному парижскому другу он писал, что он теперь готов на все («и на жизнь, и на смерть»): он познал, «что такое — благодать».

Фондаминский страдал язвой желудка. Вскоре после крещения его перевели в местный госпиталь. Мать Мария могла его навещать. Комитет помощи обдумал план его побега через «свободную» зону Франции в США. Но Фондаминский решительно отказался от этого: он хотел разделить судьбу своих братьев, родных по плоти. Как отметил Г.П. Федотов, «в последние дни свои он хотел жить с христианами и умереть с евреями». В этом решении он был непоколебим. В августе 1942-го, накануне своей отправки на восток из лагеря Дранси, он также отверг второй, не терпящий отлагательства план побега, в подготовке которого снова участвовала мать Мария. Характерно то, что в своем последнем письме к м. Марии, растрогавшем ее до слез, он прежде всего выразил заботу о том, чтобы его судьба не причинила боли друзьям: «Пусть мои друзья обо мне не беспокоятся. Скажите всем, что мне очень хорошо. Я совсем счастлив. Никогда не думал, что столько радости в Боге». «Из такого теста святые делаются», — отметила мать Мария[24].

Благодаря связям И. Кривошеина, который сам к этому времени стал активным членом Сопротивления, побег Фондаминского был тщательно подготовле. Его должны были переправить из лагеря Дранси и спрятать в военном госпитале в Валь-де-Грас. Но к сожалению, операция сорвалась,

[24] *Гаккель С., прот.* Мать Мария. P.: YMCA-Press., 1980.

и он был отправлен в лагерь смерти Аушвиц. Слова м. Марии о Фондаминском оказались пророческими: в 2004 гду Св. Синодом Вселенского Патриархата Илья Фондаминский был причислен к лику святых.

Помощь, которую мать Мария и ее друзья по «Православному делу» стали оказывать людям в оккупированном Париже, была крайне опасной. Но тем казалось и лучше для нее, будто крылья у нее выросли, страха она не чувствовала, а Гитлера ненавидела. В предвоенные годы своей миссионерской деятельности, окруженная людьми не только бедными, бездомными, но и падшими, она вызывала много нареканий, бывали и столкновения с французской администрацией. После июня 1942 года при сложившейся обстановке вокруг дома на улице Лурмель ее открытые и неосторожные действия вызывали пристальное наблюдение гестапо и коллаборантов. Спасение и оказание помощи евреям поставили для м. Марии знак равенства между жизнью и смертью.

Многие, кто знал ее давно и близко, не одобряли этого риска. Один из друзей молодости — Бушен, тот самый ДДБ, которому в 1911 году в «Скифских черепках» было посвящено стихотворение, вспоминал: «Это было уже во время войны, после падения Парижа. Она вела себя... несколько вызывающе. Я ей говорил: "Лиза, тише, тише, не надо. Не надо, чтобы немцы что-то подумали, что-то узнали". А у нее было по отношению к ним такое чувство, страшно вызывающее. Она не скрывала, что их ненавидит и с ними борется. Помню, здесь, в этой комнате, мы с Сережей Эрнстом говорили об осторожности — а она обвинила нас, что мы держимся в стороне»[25].

Обвинение в неучастии было необоснованным, так как Д. Бушен и С. Эрнст оба активно участвовали во французском Сопротивлении, но не афишировали этого из соображений конспирации.

* * *

Благодаря советской пропаганде до недавнего времени в России существовало мнение, что европейское Сопротивление во время Второй мировой войны было исключительной пре-

[25] См. раздел «Из архивов».

рогативой коммунистического подполья. Знания о «другом» Сопротивлении всячески замалчивались, потому как эти группы в Европе были сформированы людьми, далекими от коммунистической идеи. Русские французы и русские немцы, люди правого толка, верующие христиане любили свою родину и хотели освободить от Гитлера не только Германию, но и завоеванный им мир. Национал-социалистическая доктрина расового превосходства немецкого народа была известна еще до войны. Кто бы мог думать, что она окажется живучей и что идеи чистоты высшей расы до сих пор будут смущать умы.

Русская эмиграция в Европе была крайне разношерстной и представляла собой слепок русского дореволюционного общества. Обострились несогласия и противоречия: правые яростно осуждали левых (виня их в победе большевиков в России в 1917 году), монархисты в своих журналах писали манифесты против всех, им отвечали эсеры и меньшевики, единая церковь раскололась на три юрисдикции — РПЦ, РПЦЗ и малую часть, временно перешедшую под юрисдикцию Вселенского патриархата.

С началом войны разногласия не устранились, но наметился перелом. Враг занял Европу, потом напал на СССР, и против этого общего врага нужно было объединиться. Каждый, кто считал своим долгом чести встать на борьбу с нацизмом, решился на конкретные действия. Политика коллаборационизма Франции и те компромиссы, на которые пошло правительство Петена, были для многих патриотически настроенных французов неприемлемы. Русскими в рядах европейского Сопротивления двигали сложные чувства в борьбе с Гитлером: долг послужить приютившей их стране (ставшей второй родиной), надежда на победу и освобождение России, поражение не только национал-социалистов, но и крах сталинского СССР. Но победа только укрепила Сталина, репрессии и преступления против собственного народа продолжились, и этот вампир в облике Антихриста до сих пор кое-кому внушает надежды на свою «канонизацию».

В 1942 году перед русскими во Франции встал вопрос, нужно ли создавать отдельно русское «Сопротивление»

или вступить в ряды французской организации. По многим причинам, которые излагает И.А. Кривошеин в «Вестнике участников Сопротивления» (Париж, 1946–1947)[26], идея создания отдельной русской ячейки была отвергнута. Самым главным аргументом было то, что такое формирование затруднило бы конспирацию и в случае провала повлекло бы удар по всему русскому делу во Франции.

Борис Вильде, Анатолий Левицкий, Вики Оболенская, Тамара Волконская, мать Мария (Скобцова), отец Димитрий Клепинин... Это только малая часть имен из списка русского «Сопротивления», блестяще образованных, православных, любящих Францию и Россию и мученически принявших смерть.

В уникальных изданиях двух выпусков «Вестника участников Сопротивления», одним из основателей которого был Игорь Александрович Кривошеин, он рассказывает и о своем «Сопротивлении», об аресте, пытках, лагерях Бухенвальд и Дахау и о возвращении в Париж после победы в июне 1945 года. В «Вестнике» приводятся рассказы очевидцев и воспоминания людей, знавших Бориса Вильде, Анатолия Левицкого, Вики — Веру Оболенскую, мать Марию (Скобцову), Ариадну Скрябину (Сарру Кнут) и других[27]. У многих из них нет могил, они «похоронены в общих гробах», но на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем стараниями русской диаспоры воздвигнут кенотаф (памятник). На нем выбиты золотом имена русских героев, выгравированы их портреты.

В феврале 1941 года Вильде, Левицкий и еще несколько их соратников были арестованы немцами, а 23 февраля — расстреляны в тюрьме Френ. Еще одна антифашистская ячейка была основана К. Радищевым. В 1943 году он также был арестован и отправлен в концлагерь, где и погиб в 1944 году. В июле 1944 года в тюрьме Санте был расстрелян Н. Мхитарианц-Мхитаров, выполнявший разведпоручения Сопротивления. С 1941 г. в рядах партизан сражалась

[26] «Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции». См. раздел «Из архивов».

[27] См. раздел «Из архивов».

Т.А. Волконская. С.Б. Долговой был создан Союз русских патриотов, активно боровшийся с оккупационным режимом. В Сопротивлении на юге Франции принимала участие княгиня Зинаида Алексеевна Шаховская, награжденная за свою деятельность орденом Почетного легиона. Вера Аполлоновна Оболенская (как ее звали — Вики) была участницей «Подпольной организации О.С.М.», а 4 августа 1944 года она была обезглавлена в тюрьме Плетцензее в Берлине. Игорь Александрович Кривошеин под псевдонимом Фернан сотрудничал с разведсетью Ф.А.Н.А. Он собирал сведения для организации парижского восстания, устанавливал связь с различными антифашистскими организациями, завербовал служившего в экономическом отделе штаба германского военного командования во Франции офицера вермахта Вильгельма Бланке. Летом 1944 года Кривошеин был выдан предателем, затем арестован, подвергнут жестоким пыткам и отправлен Бухенвальд, из которого он вышел уже после окончания войны.

Одной из групп Сопротивления в Ницце руководил Георгий Маковецкий, покончивший с собой 6 июля 1943 года в застенках гестапо. В рядах «Свободной Франции» наряду со многими другими русскими эмигрантами сражались князья Н.В. Вырубов и Д. Амилахвари.

Что же послужило для этих людей импульсом встать на опасный путь сопротивления? Ведь в оккупированной немцами Франции можно было спокойно существовать при условии, что ты не еврей, коммунист или антифашист. Более того, часть русской эмиграции, поддавшись своим иллюзиям, почти сразу встала на путь сотрудничества с оккупантами. Но были и такие, которые, рискуя своей жизнью и жизнью своих семей, укрывали подпольщиков, евреев, беглых военнопленных, сбитых союзных летчиков, помогали с документами, переводили через границы. Сотни, если не тысячи, спасенных людей и сотни спасавших их русских сопротивленцев — имена тех и других исчезли из нашей памяти, остались лишь немногие.

И. Кривошеин познакомил мать Марию с Вильде, она поддерживала связь не только с ним. Племянница генерала де Голля Ж.А. де Голль, позже делившая с ней нары

в Равенсбрюке, писала, что м. Мария имела подпольные связи и с другими участниками Сопротивления: с Ж. Рабиновичем, С. Северном, Д. Рапопортом, А. Левицким[28].

С 7 июня 1942 года на всех оккупированных территориях декретом берлинской канцелярии Эйхмана стало обязательным для всех евреев ношение желтой звезды Давида. Каждому еврею старше шести лет выдавались три звезды и талон для покупки материи. До войны Франция не знала антисемитизма. Однако когда немцы приступили к геноциду евреев, французские коллаборационисты поддержали их. Мать Мария сразу же, в тот же день, написала стихи, которые передавались устно и копировались.

Два треугольника, звезда,
Щит праотца, Царя Давида, —
Избрание, а не обида,
Великий путь, а не беда...
<....>
Пускай же те, на ком печать,
Печать звезды шестиугольной,
Научатся душою вольной
На знак неволи отвечать.

В ночь с 15 на 16 июля 1942 года в Париже были произведены массовые облавы и аресты евреев. По заранее составленным спискам гестаповцами было арестовано общей численностью 13 000 тысяч человек (среди них 4 000 детей). Они были свезены на велодром на бульваре Гренель. Немногим удалось скрыться, операция была организована в строжайшем секрете, и утечек информации практически удалось избежать. Те, кому удалось бежать, пополнили коммуну дома на улице Лурмель, который находился всего на расстоянии полутора километров. Немцы устроили из велодрома своего рода пересыльный лагерь. До отправки в Аушвиц людей содержали пять дней под открытым небом без еды, уборной и с единственным краном питьевой воды. Благодаря монашеской одежде м. Мария проникла на велодром.

[28] См. раздел «Из архивов».

С ее стороны это было рискованное предприятие, немцы не препятствовали монахине, но в любой момент могли ее задержать и обыскать. Она провела там три дня, выходила и возвращалась с едой, утешала... и, по некоторым сведениям, ей удалось устроить побег четверых детей, которые были вынесены в мусорных ящиках.

В 50 километрах на юго-запад от Парижа в г. Дурдане действовал входивший в состав Groupe de Dourdan франко-русский партизанский отряд, которым руководил А.А. Угримов. Он работал инженером на мельнице, расположенной на окраине городка. Благодаря своему вполне легальному положению без всякого подозрения со стороны немцев он наладил помощь партизанам через шоферов и фермеров, приезжавших на мельницу за мукой.

Между лурмельским Комитетом и Дурданской группой установился контакт через связного Н. Веревкина, который жил на Лурмель со своей престарелой матерью-художницей, ученицей И.Е. Репина. Через него Угримов снабжал мать Марию мукой, крупой и продовольственными карточкам. Сама мать Мария также неоднократно приезжала в Дурдан. Вот как вспоминал об этих встречах сам А.А. Угримов: «Все русские в Париже знали мать Марию, и я тоже с ней видался, не раз, но это были мимолетные встречи. Последний раз я видел мать Марию весной или летом 1943 года (точно не помню), когда она приехала к нам на мельницу "Minoterie Coopérative de Dourdan", расположенную на окраине небольшого старинного городка в 50 километрах от Парижа. Предварительно она позвонила мне по телефону и приехала утром, в солнечный день. Чтобы подойти к нашей квартире, надо было войти в ворота и пройти весь мельничный двор, со всех сторон окруженный производственными зданиями. Я отчетливо помню, как она шла, и что у меня мелькнула мысль: "Что-то подумают рабочие и служащие", — так необычен был ее вид в русском монашеском одеянии, так резко выделялась она на фоне французского провинциального городка. И не только благодаря одежде, несколько небрежной, — весь ее облик был необычен <..> Рослая, она шла широким шагом, прямо глядя перед собой через круглые очки в простой оправе — "нянькины очки",

как сказала моя жена. Она приехала к нам, чтобы переговорить со мной о доставке в больших размерах, чем раньше, продуктов для питания всех тех людей, о которых она заботилась и которых скрывала от преследования немцев. <..> При участии рабочих мельницы, часть которых входила в эту же организацию Сопротивления, шоферов и грузчиков, поставлявших муку на машинах в разные населенные пункты и в Париж, при сочувствии фермеров мне удалось наладить получение в довольно больших количествах хлебных "тикетов" (талонов) продовольственных карточек, которые раздавались всем. Кто в них остро нуждался, в первую очередь, конечно, всем известным нам скрывавшимся и людям, им помогавшим. Делалось это так, фермеры доставляли зерно сверх «наряда-путевки». Шоферы и грузчики сдавали эту муку знакомым им булочникам и получали от них хлебные "тикеты", которыми они отчитывались в управлении по распределению муки и хлеба. Эти талоны были месячные, и таким образом могли быть пущены в оборот, т. е. на них можно было всюду купить хлеб. <..> В этот день она осталась у нас обедать и уехала с вечерним поездом. От этой встречи с ней у меня осталось воспоминание чего-то светлого, легкого. Общий язык мы, конечно, нашли сразу и взаимное доверие. Более полное, хотя каждый из нас ничего лишнего о своих сопротивленческих делах и не говорил. Мало сказать, что она была бодрая и оживленная. Я запомнил ее улыбающейся, я бы сказал, духовно радующейся, как человек, нашедший настоящий путь к подвигу»[29].

Маленькие подпольные ячейки, как Лурмель, Нуази, Дурданская группа и проч., были одними звеньями большой разветвленной цепи Сопротивления на территории Франции. По законам конспирации каждый знал только одного связного, и то под вымышленным именем. Люди встречались, передавали сведения, беспрерывно передвигались, иногда исчезали, чтобы возникнуть через несколько месяцев на другом конце страны или бесследно пропасть.

Новый виток борьбы Сопротивления во Франции начался в ноябре 1942 года, когда под Сталинградом была

[29] *Угримов А.А.* Воспоминания — из Москвы в Москву, в Париж и Воркуту. М.: RA («Русский авангард»), 2002.

окружена 6-я армия Паулюса. Он продолжался вплоть до 6 июня 1944 года, то есть до высадки союзнического десанта, в которой участвовали наряду с англо-американскими войсками и бойцы «Сражающейся Франции». К концу 1942 года во Франции немцы открыли военно-полевые суды, участились обыски, репрессии; людей, у которых находили оружие, казнили практически без суда. Фашисты мстили французам за свои поражения на востоке.

В мае 1943 года из разрозненных партизанских групп был создан Национальный совет Сопротивления, в который вошли почти все активные силы Франции. В том же году создается деголлевская Тайная армия, а год спустя она объединяется с двумя другими антигитлеровскими военными организациями во «Французские внутренние силы».

* * *

Давным-давно, еще в России, только начиная свои живописные опыты, мать Мария написала акварель «Я есмь лоза истинная». Может показаться странным, но эта одна из первых картин молодой художницы перекликается с ее, по сути, последним произведением на воле — вышивкой «Тайная вечеря». Этим большим и очень красивым гобеленом, вышитым на рубеже 1940–1941 гг., м. Марии хотелось украсить Царские врата лурмельской церкви.

Символ лозы в Ветхом Завете — это символ плодоносящей Семьи — прообраза Церкви, рождающей множество чад (о, как это близко матери Марии!). Виноградник — образ народа Божия (см.: Ис. 3–14). А само название акварели отсылает нас к словам Христа: «Я есмь истинная виноградная лоза, а Отец Мой — виноградарь» (Ин. 15:1).

В Новом Завете символ «Я есмь лоза» приобретает особое значение в связи с *Евхаристией*, совершаемой на вине, происходящем из виноградной лозы. Лоза становится не только символом, но и реальностью церковной жизни, т.е. без Евхаристии спасение в жизнь вечную невозможно. Поскольку Господь и Церковь неразделимы, а Тело и Кровь Христовы составляют суть Церкви, то отождествление лозы и Христа происходит естественным образом. Отсюда следует

цепочка богословских реалий и ассоциаций: семья, община, Церковь, Евхаристия, Христос, Бог Отец как виноградарь, заботящейся о лозе. К деятельности и творчеству матери Марии (Скобцовой) эти параллели имеют прямое отношение. Обращаясь к апостолам, Христос говорит: «Я лоза, а вы ветви!»

Здесь очень важны слова о ветвях, которые, пребывая отдельно от лозы, — засыхают. Такие ветви собирают, бросают в огонь, и они сгорают. Отсюда — смирение матери Марии, которая, как и подобает настоящему христианину, считала себя ничтожнейшим из Его учеников, который не принес достойного плода. Однако мы знаем, что, сгорев в огне крематория, принеся себя в жертву вослед Христу, она не сгорела, как те ветви, которые не были с Господом. Ибо тот огонь служения, в котором сгорела мать Мария, связывает ее со Христом навечно!

Своими последними работами мать Мария как бы подводит итоги своего творчества, в том числе и литературного. В мае 1942 года она заканчивает автобиографическую поэму «Духов День». В этом поэтически-философском «завещании» она вспоминает и возвращаятся к разным периодам своей жизни: от анапского детства, прогулок по набережным Невы до начала Второй мировой войны.

Мукой пройдена каждая пядь —
Мукой, горечью, болью, пороком...

Мать Мария доходит до оккупации Франции, во сне она предвидит конец и победу, об этом она рассказывает Мочульскому: «На площади Конкорд бьется окровавленный и израненный галльский петух и движется процессия. Впереди идет тигр, за ним медведь, дальше другие — все без лица, одни копыта. И тащат колесницу. Я не могу разглядеть того, кто на колеснице... я проснулась».

Истерзанный петух разбитых галлов...
Теряет перья клочьями и в пух.

Когда вышел приказ о ношении желтой звезды, м. Мария сказала: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. Неужели непонятно, что борьба идет против христианства? Если бы мы все были настоящие христиане, мы бы все надели звезды. Теперь наступило время исповедничества. Большинство соблазнится, но Спаситель сказал*: Не бойся, малое стадо*». Лурмель уже был не способен вмещать всех. Люди прибывали постоянно, они спят на полу в зале, в сарае, во флигеле. В комнате отца Димитрия Клепинина живет целое семейство, в комнате Юры другое, все вместе, и евреи, и неевреи. Мать Мария шутит: "У нас острый квартирный кризис. Удивительно, как нас всех до сих пор немцы не прихлопнули"»[30].

Несмотря на напряжение, полный продовольственный и квартирный кризис, летом 1942 года мать Мария устроила на Лурмель скромный праздник в честь годовщины образования Комитета помощи. Н.А. Кривошеина вспоминает: «Стоял небольшой стол с незамысловатой закуской военного времени, были все дамы, работавшие в Комитете, о. Клепинин и, кажется, Пьянов. Настроение у всех было хорошее, все ждали, что скажет мать Мария; лицо у нее светилось весельем, на нем даже играла лукавая улыбка, и, взяв рюмочку водки, она произнесла маленькую речь про Комитет и его работу и в конце сделала шутливый комплимент Игорю Александровичу за то, что он сумел устроить это дело, которое уже целый год благополучно здравствует»[31].

В последние годы м. Мария все чаще приезжала к Д.Е. Скобцову на ферму Фелярд под Парижем. Иногда она брала с собой сына. Юрий очень радовался примирению родителей, совместной работе в саду, общим прогулкам, теплой семейной обстановке за столом. Его детство и юность были помечены тяжелыми событиями: смерть Насти и Гаяны, развод любимых родителей, семейные нестроения — все это отрицательно сказалось на его душевном состоянии. Он увлекался искусством и литературой, поступил в Сорбонну,

---

[30] *Мочульский К.* Воспоминания «Монахиня Мария» (машинопись в архиве Кривошеиных).

[31] *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни.

стал успешным студентом, окреп физически и душевно и постепенно сумел преодолеть подростковый кризис. Более того, в отличие от Гаяны, он был глубоко верующим и воцерковленным молодым человеком; постоянно помогал о. Димитрию Клепинину, трогательно ухаживал за больными и старыми постояльцами Лурмеля. С отцом у него были ровные и дружеские отношения. Д.Е. Скобцов, который писал свои воспоминания о Кубани, некоторые отрывки читал сыну вслух. «Совместая дружная работа, семейная обстановка за столом, общие прогулки, — сын совсем расцветал... Тихий, мирный по природе. Он вообще тяготел к семейному очагу, семейному уюту, и в эти частые приезды на Фелярд он как бы наверстывал упущенное», — пишет Д.Е. Скобцов.

Начало 1943 года ознаменовалось хорошими известиями с Восточного фронта: 18 января была прорвана блокада Ленинграда, 2 февраля победоносно завершилась многомесячная битва под Сталинградом: остатки 6-й немецкой армии под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса сдались в плен. Сталинградская битва явилась не просто коренным переломом в ходе всей Второй мировой войны: она оказала огромное моральное воздействие на Сопротивление в Европе, вдохнула в него силу и уверенность в победе над фашизмом. В английской газете «*Evening News*» тогда же писалось по этому поводу: «Давайте искренне признаем, что, не будь подвигов Красной армии, судьба свободных народов была бы поистине мрачной».

У матери Марии поднялось настроение, и действия ее были еще рискованнее... ведь война Гитлером проиграна окончательно!

Невольно возникает вопрос: неужели она и ее окружение не понимали, что за Лурмель ведется наблюдение со стороны гестапо? Более того, наверняка среди постояльцев были провокаторы, которые доносили начальнику Управления по делами русской эмиграции Ю. Жеребкову о деятельности Комитета Помощи. В феврале на Лурмель появилась странная женщина, выпущенная немцами из заключения, впоследствии подозрения подтвердились — она оказалась агентом. Присутствие м. Марии на велодроме и ее активная, нескрываемая помощь

евреям тоже были известны. Не нужно списывать со счетов недружелюбное отношение определенной части русской эмиграции к просоветской деятельности м. Марии: ее открытое ликование и надежды на победу Красной армии, лютая ненависть к Гитлеру и коллаборантам вызывали у пронацистки настроенной диаспоры нескрываемую злобу.

В воскресенье 7 февраля 1943 года мать Мария уехала из Парижа в Фелярд на сутки, намереваясь немного отдохнуть. На другой день, 8 февраля, гестаповцы нагрянули на Лурмель, произвели там повальный обыск: перерыли шкафы, провели личный досмотр постояльцев. По счастливой случайности на момент обыска никого из нелегальных жителей не оказалось на месте, но из кармана Юры было изъято письмо одной женщины-еврейки, адресованное о. Димитрию, с просьбой о крещении! В канцелярии «Православного дела» его коротко допросили. Софья Борисовна присутствовала при аресте внука и на вопрос, когда его отпустят, гестаповец Гофман закричал на нее по-русски: «Где ваш поп? Давайте сюда попа!» Пришел о. Димитрий, и Гофман объявил, что они сейчас увезут Юру как заложника, а выпустят только тогда, когда явится мать Мария. Его тут же увезли, а у о. Димитрия и С.В. Медведевой были отобраны удостоверения личности с условием, что на следующий день, 9 февраля, они должны прийти в генеральный штаб гестапо на допрос. Об аресте Юры Софья Борисовна незамедлительно сообщила в Фелярд.

Медведкову после допроса отпустили, она продолжала помогать на Лурмель, но в дальнейшем ее не раз вызывали в гестапо. Практически от ареста ее спасла правильно оформленная регистрация, введенная Ю.С. Жеребковым для эмигрантов, в отношении нее не было предпринято никаких карательных мер. Отца Димитрия допрашивали в течение четырех часов, условием его освобождения был отказ от помощи евреям. «А этого еврея вы знаете?» — отец Димитрий показал на свой наперстный крест с изображением распятого Христа. Его сильно ударили по лицу... Этим ответом он вынес себе смертный приговор.

Утром 9 февраля м. Мария примчалась в Париж, где узнала о задержании и допросах о. Димитрия, Ф. Пьянова

и своего сына Юрия, которых немцы, естественно, и не собирались освобождать. Ее первый продолжительный допрос был произведен в лурмельском доме. «При последних минутах прощания, — вспоминала Софья Борисовна, — обнялись мы с ней. Благословила я ее. Всю жизнь, почти неразлучно, дружно, прожили мы вместе. Прощаясь, она, как всегда в самые тяжелые минуты моей жизни (когда сообщала о смерти моего сына, а потом внучки), сказала: "Крепись, мать!"»

Гестаповец Гофман, знавший русский язык и наблюдавший за этой сценой, грубо крикнул Софье Борисовне: «Вы дурно воспитали свою дочь, она только жидам помогает!» Софья Борисовна ему кротко возразила: «Моя дочь настоящая христианка, и для нее нет ни эллина, ни иудея. А есть несчастный человек. Если бы и вам грозила беда, то и вам помогла бы»... Мать Мария улыбнулась и сказала: «Пожалуй, помогла бы».

На другой день Гофман приехал к С.Б. Пиленко и сообщил ей: «Вы больше никогда не увидите свою дочь». По приказу немецких властей «Православное Дело» было упразднено.

* * *

Подойдя вплотную к последнему этапу жизни м. Марии (Скобцовой), трудно удержаться от пафоса или сентиментальности. Осталось немало свидетелей тех месяцев, и все говорят, что мать Мария держалась с самого начала бодро и даже весело. Можно допустить и другое, что у нее притупилось ощущение страха и сознание реальной опасности — она стольких похоронила и стольких спасла! В статье «Рождение в смерти» она пишет: «И мы верим. И вот по силе этой нашей веры мы чувствуем, как смерть перестает быть смертью, как она становиться рождением в вечность, как муки земные становятся муками нашего рождения...»[32]

Мать Мария вместе с сыном Юрием, о. Димитрием и Ф. Пьяновым были отправлены в форт Роменвиль, где они пробыли вместе вплоть до 26 февраля 1943 года, потом их переправили в пересылочный лагерь Компьень. Отца Димитрия и Юру несколько раз вывозили на допросы в Париж,

[32] М. Мария, статья «Рождение в смерти» (предп. 1936–37 гг.).

где священника подвергали публичным издевательствам. «Я помню, — пишет Пьянов, — как в конце февраля 1943 г. нас привезли из крепости Роменвиль в гестапо на рю де Соссэ. Нас собрали около 400 человек во дворе, а из окон выглядывали накрашенные немки-стенографистки, француженки, русские... отец Дмитрий в порванной рясе стал предметом насмешек. Один из эсэсовцев начал толкать и бить о. Дмитрия, называя его "Иуда". Юра Скобцов, стоявший рядом, стал плакать, а о. Дмитрий, утешая его, говорил, что Христос претерпел большие издевательства. Если о. Дмитрий принимал личные оскорбления смиренно, то оскорбления в отношении других или другими переживал мучительно, вплоть до физической боли. Часто в лагере мы все были оскорбляемы и избиваемы не только немцами, а и своими пленными товарищами. Это позор концентрационных лагерей»[33].

Даниил Ермолаевич Скобцов несколько раз приезжал в Роменвиль с посылками для м. Марии и Юры. «В отношении сына взялся вести хлопоты один адвокат, повел дело с настойчивостью, но положительных результатов не получилось. <..> Во временном концлагере у форта Роменвиль м. М. продержали до Пасхи 1943 г. Странным образом я был свидетелем, как ее вместе с другими многочисленными пленницами увозили оттуда сначала в Компьень, а потом в Германию, в Равенсбрюк. 21 апреля, утром рано я пришел к форту с чемоданом — посылкой для нее. Солдаты дежурной смены у ворот заявили мне, что той, кому я принес посылку, уже нет в лагере, и указали список на двери в дежурном помещении с именами якобы увезенных. Когда я спросил, куда ее увезли, на меня вдруг набросился офицер с истерическим криком: "Сведения здесь не даются!" Выйдя за ворота, Даниил Ермолаевич стал невольным свидетелем ее депортации в Компьеньский лагерь: «Каждая машина битком была набита женщинами, которые кричали "ура", пели. В третьем автокаре я и увидел мать Марию рядом с двумя католическими монахинями. Мать Мария тоже меня заметила, вскочила с сиденья и замахала мне руками. У нее был здоровый, цветущий вид. В Компьене она увиделась с нашим сыном».

---

[33] См. раздел «Из архивов».

Довольно большую группу мужчин, в их числе Юру, Ф. Пьянова и о. Димитрия тоже привезли в пересылочный лагерь Компьень. Юре удалось пробраться из мужского сектора в женскую зону. Солагерница матери Марии И.Н. Вебстер так описывает последнюю встречу сына с матерью: «Привезли нас в Компьень, в лагерь, и долго не знали, в какой барак погнать, наконец, разместили в каком-то стойле. Женщины стараются устроиться получше, покомфортабельней, думают, что надолго. К вечеру меня разыскала Мать Мария и возбужденно поведала, что сын ее Юрий тут же и она надеется его наутро повидать. Она была полна этим скорым свиданием, мечтала о моменте встречи... На утро, часов в пять, я вышла из своей конюшни и, проходя коридором, окна которого выходили на восток, вдруг застыла на месте в неописуемом восхищении от того, что увидела. Светало, с востока падал какой-то золотистый свет на окно, в раме которого стояла м. Мария. Вся в черном, монашеском, лицо ее светилось, и выражение на лице такое, какого не опишешь, не все люди даже раз в жизни преображаются так.

Снаружи, под окном, стоял юноша, тонкий, высокий, с золотыми волосами и прекрасным чистым прозрачным лицом, на фоне восходящего солнца и мать, и сын были окружены золотыми лучами... Они тихо говорили. Мир не существовал для них. Наконец она нагнулась, коснулась устами его бледного лба... Ни мать, ни сын не знали, что это их последняя встреча в этом мире. Долго она после стояла уже одна у окна и смотрела вдаль, слезы медленно текли по ее щекам. Незабываема картина скорби и молчаливого страдания и... надежды»[34].

После этого свидания Юра послал письмо в Париж бабушке и отцу: «Мои самые родные! Христос Воскресе!<...> Вы уже, наверное, знаете, что я виделся с Мусенькой. В ночь 27 апреля маму отправили в Германию, она была в замечательном состоянии духа и сказала мне, что мы должны верить в ее выносливость и вообще не волноваться за нее, каждый день мы поминаем ее на проскомидии (и вас тоже). Мы каждый день служим литургию и причащаемся»[35].

---

[34] *Вебстер И.Н.* Мать Мария. Oreste Zeluck. P., 1947.

[35] *Мочульский К.* Воспоминания «Монахиня Мария».

Отец Димитрий служил в Компьене каждый день вплоть до отправки 16 декабря 1943 года в Бухенвальд. «Благодаря ежедневным литургиям здешняя жизнь совершенно преобразилась, — пишет Юрий, — с Димой я на "ты" и он меня готовит к священству. Надо уметь и стараться познать волю Божию, ведь это меня всю жизнь влекло, и, в конце концов, только это и интересовало, но завершалось парижской жизнью и иллюзиями на "что-то лучшее", как будто может быть что-то лучшее»[36].

Через несколько недель туда же привезли Ф. Пьянова, который стал свидетелем последних месяцев жизни Юрия и отца Димитрия. 25 января 1944 года состоялось их последнее свидание[37]: «Утро было холодное, мороз, пронизывающая мгла, весь лагерь освещен сильными прожекторами. У решетки по другую сторону стояли о. Димитрий и Юра, в полосатых халатах <...> в парусиновых ботинках на деревянной подошве. На стриженых головах под нуль — легкие береты... отец Димитрий был обрит. Они оба были здоровы». Их везли за 40 километров в лагерь Дора, где на подземных заводах изготовлялись ракеты и самолеты. Условия работы были тяжелейшие, непосильный труд, грязь и минимальное питание приводили к повальной смертности; ежедневно в крематории Бухенвальда сжигалось до ста трупов. Юра почти сразу заболел фурункулезом, через несколько дней он скончался в так называемом медпункте.

Отец Димитрий довольно скоро умер от плеврита. Перед смертью, лежа на голом полу, он жаловался «на крайнюю слабость, беспредельную тоску и богооставленность». 10 февраля он был отправлен на кремацию. «Сам я знал Диму Клепинина, а затем отца Димитрия, в течение 23 лет, но узнал и понял его по-настоящему только за год до его смерти, — пишет Ф. Пьянов. — Мы провели вместе около года в лагере Компьень. Без преувеличения скажу, что год, проведенный с ним, для меня была милость Божия, я не жалею этого года, а только благодарен судьбе. Отец Дмитрий, мать Мария, Фондаминский, Юра Скобцов и другие — погибли, как мученики

---

[36] Там же.

[37] Рассказ Ф. Пьянова полностью в разделе «Из архивов».

за Веру в Бога, за то, что они отдавали себя, свои души другим людям. В том-то и бессмыслица в этом мире, что люди отдают свою жизнь за отвлеченные идеи, иллюзорные призраки, деньги, богатство, а не отдают ее Живому Богу. Церковь в этом мире существует и будет существовать, ибо она живет Кровью Праведника Христа и Кровью Его последователей — мучеников. В нынешнюю безрелигиозную, крайне дехристианизированную эпоху как раз Церковь и оживляется <..> Перед смертью отец Дмитрий в грязном арестантском халате, бритый наголо, в руке держал открытку, в первый раз выданную для писания близким. Он писать уже сам не мог, но если бы и писал, то только выразил бы свою горячую любовь своей жене, своим маленьким детям (мальчику и девочке). Как ни горячо он их любил, все же свой путь гибели он избрал по глубокой Вере, любовно и добровольно. Ибо в этом и был его Крест, заповеданный Христом».

Не буду ничего беречь,
Опустошенная, нагая.
Ты, обоюдоострый меч,
Чего ж медлишь, нас карая?

Без всяких слаженных систем,
Без всяких тонких философий
Бредет мой дух, смятен и нем,
К своей торжественной Голгофе.

Пустынен мертвый небосвод,
И мертвая земля пустынна.
И вечно Матерь отдает
На вечную Голгофу Сына.

В сборнике «Стихи» (1937) к этому стихотворению м. Мария нарисовала на полях женскую фигуру, держащую на коленях умирающего юношу. Как знать, не есть ли это пророческое видение смерти сына? В своем последнем письме, перед отправкой в Германию, Юра Скобцов напишет: «Я абсолютно спокоен, даже немного горд разделить

мамину участь. Обещаю Вам с достоинством все перенести. Все равно, рано или поздно. Мы все будем вместе. Абсолютно честно говоря, я ничего больше не боюсь: главное мое беспокойство — это Вы, чтобы мне было совсем хорошо, я хочу уехать с сознанием, что Вы спокойны, что на Вас пребывает тот мир, которого никакие силы у нас отнять не смогут. Прошу всех. Если кого чем-либо обидел, простить меня. Христос с Вами!»

* * *

При способности, выработанной десятилетиями, легко переносить нужду, никогда особенно не заботясь о собственном комфорте в повседневной жизни, мать Мария и в лагере целиком обратилась к нуждам заключенных. Более того, несмотря на лагерные ужасы, она находила слова утешения для других, сохраняла веселость, шутила и никогда не жаловалась. В бараке ей удалось устраивать настоящие дискуссии, окружив себя самыми разными по возрасту и вере людьми. Из дошедших до нас рассказов выживших в лагере смерти и знавших м. Марию, людей выходит, что: «она помогала восстановить нам утраченные душевные силы, читала нам наизусть целые куски из Евангелия и Посланий».

Кроме того, она посещала другие бараки и особенно любила 31-й блок, где помещались русские узницы из СССР. Можно допустить, что «странная русская монашка» из Франции своим словом, участием, рассказами о других странах приоткрыла этим советским женщинам иной мир, другие горизонты, а может быть, и показала дорогу к вере. Оставшиеся в живых узницы отмечали наличие у нее «пламенной мысли», «огня человечности», «энергии и творческого порыва»[38]. «В ноябре 1944 г. я случайно узнала, что мать Мария находится в лагере Равенсбрюк, где я сама была уже несколько месяцев <...> Я пришла к ней в тяжелую минуту, чувствовала, что теряю сердце, что мне больше не хватает душевных сил в этом беспроглядном мраке лагеря, искала у нее поддержки, — и скажу, что нашла у ней то, чего искала. Я как-то сказала ей, что не то, что чувствовать что-либо

[38] Свидетельство одной из солагерниц.

перестаю, а даже сама мысль закоченела и остановилась. “Нет, нет, — воскликнула матушка, — только непрестанно думайте; в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже; не снижайте мысль, а думайте выше земных рамок и условностей. В других религиях тоже частица истины, в каждой из них она есть. Только в христианстве она вся целиком”».

В январе 1944 года Софья Борисовна неожиданно получила письмо от дочери из Равенсбрюка, датированное декабрем 1943 года, написанное по-немецки[39]. Мать Мария сообщала, что она здорова, много думает о работе и о будущем: «Я сильна и крепка». Но в конце письма была приписка по-русски: «Я стала совсем старухой». Она очень страдала, что С.Б. осталась одна. За престарелой матерью, с которой они прожили всю жизнь дружно и неразлучно, ухаживал только Даниил Ермолаевич.

Равенсбрюк был трудовым лагерем. Кто-то работал в лесу на валке и корчевке деревьев, иные засыпали окрестные болота песком, кто-то строил дороги, в мастерских лагеря чинили и шили одежду солдатам. Рабочий день длился 12–14 часов (после трех-четырех часов стояния на перекличке). Вся система этой изнуряющей, а порой бессмысленной работы в совокупности с жестокими наказаниями была направлена на постепенное моральное и физическое уничтожение заключенных. Полностью саботировать лагерный труд было невозможно. Пожилые и нездоровые женщины в лагере получали «карточки ограниченной годности», которые давали право работать в блоке вязальщиц или заниматься уборкой помещений. Елизавета Юрьевна, пользуясь своим возрастом, определилась на «легкую» работу уборщицей. Грязи она не боялась и принципиально считала, что таким образом она работает не на немцев, а на заключенных.

В Равенсбрюке и в других нацистских лагерях были полностью запрещены различные проявления общественной и религиозной деятельности. Было запрещено иметь Библию, молитвословы, совершать литургии или молебны.

[39] Переписываться разрешалось только по-немецки, и письмо должно было быть написано хорошо читаемым почерком. Цензура не пропускала письма на других языках.

Верующие женщины умудрялись тайно отмечать церковные праздники. Рискуя подвергнуться наказанию, в день Пасхи 16 апреля 1944 года мать Мария украсила окна своего барака вырезками из бумаги. Этим она хоть немного смогла создать праздничное настроение у своих солагерниц.

Люди гибли каждый день, трубы крематория дымились непрерывно, и однажды, указывая рукой на выходящий из трубы красный дым, мать Мария сказала: «Он такой только вначале, около земли, а дальше, выше, делается все прозрачнее и чище и наконец сливается с небом. Так и в смерти. Так будет с душами...»

Заключенным удавалось получать известия о событиях, происходивших за стенами лагеря. Иногда они чудом добывали даже отдельные номера газет. Так они узнали о покушении на Гитлера 20 июля 1944 года. Эта весть, естественно, была воспринята с радостью и надеждой. Но больше всего узниц интересовали военные сводки... Уже была полностью снята блокада Ленинграда, освобожден Крым, успешно завершилась Корсунь-Шевченковская операция. Победа была настолько близка и очевидна, что канонада советской артиллерии, взрывы от бомбежек были слышны в лагере. Но будто на опережение, лагерный аппарат по уничтожению стал работать с утроенной скоростью. Чувство полного непонимания реальной гибели фашистской Германии, казалось, подстегивало гитлеровцев к экзекуциям. Предчувствие предела, своего огнепального конца, который ей грезился всю жизнь и о котором она так часто писала в стихах, не покидали мать Марию. Силы она черпала не только в молитвах, но и в живом творчестве — рукоделии.

У ее солагерницы Розанны Ласкру, которая после освобождения жила в Париже, долгое время хранилась вышивка м. Марии. Сюжет ее был навеян знаменитым старинным гобеленом из Байё, изображавшем сражение между норманнами во главе с Вильгельмом Завоевателем и англичанами при Гастингсе в 1066 году. Вышивка матери Марии представляет собой косынку, по краям которой стебельчатым швом вместе с текстом изображен средневековый рыцарский бой. «Она вышивала во время перекличек... почти не глядя, без

рисунка "киевским" швом. Материя — это моя лагерная косынка. Краски доставала приятельница-полька, работавшая по окраске эсэсовских рубашек. Нитки мы добыли из обмоток электрических проводов, разрезанных и обнаженных с помощью лагерных машин Сименс. Игла была похищена в немецкой портняжной мастерской Улы Биндера — палача-мучителя. Солагерницы пронесли все это с опасностью для жизни, чтобы была создана вышивка — это шедевр»[40].

Текст на платке был предложен Розанной Ласкру и написан на старом английском языке. Это своего рода зашифрованное послание связано со скорой победой! Конечно, и выбор сюжета символичен. Он имел аналогию с происходящими событиями на фронте, так как все ожидали высадку англичан (которая состоялась 6 июня 1944 года), а м. Мария очень надеялась на опережающие действия советской армии. Косынку м. М. подарила Розанне, скрутив жгутом она носила ее вокруг пояса, таким образом ее удалось спасти от лагерных шмонов.

В те же месяцы м. Мария начала вышивать свою последнюю работу — икону Божией Матери, обнимающей распятие с Христом. Именно это изображение было ей когда-то навеяно фреской Марселя Ленуара.

Раньше она часто меняла вышивки на хлеб, но эту икону она не хотела отдавать ни за что. Е.А. Новикова, подруга по лагерю, рассказывала, что мать Мария говорила: «"Вернемся в Париж, я ее даром отдам, подарю, но не здесь. Если я ее успею закончить, она мне поможет выйти живой отсюда, а не успею — значит, умру". Не успела! Занемогла, стала жаловаться на печень и лежала неподвижно целыми днями. Вскоре матушка, как большинство узниц, заболела дизентерией, перестала есть, надеясь, что диета спасет ее, и быстро теряла силы»[41].

К сожалению, мы так и не знаем, что стало с вышивкой. Хочется надеяться, что случится чудо, и она еще найдется. Сам сюжет этой иконы дошел до нас через описания

[40] Этот рассказ неоднократно приводится во всех изданиях о м. Марии.

[41] См. раздел «Из архивов».

Е.А. Новиковой, и по ним был сделан рисунок иконописцем сестрой Иоанной Рейтлингер. На иконе Божия Матерь обнимает крест, на котором изображен распятый Младенец Христос. Может быть, в таком неожиданном символе альфы и омеги, начала и конца жизни, рождения Христа и его распятия на кресте за всех нас, за наши грехи мать Мария в последний раз хотела напомнить всем о страшном времени, в котором мы живем: «...потому что духовное тело хочет восстать, потому что я хочу родиться в вечность, потому что мне в этой поднебесной утробе уже тесно, потому что я хочу домой, к Отцу, — и все готова отдать и любыми муками заплатить за этот Отчий дом моей вечности», — писала она в своем тексте «Рождение в смерти».

Приближался конец войны, условия содержания в лагере становились все невыносимей. По словам И.Н. Вебстер, «последние месяцы 1944 г. и первые 1945 г. для многих оказались роковыми, в том числе и для матери Марии». С.В. Носович вспоминала, что мать Мария совершенно спокойно и деловито высчитала, «что через пять месяцев из-за страшного процента смертности все мы умрем». Этот вердикт она закончила словами «Мое состояние сейчас — это то, что у меня полная покорность к страданию, и это то, что должно быть со мною, и что, если я умру, в этом я вижу благословение свыше».

Свидетели рассказывают, что однажды на перекличке мать Мария заговорила с русской девушкой и не заметила приближения надзирательницы. Та грубо окликнула ее и ударила ремнем по лицу. Разговоры во время переклички были строго-настрого запрещены. Мать Мария сделала вид, что не обращает на это внимания и спокойно закончила фразу. Эсесовка вышла из себя и осыпала ее ударами ремня по лицу, сбив очки, но мать Мария даже взглядом не показала, что это как-то действует на нее. Презрение к врагу в лагере тоже служило оружием.

Дизентерия, тифозные вши уносили жизни заключенных сотнями. К марту 1945 года мать Мария невероятно ослабла, лежала неподвижно в промежутках между перекличками, почти не говорила. «Она больше не принадлежала царству живых. Ее лицо производило большое впечатление

не своей истощенностью — мы уже привыкли к такому зрелищу, — а напряженным выражением ужасного потаенного страдания... Смерть уже отметила ее», — так Жаклин Пейри описывает «последний предел человеческих сил» у м. Марии. В лагере была введена так называемая розовая карточка для тех, кто уже не мог выходить на работу. Эта «поблажка» была довольно хитро устроена, с одной стороны, карточка освобождала от тяжелого труда, от выходов на перекличку, но с другой — если человек был уже неработоспособен, то ему предлагалось поехать на «выздоровление» в Югендлагерь. Управление Равенсбрюка всячески распространяло слухи о прекрасной организации этого лагеря, о красивом пейзаже и хорошем питании. Мать Мария, поверив в «блага» и «привилегии», взяла розовую карточку. Как и многие другие, она не предполагала, что за этим последует.

Филиал Равенсбрюка, Югендлагерь, состоявший из пяти бараков, находился в километре от основного лагеря. В Югендлагере не было ни кроватей (спали на мокрых мешках с соломой), ни печей, ни уборных, суточный рацион был минимален. Медицинская помощь вообще не оказывалась. Отправка в этот филиал была равнозначна подписанию смертного приговора: в нем люди умирали не только естественной смертью, их умерщвляли в газовой камере.

В январе 1945 года в Равенсбрюке эсесовские врачи Рапп и Келер произвели отбор больных и калек для очередной отправки в Югендлагерь. Туда же было решено перебазировать пожилых и вязальщиц. Именно в этом цеху работала м. Мария. Комендант Равенсбрюка лагерфюрер Ф. Зурен, отправляя партию женщин 28 января, острил: «Хорошее топливо для крематория, можно будет сэкономить на дровах».

Одной из отобранных была мать Мария. Выжить в этих «прекрасных» условиях было невозможно. Обычно на «поправку здоровья» отводилось пять недель, но люди умирали гораздо раньше. Однако вопреки печальным прогнозам и к удивлению подруг, матери Марии удалось выдержать адские условия Югендлагеря. К окончанию срока, 3 марта, тем, кто не умер или не сгорел в печах, неожиданно было сообщено о возможности вернуться в Равенсбрюк.

Инна Вебстер в первый же день возвращения м. Марии разыскала ее. «Я застыла от ужаса при виде того, какая в ней произошла перемена: от нее остались только кожа да кости, глаза гноились. От нее шел этот кошмарный запах больных дизентерией». Теперь на переклички с разрешения блоковой надзирательницы Христины она выходила в последний момент и, остановившись позади Вебстер, с которой не разлучалась со времени знакомства в Роменвиле, незаметно опиралась на ее спину. Но страшнее перекличек были «селекции». Носович, выжившая в лагере, потом всю жизнь мучилась и рассказывала: «В лагере заставляли стоять, кто упадет — того отправляли в печь. На меня хотела опереться старая женщина, а я чувствовала — вот-вот и сама упаду. И я отшатнулась, а ее — взяли... До сих пор не могу себе этого простить»[42]. Перед эсесовскими врачами заключенные должны были шагать бодрым шагом. Ослабевшим и больным пощады не было. Некоторое время мать Марию удавалось прятать под кроватями, но настал и ее час. К концу марта она уже не могла ходить, а только ползала, и 30 марта после очередной «селекции» ее повторно вывезли в Югендлагерь. За февраль и март 1945 года здесь погибло свыше семи тысяч человек.

Ко времени своей последней переклички она уже не могла подняться и осталась лежать на земле. К вечеру Великой Пятницы Страстной седмицы за ней пришли, поволокли в грузовик, сбили очки. Не теряя присутствия духа, она попросила оставить их, так как без них почти ничего не видела.

31 марта 1945 года узница под номером 19263 была казнена в газовой камере.

Так, не дожив до окончания войны двух месяцев, мать Мария закончила свой земной путь в печах Равенсбрюка.

Существует несколько версий ее гибели. По одной из них, монахиня Мария пошла на смерть вместо молодой заключенной, обменявшись с ней лагерными номерами... Но если это так, то не есть ли ее смерть органичное завершение исполнения евангельской заповеди: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

---

[42] *Гаккель С., прот.* Мать Мария. 1980.

Пророчествуя о своем конце, еще в 1934 году мать Мария писала: «Господь, не я, а горсть седого пепла, а в нем страстей и всех желаний гроб». Пепел сожженных в крематории нацисты рассыпали на ближайших к лагерю склонах для удобрения почвы. Огромной братской могилой стало и озеро Шведт, на берегу которого располагался Равенсбрюк.

* * *

Образ матери Марии интересует нас сегодня как никогда. Не побоимся сказать, что она по евангельским заповедям не закапывала свой талант, а продолжала его дарить и преумножать до конца дней. С ее именем прочно слиты нераздельные слова: Жизнь, Творчество, Судьба, между которыми следует поставить знаки равенства. Дошедшее до нас художественное наследие этой необыкновенной женщины должно стать более доступны широкому кругу людей, ибо, они пронизаны духом веры, любви и добра. Ее рисунки, акварели, вышивки, стихи, богословские тексты способны «выпрямлять» зачерствевшие людские души и способствовать спасению нашего жестокого мира.

Поиск русской идеи, некогда обозначенный Достоевским, волновал ее, она пыталась в своих текстах прояснить составляющую «православия, соборности и общинного коллективизма». Ведь к началу 1917 года, связи с этим триединством были полностью разрушены, а после революции большевики во время десятилетий своего правления осуществили полный и окончательный разрыв с тысячелетней российской традицией. Мать Мария стала одной из жертв этого страшного потрясения, а ее судьба — живой пример одной из сотен тысяч судеб невинных русских людей, погибших в перемоле Красного Колеса и черной свастики.

До сих пор слышны упреки в том, что она была не такой монахиней, как «все»: богема, замужество, дети, слишком властный характер... Подумаем о другом: о том, что, когда она вступила на путь монашеского служения в миру, Господь послал ей огромное испытание — пережить смерть ее собственных детей. Она стала поистине до конца, по-монашески обнищавшей, она стала матерью и сестрой для всех нас!

Все еще думала я, что богата,
Думала я, что живому я мать.
Господи, Господи, близится плата,
И до конца надо мне обнищать.

Неоднократно в эмиграции, в лагерях мать Мария мечтала вернуться в Россию. Если бы это случилось, то она не смогла бы спокойно видеть гонимую Церковь, аресты священников. В СССР была запрещена благотворительность, в 1948 году начались гонения на евреев – она со всем этим не смирилась бы, а потому ей была бы уготована участь погибнуть в тех же общих гробах. И тогда, можно предположить, имя ее вошло бы в мартиролог Новомучеников Российских, а у верующих и почитающих ее память не было бы столь сложной рецепции ее канонизации.

«В последние годы какой-то особенный мир царил в нашей церкви, и даже во время войны и всяких ужасов, что-то высоко духовное. Любовь к ближнему, желание помочь несчастным (что и делалось). <..> Увезли немцы м. Марию, о. Димитрия, Юру, и хотя война прекратилась, но с ними исчезло что-то светлое, любящее и доброе, и наступил у людей мрак, злоба, ненависть, суды, ругань, вообще мракобесие. Дай Боже всем опомниться, и да вернет Господь Милосердный мир душам нашим!»[43]

[43] Из воспоминаний Софьи Борисовны Пиленко. Цит. по: *Кривошеина К.* Красота спасающая. СПб.: Искусство—СПБ, 2004..

МАРШРУТЫ МАТЕРИ МАРИИ ПО ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ: РОДСТВЕННИКИ И ДРУЗЬЯ

1911 г.
В имении Гумилевых Слепневе. Фрагмент
Слева направо: Д.В. Кузьмин-Караваев, Е.Ю. Кузьмина-Караваева, А.А. Ахматова, М.Л. Сверчкова; (автор фото – О.А. Кузьмина-Караваева (1890–1986), в замужестве княгиня Оболенская).

В самой Твери Елизавета Юрьевна не побывала, лишь проезжала мимо в город Бежецк, расположенный в 126 км к северо-востоку от Твери.

Недалеко от города Бежецка находятся деревни Колесники и Горка, которые в XIX в. принадлежали И.А. Дмитриеву-Мамонову. Именно от этого старинного рода ведется родословная Елизаветы Юрьевны по материнской линии. Соседнее село Головское образует практически единое пространство с Горкой, где при местной Казанской церкви было когда-то кладбище, от которого осталась сегодня одна надмогильная плита с надписью: «Прасковья Николаевна Дмитриева-Мамонова, урожденная Неведомская, родилась 11 января 1829 г. — скончалась 8 апреля 1860 г.». Есть основания предполагать, что Елизавета Юрьевна посещала родовые места.

Елизавета Юрьевна, уже будучи замужем за Д.В. Кузьминым-Караваевым, бывала в Бежецке проездом, а вот в деревню Борисково, которая расположена на дороге Бежецк—

Весьегонск и где находится имение Кузьминых-Караваевых, наведывалась неоднократно. В 1910-х гг. большой двухэтажный дом с портиком в стиле Палладио принадлежал шестерым братьям Кузьминым-Караваевым. На первом этаже располагалась библиотека, коллекция картин и гравюр, комнаты были обставлены мебелью из карельской березы и красного дерева. Дом был окружен садом. Именно сюда в 1911 г. приезжала Елизавета Юрьевна, здесь она занималась живописью.

В 7 км от деревни Борисково, на холме на правом берегу реки Каменки находится деревня Слепнево. Здесь находилась усадьба Львовых, куда каждым летом в 1911—1917 гг., приезжали поэты Анна Ахматова и Николай Гумилев с сыном Львом. Бывала в Слепневе и Елизавета Юрьевна вместе с родственниками Кузьмиными-Караваевыми. Широко известен их групповой фотопортрет, сделанный в Слепневе. Усадебный дом в 1935 году был перевезен из Слепнева в село Градницы, где сохраняется до сих пор как памятник культуры. Он известен как «Дом поэтов», и в нем размещаются библиотека и экспозиция, посвященная А. Ахматовой и Н. Гумилеву.

Из воспоминаний А.А. Гумилевой (урожд. Фрейгарт), супруги Дмитрия Степановича Гумилева (младшего брата поэта), мы узнаем: «Кузьминым-Караваевым принадлежало соседнее имение — Борисково. Собственно Слепнево не было барским имением, это была скорее дача, выделенная из Борискова. Неподалеку находились еще два имения — Подобино и Дубравка. В них жили друзья Гумилевых и Кузьминых-Караваевых — Неведомские и Ермоловы. Соседи с удовольствием гостили друг у друга и часто проводили время вместе. То лето шло в прогулках, верховой езде, развлечениях и увлечениях, Ахматова потом вспоминала так: “Я не каталась верхом и не играла в теннис, я только собирала грибы в обоих садах, а за плечами пылал Париж в каком-то последнем закате”». В середине мая, проводив жену в Париж, Николай Гумилев уехал в Слепнево. Под влиянием рассказов Анны Ивановны (матери поэта) о родовом имении Слепневе и о той большой старинной библиотеке, которая в целости

там сохранилась, Коля захотел поехать туда, чтобы ознакомиться с книгами. В то время в Слепневе жила тетушка Варя — Варвара Ивановна Львова, старшая сестра Анны Ивановны. К ней... приезжала ее дочь Констанция Фридольфовна Кузьмина-Караваева со своими двумя дочерьми. Приехав в Слепнево, поэт был приятно поражен, когда кроме старенькой тетушки Вари навстречу ему вышли две очаровательные молоденькие барышни Маша и Оля. Маша с первого взгляда произвела на поэта неизгладимое впечатление... Маша была умна, хороша собой и неизлечимо больна туберкулезом. Гумилев нежно заботился о ней, старался всячески ее развлечь. В 1911 г. она умерла в Италии».

Елена Борисовна Чернова, внучка Агаты Ивановны Львовой, вспоминает:

«Летом 1912 г. я встретилась со многими членами семьи отца в имении Слепнево. Имение это, как мне помнится, принадлежало Льву Ивановичу Львову (отец его называл дядя Леля), бывшему морскому офицеру; кажется, он участвовал в обороне Севастополя. <...> Он завещал имение Слепнево своим сестрам Варваре, Агате и Анне, а т. к. Агата умерла, то часть ее наследства перешла к отцу. Мы оказались совладельцами Слепнева и договорились с Анной Ивановной Гумилевой, что приедем на лето в Слепнево».

В Слепневе царила Варвара Ивановна Лампе (урожд. Львова), родная тетя Николая Гумилева («тетушка Варя»). Она была не только самой старшей и уважаемой особой, но и ее все побаивались.

«Вообще, жизненный уклад в большом доме был несколько старомодный и даже торжественный. Все члены семьи собирались в столовой, но не садились на свои каждому определенные места, пока не входила Варвара Ивановна. Она была старшая, и разница в возрасте между нею и Анной Ивановной была большая. Анна Ивановна рассказывала, что на свадьбе у Вареньки она сидела у невесты под юбкой. Варвара Ивановна немножко стилизовала себя под Екатерину II, и в семье любили отмечать это сходство. Была она ниже ростом, чем Анна Ивановна, полная, но не расплывшаяся, держалась прямо и величественно, волосы седые, совершенно

белые, и на них черная кружевная наколка, когда она входила в столовую, к ней подходила Анна Ивановна, старшая сестра обнимала ее, а остальным делала общее приветствие. Тогда можно было садиться за стол. Разговор был общий, но младшие не начинали его, а только отвечали на вопросы старших. В то лето погода стояла хорошая, поэтому праздники с приглашенными гостями отмечали на террасе, но я на них не присутствовала, заходила только поздравить, поднести цветы и уходила к родителям во флигель. <...>

Деревни Слепнево теперь нет. На вершине холма еще заметны камни от фундамента усадебного дома, сохранились остатки парка: старый дуб, тополя, липы, акации, обмелевший пруд. Однако Слепнево не исчезло, оно заняло достойное место на литературной карте родины».

ПОЕЗДКА В ФИНЛЯНДИЮ, ЛАТВИЮ И ЭСТОНИЮ, 1932 ГОД

В 2012 году на доме в Риге, где родилась Лиза Пиленко, будущая мать Мария, была установлена мемориальная доска. Купола Христорождественского православного кафедрального собора, в котором она была крещена, опять сверкают позолотой, а колокольный звон слышен далеко за пределами города. Закрытие собора произошло по приказу министра культуры СССР Е. Фурцевой в 1963 г. По существующей версии-легенде, Фурцева приехала в Ригу и с сопровождающей ее делегацией местных политических деятелей наблюдала следующую картину: «В предпасхальные дни около 17 часов тень от памятника Ленину падала на витрину находившегося на противоположной стороне улицы магазина политической книги. А в ленинской руке странным образом оказался крест центрального купола собора, также дававший тень на то же здание. Эта оптическая нелепица послужила одной из причин передачи здания храма государству и открытия в нем планетария»[1]. Существует и более прагма-

[1] *Ульянов Ю.Е.* Страницы лет. Калуга, 2008.

тичная материалистическая версия: местные власти отдали распоряжение о максимальной сдаче металлолома и приказали спилить все медные кресты с куполов... Так или иначе, но после осквернения собор был превращен в планетарий. Только в 1991 году храм вернули верующим.

По приглашению Общества матери Марии, летом 2014 года я побывала в Риге, жила в доме, где родилась монахиня, пришла на литургию в собор. Да, действительно храм ожил, внешне очень красив, но внутри еще ощущается ненамоленность стен. Вероятно, должно пройти не одно десятилетие, за которое молитвами верующих собор вернет свою прежнюю жизнь и очнется от осквернения.

Мать Мария после пострига в 1932 году побывала в Прибалтике и Финляндии, приезжала в Ригу, прожила здесь около двух недель. В рижском женском Свято-Троицком монастыре ей сшили женское монашеское облачение. Ее приезд был связан с проведением съездов РСХД в Прибалтике, где она встречалась с молодежью и даже приняла участие в их спортивном празднике на Рижском взморье с ночевкой на сеновале.

Многие отмечали необыкновенную общительность и живость монахини. В те годы мать Мария была секретарем РСХД во Франции, постоянно ездила по провинции, посещала промышленные города, где жил русский пролетариат. Рижской молодежи она рассказывала о рабочих фабрик и заводов, о безработных и нищих, пьяницах, наркоманах. Ее заботил каждый из них. Бедственную ситуацию она характеризовала фразой «Человек человеку стена!». В Риге монахиня выступала с литературными воспоминаниями, впервые рассказывала о встрече с Блоком, о его стихах. Б.В. Плюханов, который был свидетелем этих встреч, вспоминает, что ему запомнились слова Блока о поэзии А.А. Ахматовой, «слышанные матерью Марией (тогда Елизаветой Кузьминой-Караваевой) у Вячеслава Иванова в Петербурге. Блок долго колебался и с неохотой ответил на вопрос о стихах А. Ахматовой: «Она пишет стихи свои как бы перед мужчиной, а их надо писать как бы перед Богом». Об Алексее Толстом мать Мария сказала: «Он поехал в Россию за белой булкой».

Монахиня постоянно была окружена молодежью, с ней было интересно, Б. Плюханов сразу попал под ее обаяние и был поражен проницательностью: «Она умела сразу определять характер человека, даже предсказывать будущее. Так, Тамаре Эренштейн (по мужу Литвиной) мать Мария сказала: “Вы можете спокойно спать, даже если под кроватью будет бомба”. Так монахиня Мария охарактеризовала мужество Тамары Дмитриевны, подтвержденное позже всей ее дальнейшей жизнью. Держа собеседника за руку, она вглядывалась в его глаза, и ее определения были искусством психолога, а не опытного хироманта <...> Слушая и наблюдая мать Марию вблизи, я обратил внимание на необычайность ее быстрых и порывистых движений. Необычайная живость ее проявлялась и в ее почерке: она писала так быстро, что не могла писать ясно, почерк ее был неразборчивый, а сама она была крайне близорука. Когда она читала, то подносила лист или книгу вплотную к глазам».

В свой приезд м. Мария побывала в Двинске (Даугавпилс) и Режице (Резекне), где встретилась с преподавателями и студентами педагогического института и русской православной гимназии. Выступала мать Мария в Режице в большом актовом зале института и гимназии. От этой встречи остались фотографии.

Е.М. Рагозина вспоминает: «В актовом зале собрались педагоги, студенты и гимназисты. Мать Мария спросила, о чем бы мы хотели слышать. Почти все заявили: “Пожалуйста, расскажите о России”. Это был не доклад, а беседа. По ее желанию, задавали вопросы о положении в России, и мать Мария подробно отвечала. Было видно, что она хорошо осведомлена о жизни в Советском Союзе, хотя в наших вопросах и ее ответах эти слова — “Советский Союз” — не упоминались, а только — Россия. Чувствовалось ее любовное отношение к родине и забота о ней. Остановилась мать Мария в интернате института, и я была счастлива, что она отдыхала и спала на моей кровати. Мать Мария произвела на меня сильное впечатление. Очень подвижная, высокая, круглолицая, в очках, со здоровым румянцем на щеках, в апостольнике и рясе, она выглядела величественно».

Мать Мария не была сентиментальной характером, но поездка в Прибалтику, которая состоялась почти сразу после ее пострига, была неким символическим знаком. Ведь она покинула Ригу в младенчестве — Лизой Пиленко, а вернулась в родные места уже в монашеском облачении.

В ее миссионерской жизни Движение РСХД играло огромную роль. Здесь не стоит задача рассказать о возникновении этого Движения, история РСХД замечательно и полно описана в книге Б.В. Плюханова «РСХД в Латвии и Эстонии», где автор, активный «движенец», рассказывает об очень многих своих современниках. Борис Владимирович не увидел своей книги, она вышла в парижском издательстве «YMCA-Press» через неделю после его смерти в 1993 году.

По сохранившейся переписке с И.А. Кривошеиным, которая длилась долгие годы, можно сделать вывод, что Борис Владимирович был необыкновенно увлеченным и сердечным человеком, он жил не только своим прошлым, но и хотел оставить воспоминания следующим поколениям. В основном их переписка касалась Бориса Вильде и матери Марии, так как сам Игорь Александрович многое помнил; ведь события тех лет коснулись непосредственно его самого. Рукописные отрывки, которые вошли в книгу, Б. Плюханов присылал И.А. Кривошеину с просьбой уточнений тех или иных фактов, имен и дат.

Из книги Б.В. Плюханова: «Движение РСХД не является партией — ни политической, ни националистической, ни церковной. Оно есть нечто иное, более глубокое. Оно есть новое течение в духовной жизни русской молодежи, русское, православное направление мысли и жизни русской молодежи, как эмигрантской, так и той, которая родилась, выросла и живет в своих природных местах, в пределах вновь возникших на территории бывшей русской империи самостоятельных государств. И в той и в другой молодежи идет один и тот же духовный процесс... Сущность Движения заключается, прежде всего, в перемене духа молодежи, в пробуждении любви ко Христу и Евангелию, в жажде чистой христианской жизни, в желании работать над собой, в чувстве святости

и спасительности Церкви, во внутреннем обращении души к Богу и Церкви» (с. 91).

Протоиерей Сергий Четвериков был духовным руководителем РСХД за рубежом. Пятый по счету (второй Пюхтицкий) летний съезд Движения должен был пройти в июле 1932 года в Прибалтике, в Пюхтицком женском Успенском монастыре. Обычно в съездах участвовало около 160 человек. Но экономический кризис невольно сократил не только количество участников, но и длительность самого мероприятия: вместо десяти дней оно продолжалось семь. На съезд не смогли прибыть некоторые секретари РСХД из Парижа, но приехали профессор В.В. Зеньковский, прот. Сергий Четвериков и монахиня Мария (Скобцова), которая участвовала в съезде РСХД в Прибалтике впервые. «Я увидел монахиню на станции Иыхви, куда мы, группа латвийской молодежи, приехали для участия в съезде. <...> Монахиня Мария приняла монашество незадолго до приезда в Пюхтицы. В то время к монашеской одежде она еще не привыкла. Да и сама одежда была необычная, мужская, доставшаяся ей после какого-то снявшего с себя сан и сбежавшего иеромонаха. Очень живая, жизнерадостная, с быстрыми порывистыми движениями, открытая, общительная — такой я увидел ее, когда она вышла из поезда на станции Иевве (Йыхви. — *К.К.*). Она показалась мне несколько диковинной монахиней...», — так Б. Плюханов описывал свою первую встречу с матерью Марией.

Во время этой поездки монахиня сумела посетить Финляндию, монастыри в Прибалтике. О своих впечатлениях она позже рассказала в статье «К делу», опубликованной в журнале «Новый Град». В статье она высказывала некоторые опасения относительно прибалтийских монастырей: старение монахов и монахинь, их вымирание, запрет новых пострижений на Валааме, запрещение поступлений в рижские монастыри не подданных страны. Мать Мария писала: «Несомненно, здесь много личного благочестия, личного подвига, может быть, даже личной святости; но как подлинные организмы, как некое целое, как некая стена нерушимая, они просто не существуют... Значение этих лимитрофных (приграничных) монастырей несомненно: они блюдут заветы,

они берегут огромные клады прошлого быта, золотой ларец традиции и благолепия. Надо верить, что они доберегут, дохранят, достерегут. Они, может быть, даже провиденциально попали в такие своеобразные, далекие от всякой современности условия, что хрупкое и нежное очарование их быта, возможно, так и не будет подвергнуто никакому насилию, никакому соприкосновению с нашей страшной, слишком быстрой и слишком напряженной жизнью». В этой статье мать Мария рассуждает о той роли, которую, по ее мнению, должно играть современное монашество. По ее словам, «оно должно занять такое же органическое место в нашей жизни, какое принадлежало ему в отдаленные времена. Оно должно нести на своих плечах большие творческие задачи активного православия и организовывать около себя не только духовную, но и экономическую и бытовую жизнь людей».

Со слов Б. Плюханова, монахини Пюхтицкого монастыря, который посетила м. Мария в 30-х гг., существовали как сельскохозяйственная, земледельческая трудовая община, а рижский женский монастырь опекал школу. Сестры монастыря составляли трудовую производственную общину и снабжали приходы епархии свечами, просфорами и овощами, одновременно ухаживая за пожилыми и немощными насельницами.

В Эстонии мать Мария с группой «движенок» РСХД побывала и в Нарве, где они совершили поход к границе с СССР. Там из-под проволоки они нарвали цветов и накопали земли, которую мать Мария увезла в Париж.

К. Кривошеина, 2014 г., Рига — Таллин, Париж

Борис Владимирович Плюханов (24 апреля 1911 — 7 октября 1993, Рига) — активный член РСПЕ[2], автор книги «РСХД в Латвии и Эстонии».

---

[2] «Русское студенческое православное единение» (РСПЕ) являлось составной частью РСХД. РСПЕ оформилось в Риге в 1928 г., во многом под впечатлением от лекций Н. Бердяева, и сыграло большую роль в духовном становлении русской молодежи в Латвии. РПСЕ было закрыто латвийскими властями в 1934 г

«Б.В. Плюханов родился в Риге. Раннее детство прошло в Вологодской деревне Мариндино, куда он с матерью и братом был эвакуирован во время Первой мировой войны. В 1929 г. окончил рижскую Ломоносовскую гимназию, затем со степенью магистра юридический факультет Латвийского университета. Принимал активное участие в жизни и работе РСХД. Занимался адвокатурой. Во время Второй мировой войны работал секретарем в епархиальном управлении. В 1944 г. был арестован советской властью, через два года выпущен — "за отсутствием состава преступления". Работал юрисконсультом в Риге до 1992 г. Борис Владимирович Плюханов много помогал своим друзьям и знакомым как юрист. В соавторстве с Ю.И. Абызовым им создан мартиролог репрессированных русских общественных и культурных деятелей, живших в Латвии в 20— 30-х годах.

Об очень многих своих современниках (особенно о тех, которых замалчивали) он собрал материал, и им написаны прекрасные очерки. Они печатались в "Вестнике РСХД", Блоковских сборниках Тартуского университета, в журналах "Даугава", "Радуга", "Таллин".

Борисом Владимировичем собран огромный материал о матери Марии, которым он щедро делился со всеми пишущими о ней. Он — хранитель ее стихов, автор многих очерков о ней, составитель библиографии.

В рукописи книга о Борисе Вильде, написанная на основании писем к матери и других документальных материалов. Всем знавшим и не знавшим Бориса Владимировича, эта книга надолго продлит его жизнь. В свою очередь книга даст жизнь многим участникам Движения — без этого многие были бы забыты».

Из статьи Т. Милютиной. Вестник РХД. № 168.

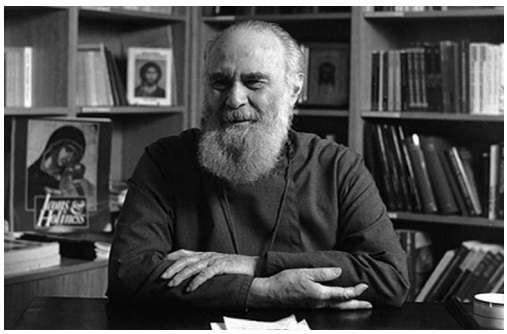
ИЗ АРХИВОВ

В этом разделе собраны тексты, дополняющие книгу «Мать Мария (Скобцова). Святая наших дней».

Митрополит Антоний Сурожский сказал пророческие слова о матери Марии: «Ее образ будет становиться светлей и светлей, ее духовное значение будет для нас все возрастать по мере того, как и мы начнем понимать последний смысл Любви воплощенной и распятой».

МИТРОПОЛИТ СУРОЖСКИЙ АНТОНИЙ (БЛУМ)

СЛОВО О МАТЕРИ МАРИИ



Ни в ком нет большей любви, чем в том, кто жизнь свою положит за друзей своих — в этих словах очерчен весь Евангельский идеал и указан единственный Евангельский путь жизни. Слишком часто эти слова Спасителя относят к тому, как надо христианину умирать. А речь здесь идет о жизни: «положить свою жизнь», отдать, подарить, истощить, излить ради ближнего — значит в первую очередь жить ради него, жить изо дня в день, жить упорно, упрямо жить — нося на своих ломящихся плечах всю тяжесть жизни — и своей и чужой (если это слово только применимо: ведь мы друг другу никогда не можем быть «чужими», мы все, без исключения, друг другу — «свои»). И если приходит время, когда любить друг друга до конца можно только своей смертью, то тогда отдать жизнь, погрузиться в умирание — торжество жизни и победа жизни!

Так прожила свой многострадальный и в каком-то смысле пустынный век и мать Мария (Скобцова).

Но мера ее истощения, кеносиса превзошла меру многих — и меру нашего опыта, и меру нашего понимания. Она была среди нас вызовом, камнем преткновения: для одних — незыблемым основанием, для других — Судом Божиим. Она и в жизни показала «безумие Креста», безумие Божественной

Любви — воплощенности до конца, приобщенности чуждому, и вместе до умирания возлюбленному, миру, крестной самозабвенной жертвенной Любви Всесвятой Троицы. Многие из нас, которые после стольких лет начали прозревать, соблазнялись ее отказом от всякой условности, от всего, что «кажется», а не «есть», брошенным ею вызовом всему, что не есть сущность жизни. Она сумела, следуя по стопам Господа и Учителя, любить «напрасно», «безрезультатно»: любить людей пропащих, безнадежных, тех, «из кого все равно ничего не выйдет», кого «и могила не исправит», потому только, что они были ей «свои», русские, обездоленные, погибающие; а позже, во время войны, просто потому, что они были люди, в смертной опасности, в страхе, в гонении, голодные, осиротелые — свои по крови не потому, что они принадлежали той или другой национальности, а потому, что для них Свою Кровь излил Христос, потому, что ею овладела до конца Божественная Его Любовь.

Она пошла путем подлинного юродства во Христе: жила, судя по человеческому разуму — безумно. Но разве не все Евангелие «безумие» в глазах мудрых, опытных по-земному людей? Разве вообще любить, то есть совершенно себя забыть ради Бога и ради ближнего — не сплошное безумие? И разве не так — именно так — нас любит Бог: «до смерти, и смерти крестной»?

Мать Мария, подобно древнему многострадальному Иову, являет собой образ чуткого, глубокого воплощенного человека, и, подобно Иову, она не поддалась соблазну «приписать безумие Богу». Она прожила в разрывающих душу и плоть противоречиях сострадания и ответственного несения своего христианского имени: любовью ради Любви, в умирании ради Жизни, в отдаче своей жизни ради правды Царствия Божия. Ее образ будет для нас все возрастать по мере того, как и мы начнем понимать последний смысл Любви воплощенной и распятой.

Альманах «Хрістіанос». Вып. XIII. Рига, 2004.
Публикуется с любезного разрешения редакции

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ

ПАМЯТИ МАТЕРИ МАРИИ

Николай Бердяев и Е.Ю. Скобцова. 1930 г.

Мать Мария была одной из самых замечательных и одаренных русских женщин. Она характерна для своей эпохи и отражала самые характерные ее течения. Она была новой душой. Она была поэт, революционер и религиозный деятель.

Она принадлежала революционной эпохе, была социалистом-революционером, но не принадлежала к старому типу революционной интеллигенции. Но она не приняла революции в большевистской форме. Она прошла через русский культурный ренессанс начала века, через русскую поэзию эпохи символистов, была близка с А. Блоком, ей свойственно было беспокойство той эпохи.

Но в душе матери Марии отразились также религиозные искания и течения эпохи. Она была вольнослушательницей петербургской духовной академии. В эмиграции она была одной из немногих сочувствовавших русской религиозной философии. Она активно участвовала в Русском христианском студенческом движении и отошла от него, когда в нем обнаружились очень правые течения.

М. Мария была натурой очень активной, всегда увлеченной каким-либо делом, но никогда не удовлетворенной вполне. Потребность в религиозной деятельности привела

ее к монашеству. Социальные мотивы всегда были сильны в ее религиозности. Она стремилась к созданию нового типа монашества. Эмигрантская среда была для этого очень неблагоприятной. Она стремилась все к новым формам деятельности.

Она производила впечатление оптимистки. В ней был избыток жизни. Но когда вышел сборник ее стихов, то в них обнаружилось скорее пессимистическое и горькое чувство жизни. Стихи ее очень замечательны для характеристики ее души, также и драматические поэмы. Ее религиозность не была спокойной, в ней было что-то трагическое, была борьба с Богом, порожденная человеческими страданиями, сострадание и жалость. Ей не казалось легким разрешение проблемы теодицеи.

Была еще одна черта у м. Марии, которая играла огромную роль, и с которой связана ее гибель. У нее была страстная любовь к России и русскому народу. Последний период ее жизни, период войны, был весь окрашен в цвет страстного патриотизма, который принимал крайние формы. Исключительная любовь к России, к русской земле и русскому народу делали ее часто несправедливой к Западу и западным течениям. Ее мироощущение можно назвать революционным славянофильством.

М. Мария во время оккупации была настоящей резистанткой. Помощь евреям. У меня было впечатление, что она стремилась к жертве и страданию, она хотела умереть за русский народ. Конец ее был героический. В германском концентрационном лагере она нашла для себя религиозную деятельность, которая, вероятно, ее больше удовлетворяла, чем деятельность в мире свободном.

С.В. ПИЛЕНКО

КУБАНЬ — МОЯ РОДИНА

Первыми гостями Анапы, прибывшими на конференцию из Франции (11–15 октября 2000 г.), были представители рода Пиленко. Своим присутствием и участием они как бы связали воедино историю этой семьи: то, что происходило в Анапе до 1920 г., с тем, что сохранилось в памяти города сегодня.

11 октября 2000 г. анапчане встречали в аэропорту Сергея Владимировича Пиленко — троюродного брата матери Марии, а также Даниэль Вернье — урожденную Пиленко, дочь одного из старших братьев Сергея Владимировича (Юрия), и ее супруга Жана Вернье. Встреча была особенно волнующа: отец Сергея Владимировича — Владимир Илларионович Пиленко — был крестным отцом Гаяны, дочери Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой — матери Марии. Гаяна родилась 18 октября 1913 г., а Сергей Владимирович — 16 октября 1914 г., крестили их обоих в октябре 1914 г. в Свято-Онуфриевской церкви. В ходе конференции Сергей Владимирович открывал для себя Анапу, вспоминал эпизоды из рассказов родителей, пел хорошо запомнившиеся казачьи песни. Протокольная запись этих встреч включает также материалы его воспоминаний, опубликованные ранее в газете «Анапа» под названием «Кубань — моя родина». В них события 80-летней давности...

Я думаю о прошлом, и я думаю о будущем. Я увидел, что Анапа — прекрасный город. Я его не помню: мне было пять лет, когда мы уехали. Я думал, что он совершенно другой. Признаюсь, я боялся встречи с ним. А он оказался намного красивей и более живой, чем я себе представлял. Мы часто вспоминали Анапу. Мои родные сначала думали вернуться в Россию, как все русские, по потом это оказалось невозможно.

Благодарю всех тех людей, которые писали и пишут о матери Марии. Их много. У меня есть книги, масса оттисков из журналов всего мира, из всех стран.

Я благодарю всех тех, кто ее не забыл. Мне говорили, что еще несколько лет тому назад в Анапе жили люди, которые

знали ее. Когда я говорю о матери Марии с людьми, которых никогда не видел и которые меня не знали, меня поражают их лица и то, что они говорят и как они говорят о матери Марии. Она была городским головой города Анапы. В самые тяжелые времена, когда никто не хотел брать на себя ответственность. И она эту работу взяла на себя...

Я благодарен всем, кто помог мне выбраться в Анапу. Это было непросто.

Воспоминания о детских годах

В октябре текущего года мне стукнет 87 лет. Многовато! Но кажется, что они промелькнули как один миг. Я пережил немало всевозможных, зачастую необыкновенных, событий; порой моя жизненная дорога шла по самому краю пропасти. Но Бог оберегал меня. Многое уже забылось с годами, но детские годы на родине запомнились крепко и навсегда. Конечно, не все из раннего детства сохранилось в моей личной памяти; кое-что я узнал позднее из рассказов родителей.

Родился я 16 октября 1914 года в Анапе. Мама говорила потом, что я появился на свет, как «принц», под пушечный «салют». Оказалось, что именно в тот день турецкие войска обстреливали Новороссийск.

Раннее мое детство было светлым, оно прошло в Анапе, в Джемете и в расположенном неподалеку нашем имении Курганы. Если не ошибаюсь, папа купил Курганы в начале 1910-х годов. Он предполагал позже передать их моему брату Юрию, который с юных лет любил природу, землю и животных. После окончания анапской средней школы Юрий заявил папе, что он хочет стать агрономом и создать в Анапском районе современную образцовую ферму. Папа одобрил планы сына и купил Курганы именно с этой целью. Курганы располагались в красивой местности, в окружении казачьих станиц. В ожидании, пока Юрий станет агрономом, за имением сначала наблюдал сам папа, а позже он назначил туда управляющим Виктора Мороза.

Еще будучи молодым, Мороз служил в казачьих войсках под началом генерала Д.В. Пиленко. Дмитрий Васильевич

заметил интерес молодого казака к сельскому хозяйству и дал ему возможность повысить свои знания путем стажировки в крупных имениях, в том числе и у немецких колонистов.

Я помню нашего управляющего Мороза уже стариком с большой белоснежной бородой. Это был силач-великан ростом более двух метров. Мороз все успевал и все замечал в хозяйстве, в том числе внимательно следил за девушками-работницами, защищая их от частых «набегов» молодых казаков из соседних станиц.

Мне было пять лет, когда мама в первый раз привезла меня в Курганы и «представила» Морозу. Я впервые увидел такого высокого человека и слегка оробел. В это время кто-то проводил мимо нас коня. Мороз остановил его, взял меня одной рукой за шиворот и посадил в седло. Мама страшно испугалась, а я — еще больше, но все же успел схватиться за гриву и не упал. А Мороз сказал маме: «Людмила Васильевна, не бойтесь, у Вашего сына запорожская кровь, он удержится в седле».

Жизнь Мороза оборвалась трагически. Он был заядлым охотником, а в 1919 г. порох не продавался. Кто-то сказал ему, что ребята, играя на анапском пляже, нашли неразорвавшийся снаряд. Разрядить его никто не решался. Мороз надумал «развинтить» находку, чтобы добыть себе пороху. Снаряд взорвался, и от Мороза ничего не осталось. Все мы любили и уважали старика Мороза, он был почти членом нашей семьи. На панихиде было много народу. Я не помню, были ли у Мороза дети. Может быть, кто-то из его потомков дожил до наших дней?

В общем, я рос обыкновенным «барчонком», у которого даже была гувернантка (няня); видимо, меня ждало обычное для нашего круга будущее. Гражданскую войну как войну и сражения я, конечно, не помню. Но вот в марте 1920 года Красная армия «освободила» Анапу от белых. Произошел очередной переворот, смена власти.

В городе мы жили тогда на центральной — Черноморской — улице. Там папа построил дом со всеми современными удобствами; была даже ванна для прислуги, за которую он получил упреки от некоторых из своих друзей, — тогда это

было не принято. Семья наша состояла из родителей, двух моих братьев (Юрия и Бориса) и меня. У папы был тихий бас, у Юры — баритон, у Бориса — тенор, ну, а у меня что-то вроде детского сопрано. Частенько наш семейный «квартет» собирался в гостиной, и мы пели казачьи песни, которые мы очень любили. Я до сих пор помню многие из них.

Еще один мой брат — Владимир — учился в Петербургском университете. Октябрьскую революцию он пережил в Москве, будучи отрезанным от семьи. Мы о нем ничего не знали и считали, что он погиб еще в 1918 году. Он же лишь в 1926 году узнал наш французский адрес. Благодаря помощи проф. А.А. Пиленко и его друга — польского министра графа А. Замойского, Владимир в 1927 году нелегально выехал с женой из СССР в Польшу, а затем и во Францию.

Попутно я хочу сказать несколько слов о брате Юрии. Он получил свое имя в честь крестного отца — Юрия Дмитриевича Пиленко (отца матери Марии). Юрий был компаньоном детских игр своего кузена Мити Пиленко (брата матери Марии), его мать С.Б. Пиленко очень любила своего племянника. Они поддерживали родственную связь и во Франции до смерти Софьи Борисовны в 1962 году.

Большим другом нашей семьи был анапский доктор В.А. Будзинский. Это был замечательный врач и талантливый организатор (администратор). И еще: Будзинский был моим крестным отцом, часто баловал меня, угощал сладостями. Я его очень любил и звал Додо (от слова «доктор»). Помню его как живого до сих пор.

Еще в 1919 году папа встречался с одним из своих знакомых, директором одесского банка «Лионский кредит». Этот банкир настойчиво предлагал папе перевести любую денежную сумму во Францию. Тогда это было еще возможно. Папа поблагодарил его, но ответил: «Только крысы бегут с тонущих кораблей. Я уеду из России лишь в случае, если мне будет угрожать гибель. А наши капиталы нужны здесь, нашему правительству». «Пророчество» папы сбылось: вскоре после этого он был вынужден покинуть Россию, как говорится, без копейки.

После мартовского (1920 г.) переворота в Анапе всем стало ясно, что советская власть победила окончательно.

В один из весенних вечеров 1920 г. мои родители решили собрать у нас в доме своих друзей на товарищеский ужин. Всем хотелось, чтобы вечер был «блестящим», «светским», поэтому в приглашениях специально оговаривалось, чтобы гости были одеты во фраки и вечерние платья. Тогда у нас собралась вся анапская интеллигенция. На вечер был заказан струнный квартет, который должен был во время ужина играть пьяниссимо сочинения Моцарта, Шуберта и Бетховена. Мама шутя сказала папе: «Надеюсь, что наш вечер не постигнет судьба "Титаника" и он не закончится катастрофой». Увы, ее надежды не оправдались.

Вечер начался весело. Как вдруг раздался стук прикладов в парадную дверь. Горничная крикнула: «Красные!» Всем стало сразу ясно, что это значит. Папа, как был во фраке, а братья в студенческих мундирах выпрыгнули в окно с противоположной стороны дома. Они бежали, не успев ничего захватить с собой из вещей и документов. Позже кое-что (очень мало) спасла мама. Так в 1920 году папа навсегда покинул родину. Охотничьими тропами добрались они втроем до лиманов, где нашли лодку-плоскодонку и через камыши вышли к морю.

Когда дверь в доме была взломана и красные ворвались в столовую, то оказалось, что это вовсе не красноармейцы, а местная милиция (может быть, чекисты). Их начальник грубо спросил: «Где твой Пиленко?» Мама спокойно ответила, что его нет дома и она не знает, где он. И тут она узнала предводителя разбойников: это был один из ее бывших воспитанников и протеже. Глядя ему в глаза, мама с иронической улыбкой сказала: «А я подумала, что вы пришли публично поблагодарить меня за все то, что я сделала для вашей семьи и для вашего образования...» Тот пришел в ярость и хамски закричал: «Замолчи!.. Я еще заставлю тебя плясать, казачка». Своей шайке «атаман» приказал провести тщательный обыск в доме. Папу, конечно, не нашли. Рассвирепевший начальник пообещал маме разыскать папу и повесить его собственными руками. Тут же многие присутствующие были арестованы, и в том числе доктор Будзинский и мама как заложница за папу. В ту же ночь арестованных отправили в анапскую тюрьму, я в то время был в Курганах с няней. Волею судьбы мне, пятилетнему

мальчику, суждено было стать одним из многих беспризорников, появившихся тогда в советском, «раю». Гувернантка от меня сбежала, а курганские казаки побоялись дать мне убежище, чтобы не скомпрометировать себя перед новой властью контактом с Пиленчонком.

Экскурсия по памятным и историческим местам города

Мы подъехали к школе № 1 и подошли к двухэтажному зданию, где некогда жила семья Пиленко Владимира Илларионовича.

— Узнаете?

Первая и неподдельно искренняя реакция Сергея Владимировича удивила:

— Ну откуда я могу знать этот дом?

— Так это ваш дом!

— Наш?.. Может быть, но я не узнаю, ведь мне было пять лет...

Наступило замешательство. Кто-то что-то пытался гостю рассказать, но он стоял молча и смотрел отрешенно.

— У нас был большой сад... А тут...

Хором и почти радостно:

— И здесь был сад, его вырубили.

Сергей Владимирович возразил нерешительно:

— Но наш дом был выше.

— Конечно выше, сколько времени прошло! Вот культурный слой и нарос.

— Да... у нас были другие двери. Широкие, парадные.

— И здесь были другие, но они уже давно снесены, и вот поставили эти.

— Подождите, подождите. У окон должна быть труба. По ней спускался отец с братьями со второго этажа.

И Сергей Владимирович буквально побежал вокруг дома.

— Есть, я узнаю! Вот эта труба! И окно узнаю! Была уже совсем осень. К родителям пришли гости. Мама была в парадном платье, вдруг вбежала горничная и с испугом: «Красноармейцы у входа!» Папа с братьями бросились к окну, по трубе спустились вниз и, согнувшись, побежали

к морю. Днем прятались в лиманах, а потом наняли какую-то лодку и уплыли в Новороссийск. Маму арестовали... Я остался на руках у гувернантки, но она тоже сбежала из Анапы. И несколько дней местные мальчишки скрывали меня. Маму вскоре освободили... И мы перебрались в Петроград... А что сейчас в этом доме?

— Школа.

— Школа? Это хорошо. Мама моя много делала для школ, она и приютом заведовала.

(Людмила Васильевна — мама Сергея, урожденная Фурсенко, была заметной личностью, работала морским экспертом.)

Воспоминания о детских годах (продолжение)

Итак, папа и братья мои были в бегах, мама и Додо в тюрьме в ожидании смерти. А я воспринимал это свое новое положение чем-то вроде игры, только серьезной. Наша «бригада» состояла из пяти мальчишек. Старшему, пастуху Петьке, было 13 лет, остальным — по 7–8 лет, а я был самым младшим, и на меня смотрели с презрением. Между прочим, еще и потому, что я не все понимал по-украински, а главное, — не умел свистеть на пальцах. Пастух, не умеющий свистеть, — это не пастух!

В первое время нам удавалось добывать в станицах скудную пищу: черный хлеб и изредка кусок колбасы. Но это происходило все реже и реже: хлеба и в станицах тогда было мало. Петька был вынужден иногда спускаться до станичных окраин и приносить ворованные арбузы. Я хорошо помню, как Петька раздавал нам куски макухи, которая в большом количестве хранилась в сарае-овчарне.

И тут поистине произошло чудо! В Анапу с какой-то инспекцией приехал нарком здравоохранения Н.А. Семашко. Когда-то он учился в медицинском институте вместе с Будзинским, они были друзьями. Узнав, что доктор и моя мама в тюрьме, Семашко добился их немедленного освобождения. А на мои поиски в горы были посланы красноармейцы. Меня, конечно, нашли.

В.А. Будзинский с 1920 года стал работать в Краснодаре в управлении курортов Кубани и Черного моря. Тогда же, в 1920 году, и мы с мамой покинули родной дом в Анапе. Благодаря заступничеству Семашко нам удалось переехать в Петроград, где меня устроили на учебу в 13-ю школу. Это было престижное учебное заведение, ученики его были в основном детьми тогдашней «номенклатуры». В прошлом же это была знаменитая 3-я гимназия, которую в разное время окончили: В.Я. Стоюнин, Н. Чистович, Д. Писарев, Д. Мережковский, С. Маршак... Как раз в тот короткий период, когда я там учился, отмечалось 100-летие гимназии-школы. Все учителя и ученики, в том числе и я, получили памятные серебряные жетоны в виде щита. Обучение в школе было очень хорошим. Я до сих пор с благодарностью вспоминаю тех своих учителей. И если я еще окончательно не забыл родной язык, то в этом их большая заслуга. В школе меня приняли в пионеры. Я носил красный галстук и вместе с другими ребятами пел: «Вышли мы все из народа, дети семьи трудовой...» Я и сейчас считаю, что эти слова имели ко мне прямое отношение: ведь я — выходец из народа, кубанский казак. И семья наша была поистине трудовой; среди нас не было тунеядцев и эксплуататоров. О том, как работали и что сделали для родного города мои родители, анапчане, кажется, знают. Я хочу только напомнить, что у папы было несколько российских и зарубежных патентов на изобретения, он был неравнодушен к техническим новинкам!

В результате отец с братьями добрались до Туниса. Там на шахте какое-то время работали. Было очень трудно... Арабы не очень хотели работать... Папа уставал. Пришлось ему домашними делами заниматься. Потом они перебрались во Францию, работали на виноградниках под Лионом. Ну а там и мы приехали. Мама в одной из газет прочитала папино объявление. Мы списались и наконец соединились.

С гостями конференции Сергей Владимирович поделился рассказами о своей жизни во Франции и о тех немногих встречах с матерью Марией в Лионе, куда она приезжала

по делам Русского студенческого христианского движения (РСХД). Встречи были мимолетными. Мать Мария всегда появлялась в их доме неожиданно и мимоходом, вечно спешила. У него в памяти остался образ крупной и энергичной женщины. «Она была большая во всем».

Рассказ записан З.Н. Лемякиной и Л.И. Агеевой.
Анапа, Санкт-Петербург, Париж

Текст печатается с разрешения авторов по публикации на сайте «Мать Мария» http://mere-marie.com/ (© Ксения Кривошеина):

А.Н. ШУСТОВ

Е.Ю. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА (М. МАРИЯ) И АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ

Отрывок из исследования, опубликованного в журнале «Русская литература», 2000, Амстердам. Текст печатается с сокращениями

Среди большого числа представителей русской творческой интеллигенции, с которыми была знакома Е.Ю. Кузьмина-Караваева (будущая мать Мария), имя Алексея Толстого занимает далеко не последнее место.

В отдельные периоды жизни их встречи были частыми, общение — дружеским. В целом же хотя их отношения и были достаточно ровными, идеализировать их не следует, поскольку это были очень разные люди. И все же контакты двух писателей оставили заметные следы в жизни и творчестве каждого.

Весной 1911 года Алексей Толстой со своей гражданской женой С.И. Дымшиц и новорожденной дочерью Марьяной приехал из Парижа в Петербург, где сразу окунулся в мир столичной богемы. Видимо, в конце этого года Елизавета Кузьмина-Караваева познакомилась с Толстым. Елизавета Юрьевна тогда была еще начинающей поэтессой, а (граф?) Толстой — известным писателем, автором нескольких книг. Их взаимные встречи происходили в редакции журнала «Аполлон» и в поэтическом объединении Николая Гумилева «Цех поэтов». Толстой, правда, быстро отошел от «Цеха», а Кузьмина-Караваева стала активной его участницей и в марте 1912 г. выпустила у «цеховистов» свой первый сборник стихов «Скифские черепки». Эта скромная

книжка вызвала неожиданно большое количество откликов, в основном благожелательных. Благодаря этой публикации молодая поэтесса приобрела имя, известность, утвердила себя в литературном мире Серебрянного века.

* * *

В июне 1935 года в Париже открылся 1-й конгресс писателей в защиту культуры. Для участия в его работе в составе группы советских писателей приехал и Алексей Толстой. Под аплодисменты единомышленников 23 июня он выступил с трибуны с речью о «рождении в Советском Союзе нового гуманизма». Толстой был одним из тех (и не только писателей), кто умел, хотел и стремился лакировать обстановку в СССР. Эту его способность советское руководство искусно использовало в качестве «наглядной агитации» для заманивания в СССР писателей, деятелей культуры, философов. Такими жертвами стали М. Горький и А. Куприн.

В дни работы конгресса А. Толстой встречался с матерью Марией. Откровенно трусить писатель не мог, но под постоянным вниманием НКВД он вел себя крайне осторожно. Позднее, в 1937 году во время поездки в Лондон А. Толстой признавался, что НКВД «ходит за ним по пятам». В этом контексте его свидания с м. Марией были весьма рискованными. По возвращении домой в СССР Толстой «захватил» с собой Гаяну. Ехали они отдельно от остальных членов делегации, через Лондон. Толстой писал с дороги своей жене Н. Крандиевской: *Из Парижа я вывез дочь Лизы Кузьминой-Караваевой, Гаяну. Она жила в нечеловеческих условиях и, кроме того, была лишена права работы. Девочка умная, коммунистка, ей нужно учиться в вузе. Я думаю так: до осени она будет жить в Детском Селе, а осенью — в прежней комнате Марьяны Дымшиц. Всю историю про Лизу (она монахиня) и про Гаяну расскажу подробно.*

Странное впечатление производит это письмо — словно бы оно написано не только жене, но и сотрудникам НКВД (с расчетом на возможную перлюстрацию?). Не успев вернуться в Ленинград, 22 июля Толстой в целях реабилитации поспешил опубликовать несколько интервью и очерков

о командировке, в которых он доказывал свою лояльность. Для критики западной жизни, в том числе — русской эмиграции, он не жалел темных красок.

Напомним, что этот метод по отношению к своим соотечественникам Толстой применял и раньше: «Исказить, прибавить, раздраконить — благо никто не ответит». Читая сегодня эти строки писателя, испытываешь чувство неловкости и стыда за их автора!

В конце августа 1936 года Гаяна скончалась в Москве. Весть об этом дошла до Парижа только через месяц. Мать Мария была сражена горем. Многие опасались за нее, ожидая худшего. Критик К.В. Мочульский, хорошо знавший в те годы м. Марию, передает ее слова после смерти Гаяны: «Бессонными ночами я ее видела и с ней говорила... все было темно вокруг, и только где-то вдали маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть.»

Мать Мария выдержала и этот удар судьбы. Встречи ее с А. Толстым в Париже летом 1935 года были последними. Правда, она вспоминала о нем летом 1936-го не только в связи с потерей Гаяны. Тогда русская литература отмечала 15-летие со дня смерти Блока. Мать Мария решила выступить в печати со своими воспоминаниями о встречах с поэтом. Это очень удивило многих из ее знакомых.

Детство дочери Елизаветы Юрьевны — Гаяны — пришлось на годы Гражданской войны, которую она пережила с матерью и бабушкой на Кубани. Первоначальное обучение Гаяна прошла дома: ее бабушка С.Б. Пиленко обладала высокой дворянской культурой, мать Гаяны была поэтом, художником, философом; отчим девочки — Дмитрий Скобцов — в прошлом был учителем. Завершилось ее образование уже в Париже. Отношения у матери с дочерью были теплыми и доверительными. Мать Мария частенько брала Гаяну в свои разъезды по «русской Франции», в том числе и на съезды Русского христианского студенческого движения. Когда м. Мария организовала свой дом для бедных, Гаяна много помогала ей по хозяйству, одно время она даже заведовала кухней и столовой в общежитии на ул. Лурмель, 77

в Париже. В то же время Гаяна поддерживала контакты со своими сверстниками, исповедовавшими вполне левые убеждения. Судя по всему, никакого представления о реальной, не официально-лубочной жизни в Советском Союзе Гаяна и ее друзья не имели, а другие мнения и сведения о СССР со свойственным молодежи максимализмом отвергались.

Мать напутствовала уезжавшую Гаяну стихами, представляя ее библейской голубкой, вылетающей на волю в поисках суши,после Великого потопа. Отъезд Гаяны вызвал негативную реакцию в эмиграции, крайне обострив отношения м. Марии с окружающими. Ее и раньше упрекали в стремлении «засыпать ров». Мать Мария иногда и сама подумывала о возможном возвращении на родину, но ее время тогда еще не наступило. Жизнь продолжала испытывать стойкость этой необыкновенной женщины.

Как же сложилась судьба самой Гаяны в СССР? Пасынок А. Толстого Ф.Ф. Волькенштейн вспоминает: «Однажды мы приехали на машине в Ленинградский порт встречать возвращающегося из Франции отчима (1935 г.). Мы увидели его, машущего нам рукой с верхней палубы. Он спускался по трапу, сопровождаемый носильщиком, нагруженным черными заграничными чемоданами. С ним рядом шла тоненькая девушка, пугливо озирающаяся вокруг. Взяв ее за руку, отчим сказал: “Вот я вам привез подарок. Ты помнишь, Туся (жена, Н. Крандиевская) — Лизу Кузьмину-Караваеву? Это ее дочь Гаяна. Она коммунистка и хочет жить в Советском Союзе. Гаяна пока будет жить у нас”».

Роскошный барский дом рабоче-крестьянского «графа» А. Толстого в Детском Селе (Царском Селе) отличался открытостью и хлебосольством. Кроме большой семьи писателя, в нем всегда кто-нибудь гостил или ночевал. В доме было много прислуги и даже лакей — по старинке. Волькенштейн продолжает: «Гаяна стала жить у нас, постепенно свыкаясь с новой обстановкой и новыми людьми. Спустя некоторое время она поступила на Путиловский завод (ошибка Ф. Волькенштейна), чтобы получить, как говорил отчим, “рабочую закалку», а затем поступить в вуз. Она вставала в пять часов утра, возвращалась домой измученная. Часто по вечерам она

подолгу молча сидела на ступеньках нашей террасы. Как на заводе, так и у нас в семье мало кому до нее было дело».

* * *

В Париже Гаяна отличалась какой-то «огненной живостью». Она напоминала свою мать в ее молодые годы. Сама м. Мария очень образно сказала о дочери, что это был «пир огня и света». В СССР это был совсем иной человек — «огня в крови у нее не было» — Никита Алексеевич Толстой (сын писателя). Молчаливость и замкнутость Гаяны объяснялась тем, что она оказалась в совершенно чуждой, не той, о чем мечталось, атмосфере и расстановке реальной жизни. Сыновья Толстого, Никита и Дмитрий, вспоминали Гаяну как милую, чистосердечную, открытую, живую, приветливую, доброжелательную и веселую девушку... в то же время очень простую и наивную. В доме Толстого всевозможные розыгрыши были частью их быта; «ее можно было легко ловить на любой крючок», — так говорил про нее Никита Толстой.

Как-то вскоре после приезда в Детское Село Гаяну вечером вызвали на улицу. Неизвестный человек сказал ей «по секрету», что местные подпольные троцкисты хотят установить связь со своими единомышленниками на Западе — «не могла бы она поспособствовать им в этом. Гаяна, вернувшись домой, рассказала обо всем Толстому, который посоветовал ей обратился к сотруднику НКВД, жившему... в их же доме!!! Гаяна сходила к нему. Этим пока дело и кончилось, видимо, это была проверка или провокация, организованная самой же службой НКВД. (*Сообщено Н.А. Толстым — запись беседы 1986 г. — Архив А. Шустова.*)

В Ленинграде Гаяна попыталась разыскивать родных. Известный математик Б.Н. Делоне сразу же отрекся от племянницы, видимо опасаясь, что она его скомпрометирует — шел 1935 г. Но Гаяна не унывала, она была уверена, что нашла свое место в жизни как активный строитель социализма! В конце октября 1935 года, сразу по возвращении из Чехословакии, Толстой оформил развод с Н. Крандиевской и женился на Л. Баршевой. Крандиевская с младшим сыном Дмитрием уехала из Детского Села, и Гаяна осталась в доме одна. Когда

в декабре 1935 года, после двухмесячного отдыха в Кисловодске новобрачные Толстые вернулись в Детское Село, Гаяны там уже не было. Она уехала в Москву. Кстати, и Толстые вскоре перебрались в столицу, но с Гаяной они больше не встречались. «Долгое время нам о ней ничего не было известно, а еще много времени спустя мы узнали, что она умерла от тифа. Как звали ее мужа и чем они занимались в Москве, я не знаю...» *(Со слов Л. Толстой (Баршевой).)*

А Гаяна в Москве поступила на службу в проектную контору и вышла замуж за Г. Мелия, *(по другим сведениям этот брак был зарегистрирован в советском посольстве во Франции)*, с которым была знакома еще по Парижу. Он находился там в качестве советского студента. Гаяна писала в Париж своим родным письма, полные оптимизма, а в апреле 1936 г. поздравила по телефону мать с Пасхой.

Гаяна скончалась скоропостижно 30 августа 1936 г. Согласно официальной версии, основанной, видимо, на слухах из Москвы, причиной ее смерти считается тиф. Сомнение по этому поводу позже высказала Ахматова: ведь от тифа так быстро не умирают — тем более никаких вспышек этого заболевания в Москве тогда не было. Если вспомнить, какие это были годы... то не исключался и акт насильственной смерти. Очевидно, в гибели Гаяны Ахматова серьезно подозревала НКВД, основываясь на собственном печальном опыте. Ее сын неоднократно был арестован, «тянул» большие сроки. А если вспомнить судьбу дочери Цветаевой, то Гаяна и ее смерть были логичны в длинном скорбном списке репрессированных детей.

Однако пойдем дальше и мы увидим, что эта версия не совсем увязывается не только с последними письмами Гаяны, но и с письмом ее мужа в Париж. Он сообщал (м. Марии), что сам похоронил жену и поставил крест на могиле. В документальном романе Н.Н. Берберовой «Железная женщина» высказывается более правдоподобная версия гибели: Гаяна умерла от неудачного аборта. Скорее всего, подпольного, поскольку с 27 июня 1936 года аборты в СССР были запрещены. Жизнь Гаяны в Москве была столь же одинокой, изолированной, и она была никому не нужна. В предсмертные дни возле нее был только ее муж.

Пасынка А. Толстого Ф.Ф. Волькенштейна до конца жизни мучили мысли о судьбе Гаяны: «...совершенно безответственное поведение отчима, который неизвестно для чего привез Гаяну из-за границы, а затем, занятый своими личными делами, бросил ее на произвол судьбы. Все жили своими жизнями. Алексей Николаевич вырвал Гаяну из ее, какой бы то ни было жизни, а затем бросил! Судьба Гаяны тяжелым камнем лежит и на моем сердце». (В этой истории весь А. Толстой. — *комм. А. Ш.*; письма Ф.Ф. Волькенштейна от 17 сент. 1980 г. и 23 авг. 1981 г. — архив А. Шустова.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Дополнительный свет на отношения Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (матери Марии (Скобцовой)) и Алексея Толстого могли бы пролить письма Гаяны, которые она исправно писала и отправляла в Париж, где у нее оставались мать, бабушка, отчим и единоутробный брат Юрий, не говоря уже о друзьях и знакомых. Часть ее писем хранится в частных архивах за рубежом и в России. Страницы приводимого ниже письма раскрывают не только душевный мир Гаяны, который не разглядели сыновья Толстого, но и много говорят об ее адресатах, добавляют живые черты в образ матери Марии! Неплохая осведомленность Гаяны о реальной и повседневной жизни Страны Советов не должна вызывать большого удивления. Следует помнить, что она жила в многолюдном, почти «проходном» доме Толстого, работала на крупном предприятии. Поражает в этих письмах другое: то, как она пишет об этом в Париж! Она не жалуется на свою жизнь и сообщает родным множество фактов и имен, которые им известны или интересны, она пишет им о книге Сталина, о триумфе Г. Улановой и пр. Не будем забывать, что пишет она в Париж, адресуя эти рассказы своей матери и отчиму... Из приводимого письма мы узнаем, что и сама Гаяна не была чужда литературе.

ПИСЬМО ГАЯНЫ
(ДЕТСКОЕ СЕЛО) ОТ 23 СЕНТЯБРЯ 1935 Г.

Дорогие мои!

Вообще я больше ничего не понимаю, все мутно и как-то странно, чтобы не сказать, что забавно выше всякой меры. Всю жизнь, кажется, я была математиком и кроме этого меня мало что интересовало. Теперь я уже перестала понимать и себя. Я вам писала, что ради шутки начала писать какую-то белиберду, но оказалось что эта белиберда уже не настолько белиберда; и даже до такой степени, что я теперь печатаюсь в одном из самых серьезных литературных журналов, не говоря уже о газетных подвалах (*журнально-газетные публикации Гаяны не найдены. — А.Ш.*).

Вам это покажется странным, как я с моей орфографией, с моим знанием языка на это пошла. Но не забывайте, что у меня есть друг, совершенно очаровательная личность, он мне помогает, редактирует, а после этого обыкновенно мы с ним долго-долго беседуем на литературные темы. (*Имеется в виду писатель и литературный критик А.О. Старчаков, близкий друг, соратник, помощник и соавтор Алексея Толстого. После ареста его в 1937 г. Алексей Толстой отрекся от него. — А.Ш.*) Вот уже несколько раз мы говорили только о Льве Толстом: теперь скоро будет его юбилей, — и готовятся работы о нем. Одну из них взял мой друг Старчаков, и мы с ним выясняли, откуда симпатичный Лев Николаевич брал свое учение, кто был его учителем и т. д. У нас остался с ним только один невыясненный вопрос, который при всем желании не смогли открыть: это зачем старик ездил в Оптину пустынь. Конечно, мне было странно, что на него влиял Энри Жорж, если принять во внимание, как этого экономиста характеризовал Маркс. Я страшно довольна нашей дружбой с ним, так как это мне дает не только очень ясные понятия о литературе, но также и общеобразовательные. При этом он старый коммунист, и я в сопровождении с ним расту партийно многим больше, чем на заводе или же даже при чтении книг. (*Гаяна работала в Ленинграде на макаронной фабрике не то электриком, не то на должности электрика. — А.Ш.*) Перед праздниками у нас будут раздавать награды, и как ударнице-стахановке мне, кажется, будет преподнесено полное собрание сочинений Сталина. Я так довольна, что мне трудно описать.

Сейчас вот уже две недели как я сижу дома, хожу в театры, концерты и вообще ничего не делаю, кроме писания, так как я поранилась на заводе, разрезала довольно сильно палец. Наталья Васильевна (*Крандиевская; 1888–1963, третья жена А. Толстого, русская поэтесса. — А.Ш.*) страшно испугалась, и поэтому были подняты все знаменитости города, чтобы смотреть мой палец и лечить его, когда ничего в общем нету. Одним словом, прописали «аква дистилата». Самый печальный факт в моей биографии, если это можно назвать моей — это то, что Алеша (*Алексей Толстой. — А.Ш.*) разошелся с Натальей Васильевной, и это были совершенно феноменальные драмы, в которых я себя очень глупо чувствовала. Алеша еще не вернулся из Чехии, а когда вернется, ходят слухи, что мы с ним переедем в Москву. А там не знаю.

Вообще в всеобщем представлении (кажется), что приехала дочь поэтессы Кузьминой-Караваевой, развела Алешу и они поженятся в ближайшем будущем и уедут в Москву. Это совершенно достоверно говорят все до такой степени, что я не знаю, как мне отбояриваться от всяких обедов, вечеров и т. д.

Я хотела вам послать мои карточки, но, к сожалению, не могу никак их проявить пока мой палец не заживет. Всегда со мной происходят какие-то феноменальные истории. Так и тут, как и везде, не могу же я быть нормальным человеком, и вот того и гляди я стану моряком. Другими словами — матросом, а там чего доброго и штурманом. Буду ездить по всему свету на «Смольном» или на «Дзержинском» и стану морским волком. А может, буду знаменитой писательницей. Если, конечно, до того времени не кинусь в политику. Мне уже не раз тут говорили, что при некотором желании я смогу, т. к. у меня есть нюх на международные темы и что я могу стать хорошим бойцом, какой нужен нашему СССР.

Мама, кажется, Алеша тебе не соврал, когда говорил обо мне!!! Пока сижу в Детском Селе, но может, поеду с Алешей на юг в Крым, Кавказ. Как я этого хочу. Сначала получала изредка письма от Жоржа, теперь он, кажется, совсем рассердился на меня за то, что запереть на ключ не может и даже не знает, к кому ревновать. (*Жорж-Георгий Мелия — впоследующем муж Гаяны, они познакомились в Париже. — А.Ш.*)

Написал, что между нами все кончено. Ну и тем лучше, а то матрос с мужем — это странно. Вдруг вспомнила, что

забыла подразниться немного. Это в огород Насти. Скажите ей, что скоро я смогу ее заткнуть [за пояс] по все минтересующим ее вопросам. Я не говорю о медицине, зачем. Какие у меня книги. Мне жаль, мама, что ты их не можешь почитать и поучить, а это тебе было бы интересно; поэтому, чтоб не пропадало [время], я занялась этим делом.

Мама, у тебя есть моих 100 франков. Не могла ли бы ты спросить у Константина Вас. Мочульского, какие за последние месяцы вышли хорошие книги, и прислать их мне. Ты знаешь мой вкус. Если вышел Андре Жид или что-нибудь в этом роде, пусть К.В. постарается для меня.

В мою же очередь я могу тебе послать кое-что, если это тебя интересует. О, если бы у меня были деньги, какая бы у меня была библиотека. Тут такие букинисты, что Париж им в подметки не годится. Черезвычайно весело находить то тут то там рисунки небезызвестной вам личности. (*Очевидно, художницы С.И. Дымшиц. Но скорее всего — старые рисунки самой м. Марии, подаренные ранее А. Толстому. — А.Ш.*)

Конечно, мама, ты наверно их не помнишь, а мне приятно их видеть, даже и на чужих стенах. Ну вот, кажется, и все мои новости. Кроме всего прочего, жива и здорова; хорошо, очень хорошо себя чувствую и довольна жизнью. Мне хочется, перед тем как кончить письмо, пуститься в лирику или просто развести романтизм.

Сейчас уже глубокая осень, и, наверно, на днях пойдет снег. Я его жду с таким нетерпением. Уже 2 градуса только, и по вечерам я сижу часами у камина и смотрю, как горят дрова. На улице воздух такой прозрачный, такой вкусный; немного пощипывает в носу и так хорошо пахнет. Листья все опали, и в парке как-то совершенно волшебно. Через голые деревья виднеются старые постройки, еще времен Екатерины Второй. Озеро такое чудное, что кажется, таким оно может быть только на картинке. Последние цветы доцветают, воздух особый, и звуки уже совсем какие-то своеобразные.

Теперь только я поняла, почему мама любила бродить по Ленинграду. Я это так хорошо понимаю, что сама брожу часами, и когда уже от усталости ноги не идут, мне все же еще хочется ходить и ходить. Я совершенно влюбилась в этот город, и мне кажется, что на свете ничего не может быть лучше.

Была на премьере в Мариинском театре; мне очень понравился балет «Бахчисарайский фонтан», и Галя Уланова была бесподобна. Была и в Филармонии, и в Александринке — все мне тут нравится и всем я довольна, но поверьте, что я от этого не забываю вас и часто думаю о вас и крепко люблю.

Крепко целую вас всех и очень-очень люблю.

Гаяна

Письмо Гаяны для печати (и для сайта) любезно предоставлено литературоведом Н.М. Каучишвили (Италия).

Примечание Ксении Кривошеиной

В декабре 2007 г. в Париж приехала съемочная группа программы «Культура»: В.Я. Эпштейн и М.М. Демуров. Их многосерийный фильм «Не будем проклинать изгнание» о русской эмиграции прошел по всем телеканалам в России и завоевал приз «Тэффи». Они продолжают съемки, и в этот свой приезд посетили кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, а также осмотрели коллекцию икон м. Марии (Скобцовой) в храме на ул. Лекурб в Париже.

Виктор Яковлевич Эпштейн привез мне найденный им редчайший документ — выписку из архива Преображенского кладбища г. Москвы, где нашла свое упокоение дочь матери Марии Гаяна. Из содержания выписки следует, что Гаяна Кузьмина-Караваева умерла 30 июля 1936 г., похоронена 1 августа 1936 г.

Текст находится на сайте «Мать Мария» http://mere-marie.com/ (© Ксения Кривошеина).

ГЖЕГОЖ ОЙЦЕВИЧ

ТАЙНА СМЕРТИ ГАЯНЫ

О следственной филологии: нераскрытая тайна смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой и Георгий Мелия, загадочный зять м. Марии (Скобцовой)

Г. Ольцевич — д-р гум. наук, проф. Вармińско-Мазурского университета в Ольштыне (Польша)

Помимо того что современная филология достаточно хорошо развита, мы все еще не располагаем отдельной научной специализацией, которая основным предметом своих исследований поставила бы задачу раскрытия дел, инспирированных текстом. Но не так, как это делает классическая текстология особых дел, требующих от исследователя применения методов, похожих на средства, типичные для следственной журналистики.

В понимании Платона филолог всегда был любителем научной дискуссии (Theatetus 146 A), знатоком особых комментариев и интерпретаций, в каких нуждались бы исследования разного рода не выясненных еще дел или выясненных недобросовестно. Загадочные и нераскрытые детали жизни и смерти, имеющие непосредственное отношение к творчеству деятелей искусства, до сих пор ждут своего часа. Гипотезы чаще всего опровергаются фактами по мере нахождения новых архивных документов.

Эту как бы научную специализацию можно условно назвать «следственной филологией» и усматривать в ее методике существенное сходство с методикой детективного следственного дознания. Как знать, может быть, со временем возникнет своего рода «филологическое детективное

бюро» некой «филологической полиции», которое бы профессионально занималось «раскрытием» всяких текстовых «проступков» или загадок прошлого из литературного «Архива X».

Когда в свое время я выяснял в пределах обширной криминалистической монографии историко-литературную загадку обстоятельств и причину смерти Сергея Есенина[1], объединяя в ней компетенции филологические и криминалистические, я написал также статью, озаглавленную «Вокруг смерти Сергея Есенина, или Поэтический текст как источник информации о преступлении»[2] . Углубившись в работу, я должен был проверить гипотезу, согласно которой литературный текст — будь то эпика, драма или лирика — может в определенной мере стать достоверным источником информации в уголовном деле. Кроме этого ,я утверждал, что литературный текст, как ценный с точки зрения доказательства источник информации о преступлении, должен содержать исчерпывающие ответы на классические следственные вопросы и указывать на то, *что, где, когда, каким образом, с помощью чего и почему произошло преступление и кто является виновником данного деяния.* Я подчеркивал, что литературный текст «обязан» в каком-то смысле выполнить работу за органы преследования, а также составить документацию целого процесса следствия, т. е. с момента регистрации дела по его завершению, и представить заключительные выводы. Не исключено, что своей «зарисовкой» я заложил тогда основы потенциальной исследовательской специализации, то есть следственной филологии.

---

[1] *Ojcewicz G., Włodarczyk R., Zajdel D.* Zabójstwo Sergiusza Jesienina: Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie, Szczytno. 2009. См. также: *Ojcewicz G., Włodarczyk R.* Samobójstwo czy perfidne zabójstwo? Smierć Sergiusza Jesienina w świetle wspołczesnej wiedzy kryminalistycznej i historycznoliterackiej. Część 1 // Przegląd Policyjny. 2008. № 4. S. 5–39; *Ojcewicz G., Włodarczyk R.* Samobójstwo czy perfidne zabójstwo? Śmierć Sergiusza Jesienina w świetle współczesnej wiedzy kryminalistycznej i historycznoliterackiej. Część 2 // Przegląd Policyjny. 2009. № 1. S. 5–22.

[2] См.: *Ojcewicz G.* Wokół śmierci Sergiusza Jesienina, czyli Tekst poetycki jako żródlo wiedzy o przestępstwie // Slavia Orientalis. 2008. № 4. S. 463–483.

Сегодня, продолжая экскурс в следственную филологию, связанную с изучением жизни и творчества м. Марии (1891–1945), я хочу сначала обратиться к внезапной смерти ее старшей дочери Гаяны.

Не буду повторять здесь известные факты жизни из истории русской литературы доэмиграционного периода (особенно в петербургской среде) Е.Ю. Кузьминой-Караваевой, (урожд. Пиленко), а после вторичного замужества и во время парижской эмиграции по второму мужу Скобцовой. Мать Мария, перед тем как стать монахиней (1932), родила троих детей: Гаяну (1913), Юрия (1920) и Анастасию (1922). Раньше всех из них ушла из жизни в результате менингита Анастасия Скобцова — 7 марта 1926 года. За ней последовала в 1936 году Гаяна, а Юрий Скобцов погиб 6 февраля 1944 года в лагере Дора (командировка концентрационного лагеря Бухенвальд).

Из биографических источников известно, что в конце марта – начале апреля 1913 года Елизавета Кузьмина-Караваева оставила мужа Дмитрия в Петербурге и уехала в родовое имение в Анапу[3]. О своем нетипичном «разводе навсегда» поэтесса сообщила своему другу Александру Блоку в ноябрьском письме 1913 года из Москвы[4]: «С мужем я разошлась, и было еще много тяжести кроме этого»[5]. И не-

---

[3] *Мать Мария (Скобцова)*. Красота спасающая: Живопись. Графика. Вышивка /автор-составитель К.И. Кривошеина. СПб., 2004. С. 94.

[4] В то время Е. Кузьмина-Караваева проживала в Москве, на Собачьей площадке, Дурновский переулок, д. 4, кв. 13. На современной карте города нет указанной площадки, нет также этого переулка, так как Собачья площадка была ликвидирована в 1962 г. при постройке Калининского проспекта (улицы Новый Арбат). Эта площадка примыкала непосредственно на север от нынешнего дома № 17 на Новом Арбате, между следующимии переулками: Серебряным, Большим Николопесковским, Малым Николопесковским, Борисоглебским, Кречетниковским и улицей Композиторской, бывшим Дурновским переулком.

[5] *Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария)*. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма / сост., авт. вст. ст. и примеч. А.Н. Шустов. СПб., 2001. С. 636.

много далее: «И теперь, месяц тому назад, у меня дочь родилась, — я ее назвала Гайана — “земная”, и я радуюсь ей, потому что — никому неведомо — это Вам нужно»[6]. Анатолий Николаевич Шустов (1934–2011)[7] в «Краткой летописи жизни матери Марии» под датой 18 октября 1913 года отмечает: «У Е. К.-К. в Москве родилась *внебрачная* дочь Гаяна. Крещена 18 октября 1914 г. в Анапе»[8].

Вместе с этой последней констатацией появляется первый существенный вопрос: почему факт рождения Гаяны оценен автором «Летописи...» как «внебрачный»? Согласно значению, записанному почти в каждом двуязычном русско-польском словаре, «внебрачный» обозначает «pozamałżeński» и «nieślubny», значит, отчетливо указывает на то, что происходит «вне законного брака»: pozamałżeńskie (внесупружеское) i nieślubne (внебрачное) может быть дитя, а отношения — только pozamałżeńskie (внесупружеские). Когда Шустов писал, что «у Е. К.-К. в Москве родилась внебрачная дочь Гаяна», он или просто ошибся, или располагал информацией о том, что Дмитрий Кузьмин-Караваев не был биологическим отцом Гаяны. Несмотря на то что они оставались еще в законном браке, кто-то другой из интимного окружения Елизаветы Кузьминой-Караваевой стал отцом Гаяны. К сожалению, ни Шустов, ни другие авторы «Летописи жизни...» не указывают на какие-либо источники.

Таким образом, появляется одна из существенных задач для филолога-следователя: выяснить, была ли Гаяна биологической дочерью Дмитрия Кузьмина-Караваева, а если нет, то кто был настоящим отцом. Если провести графологические и сравнительные генетические исследования двух людей: Дмитрия Кузьмина-Караваева и Гаяны, то мы, безусловно, смогли бы приблизиться к раскрытию тайны. Но и тогда эта тайна может оказаться с третьим неизвестным, а именно — кто же истинный отец? Однако до сих пор мы не знаем

---

[6] *Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария)*. Равнина русская. С. 637.

[7] См. коротенькое воспоминание об А.Н. Шустове Григория Беневича: http://benev. livejournal. com/483550.html [3 VIII 2012].

[8] *Мать Мария (Скобцова)*. Красота спасающая. С. 36, 94. Выделено мной. — *Г. О.*

.реального места захоронения Гаяны и не можем провести эксгумации, ее останков, этот вариант установления отцовства надо считать исключительно потенциальным, и следует стараться подойти к проблеме иным способом, например с помощью гипотез.

Так как мы не располагаем какими-нибудь данными, которые бы говорили о том, что Кузьмина-Караваева родила до девятого месяца, то можно считать, что она родила своевременно. Зачатие Гаяны имело место приблизительно в половине января 1913 года, то есть в то время, когда Елизавета Юрьевна все еще оставалась в формальном браке с Дмитрием. Несмотря на то что существуют некие предположения, однако нет достоверной биографической информации, из которой вытекало бы, что у Кузьминой-Караваевой был любовный роман, в результате которого появилась Гаяна. Мысль эта не до конца лишена оснований, если мы вчитаемся в следующее предложение из упомянутого ноябрьского письма Елизаветы Юрьевны Александру Блоку: *«Потом к земле как-то приблизилась, — и снова человека полюбила, и полюбила, полюбила по-настоящему, а полюбила, потому что знала, что Вы есть»*[9].

Более пытливые исследователи жизни и творчества матери Марии, как, например, Ксения Кривошеина, обращают внимание на близкие отношения, какие были у Елизаветы Кузьминой-Караваевой в Анапе с местным учителем, который и мог бы быть биологическим отцом Гаяны. Наименее достоверной, хотя все еще бытующей версией, является предположение, что отцом Гаяны мог быть поэт Александр Блок. Все их многократные периоды «сближений и расставаний» настолько запутали исследователей, что тут можно написать отдельный увлекательный роман. Л.А. Можаева в своих воспоминаниях обращает внимание на интересующий нас вопрос о зачатии Гаяны. Исключив Александра Блока из кандидатов на отцовство, она говорит, что ее биологическим отцом был не Дмитрий Кузьмин-Караваев, а мужчина, с которым Елизавета Юрьевна уехала в Анапу и который пропал в буре Первой мировой войны: «Стремясь быть ближе к земле, она

---

[9] *Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария).* Равнина русская. С. 637. Выделено мной. — *Г.О.*

(Елизавета Скобцова. — *Г.О.*) разрывает с мужем<...> оставляет Петербург и вместе с матерью и любимым человеком уезжает в Анапу, в свое имение. Здесь 18 октября 1913 года у нее родилась дочь Гаяна (что означает "земная"). <...> Мировая война положила конец ее тихой, приближенной "к земле" жизни в Анапе. Ушел на фронт и пропал без вести в военном пекле ее любимый. Надвигалась революция...»[10]

Другое важное задание для филолога-следователя связано с непосредственной необходимостью установления действительной даты и фактической причины внезапной смерти двадцатитрехлетней дочери м. Марии.

В большинстве источников пишется о том, что смерть Гаяны наступила 30 августа 1936 г. в Москве и что официальной причиной смерти был тиф[11]. Первые сомнения, связанные с настоящей причиной смерти Гаяны, мы находим в упомянутой «Летописи...», где под датой 30 августа 1936 г. читаем: «*В Москве скоропостижно скончалась Гаяна. Причина смерти не ясна*»[12]. Такая констатация говорит о том, что официальная версия смерти Гаяны, то есть тиф, вовсе не обязана совпадать с правдой и необязательно является непосредственной причиной смерти молодой женщины.

---

[10] *Можаева Л.А.* Мать Мария (1891–1945) // Энциклопедический словарь. http://www. antibr. ru/dictionary/ae_matmar_k. html [6 VIII 2012]. Выделено мной. — *Г.О.*

[11] См., напр.: «Гаяна скончалась скоропостижно 30 августа 1936 г. Согласно укоренившейся версии, основанной, видимо, на слухах из Москвы, причиной смерти Гаяны считается тиф» (*Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой: контакты: http://mere-marie. com/life/kuzmina-karavaeva-i-aleksey-tolstoy [2.VIII.2012]). Нет в этом месте добавочной информации, позволяющей установить, с какого типа тифом мы имеем дело: брюшным тифом, эпидемическим сыпным тифом, который вызывается вшами, или эндемическим сыпным тифом, источником которого являются крысы (блохи). Выделено мной . — *Г. О.*

[12] *Мать Мария (Скобцова).* Красота спасающая... С. 105. Стоит заметить, что последнее предложение о неясной причине смерти Гаяны автор данной летописи пропустил в данной летописи, опубликованной на профессиональном сайте, посвященном м. Марии. См.: *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой: контакты: http://mere-marie. com/life/kuzmina-karavaeva-i-aleksey-tolstoy/ [2.VIII.2012]. Выделено мной. — *Г. О.*

Однако А.Н. Шустов не приводит дополнительных объяснений и не указывает на литературу, в которой можно было найти информацию на эту тему. Зато другая исследовательница жизни и творчества м. Марии, Ксения Кривошеина, указывает на *дизентерию* как на возможную причину внезапной смерти Гаяны: «*Судьба била мать Марию безжалостно. В 1935 г. ее дочь Гаяна, не мыслившая себя без России, едет в СССР. Меньше чем через два года она умирает в Москве от дизентерии*»[13].

Понятно, брюшной и сыпной тиф, как и дизентерия, — все они принадлежат к бактериальным инфекционным болезням и могут стать причиной серьезной эпидемии. Но между этими болезнями никаким образом нельзя поставить знак равенства, а следовательно — нельзя считать их окончательной причиной внезапной смерти[14].

Стоит также обратить внимание на очень существенный факт, подчеркнутый Шустовым, который написал, что дочь м. Марии умерла «скоропостижно», т. е. — неожиданно, вдруг. С медицинской точки зрения нельзя говорить о внезапной смерти в случае заболевания брюшным или сыпным тифом, или дизентерией. Ибо период самой болезни с отличительными признаками длится в случае сыпного тифа около месяца, а в отношении брюшного тифа и дизентерии — по крайней мере несколько дней (или недель), что никак не означает внезапности смерти, как, например, при инфаркте или инсульте.

Сыпному тифу сопутствует много тревожных признаков, постоянно усиливающихся, как, например, внезапный жар, тяжелые головные боли, ускоренное дыхание, покраснение и отеки лица, усиленная жажда, конъюнктивит, сыпь на языке, увеличение печени и селезенки, кожная сыпь, бред, ночная бессонница, быстрое похудание, обезвоживание организма, временная потеря сознания, сильное ослабление всех мышц, бессвязность и расстройство речи, понижение кровяного

---

[13] *Кривошеина К.* Краткая биографическая справка; http://meremarie. com/life/short-biographical-note [2 VIII 2012].

[14] Каждая из этих болезней имеет свой код в Международной классификации болезней (ICD-10): брюшной тиф — A01, сыпной тиф — A75.0, дизентерия — AO3 : [2.VIII.2012].

давления. Перечисленные признаки, хотя бы на третий день, заставляют того, кто ухаживает за больным, обратиться за помощью к врачу для перевода пациента в больницу. В домашних условиях тиф невозможно лечить. Те же признаки относятся и к брюшному тифу: повышенная температура, истощение, рези в области живота, сыпь на коже...

Итак, если бы Гаяна действительно заболела тифом, то это произошло бы в результате хотя бы малой, но эпидемии в Москве в 1936 г., о которой было бы известно. Заметим, что при эпидемии люди умирали бы массово, что, следовательно, нашло бы формальный след в кладбищенских книгах, регистрирующих причину смерти, в третьих, факт госпитализации Гаяны в одной из московских больниц должен был бы найти подтверждение регистрационных книгах того периода, и в четвертых — смерть из-за тифа нельзя назвать внезапной.

Учитывая вышесказанное, перед филологом-следователем возникает трудная задача, связанная с преодолением главным образом формальных ограничений и равнодушия людей, ибо государственные учреждения России для выяснения некоторых фактов не всегда охотно идут на сотрудничество (и не только с иностранцами). В результате «ложного» подхода к исследованию эти структуры скорее тормозят и мешают обретению истины и относительно редко служат бескорыстной существенной помощью в пользу науки. Поэтому нахождение предполагаемой больницы, регистрационных книг за 1936 г., установление основных фактов пребывания Гаяны на излечении от тифа мне кажется делом безнадежным. Нелегко будет также добраться до больничной документации за июль 1936 года, если она вообще сохранилась. Нелегким может оказаться и как бы простая задача, заключающаяся в установлении соответствующего территориального учреждения записи актов гражданского состояния (ЗАГС), в котором был выписан акт о смерти Гаяны. Кстати, только на основании такого акта ее муж (или сожитель Георгий Мелия) мог оформить погребение на Преображенском кладбище в Москве (ул. Преображенский Вал, 17а).

Еще сложнее, наверно, будет добраться до регистратурных книг того же учреждения за 1936 г., подтверждающих

факт и точную дату смерти Гаяны, с названием причины ее смерти и «личными данными гражданина, заявляющего о смерти жены», т. е. Георгия Мелия.

О лице, представляющемся мужем Гаяны, и ее внезапном замужестве мы также знаем очень мало, хотя в следующем тексте о Георгии Мелия будет приоткрыта тайна их «венчания». Но не будем забегать вперед! Из доступных (на данный момент) материалов вытекает, что Гаяна вышла замуж в Москве в 1936 г. за советского студента, с которым она познакомилась еще в Париже. Мы знаем его имя и фамилию: Георгий Мелия, называемый Гаяной Жоржем.

Если пойти дальше в расследовании, то необходимо:

1) установление личности Георгия Мелия (грузин?), даты рождения, смерти, его деятельности;

2) знакомство с его биографией до момента (мнимой или действительной) женитьбы на Гаяне, а также после ее смерти;

3) место и дата заключения брака.

Я не в силах это доказать, но могу предположить, что Георгий Мелия мог быть тайным сотрудником НКВД, подосланным сталинской полицией для наблюдения за русскими эмигрантами, и прежде всего — за самой же м. Марией и ее ближайшим окружением. Явные отношения с Гаяной — опирающиеся на настоящую или притворную любовь — могли создавать идеальную легенду для ведения спецопераций. Несомненно, что факт принадлежности Георгия Мелия к НКВД прояснил бы много вопросов, особенно при абсолютном отсутствии данных о нем в то время, когда он совершенно открыто и безопасно был студентом в Париже и посещал промарксистские кружки.

Из доступных источников мы знаем, что известие о смерти дочери м. Мария получила в Париже месяц спустя, и оно сильно поразило ее[15]. Известный эмигрантский критик Константин Васильевич Мочульский (1892–1947) так излагает этот трагический момент словами самой м. М.: «Бессонными

[15] *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой: контакты : http://mere-marie.com/life/kuzmina-karavaeva-i-aleksey-tolstoy/ [2.VIII.2012].

ночами я ее видела и с ней говорила... все было темно вокруг, и только где-то вдали маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть»[16]. Однако указание на месячный срок оказывается очередным примером небрежности источников, ибо достаточно взглянуть хотя бы на дату, поставленную под стихотворением номер 17 из «Цикла о смерти» м. Марии, посвященном умершей Гаяне, чтобы убедиться, что о смерти дочери она должна была знать уже раньше. Ее трагические строки «Не слепи меня, Боже, светом...» датируются 23 августа 1936 года.:

Не слепи меня, Боже, светом,
Не терзай меня, Боже, страданьем.
Прикоснулась я этим летом
К тайникам Твоего мирозданья.
Средь зеленых, дождливых мест
Вдруг с небес уронил Ты крест.

Принимаю Твоей же силой
И кричу через силу: «Осанна!»
Есть бескрестная в мире могила,
Над могилою надпись: Гаяна.
Под землей моя милая дочь,
Над землей осиянная ночь.

Тяжелы Твои светлые длани,
Твою правду с трудом принимаю.
Крылья дай отошедшей Гаяне,
Чтоб лететь ей к небесному раю.
Мне же дай мое сердце смирить,
Чтоб Тебя и весь мир Твой принять.

---

[16] *Шустов А.Н.* Указ. соч. В «Цикле о смерти» матери Марии мы найдем литературный документ данной трагедии. См.: *Кузьмина-Караваева Е. (Мать Мария)*. Равнина русская... С. 142–154. Я имею здесь в виду прежде всего стихотворение от 23 августа 1936 г. [17] «Не слепи меня, Боже, светом...» (С. 148–149) и [24] «О горлица моя, лети, лети же...» (С. 151–152).

Отсутствие эпидемии тифа (брюшного, сыпного) вызвало появление других версий, касающихся действительных обстоятельств и непосредственной причины смерти Гаяны. Достаточно недвусмысленно высказалась, например, Анна Ахматова (1889–1966), которая с самого начала не верила в смерть Гаяны от тифа[17]. Мнение Ахматовой насчет причины этой смерти имеет обоснование в биографии самой поэтессы, ибо Ахматова многократно за свою жизнь становилась жертвой НКВД (расстрел мужа и аресты сына). Она жила в постоянном страхе за своего сына Льва, за ней была установлена слежка, вокруг нее многих друзей не только арестовали, но и расстреляли. Вот почему она считала, что за внезапным уходом из мира сего Гаяны стоит политическая полиция, которая, как известно, с равнодушной жестокостью занималась уничтожением детей репрессированных и ликвидацией потомков эмигрантов: Гаяна, как дочь изменницы родины эмигрантки, целиком вписывалась в ликвидационный сценарий НКВД; достаточно упомянуть в этом месте о судьбе Ариадны, дочери Марины Цветаевой (1892–1941), преследуемой в сталинское время и реабилитированной только в 1955 году, после пятнадцати лет лагерей.

Есть еще один важный и достоверный источник информации на тему смерти Гаяны, источник стыдливый, но полностью обосновывающий московскую мистификацию, которая, по всей вероятности, имела место. Цель сокрытия правды была многослойной и прежде всего сводилась к полному уничтожению улик, а также к абсолютному и сознательному забвению имен. Речь идет о том, что Нина Берберова (1901–1993) в документально-биографическом романе о баронессе Марии Будберг[18], озаглавленном «Железная женщина» (1981), указывает на неудачный аборт как непосредственную причину смерти старшей дочери матери Марии. Берберова пишет:

---

[17] Анатолий Шустов добавляет к этому, что в 1936 г. в Москве не было эпидемии тифа. См.: *Шустов А.Н.* Указ. соч.

[18] *Берберова Н.Н.* Железная женщина: Биография. N. Y., 1981. Этот роман опубликовали в СССР впервые в 1989 г. в журнале «Дружба народов» (1989. № 8–12). Другая публикация: *Берберова Н.Н.* Железная женщина. М., 1991.

«Он (А.Н. Толстой. — *Г.О.*) увозил крестницу с собой на теплоходе, из эмигрантского болота в счастливую Страну Советов. В Париже девочка (ей было тогда лет восемнадцать)[19] погибает, она — коммунистка и хочет вернуться на родину, откуда ее вывезли ребенком. Ее мать теперь православная монахиня, а отец, давно разошедшийся с ее матерью, Кузьмин-Караваев, перешел в католичество и делает карьеру в Ватикане. "Давайте поможем дочери монахини и кардинала, — сказал Толстой, смеясь. — В Париже она не знает, что с собой делать, и хочет домой". Локкарт, разумеется, тотчас обещал Толстому сделать все, что нужно. Это была Гаяна, дочь Е. Скобцовой (матери Марии) от первого брака. Через год она умерла от неудачного аборта»[20].

Из слов Нины Берберовой не становится яснее ни кто был отец ребенка, ни в каких условиях был сделан аборт. Возможно, что в больничных, а возможно, что в подпольных. Надо помнить, что 27 июня 1936 года вступило в силу подписанное Михаилом Калининым и Вячеславом Молотовым постановление Центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров, запрещающее проводить аборты[21], в связи с чем Гаяна могла быть принуждена сделать операцию в подпольных условиях[22].

---

[19] Нина Берберова ошибается, ибо в 1935 г., т. е. при выезде из Парижа, Гаяне было 22 года, а не 18 лет. — *Прим. Г.О.*

[20] *Берберова Н.Н.* Железная женщина. Биография; http://royallib.ru/book/berberova_nina/geleznaya_genshchina.html [4.VIII.2012]. Выделено мной. — *Г.О.*

[21] Постановление ЦИК СССР № 65 и СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах», опубл. в: Постановления КПСС и Советского правительства об охране здоровья народа. М., 1958. С. 264. См. также документ об отмене запрещения абортов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов», опубл.: Там же. С. 333.

[22] Алексей Варламов, который бездоказательно ссылается на Нину Берберову в том смысле, что приписывает ей то, чего в ее книге

Мы не в силах также выяснить сегодня мотивацию такого решения, узнать о том, действовала ли она по собственной воле или она решилась на эту процедуру под давлением со стороны мужа (или любовника). Нельзя исключать и психологический страх, в основу которого легли соматические факторы будущей матери, реально угрожающие ее жизни и связанные с патологией беременности, а также материальный и квартирный вопрос.

Однако если бы мы имели дело с настоящей патологией при родах или выкидыше в результате гинекологической помощи, предоставленной в больничных условиях, то в акте о наступлении смерти записали бы причину как «послеоперационные осложнения», а не брюшной тиф. Я сомневаюсь в том, чтобы при сталинском терроре кто-нибудь из персонала больницы, ответственный за выдачу актов о смерти, решился бы на фальсификацию документа. Такой поступок мог ведь иметь очень печальные последствия для персонала больницы. Остается, конечно, неудачно сделанный аборт в подпольных условиях, со смертельным исходом, без госпитализации и сфабрикованными документами для захоронения. Подобные документы в 1936 году могли сделать только в особых службах.

Вернемся к текстам и архивным документам, которые хоть как-то могут развеять важнейшие сомнения и пролить новый свет на это историческое дело.

нет считает, что Гаяна умерла в результате неудачного подпольного аборта. Варламов пишет: «Она (Гаяна. — *Г.О.*) хотела жить, хотела быть счастливой, но в рассыпающемся доме Толстого едва ли это счастье ей светило. И уж конечно, никто не повез ее ни в Крым, ни на Кавказ. И тогда Гаяна помирилась со своим ревнивым Жоржем, вышла за него замуж, а меньше чем через год ее не стало. Но едва ли потому, что ее убило НКВД, как предполагала Ахматова. Нина Берберова написала в "Железной женщине", что Гаяна умерла от неудачного подпольного аборта, и в этом гораздо больше горькой правды. Аборты в Советском Союзе запретили делать в июне 1936 года. Гаяна умерла в августе. А во второй половине сентября мать Мария получила письмо от мужа Гаяны Георгия Мелия о кончине ее дочери и похоронах со схемой расположения могилы на Преображенском кладбище» (*Варламов А.Н.* Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом: http://lib. rus. ec/b/178463/read [3.VIII.2012]). Выделено мной. — *Г.О.*

Начнем с приведения двух ссылок на одного и того же автора. В ссылке 15 в книге отца Сергия Гаккеля «Мать Мария» мы находим следующие слова: «...Могила Гаяны находится на Преображенском кладбище в Москве. Муж Гаяны (советский гражданин) почти сразу поставил деревянный крест (с тех пор пропавший). Из Москвы он писал: «Вы, вероятно, знаете, что ставить крест разрешается, да если бы и не разрешалось, я бы все равно это сделал, если Вы бы об этом написали» (письмо к матери Марии от 5.IX.1936, архив)»[23]. А в ссылке 22 в переводе этой книги, выполненном Генриком Папроцким, мы читаем: «...Grób Gajany znajduje się na cmentarzu Preobrażeńskim w Moskwie. Wbrew wszystkiemu mąż Gajany (obywatel radziecki) prawie zaraz postawił na grobie drewniany krzyż (później zaginął). Z Moskwy pisał: "Pani na pewno wie, że wolno stawiać krzyże, ale gdyby nie pozwalano, to ja i tak bym postawił, gdyby Pani o to poprosiła" (list do Matki Marii z 5 września 1936 r., archiwum)»[24].

Для филолога-следователя огромное значение имеет возможность ознакомиться с упомянутым письмом Георгия Мелия от 5 сентября 1936 года, адресованным м. Марии, прежде всего, чтобы узнать схему расположения могилы Гаяны на Преображенском кладбище в Москве в момент захоронения Гаяны в 1936 году.

В настоящее время в компьютерной базе Преображенского кладбища нет каких-либо данных на тему места захоронения Гаяны, а это означает, что, кроме записей в архивной кладбищенской книге за 1936 год, нет никакой достоверной информации о первоначальном положении ее могилы.

Итак, чем мы на сегодня располагаем. Внимательный читатель успел, наверное, заметить, что я многократно избегал того, чтобы привести фамилию Гаяны. Если бы Гаяна была внебрачным ребенком Елизаветы Юрьевны, могла ли бы она тогда носить фамилию отца, Дмитрия Кузьмина-Караваева?

---

[23] *Гаккель С., прот.* Мать Мария. 2-е изд., испр. и доп. Р., 1992. С. 26. Стоит обратить внимание на факт получения этого письма матерью Марией во второй половине сентября 1936 г., о чем пишет А.Н. Шустов в «Краткой летописи...» (С. 105).

[24] *Hackel S.* Matka Maria (1891–1945) / przełożyl Henryk Paprocki. Białystok, 2008. S. 25–26.

Сомнительно, хотя во избежание громкого скандала и компрометации семьи Кузьмина-Караваева, занимающего в обществе Петербурга достаточно высокое положение, можно было пойти на то, чтобы «удочерить» Гаяну и вписать в ее метрики фамилию Кузьмина-Караваева с указанием его отцовства. Мы кстати не знаем, что говорилось Гаяне, когда она стала задавать вопросы о своем отце. Д. Кузьмин-Караваев сохранял постоянный контакт с м. Марией, он бывал неоднократно в Париже.

Следующий вопрос: из записи в похоронной книге Преображенского кладбища, зафиксированной под номером 2750, выясняется, что 1 августа 1936 года захоронили не Гаяну Мелия, а Гаяну Кузьмину-КОРАВАЕВУ (с ошибкой во второй части фамилии). Можно допустить, что запись делалась безграмотным человеком (а может быть, умышленно?), ибо в вопросе о выборе фамилии при замужестве следовало бы, скорее всего, ожидать более традиционного решения, т.е. такого, согласно которому жена принимает фамилию мужа. Хотя в те годы в СССР уже вполне допускался свободный выбор фамилии при регистрации брака. Женщины из аристократических семей с радостью меняли свои фамилии на «простые». Сохранять свою девичью фамилию таким дамам было рискованно, а для обыкновенного человека иметь жену с аристократической фамилией — тоже могло вызвать неприятности и даже арест. Но могу допустить, что, если Мелия имел отношение к НКВД, он рисковал меньше остальных. Мелия не мог воспользоваться иной фамилией, чем своей, когда он в последнем столбце похоронной книги должен был поставить подпись в соответствии с советским паспортом, то есть написать «Мелия». Но эта именно деталь указывала бы однозначно на тот факт, что они формально были супругами: в Москве ближайшую семью Гаяны, по крайней мере теоретически, создавал Георгий Мелия.

Как упоминает Ксения Кривошеина: «В декабре 2007 г. режисер В.Я. Эпштейн привез мне в Париж найденный им редчайший документ — выписку из архива Преображенского кладбища г. Москвы, где нашла свое упокоение дочь матери Марии Гаяна. Из содержания выписки следует, что

Гаяна Кузьмина-Караваева умерла 30 июля 1936 г., похоронена 1 августа 1936 г.» [25]. Эта исследовательница дает также ссылку на сайт с упомянутой выпиской из документации Преображенского кладбища в Москве[26]. Данные, заключенные в этой выписке, абсолютно соответствуют моим соображениям на тему смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой.

Есть еще несколько вопросов, которые не дают мне покоя, и они, как мне кажется, непосредственно связаны с Гаяной и ее преждевременной смертью. Это, конечно, на сегодняшний день лишь гипотезы, которые стоило бы, пользуясь ближайшим случаем, проверить, если появится возможность доступа к архивам м. Марии. То, на что я обратил особое внимание, относится к двум записям в «Краткой летописи...», имеющим общий знаменатель — туберкулез.

В одной из таких записей, относящихся к осени 1935 г., мы читаем: «ММ вместе с о. М. Чертковым арендовала помещение Дома отдыха для выздоравливающих туберкулезных больных в Нуази-ле-Гран. Торжественное открытие состоялось в мае 1936 г. <..> В этом санатории в 1942 г. скончался поэт К. Бальмонт, а в 1962 г. — престарелая мать ММ С.Б. Пиленко»[27]. Во второй же записи, от 19 марта 1936 г., мы находим следующие слова: «Этой датой помечено письмо Гаяны в Париж, в котором она сообщала о своей работе в архитектурной мастерской над проектом туберкулезного санатория на Кавказе»[28].

Мне кажется, что выбор болезни, с которой решила бороться м. Мария, не был случайным. В те годы туберкулез был очень распространен, но он был не единственным бичом в самом Париже и его окрестностях. Но внимание монахини было достаточно целенаправленным. Я могу предположить, что пристальное внимание м. М. к «туберкулезным» связано с тем, что она знала, что ее старшая дочь подвержена туберкулезу, и состояние ее здоровья из года в год не улучшалось.

---

[25] *Шустов А.Н.* Указ. соч.

[26] Вот эта ссылка: http://www. mere-marie. com/110.htm.

[27] *Мать Мария (Скобцова).* Красота спасающая. С. 105. Выделено мной. — *Г.О.*

[28] Там же. Выделено мной. — *Г.О.*

Можно допустить, что решающим аргументом в разговорах м. Марии с Алексеем Толстым и в согласии на выезд Гаяны в Ленинград была надежда русской монахини на то, что советские врачи спасут девушку; не исключено, что и сам Толстой поддерживал у м. Марии это заманчивое предположение. Может быть, документация, касающаяся лечения Гаяны, находится еще где-то в амбулаторных или больничных архивах Парижа. Может быть, эта информация записана где-то в эмиграционной мемуаристике, до которой мне еще не удалось добраться. О своей болезни (если таковая была) знала и сама Гаяна, ибо продвинутая стадия туберкулеза сопровождается отхаркиванием крови. Может быть, именно поэтому, будучи в Москве, она и интересовалась живо планами построения туберкулезного санатория на Кавказе, в горах, и она питала надежду на пребывание в нем, т. е. в условиях, которые могли бы продлить ее жизнь. А может быть, она выбрала Кавказ, учитывая грузинское происхождение своего мужа?

Очередной вопрос касается психического состояния Гаяны. Я предполагаю, что оно было далеко не идеальным, по многим аспектам. Семейная ситуация, эмиграция, социальное положение, чужая страна, другой язык, трудности в школе... И конечно, не последнюю роль в становлении Гаяны играла сильная личность матери, в центре духовно христианского окружения. Мать не одобряла увлечения дочери, тянущейся к промарксистской русско-французской молодежи. Нельзя устранить из поля наблюдений и психическое состояния Гаяны, возможно, связанное с ее первыми интимными опытами, удачными и неудачными союзами, — если таковые были? Если она была внебрачным ребенком, то я сомневаюсь, что м. Мария не сказала Гаяне, кто является ее настоящим, биологическим отцом. Это существенный вопрос искренности и доверия между матерью и дочерью, безусловно, возникал. Дмитрий Кузьмин-Караваев неоднократно бывал в Париже, и нам не известно, какие отношения сложились у него с Гаяной?

Из доступных материалов выясняется, что Гаяну с самого начала по переезде в Москву не ждало лучезарное счастье:

тяжелая работа на заводе «стахановкой», награждение десятитомным собранием сочинений Сталина... Можно допустить, что, пока с ней рядом находился Георгий Мелия, поддерживающий жену в трудные для нее моменты, — ее психическое состояние стабилизируется. Но если допустить, что после формальной регистрации брака (это лишь гипотеза!) они «разъехались» каждый в свою сторону почти сразу после ЗАГСа, то она, оставленная на произвол судьбы в Москве, могла просто не выдержать психологического напряжения. При наличии туберкулезного инфильтрата — от отчаяния — она могла даже сойти с ума.

Время подытожить наши наблюдения и сделать кое-какие выводы, к которым мы пришли благодаря проведенному «расследованию», и наметить ближайшую исследовательскую перспективу:

Гаяна Кузьмина-Караваева умерла в четверг 30 июля 1936 года, а не 30 августа 1936 года и была захоронена на Преображенском кладбище в Москве в субботу 1 августа 1936 года в аллее 10–20[29].

В кладбищенской книге факт похорон Гаяны Кузьминой-Караваевой отмечен под номером 2750 от 1 августа 1936 г.

Причиной внезапной смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой был, судя по записи в кладбищенской книге, брюшной тиф. Не исключено, что так и было на самом деле, но можно, однако, обоснованно предполагать, что действительной причиной смерти молодой женщины был не брюшной тиф, а другая болезнь или осложнения.

Выписку из Октябрьского ЗАГСа номер 2937 в администрацию Преображенского кладбища доставил, по всей

[29] Надо помнить, что нумерация участков менялась и что современный 10-й участок вовсе не обязательно должен являться 10-м участком с 1936 г. Администрация Преображенского кладбища не была в состоянии по моей просьбе идентифицировать первичное расположение 10-го участка и предполагала, что настоящий 23-й участок и мог быть первично участком 10. Я исследовал в конце июля 2012 г. оба участка и обнаружил, что на нынешнем 10-м участке находятся могилы с 1936 г. А это значит, что или номер этого участка не менялся, или в свое время вернулись к первичному обозначению участков. Этот вопрос требует дальнейшего исследования.

вероятности, некий Мелия, который считался мужем Гаяны Кузьминой-Караваевой.

Информация о том, что мужем Гаяны Кузьминой-Караваевой был Георгий Мелия, требует тщательной проверки в архивных документах. Надо выяснить, кем на самом деле был Георгий Мелия, в каких годах и чем он занимался, а также были ли у него явные или тайные контакты с НКВД[30].

Надо узнать, где находится письмо Георгия Мелия от 5 сентября 1936 года, направленное матери Марии, чтобы ознакомиться со всеми подробностями, связанными со смертью и похоронами ее старшей дочери.

Надо отыскать схему, приложенную Георгием Мелия, к письму от 5 сентября 1936 года с целью проведения локализации могилы и, может быть, установки креста на Преображенском кладбище, на том месте, где на самом деле была захоронена Гаяна Кузьмина-Караваева.

Надо установить, где находится архив м. Марии и какие существуют возможности ознакомления с ним.

Надо проверить, правда ли, что архив м. Марии сохранялся отцом Сергием Гаккелем и после его смерти он находится во владении его родственников.

Так примерно могла бы выглядеть работа филолога-следователя в ходе выяснения обстоятельств и причины смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой. Несомненно, что со временем будут появляться другие важные вопросы,

---

[30] Доминик Десанти (1919–2011), автор книги «Встречи с матерью Марией. Неверующая о святой» (пер. Т. Викторовой. СПб., 2011), вспоминает: «А с Гаяной мы подружились. Вместе бродили по городу, сидели в кондитерской, много говорили. Гаяна хотела вернуться в Россию, считала, что только там действительно сможет найти себя. Она познакомилась с молодым человеком, переводчиком при советском посольстве. Он предложил выйти за него замуж и уехать в Россию. В это же время группа советских писателей — среди них были Пастернак, Бабель, Алексей Толстой — приехали в Париж на антифашистский конгресс. Гаяна познакомилась с Алексеем Толстым, и он сказал: «Выходи замуж, а я тебя привезу как свою секретаршу». Он уговорил мать Марию отпустить Гаяну, и она уехала»: http://www. mitropolia-spb. ru/news/?id19350 [16. VIII.2012]. Выделено мной. — *Г. О.*). Не исключено, что этим переводчиком в советском посольстве и был Георгий Мелия.

решение которых обогатит все еще скромную документацию о м. Марии, о жизни ее близких и об ее творчестве, в котором нашла отражение трагическая судьба старшей ее дочери. Ниже я помещаю фотографии, которые впервые показывают записи в похоронной книге Преображенского кладбища. Они являются доказательством в рассматриваемом деле и по некоторым вопросам ставят окончательную точку над «і».

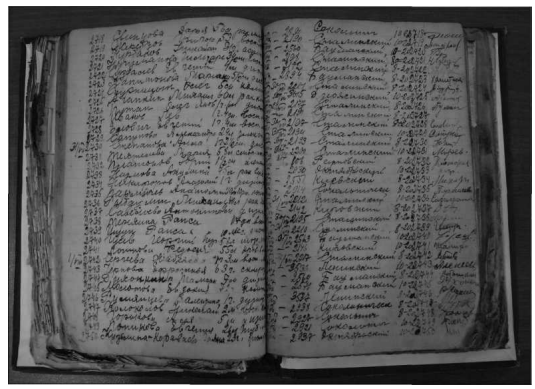


Фото 1. *Книга захоронений Преображенского кладбища в Москве от 31.VII и 1.VIII 1936 г. Под номером 2750 данные о захоронении Гаяны Кузьминой-Караваевой. На этой странице только раз находится информация о брюшном тифе как причине смерти, в большинстве случаев причиной смерти была дизентерия*

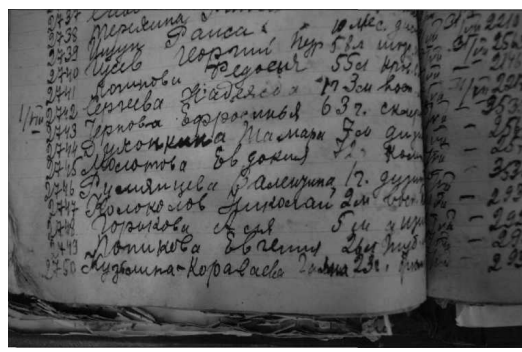
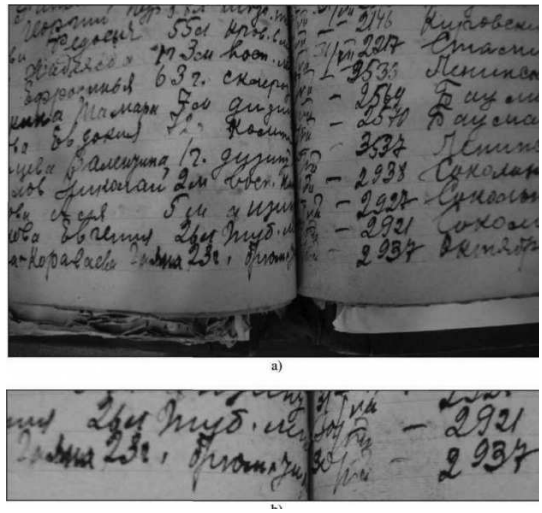


Фото 2. *Под номером 2750 записано первично: Кузьмина-Караваева Галина. Потом имя Галина исправлено на очень редкое Гаяна. Видим возраст покойной (23 г.) и причину смерти в последней рубрике на этой странице: брюшной тиф*



a)

b)

Фото 3 a и 3 b. *В последней рубрике на левой странице хорошо видна причина смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой: брюшной тиф. В первой рубрике на правой странице видим дату ее смерти — 30. VII, после даты — номер выписки из ЗАГСа: 2937*

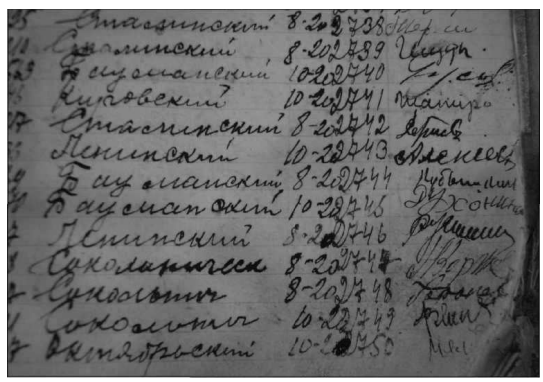
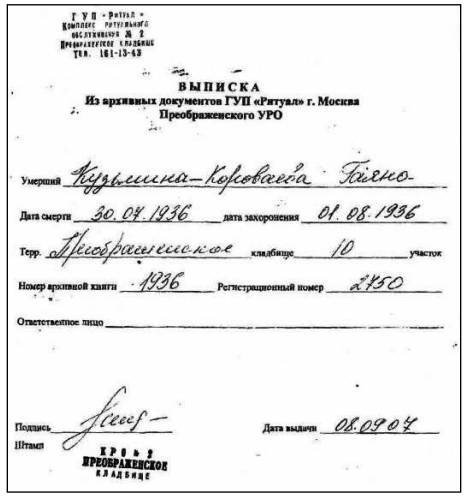


Фото 4. *Название ЗАГСа, в котором выдали выписку о смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой, после него — локализация могилы: 10-20 и подпись заявителя: Мелия*

Фото: Гжегож Ойцевич



ГУП «Ритуал»
Комплекс ритуального
обслуживания № 2
Преображенское кладбище
Тел. 161-13-43

ВЫПИСКА
Из архивных документов ГУП «Ритуал» г. Москва
Преображенского УРО

Умерший Кузьмина-Караваева Гаяно-

Дата смерти 30.04.1936 дата захоронения 01.08.1936

Терр. Преображенское кладбище 10 участок

Номер архивной книги 1936 Регистрационный номер 2750

Ответственное лицо

Подпись

Дата выдачи 08.09.07

Штамп
УРО № 2
ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ
КЛАДБИЩЕ

Фото 5. *Выписка из архивных документов ГУП «Ритуал» г. Москвы. Видны ошибки в правильном написании фамилии: Короваева. Источник: http://www.mere-marie.com/110.htm*

Текст находится на сайте
«Мать Мария» http://mere-marie.com/
(© Ксения Кривошеина).

ГЖЕГОЖ ОЙЦЕВИЧ

ГЕОРГИЙ МЕЛИЯ — ЗАГАДОЧНЫЙ ЗЯТЬ М. МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

Работая над юбилейным томом, посвященным м. Марии, в сентябре 2012 года я опубликовал статью о тайне смерти ее старшей дочери, Гаяны Кузьминой-Караваевой (1913–1936)[1]. В этом тексте я подробно привожу целый ряд гипотез, которые требуют тщательных проверок. Слишком много остается белых пятен, которые связаны с этими событиями. Они еще требуют проверок, которые невозможно совершить без доступа к архивам и к новым печатным источникам о жизни и творчестве м. Марии и членов ее семьи[2]. С точки зрения исследователя — биографа или литературоведа — жизни близких членов этой семьи образуют взаимосвязь, чрезвычайно важную для творчества м. Марии, ибо ее поэтический цикл «О смерти» неразрывно связан со смертью ее дочери Гаяны[3].

---

[1] *Ойцевич Г.* О следственной филологии, или Тайна смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой — дочери св. Матери Марии: http://mere-marie.comAife/osledstvennoy-filologii-optsevich/.

[2] Новый свет на представленные мной в указанной выше статье вопросы пролила книга Доминик Десанти, изданная в 2011 г. С этой книгой я смог ознакомиться только совершенно недавно. Но благодаря ей несколько существенных вопросов нашли новое объяснение. См.: *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией: неверующая о святой / пер. и перераб. Т. Викторовой. СПб., 2011.

[3] *Мать Мария.* Цикл «О смерти»; http://mere-marie.com/creation/

Продолжая заниматься загадками прошлого этой семьи, и выбирая очередное дело из своего рода «Филологического архива X», я сосредоточил свое внимание на Георгии Мелия, муже Гаяны и единственном зяте православной святой м. Марии.

Скажу откровенно, что в начале изучения биографии Георгия Мелия я располагал минимальными знаниями о нем, которые меня как исследователя не могли удовлетворить. Более того, они не позволяли написать даже самую скромную — не говоря уже о классической, опирающейся на богатые печатные источники, — биографию этого человека. Я не знал многих исходных данных: имен родителей Мелия, особенно имени отца, которое имеет идентификационную ценность. Я не знал ни места, ни дня его рождения и смерти. Я не знал, кем он был по образованию и чем занимался за всю свою длинную или относительно короткую жизнь. Я не знал ничего о его внешности, не располагал данными о его характере, его привычках, увлечениях и того, как проходила его профессиональная карьера. Мне было неизвестно, каким образом сложилась его жизнь после того, как он неожиданно стал вдовцом, и т. д.

В самом начале моего исследовательского пути личность Георгия Мелия представляла собой нелегкий лабиринт загадок, длинный ряд трудных, иногда, может быть, даже стеснительных вопросов, на которые нередко не было однозначных, достоверных и исчерпывающих ответов; иногда ответа вообще не было, и оставались лишь интуитивные предположения. Особую роль сыграло здесь время, которое в случаях исторических реконструкций действует решительно негативно, так как систематически уходят на тот свет свидетели тех дней, люди, располагающие самой достоверной информацией, хотя — в отдельных случаях — резко противоречивой. Также проблемы с доступом к личным и текстовым источникам не принадлежат сегодня — несмотря на существенную помощь, предлагаемую интернетом и сотовой телефонией, — к легким, а решения сложных проблем не появляются вовсе молниеносно.

---

matka-maria-jelizawieta-skobcowa/ См. также: *Matka Maria (Jelizawieta Skobcowa)*. Cykl «O smierci» /tlum. G. Ojcewicz. «Borussia», 2010. № 47. S. 189–200.

И все-таки, несмотря на трудную исходную ситуацию, я был убежден, что всегда какие-то следы остаются в виде воспоминаний или дневников — собственных или написанных самыми близкими знакомыми.

Что же мы уже знаем о зяте матери Марии на основании предыдущей статьи?[4] Что можно добавить к написанному, что изменить благодаря доступу к неизвестным мне раньше источникам или обработкам? Какие выдвинуть новые гипотезы? Как направить исследовательское пространство на дальнейшие поиски? Ниже — новейшая версия истории, касающейся непосредственно прежде всего Георгия Мелия, его жены Гаяны Кузьминой-Караваевой, а также м. Марии, вписанной в контекст тогдашних событий. В данной истории присутствуют также находящиеся на чужбине, как во Франции, так и в России, живые свидетели их жизни.

1

Сначала я написал, что, по всей вероятности, Гаяна Кузьмина-Караваева вышла замуж за Георгия Мелия в январе 1936 года в Москве, что со своим будущим мужем она познакомилась в Париже в 1935 году на одной из молодежных встреч, на которых рассуждали о марксизме, дальше — что Мелия был тогда промарксистским студентом и работал в советском посольстве в качестве переводчика с французского языка.

Сегодня, благодаря прежде всего книге Доминик Десанти, работе, изобилующей многими ценными биографическими подробностями, касающимися м. Марии и ее дочери, стало возможным проанализировать сделанные ранее выводы и уточнить их на основании информации, полученной главным образом от пасынка Мелия, Важи Ивановича Кикнадзе (р. 1952), известного современного грузинского профессора истории, проживающего в Тбилиси[5].

---

[4] *Ойцевич Г.* О следственной филологии...

[5] Пользуясь случаем, хочу поблагодарить профессора Важу Кикнадзе за редкое терпение, выказанное мне при сборе материала для данной статьи. Без его доброжелательности и искреннего участия в выяснении белых пятен в истории Гаяны Кузьминой-Караваевой и Георгия Мелия вряд ли возможным было бы представление так

Учитывая новые данные и полученную информацию, можно, например, подтвердить, что Гаяна Кузьмина-Караваева познакомилась со своим будущим мужем в июне 1935 года в Париже в ходе подготовки к международному конгрессу писателей-антифашистов. Из слов Гаяны, переданных в книге Доминик Десанти, вытекает, что это Пьер Эрбар, французский писатель и эссеист[6], представил Гаяне, совершенно случайно, одного из служащих советского посольства, точнее — торгового атташе Юрия Мелия, которого, как он добавляет, она видела мельком раза четыре. Но в другом месте Десанти указывает на то, что Мелия был переводчиком, работающим в советском посольстве в Париже[7]. Так как появляются здесь существенные фактографические расхождения, следовало выяснить окончательно и этот вопрос. На помощь мне пришел упомянутый выше Важа Кикнадзе, который подтвердил, что, действительно, его отчим короткое время, т. е. с конца 1934-го до конца 1935 года, работал в советском посольстве, но не был торговым атташе, следовательно — не занимал государственный пост, а работал над письменными коммерческими переводами.

Таким образом, уточняется, что в момент, когда Гаяна Кузьмина-Караваева познакомилась в июне 1935 года с Мелия, тот работал в советском посольстве не торговым атташе, а переводчиком с французского языка и не был студентом, а уже выпускником знаменитого парижского Инженерного института *Ecole Centrale*. Сегодня без ознакомления с архивами советской дипломатической службы за 40-е гг. XX века кажется невозможным определение точного периода, в который Мелия трудился в посольстве. Также без доступа к архивам упомянутого инженерного института мы не получим

многих и существенных, иногда уникальных даже, моментов их биографий, неразрывно связанных с судьбой м. Марии.

[6] Эрбар, Пьер (Herbart, Pierre Maurice, 1903–1974) сопровождал Андре Жида (Andre Gide) в его путешествиях по СССР. Самой популярной книгой Эрбара считается «La ligne deforce» (1958).

[7] «Мать Мария понимала другие пути, даже если они ей не нравились» (См.: *Кириллина Т.* Французская писательница Доминик Десанти // Вода живая. 2008. 19 августа; http://www.mitropolia-spb.ra/news/?id19350 [30.IX.2012]).

информацию на тему хода учебы Мелия в Париже и о том, каким он был студентом. Кажется, что годы учебы Мелия приходятся на период 1924–1930 гг. и начинаются подготовительными курсами в г. Амьен. Так или иначе, Мелия пребывал во Франции уже с 1924 года, а из инженерного диплома вытекает, что он получил его в 1930 году [8]. Если мы предположим, что Мелия был примерным студентом — а у нас нет оснований утверждать обратное — и что он учился не дольше шести лет, то возникает значительный пробел во времени между 1930 и 1934 гг., и этот пробел будущие биографы зятя м. Марии будут вынуждены заполнить[9]. Частично эту работу выполнил уже Важа Кикнадзе, который уточнил, что после окончания инженерного института Мелия был активным инженером-практиком и лишь в конце 1934 года занялся переводами.

Ministère de l'Instruction Publique et des Beaux-Arts
SOUS-SECRÉTARIAT D'ÉTAT DE L'ENSEIGNEMENT TECHNIQUE
ÉCOLE CENTRALE DES ARTS ET MANUFACTURES
DIPLOME D'INGÉNIEUR DES ARTS & MANUFACTURES
Le Sous Secrétaire d'Etat de l'Enseignement technique,
Vu les dispositions du Règlement de l'Ecole Centrale des Arts et Manufactures,
Vu la délibération du Conseil de l'Ecole en date du 10 Juillet 1930
accorde le Diplôme d'Ingénieur des Arts et Manufactures à M. Melia, Georges,
né à Leningrad (Russie) le 14 mars 1905 ayant satisfait d'une manière complète
à toutes les épreuves exigées.
Le Sous Secrétaire d'Etat
de l'Enseignement technique,
Le Directeur de l'Ecole,

Фото 1. *Диплом инженера, полученный Георгием Теймуразовичем Мелия в 1930 г., после окончания им Ecole Centrale. Из архива Важи Кикнадзе. Публикуется впервые. Фото: Гжегож Ойцевич*

[8] Стоит заметить, что в инженерном дипломе Георгия Мелия обнаруживается серьезная формальная ошибка по отношению к месту рождения: вместо Ташкента — записали Ленинград. По версии Важи Кикнадзе, власти Эколь Сентраль сознательно допустили грубую ошибку, объясняя Мелия, что в его дипломе будет стоять самый престижный город России, т. е. Ленинград (раньше Петроград).

[9] Из инженерного диплома Георгия Мелия вытекает, что Эколь Сентраль он окончил в 1930 г.

Возвращаясь к книге Доминик Десанти, стоит заметить, что автор пишет об очень существенной, по-моему, подробности, которая приоткрывает на самом деле не только личный интерес Гаяны, но также интерес ее будущего мужа, а возможно даже — самой м. Марии.

В один из дней Мелия обратил внимание на привлекательную девушку с карими глазами и темно-каштановыми волосами[10], которая появлялась время от времени в советском посольстве в Париже. Он пригласил ее на обед, а та, не исключено, что «мимоходом», сказала ему, что не видит ни малейших шансов на «возвращение» в СССР. Тогда Мелия — продолжает Гаяна — взял ее за руку и сказал, что есть способ, чтобы ей помочь и что она в данной ситуации должна выйти замуж за советского гражданина; такой выход полностью совпадал с тогдашними общественно-политическими реалиями. Сказав это, Мелия сделал Гаяне предложение, добавляя, что он влюбился в нее с первого взгляда и что она для него воплощение истинной парижанки. Я сомневаюсь, однако, в том, чтобы Гаяна сразу согласилась на сделанное ей предложение, ибо слишком серьезным был это вопрос и требовал он — если не драматического — разговора с матерью, но — что важно — Гаяна в предложении не отказала! На спонтанный вопрос близкой подруги, «выйдет ли Гаяна замуж за Мелия и любит ли она его», та ответила на мой взгляд совершенно искренне: «Послушай, он для меня — Россия. А я хочу быть в России»[11].

Это, на мой взгляд, и есть ключевые слова, необходимые для понимания многих вопросов и событий, которые вскоре произойдут на улице Лурмель, 77. Слова Гаяны выявляют явное доминирование рассудка над сердцем, большую жажду вырваться из-под заботливых крыльев матери в пользу

---

[10] В заявлении, связанном с выдачей паспорта и представленном Гаяной Кузьминой-Караваевой 19 декабря 1932 г. в бельгийском городе Льеже, приводятся черты ее внешнего вида, благодаря чему мы знаем, что у нее были темно-каштановые волосы, карие глаза, нос нормальный, лицо овальное, рост 164 см. Скан этого заявления я получил от Важи Кикнадзе.

[11] *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией... С. 29. Выделено мной. — *ГО.*

свободы и возможности самостоятельно решать свою судьбу. Слова Гаяны являются одновременно и сознательным нарушением морального договора, идущего вразрез с христианскими постулатами о вере, чести и любви. Неожиданно на первый план выходит осознанное рациональное решение.

Гаяна в разговоре с Доминик Десанти расскажет о своих планах, сосредоточенных вокруг мечты о выезде в СССР, а в более широкой перспективе — и о своей просоветской ориентации, а также о матери, пример которой ее подавляет:

«Понимаешь, я русская. Там я смогла бы выбрать себе работу, повсюду не хватает кадров. Здесь же у меня даже нет права на легальную работу. Но там никогда не примут дочь монахини и священника, даже если сейчас Церковь уже не преследуется <...> Она повторяла, что для того, чтобы стать самой собой, чтобы любить и думать, необходимо порвать с Лурмелем, где оплакивали русское прошлое и горечь изгнания. Порвать с недосягаемым материнским примером»[12].

Фото 2. *Елизавета Кузьмина-Караваева (Скобцова). Автор неизвестен. Источник: http://www.russkije.lv/ru/lib/read/mother-maria.html*

Фото 3. *Гаяна Кузьмина-Караваева. Автор неизвестен. Источник: Заявление о выдаче паспорта Гаяне Кузьминой-Караваевой. Из архива Важи Кикнадзе. Публикуется впервые*

[12] *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией..., С. 26–27. Выделено мной. — *Г.О.*

Известно, что м. Мария никогда не скрывала своего отрицательного отношения к выезду Гаяны из Франции. Ее возражения основывались прежде всего на морально-духовных мерилах, но никак не на материальных. В то же время они могли соотноситься с другими планами, которые она связывала с будущим старшей дочери. Нельзя исключать и того, что зная о деятельности Мелия больше, чем Гаяна, она не могла допустить, что будущий зять дискредитирует ее в глазах эмиграции. (Кстати, отъезд и гибель Гаяны вызвали много нареканий со стороны диаспоры в адрес м. М.) Безусловно, она беспокоилась и о жизни и здоровье Гаяны, которая должна была влиться в нечеловеческую сталинскую действительность, вдвойне жестокую по отношению к детям русских эмигрантов.

Важа Кикнадзе обратил мое внимание на очень существенную подробность, на своего рода деталь-ключ.

Когда я спрашивал грузинского профессора о том, почему — по его мнению — м. Мария так настойчиво уговаривала Гаяну, чтобы она не выходила замуж за Мелия, его пасынок написал, что, по словам самого Мелия, она не была против него как человек,а и сам Мелия добавил, что «мать Мария дала обет постричь Гаяну». Таким образом, мысль Гаяны о выезде в СССР на постоянное проживание могла, кажется, вызвать моральный конфликт в душе матери, ибо он обозначал нарушение обещания, данного Богу. Невозможность выполнить намерение (обещание) имела определенные последствия. Напомним, что м. Мария была по образованию теологом, первой женщиной в России, которая окончила заочно богословскую академию в Петербурге, и что для нее договор с Создателем не был мелочью, не был игрой с Богом, чтобы приласкаться к Нему, а кардинальным элементом биографии и духовным обязательством.

Теперь мы прикоснемся, может быть, к одной из самых болезненных семейных тайн, ибо мы спросим про возможную мотивировку м. Марии, про то, что склонило ее дать такой обет и пожертвовать Гаяной (может быть, против воли дочери?), назначая ее на службу Богу. Чтобы ответить на этот вопрос, надо вернуться в прошлое для формулировки

определенных предположений; подчеркиваю — исключительно предположений, опирающихся на знания, которыми я располагаю на данный момент, и на исследовательскую интуицию.

Надо помнить, что доступ к архивам м. Марии остается чрезвычайно ограниченным и трудным из-за препятствий, создаваемых теми, кто заботится об этой части архива. Иногда возникает даже впечатление, что хранители архивов стерегут их из-за иррационального опасения, что углубленное изучение источников может привести к обнародованию информации, которая выставила бы уже святую мать Марию в невыгодном, по их мнению, свете. Такое «охранное» поведение (своего рода «хранить вечно») отнимает у св. Марии ее человеческие черты, указывающие на нее как на человека, усердно ищущего Бога, блуждающего и совершающего не только ошибки, но и противоречивый выбор . У м. Марии было право на собственное мировоззрение, вплоть до демонстрирования просоветской ориентации и мечтаний о возвращении в СССР, но ее мировоззрение, мечты — это только фрагмент жизненной биографии, который не в силах заглушить биографию святой и важнейшие вопросы, связанные с реализацией безграничной любви по отношению к ближнему, жертвы Богу, благодаря чему она и стала святой. Постоянной задачей исследователя является поиск истины, а не создание псевдоистории. Несомненно, многие вопросы, которые я здесь представляю в виде гипотез, могли бы превратиться в тезисы, если бы сотрудничество с хранителями архивов было взаимно доверительным, направленным на установление истинных фактов.

Что касается мотивировки, которая привела м. Марию к даче обета о постриге Гаяны, то здесь можно принимать во внимание разнообразные поводы, среди которых два кажутся основными. Первый повод — это ее собственная биография, любовные перипетии и семейные проблемы супружеской жизни в обоих браках. Второй повод — как мы знаем, Гаяна была внебрачным ребенком, и своеобразным искуплением греха за супружескую измену могло быть предназначение дочери для монастыря.

Начинавшиеся трудности с непокорной Гаяной могли серьезно насторожить мать, ее обещание увести девушку от соблазнов через монашеский постриг вселяло надежду на исправление собственных ошибок юности и сохранения чистоты Гаяны. Можно допустить, что Гаяна уже вступила на тропу ошибок: жестокое право талиона, принцип «жизнь за жизнь» и самопожертвование, связанное с уходом в монастырь, — под влиянием уговоров матери — могли отождествляться со своего рода смыванием некоего уже совершенного девушкой тяжелого греха. Гаяна обязана была стать монахиней, а ее саму мамин «биографический проект» вовсе не устраивал, и поэтому, как я считаю, девушка максимально медлила с решением о постриге, ожидая спасительного случая, жизненного «чуда», которое изменило бы все, а главным образом — монастырские планы. И такое «чудо», которому, может быть, помогла даже сама Гаяна, имело место именно в июне 1935 года, когда произошла не обязательно случайная, как предполагаю, встреча с Георгием Мелия.

2

Нам уже известны личные интересы Гаяны. А в чем же был заинтересован жених? Когда в июне 1935 г. на ее горизонте возник Георгий Мелия — хорошо обеспеченный, образованный, красивый и холостой мужчина, — Гаяна могла не только увлечься, но и вполне осознать, что нужно не упустить момент. То, что это был именно «союз» двух молодых людей, не по взаимной любви, проявилось сразу по выезде Гаяны в СССР и жестко продолжилось, когда молодожены «нашлись» в Москве[13] .

Вскоре после выезда «замужней женщины» из Парижа ее парижский поверенный, архим. Лев (Жилле; 1892–1980) рассказал будущей госпоже Десанти, что дочь матери Марии

[13] Важа Кикнадзе сообщил, что у молодых супругов вскоре после приезда в Москву и поселения в гостинице была огромная неприятность из-за того, что их обокрали и отняли привезенное из Франции. Это столкновение Гаяны с советской действительностью было, наверное, достаточно сильным, чтобы она постепенно стала лишаться иллюзий о безупречной морали жителей коммунистического государства.

венчалась в лурмельской церкви и все произошло слишком быстро, чтобы нашлось время собрать друзей. Причем это не было традиционное венчание, сопровождаемое пением хора, венцами над головами молодоженов, а только свелось к благословению на брак[14]. Иначе, впрочем, и быть не могло, если учесть фанатичное — подлинное или напоказ — преклонение Мелия перед коммунизмом, который чаще всего шел в ногу с богоборчеством или с агрессивным атеизмом. Это болезненное сочетание марксистской идеологии с христианством не могло оставлять м. Марию равнодушной. Но трагическим образом она была ввергнута в театр гротеска, где она сама стала невольной участницей, так как главную роль в этой «пьесе» играла ее дочь Гаяна! Мать Мария не могла оставаться безучастной к этому театру абсурда; вместе с тем она понимала, что Гаяна — зрелая и строптивая женщина, способна самостоятельно решать свою судьбу и сделает все возможное для достижения поставленной цели. Ее упрямство и решительность напоминали м. Марии ее собственные поступки и ошибки молодости. Поэтому она вполне предчувствовала, что далеко не все будет проходить по задуманному плану[15].

Кем в июне 1935 г. был Георгий Мелия?

Напомним, что из информации, переданной мне Важей Кикнадзе, вытекает, что Мелия пребывал во Франции с 1924 по 1935 гг., одиннадцать лет, т. е. достаточно долго, чтобы окончить парижский инженерный институт, изведать столичную жизнь и, может быть, парижскую богему, эмигрантскую среду, а также получить диплом, найти работу по специальности и вести беззаботную жизнь. Эта материальная сторона была обеспечена не только его зарплатой, но и благодаря финансовой поддержке его богатой тетки Марии-Луизы Папильон (урожд. Гунон), проживающей недалеко от столицы, во владении Лямот-Беврон.

---

[14] См.: *Десанти* Д. Встречи с матерью Марией... С. 36.

[15] Определенные ассоциации появляются при сравнении двух портретов, помещенных немного выше. На одном из них мы видим Елизавету Кузьмину-Караваеву, на другом — ее дочь Гаяну. Распространенное мнение о том, что дочь каким-то образом повторяет жизненный путь матери — в широком смысле слова — находит по отношению к обеим биографиям полное подтверждение.

На данный момент я не располагаю ни документами, ни информацией от исследователей жизни и творчества м. Марии или членов семьи Мелия, которые можно было бы сверить и которые позволяли бы достоверно и точно восстановить образ жизни Мелия в Париже, — в каких кругах он вращался в годы учебы, с кем он дружил, круг знакомых, его пристрастия и привычки, что было его хобби, почему он оставался холостяком до тридцати лет и т. д. Холостяком он мог оставаться так долго потому, что не нашел, как это обычно говорится, своей половины, женщины своей жизни. Но находка учитывает поиск, и не исключено, что Мелия никого не искал, ожидая случая, который бы позволил ему решить жизненные дела.

Но кое-что все-таки благодаря терпению и исследовательской интуиции удалось установить. Лица, к которым я многократно обращался за нужной информацией, которой они, по всей вероятности, могли располагать, как, например, Елена Дмитриевна Клепинина-Аржаковская, Татьяна Владимировна Викторова, Георгий Лещенко и Важа Кикнадзе, не сумели сказать, кто может скрываться под именем Люрса, три раза упоминаемом в письме Мелия от 29 сентября 1936 года, адресованном Софье Пиленко, бабушке Гаяны. Мелия пишет, между прочим, имея в виду свою недавно скончавшуюся жену Гаяну:

«В Архитектурную мастерскую она попала благодаря знакомству Делоне с редакторшей местного архитект. журнала. Эта женщина, узнав, что Гаяна владеет франц. языком направила ее к Люрса. (кажется сейчас Люрса в Париже). Помню, как она через два дня вернулась торжествующей с связкой планов, оказывается ей поручили сделать самостоятельно чертеж установки центр, отопления в 3-х этажном здании. Она быстро справилась с этим делом. Тогда ей стали поручать расчеты установок, радиаторов, диаметров труб, и т. д. Как-то раз вернулась она очень обрадованная. Мне говорит, поручили сделать срочно проект парового отопления, придется вместе работать, так мы и просидели в ту ночь до 5 утра, на другой день вернулась она уставшей, но довольной — получила поздравления. В последующие недели она

научилась устанавливать вентиляторы, электромоторы... Ей хотелось подучить еще электричество и железобетон. Взялась она также за архитектуру. Был объявлен конкурс на лучший проект родильного дома, Она решила взяться за это; возилась месяц все переделывая планы, Люрса считал, что ее проект стоит на 4м месте из 20, сделанных архитекторами, так она этой работы и не довела до конца»[16].

Кем был тот Люрса, которого три раза упоминает Мелия?

Сегодня я могу ответственно утверждать, что речь в письме идет об Андре Люрса (André Lurçat, 1894–1970) — фонетически «люрсА», с ударением на последнем гласном — т. е. о знаменитом французском архитекторе модернизма, который в 1934–1937 гг. по приглашению советского правительства пребывал в СССР и занимался тогда проектированием больших архитектурных комплексов, прежде всего больниц, для Москвы, Смоленска и Горького (кстати, эти проекты никогда не осуществились). На основании письма можно предположить, что не только Мелия знал старшего его на одиннадцать лет выдающегося французского градостроителя — возможно, еще со студенческих времен в Париже — но была с ним знакома и Гаяна и что именно из-за мнения Люрса она не довела до конца проект родильного дома. Другим лицом, о котором относительно часто упоминает Мелия в корреспонденции с м. Марией и Софьей Пиленко, является женщина по имени Жанна. К сожалению, ни я, ни другие исследователи не знают еще о какой Жанне писал муж Гаяны. Не исключено, что окончательному решению этого вопроса поспособствует счастливое стечение обстоятельств. Одно из них уже произошло благодаря предположению Никиты Игоревича Кривошеина, который указывает на Жанну-Марию Иосифовну Гофман (1919), альпинистку и врача, которая в начале 30-х гг. XX века возвратилась вместе со своей сестрой в СССР из французской эмиграции и прославилась

[16] Письмо Георгия Мелия Софье Пиленко от 29 сентября 1936 г. Собственная расшифровка на основе ксерокопии, полученной от Татьяны Викторовой. Сохраняю правописание (в т. ч. ошибочное) в соответствии с подлинником. Выделено мной. — *Г.О.*

пионерскими исследованиями гоминоидов и «снежного человека»[17]. Предположение Никиты Игоревича кажется мне достойным внимания и дальнейших поисков.

3

Вполне могу допустить, что такой человек, как Георгий Мелия, свободно и долго пребывающий во Франции, хорошо владеющий иностранными языками, связанный со средой русских эмигрантов, должен был бы стать объектом заинтересованности сначала ОГПУ, а затем — НКВД. Это учреждение массово вербовало агентов не только в большевистской России, но и вне ее, организуя агентурную сеть полицейского государства в среде русских эмигрантов во всем мире. Кажется, что Мелия получил работу в советском посольстве не благодаря выигранным им кадровым конкурсам. Вполне возможно, что это место он получил в результате покровительства или взамен за что-то другое, например за обещание сотрудничества с органами (ОГПУ, НКВД). Не секрет, что спецслужбы прибегали даже к наиболее подлым способам, чтобы заставить граждан сотрудничать; очень эффективным методом был (и остается) шантаж и запугивание.

---

[17] В книге Игоря Царева мы читаем между прочим: «В Пенсильвании большое количество людей наблюдало, как гуманоиды высаживали из НЛО живых существ, по описанию напоминающих “снежного человека”. Фотографии этих существ показаны исследовательской группе Жанны Гофман. Эта группа занимается в СССР проблемой снежного человека. Руководитель группы заявила, что примерно таким она видит снежного человека по многочисленным описаниям очевидцев». *Царев И.* Эзотерические знания, откуда они?: http://lib.web-malina.com/getbook.php?bid5190&pagé37 [2.XI.2012]. Выделено мной. — *Г.О.* Автор приводит неправильное написание фамилии: должно быть Кофман. См. также: «Кофман Жанна-Мария Иосифовна, 1919 г. р., альпинистка, ветеран поисков и изучения гоминоидов, участница Памирской экспедиции 1958 г. — врач, многие десятилетия руководила северокавказской экспедицией, широко известна своими научными и популярными статьями по проблеме, действительный член Российского географического общества, почетный Председатель Российского общества криптозоологии»; http://www.alamas.ru/rus/about/Kofman_r.htm [2 XI 2012].

Фото 5.
Георгий Теймуразович Мелия (Melia) в период пребывания во Франции (1924?). Из архива Важи Кикнадзе. Публикуется впервые

Я не располагаю еще ни нужными знаниями, ни документами, из которых бы отчетливо вытекало, что Георгий Мелия был явным или секретным агентом ОГПУ или НКВД. Без доступа к тайным архивам КГБ (ФСБ) нет возможности решить этот вопрос, и поэтому согласно принципу презумпции невиновности у меня нет пока оснований утверждать о формальном сотрудничестве Мелия со спецслужбами. Но это вовсе не исключает того, что у Мелия был с ними непосредственный контакт в связи с его переводческой работой (в советском посольстве), постоянным общением с эмигрантской студенческой средой, а также русской диаспорой. Право «взаимности» уже тогда было всеобщим, и сегодня оно не потеряло своей актуальности. Иначе говоря, Мелия мог добровольно согласиться на поддержку контакта с представителями ОГПУ/НКВД, не имея статуса секретного сотрудника, и на передачу информации тем же службам об интересующих их делах. Можно допустить, что Мелия был принужден к информированию, если его шантажировали. Не исключено, что секретной задачей Мелия была и его инфильтрация в окружение м. Марии, а Гаяна и стала удачным живым ключом для того, чтобы вкрасться в доверие к жителям лурмельского общежития.

Женитьба на Гаяне могла быть своего рода полезной сделкой: она позволяла дочери м. Марии выехать за границу,

а из Мелия делала женатого мужчину, наделяя его соответствующим общественным статусом в СССР, который закрывал любые вопросы о том, почему так долго он жил холостяцки.

Впрочем, на возвращении Мелия на родину сильно настаивали его родители: шестидесятичетырехлетний тогда отец, Теймураз Спиридонович Мелия, и моложе его на десять лет мать Мелия, Блянш Мелия (урожд. Гунон). Многоэтапность и коварство советской мистификации могли также учитывать возможность приезда м. Марии в СССР по приглашению Гаяны; без всякого сомнения, она не осталась бы глухой к приглашению и ответила бы немедленно, даже с риском преследования со стороны советских властей, а впоследствии — и ссылкой в Сибирь.

Но мог быть и другой «сценарий» — без мистификации и без коварства НКВД. Достаточно допустить гипотезу, согласно которой м. Мария, будучи доброжелательно расположенной к советскому правительству, допускала добровольное возвращение в СССР вслед за Гаяной. Гаяна должна была бы тогда совершить своеобразную рекогносцировку обстановки, присмотреться к коммунистической действительности, проверить шансы на благополучное возвращение родительницы и степень безопасности такого решения для матери. Мелия, как ярый коммунист, мог сыграть в дальнейших планах определенную роль, но преждевременная смерть Гаяны изменила планы.

Теперь, так же как это было с психологическим портретом Гаяны Кузьминой-Караваевой, я, исходя из исследовательской интуиции, коснусь трудных мест в биографии Георгия Мелия.

Шантаж, к которому обычно прибегали спецслужбы, опирался главным образом на настоящую или ложную информацию. Особую ценность в арсенале средств шантажа имели (и имеют по сегодняшний день) всякие доносы об истинных или выдуманных фактах личной жизни того, за кем следили, о его конфликтах с законом, о нетрадиционных наклонностях в сексуальной сфере или дурных привычках и слабостях.

Знакомство Мелия с дочерью м. Марии в июне 1935 года могло быть случайным, но могло быть и хорошо инсценированным НКВД. Так как Гаяна не скрывала своего намерения выехать в СССР, какой-то «доброжелательный» информатор мог эту ценную весточку передать заинтересованным органам, а те впоследствии «уговорили» Мелия, чтобы тот поинтересовался дочерью монахини и организовал встречу с целью предложения брака и выезда в большевистскую Россию. На мой взгляд, Мелия по разным поводам не был в состоянии противиться, и он согласился участвовать в сложной мистификации, одной из многих, к каким прибегала советская власть. Дело, однако, осложнилось, ибо Мелия действительно влюбился в Гаяну, но это была любовь без взаимности, и поэтому она могла быть источником его самолюбивых терзаний при жизни Гаяны, а после ее смерти перерасти в психическое расстройство или депрессию.

Добавим еще, что, по словам Важи Кикнадзе, в Париже Мелия сохранял необыкновенную осторожность в контактах с другими людьми, всегда был очень сдержан, зная, что даже в среде русских эмигрантов находятся провокаторы, платные и добровольные доносчики, секретные сотрудники НКВД, готовые продать человека за один франк[18]. Мелия в эмиграции и позднее, в СССР, был очень скрытным человеком, типом классического интроверта, как бы сказали о нем психологи, индивидуальностью, для которой внутренний мир компенсировал, пожалуй, все. Важа Кикнадзе не смог назвать имени и фамилии ни одного конкретного человека из ближайшего окружения Мелия в то время, когда он пребывал в Париже. Разве не было у Мелия ни друзей, ни знакомых? Вряд ли.

Пасынок Мелия упоминает о каком-то профессоре Раппопорте (Рапапорте?), с которым Мелия будто бы дружил, но ничего больше на тему, ни самого профессо-

[18] В годы немецкой оккупации процветал коллаборационизм с гестапо. Мать Мария и ее сын Юрий, а также ближайшие их сотрудники стали жертвами доноса. В историю коллаборационизма попал некий Войтеховский, называемый «фюрером» русской эмиграции в Брюсселе. См.: *Варшавский В.* Незамеченное поколение // Русский Париж / сост.., предисл. и комм. Т. Буслаковой. М., 1998. С. 372.

Фото 6. *Инженер Георгий Теймуразович Мелия. Ок. 1976 г. Из архива Важи Кикнадзе. Публикуется впервые*

ра, ни их дружбы он не знает[19]. Стоит заметить, что после скоропостижной смерти Гаяны Мелия повторно не женился и оставался вдовцом сорок два года, т. е. до момента, когда в 1978 г., в возрасте 73 лет, он женился на Ирине Михайловне Сакварелидзе, матери Важи Кикнадзе, с которой Мелия познакомился за десять лет до их брака. То, что Мелия оставался вдовцом, могло иметь разные причины. Интересным с точки зрения всей истории знакомства и совместной супружеской жизни Гаяны и Мелия является то, что в предсмертной воле он попросил вложить в свой гроб портрет Гаяны (формата А3) и ее прижизненные фотографии; это волеизъявление,

[19] Определенная подсказка скрывается в книге Доминик Десанти, которая упоминает о двух лицах, вовлеченных в борьбу с немецкими оккупантами в 40-х гг. в Париже. Автор называет имя Жака Рабиновича, по профессии адвоката, и растрелянного в 1942 г. Давида Раппопорта, руководителя организации, помогающей евреям. Так как Рабинович знал Раппопорта и Гаяну, а Мелия — Гаяну, не исключено, что их общим знакомым оказался Давид Раппопорт. Неизвестно, однако, был ли именно Давид Раппопорт тем другом Мелия, о котором пишет Важа Кикнадзе, или кто-то из его родственников. Этот вопрос нуждается в дополнительных исследованиях. См.: *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией... С. 147.

как пишет Важа Кикнадзе, семья выполнила, а Ирина Сакварелидзе на надгробной плите поместила нежную эпитафию, в которой она подчеркнула характерные черты индивидуальности Мелия: его одиночество и страдание.

Мы не будем также исследовать причины одиночества и душевных страданий нашего героя, но стоит обратить внимание на одну вещь, которая имеет, быть может, непосредственную связь с обязательством, которое — не исключено — взял на себя Мелия еще в Париже.

Если правда, что он согласился участвовать в коварной мистификации НКВД: женитьба, возвращение в СССР, заманивание м. Марии в Москву — то крах этого плана должен был, как мне кажется, каким-то негативным образом отразиться на самом Мелия, прежде всего — на его научной карьере. Его выезд из Москвы в Тбилиси в 1937 г. не был, наверное, случайным, и надо его рассматривать в категории побега, предохраняющего Мелия от гнева сталинских спецслужб. Я знаю от Важи Кикнадзе, что власти советской Грузии помешали Мелия (его отчиму) в защите кандидатской диссертации и осложняли ему до последних дней исследовательскую работу, а когда Ирина Сакварелидзе пыталась опубликовать в ташкентском журнале «Гелиотехника» некролог, посвященный мужу, с его биографическими деталями, то редакция — после раздумий — отказалась от этой публикации, обосновывая свое решение тем, что Мелия не был ни профессором, ни заслуженным деятелем науки. Я считаю, что за этим отказом стояла живая, хотя и обветшалая, партийно-политическая память о невыполненном Георгием Мелия задании, которое ему поручила советская власть. Эта память спецслужб длится порой десятилетия, и даже «живет» после смерти человека, непосредственно причастного к «делу».

4

С самого начала совместная жизнь молодых супругов не заладилась: Мелия, тридцатилетний холостяк, грузин, вероятно, страстно ревновал всех подряд к привлекательной двадцатитрехлетней девушке с пронзительным взглядом. Поэтому

не исключено, что он пытался каким-то образом влиять на Гаяну, обращаясь с невестой слишком строго, она же чувствовала себя независимой и эмоционально не связанной с «женихом» по рассудку, что и служило, по всей вероятности, поводом для определенных конфликтов.

Письмо Гаяны от 23 сентября 1935 года, написанное уже из «другого мира», в подконтрольном НКВД пространстве, т. е. из владений графа Алексея Толстого в Детском Селе под Ленинградом, вполне отражает взаимоотношения Гаяны и Мелия. Я предполагаю, что письма «оттуда» читались м. Марией и они ее не утешали. Ведь ею было дано благословение на венчание с Мелия, а дочь писала о хороших отношениях с другими мужчинами (о как бы возможном браке с А.Толстым — Алешей):

«Вообще в всеобщем представлении (кажется), что приехала дочь поэтессы Кузьминой-Караваевой, развела Алешу, и они поженятся в ближайшем будущем и уедут в Москву. Это совершенно достоверно говорят все до такой степени, что я не знаю, как мне отбояриваться от всяких обедов, вечеров и т. д.»

И о дружбе с Александром Осиповичем Старчаковым:

«Вам это покажется странным, как я с моей орфографией, с моим знанием языка на это пошла. Но не забывайте, что у меня есть друг, совершенно очаровательная личность, он мне помогает, редактирует, а после этого обыкновенно мы с ним долго-долго беседуем на литературные темы. Вот уже несколько раз мы говорили только о Льве Толстом: теперь скоро будет его юбилей, — и готовятся работы о нем. Одну из них взял мой друг Старчаков <..> Я страшно довольна нашей дружбой с ним, так как это мне дает не только очень ясные понятия о литературе, но также и общеобразовательные. При этом он старый коммунист, и я в сопровождении с ним расту партийно многим больше чем на заводе или же даже при чтении книг[20].

---

[20] Орфография — как в источнике. Из комментария А.Н. Шустова вытекает, что Гаяна работала в Ленинграде на макаронной фабрике электриком или занимала такую должность. См.: *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой... Выделено мной. — *Г.О.*

Кем был Александр Осипович Старчаков, о котором так восторженно пишет Гаяна родственникам в Париж и который сумел так подлинно ее увлечь? Кажется, что речь идет об Александре Осиповиче Старчакове (1893–1937), известном писателе и литературном критике, который руководил ленинградским отделением редакции газеты «Известия», члене Союза писателей СССР, сотруднике Алексея Толстого (1883–1945). Старчаков был по национальности евреем, родился в Киеве. Член Всероссийской коммунистической партии (большевиков) с 1919 по 1936 г., но это вовсе не спасло его от кровавых репрессий. После ареста Старчакова 4 ноября 1936 г. Толстой отрекся от знакомства с ним. На выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР в Ленинграде 19 мая 1937 г. Старчакова обвинили по статье 58-8-11 Уголовного кодекса РСФСР[21], приговорили к смертной казни и на следующий день расстреляли. Старчаков был реабилитирован посмертно как жертва сталинского террора[22].

Но в особняке Алексея Толстого пребывал не только Старчаков, который по возрасту мог быть даже отцом Гаяны,

---

[21] Ниже историческое содержание известной в СССР статьи Уголовного кодекса, на основании которой обвинили и приговорили А.О. Старчакова: «58.8. Организация в контрреволюционных целях террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций, а равно участие в выполнении таких актов, хотя бы отдельный участник такого акта и не принадлежал к контрреволюционной организации, — меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2. 58.11. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных или особо секретных должностях при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, — меры социальной защиты, предусмотренные 1 частью статьи 58.2». Цит. по: Статья 58 уголовного кодекса РСФСР: http://www. solovki. ca/gulag_solovki/20_01.php [30.IX.2012].

[22] См., например: Старчаков Александр Осипович; http://www. el-history. ru/node/1316 [30.IX.2012]; http://www. vse-adresa. org/book-of-memory/bukva-17/name-91/surname-7/repression-0 [30.IX.2012]; http://visz. nlr. ru/searchAists/all/241_84.html [30.X.2012].

так же как и сам Толстой, которому в 1935 году исполнилось пятьдесят два года, но, несмотря на это, им еще увлекались женщины. Пьер Эрбар, который в декабре 1935 года прибыл в Ленинград, а затем посетил владение советского графа, вспоминал:

«На родину Советов я прибыл через Ленинград. В Детском Селе, в очаровательном особняке Алексея Толстого меня ждала подруга. Хозяин дома отсутствовал, но у него обитало много народа: две красивые молодые женщины-пианистки, мрачнейшего вида инженер, два будущих офицера из военной академии, поэт, наконец, две старушки»[23].

Подругой, о которой пишет Эрбар, могла быть именно Гаяна Кузьмина-Караваева. А разве инженером мрачнейшего вида не был сам Георгий Мелия?

Если это так, поразмышляем над этой информацией: Важа Кикнадзе написал, что Мелия до конца 1935 года работал в советском посольстве в Париже, значит — он не мог находиться в то же самое время во владении Толстого; во-вторых, если бы Важа Кикнадзе ошибся, а это также возможно, то приезд Мелия в Ленинград не мог наступить до 17 декабря 1935 года, ибо в этот день Мелия удостоверял свой диплом в Генеральном консульстве СССР в Париже, о чем однозначно свидетельствуют красная печать и дата — 17 декабря 1935 года, помещенные на обратной стороне диплома Мелия[24]. Но после этого срока Мелия мог уже приехать в СССР и встретиться с Гаяной в Ленинграде, остановившись в доме Толстого. И тогда, действительно, — «мрачнейшего вида инженер», о котором упоминает в своих воспоминаниях Пьер Эрбар, был Г. Мелия.

---

[23] *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией... С 43. Выделено мной. — *Г.О.*

[24] Этот факт является одним из примеров методики следственной филологии: без доступа к инженерской дипломе Мелия и ознакомления с наличием на обратной её стороне нужных записей и печати, не удалось бы установить так существенных деталей, связанных с потенциальным пребыванием Мелия в доме Алексея Толстого.

5

29 сентября 1935 г. Гаяна посылает м. Марии в Париж открытку, сразу же после того, как Алексей Толстой развелся со своей женой и во владении графа она осталась с ним одна: «Пока мы живем с А.Н. вдвоем, и это очень приятно <..> Алеша прямо чудо какой хороший, еще немного, и я прямо влюблюсь в него»[25].

В доме писателя Гаяна работает его секретарем, она отвечает на письма и звонки, принимает гостей и заграничных корреспондентов.

Мог ли отдаленный на сотни километров Мелия, как официальный жених, ревновать Гаяну и опасаться ее чувств, зная, что в «царских владениях» рядом с ней живет небезразличный к женскому полу Алексей Толстой и другие интересные мужчины? Думаю, что ревность разъедала их связь даже на расстоянии. Ибо Гаяна в письме от 23 сентября 1936 года открыто заявляет о напряженных отношениях с Жоржем (Георгием), как звали Мелия в узком кругу друзей:

«Сначала получала изредка письма от Жоржа, теперь он, кажется, совсем рассердился на меня за то, что запереть на ключ не может и даже не знает, к кому ревновать. <..> Написал, что между нами все кончено. Ну и тем лучше, а то матрос с мужем — это странно. <..> Кроме всего прочего, жива и здорова; хорошо, очень хорошо себя чувствую и довольна жизнью»[26].

Впрочем, как это вытекает из книги Доминик Десанти, у «благословленных супругов» — правоверного коммуниста и увлеченной СССР молодой бунтарки — были явные недоразумения еще в Париже.

Очарованную коммунистической иллюзией Гаяну, с упорным желанием выезда в страну большевиков[27], что-

---

[25] *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией... С. 43. Выделено мной. — *Г.О.*

[26] *Шустов А.Н.* Е.Ю. Кузьмина-Караваева (м. Мария) и Алексей Толстой: контакты (письмо Гаяны для печати любезно предоставлено литературоведом Н.М. Каучишвили (Италия)): http://mere-marie. com/110.htm [30.IX.2012].

[27] Сергей Есенин назвал ее публично страной негодяев. Такое же заглавие имеет одна из политически сильнейших его последних поэм, опубликованная в 1924 году: «Страна негодяев».

бы радикально изменить порядок жизни и освободиться от материнской опеки — не покидали, однако, плохие предчувствия. Наверняка мать Мария предупреждала дочь об опасности, связанной с замыслом Гаяны выйти замуж за советского гражданина и покинуть Париж навсегда. Мать Мария, несмотря на переполняющее ее доверие к людям и веру в Божье Провидение, как мать, как обыкновенный человек, собирала информацию о своем неожиданном кандидате в зятья и, несомненно, знала о нем значительно больше, чем могла представить Гаяна. Об опасениях м. Марии свидетельствуют хотя бы следующие слова из книги Десанти:

«Письма, редко датированные, содержат некоторые намеки относительно тени, законного супруга, Жоржа Мелия. Был ли меж ними роман, о котором Толстой рассказывал матери Марии? Девушка с досадой упоминает, что "ничего не знает" о том, что творится за ее спиной. В письме от 24 июля она прямо говорит о том, упоминая о "родителях Жоржа": "Мама, то, что ты предсказывала, совершилось. Правда, не в той форме, в которой ты думала. Мой мари (mari — муж по фр.) появился на горизонте, он не отходит от меня ни на шаг, и я страшно глупо себя чувствую". (...) В одном из следующих писем, недатированном: "наряду с приятной стороной дела есть и ужасно тяжелая. Это "мари". Он мне так надоел, я просто не знаю, что делать. Ходит, как собака за мной". Гаяна продолжает: "Вчера был у них обед, и я не знала, как себя вести". Он жалуется на преследование "грустными и печальными глазами"; на которые она отвечает "безразличными взглядами"»[28].

Союза не получилось. Не напоминало ли это м. Марии о собственной неудаче с человеком, который, по всей вероятности, был настоящим отцом Гаяны? Может быть ее беспокоило неадекватное состояние Мелия?[29] Не мог ее оставить равнодушной и факт открытого атеизма «зятя», а также

[28] *Десанти* Д. Встречи с матерью Марией... С. 40–41. Выделено мной. — Г.О.

[29] В оценке Георгия Лещенко, проживающего в Париже крестника Даниила Ермолаевича Скобцова (второго мужа Елизаветы Кузьминой-Караваевой), Георгий Мелия вел себя в эмиграции странно.

разного рода искушения, которым подвергалась ее пылкая и неопытная дочь в СССР.

6

Я уже писал, что Гаяна Кузьмина-Караваева умерла в четверг 30 июля 1936 года, а не 30 августа 1936 года, и была похоронена на Преображенском кладбище в Москве в субботу 1 августа, в аллее 10–20. Факт похорон был отмечен в кладбищенской книге под номером 2750 от 1 августа. Судя по ней, причиной внезапной смерти женщины был брюшной тиф. Возможно, что так и было на самом деле, но возможна и другая гипотеза, согласно которой настоящей причиной смерти молодой женщины был не брюшной тиф, а другая болезнь или тяжелые осложнения.

Приведу полученные мной недавно документы из Франции. Благодаря доброжелательности Елены Дмитриевны Клепининой-Аржаковской, дочери отца Димитрия Клепинина, одного из самых близких сотрудников м. Марии, и редкостной вежливости профессора Татьяны Владимировны Викторовой из университета в Страсбурге оказался возможным доступ к выпискам из писем Георгия Мелия, составленным м. Елизаветой (в миру Софьей Вениаминовной Медведевой; 1890–1974), ровесницей м. Марии[30]. Эти фрагменты, обработанные рукой м. Елизаветы, я привожу с сохранением структуры подлинника и его правописания[31]:

---

[30] Это о м. Елизавете Ариадна Васильева в романе «Возвращение в эмиграцию» напишет: «Но помимо постоянных жильцов на Лурмель толклось куда больше народу, не считая приходящих в церковь. Я уже называла Пьянова и Ольгу Романовну. Была еще такая Софочка, существо экзальтированное, восторженное, поклонявшееся матушке и обожавшее Юру. Мать на Софочкины изъявления чувств смотрела скептически, сбивала иронией. Софочка занималась исключительно делами церкви вместе с Константином Мочульским. Он же был церковным старостой». См.: *Васильева А.* Париж, улица Лурмель, 77 : http://mere-marie.com/life/parizh-ulitsa-lurmel-77/ [4.X.2012]. У Георгия Лещенко я узнал, что «мать Елизавета Медведева была убита машиной, переходя улицу, в 1974 г.» [личная переписка от 8.X.2012].

[31] Выписки м. Елизаветы являются также ценным источником информации о ней, ибо они показывают почерк пишущего, по

Выдержки из письма мужа Гаяны Жоржа Мелия к матери Гаяны Е.Ю. Скобцовой о течении болезни Гаяны в последние дни ее жизни:

(*цифра 27 зачеркнута*)

«Во время болезни она мало говорила... когда она никого уже не узнавала ее трудно было заставить говорить...» «Сестра мне говорила, что в вечер 29-го (августа) до моего прихода врачу она повторяла номер дома квартиры...» «Это была тяжелая болезнь, она не говорила в последние дни, не могла, 41° т. и большая слабость. Только просила, числа 19-го... (августа)... не грустить что бы ни случилось (дословно)...» «Вечером 29-го (августа)... с врачем она повторяла номер дома квартира. Я пришел через несколько часов (в 7 ч. вечера и пробыл там до утра 30-го (августа)... (дата смерти)».

Из другого письма об установке креста на могиле:

«На днях мы вместе пойдем в Преображенское и исполним Ваше желание.. Вы вероятно знаете, что ставить крест разрешается, да если бы и не разрешалось, я бы все равно это сделал»...

Жорж

Как видим, мать Елизавета указывает сначала дату 27 — догадываюсь: сентября 1936 г. — после чего зачеркивает 27-го. Причина такого действия мне пока не известна, но, наверное, была какая-то причина, которая оправдывает то, что она резко зачеркнула поставленные цифры. Несомненно, что рассматриваемые нами выдержки относятся по крайней

которому видно, что она была женщиной немолодой. В свою очередь орфографические ошибки свидетельствуют о пробелах в образовании. Можно увидеть также следы слабой свежей памяти, о чем говорит отсутствие кавычек, заканчивающих цитаты, и отсутствие точек, которые должны были завершать предложения. Оценку степени старательности выписок, выполняемых матерью Елизаветой, могу дать исключительно на основе письма Георгия Мелия м. Марии от 5 сентября 1936 г. Констатация в данном случае — положительная. Другие ее выписки отображают преобладание собственных орфографических ошибок по отношению к ошибкам самого Мелия. Конечно, и он не всегда писал согласно орфографическим и пунктуационным нормам, но в его письмах нет грубых ошибок, в каких можно было бы его подозревать на основании выписок, выполненных матерью Елизаветой.

мере к двум разным по времени письмам: одно из них удалось идентифицировать как письмо м. Марии от 5 сентября 1936 г., ибо я располагаю его ксерокопией, второе же — может быть позднее и отображает, между прочим, реакцию зятя на просьбу м. Марии, чтобы Мелия рассказал в подробностях, как выглядели последние недели жизни Гаяны. Из этого можно предположить: мать Елизавета могла сначала сделать выписки только из письма от 27 сентября 1936 года, а потом, дописав еще фрагмент из письма от 5 сентября 1936 года, она перечеркнула первоначальную запись, ибо ее выдержки теперь касались двух разных сентябрьских писем.

В выписках м. Елизаветы отчетливо проявляются «симптомы», характеризующие болезнь Гаяны. По достаточно сжатому описанию мы узнаем, что Гаяна болела (или находилась в агонии) по крайней мере 12 дней: 19 июля, а не августа она просила врача, чтобы не грустить из-за нее. Из ее просьбы вытекает, что болезнь должна была длиться уже несколько дней, возможно, даже неделю, тогда начало заболевания надо было бы искать приблизительно около 12 июля 1936 года. 19 июля состояние здоровья Гаяны позволило ей правильно оценить грозную ситуацию, и она попыталась утешить тех, кто был вместе с ней, и тех, о которых она думала. С каждым следующим днем она сильно слабела и 29 июля в жару она постоянно повторяла номер какого-то дома и какой-то квартиры. О каком доме и о какой квартире упоминала Гаяна? О своей, московской? О парижской? А может, о той, в которой проживал отдельно от нее Георгий Мелия, визита которого она так упорно добивалась? Не исключено, что в данном случае речь могла идти о Дурновском переулке — дом 1, номер квартиры 21, т. е. о том самом адресе для корреспонденции, который зять м. Марии указал ей в письме от 25 сентября 1936 года?[32] Трудно исключить и ту печальную возможность, что Гаяна в состоянии интоксикации мозга повторяла номер дома и квартиры, в которой мог быть совершен (предполагаемый) аборт. Но это мог быть и совсем

[32] Nomen omen, Елизавета Кузьмина-Караваева, когда осенью 1913 г. приехала в Москву, тоже проживала тогда в Дурновском переулке на Арбате, в доме 4, в квартире номер 13.

другой номер дома и квартиры, связанный с делом, о котором мы, пожалуй, никогда не узнаем.

В ходе болезни (агонии) Гаяны за дочерью матери Марии ухаживали сестра и врач. До определенного времени не было известно, о какой сестре писала мать Елизавета — о сестре в значении «медсестра» или, например, родной сестре Георгия Мелия. Сегодня мы уже знаем, что у Мелия не было сестер, следовательно — это была медсестра.

За Гаяной ухаживал врач, которому пациентка в горячке постоянно повторяла «номер дома квартиры». Из факта, что о Гаяне заботились в домашних условиях сестра и врач, вытекает однозначно, что болезнь Гаяны не принадлежала к эпидемическим, и на этом основании можно исключить рассматриваемые нами раньше эпидемические болезни, т. е. сыпной, брюшной тиф и дизентерию как непосредственную причину смерти Гаяны. Если бы Гаяна заболела одной из этих заразных болезней, ее наверняка ждало бы больничное, а не домашнее лечение.

Но жизнь, как известно, пишет нередко свои сценарии, а это означает, что Гаяна, несмотря на то что она болела брюшным тифом, могла все-таки оставаться дома, и тогда версия о болезни жены, переданная Мелия родственникам, а мне — Важей Кикнадзе, может быть полностью правдивой.

По словам Мелия, дочь матери Марии съела немытые фрукты, которые она купила на рынке, в результате чего заболела дизентерией[33], из-за которой его молодая жена и умерла; причем Мелия добавил, что Гаяна умерла в больнице. В свете того, что я представил выше, и того, что было написано мною в первой статье на тему обстоятельств и причины смерти Гаяны, версия Мелия не всегда сходится с моими гипотезами. Однако она очень правдоподобна, и можно с ней согласиться, не задавая лишних вопросов. Если даже было на самом деле иначе, то я считаю, что сам Мелия не искал правды, особенно тогда, когда — как предполагаю — он не проживал с Гаяной

[33] Не исключено, что Георгий Мелия не отличал дизентерию от брюшного тифа, и отсюда возникли неточности между его словами и записью в кладбищенской книге, в которой указывается именно на брюшной тиф как причину смерти Гаяны.

под общей крышей. Обнародование этого факта могло бы порождать множество новых, стесняющих вопросов.

Если все-таки отвергнуть версию Мелия о причине болезни и смерти Гаяны и опереться на свидетельство, данное Ниной Берберовой, тогда вновь возвращается мрачное подозрение, что Гаяна могла нелегально сделать аборт (или даже сделала его сама, что в те времена не было чем-то необыкновенным), причем — не в больничных условиях, и поэтому она пребывала дома, чтобы от всех скрыть этот факт. Не исключено, что если бы она не порвала отношений с Алексеем Толстым, то он мог бы предложить своей крестнице профессиональную медицинскую помощь, и тогда, по всей вероятности, не дошло бы до заражения. Гаяна порвала связи с красным графом незадолго до переезда в Москву, что, несомненно, не помогло ей при жизненном старте в столице.

После вероятного аборта, сделанного вне больницы, в результате быстро развивающейся интоксикации и заражения всего организма Гаяна слабела и страшно умирала, борясь с сепсисом. Надо добавить, что в 30-х годах XX века не знали и не применяли антибиотики, которые сегодня применяются при лечении заражений. Если это было заражение организма, то сепсис у Гаяны нашел идеальную почву для развития в ее организме. Слабые легкие и предрасположение к туберкулезу уже сформировали микробную среду и ослабили иммунную систему девушки[34]. Смертность от сепсиса даже в наше время, в условиях интенсивной терапии,

[34] Согласно информации, полученной от Елены Дмитриевны Клепининой-Аржаковской, несовершеннолетняя Гаяна болела первичным заражением и из-за этого она лечилась в Бельгии (не исключено, что речь идет о primo-infection tuberculeuse). Из приводимой книги Доминик Десанти мы знаем, что семья Скобцовых в первые годы эмиграции проживала в очень плохих бытовых условиях, во влажных и холодных помещениях, которые способствовали возникновению воспалительных процессов в организме и развитию заболеваний, в том числе и туберкулеза. Плохие бытовые условия сыграли, кажется, роковую роль в смерти младшей дочери Скобцовых, Анастасии. Склонность к заболеванию туберкулезом проявлял также Юрий Скобцов. Так как Гаяна все время пребывала с семьей, ей также угрожали те же опасности для здоровья, как и для всех остальных Скобцовых.

остается очень высокой: при сепсисе она достигает 16%, при тяжелом сепсисе — 36%, а в случае септического шока достигает даже 58%[35]. Как известно, средняя продолжительность лечения сепсиса — это около 19 дней. Раньше я указывал на 12 июля 1936 г. как потенциальное начало болезни Гаяны. Итак, если я не ошибаюсь, тогда, 30 июля 1936 г., будущим днем ее смерти, данный период сходился бы со средней 19-дневной продолжительностью лечения сепсиса. Это мой дополнительный аргумент в пользу выдвинутой гипотезы о сепсисе как непосредственной причине смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой.

Вернемся еще к вопросу о брюшном тифе, чтобы найти в его протекании признаки, сходные с тем, о чем свидетельствуют выписки, сделанные м. Елизаветой. Итак, источником заражения брюшным тифом может быть все, что содержит в себе палочки *Salmonella typhi*, т. е. прежде всего грязная вода и немытые фрукты (это совпадает с версией Мелия). Для брюшного тифа характерна жара, крайнее истощение, боли в животе, а также — что могло быть у Гаяны — признаки отравления эндотоксинами, проявляющиеся рассеянностью сознания (бредом). Это воспаление мозга могло быть результатом сильного отравления, и оно проявлялось в нерациональном, как казалось, повторении одного и того же номера дома и квартиры. Брюшному тифу сопутствует также эритемная сыпь, выступающая на груди или эпигастральной области. Неопытный врач может иногда перепутать этот род кожных изменений с кровоизлияниями, которые появляются на коже в результате сепсиса. Напомним: как брюшной тиф, так и сепсис требуют лечения антибиотиками, а их в тот момент среди медикаментов, к сожалению, не было.

Хочу еще представить компромиссную гипотезу, которая объединяет исключающиеся на первый взгляд версии. Можно допустить, что свидетельство, оставленное нам Георгием Мелия о том, что Гаяна съела немытые фрукты, в результате чего возник брюшной тиф, от которого молодая жена умерла, — абсолютно соответствует фактам, но только

[35] Zob. np.: *Szczeklik* A. Choroby wewnqtrzne. Krakow, 2005. T. II. S 268.

частично. Вторая часть обстоятельств, которых Мелия не знал или не хотел обнародовать, могло касаться потенциальных последствий аборта. В одно и то же время, в одном и том же месте, как в греческом театре, сошлись две болезни: брюшной тиф и сепсис. Такой бактериологической бомбы не выдержал бы даже сильнейший организм. Для самого Мелия, т. е. по чисто человеческим соображениям, официальная версия тифа, поданная для родственников в Париже, была наиболее приемлемой. Учитывая представленные выше обстоятельства, можно предположить, что врач, подписывающий свидетельство о смерти, мог спокойно, в согласии с собственной совестью и с полной безопасностью указать на брюшной тиф, а не на сепсис как непосредственную причину смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой.

Никто ведь не требовал от врача, чтобы тот определял две причины смерти или только одну, но зато невыгодную для Гаяны и ее мужа. Диагноз врача не мог также вызывать подозрений, а потенциальный внешний осмотр трупа должен был лишь подтверждать, что смерть дочери м. Марии наступила от заразной болезни. Врач, констатирующий смерть, должен был учитывать и возможность проведения вскрытия трупа, а вскрытие в свою очередь могло бы обнаружить семейные тайны, о которых лучше было даже не узнавать. Кажется, что вскрытия трупа, однако, не было и никто, пожалуй, о нем не просил. Заразные болезни были в то время достаточно распространенными, а смертность от них относительно большая, особенно среди младенцев. В общественном мнении смерть Гаяны Кузьминой-Караваевой была еще одной преждевременной гибелью, к которой люди отнеслись совершенно равнодушно[36].

---

[36] С поражающим равнодушием со стороны высоких лиц в русской эмиграции в Париже столкнулась м. Мария после ее ареста гестаповцами и отправки в концлагерь. Ее бывший муж, Даниил Ермолаевич Скобцов, не без упрека вспоминал: «Остался лишь осадок горечи от людского малодушия и безучастия. Или вот еще: очень высокое лицо в эмиграции встретило меня словами: — Язык ей следовало бы подрезать, болтала очень много, — а в дальнейшем разговоре то же лицо сказало: — У меня была оттуда (то есть из дома матери Марии) одна дама, которая сказала, что матери Марии, может быть, и поделом, а

7

О том, что Гаяна не проживала в Москве вместе с Мелия, свидетельствует деталь, которую я нахожу в приведенных выше выписках, сделанных рукой матери Елизаветы. В одном из писем он сообщает, что появился у Гаяны через несколько часов в семь вечера 29 (наверное, июля) и — что чрезвычайно важно — ОСТАЛСЯ ТАМ до утра 30 (июля), т. е., по всей вероятности, до момента смерти жены или до тех пор, пока он мог остаться до ухода на... работу, а добросовестному коммунисту не полагалось опаздывать. Я убежден в том, что тот, кто проживает совместно под одной крышей, не напишет, что остался в данном помещении до определенного времени. Это, конечно, мелочь, но очень существенная. Поэтому гипотеза, согласно которой Гаяна и Георгий Мелия, официально заключив брак, вместе не жили, находит теперь обоснование в письме самого Мелия.

Мать Елизавета последовательно указывает на август как месяц страданий и смерти Гаяны. Я не знаю причины, по которой она так делает, но я не исключаю, что в ее выписку вкралась обыкновенная описка: если дата, проставленная Мелия, состояла из римских цифр, то вместо двух черточек после римской пятерки (VII) мать Елизавета могла механически увидеть три черточки (VIII), и таким образом июль сделался августом. Главное, что дни болезни (а может, все-таки, агонии) совпадают во времени. Но необязательно должно быть так, как я заметил, ибо в известных мне письмах Мелия всегда каждый месяц писал словами: полностью или в сокращенном виде, но словами. Откуда тогда взялся август? Чтобы ответить на этот вопрос, надо обязательно добраться до источника, т. е. до соответствующего письма Мелия, посланного матери Марии, по всей вероятности от 27 сентября 1936 года.

И еще об июле или августе: в воспоминаниях К. Мочульского (архив Кривошеиных) есть запись «в июле 1936 г. мать Мария получает из России известие о смерти ее дочери Гаяны».

вот жалко о. Дмитрия». Zob.: *Варшавский В.* Незамеченное поколение... С. 372.

8

В поиске данных к биографии Георгия Мелия появился также совершенно неожиданно — что вовсе не значит, что случайно — след, который я назвал бы словом «тартуский». Почему тартуский? По нескольким причинам.

Сперва Ксения Игоревна Кривошеина прислала мне 14 сентября 2012 г. из Парижа известие о том, что она получила от своего знакомого скан библиотечной карточки, из которой вытекает, что некий Георгий Теймурович Мелия является автором книги *Счетно-логарифмический прибор для измерения расстояний по чертежам и автоматического умножения или деления этих расстояний на заданное число*[37]. Эта книга была издана в 1951 году московским Государственным издательством архитектуры и градостроительства. Ксения Кривошеина не была убеждена в том, имеет ли данная библиографическая справка нечто общее с Георгием Мелия, мужем Гаяны Кузьминой-Караваевой, ибо она не знала — впрочем, не только она одна — отчества Георгия Мелия. Итак, я решил неотложно проверить, пользуясь ресурсами интернета, эту неожиданную информацию, которая по времени совпала с доступом к иному документу, также возникшему в 1951 году и касающемуся сообщения отца Стефана о состоянии могилы Гаяны Кузьминой-Караваевой.

При проверке ресурсов оказалось, что только в электронных фондах г. Тарту находится разыскиваемая мной работа Мелия. Стоит заметить, что даже скрупулезная государственная библиотека, какой справедливо считается Российская государственная библиотека в Москве, не отмечает в своей электронной базе интересующего нас труда. Но это еще не означает, что данной книги нет в фондах популярной Ленинки.

В связи с тем, что только г. Тарту отметил вышеупомянутую работу Мелия, появилась на первый взгляд совершенно

---

[37] *Мелия Г.Т.* Счетно-логарифмический прибор для измерения расстояний по чертежам и автоматического умножения или деления этих расстояний на заданное число. М.: Государственное издательство архитектуры и градостроительства, 1951.

неправдоподобная мысль о том, что после смерти Гаяны вдовец переехал из Москвы в Тарту и был там преподавателем, например на факультете архитектуры, ибо из писем 1936 года, адресованных м. Марии и Софье Борисовне Пиленко, вытекало, что именно эта область является его страстью и он подходит к ней совершенно профессионально. Поездка в Эстонию, в Тарту, могла быть продиктована разными поводами, тем, например, что молодой вдовец пытался как можно быстрее забыть о пережитой травме и скоро уехать из мест, которые напоминали бы ему московскую действительность и Гаяну. Если мы допустим, что он имел отношение к НКВД, то тогда он мог каким-то образом пробраться в Эстонию, чтобы избежать последствий надвигающихся сталинских чисток, достигших своего апогея в 1937 году. (Напомню, что Эстония была тогда независимым государством.)

За помощью в проверке тартуского следа я обратился к нескольким профессорам из Польши и Латвии: Б. Жидко из Гданьского университета, Леониду Столовичу и Сергею Исакову из Тартуского университета[38]. Благодаря их помощи удалось установить, что некий Георгий Теймурович Мелия никаким образом не связан ни с Тарту, ни с Эстонией. Следовательно, тартуский след не оказался верным, хотя стал вполне пригодным, ибо он позволил отбросить уже с самого начала версию, которая не имела шансов для того, чтобы найти ей фактографические обоснования. Исследовательская интуиция подсказала мне, однако, правильную дорогу, так как действительно в конце 1937 года Мелия уехал из России в Грузию, в Тбилиси, и остался на родине до конца своей жизни. Тартуский след обратил также мое внимание на неправильность записи отчества Мелия: вместо «Теймуразович» автор библиотечной карточки записал ошибочно «Теймурович».

[38] Уважаемых профессоров — Богуслава Жидко, Леонида Столовича и Сергея Исакова — сердечно благодарю за дружескую помощь в выяснении дел, связанных с поисками данных к биографии Георгия Мелия.

9

Итак, мы подошли к концу поисков. Перед нами законченный на данный момент вариант биографии загадочного зятя м. Марии Георгия Теймуразовича Мелия.

Георгий Теймуразович Мелия (1905–1980), родился 17 марта 1905 г. в Ташкенте; средний сын квартирующего в этом городе царского подполковника, грузина из Мегрелии[39] — Теймураза Спиридоновича Мелия (1871–1953, Тбилиси) и француженки Блянш Гунон (Blanche Gounon; 1881,Франция — 1949, Тбилиси). У него было два брата: старший, Сергей, умер достаточно рано, в 1940–50 гг. XX века, а младший, Вахтанг, пережил его на 10–15 лет. Мелия очень слабо говорил по-грузински, зато бегло по-русски и по-французски. Он был худого телосложения, рост — ок. 170 см. В 1924–1936 гг. Мелия пребывал во Франции и благодаря финансовой поддержке богатой тетки Марии-Луизы Гунон (в замужестве Папильон), проживавшей в Ламотт-Беврон (Lamotte-Beuvron) под Парижем, он изучал инженерию в Эколь Сентраль (Ecole Centrale) в Париже, в одной из лучших французских политехнических школ, причисляемых к так называемым Великим школам (Grandes Ecoles), которую он окончил в 1930 г.; раньше, в 1924 г., Мелия прошел подготовительные курсы в Амьене (Amiens). В Париже он был членом Союза советских студентов. Некоторое время, с конца 1934 до конца 1935 г., работал в советском посольстве в Париже в качестве переводчика при торговом атташе. В июне 1935 г. Мелия познакомился с Гаяной Кузьминой-Караваевой и сделал дочери м. Марии (Скобцовой) предложение, чтобы предоставить ей возможность выехать в СССР и получить там работу. Предложение было принято,

[39] Мегрелия (Мингрелия) — регион в западной Грузии, в котором проживает грузинское население, говорящее на мегрельском языке. Известным в истории СССР человеком, который родился в Мегрелии, был ближайший сотрудник Иосифа Сталина — преступник Лаврентий Берия (1899–1953), начальник НКВД, в огромной мере отвечающий за ужасные чистки сталинских времен и убийство польских офицеров в Катыни. Такими горькими мыслями поделился бывший муж м. Марии со своим крестником, Георгием Лещенко (проживает в Париже). Из частной переписки. — *Г.О.*

и 22 июля 1935 г. Гаяна Кузьмина-Караваева уехала из Франции, направляясь вместе с Алексеем Толстым, ее крестным отцом, в Ленинград. По всей вероятности, в конце декабря 1935 г. Мелия также уезжает из Франции, встречается с Гаяной Кузьминой-Караваевой в Ленинграде, и некоторое время они вместе проживают у Алексея Толстого в Детском Селе. В конце декабря 1935 – начале 1936 года Мелия переезжает в Москву в поисках работы и квартиры для совместной жизни. В 1936 г. на Всесоюзной строительной выставке он был инженером-референтом при технической библиотеке. 30 июля 1936 года скончалась Гаяна Кузьмина-Караваева. В 1937 г. Мелия был практикантом в московском всесоюзном тресте «Совтехмаш». В конце 1937 г. он уехал в Тбилиси и занялся гелиотехникой; вел почти отшельнический образ жизни. С 1938 до 1941 г. Мелия работал инженером-практикантом в грузинской государственной проектной фирме «Грузгоспроект». В период с июня 1941 по сентябрь 1945 года, во время Второй мировой войны, Мелия служил в Красной армии сержантом Медсанбата (он изобрел дезинфекционную камеру, работающую в полевых условиях). Конец войны он встретил в Болгарии. Больше за границу Мелия не выезжал и не встречался с м. Марией, не отвечал на письма родной тетушки Марии-Луизы Гунон, которая оставила ему во Франции наследство. Советские власти эффективно препятствовали ему в развитии научной карьеры, не разрешая защиту кандидатской диссертации. В последние годы своей профессиональной жизни Мелия работал в Тбилисском зональном научно-исследовательском институте экспериментального проектирования. В 1970-х гг. Мелия считался в Грузии одним из лучших специалистов в области света и солнца.

Вдовцом он оставался до 1978 года, т. е. до момента официального заключения брака с Ириной Михайловной Сакварелидзе (1927–2005), специалисткой в области генетики растений. С Ириной Сакварелидзе, дочкой ученого-агронома Михаила Евстафьевича Сакварелидзе, Мелия познакомился в 1968 г. Она была моложе его на 22 года. Ирина Сакварелидзе не меняла фамилию ни при первом браке, когда вышла

Фото 7.
Надгробная плита на могиле Георгия Теймуразовича Мелия на кладбище в Ваке (Тбилиси) с надписью. Из архива Важи Кикнадзе. Публикуется впервые

замуж за Ивана Кикнадзе, ни при втором, когда она вышла замуж за Георгия Мелия. Его пасынок Важа Иванович Кикнадзе, известный в Грузии профессор истории. Георгий Теймуразович Мелия был изобретателем. Он также автор книги «Счетно-логарифмический прибор для измерения расстояний по чертежам и автоматического умножения или деления этих расстояний на заданное число», изданной в 1951 г. в Москве Государственным издательством архитектуры и градостроительства. Мелия умер 16 августа 1980 г. в Тбилиси, и его похоронили на столичном кладбище в Ваке рядом с родителями. У Мелия не было детей. В 2005 г. возле мужа захоронили Ирину Сакварелидзе.

10

Я не исчерпал, конечно, всей проблемы, связанной с Георгием Мелия. В поле наблюдения остаются прежде всего его письма, отправленные теще и ее матери — Софье Борисовне Пиленко. Спонтанные письма Мелия являются настоящим источником графологических знаний об отправителе и содержат ценную информацию о нем как о человеке: о его здоровье, настроениях, навыках, боязнях и проч. Одновременно они становятся лишним примером «зажатости» высказываний, самоконтроля из-за перманентной советской перлюстрации. Нет в письмах Мелия, по моим ощущениям, естественности, продиктованной семейной близостью,

и личной трагедии в связи со смертью Гаяны. Я не знаю, правда, всех писем Мелия, адресованных м. Марии и С.Б. Пиленко, но даже на основании тех источников, которыми располагаю, могу утверждать, что письма Мелия характеризует сухой стиль, типичный для отчетов, и нет в них своего рода «безумия» и искренней боли. Зять м. Марии пишет о последних месяцах и днях Гаяны каждый раз как будто по некоему политическому принуждению, систематически подчеркивая, что ее дочь на самом деле была счастливой; иначе и написать он не мог, ибо тогда его письма не попадали бы в Париж, а их отправителя посетили бы гости из НКВД.

11

В заключении, которое может оказаться началом очередного расследования, можно прийти к выводу, согласно которому м. Марию (можно допустить!) долго, если не до последних ее дней, не могла не мучить мысль, что она не смогла стать хорошей матерью для своих детей. Она, которая отдавала все бедным и страждущим, слишком мало времени уделяла своим детям. И сын и дочь, безусловно, страдали из-за развода с Д.Е. Скобцовым. Деятельность в православном христианском движения РСХД, в которую Е.Ю. Скобцова вовлеклась всей своей душой, требовала частых и длительных разлук с семьей. Мать троих детей готовилась к новой миссии, к постригу, к тому, чтобы стать матерью всем Божьим детям. Но из-за слишком поздно оказанной медицинской помощи умирает сначала Анастасия. Вероятно, слишком поздно м. Мария осознает, что и в воспитании Гаяны она допустила несколько существенных ошибок. С разводом по обстоятельствам, под влиянием и уговорам митрополита Евлогия, не помирился с ней (до конца) Даниил Ермолаевич Скобцов, утверждая, что м. Мария разрушила его жизнь. Мои слова следует понять правильно. Они не должны звучать как обвинение в адрес этой великой женщины, скорее всего, они служат неким оправданием ее пути, необходимости смирения перед судьбой, которая пишет собственные сценарии и выбирает талантливых людей, готовых на подвиг, принося в жертву обыкновенное семейное счастье. Именно на такой

духовный и физический подвиг решилась м. Мария, направив всю свою энергию на окормление бедных и несчастных русских эмигрантов. Благодаря ей возникла одна из красивейших страниц в истории современной Церкви, страница, беспрерывно живая и постоянно волнующая нас своими загадками.

Текст находится на сайте «Мать Мария» http://mere-marie.com/
(© Ксения Кривошеина).

ГЖЕГОЖ ОЙЦЕВИЧ

ПЬЕСА-МИСТЕРИЯ «СЕМЬ ЧАШ» — ПОПЫТКА РАСШИФРОВКИ ВЕЧНЫХ ЗНАКОВ

Творчество матери Марии (Скобцовой) относительно мало известно как в России, так и вне ее[1]. На такое состояние вещей повлиял и по-прежнему еще влияет факт эмиграции. После Октябрьской революции, в 1920 г., она уехала из России, а в январе 1924 г. обосновалась в столице Франции. Как известно, эмигрантские писатели принадлежали до падения СССР к разряду непубликуемых или к группе «проклятых» писателей, на которых была наложена строгая политическая печать молчания. Хотя ситуация в России со времен перестройки достаточно изменилась, но тем не менее последствия исторического надлома и вынужденной тишины все-таки остаются существенной причиной недоисследованости литературного творчества послереволюционных эмигрантов и изгнанников[2]. Эта участь досталась и на долю матери Марии, — поэзия, проза, драматургия, философские и религиозные сочинения которой терпеливо ждут не только глубокого, но и более широкого интереса со стороны современных

[1] См., напр.: *Hackel* (1965).

[2] Самый богатый, разнообразный и актуальный библиографически-критический материал о матери Марии можно найти на сайте русской эмигрантки Ксении Кривошеиной: http://mere-marie.com. См. также: *Krivochéine* (2012), *Кривошеина* (2004).

исследователей. Мы знаем очень мало о феноменальном наследии этой монахини, раздумья которой о судьбе человека, живущего в постоянном конфликте с самим собой и с миром — а также с Богом и Церковью, — занимают одно из главнейших мест в ее творчестве.

Мать Мария известна как поэтесса Кузьмина-Караваева, но помимо этого она является автором трех пьес-мистерий, о которых очень мало кто знает не только в России, но и в кругах польской русистики. Это «Анна», «Семь чаш» и «Солдаты»[3]. Незначительность исследований вытекает не только из слабой заинтересованности польских исследователей личностью этой «спорной» эмигрантки, но также из трудностей ее стиля, многоплановой поэтики, что особенно видно, когда она касается вечных вопросов и пытается своими сочинениями войти в страстный диалог с Создателем об устройстве мира, в котором пребывает не только зло, но и всепобеждающее добро[4].

В биографии самой матери Марии мы можем найти достаточно примеров, указывающих на ее бунтарство. Во многом иначе она относилась и к ортодоксальной церковной традиции, она по-своему понимала смысл собственного призвания и служения человеку: по ее убеждению, не в сугубой молитве за стенами монастыря и умерщвлении плоти можно оказать помощь нуждающимся — а таких среди русских эмигрантов были тысячи! — а в ежедневной, тяжелой работе с каждым сомневающимся или нуждающимся, в совершении бескорыстной жертвы в пользу бедных и кропотливой их поддержке. Именно это и составляло основной смысл высшей миссии монахини в миру Марии. Активная помощь должна быть направлена на то, чтобы делить по-христиански страдание, совместно его преодолевать, сохраняя в себе

---

[3] О мистерии «Анна» см., напр., *Laszczak* (2011b). О мистерии «Солдаты» — *Laszczak* (2012).

[4] Немалый вклад в популяризацию личности и творчества матери Марии в Польше внесла профессор Ванда Лящак из Опольского университета. См., напр.: *Laszczak* (2007), (2008), (2011a, 2011b). Исследованием писательства матери Марии занимается также автор настоящего эссе. См., напр.: *Ojcewicz* (2009), (2010), (2012), (2013), (2014a, 2014b, 2014c).

Христа даже в самые тяжелые жизненные моменты[5]. Только такой позицией можно объяснить благотворительную деятельность парижской святой и ее подлинное, материнское вовлечение в создание материальной поддержки для соотечественников и для каждого, кто о помощи просил или в помощи нуждался[6].

Пьеса-мистерия «Семь чаш», как и «Солдаты», была написана в первые годы Второй мировой войны, в 1942 году[7]. Три года военных действий оказались достаточными для м. Марии, чтобы в новой исторической ситуации Европы и мира найти существенные параллели между *Откровением святого Иоанна Богослова* и трагическими судьбами народов, втянутых в суровый, агрессивный круговорот игры тогдашнего тоталитаризма с милитаризмом и нацизмом в его немецко-советско-итальянских оттенках. Ее произведение является громким голосом православной монахини по важнейшим для человека вопросам, когда он задумывается о том, «почему мир во зле лежит» и о роле Создателя, который это зло допускает и терпит. Времена немецкой оккупации и Второй мировой войны данный вопрос обострили, доведя его до абсурдной яркости. Эта ненависть привела к тому, что многие поверили в силу Сатаны, освобожденного от оков и тюрьмы (в соответствии со словами Откр. 20:7) на определенное время, чтобы позволить торжествовать его злодеяниям до последней с ним самим и со Смертью расправы.

Никто не сомневается в том, что *Откровение святого Иоанна Богослова* принадлежит мировой христианской культуре, а как литературный текст — мировой культуре вообще, на который семиологи охотно ссылаются уже несколько десятилетий — его многозначность, многонаправленность,

---

[5] См., напр.: *Smith* (1965).

[6] Zob. np.: *Stołowicz* (2008. S. 505): «W tym czasie rozpoczęła się już druga wojna światowa, dzieląca emigrację rosyjską na tych, którzy przy pomocy Hitlera pragnęli zniszczyć ustrój sowiecki, oraz na tych, którzy włączyli się w ruch oporu i — **jak Matka Maria** czy inni szlachetni i odważni bojownicy oporu — zginęli w tej walce». Выделено мной. — *Г.О.*

[7] Пьеса-мистерия была опубликована впервые в Париже в 1949 г. в книге «*Мать Мария*. Стихи».

многослойность, сложная структура, дающая большие интерпретационные возможности очередным поколениям читателей этого уникального произведения. *Откровение* насыщено богатой символикой, метафорами, расцвечено цветами и сенсорными качествами, которые активизируют в процессе восприятия апокалиптических впечатлений все человеческие чувства. Это сложный с точки зрения сенсорики текст, который опирается прежде всего на зрительную и слуховую модальность, но он обращен в значительной степени и к ментальности иудеев — главному адресату данного сочинения, указанных самим святым Иоанном. Правильно замечает Роман Брандштеттер (*Brandstaetter* (2009). С. 732–733), когда пишет:

Сын Израиля, желая выразить обилие всех этих вопросов, пользовался языком символических картин и с их помощью старался рассказать о том, что является невыразимым. Отсюда и вырастает в староеврейской апокалиптической литературе — источником символики Откровения св. Иоанна Богослова является Ветхий Завет и староеврейская апокалиптическая литература — тот **особенный язык символов, трудный для прочтения людьми, воспитанными в греческо-латинской культуре и не ознакомленными с культурным наследием евреев**, *с их врожденной склонностью к мыслительным сокращениям и выражению чувств и мыслей с помощью часто многозначных понятий, а иногда даже с первого взгляда противоречивых, что для еврея вовсе и не было препятствием в прочтении правильного смысла: многозначность была доказательством скрытой в ней однозначности, а мнимое противоречие скрывало глубокую мудрость*[8].

Текст святого Иоанна Богослова, как собрание видений и символических картин, характеризуется значительной *типичностью,* а рассказанные Божьим визионером судьбы человечества — хаос, деморализация и гибель — направлены к страстной надежде на последнюю победу добра над злом, на

[8] Выделено мной. — *Г.О.*

эффективность Божьего вмешательства, которое восстановит на веки вечные порядок и веру в первоначальный замысел Создателя. В этом смысле произведение святого Иоанна имеет пророческий характер, вот почему мистерия «Семь чаш» обладает этой же редкой ценностью. Роман Брандштеттер (*Brandstaetter* (2009). С. 731) отмечает:

«Благодаря этой типичности Апокалипсис стал не только символической картиной случаев из раннехристианских времен, когда боги и люди безумствовали, но также **сверхсовременной картиной безумия всех богов и людей во все времена**. Меняются украшения, костюмы, меняется техника убивания, меняются методы и средства борьбы вместе со способом их литературного изображения, но **эссенция зла остается неизменной**»[9].

Войну в Европе, охватившую вскоре весь мир, мать Мария воспринимала как опасный знак (может быть, временного?) состояния победы зла над добром, как самое трудное испытание покорности, которому она подверглась сама, особенно в последние годы жизни, т. е. во время пребывания в концентрационном лагере в Равенсбрюке. Мистерия «Семь чаш» не только напоминала о записях в *Откровении святого Иоанна*, но и осовременивала и конкретизировала библейские видения путем отнесения их к жестокости, ассоциирующейся прямо с большевизмом и его идеологией, лишенной Бога, а также с немецким нацизмом и вписанным в его программу расизмом. Не исключено, что два апокалиптических всадника отождествлялись ею прежде всего с большевиками и нацистами — со Сталиным и Гитлером. Это они разрушали мир и создали прозрачную аналогию с *Откровением*. Они были как Дракон и Зверь в видении вдохновенного пророка.

О непосредственной связи мистерии «Семь чаш» с *Откровением* свидетельствует не столько даже заглавие данной пьесы, сколько ее содержание, основное место действия (пустынный остров, как бы Патмос) и главный герой пьесы — Иоанн, о котором автор не пишет, однако, что он Богослов. «Семь чаш» как заглавие является самым ярким интерпретационным знаком, с которого начинается произведение

[9] Выделено мной. — *Г.О.*

и вокруг чего сосредоточивается вся драматургия. Мы до сих пор не знаем, как эта пьеса была задумана матерью Марией. Представляла ли она ее в постановке на сцене? Опиралась ли она на классический принцип, согласно которому в ходе спектакля все герои находились в своих мансионах (определенных местах на сцене)? Мансионы были элементами устройства симультанической сцены, которые использовались главным образом во Франции во время средневековых или ренессансных мистерий. Но может быть, м. Мария представляла более классический театральный вариант, в котором применялись условные приемы «открывания—закрывания» актеров путем использования света и тени[10]. Это произведение, как, пожалуй, любая мистерия, не имеет отчетливых причинно-следственных связей. Вот почему ее фабула может создать ложное впечатление свода как бы случайных происшествий. Как это бывает в мистериях, отдельные сцены здесь связаны символикой и поэтикой аллегории. Эти приемы должны были, вероятно, открывать более глубокий смысл настоящей действительности, касаться работы духа и провоцировать зрителей на выработку собственной определенной позиции в отношении к Богу в самые трудные моменты жизни, а также сохранение смирения под натиском иррационального зла, ненависти и безнадежности.

Мистерия не ставит цели слепого копирования реального мира, что частенько присутствует в подобных пьесах, так как отчетливо ощущаются временно-пространственные скачки: с пустынного острова, ассоциирующегося с пребыванием на нем вдохновенного визионера Иоанна Богослова, до ночлежки и разрушенного полустанка (в бытие св. Иоанна железной дороги еще не было). Однако задуманный маршрут мистерии — с острова через ночлежку, разрушенную железнодорожную станцию... в Израиль в понимании матери Марии помогал достичь эффекта вечности происходящих событий, продолжительности во времени, которая начинается с Иоанна

[10] Мне известно, что осенью 2000 г. состоялась постановка этой мистерии в Париже. Автором перевода была Елена Аржаковская-Клепинина, дочь отца Дмитрия (1904—1944), близкого сотрудника матери Марии в Париже.

и кончается на нем, так как последняя часть пьесы составляет диалог скитника с молодым человеком по имени Прохор[11]. Поражает сходство с апокалиптическими противоположностями, когда говорится об Альфе и Омеге, Начале и Конце, Первом и Последнем. Такая конструкция пьесы может свидетельствовать о том, что в оценке м. Марии, история спасения мира вступила на качественно новый этап, этап неслыханно агрессивный и необыкновенно негуманный, в котором Дракон, Зверь и Лжепророк овладеют всем миром.

Мистерия «Семь чаш» состоит из девяти частей. Только в тех местах, в которых действие происходит на пустынном острове, постоянно выступают Иоанн с Прохором, в остальных же — появляются разные люди в различных обстоятельствах, приближая нас к событиям, которые можно соотнести с послереволюционной Россией, сталинским СССР, а также с расистской политикой Гитлера, от которой пострадал еврейский народ. Пьеса «Семь чаш» превосходно гармонирует с *Откровением святого Иоанна*, но свою мистерию автор дополняет современной тематикой, сценами, свидетельствующими о повышенной активности Сатаны в период Второй мировой войны. Мать Мария не всегда дословно повторяет слова св. Иоанна Богослова, но выявляет из видений вдохновенного отшельника картины, соответствующие определенному историческому моменту: эсхатология оккупационных годов обострила ее чувства до предела! Заставила полностью пересмотреть в человеке его отношение к ближнему (вне зависимости от национальности) во имя спасения и идеи безграничного милосердия. Вот почему я не могу согласиться с утверждением Григория Беневича, который считает, что мистерия «Семь чаш» посвящена исключительно еврейскому вопросу. Да, этот вопрос, с которым мы встречаемся только один раз в конечном явлении, озаглавленном *Израиль*, присутствует в пьесе, но он имеет ровно то же значение, что и проблемы, выступающие в остальных *четных частях мистерии*[12].

---

[11] Об иудаизме в творчестве и философско-религиозной мысли матери Марии см., напр.: *Laszczak* (2011a), (2012).

[12] Заслугой Григория *Беневича* (2014) как исследователя является указание на эволюцию понятия «Израиль» в размышлениях матери

В *нечетных частях* мистерии — первой, третьей, пятой, седьмой и девятой — мы находимся на пустынном острове. В первой сцене молодой мужчина по имени Прохор ведет серьезный диалог с Иоанном. Он знает, что старый отшельник владеет таинственными знаниями, они не доступны никому, и что только эти знания обеспечивают истинный контакт с Богом, а также правильное понимание смысла жизни и смерти. Эти знания Прохор называет кладом, который он сам долго и лихорадочно искал. Он убежден, что Иоанн многое знает, многое видел, что он слышит на пустынном острове голоса, что его посещают видения, а ангелы спускают с неба на зеленые волны моря священную лестницу, чтобы вести с пророком непосредственный разговор. Прохор настойчиво просит старика, чтобы тот повторил ему святые слова ангелов: *«Так повтори мне их слова святые: / Изголодалось сердце. В мире жить — / Одно лишь значит: непонятным мерить / Такое же непонятное...»* Проникновение в вечные истины и распознание правды требуют самопожертвования и самоотверженности, что символически выражается в словах, высказанных Прохором, о том, что он *добрался на остров средь непогоды грозовой в келью Иоанна.* Эти усилия,

---

Марии. Только учет последнего этапа эволюции данного понятия приближает воспринимателю правильное понимание «кощунственного» — в трактовке ортодоксальных иудеев — в некоторых местах диалога евреев в восьмом явлении. Исследователь правильно замечает, что, «...всю свою жизнь, размышляя о судьбе русского народа, мать Мария пользовалась такими словами-понятиями, как “Израиль”, “мессианство”, “богоизбранный народ”, которыми пользуются и иудеи. В свою очередь, **эти понятия** прошли у нее знаменательную эволюцию. Так, до революции, в “Руфи” мать Мария говорила о православном русском народе как об “Израиле”, позднее, в двадцатые годы, понятие Израиля у нее соотносится не с русскими вообще, а с теми русскими, кто сохранил православную веру, остался в Церкви. Наконец, после принятия монашества и особенно в период полемики с о. Киприаном (Керном), мать Мария приходит к концепции, согласно которой внутри этого Израиля тоже происходит разделение на “ветхий” и “новый”. “Ветхий Израиль” в определенных ситуациях оказывается судящим и казнящим “новый”, “новый” же, в свою очередь, является вызовом, “соблазном” и светочем для “ветхого”». Выделено мной. — *Г.О.*

однако, окупились, потому что Иоанн — уверенный в чистоте сердца юноши — под натиском настойчивой просьбы молодого мужчины соглашается выполнить его желание. Иоанн уверяет: *«О сердце, / О чистоты нетронутый источник, / И ты увидишь то, что вижу я. / Смотри на запад. Что перед тобою?»* Таким образом начинается просмотр апокалиптических картин, связанных с изливанием последних семи чаш с язвами на землю семью ангелами — исполнителями Божьего гнева[13].

Уже первые видения, в которых ангел выливает страшный напиток на землю, приводят в ужас юношу, и Иоанн предлагает остановиться и начать молитву о разумении тайн Божьих. Осознание происходящего требует крайне

---

[13] Далее приводятся отрывки из книги Кузьминой-Караваевой «Равнина русская» (СПб.: Искусство—СПБ, 2001). Мать Мария не придерживается строго записей *Откровения святого Иоанна Богослова*, когда речь идет, например, о действиях ангелов и содержании выливаемых ими чаш. Ср. 16-ю главу *Откровения*: «[2] Пошел **первый Ангел** и вылил чашу свою на землю: и сделались жестокие и отвратительные гнойные раны на людях, имеющих начертание зверя и поклоняющихся образу его. [3] **Второй Ангел** вылил чашу свою в море: и сделалась кровь, как бы мертвеца, и все одушевленное умерло в море. [4] **Третий Ангел** вылил чашу свою в реки и источники вод: и сделалась кровь. <..> [8] **Четвертый Ангел** вылил чашу свою на солнце: и дано было ему жечь людей огнем. [9] И жег людей сильный зной, и они хулили имя Бога, имеющего власть над сими язвами, и не вразумились, чтобы воздать Ему славу. [10] **Пятый Ангел** вылил чашу свою на престол зверя: и сделалось царство его мрачно, и они кусали языки свои от страдания, [11] и хулили Бога небесного от страданий своих и язв своих; и не раскаялись в делах своих. [12] **Шестой Ангел** вылил чашу свою в великую реку Евфрат: и высохла в ней вода, чтобы готов был путь царям от восхода солнечного. <..> [17] **Седьмой Ангел** вылил чашу свою на воздух: и из храма небесного от престола раздался громкий голос, говорящий: совершилось! [18] И произошли молнии, громы и голоса, и сделалось великое землетрясение, какого не бывало с тех пор, как люди на земле. Такое землетрясение! Так великое! [19] И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий воспомянут пред Богом, чтобы дать ему чашу вина ярости гнева Его. [20] И всякий остров убежал, и гор не стало; [21] и град, величиною в талант, пал с неба на людей; и хулили люди Бога за язвы от града, потому что язва от него была весьма тяжкая». Выделено мной. — *Г.О.*

напряженного внимания и обострения всех чувств, особенно зрения и слуха. Изображение автором отрицательных впечатлений Прохора, напуганного неотвратимостью Божьей казни и последствиями действий первого ангела, позволило матери Марии ввести личные размышления о судьбе человека, для которого физический труд — это не все[14].

Более трудная задача стоит перед каждым, кто решится на участие в жатве, на которую призвал Христос, умирая за всех на кресте. В оценке автора труд — это благословение и проклятие одновременно, наказание за грех Адама. Мать Мария, подчеркивает в словах Иоанна, что человек тяжело трудился и таким образом он смог приблизиться к тайне Бога: *«Проклятье становилось благодатью / И не был труженик рабом наемным, — / Сотрудником он делался Господним. / Учитель говорил нам: "Как Отец Мой / Доныне трудится, тружусь и Я". / И по Его стопам мы с сетью вышли, / И неустанно тянем невод полный, / На нивах трудимся, жнецы Господни. / Так было от начала мира».*

Но в XX в. ситуация изменилась, ибо упала чаша Божьей ярости на землю, а влага гнева отравила человеческий труд. О его роли в жизни человека, о необходимости трудиться, чтобы суметь особенно выделить красоту труда как условия закалки духа и души, говорит вторая сцена мистерии, «Ночлежка». Иоанн погружает Прохора в сон, и во власти подсознания, они переносятся в ночлежку, чтобы стать свидетелями парадоксального разговора трех безработных.

Странность беседы этих бродяг сводиться к их толкованию полного запрета физического труда, отказа от работы. Абсолютное бездействие взамен на нечто другое оказывается достаточно неприятным, что воспринимается человеком как мучительная нехватка, как экзистенциальный тормоз, который подавляет человеческую инициативу. Полное воздержание от работы находится в противоречии с тем, что сказал Иоанн в предыдущей сцене, указывая на Адама как на причину необходимости человека трудиться. Первый безработный заявляет: *«Я безработный. Я шагаю в ногу /*

[14] О земном труде человека в творчестве матери Марии см., напр.:, *Laszczak* (2008).

С законами, с их духом и с их смыслом. / Закон меня как будто умоляет: / Что хочешь делай, только не работай. / Я оплачу твои часы безделья, / За комнату внесу. Жене и детям / На годы я определю пособье. / <..> / Все можно, все оправдано законом. / Но если ты возмешься за работу / <..> / То берегись, — закон — он беспощаден: / С позором будешь вычеркнут из списка / Нуждающихся в помощи. С работой / Ты тоже распростишься, — и надолго».

Однако мать Мария хочет сказать другое: физический труд — это сфера лишь материи, но намного важнее духовный труд, работа над совершенствованием собственной личности, в этой сфере дьяволу управлять человеком труднее, он не сможет легко овладеть человеком, если тот сознательно обращен к Богу: существует только один Царь — Господь этого мира, и Им является Христос. Вину за человеческую духовную безработицу несет Сатана, о котором второй безработный говорит: «*Сам дьявол выдумал машинку эту: / Закрутит колесо, — без остановки / Крутиться будет*». И добавляет — что звучит как грозное напоминание: «*Коль мышцы не нужны, — душа подавно: / Она всегда недорого ценилась. / При хорошо трудящейся машине / Ее терпели*». В конечной сцене безработные пьют, одурманивают свой ум, чтобы уменьшить психическое страдание. Мать Мария остерегает каждого, не только христианина, от духовной безработицы, от согласия на власть мамоны и кесаря. Безработные возглашают тост за счастливую смерть, которая освободит их от мучительного бездействия, и поют горькую песню, которая звучит гимном спиртному: «*Бутылочка, бутылочка без дна. / <..> / А все же как бы ни был пьян и слаб, / А доползу, наверно, до кладбища. / Там складывают весь ненужный лом / Средь скользкой и промозглой глины. / Бутылочка, с тобою напролом, / С тобой ничто не страшно, друг единый*». Когда кончается одна бутылка, они приступают ко второй, и необязательно она будет последней.

В третьей части мистерии автор возвращается на пустынный остров. Прохор пробуждается от тяжелого сна (в котором он встретился с пьяницами) и который смутил душу юноши:

«Какой тяжелый сон смущал мне душу: / Жизнь без надежды, без просвета снилась. / Живым я был в тяжелый гроб положен / И слышал, — ударяли глухо комья / По крыше гробовой. Уж хоронили / Меня живого...» Пробуждение Прохора столь же символично. Это переход из состояния душевного одервенения в состояние осознания, выход из смерти в жизнь. Отвечая на слова Иоанна, что он спал недолго, юноша констатирует: *«Вечность, вечность спал я. / Как радостно, что можно просыпаться»*. Пророк объявляет готовность к деяниям второго ангела, который из чаши, раскаленной как уголь, скоро выльет Божий гнев на землю, который, как летящее копье, пронзит очередные жертвы. Последствия опустошения будут страшными, поэтому Иоанн советует Прохору закрыть глаза и с напряженным вниманием вслушиваться в отзвуки, надвигающиеся из неизвестных долин, в которых раздаются песни, слышны голоса торжествующей толпы. Таким образом, как и прежде, автор мистерии указывает на очередное место действия и переносит туда читателя.

Часть четвертая мистерии озаглавлена «Голоса толпы». Но вопреки ожиданиям здесь нет отдельных голосов, ибо речь идет о борьбе *личности и коллектива*, в котором нет места индивидуальности. На первый план выходит монофония проводника — выразителя воли системы с полифонией подавленных этой системой людей: *«Держите строй, и в ногу, в ногу, в ногу, / Рядами сомкнутыми маршируйте»*. Между строками чувствуется отчетливый диалог с Маяковским: *«Шагаем в ногу, — левой, левой, правой, / Ведет дорога — только смелых к славе»*. (Неожиданно здесь слышится для нас серьезное предостережение знаменитого Евгения Замятина, которое он проводит в своем прекрасном романе «Мы»). А мать Мария продолжает: *«Мы все, как каждый, — муравейник дружный. / Не скажут дважды — что нам делать нужно. Приказ нам отдан, — мышцы, мысли — к делу. / За нашим взводным — мы шагаем смело. / За взводным старший, — а над старшим главный. / Победным маршем в ногу, к цели славной»*. Безусловно, что в этих строках и отзвуки эйфории постреволюционных

несбывшихся обещаний, данных большевиками, о равенстве, справедливости и братстве. А когда появляется отдельный голос, выделяющийся из толпы, то его «самостоятельность» мгновенно подавляют другие, уже принявшие за него решения: *«Эй, ты, философ, выбился из строя! / На ласточек небесных загляделся? / Иль вспомнил прошлогодний снег? Не надо / Зря забивать мозги различной дрянью, / Как у рахитика, распухнет голова. / Все за тебя обдумали другие. / Твоя задача — строй держать и в ногу / В назначенном тебе ряду шагать»*. Мать Мария остерегает нас от тоталитаризма, от унификации мышления и действий. Она предостерегает от пагубных последствий растворения личности в массовом сознании. О том, что такое обезличенная масса, она говорит в очередной сцене диалога Иоанна с Прохором.

У автора анализируемой мистерии нет иллюзий: тоталитарная система означает ментальную и физическую унификацию, в которой нет места проявлениям индивидуализма. Поэтому — считает Иоанн — Прохор не был в состоянии *увидеть* толпу в сцене IV, но мог ее по крайней мере *услышать*. Нет возможности увидеть отдельные лица, утверждает вдохновенный пророк, потому что безвольной толпе чуждо разнообразие. Старик комментирует: *«Средь тысяч листьев на деревьях летом / Двух одинаковых листочков нету. / А тут пред нами двигались рядами / И повторялись миллионы раз / Все те же человеческие тени»*. И он указывает на измену Богу как главную причину происходящего: *«Предательство Божественной свободы, / Неповторимому пути измена — / Вот страшный яд, который их погубит»*.

Третий и четвертый ангел вот-вот приступят к последним страшным деяниям! На границе дня и ночи, среди туманов и дымов, в темноте более черной, чем смола, посланцы Бога свершают опустошение земли. Море застывает, дышать можно только зараженным воздухом. Мир скован ночной отравой. Все замерло и ждет. Но вот неотвратимо возникает пятый ангел: *«Сметет тяжелыми кудрями с неба / Искристых звезд спокойные поля, / К земле прильнет и ладным вихрем кинет / Сухую пыль, расшевелит тростник. / В ответ ему деревья расшумятся, / Настойчиво ударит*

ветер в море, / Покой нарушит спящей глубины / И бросит волны на пустынный берег».

В словах пророка Иоанна мы слышим голос матери Марии, обращенный к миру, пребывающему в войне: *«Война. Ее всегдашний спутник — голод. / И рабство. Многие века в свободе / Жил человек, свободный от природы. / Свобода высшим благом почиталась. / Война и голод, подневольный труд / Сейчас меняют лик привычный мира. / Средь мрака наступившего смотри, / Средь громовых раскатов слушай, слушай»*[15]. После этого обращения Иоанн переносит Прохора опять на сушу, на разрушенный полустанок.

Часть шестая мистерии озаглавлена «Разрушенный полустанок». Место это не привязано к конкретной местности, а возникающие люди суть обобщенные персонажи без определенной национальности: три женщины разного возраста, по-разному болезненно отмеченные судьбой, и старик, который знает текст *Откровения святого Иоанна* наизусть. Более того, он цитирует избранные фрагменты *Откровения*, связанные с нашествием саранчи на землю. Вдали слышен пушечный гул, на находящихся на станции людей падает слабый свет фонаря. Эта станция как бы служит местом общения путешественников-паломников, но на самом деле она лишена света, и неожиданно приоткрываются мрачные стороны ее действительного назначения: матери теряют сыновей, другие, как ни стараются, не могут накормить голодающих детей.... На этот странный полустанок заходят *какие-то* солдаты, которые приводят *неких* пленных. В атмосфере постоянного тяжелейшего страха они ожидают транспорта в места, откуда никто не возвращается: нет возвращения ни для них, ни для взятых в плен девушек, приговоренных к осрамлению разнузданными солдатами. Ведь во время войны эти проявления везде одинаково озверело- жестокие. Среди женщин находится Старуха, которая из-за своего возраста не будет подвергаться солдатскому греху и унижению. Она — как мать Мария, которая в свой парижский приют приводила с улицы проституток — утешить и приютить: *«Молитесь, девушки. Не грех, а подвиг, / Не наказанье, а венец нетленный / На страшном*

[15] Выделено мной. — *Г.О.*

ожидает вас пути. / Святые мученицы, сохраните / Лишь душу чистую. Пусть тело будет / Лишь оболочкой недостойной вашей». Уверенность, а скорее всего дерзкая безнаказанность и богохульство стражника, который комментирует слова Старухи, убеждают в трагической судьбе женщин: *«К порогу рая верно доберутся / С носами провалившимися девы, / Гнусавым голосом Творца прославят».* Очень скоро мать Мария, будучи узницей Равенсбрюка, убедится, что эти слова касаются каждого, кто злоупотребляет силой: тоталитаризм и нацизм маршируют в этом случае нога в ногу.

В седьмой сцене мистерии автор опять возвращается на пустынный остров. Прохор потрясен масштабом жестокостей, которые обрушились на землю. Он протестует, обращаясь к Богу с упреком: *«Довольно, Боже. Мир не может больше / Существовать средь этой тьмы кромешной, / И сердце истекает состраданьем. / Пять чаш, — пять казней, — больше нету силы / Последних двух, двух самых страшных ждать».* Но этот понятный упрек, реакция нормального человека — не сможет остановить машину Божьего Гнева. Иоанн голосом автора высказывает слова смирения, что говорит о знании смысла вечных деяний*: «Никто не ведает, что будет страшно, / А что к спасенью приведет творенье».* После деяний пятого ангела мир необыкновенно преображается в своей цветовой и световой гамме! Так (по авторскому замыслу матери Марии) происходило, впрочем, каждый раз, когда появлялись посредники Бога: *«Смотри. Уходит ночь. Ночные маки, / Насыщенные чернотой, — исчезли. / Лиловыми фиалками засыпан / Восток сейчас. И медленно струится / На смену им сиреневое море. / Заря, заря, предшественница солнца, / Все напоет отблеском прозрачным».*

Ангел, которого вводит Иоанн, отличается чертами от своих предшественников: в полном покое и блеске света он подъемлет чашу, из которой прольется тягучий мед — символ начала новой жизни и окончания казни. Вдохновенный визионер не усиливает, но и не ослабляет оптимизм Прохора, уверенного в том, что, наконец, настал конец человеческих страданий. Он знает, что смертельные муки — это источник

закалки духа, а если так, то данный путь скоро не окончится. Мать Мария в финал седьмой сцены включает описание местности дороги, которая сразу ассоциируется с путями изгнания израильского народа. Прохор замечает среди идущих — стариков, женщин, детей и больных, которых несут на носилках или ведут под руки. Все, несмотря на возраст, идут низко согнувшись, как обреченные на казнь, в розовом тумане, тумане любви. Юноша не узнает странников, он не знает, что это родственники Иоанна — сыновья сынов и дочери любимых. Среди изможденных находится и Мириам-Мария, похожая на расцветающую лилию в долине, олицетворение избранного народа. Этот символ избранничества и особого пути, — мать Мария развивает в восьмой части мистерии, озаглавленной *Израиль*.

В диалоге *неких* евреев, женщин и *некоего* старика — наделенных внешними национальными чертами — автор ставит существенный вопрос: что должны сделать евреи, а что христиане, чтобы исполнить промысел Божий, связанный с приходом Мессии на землю. Григорий *Беневич* (2014) считает, что мать Мария видит следующее решение: *«...надо только увидеть Промысел Божий и исполнить его. Это произойдет, если христиане вольно разделят страдания евреев, а евреи, увидев смысл Крестной жертвы, примут Христа как своего Спасителя. Тогда враг перестанет быть для них страшен, и они обретут свободу»*. В конечной сцене этой части мистерии еврей принимает крещение, становится христианином... Означает ли это, что он исполнил Божий промысел? Но он принадлежит к значительному меньшинству среди странников, которые приближаются к Страшному Суду, и встречает с их стороны явное неодобрение. Один из его товарищей замечает: *«Ты говоришь не как израильтянин»*. Не потому ли, что он еще не готов принять крестной жертвы Христа за всех, без исключения, грешников?!

Композиционно «Семь чаш» имеет сильную заключительную «скрепу» в сцене диалога Иоанна с Прохором.

Это страстный финал надежды, той самой надежды, которая содержится в *Откровении святого Иоанна Богослова*, когда говорится об ожидаемом человечеством счастье и об

исполнении на деле слов, данных человеку Богом, — мать Мария обращается здесь к магии чисел и отсчету поколений Израилевых. Но Прохор задает Иоанну еще вопрос: *«Как могут завершиться сроки жизни / Без ангела последнего, седьмого?»* Иоанн успокаивает юношу, утверждая, что седьмой ангел уже здесь, но Прохор не в состоянии увидеть Божьего посланца из-за неземной ослепляющей силы света: *«Не вижу я: от света слепнут очи. / Везде разит он — этот свет слепящий. / Мне кажется, что у меня по жилам / Не кровь струится, — это серебро, / Что добела расплавлено. Мне больно. / Мне радостно»*. Ангельская белизна переходит и на Иоанна и Прохора. У обоих вырастают крылья, а юноша утверждает, что они вступают в крылатый, т. е. ангельский, мир. Божественно белоснежные и очищенные, они как бы горят под лучами солнца, но это только видимость. Они не сгорают, так как крещены Огнем Духа Святого!

* * *

В результате анализа мистерии отчетливо вырисовываются два разных измерения, которые можно назвать плоскостями *сакрум и профанум*. Они по многим параметрам отличаются друг от друга и имплицируют непрестанное движение сверху вниз и снизу вверх — символическое движение: к Богу и от Бога. Вот почему я считаю вполне обоснованным воспринимать пьесы м. Марии не столько в порядке чисто линеарном, т. е. исключительно временном (рис. 1), сколько в измерении волновом (рис. 2), которое содержит в себе потенциальное развитие: в части десятой (движение вниз) последний поединок с Сатаной и Смертью, а в части одиннадцатой (движение вверх) — Новый Иерасулим. Замена порядка чисто временного (линеарного) временно-иерархическим позволяет экспонировать двуполярность мистерии, в которой сакрум, то есть нечетный порядок, переплетается с профанум — четным порядком.

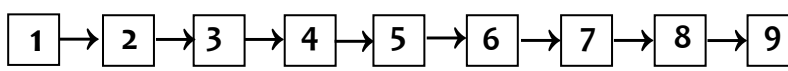


Рис. 1. *Временной (линеарный) порядок в мистерии «Семь чаш».*

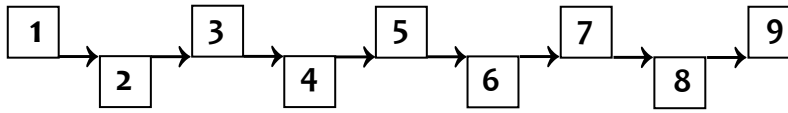


Рис 2. *Временно-иерархический порядок в мистерии «Семь чаш»*

Для достижения максимальной цели своего произведения, а следовательно, размышлений на религиозные и духовные темы, неразрывно связанные с прошлым и с современностью, мать Мария выбрала «самый совершенный драматический жанр Средневековья» (*Gazda* (2006). С. 416). Таким образом она оживила «убитый» административным путем в 1548 году парламентом Парижа литературный жанр, исключая из него элементы, которые имели пагубные последствия для религиозных театральных представлений в XVI веке. Мистерия как литературный жанр особенно подходила православной монахине. Она совершенно естественно, сохраняя литературную условность, соединяла небо с землей, вечные истины вписывались в военную действительность драматического момента. Сам же театр, есть некий симбиоз персонажей и жизненных драм, где разворачивается пьеса, исходным материалом для которой во многом послужил приют для бедных и храм на улице Лурмель, 77. Эта короткая мистерия насыщена апокалипсическими мотивами и вечными, до наших дней актуальными вопросами, так до сих пор и не решенными — отношение человека к Богу и к ближнему.

Мир, ограниченный пределами мистерии «Семь чаш», не вселяет оптимизма, подавляет содержанием плоскости *профанум*, предостерегает от последствий хаоса и пренебрежения сферой *сакрум*, за что отвечает не только космическое зло, но и человек, смирившийся с этим злом. Выбирая *Откровение святого Иоанна Богослова* как композиционный стержень своей мистерии, мать Мария обратилась ко всеобщей и разнородной традиции христиан. Несмотря на существование многих интерпретационных различий в понимании *Библии*, отделяющих христиан друг от друга, эта

книга всех уравнивает и вынуждает к более глубоким философским размышлениям. А наше неспокойное время свидетельствует о том, что миру и человеку так и не удалось полностью воспользоваться призывом Мессии и сделать соответствующие выводы... имея в виду вдохновенные видения святого Иоанна.

БИБЛИОГРАФИЯ

Brandstaetter R. (2009) Księgi Nowego Przymierza. Przekłady biblijne z języka greckiego. Dzieła zebrane. Kraków: Wydawnictwo M.

Gazda G., red. Tynecka-Makowska S. (2006) Słownik rodzajów i gatunków literackich. Kraków: Universitas.

Hackel S. (1965) One of Great Price. The life of Mother Marie Skobtsova, Martyr of Ravensbruk. London: Darton, Longman and Todd Limited.

Krivochéine X. (2012) La beaute salvatrice, Mere Marie (Skobtsov). P.: CERF.

Laszczak W. (2007) Żyć znaczy „kroczyć po wodzie". Studia o Matce Marii. Część pierwsza. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego.

Laszczak W. (2008) Błogosławieństwo czy przekleństwo?: Ziemski trud człowieka w świetle psalmu Matki Marii «Pochwała pracy» // Ziemia w literaturach i myśli filozoficznej Słowian / red. W. Laszczak i D. Ambroziak. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. S. 27–32.

Laszczak W. (2011a) Żydzi i chrześcijanie w ujęciu Jelizawiety Skobcowej (Matki Marii) // Idea i komunikacja w języku i kulturze rosyjskiej. Tom dedykowany Profesorowi Aleksemu Awdiejewowi w siedemdziesięciolecie urodzin / red. A. Dudek. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego. S. 449–455.

Laszczak W. (2011b) Misterium Anna Kuźminy-Karawajewej jako usprawiedliwienie „grzesznicy" // Literatura i kultura rosyjska w metropolii i na emigracji. Księga pamiątkowa poświęcona prof. zw. dr hab. Joannie Mianowskiej / red. M. Marchewka. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek. S. 424–433.

Laszczak W. (2012) Judaizm w twórczości i myśli filozoficzno-religijnej Matki Marii (Jelizawiety Skobcowej) // Współczesna komparatystyka i jej wymiary hermeneutyczne / red. D. Szymonik, R. Bobryk, R. Mnich. „Conversatoria Litteraria". Siedlce;Banska Bystrica. 2012. № 4–5, S. 133–140.

Ojcewicz G. (2010) Matka Maria (Jelizawieta Skobcowa). Cykl «O śmierci» // Borussia. 2010. № 47. S. 189–200.

Ojcewicz G. (2012) Inicjalne Да / Так jako impulsy kontemplacyjne w twórczości poetyckiej Matki Marii (Skobcowej) // Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza (2012). T. IV / red. A. Pstyga. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. S. 277–290.

Ojcewicz G. (2013) O filologii śledczej, czyli tajemnica śmierci Gajany Kuźminej-Karawajewej — córki św. Matki Marii // Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej (2013) / red. K. Wojan, E. Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego. S. 239–257.

Ojcewicz G. [recenzja] (2009) Wanda Laszczak. Żyć znaczy „kroczyć po wodzie". Studia o Matce Marii. Część pierwsza // Slavia Orientalis. 2009. № 1. S. 79–82.

Smith T.S. (1965) The Rebel Nun: The moving story of Mother Maria of Paris. London: Souvenir Press.

Stołowicz L. (2008). Historia filozofii rosyjskiej / Podręcznik, przekład i posłowie B. Żyłko. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria.

Беневич Г. (2014) Мать Мария (1891–1945). Глава II: Религиозно-философское наследие монахини Марии (Скобцовой) (продолжение): http://www.portal-credo.ru/site/index.php?act=lib&id=809 [1.II.2014].

Кривошеина К. Красота спасающая. Мать Мария (Скобцова). Живопись, графика, вышивка. СПб.: Искусство—СПБ, 2004.

Кузьмина-Караваева Е., (Мать Мария). Равнина русская. СПб.: Искусство—СПБ, 2001.

Ойцевич Г. (2014a) Мать Мария. Цикл «О смерти»: http://mere-marie.com/creation/matka-maria-jelizawieta-skobcowa/.

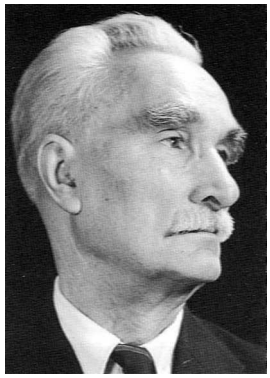
Ойцевич Г. (2014b) О следственной филологии, или Тайна смерти Гаяны Кузьминой-Караваевой — дочери матери Марии: http://mere-marie.com/life/osledstvennoy-filologii-optsevich/; http://www.pravmir.ru/o-sledstvennoj-filologii-ili-tajna-smerti-gayany-kuzminoj-karavaevoj-docheri-sv-marii-skobcovoj/.

Ойцевич Г. (2014c). Из следственной филологии: Георгий Мелия — загадочный зять св. матери Марии (Скобцовой). В поиске данных для биограммы: http://mere-marie.com/life/iz-sledstvennoy-filologii-georgiy-meliya/.

Печатается с любезного согласия автора в адаптированной для данной книги редакции. Полная версия статьи «Пьеса-мистерия "Семь чаш" св. матери Марии из Парижа — попытка расшифровки вечных знаков» написана Гжегожем Ойцевичем для юбилейного тома в честь профессора Гданьского Университета Богуслава Жилки (Польша, 2014). Первая пуликация в: The Semiotics of Communications /ed. by A. Lusinska,A. Kalinowska. Zeleznik, Pelplin, 2014. P. 109–129.

А.Н. ШУСТОВ

ДАНИИЛ ЕРМОЛАЕВИЧ СКОБЦОВ: ПУТЬ ОТ КУБАНИ ДО ПАРИЖА



Д.Е. Скобцов, 1945

Он родился в станице Брюховецкой Ейского уезда Кубанской области и был дитя «казачьей сиромы», то есть бедняцкий сын (15 декабря 1884 — 19 января 1969[1]).

Юноша получил образование, окончил кубанскую учительскую семинарию, которая содержалось за счет войсковой казны, и дети бедных и сироты получали образование бесплатно. Главной задачей семинарии являлось повышение грамотности среди казаков, по сути, это была своеобразная кузница местной интеллигенции в лице станичных учителей начальных школ. Штат преподавателей, трудовая практика в семинарии были очень хорошо поставлены, и казаки неплохо готовили свою молодежь. Именно семинария сформировала Даниила Ермолаевича, и он позже в своем романе «Гремучий родник» с большой симпатией пишет о Кубанском войсковом училище — «скромная мать просвещения кубанского казачества, пославшая в край за десятки лет своего существования не одну сотню учителей»[2].

---

[1] На парижском надгробии Д.Е. Скобцова указан год рождения 1885.

[2] *Скобцов-Кондратьев Д.Е.* Гремучий родник. Париж, 1938. С. 116.

После окончания семинарии (1903–1905 гг.) Д.Е. Скобцов преподавал историю в станице Лабинской[3]. Он был обычным сельским учителем, любившим свой край и свою профессию: «...есть особая любовь — это любовь учителя к своему ученику и ученика к учителю, наиболее, пожалуй, глубоко запрятанная в тайниках души»[4].

Позже Скобцов писал о своих коллегах-семинаристах: «...немногим из нас удалось пробиться к университетскому или какому другому виду повышенного образования». Ему самому это почти удалось: в 1914 году он стал студентом филологического факультета Московского университета[5]. В этот период он, по собственным словам, страдал «длительной и серьезной болезнью», с карьерой преподавателя ему пришлось расстаться и, более того, ему не удалось окончить университет. Учеба была прервана Февральской революцией 1917 года.

«После первых двух недель революционного возбуждения большого города (Москвы) как-то само собой явилось желание выйти из общего потока и уехать к себе на юг в станицу. Потянуло меня к родным берегам»[6].

Иные кубанские историки пишут, что Д.Е. Скобцов был участником Первой мировой войны на Кавказском фронте и за успехи в штурме Эрзурума (янв. — февр. 1916 г.) был награжден Георгиевским крестом и золотым оружием[7]. Это ошибочное утверждение. В разгар войны он учился в Москве, возраст его был непризывной, военным казаком он никогда не был, а в своих записях он говорит, что «в жизни своей ни разу не выстрелил из винтовки». На фотографии 1920 года Даниил Ермолаевич выглядит молодцевато, но его черкеску знак отличия боевого ордена не украшает. Скорее

---

[3] По другим источникам — в станице Урпинской Лабинского района.

[4] *Скобцов-Кондратьев Д.Е.* Указ. соч. С. 115.

[5] См.: Алфавитный список студентов Императорского Московского университета за 1915–16 академический год. М., 1916. С. 406.

[6] *Скобцов Д.Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Кн. 1. Париж, б. г. С. 20.

[7] См.: *Болотов Ю.* Повествователь казачьего лихолетья // Кубань. 1991. № 4. С. 73; Энциклопедический словарь по Кубани. Краснодар, 1997. С. 423.

всего, это одна из красивых легенд, вряд ли им самим придуманная.

Вернувшись весной 1917 года в свою станицу, он сразу активно включился в общественно-политическую работу. Вскоре его избрали войсковым контролером и членом Лабинского исполкома. 5/18 октября 1917 года Кубанская Рада провозгласила Кубанский край независимой казачьей республикой. Атаманом был избран А.П. Филимонов..

В период нахождения Екатеринодара[8] в руках большевиков (с конца 1918 года) Д.Е. Скобцов эвакуировался вместе с другими членами Кубанского правительства и стал участником знаменитого кубанского Ледяного похода. Впрочем, на начальном этапе это был даже не поход, а скитания по станицам вокруг Екатеринодара. Настоящий поход начался несколько позже, после соединения кубанцев с отрядами Добровольческой Белой армии ген. Л.Г. Корнилова и ген. А.И. Деникина. Двигались они то в сторону Кавказа, то к Дону[9]. Именно тогда начались разногласия между кубанским правительством и командованием Добровольческой армии. Скобцов являлся участником всех переговоров кубанцев с белыми генералами о совместных действиях против большевиков. Он даже ездил «посланником» на петлюровскую Украину... Этот вынужденный «поход» завершился лишь после занятия Екатеринодара Белой армией 4/17 августа 1918 года.

С 1 ноября 1918 г. открылась воссозданная Кубанская краевая рада, и Скобцов был избран ее депутатом. По своим взглядам он был убежденным «линейцем», так в то время называли казаков южных районов Кубанской области, расположенных по старой линии военных укреплений. По преимуществу это были потомки выходцев с Дона, т. е. прорусское казачество. «Линейцы» вполне поддерживали ген. Деникина и его идею о «великой, единой и неделимой России».

«Черноморское» казачество уходило корнями к древним запорожцам, а значит, было украинофилами и их симпатии

---

[8] Название Краснодара до 1920 г.

[9] Подробнее см.: Белое дело. Кн. 2: Ледяной поход / сост. С.В. Карпенко, М.: Голос, 1993. С. 362 (2).

склонялись к сепаратизму. Именно Февральская революция разделила казаков Кубани на «линейцев» и «черноморцев». Своим идеалом «черноморцы» считали независимую казачью «Республику Кубань». По словам Скобцова, «не разбирающаяся в подробностях политическая улица» назвала «черноморцев», многие из которых были «друзьями» Петлюры, «самостийниками».

Идею независимости поддерживал и глава кубанского правительства эсер Л.Л. Быч. В 1918 году Рада по своему составу была «черноморской», потому как «линейцы» не были достаточно сплочены, чтобы успешно бороться с «самостийниками». Как ни странно, тогдашняя междоусобица на Кубани во многом напоминала осеннюю ситуацию 2004 года на Украине, во время президентских выборов.

После Октябрьского переворота в политической программе Рады Кубанский край объявлялся как «равноправный штат» Российской республики. Спустя год, 11 ноября 1918 года, Рада провозгласила: «В период Гражданской войны Кубанский край является самостоятельным государством. Будущая Россия должна быть федеральной республикой свободных народов и земель, а Кубань — ее отдельной составной частью. В настоящее время Кубань суверенна»[10].

22 ноября, в разгар военных действий, Рада обсуждала проект кубанской конституции, Л.Л. Быч даже специально выехал в качестве посланника Рады в Париж, на международную конференцию, где ставил вопрос о принятии Кубани в «новорожденную» Лигу Наций. Но за границей это вызвало лишь удивление, ибо о «кубанском народе» в Париже никто ничего не слыхал. В Россию эсер Быч не вернулся.

Обстановка на Кубани накалялась. Еще 28 октября 1918 года была образована Чрезвычайная рада — исполнительный орган кубанского «парламента», в которую вошел и Даниил Ермолаевич Скобцов как член ведомства земледелия. На одном из ее заседаний, 5 ноября, он выступил с докладом по земельному вопросу на Кубани. В своем докладе он проводил идею радикальной реформы передела земельной собственности. Он предлагал вообще отменить частную

[10] *Калинин.* Русская Вандея. 1926.

собственность на землю, сделать ее общественной и сдавать в аренду тем, кто может ее обрабатывать. Столь же остро стоял вопрос и о виноградниках, но этот вопрос был отложен. Скобцов тогда же отредактировал и издал отчет о работе этой Рады[11].

13 мая 1919 года Скобцов был назначен членом Кубанского правительства в ранге министра земледелия. В деникинском правительстве Юга, в особом совещании, начальником управления земледелия был В.Н. Колокольцев. У Скобцова с ним постоянно возникали конфликты, поскольку взгляды на земельное развитие и положение на Кубани у обоих министров были диаметрально противоположными. К лету 1919 года столкновения в Раде резко обострились. Кубанские деятели боролись не только с красными, но и с белыми, и они не доверяли ген. Деникину. Члены правительственной делегации побывали на Северном Кавказе и подписали сепаратный договор с самопровозглашенной, несуществующей Горской республикой, в которую входили Терско-Дагестанский край и Чечня. Это был запасной вариант Рады, поиск союзников на случай, если Антанта признает новую большевистскую власть в России.

Договор с горцами был ударом в спину генерала Деникина, и он поручил ген. В.Л. Покровскому навести порядок на Кубани. В те годы начала Гражданской войны, да и на протяжении ее, установилась русская смута, брат встал на брата, жестокость и кровожадность большевиков была известна, но и в рядах белых эти проявления возмездия имели место. За генералом Покровским шла слава человека жестокого, по его приказу 7 ноября 1919 года глава делегации А.И. Кулабухов был повешен, а 11 человек высланы за границу, сторонники федерализма были выведены из Рады. Так на некоторое время закатилась звезда «черноморцев». 22 ноября на место бежавшего председателя Рады И.А. Макаренко главой кубанского правительства был избран Скобцов. Новый «кабинет» получил от самостийников презрительную кличку — «президиум генерала Покровского».

---

[11] Стенографический отчет о пленарных заседаниях Чрезвычайной Рады, созыва 28 окт. 1918 г.: в 2 ч. Екатеринодар, 1918.

Деникинцы сумели переломить ситуацию, совершить своеобразный государственный переворот на Кубани, к сожалению, ненадолго, так как уже в декабре того же 1919 года Рада переизбрала ноябрьский президиум, и на пост председателя был избран «левый кубанец, с весьма пробольшевистскими убеждениями» — И.П. Тимошенко. Скобцов тем не менее остался членом правительства.

Игра в сепаратизм в тот момент погубила Кубань. Белое движение потерпело поражение. Генерал Деникин был прав, когда писал в своих «Очерках русской смуты»: «Борьба кубанских правителей на два фронта — против большевиков и Добровольческой Белой армии — являлась заведомо непосильной и потому безумной. Она погубила и нас»[12].

Весной 1919 года Кубань ненадолго взбудоражил необычный процесс: 2/15 марта в екатеринодарском военно-окружном суде рассматривалось дело известной поэтессы, бывшего городского головы Анапы эсерки Е.Ю. Кузьминой-Караваевой. Ее обвиняли в сотрудничестве с большевиками, а также в национализации санаториев и винных погребов, подвалов АО «Латипак». Имя подсудимой было хорошо знакомо на Кубани. Ее дед, генерал Д.В. Пиленко, в 1867—1876 гг. был начальником вновь учрежденного Черноморского округа, а позже, уже в отставке — знаменитым в области виноделом, в 1905—1906 гг. отец Кузьминой-Караваевой служил директором Никитского ботанического сада в Крыму.

Обвинения против поэтессы были серьезными. Согласно кубанскому правовому документу, правительственному приказу № 10 от 12/25 июля 1918 года, в разработке которого принимал активное участие Д.Е. Скобцов, Кузьмину-Караваеву могли приговорить и к высшей мере наказания[13]. Однако умело организованная защита добилась вынесения очень мягкого, почти символического приговора.

---

[12] Белое движение: Начало и конец / сост. и примеч. В.А. Дурова. Московский рабочий, 1990. С. 201.

[13] «В смысле наказаний по этому приказу предусматривались наказания от двух недель ареста при полицейском управлении до смертной казни включительно» (Д.Е. Скобцов).

Именно в марте 1919 года произошел очередной кризис Кубанского правительства, сформировался его новый состав. В «кабинете» намечалось оставить некоторых прежних деятелей, в том числе и Скобцова, и включить новых, в частности Ю.А. Коробьина[14].

Присяжный поверенный Коробьин был из «иногородних», т.е. не принадлежал к казачьему сословию. На процессе Кузьминой-Караваевой он выступал как адвокат, и смягчение ей наказания — это во многом его заслуга. Более того, Скобцов и Коробьин оказались коллегами, членами одного правительства (депутатами Рады они оба были еще с осени 1918 года), их взгляды на развитие политических событий совпадали.

Даниил Ермолаевич следил за ходом судебного процесса не только по рассказам Ю.А. Коробьина. В екатеринодарском «официозе», газете «Утро Юга», печатался подробный репортаж из зала суда. Неординарная личность Елизаветы Юрьевны заинтересовала его, прошло совсем мало времени, и их познакомил Коробьин.

По некоторым данным, 18 ноября 1919 года состоялось венчание Скобцова и Кузьминой-Караваевой (урожд. Пиленко) в войсковом соборе Св. Александра Невского в Екатеринодаре[15]. На свадьбе присутствовал известный летописец кубанского казачества, уже старик, Ф.А. Щербина. После взятия 17 марта 1920 г. Екатеринодара частями Красной армии Кубанское правительство в одночасье перестало быть властью. Члены Рады оказались бесправными лицами, и Д.Е. Скобцов вместе с другими бежал на юг, к Грузии, но грузины на свою территорию не пропустили кубанских казаков, а разрешили въезд только членам Рады. Скобцов добрался до Тифлиса, где его ждали жена и теща. Они своими путями, с приключениями пересекли Кавказ. В Тифлисе у Скобцовых родился сын Юрий. Затем Даниил Ермолаевич в составе комиссии генерала П.И. Кокунько по охране казачьих войсковых регалий эмигрировал в Турцию, где в конце 1920 года семья Скобцовых воссоединилась в Константинополе.

В декабре 1920 года французское правительство выслало

---

[14] См.: Утро Юга. Екатеринодар. 1919. 5/18 марта.

[15] См.: *Агеева Л.* Петербург меня победил. СПб., 2003. С. 271.

около 16 тысяч казаков на остров Лемнос, который казаки по справедливости называли «островом смерти». Скобцовы прожили какое-то время на острове, где Даниил Ермолаевич продолжал заниматься общественной деятельностью и даже наладил выпуск рукописного журнала «Вольная Кубань». Летом 1922 г. около 5 тысяч человек были направлены на строительные работы в Сербию. Скобцовым повезло, и они попали в Сремские Карловцы, где в декабре 1922 года у них родилась дочь Анастасия. Их длинная скитальческая жизнь закончилась в самом начале 1924 года, когда они перебрались в Париж, но ни благополучия ни достатка не прибавилось. Они влились в десятки тысяч русских эмигрантов, голодных, без права на работу, без специальности, часто без языка, наводнивших в те годы Францию и Германию. Скобцов не был оригинален в выборе профессии, он выучился водить автомобиль и стал шофером такси. Елизавета Юрьевна шила, вязала, убирала квартиры...

В 20–30-х гг. на чужбине, во Франции, русские казаки-эмигранты создавали множество различных союзов, объединений, «станиц», стремясь сохранить вдали от родины свой менталитет, веру, культуру, язык. Они издавали журналы, организовывали кружки, и не только литературные[16]. Даниил Ермолаевич не мог оставаться в стороне от общественно-политической работы. В разное время он входил в Объединенный комитет казаков, в Совет казаков Дона, Кубани, Терека, возглавлял кассу взаимопомощи и т. п., всюду отстаивая и защищая интересы казачества.

Когда летом 1925 г. известный профессор А.А. Пиленко выступил с предложением организации «Зарубежного съезда», нечто вроде эмигрантского парламента, как назвал его П.Н. Милюков, на страницах русских газет развернулась нешуточная дискуссия, и в конечном итоге идея провалилась.

---

[16] Подробнее см.: Русское зарубежь»: Хроника научн., культурной и общественной жизни 1920–1940 гг., Франция: в 4 т., ред. Л.А. Мнухин; Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918–1940. Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. М., 2000; Воспоминания о Гражданской войне архиепископа Брюссельского и Бельгийского Василия (Кривошеина). «Спасенный Богом» в интернете. В этой книге рассказывается о зверствах «красного казачества».

Со статьями об отношении казаков к «Зарубежному съезду» выступил в печати и Скобцов: «Казаки не поддержали идею “Съезда”, потому что он не всеэмигрантский, а однобокий, выступает против большевиков с узкопартийной программой. Казачество против распыления сил, но пока не видит, с кем ему нужно договариваться»[17].

В 1924 году генерал П.Н. Краснов потребовал упразднить Совет казаков Дона, Кубани и Терека, что вызвало ответную реакцию: «Все вольности с нашими атаманами он хочет выбросить как хлам, в мусорную яму, хочет только приказывать. Но это ему не удастся»[18].

За рубежом, в эмиграции, казачество пыталось определиться, найти свою «нишу». Отрыв от родных полей, степей, станиц, хуторов, традиций, а главное, языка многими переживался очень тяжело. В основной массе это были люди, не знающие иностранных языков и понимающие, что в эмиграции они обречены на вымирание. Как и русские, они жили очень обособленно, их существование на Западе для большинства сводилось просто к физическому выживанию.

23 октября 1927 года состоялось собрание кубанцев, казаков и неказаков (всего около 40 человек), под председательством Д.Е. Скобцова, на котором было принято решение о том, что кубанская организация должна быть беспартийной и иметь своей целью оказание духовной и материальной помощи всем кубанцам. Для проведения организационной работы было избрано правление в составе прежнего атамана «Станицы» С.М. Мищенко, Д.Е. Скобцова и др.[19] Интересно, что одновременно с этими событиями Елизавета Юрьевна Скобцова писала свои воспоминания, анализируя недавние события, кроме того, она вместе с Даниилом Ермолаевичем принимала деятельное участие в «казачьих мероприятиях», рассказывая потом о них на страницах эмигрантских газет.

---

[17] Последние новости. Париж. 1925. 14 авг.; 4 дек. Статьи подписаны псевдонимом Д. Кондратьев.

[18] Там же. 1924. 20 янв.

[19] Дни. Париж. 1927. 24 окт. Казачья община в Париже называлась тогда «Кубанская станица».

Скобцов, как и многие общественные деятели эмиграции, пытался осмыслить, проанализировать события революции и Гражданской войны: как, почему и надолго ли закрепилась в России большевистская власть Советов. А драма на его родине, которую тогда называли «Кубанское действо», «Кубанская операция», волновала его необыкновенно. Об этом писали многие, особенно живые участники тех событий: атаман А.П. Филимонов, А.И. Деникин, Н.Н. Соколов...[20]

Первой публикацией Скобцова на эту тему явилась большая статья «Драма Кубани» в парижском историческом журнале «Голос минувшего на чужой стороне»[21]. Даниил Ермолаевич подробно в этой статье воссоздает картину осени 1919 года, вскрывает внутренние противоречия между краевым правительством и командованием Добровольческой Белой армии: «Все как будто бы сговорились осложнять политический кризис на юге России». Казачество было разорвано, не секрет, что среди него было много просоветски настроенных «красных казаков», отличающихся особенной жестокостью, даже к своим казакам. С глубокой печалью повествует Скобцов, к какому краху привели Кубань раскол в Краевой раде и непоследовательные отношения с добровольцами. В конечном итоге накануне поражения Белого движения Рада была вынуждена внести «поправки» в свою конституцию: «Кубанский край мыслит себя нераздельно связанным с Единой, Великой и Свободной Россией и обещает вести борьбу до конца в твердом союзе с белой Добровольческой армией». К сожалению, было уже поздно! Свой исторический обзор Скобцов ограничил лишь разгромом Рады, завершив его своим назначением ее председателем[22].

Объем статьи, а также полемика на ту же тему в русской прессе заставили Скобцова вернуться к недавней истории Кубани и расширить рамки своей работы. В 1925–1929 гг. он работает над книгой «Три года революции и Гражданской войны

---

[20] См., напр.: Белое дело, Кубань, добровольческая армия. М.,1992 или: Судьба века — Кривошеины. СПб.: Звезда, 2002.

[21] 1921. № 1 (XIV).

[22] На эту работу по горячим следам откликнулась тогда газета «Дни» (1926. 21 марта).

на Кубани». Память была свежа, события, описанные в этой книге были достаточно объективно пересказаны. Скобцов сам был историком, а кроме того, он пользовался материалами альманаха «Кубанский сборник», выходившего в Нью-Йорке. С редактором этого журнала, В.Г. Науменко, он был хорошо знаком[23], воспоминания и анализ ситуации,существенно дополнились для книги и рассказами казаков-эмигрантов во Франции.

По обстоятельствам дел, а может быть, и судьбы, книга Даниила Ермолаевича вышла в свет в Париже уже после Второй мировой войны, незадолго до кончины автора[24]. Отдельные экземпляры «Три года революции...», тайно попадавшие в СССР и на Кубань, изымались и уничтожались советскими органами госбезопасности, а читателей арестовывали.

Личная, семейная жизнь у Даниила Ермолаевича Скобцова с Елизаветой Юрьевной не получилась. Весной 1932 года они развелись: «Брак есть таинство, брачный союз может быть разрушен лишь решением церковной власти. Но вслед за этим и если такое происходит, следует расторжение брака в гражданском порядке по всем французским законам»[25]. Скобцовы получили благословение на церковный развод от главы русского Экзархата митрополита Евлогия (Георгиевского), а юридический развод они не оформили[26].

Так Елизавета Юрьевна смогла принять монашеский постриг с именем Мария. Даниил Ермолаевич стал жить отдельно, вместе с их сыном Юрой, а незадолго до войны, в 1938 году, он купил небольшой участок земли с домиком под Парижем, в местечке Фелярд, где поселился, завел хозяйство. Сюда к нему с осени 1942 года иногда приезжала

---

[23] Науменко В.Г. (1883–1979) — генерал-майор. В эмиграции с 1920 г. За рубежом в эмиграции на острове Лемнос был выбран кубанским атаманом. С 1949 г. поселился в США. Д.Е. Скобцов знал его еще по Ледовому походу 1918 г., когда Науменко был начальником штаба Кубанской армии.

[24] *Скобцов Д.Е.* Три года революции и Гражданской войны на Кубани. Кн. 1. Париж, 1962.

[25] Последние новости, 1924. 7 мая.

[26] Именно поэтому в первые послевоенные месяцы, еще не зная о гибели м. Марии, Скобцов через газеты давал объявления о розыске «своей жены».

на короткий отдых м. Мария, отсюда она вернулась 9 февраля 1943 г. в Париж, где сразу же была арестована гестапо...

Еще в 1931—1932 гг. в парижском журнале «Современные записки» (№ 47, 48) была опубликована первая часть романа Скобцова «Гремучий родник» (до этого он уже опубликовал несколько рассказов в казачьих журналах). Накануне войны, в 1938 году, роман вышел в Париже отдельным изданием.

«Гремучий родник» — ностальгическое произведение об уже многими забытой жизни на Кубани, ее природе, людях, деталях быта. В нем отсутствует политическая борьба и вообще война. Советские библиотеки и цензоры продолжали «трудиться» — изымать книгу, прятать в «спецхран», читателей преследовали. В эмиграции роман вызвал немалый интерес. Для его издания была создана «инициативная группа», он, говоря современным языком, имел презентацию и обсуждался в кружке казаков-литераторов. Знаменитый критик П.М. Бицилли откликнулся рецензией в «Современных записках»[27]. На обложке книги стояла двойная фамилия автора, Скобцов-Кондратьев. До этого он иногда использовал в своих газетно-журнальных публикациях псевдоним Кондратьев. После выхода в свет «Гремучего родника» во всех биографических справочниках и даже на надгробии Скобцова называют: «кубанский казачий деятель и писатель», хотя строго говоря, писателем-беллетристом он не был. При этом указывается всегда двойная фамилия[28].

Во время оккупации Парижа Даниил Ермолаевич поддерживал мать Марию в ее сопротивлении нацистам. После ее ареста ему удалось организовать для передачи в лагерь несколько продуктовых посылок. Утром 26 апреля 1943 года. он принес очередную передачу и увидел, как м. Марию в числе других женщин увозили на открытых грузовиках из пересылочного лагеря Роменвиль в другой пересылочный лагерь, Компьень. Это было их последнее свидание, дальше для м. Марии был уже лагерь смерти...

---

[27] Современные записки. 1938. № 66.

[28] Совершенно неправомерно считать мирской фамилией м. Марии Скобцова–Кондратьева, ввиду того что у Даниила Ермолаевича Скобцова фамилия Кондратьев была псевдонимом.

Осенью 1946 года Д.Е. Скобцов увез свою престарелую тещу, С.Б. Пиленко (ей было уже за 80) из Парижа в Фелярд. После войны он отошел от общественной деятельности — сказывался возраст, болезни и потеря близких. Дочь Настенька умерла в младенчестве, Гаяна скончалась при невыясненных обстоятельствах, вернувшись в 1935 году в СССР, сын Юрий погиб в лагере Дора почти одновременно с матерью...

Скончался Д.Е. Скобцов в Нуази-ле-Гран под Парижем, в пансионате для русских, основанном м. Марией еще до войны. Похоронен на знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в одной могиле с дочерью Настюшей.

У Даниила Ермолаевича хранились некоторые рукописи и рисунки м. Марии, в том числе — уникальный экземпляр ее книги «Стихи» (1937) с авторскими рисунками на полях к ее собственным стихам. После смерти Скобцова все это вместе с акварелями и казацкими документами досталось его крестному сыну, архитектору Георгию Ивановичу Лещенко (Париж). Несколько лет тому назад Ксения Игоревна Кривошеина устроила замечательную выставку произведений матери Марии в Петербурге (2003–2004 гг.). Выставка приехала из Парижа и проходила в Пушкинском Доме, впервые русские люди смогли открыть для себя личность этой замечательной монахини. А в 2005 г. акварели на библейские темы, хранившиеся у Г. Лещенко, с помощью К.И. Кривошеиной[29] были переданы в храм Св. Серафима Саровского в Париже. Здесь теперь собрана настоящая и редкая коллекция икон м. Марии.

Сам Даниил Ермолаевич Скобцов издал небольшой сборник произведений м. Марии, в который включил несколько воспоминаний о ней, в том числе и свои[30].

Опубликовано в информационно-аналитическом сборнике о Русском зарубежье «Берега», вып. 6, 2006 г., СПб.

---

[29] В 2004 г. в издательстве «Искусство—СПБ» вышла в свет книга-альбом «Красота спасающая» (автор и составитель К. Кривошеина), это первая полная монография о жизни и творчестве матери Марии, теперь уже канонизированной святой.

[30] Мать Мария: Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере Равенсбрюк. Париж, 1947. Авторские права Д.Е. Скобцова.

ГРИГОРИЙ БЕНЕВИЧ

ТЕМА СОФИИ И КАК ОНА СВЯЗЫВАЕТ М. МАРИЮ, А. БЛОКА И ВЛ. СОЛОВЬЕВА

Г. Беневич — заведующий кафедрой
и руководитель программы специализации
по Византийской философии в РХГА

Жизнь и творчество Е.Ю. Кузьминой-Караваевой (будущей матери Марии) были тесно связаны с Владимиром Соловьевым, культ памяти которого царил, как вспоминала м. Мария, в семье ее первого мужа, Д.В. Кузьмина-Караваева[1]. Влияние Вл. Соловьева на русскую интеллигенцию, на религиозных философов, друзей и соратников м. Марии было огромным. Кузьмина-Караваева, несомненно, находилась под большим влиянием Соловьева до определенного времени. Но затем в ее жизни произошла та «внутренняя катастрофа», после которой она «все поставила под сомнение, отказалась от возможности говорить "от" Достоевского, или Хомякова, или Соловьева, и стала говорить только от имени своей совести, от той или иной степени своей любви и своего Боговедения»[2].

В 1929 году, будучи уже в эмиграции, Елизавета Юрьевна издала три книжки о Достоевском, Хомякове и Соловьеве. Последняя называлась «Миросозерцание Владимира Соловьева» (это название повторяет название книги кн. Е. Трубецкого[3]. А в 1936 году, после смерти своей старшей дочери

---

1 См.: *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Р., 1992. Т. 1. С. 29.

2 Там же. Т. 2. С. 257.

3 *Трубецкой Е.* Миросозерцание Вл. Соловьева. М., 1913.

Гаяны, м. Мария написала: «Не укрыться в миросозерцанье»[4]. Эта смерть, как и смерть в 1926 году ее младшей дочери Анастасии, и была, вероятно, для м. Марии той катастрофой, о которой она пишет в статье 1937 года. Так что полагать, что м. Мария в своем монашестве в миру, как и в своем мировоззрении в целом, следовала Вл. Соловьеву, нам кажется, нельзя. Отношение к наследию Вл. Соловьева, как и других русских мыслителей, у м. Марии было творческим. Самым главным вопросом русской философии у м. Марии, особенно в ее зрелых статьях, была вторая заповедь, и она получила у нее новую, евангельскую, формулировку: «Можно смело сказать, что главная тема русской мысли XIX века была о второй заповеди, догматических, нравственных, философских, социальных и любых других аспектах ее».

Без этой заповеди, согласно м. Марии, невозможно говорить о хомяковской идее «соборности», без этой любви «не было бы смысла в учении Соловьева о Богочеловечестве, потому что оно становится единым и органичным, подлинным Телом Христовым, лишь соединенное и оживотворенное потоком братской любви, объединяющей всех у единой Чаши и причащающей всех единой Божественной Любви»[5]. В центре жизни и деятельности м. Марии было то, что сама она назвала «мистикой человекообщения», являющейся выражением евангельской любви. Постараемся показать, как эта тема связана с ключевой для русской философии темой Софии и с той экзистенциальной проблематикой, с которой м. Мария столкнулась в своей жизни. В первую очередь, здесь необходимо вспомнить ее встречи с А. Блоком.

Общение с А. Блоком было важным фактором в биографии будущей м. Марии. Вопросы, на которые отвечала всю жизнь м. Мария, мы полагаем, во многом сформировались в ее общении с Блоком. Согласно ее собственному свидетельству, Блок в те годы для нее был «символ всей нашей жизни, даже всей России символ»[6]. Он — это дитя России, самый

---

[4] *Монахиня Мария.* Стихи. Берлин, 1937. С. 88.

[5] *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 228–229.

[6] Там же. Т. 1. С. 44.

похожий на свою мать сын! Россия умирала, и Блок, будучи великим поэтом, был, согласно м. Марии, средоточием всего безумия, всей боли своей родины. Сама же м. Мария (тогда Е. Кузьмина-Караваева) готова была «свободно отдать свою душу»[7] на защиту Блока.

Защитить Блока значило защитить и его, и Россию. Это была задача на всю жизнь. Тот факт, что она написала свои воспоминания о Блоке в 1936 году, уже будучи монахиней, показывает, что м. Мария всегда помнила его.

Что касается самого Блока, то он испытал сильное влияние Вл. Соловьева, который был «духовным отцом» и русской религиозной философии, и поэзии символистов[8]. Мысль Соловьева и основные темы поэзии Блока оставались важными для м. Марии на протяжении всей ее жизни.

От А. Блока и Вл. Соловьева, очевидно, пришли к м. Марии два главных символа ее поэтики и богословской мысли — меч и крест.

В своей итоговой поэме «Духов День» (1942 г.) м. Мария пишет: «Начало мира — это меч и крест»[9]. Оба символа встречаются и в ключевом для нее месте в ее статье «О подражании Богоматери» (1939): «Крест вольно — значит, активно — подъемлется Сыном Человеческим. Меч же наносит удар, рассекает душу, которая принимает его... Крест Сына Человеческого, вольно принятый, становится обоюдоострым мечом, пронзающим душу Матери, не потому, что Она вольно его избирает, а потому, что Она не может не страдать страданиями Сына»[10]. Важно отметить, что оба эти символа — крест и меч — встречаются в стихотворении Блока «Снежная Дева», датированном 17 октября 1907 года.[11] Лиза Пиленко (будущая м. Мария) встретила Блока впервые в начале 1908 года, ясно, что все, связанное с этим периодом жизни Блока, должно было иметь для нее особое значение.

---

7 *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 38.

8 См. *Мочульский К.* А. Блок, А. Белый, В. Брюсов. М., 1997. С. 49–53.

9 *Скобцова Е.Ю.* Жатва Духа. Томск, 1994. С. 58.

10 *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 99.

11 *Блок А.* Сочинения: в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 258–259.

Героиня стихотворения Блока родом из Египта («все снится ей родной Египет»). Теперь же она живет в северном городе, там, где живет и автор стихотворения. Чтобы понять этот образ, необходимо вспомнить поэму Вл. Соловьева «Три свидания».

Эта знаменитая поэма посвящена трем свиданиям Вл. Соловьева с Софией», как он ее сам понимал[12]. Последнее свидание было в Египте, куда позвала философа София. Героиня стихотворения Блока должна восприниматься именно в этом контексте. Несомненно, была реальная женщина, вдохновившая поэта на этот стих. Тем не менее, согласно учению Вл. Соловьева, реальная, земная женщина — лишь путь реализации нашей любви к Софии[13].

Мы еще вернемся к софиологии, здесь же скажем, что, как видно из стихотворения, его лирический герой страдает, поскольку его возлюбленная «холодна». Он сам изображает себя рыцарем: «...я в стальной кольчуге, а на кольчуге — строгий крест»[14]. Крест здесь, похоже, символизирует воздержание. Согласно Вл. Соловьеву, к Софии может привести только платоническая любовь. Рыцарь принимается «египтянкой», она становится для него источником вдохновения, открывает ему свои тайны. Тем не менее он страдает, поскольку его возлюбленная — Снежная Дева, и она никогда не возьмет меч, чтобы дать выход страсти:

Но сердце Снежной Девы немо
И никогда не примет меч,
Чтобы ремень стального шлема
Рукою страстною рассечь[15].

Что же касается рыцаря Снежной Девы, то он «в священном трепете» хранит «мечту торжественных объятий». Таков вкратце «сюжет» стихотворения. Возможно, Крест

---

[12] См. анализ этого стихотворения: *Сопронов П.А.* Русская философия. СПб., 2000. С. 189-198.

[13] См.: *Соловьев Вл.* Сочинения: в 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 534—537.

[14] *Блок А.* Сочинения: в 2 т. М., 1955. Т. 1. С. 258.

[15] Там же. С. 259.

и Меч — основные символы богословия м. Марии — так много значили для нее, поскольку она встретила их в этом стихотворении. Впрочем, уже в одном из последних стихов Вл. Соловьева «Дракон (Зигфриду)» мы читаем:

Полно любовью Божье лоно,
Оно зовет нас всех равно...
Но перед пастию дракона
Ты понял: крест и меч — одно[16].

Из этих двух источников — Соловьева и Блока, — вероятно, и происходят основные символы богословия м. Марии. Возможно, когда она впоследствии открыла для себя, что Крест Христов неотделим от Меча, пронзившего сердце Божией Матери, стоявшей у Креста, м. Мария поняла, что крест и меч из стихов Соловьева и Блока не что иное, как «тень» этих Креста и Меча.

В действительности то, что искал Блок, как и всякий человек, — это истинная любовь.

Настоящей проблемой Блока была невозможность истинной любви. Мужчина и женщина отчуждены друг от друга (ср.: «и чуждый — чуждой жал он руки»[17]). Ту же тему мы находим в первой книжке самой Кузьминой-Караваевой:

В пожатьи сомкнуты руки
И пристален жаждущий взор.
Минута, — и будешь ты нежен...
Но страх нескончаемой муки
И вечных неверий позор
Кричит, что конец неизбежен[18].

Невозможность любви и была, вероятно, тем, что в наибольшей степени томило как А. Блока, так и Е. Кузьмину-

---

[16] *Соловьев В.С.* Избранное. СПб., 1998. С. 259. Мы благодарны А. Шуфрину, указавшему нам на этот источник.

[17] *Блок А.* Сочинения: в 2 т. М., 1955. С. 257.

[18] *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Наше время еще не разгадано... Томск, 1996. С. 16.

Караваеву. Как мы далее увидим, именно в Кресте Христовом и «оружии», прошедшем сердце Божией Матери, м. Мария найдет средство от болезни Блока (и своей собственной). Отчуждение, холод в отношении одного человека к другому (вне зависимости от их пола), так же как и отчуждение человека от Бога, всякое отчуждение вообще, может, согласно м. Марии, быть упразднено через Крест и Меч. Таков ее ответ на вопрос, поставленный в стихах, тем не менее необходимо тщательное исследование, чтобы понять истинную глубину этой мысли, ее религиозно-философское содержание. Вспомним, что сама м. Мария при постриге получила имя в честь преп. Марии Египетской. В своей поэме «Духов День» м. Мария спрашивает, как бы задавая загадку, что общего между нею, у которой служением было монашество в миру, и Египтянкой, несшей свой подвиг в пустыне («И именем Египтянки зачем / Меня назвали?..»[19]). Там же она говорит и о кресте, напечатленном на ее монашеских «латах». Похоже, что в своей последней поэме м. Мария вернулась к основным темам и образам «Снежной Девы», хотя теперь она сама уже оказалась и рыцарем, носящим крест, и образом Египтянки. Таким образом, «мужское» и «женское» соединились. Символы Блока и Вл. Соловьева оказались совершенно преображены.

Здесь надо также напомнить связанное с именем Вл. Соловьева учение об андрогине. Оно обсуждается в работе Соловьева «Смысл любви»[20], оно также упоминается в статье «Жизненная драма Платона»[21]. Тема андрогина занимает важное место в современном религиоведении, во многих традициях соединение полов понимается как восстановление изначальной цельности человека, что является путем к возвращению в потерянный рай, эту идею можно найти в еврейской и греческой мысли, в гностицизме, в герметизме, немецком мистицизме и романтизме [22]. Она широко об-

---

[19] *Скобцова Е.Ю.* Жатва Духа. С. 48.

[20] См.: *Соловьев Вл.* Собрание сочинений: в 2 т. М., 1990. С. 513.

[21] См.: Там же. С. 619.

[22] См.: *Элиаде М.* Мефистофель и андрогин. СПб., 1998.

суждалась в русской религиозной философии[23]. Эта же тема является центральной в учении Вл. Соловьева о любви.

Вместе с тем всеобщее внимание привлекает утверждение апостола Павла, что во Христе Иисусе нет ни мужского пола, ни женского (см.: Гал. 3:28), да и в святоотеческой православной традиции, в частности у преп. Максима Исповедника, преодоление оппозиции между мужчиной и женщиной является первым и изначальным этапом жизни во Христе[24]. Таким образом, этот вопрос действительно важен.

Что касается Вл. Соловьева, то в своем учении о любви он подчеркивает, что сутью любви между мужчиной и женщиной является восстановление человеческой цельности. Более того, похоже, что платоническая любовь мужчины и женщины для Соловьева являлась единственным способом восстановления этой цельности. Такое решение было отвергнуто, как Е. Трубецким[25], так и ближайшим соратником м. Марии по «Православному Делу» К. Мочульским, издавшим в 1936 году книгу «Владимир Соловьев. Жизнь и учение»[26]. Мать Мария, вероятно, разделяла оценки К. Мочульского, в то же время она попыталась дать свой ответ на вопрос, поставленный Вл. Соловьевым.

Ответ этот связан с идеей м. Марии, что каждая «человеческая душа объединяет в себе два образа — образ Сына Божия и образ Божией Матери... и должна не только подражать Христу, но и подражать Богоматери»[27]. Эта идея, очевидно, тесно связана для м. Марии с вопросом Вл. Соловьева о восстановлении цельности личности. С другой стороны, как мы увидим, она имеет прямое отношение к исполнению двух заповедей — любви к Богу и ближнему. Как там же писала м. Мария, «рождая Христа в себе, человеческая душа этим

---

[23] См.: *Сабиров В.Ш.* Русская идея спасения. СПб. 1995. С. 140–141.

[24] См.: *Thunberg L.* Man and the cosmos. N.Y. 1985. P. 81.

[25] См.: *Трубецкой Е.* Миросозерцание Вл. С. Соловьева. М., 1913. Т. 1. С. 181–182.

[26] Опубл. в: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 180–181.

[27] *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1 С. 103–104.

самым усыновляет себе все Тело Христово, все Богочеловечество, и каждого человека в отдельности».

Сама м. Мария пришла к такому пониманию христианской любви не сразу. Так, в своем первом религиозно-философском эссе «Святая земля» (1927) она мыслит в рамках схемы, в которой разделение мужского и женского до конца не преодолено. Она говорит о двух путях в христианстве — «материнском» и «сыновнем»: «надо говорить об отдельных лицах, воплощающих в себе частично или сыновний путь человечества, или материнский путь святой земли»[28]. Это, соответственно, путь «подражания» Христу и Богородице. Однако в более поздних статьях м. Мария приходит к иному, более совершенному видению подвига христианина, в котором оба пути соединяются в одном человеке. Но прежде чем сказать об этом, вернемся к теме Софии.

* * *

Говоря о мысли м. Марии, следует отметить, что она развивалась в диалоге с Н. Бердяевым и о. Сергием Булгаковым. Оба они испытали влияние Вл. Соловьева, оба (каждый по-своему) работали с его софиологией и его учением об андрогинной природе человека. Скажем коротко о софиологии Н. Бердяева. В отличие от космологического понимания Софии, характерного для о. Сергия, у которого София толковалась в русле отношений Бог — мир[29], Бердяев разрабатывал свой, антропологический, подход к этой теме. Он позаимствовал свое понимание Софии у Я. Беме, у которого София связана с темой андрогина. Согласно Беме, Адам до грехопадения был юношей-девой, и его девство было не чем иным, как Софией, оно-то и было потеряно с грехопадением. Премудрость Божия — это Вечно-дева. Ева, как земная женщина, появляется уже после грехопадения. Таким образом, миссия Христа понимается как восстановление истинного образа Божия в человеке. На Кресте Христос освободил наш девственный образ от мужчины и женщины. Христос восстановил образ

[28] Там же. Т. 2. С. 191.

[29] См.: *Геннадий (Эйкалович), игумен.* Софийность творения по учению о. Сергия Булгакова // Беседа. 1995. № 3. С. 101.

андрогина в человеке и возвратил ему Деву-Софию. Образ Божий — это юноше-дева, а не мужчина и женщина. Таково общее понимание мысли Я. Беме, разделяемое Н. Бердяевым в «Смысле творчества»[30]. Это учение толкуется им как стремление к девству души, утраченному девству человека. При этом девство здесь понимается как природа. Бердяев ссылается на последователя Я. Беме Фр. Баадера — «природа духа изначально андрогинна, поскольку каждый дух имеет свою природу (землю, тело) в себе, а не где-то вне себя»[31].

Главным нервом Н. Бердяева являлась, как известно, *апология творчества и восстановления человека*. Его понимание Софии связано с идеей религиозного творчества — творения новой твари, в которой будет восстановлено тождество субъекта и объекта. Нет сомнений, что понятие андрогина, в котором «его дух имеет свою природу в себе», и представляет собой эту идею новой твари.

Что касается м. Марии, то у нее мы встречаем иной взгляд на эту проблематику. Речь идет уже не о юноше-деве, а о Сыновстве и материнстве: «Богоматерь, осеняемая Духом Святым, и Воплотившийся Сын Божий — они двое — есть полнота человеческого образа в небесах — полнота раскрывшейся Софии... материнство и Сыновство»[32]. Итак, речь идет не об адрогине, а о диаде. В данном случае м. Мария, очевидно, в какой-то мере следует за о. Сергием Булгаковым, который писал: «Есть два личных образа Софии: тварный и богочеловеческий, два человеческих образа на небесах: Богочеловека и Богоматери»[33]. Разница, однако, в том, что если о. Сергий говорит по отдельности о Христе и Богоматери и с каждым из них соотносит понятие Софии, то для м. Марии тема Софии принципиально связана с диадой Богородица — Сын Божий[34]. Соответственно «софийность» для м. Марии имеет

---

[30] См. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества // Собрание сочинений. Р., 1991. Т. 2. С. 221–224.

[31] Там же. С. 224.

[32] *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 2. С. 168.

[33] *Булгаков С., прот.* Купина Неопалимая. Париж, 1927. С. 138–139.

[34] Как известно, софиология о. Сергия претерпела длительную

непосредственное отношение к диаде Мать — Сын, динамике Боговоплощения и домостроительства спасения. Именно Богородица и Сын Божий (искупивший и Ее) вместе исправили грех Евы и Адама (эта мысль в православном богословии встречается уже у св. Иринея Лионского, назвавшего Деву Марию Новой Евой). Появление темы материнства для м. Марии не случайно. После смерти младшей, а затем и старшей дочери именно на путях преображения плотского материнства, которое, в отличие от Бердяева, она никогда не презирала, м. Мария нашла ответ на вопрос о возможности истинной любви.

Чтобы понять остроту возникающей здесь проблемы, обратимся к оригинальному понятию анти-Софии, которое м. Мария выдвинула в статье «Об антихристе»[35], написанной, вероятно, после начала Второй мировой войны. Сама идея антихриста предполагает идею анти-материнства, анти-Марии. Вместе с антихристом анти-мать представляет собой то, что м. Мария называет анти-Софией. То есть если софийность для нее связана с представлением о душе, рождающей Христа

эволюцию, на м. Марию, когда она была ученицей о. Сергия, по нашему мнению, оказали наибольшее влияние его идеи «среднего периода» (1924–1928 г.г.), в которых он связывал понятие Софии с совокупностью Божественных энергий (он их не вполне четко отличал от платоновских идей — см. *Булгаков С., прот.* Ипостась и ипостасность // Философско-литературные штудии. Вып. 2. Минск, 1992. С. 239). В свою очередь, эти энергии или действия Божии, воплощались в Теле Христовом (Небесная София) и Богородице (София земная). В отличие от о. Сергия для м. Марии (когда она уже вышла из-под его влияния) было существенно не «энергийное» понимание Софии, а ипостасно-личное. Поэтому у нее, в ее зрелых работах, нет представления о Небесной и земной Софии, но есть учение о диаде Христос — Божия Матерь, которую она и называет Софией. Это представление, нам кажется, не противоречит святоотеческому учению о Софии, так по толкованию о. Иоанна Мейендорфа, София это не только Божественный Логос, но и «динамический образ инкарнации», и в этом смысле неотделима не только от Христа, но и от Богородицы (см.: *Meyendorff J.* L'iconografie de la Sagesse Divine dans la tradition Byzantin // Studia slavicobysantina et mediaevalia europensia. 1988. Vol. I. P. 104–106).

[35] См.: *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 2. С. 167–170.

(о душе каждого человека, независимо от его пола), то анти-София связана с двумя началами — похотью и смертоубийством. Анти-мать «должна утверждать себя как антидевство и антиматеринство, как абсолютное выявление похотности мира, как из ничего возникающая и обнимающая собой весь мир проституированность творения»[36]. Антихристово же начало — это начало смертоубийства, коренящегося в гордыне.

Если теперь вернуться к Н. Бердяеву, то можно заметить, что в ранних работах, таких как «Смысл творчества», его представление о юноше-деве не включает в себя идею материнства как высшей цели девства. Отвергая растление тела и души, Бердяев, однако, не доводит это отталкивание до конца. Согласно же мысли м. Марии, недостаточно восстановить девство души, душа должна быть плодоносна, она должна родить Христа и таким образом быть спасенной Христом и участвовать в деле спасения Им мира. Похожие мысли можно найти у прп. Максима Исповедника, называвшего душу верных «матерью-девой», рождающей Христа[37]. Особенность мысли м. Марии,

---

[36] Там же. С. 169.

[37] В оставшейся в черновиках и лишь недавно опубликованной статье «Типы религиозной жизни» (1937) м. Мария догматически неточно, как справедливо заметил прот. Валентин Асмус, говорит о том, что христиане становятся «человеками-христами» (см.: *Асмус В., прот.* «Пророческий голос» Никиты Струве и Мать Мария (Скобцова) // Радонеж. 1998. № 17 (83). Ноябрь. С. 3). В опубликованной позднее статье «О подражании Богоматери» (1939), трактующей те же темы, она не употребляет этого выражения, более подходящего для скопцов или хлыстов. Речь у м. Марии, мы полагаем, в действительности идет о том, что в верных происходит Боговоплощение, соединение Божественной и человеческой природы, через причастие Христу. Эта идея, повторим, для мистического богословия Православной Церкви не представляет собой ничего необычного. Тем не менее, здесь следует быть внимательным. В частности, новомученик Михаил Новоселов присоединялся к мнению кн. Д.А. Хилкова, что «для вечной жизни не человек должен воплотить Христа, а Христос человека... [чтобы] человек стал частью Тела Христова» (*Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М., 1994. С. 38). Ясно, что это уточнение направлено в первую очередь против хлыстовства, где каждый человек мыслится как воплощение Христа или Богородицы. Тем не менее верно и то, что в святоотеческой литературе (у блаж. Августина или того же преп. Максима Исповедника мы находим

однако, состоит в том, что она связала рождение душой Христа (т. е. явление человеком Христа в его жизни) с «усыновлением» всей плоти Христовой, что подразумевает для нее «усыновление» каждого образа Божьего. Однако уже в III веке свт. Мефодий Олимпийский в «Пире десяти дев» (переведенном на русский еще до революции и, несомненно, известном м. Марии), ссылаясь на ап. Павла (см.: Гал. 4:19), говорил, что христианин (независимо от пола) должен стать не только «помощником и невестою Слова», но и Церковью и матерью, «рождая и сам уверовавших через него во Христа, доколе в них не родился, изобразившись, Христос»[38].

* * *

Итак, если Н. Бердяев, следуя Вл. Соловьеву, связывает восстановление девства души с платонической любовью мужчины и женщины, то *у м. Марии идея о девственном материнстве позволяет отделить проблему спасения от проблемы отношения полов.*

Согласно Соловьеву, каждый человек призван любить Софию (быть в этом смысле философом). Эта любовь может реализовываться через платоническую любовь мужчины к женщине. Чистая платоническая любовь позволяет любить конкретную женщину как образ Софии. Мужчина должен любить свою возлюбленную в Софии и Софию в возлюбленной. Таким образом, София реализуется и воплощается в индивидуальной жизни человека. Соловьев также замечает, что поскольку София одна, но может быть представлена различными женщинами, кажется, ничто не мешает нам сменять партнеров «философской» любви[39].

В то же время учение Соловьева тесно связано с понятием андрогина. Мужчина и его женское alter ego взаимно

слова о душе истинного подвижника, в которой «всегда благоволит таинственно рождаться Христос, воплощаемый спасаемыми, и рождающую его душу Он делает матерью-девою» (Творения преп. Максима Исповедника. М., 1993. Кн. I. С. 193). Т. о. думается, что с определенными и очень существенными оговорками, выражения о душе матери-деве, в которой рождается Христос, можно принять.

[38] *Мефодий Патарский, сщмч.* Пир десяти дев. М. 1996. С. 42.

[39] См. *Соловьев Вл.* Сочинения: В 2 т. М. , 1991. С. 535.

дополняют друг друга не только в реальном, но и в идеальном смысле. Любовь мужчины к женщине позволяет ему участвовать в любви Христа к Церкви и наоборот. Таким образом, по мысли Соловьева, мужчина может восстановить образ Божий в объекте своей любви и в самом себе[40].

Здесь следует заметить, что даже при такой идеализации возлюбленной она представляет собой только тварь, хоть и универсальную — Софию. Вместо того чтобы утверждать ближнего в Боге, эта любовь утверждает возлюбленную в «Софии», которая остается тварью (пусть и с большой буквы). Любящий же оказывается образом Самого Богочеловека — Христа. Здесь остается некая асимметрия, не разрешенная до конца ни Вл. Соловьевым, ни Н. Бердяевым, с его идеей юноши-девы. Так незаметно гордыня (мужская гордыня) прокрадывается в межчеловеческие отношения, и оппозиция мужского и женского не преодолевается. На путях Вл. Соловьева и А. Блока истинного общения в любви с другим не получается. Эти отношения остаются трагичными, поскольку не избавляют до конца ни от похоти, ни от гордыни.

Разрешением этой проблематики и была, по нашему мнению, жизнь и мысль м. Марии. Речь идет о возможности истинной любви, которую она называет «вершиной человеческого творчества»[41]. Говоря о собственном опыте любви к ближнему, м. Мария заметила, что эта любовь предполагает две ступени. С одной стороны, мы должны почитать образ Божий в каждом нашем брате. Мы встречаемся «не с плотью и кровью, а... с самой воплощенной иконой Бога в мире»[42]. В то же время, когда мы встречаем ближнего таким образом, нам открывается и другая тайна, «которая требует самой напряженной борьбы, самого большого аскетического восхождения», ибо наряду с видением образа Божия в ближнем мы можем увидеть «как этот образ Божий затуманен, искажен, исковеркан злой силой»[43]. В этом случае, если человек

---

[40] См.: Там же. С. 528–529.

[41] См.: *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 181.

[42] Там же. С. 226.

[43] Там же.

увидит сердце человеческое, где дьявол ведет непрестанную борьбу с Богом (идея Достоевского), «он захочет во имя образа Божьего, затемненного дьяволом, во имя пронзившей его сердце любви к этому образу Божьему начать борьбу с дьяволом, стать оружием Божиим в этом страшном и попаляющем деле. Он это сможет, если все его упование будет на Бога, а не на себя»[44].

Наверно, на формирование этих идей м. Марии повлиял образ Сони из «Преступления и наказания», отдавшей себя на борьбу за Раскольникова. В конце романа Соня воспринимается каторжниками как «мать нежная и болезная»[45]. Но не меньшее влияние на м. Марию мог оказать Ибсен, популярный на рубеже веков в среде русской интеллигенции. Здесь надо вспомнить образы Агнес и Сольвейг. Характерно различие между ними. Агнес из «Брандта» дополнительна по отношению к своему мужу, который мыслит себя как воин Христов; в то время как муж ее бьется с силами мрака, она, разделяя пассивно, страдательно его крест, должна согревать его «даром нежности и света»[46]. Но Агнес еще не является полноценной целостной личностью, ее отношения с Брандтом трагичны, как и сама личность Брандта, в котором до конца не изжита духовная гордыня, от чего не спасает его и Агнес. В «Пере Гюнте» же мы встречаем иной образ: Сольвейг сама осуществляет подвиг несения креста отречения от мира и одновременно любви к Перу, подлинное лицо которого она прозревала силою христианской любви. Сам же Пер Гюнт (всю жизнь пытавшийся быть самим собой, но так и не обретший себя) в конце пьесы возвращается к ней как блудный сын и обретает в ее лице духовную мать, ходатайствующую пред Богом Отцом о его спасении. «Я мать, / А кто отец? Не тот ли, кто прощает / По просьбе матери?»[47] — финал пятого действия. Сольвейг вырывает Пера из рук погибели. У м. Марии мы видим в чем-то сходное

---

[44] Там же.

[45] *Достоевский Ф.М.* Собрание сочинений: в 12 т. М., 1982. Т. 5. С. 529.

[46] *Ибсен Г.* Собрание сочинений: в 4 т. М., 1956. Т. 2. С. 253.

[47] Там же. С. 635.

представление о духовном материнстве, направленное, впрочем, уже не на одного возлюбленного, а на каждого «блудного сына», причем не только того, кто прибегал к ее помощи, но даже и тех несчастных, уже не способных бороться за себя, кого она отыскивала сама. Здесь — продолжение интуиций Достоевского и важный шаг в направлении церковной традиции по сравнению с Ибсеном. Духовная мать (как образ Церкви и Богоматери) способствует усыновлению ближних Богу во Христе.

Так согласно мысли м. Марии, осуществляется христианская любовь, в которой человеческая душа, рождая в себе Христа, спасается Им сама и участвует в деле спасения своих ближних, подражая Христу и Божией Матери.

* * *

Наша задача — не восстановить утраченный андрогинизм, но исполнить две заповеди любви.

В контексте учения о Божией Матери (которое есть не что иное, как мистическое богословие Православной Церкви) м. Мария замечает, что две заповеди любви подразумевают две задачи — явить Христа и способствовать рождению Христа в нашем ближнем: «рождая Христа в себе, человеческая душа этим самым усыновляет себе все Тело Христово, все Богочеловечество, и каждого человека в отдельности»[48].

Именно в этом контексте м. Мария обращается к символике Креста и Меча. Крест соответствует умиранию для этого мира — всецелой отдаче себя Богу, несение своего креста — это исполнение заповеди любви к Богу. Но помимо этого есть и заповедь любви к ближнему. Говоря об этом таинстве, м. Мария выдвинула идею «подражания Богоматери». В центре ее понимания этого подражания стояние Богородицы у Креста Христова. Но повествование об этом в Евангелии от Иоанна м. Мария соединяет с описанием Голгофы в синоптических Евангелиях: «Даже и на Голгофе было три креста, — крест Богочеловека и кресты двух разбойников»[49].

---

[48] *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 104–106.

[49] Там же. С. 96.

Соединяя два образа Голгофы, м. Мария пишет о том, что душа, рождающая в себе Христа (уподобляющаяся Богоматери), пронзается не только Его крестом-мечом, но и крестами-мечами тех, с кем (и за кого) Он принимает распятие. Ибо «два последние креста как бы символы всех человеческих крестов»[50].

Из этого делается главный богословский вывод: в ее рождении новой жизни душа «должна знать тайну креста, становящегося мечом. В первую очередь, Голгофский крест Сына Человеческого должен мечом пронзить каждую христианскую душу... Кроме того, она должна принять (в себя) и мечи крестов своих братьев»[51].

Обратимся теперь снова к тому стихотворению Вл. Соловьева, которое, по-видимому, явилось отправным для м. Марии в ее размышлениях над таинством единства креста и меча: «Полно любовью Божье лоно, / Оно зовет нас всех равно, / Но перед пастию дракона / Ты понял: крест и меч — одно»[52]. Это стихотворение — «Дракон. Зигфриду» — было адресовано немецкому кайзеру Вильгельму II, который вместе с главами других европейских держав послал войска на усмирение ихэтуаньского («боксерского») национально-освободительного восстания в Китае (1900 г.), имевшего религиозную окраску[53]. Вл. Соловьев принял совместное действие европейских держав за признак объединения христианского мира в борьбе с миром языческим («желтой опасностью»). В «Трех разговорах» он выступил против толстовской «ереси пацифизма»[54], почему в «Драконе» Соловьев и прославил кайзера Вильгельма, сравнивая его с Зигфридом, победившим дракона (см. «Кольцо Нибелунгов»), и назвал кайзера наследником «меченосной рати» (крестоносцев)[55]. Стих Вл. Соловьева направлен против «ложного всеединства», основанного не на единстве человечества в истинной вере (христианстве), а на гуманистическом

---

[50] Там же.

[51] Там же. С. 163.

[52] *Соловьев Вл.* Избранное. С. 188.

[53] См.: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. М., 1995. С. 214.

[54] См.: Там же. С. 207.

[55] См.: *Соловьев Вл.* Избранное. С. 188.

единстве всех людей. Хотя Божье лоно полно любовью, и «зовет всех равно», но китайский языческий (или буддистский) дракон не может быть примирен с европейским христианством, а должен быть побежден. Такова идея этого стиха, впрочем, Вл. Соловьеву пришлось вскоре в предсмертной беседе с С.Н. Трубецким с горечью говорить о том, «с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем... христианства [у них] нет»[56]. Символы креста и меча и дальше встречаются в русской мысли в связи с проблемой употребления силы ради утверждения (или защиты) православия[57]. Во всех этих размышлениях меч понимается как оружие.

Что касается м. Марии, то в своей последней историософской работе «Размышления о судьбах Европы и Азии» (1941) она связывает в одну линию Вильгельма и Гитлера и резко выступает против европейского милитаризма и империализма в отношении азиатских стран (к этой теме мы еще обратимся). Образ же креста и меча появляется в ее произведениях в совершенно другом контексте в связи с идеей о подражании Богоматери и Христу. Тем не менее, и здесь, в конечном счете, речь идет о победе над злом и всеединстве, но перспектива у м. Марии совершенно иная, чем у других русских мыслителей, писавших в это время о кресте и мече. Так, если З. Гиппиус в статье «Меч и крест» (1926), отчасти споря, отчасти соглашаясь с И. Ильиным, пишет, что «меч может стать подвижническим крестом, но никогда не бывает меч — молитвой»[58], то есть что применение оружия может быть актом духовного подвига, но не может быть актом общения с Богом, то м. Мария прибегает к той же символике совершенно в другом контексте, она говорит, что крест подвижнической жизни, взятый из любви к Богу, может и должен стать для христианина мечом, раскрывающим его душу для любви к людям.

Христианин должен победить дьявола, но не так, как Зигфрид (Вильгельм) хотел победить китайского дракона. Война

---

[56] Цит. по: *Сербиенко В.* В. Соловьев. М., 2000. С. 211.

[57] См., напр.: *Эрн В.Ф.* Меч и Крест. М., 1915.

[58] *Гиппиус З.* Меч и крест // Ильин И. Собрание сочинений: в 10 т. М. Т. 5. С. 423.

христиан «не против плоти и крови». В статье «Об антихристе» м. Мария писала об анти-Софии как о единстве духа смертоубийства, коренящегося в гордыне, и духа анти-девства и анти-материнства. Эта идея восходит к образу Вавилонской блудницы, восседающей на драконе, из Апокалипсиса (см.: Откр. 17). Кроме этой пары, мы встречаем в Апокалипсисе другую — «жену, облеченную в солнце» (Откр. 12:1), «рождающую младенца мужеского пола», которому «надлежало пасти все народы жезлом железным» (Откр. 12:5). Именно это место вспоминает м. Мария в последних строчках поэмы «Духов День» (1942): «От северной границы и до южной / Пасет народы предреченный Вождь»[59]. Согласно православной традиции, это место Апокалипсиса толкуется применительно к христианам, «в каждом из которых духовно рождается Христос»[60]. Он и есть Младенец, пасущий «жезлом железным» народы.

В своем толковании на Апокалипсис Св. Андрей Кесарийский, как истинный ромей (т. е. византиец), объясняет «железный жезл», применительно к византийской империи: «крепкими, подобно железу, руками сильных римлян пасет народы Христос»[61]. У м. Марии, однако, «жезл железный» — это не оружие христиан-ромеев, она соотносит его с тем крестом-мечом, который вольно принимают христианские мученики и подвижники, рождающие «младенца мужского пола». Распинаясь миру и будучи распинаемы им, они свидетельствуют об Истине и побеждают дракона (т. е. дьявола), «младенцы на зло», они являются совершенными мужами «в меру возраста Христова». Мученики и подвижники, в которых рождается Христос, и оказываются истинными воспитателями (пастырями) народов; они, а не власти мира сего «пасут народы» «жезлом железным». Чудесный меч Зигфрида, которым он согласно легенде поразил змия, — это только «тень» того «жезла», которым Младенец из Апокалипсиса «пасет народы» и побеждает зло. Так же как «мировой

---

[59] *Скобцова Е.Ю.* Жатва Духа. С. 60.

[60] См.: Св. Андрея, архиепископа Кесарийского Толкование на Апокалипсис. М., 1901. С. 91.

[61] Там же С. 93.

пожар» из «Двенадцати» А. Блока — это только «тень» (и потому антипод) Пятидесятницы.

Будучи последователем Вл. Соловьева, А. Блок тоже мечтал о «всеединстве», только, в отличие от Соловьева, это «всеединство» для него уже никак не было связано с Церковью (даже с проецируемой Соловьевым «экуменической» или вызывавшей его симпатии католической, не только православной). Начало единства мира Блок на какой-то момент увидел в «музыке революции», поверил, что это — дело Христово, а Россию, которая разожгла пламя революции, счел избранной землей, призванной объединить мир и избавить его от неправды «старого мира». В этом и состояла болезнь А. Блока, с которой всю жизнь «работала» м. Мария.

В конце жизни она поняла и доказала на деле, что истинное «всеединство» осуществляется не политическим и военным способом, оно осуществилось на Кресте Христовом и осуществляется в христианах-мучениках и подвижниках, распинающихся ради спасения всего мира. Такую смерть приняла сама м. Мария, на такую смерть она благословила и своего сына Юрия (Георгия), получившего имя в честь великомученика Георгия (победителя змия)[62].

* * *

Последним осмыслением таинства креста и меча явилась для м. Марии вышивка Богородицы с распятым Младенцем Христом, над которой она работала в нечеловеческих условиях нацистского лагеря в Равенсбрюке. Вышивка несет на себе печать настоящего христианского гнозиса, неотделимого от мученичества. Об этом произведении м. Марии (оно не было ею окончено и не сохранилось в подлиннике, но восстановлено в виде иконы по рассказам солагерниц) уже писала Т. Емельянова[63]. Мы же посмотрим на него несколько иначе.

На иконе изображена Богородица, прижимающая к своему сердцу крест, на котором распят Младенец Христос. Как

---

[62] См.: *Вилинбахов Г., Вилинбахова Г.* Святой Георгий Победоносец. СПб., 1995.

[63] См.: *Емельянова Т.* Пятидесятница матери Марии // Истина и Жизнь. 1998. № 9. С. 38-43.

отмечает Т. Емельянова, ключом к пониманию образа является мысль м. Марии о том, что «крест Сына становится для Богородицы обоюдоострым мечом, пронзающим душу»[64]. Это, несомненно, так, не вполне ясно, однако, почему для м. Марии так важно было изобразить Христа Младенцем и подчеркнуть единство креста и меча.

Т. Емельянова верно замечает, что, в отличие от иконы «Не рыдай Мене, Мати», на вышивке м. Марии Богоматерь оплакивает не взрослого Иисуса, но прижимает к сердцу распятого Младенца. Она объясняет этот образ посредством идеи о том, что Богородица уже с самого детства Христа, даже с Благовещения, прозревала и принимала крест своего Сына. Это одно из возможных толкований. Но не менее правильно будет соотнести этот образ не с Евангелием, а с указанным местом Апокалипсиса (Откр. 12). Как писала м. Мария: «Каждый человек — образ Богоматери, рождающей в себе Христа от Духа Свята. В этом смысле каждый человек в глубине своей является двуединой иконой Богоматери с Младенцем, раскрытием этой двуединой тайны Богочеловечества»[65]. Следовательно, вышивка м. Марии может рассматриваться как образ человеческой души (матери-девы), в муках рождающей Христа от Святого Духа. Это образ души христианина-мученика (свидетеля Христова), переданный через образ Богородицы, которой в этом рождении Христа и уподобляется душа.

В статье «О подражании Богоматери» м. Мария утверждает: «Для христиан не только крест, но и крест, становящийся мечом... должен быть Божией силой и Божией Премудростью (т. е. Софией. — *Г.Б.*)»[66]. Здесь мы встречаем еще одно понимание Софии, укорененное в 1 Кор. 1:24, где Божией силой и премудростью именуется Христос. Такое вольное толкование Писания оправдано, если речь идет о таинстве рождения Христа в душе христианина, том рождении, которое, как показывает м. Мария, совершается в муках и скорбях.

---

[64] См.: Там же. С. 42.

[65] *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. С. 102.

[66] Там же. С. 106.

Как мы видели, используя символы креста и меча м. Мария старается ответить на вопрос о возможности истинной любви, тот вопрос, который мучил ее со времени встреч с А. Блоком. Начиная с той постановки вопроса, к какой подошел Вл. Соловьев, преодолевая искушения, встречающиеся на этом пути, м. Мария движется дальше, в сторону церковной традиции. В рамках двух заповедей любви она переосмысляет само понятие Софии, ключевое для русской философии, придавая ему новое звучание, которое не характерно для других известных религиозных мыслителей «парижской школы». Это представление, мы полагаем, в целом не противоречит учению Церкви, но раскрывает его в контексте русской культуры Серебряного века, с которой исторически связана м. Мария.

Текст находится на сайте
«Мать Мария» http://mere-marie.com/
(© Ксения Кривошеина).

ГРИГОРИЙ БЕНЕВИЧ

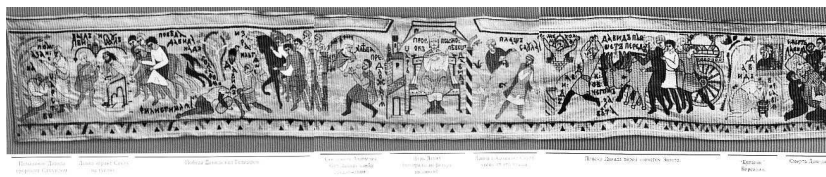
МАТЬ МАРИЯ И ЕЕ ВЫШИВКА «ЖИТИЕ ЦАРЯ ДАВИДА»

Автор выражает особую признательность сестре Серафиме и всем братьям и сестрам монастыря Св. Иоанна Крестителя в Эссексе за возможность ознакомиться с вышивкой матери Марии, предоставление фотокопий с нее, а также за духовную поддержку в этой работе. Настоящая работа является только частью исследования о м. Марии, которое автор готовит для будущей публикации при поддержке Санкт-Петербургской Высшей религиозно- философской школы.

В 1939–1940 гг. м. Мария создала великолепную по исполнению и грандиозную по величине вышивку «Житие Царя Давида» (ее длина 5 м 20 см и ширина 78 см), и она представляет восемь эпизодов из жизни Царя Давида с центральным изображением самого Псалмопевца и Царя. В настоящее время вышивка хранится в монастыре Св. Иоанна Крестителя, основанном архимандритом Софронием (Сахаровым) в Эссексе (Англия), где мне довелось ее видеть.

По свидетельству мамы м. Марии (Софии Борисовны Пиленко), толчком к появлению этой вышивки послужило следующее: Юра, сын м. Марии, студент Сорбонны, изучавший историю искусств, «принес как-то м. Марии альбом с рисунками знаменитых вышивок королевы Матильды, историю войны Англии с Францией. М. Марии понравился этот старинный стиль... и она сейчас же решила в этом стиле вышить жизнь царя Давида» (сообщение Т. Емельяновой, «Истина и Жизнь». 1998. № 9).

Каков бы ни был повод к появлению этой работы, очевидно, личность и житие Царя Давида были для матери Марии тесно связаны с еврейской темой, ведь и сама работа была начата в период гонений на евреев. В то же время ее содержание этим далеко не исчерпывается.



Интересно, что личности Царя Давида посвящены яркие страницы у Вл. Соловьева и в его статье «Новозаветный Израиль», и в «Истории и будущности теократии». Но если для Вл. Соловьева, сильно повлиявшего на русских религиозных философов, с которыми была связана м. Мария, еврейская теократия, осуществленная при Царе Давиде, является прообразом вселенской теократии, которую он надеялся увидеть на земле, то для матери Марии Царь Давид был в первую очередь образцом человека, посвященного Богу, прославившего Бога всеми видами своего служения, всей своей судьбой, не говоря уже о его роли в качестве праотца Христа. Нет нужды говорить, что для поэта м. Марии псалмопевец Давид, кроме того, был своего рода архетипом поэта-пророка.

Как и большинство художественных произведений м. Марии, эта вышивка требует толкования.

В первую очередь, конечно, следует найти те места Ветхого Завета, которым соответствуют эпизоды, изображенные на вышивке. Но этим дело не исчерпывается.

Те или иные события Ветхого Завета в церковной традиции очень часто толкуются в свете Евангелия, и именно такое толкование считается наиболее правильным. Нельзя утверждать определенно, что м. Мария имела в виду такое освещение Ветхого Завета и жизни Царя Давида в свете Евангелия, но, с другой стороны, я полагаю, что ее произведение не сводится к иллюстрации Ветхого Завета и может быть по-настоящему понято лишь в евангельской перспективе.

В самом деле, восемь эпизодов, представленные на вышивке м. Марии, в большой степени соответствуют восьми

Заповедям блаженства из Нагорной проповеди Христа (см.: Мф. 5:3–10). Это особенно видно по четвертому и пятому эпизоду. На одном Давид, несправедливо гонимый Саулом, вкушает хлебы предложения (см.: 1 Цар. 21:4–6), на другом показывает Саулу отрезанный кусок от его плаща (когда Саул заходит в пещеру по нужде, Давид отрезает этот кусок, но самого его не убивает, хотя мог бы) (см.: 1 Цар. 24:1–7). В заповедях блаженства это соответствует 4-й и 5-й заповедям: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» и «блаженны милостивые, ибо они помилованы будут». В частности, милость, о которой идет речь в заповеди (как мы видим на примере Давида), должна оказываться не только слабому, но и по отношению к «врагу».

При этом интересно не только указать на это соответствие, но и показать, как заповеди блаженства могут быть истолкованы, исходя из вышивки м. Марии.

Что касается первого эпизода — изображения помазания меньшего сына Иессея, пастуха Давида, на царство (см.: 1 Цар. 16:12), то он соответствует заповеди «блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное»; причем оказывается, что эта заповедь может пониматься в связи с избранием и принятием миссии, возложенной на человека Богом, «нищета духа» в этом смысле есть всецелая отдача себя воле Божией, явление которой по отношению к человеку и есть «помазание на Царство».

Второй эпизод жития изображает Давида играющим перед одержимым злым духом Саулом (от которого отступил Дух Господень), при игре Давида злой дух отступал от Саула (он на время находил утоление свой муки богооставленности) (см.: 1 Цар. 16:14–23). Вторая заповедь блаженства («блаженны плачущие, ибо они утешатся») вроде не имеет к этому отношения, но ведь, с другой стороны, Давид доставляет Саулу если и не то утешение, о котором говорится в Нагорной проповеди, то хотя бы утоление его муки. Так что «тень» соответствия есть. К тому же ведь в центре этого эпизода не Саул, а Давид, Давид (уже помазанный на царство) не стремится отобрать его у Саула, в отношении мучающегося Саула Давидом движет искреннее сострадание, его игра — это своего

рода плач по Саулу. Очевидно, так «плачущий» Давид и получает «утешение» Духом Святым, исполняясь которым, он приносит утешение и Саулу.

Здесь соответствие тоже очевидно, как и в третьем эпизоде — победы Давида над Голиафом (см.: 1 Цар. 17), соответствующей третьей заповеди: «блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Кротость при этом понимается вовсе не как пассивность в отношении зла и некая приниженность, но как всецелая отдача себя делу Божию и надежда только на Бога, а не на «доспехи и оружие Сауловы» (земную власть и силу), такую интерпретацию мы находим и у Вл. Соловьева в «Истории и будущности теократии», и в статьях и стихах самой м. Марии (ср.: «Какой Давид сегодня отсечет/ у Голиафа голову, сначала /Державных лат отбросивши почет» — поэма «Духов День»). Кротость — это не пассивность, а победа над гордыней (Голиафом), победа, которая позволяет Давиду «наследовать землю», став царем Израиля, прообразом «иудейского Царя» Христа, победившего гордыню Сатаны на Кресте и унаследовавшего всю землю, все языки.

Интерпретировать в контексте вышивки можно и четвертую заповедь Блаженства. Страдающий от земной несправедливости, гонимый Саулом Давид находит правду небесную — он получает от священника Ахимелеха хлебы предложения — прообраз причастия, что является проявлением по отношению к Давиду любви со стороны священника, ради человека нарушившего установленные правила (ибо хлебы предложения предназначались только для священников). В Евангелии, как известно, этот эпизод служит Христу иллюстрацией того, что ради любви могут быть нарушены религиозные установления (см.: Мк. 2:26). Мать Мария не раз в своих статьях также подчеркивала абсолютный приоритет любви по сравнению со всеми церковными правилами. То, чем насыщается гонимый человеческой нелюбовью Давид, — это, собственно говоря, — любовь! Хлебы предложения являются для него материальным выражением любви, это и есть та правда, которой он насыщается. Как известно, Ахимелех поплатился кровью за любовь, оказанную Давиду, то есть она в буквальном смысле оказалась жертвенной (см.: 1 Цар. 22:16).

Шестой эпизод изображает Давида, скачущего от радости перед Ковчегом Завета, и его жену Мелхолу, которая не смогла вынести, что он «обнажился» перед служанками и рабами (см.: 2 Цар. 6:16–23). Лицемерие Мелхолы, неспособной на чистую радость, здесь противопоставляется юродству, простоте и чистоте Давида, пляшущего пред Господом, что по-своему может быть соотнесено с 6-й заповедью «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

При этом Боговидение оказывается неразрывно связанным с не знающей стыда радостью, изливающейся на окружающих, своего рода юродством, о котором не раз писала м. Мария. Кроме того, поскольку Божиим ковчегом в церковной традиции именуют Деву Марию (дщерь Давидову, как Ее в «Духовом Дне» величает и м. Мария), то радостное «скакание» Давида перед ковчегом, очевидно, может быть понято как прозрение Боговоплощения. При этом Мелхола, посмеявшаяся над мужем, оказалась исключена из предков Иисуса Христа, была наказана бесплодием.

Менее очевидны другие соответствия, но все же попробуем их провести.

Наконец, седьмой эпизод жития изображает Давида, который смотрит на Вирсавию (см.: 2 Цар. 11:2). Но само «купание Вирсавии» весьма необычно. Вирсавия предстает у м. Марии не обнаженной, а одетой (причем бедной одеждой — блузкой и юбкой — она напоминает скорее бедную русскую эмигрантку). Она моет голову в каком-то тазу, поставленном на табурет. На вышивке изображен момент, когда с опущенной над тазом головы по пучку ниспадающих волос стекает вода.

Какое отношение этот эпизод имеет к седьмой заповеди? Заповедь звучит так: «блаженны миротворцы, ибо они сыновьями Божиими нарекутся» — ответить на этот вопрос трудно.

С другой стороны, следует иметь в виду, что миротворчество в православной традиции всегда понималось в первую очередь духовно: нельзя, прежде не примирившись с Богом, быть истинным миротворцем. Примирение же с Богом соответствует таинству крещения.

Окунание головы в воду в этом смысле может пониматься как образ отказа от своего «я» в пользу Христа, являющегося

нашим подлинным Главою. Тот же смысл имеет и слезное покаяние, по слову Отцов — «второе крещение». Кроме того, важен сам факт, что Красота у матери Марии является в своем смиренном виде, когда волосы — символ красоты — не распущены, а собраны в единый пучок «святой» водой. В отношении так «купающейся» Вирсавии Давид выступает уже не как охваченный вожделением, а как свидетель Божественного таинства. Если же вспомнить теперь историю Давида и Вирсавии, то в контексте Библии и церковной традиции существо этой истории, ее «тело» — в принесении Давидом покаяния (50-й псалом, образец примирения человека с Богом). Купание Вирсавии у м. Марии, я думаю, в свернутом виде и дает представление одновременно и о самом «купании», и о примирении человека с Богом.

Интересно, что седьмой эпизод идет сразу вслед за шестым — «скаканием» Давида перед ковчегом. При этом мужской и женский персонажи меняются местами: в шестом Мелхола смотрит свысока на Давида, а в седьмом — Давид смотрит сверху на Вирсавию. Изображенная в смиренном преклонении головы Вирсавия, собственно, и становится той, кто вместо Мелхолы даст Давиду потомство, от которого по плоти произойдет Христос. Именно через Вирсавию праотец Давид станет во Христе «сыном Божиим». То есть то сыновство, о котором говорится в заповеди, — «блаженны миротворцы, ибо они сыновьями Божиими нарекутся» — даруется Давиду во Христе через Вирсавию и принесенное покаяние.

В свернутом виде эта тайна, кажется, и присутствует у матери Марии. При этом само рождение Христа Дщерью Давидовой, безусловно является вершиной примирения людей с Богом, когда в Рождестве был возвещен «на земле мир и в человецех благоволение».

Последний, восьмой эпизод изображает Давида на смертном одре, непосредственно перед этим он завещал потомкам праведно править в страхе Божием и поверил им последние тайны о завете Бога с домом Давидовым (см.: 2 Цар. 23:5–6); восьмая же заповедь блаженства «блаженны изгнанные за правду (буквально «праведность»), ибо их есть Царство Небесное». На первый взгляд, соответствия мало. Если же взглянуть

поглубже, то саму смерть можно понять как «изгнание» духа человека из не способной его нести ветхой плоти. Царь Давид, пророчествующий Духом Святым о вечности завета Бога с его домом, в конце своей праведной жизни оказывается «помазанным» Св. Духом уже непосредственно от Бога, а не через пророка Самуила, как в первом эпизоде жития. Так Давид на смертном одре вновь является как помазанник, но уже не на земное царство — тень Царствия Небесного, — которое он покидает, а на Царствие Небесное, безусловно, связанное для м. Марии с рождением Христа — Сына Давидова.

Царь Давид, умирая как Царь земной, спасается в имеющем родиться Христе, о чем на вышивке свидетельствуют сложенные накрест на груди руки. То, что Царь Давид в момент кончины уже чужд этому миру («изгнан» из него), видно на вышивке и по контрасту между спокойствием Давида на смертном одре и горем, тревогой, смутой и внутренней враждой, которую отображают, окружающие его.

Теперь следует сказать и о центральном образе вышивки — изображении самого Псалмопевца, Царя и Пророка Давида, держащего в руках Псалтирь и облеченного в царские одежды. Это Давид во славе, прославленный во Христе Его праотец, удостоенный Царствия Небесного. Вспомним заключительные слова заповедей блаженства: «радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах» (Мф. 5:12).

Итак, в основном соответствие эпизодов вышивки матери Марии восьми заповедям блаженства можно считать доказанным.

Тем не менее характер этого соответствия не механический. Мы не можем даже утверждать, что он сознательный. Скорее всего, здесь имел место тот род вдохновения, который, укореняя произведение искусства в парадигме христианской культуры, делает сам акт творчества свободным выявлением неких Божественных тайн. С другой стороны, произведение матери Марии может помочь нам постичь глубины евангельского учения, имеющего самостоятельную духовную ценность.

Текст находится на сайте
«Мать Мария» http://mere-marie.com/
(© Ксения Кривошеина).

ГРИГОРИЙ БЕНЕВИЧ

ПОЭМА «ДУХОВ ДЕНЬ»

В конце жизни на воле, как бы подводя итог своему жизненному пути, мать Мария написала большой историософский очерк «Размышления о судьбах Европы и Азии» (1941), создала великолепную по исполнению и грандиозную по размерам вышивку «Житие Царя Давида»; в поэзии же таким итоговым произведением стала поэма «Духов День», датированная 25 мая 1942 года и написанная в оккупированном немцами Париже.

По своей художественной мощи и метафизической глубине она может быть поставлена в один ряд с такими выдающимися произведениями русской поэзии середины XX века, как «Стихи о неизвестном солдате» Осипа Мандельштама, «Ленинградский апокалипсис» Даниила Андреева и «Реквием» Анны Ахматовой. Поэма матери Марии отличается от перечисленных произведений своим эксплицированно христианским характером.

По жанру эта поэма относится к апокалиптической литературе, хорошо известной в христианской традиции, особенно по первым векам христианства. Самым неожиданным образом этот жанр у матери Марии возрождается. Апокалипсис можно понять в двух смыслах — как откровение глубоких метафизических тайн и как откровение последних

судеб мира. Апокалипсис эсхатологичен. Пророчество, понимаемое как прозрение, соединяется здесь с пророчеством в смысле обличения зла и противостояния ему. Это противостояние у матери Марии, однако, выливается в изживание зла. Даже страшные события Второй мировой войны, всей истории воспринимаются ею как исполнение Промысла Божия:

Я в комнате. А за стеной наружной
Примята пыль. Прошел недавно дождь.
От северной границы и до южной

Пасет народы предреченный Вождь.

(3. 68–69)[1]

Таков конец поэмы. Примявший пыль дождь передает ощущение благодати, внутреннего мира — состояния, к которому, пройдя через очистительный огонь стиха, приходит автор.

Организующим принципом поэмы является «троичность». Это видно и из того, что поэма написана терцинами, и из того, что она состоит из трех песней. Очевидно, таинство Св. Троицы являлось здесь основополагающим. Другое, менее очевидное, таинство в поэме — пасхальная мистерия трех дней — Пятницы, Субботы и Воскресенья. В самом деле, Первая песнь кончается темой Распятия, автор ставит себя на место покаявшегося разбойника, распятого со Христом. Другой образ — Богородицы, принявшей крестную смерть своего Сына. Здесь излюбленная тема матери Марии — душа христианина подобна Богородице, в ней таинственно рождается Христос, она должна пройти муки рождения. Эти муки связаны с пророчеством Симеона Богоприимца: *И Тебе Самой оружие (меч) пройдет душу* (Лк. 2:35). Этой темой кончается Первая песнь:

И пусть страданье мне еще грозит, —
Перед страданьем я склоняюсь долу,

[1] При цитировании стихов указывается песнь (первая цифра) и номер трехстишия (вторая цифра).

Когда меня своим мечом разит

Утешитель, животворящий Голубь.

(1. 56–57)

Поэтическая сила последних строчек связана с неожиданным сочетанием *Утешителя* и разящего меча. Сближаются далекие смыслы. Богословски мысль матери Марии точна: в Послании к евреям (9:14) говорится, что *«Христос Духом Святым принес Себя непорочного Богу»*, т. е. сама Жертва понимается как совершаемая в Духе. Тот же Святой Дух, в Котором совершилась Крестная Жертва, освящает в угодную Богу жертву сердце каждого человека, в котором в муках рождается Христос (ср.: Евр. 4:12). Глагол «разит» в этом контексте следует понимать в связи с такими словами, как «образ», «изображение», т. е. Святой Дух напечатлевает образ Христов в сердце, претерпевающем муку рождения новой жизни.

Итак, Первая песнь завершается темой Страстной Пятницы. Мы еще вернемся к ней, а сейчас заметим, что Вторая песнь в таинстве трех дней соответствует Субботе. В Субботу, согласно церковному преданию, Христос сошел во ад, где томились души умерших предков, и освободил их от уз ада. В коленнопреклоненных молитвах, читаемых в вечер Пятидесятницы, в начале Духова дня, вспоминается это схождение Христа во ад и возносятся сугубые молитвы о всех томящихся в темнице ада предках. Не случайно в поэме большая часть Второй песни представляет собой схождение в историческую память русского народа, русскую историю, которая в XX веке, с его мировыми войнами, связывается с историей всемирной. Мать Мария пытается определить смысл истории своего народа. Подробнее об этом далее, а пока отмечу, что Вторая песнь кончается темой опустевшего Гроба Христова и прозрением Магдалиной чуда Воскресения. Речь идет не только о Воскресении Христа, но и о чаянии всеобщего Воскресения:

Мы ждем, чтоб мертвых оживотворил

Животворящий Дух дыханья Божья.
И преклонились Божии уста, —
Жизнь пронесется молнией и дрожью,

И тайну Животворного Креста
Познает Иосафатова долина
Могила Господа сейчас пуста,

И чудо прозревает Магдалина.

(2. 48–51)

Так мать Мария в лице Марии Магдалины прозревает всеобщее воскресение, залогом которого является Воскресение Христово.

Вторая песнь во многом соответствует таинству Субботы, и можно было бы ожидать, что Третья посвящена Воскресению. В действительности дело обстоит сложнее — тему всеобщего Воскресения перекрывает тема апокалиптической битвы. Только приняв весь ужас апокалиптической ночи, поэт прозревает победу Света над тьмой:

Вдруг в небе предрассветные цветы...
Вдруг серебро слепящее средь ночи...
Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокочет...

(3. 64–65)

Архангельская труба возвещает всеобщее воскресение (1 Фес. 4:16). Но, дойдя до этой тайны, мать Мария целомудренно замолкает. Очертив общую канву поэмы, остановимся подробнее на ее отдельных частях.

* * *

Начало Первой песни соответствует библейской книге Бытия — рассказу о сотворении человека из праха земного (или глины), в который Бог вдунул Свое дыхание (искру Божию). И вот в этой ничтожности, в тварной тьме прославляется вечный Дух.

Человек — образ Божий, но мать Мария говорит об этом по-своему — Бог «отражается» в судьбе человека:

Я говорю лишь о судьбе своей,
Неведомой, ничтожной и незримой.
Но знаю я, — Бог отражался в ней.

(1. 5)

Судьба м. Марии выстраивалась сообразно Библии, которая является, согласно отцам Церкви, одним из воплощений Логоса, мысль м. Марии об «отражении» Бога в ее судьбе становится понятней.

Она замечает: нечто в нас (та самая искра Божия), которая едва теплится в тварной тьме, спит до тех пор, пока сродная ей Божественная стихия не призовет ее:

Судьба моя. Мертвящими годами
Без влаги животворной спит она.

Но только хлынет океаном пламя,
Но только прокатится гулкий зов
И вестники покажутся меж нами, —

Она оставит свой привычный кров
И ринется навстречу...

(1. 9–11)

Далее мать Мария сравнивает движение ко Христу с хождением по воде, которое возможно лишь верой. Хождение по воде страшно, но только так человек целиком вверяется Богу (см.: 1. 15).

Особое место в Первой песни занимает то, что м. Мария назвала бы «подражанием Библии». Говоря о собственной судьбе, она отмечает в ней несколько моментов. Первый — языческий (беззаконный, соответствующий, вероятно, времени написания ее «Скифских черепков»). В этот период для нее не было «ни заповеди, ни запрета» (1. 19). Затем следует период законнический:

На взгляд все ясно. Други и родня
Законы дней моих могли б измерить, —
Спокойнее живется день от дня.

(1. 21)

Насколько «спокойно» жилось Елизавете Юрьевне в годы Первой мировой войны, революции и первые годы эмиграции, мы знаем, но дело не в житейской правде, а в том состоянии

духа, когда человек имеет еще опору в земном — семье, родине, друзьях. На этот период намекает и прежнее имя м. Марии — *Елизавета*, указывающее и на мать Иоанна Крестителя, Предтечи Господня, и, по внутренней форме слова, — на Завет Бога с человеком (мать Мария пишет не по-славянски «Елисавета», евр. *«почитающая Бога»*, а Елизавета).

В «законническом» периоде лишь иногда различались знаки будущего призвания, но тут же заглушались метаниями духа, которые были характерными для Е. Скобцовой в годы революции и Гражданской войны:

Лишь иногда приотворялись двери,
Лишь иногда звала меня труба.
Не знала я, в какую правду верить.
(1. 22)

Вместе с тем м. Мария говорит о том, что в это время Бог действовал в ее судьбе через историю (судьбу) ее народа, сама же она ничтожна: *«Ничтожна я. Великая судьба / Сплетается с моей судьбой ничтожной»* (1. 23). Но именно так — через судьбу еврейского народа —действовал Бог на человека ветхого Израиля.

Собственно, личная судьба начинается у матери Марии с принятием монашества. Отличие Нового Завета от Ветхого при этом проводится четко: *«...Тут оборвалась / Былая жизнь. Льют новое вино / Не в старые мехи»* (1. 37–38). С темой новой, христианской, жизни связаны у матери Марии тема «жатвы Духа» и «Господня лета» — личной духовной зрелости, готовности перейти через порог жизни в воскресение. Мы опускаем здесь несколько важных тем этой песни и переходим к ее концу.

В 48 и 49-й терцинах речь идет о видении меча, пронзившего сердце Девы, которая стоит у Креста, — ключевой для поэмы символ. Подробнее о нем позднее, пока только заметим, что с этими символами у матери Марии соединена тема «огненного крещения», связанного с крестной жертвой. О нем она и пророчествует в конце Первой песни:

Да, знаю я, что меч крестом вонзится.
Вторым крещеньем окрестит в огне.

Печатью многие отметит лица.
Я чую приближенье белых крыл
Твоих, Твоих, сверкающая Птица.

(1.51–52)

* * *

Теперь кратко о Второй песни. В отличие от Первой, она сосредоточена не на судьбе автора, а на судьбе России и мира. Как мы уже сказали, в этом месте поэмы м. Мария сходит в «ад» русской истории, а затем переходит в ад современности — Второй мировой войны, выражая затем надежду на воскресение. Начинается песнь с вопрошания:

Какой Давид сегодня отсечет
У Голиафа голову, сначала
Державных лат отбросивши почет?

(2.2)

Здесь затрагивается тема державной власти. Давид отказывается от лат, предложенных ему царем Саулом, и «налегке» побеждает Голиафа. В статьях матери Марии (в частности в «Размышлениях о судьбах Европы и Азии») проходит мысль о Церкви, которая вышла из-под опеки государства. Новый Давид (Христос), который должен победить Голиафа (князя мира сего), рождается такой Церковью. Вспомним слова матери Марии из статьи «Под знаком нашего времени» (1937): «*Мы верим, что христианство есть религия свободы и человеческого достоинства. Мы верим, что эта смиренная христианская свобода должна победить мир, утверждающий себя в гордыне и насилии*» [2]. Фигуры Давида и Голиафа и символизируют эти два начала. Во Второй песни проходит противопоставление, с одной стороны, — гордыни и насилия власть имеющих, а с другой — человеческой личности (ср. образы Иоанна Грозного и Василия Блаженного). Соответственно, есть две Руси — одна, скованная государственной властью, каким-то оцепенением: «Русь в сне морозном» или охваченная не менее леденящей душу «метелью» беспощадного русского

[2] Воспоминания. 1992. Т. 1. С. 269.

бунта, другая Русь — «Земля Богоневестной Девы», престол, на котором совершается жертва за весь «люто страждущий» мир. Так история русского народа обретает свой смысл.

Далее м. Мария переходит к современности (тех годов), аллегорически говоря о схватке общипанного галльского петуха (Франции) с тигром (Германией), сопровождаемой шакалом (Италией). Наконец, в схватку «зверей» вступает и русский медведь, в победе которого она не сомневается:

Пусть нужен срок ему расшевелиться,
Но, раз поднявшись, он неутомим, —
Врага задушит в лапах...

(2. 37)

Что сулит миру победа медведя, родина которого «Урал, Алтай» (т. е. Евразия), мать Мария не знает. Но не русская государственность, тем более в своем евразийском, коммунистическом варианте даст спасение миру, а русская святость, процветающая и в России, и в части русской эмиграции:

Земля — Богоневестной Девы,
Для жертвы воздвигаемый престол,
Сегодня в житницу ты дашь посевы

Твоей пшеницы. Ты даешь на стол
Вино от гроздий, напоенных кровью,
Ты чудотворный лекарь язв и зол.

(2. 41–42)

Речь, конечно, о крови христианских мучеников. «Мир люто страждет», и спасает его не сталинская Россия, а христианская Церковь. Образ Церкви в конце Второй песни выливается в образ Марии Магдалины, прозревающей сквозь Христа — всеобщее Воскресение.

* * *

А теперь о самой таинственной Третьей песни. В этой части поэмы речь идет уже не о личной судьбе автора и не о русской истории, но о всем двухтысячелетии христианства — о всем

том, что произошло после Вознесения Христа (Его удаления из мира) и схождения Святого Духа в Пятидесятницу. Все эти две тысячи лет были неотделимы от Христа: *«Его печать лежала / На двадцати веках. Все было в Нем»*. Тем не менее, замечает поэт, внешне мир как был, так и остался юдолью *«крови, пота и гнойных язв»*. Святой Дух, по словам матери Марии (и это самое неожиданное в поэме), «страдает»: *«Одно лишь ново: бьется в небесах, / Заполнив мир, страдающая Птица»*.

Образ страждущего Святого Духа (Птицы, Голубя, Утешителя) оказывается в Третьей песни центральным. На первый взгляд он не вписывается в традиционное православное учение, ведь распятие принял Сын Божий, а не Святой Дух. Однако если понять этот образ в контексте статей матери Марии, то становится понятно, что он не противоречит традиции, но по-своему развивает ее. Страдание Святого Духа в Третьей песни тесно связано с темой свободы, воли:

О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.

(3. 53)

Тема свободы вообще является для матери Марии центральной: ей посвящена отдельная статья «На страже свободы» (1939), где, в частности, говорится: *«Мы можем с полной уверенностью сказать, что в России, при всех возможных режимах, для религиозной свободы будут уготованы Соловки»*[3]. Эти слова выглядят какой-то фрондой вечного диссидента, особенно в наше относительно мирное время. Но в них и предвидение Соловков исповедников и мучеников российских! Вообще, мать Марию очень легко заподозрить в некоем анархизме, в неправославном отрицании власти и т. п. Тем не менее, если вспомнить ее отношение к оккупационной власти, выраженное в пьесе «Солдаты», то мы увидим нечто иное. Даже власть нацистов, как и власть коммунистов в России, понимается ею как существующая

[3] Там же. Т. 2. С. 273.

по попущению Божию и невольно служащая Божьему промыслу. И если слова о том, что в России власть всегда будет преследовать духовную свободу, действительно звучат слишком безапелляционно и отдают анархизмом, то в качестве пророчества о себе самой, о своей смерти за веру и свободу они выглядят вполне убедительно. В «Духовом Дне» дорога в «Соловки» уже не связывается непосредственно с Россией:

А дальше поведет меня дорога
При всех владыках мира в Соловки.

(1. 35)

* * *

В Третьей песни мать Мария говорит уже не о своей личной судьбе. Духовная свобода отвергнута, по м. Марии, не только в России, но и владыками всего мира. К тому же свобода попирается и отвергается не только антихристовыми силами человечества, отпавшего от Церкви (и поклоняющегося кумирам класса, государства и расы), ее, по большому счету, не принимают и те христиане, которые смешивают поклонение Богу с какими-либо земными ценностям: *«Мы чувствуем, что сейчас нельзя подменить веру никакими суррогатами эстетических, исторических, бытовых или политических ценностей. Христова вера, как она есть, огнем своим попаляющая всех идолов в наших душах, зовущая нас к крепкому стоянию в свободе духа и сердечной любви»*[4]. Таким образом, страждущий Святой Дух — это образ отвергаемой благодати — свободы и любви Божией, которые изливаются на человечество. Это то состояние, о котором в ее статье «Прозрение в войне» сказано: *«Материя господствует над духом»*[5]. И если крестная жертва совершается во Святом Духе, то отказ принять меч и крест для матери Марии и есть — «распятие» Духа. Этой теме в поэме посвящено несколько таинственных строф:

---

[4] Там же. С. 271.

[5] Там же. Т. 1. С. 315.

На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
И у костра гул голосов. Жара.

Как будто не существовали годы, —
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы,

В толпе огромной раздается крик:
«Распни ее, распни ее, довольно».

(3. 60–62)

Как понять этот образ? Здесь может быть по крайней мере несколько толкований. С одной стороны, мы помним, что м. Мария говорила о ветхом, законническом начале, возобладавшем в «христианских народах» и вступающем в противоречие с христианством Евангелия, распинающим и гонящим его. Отвержение (непринятие) Духа свободы и истины «христианскими народами» может пониматься в этом контексте.

Но история XX века, с выпадением бывших христианских народов в тоталитарное безбожие, а затем и неоязычество, дает основание уточнить это толкование. «Воскресшие народы», собравшиеся на Пилатовом дворе, вполне вероятно, олицетворяют для матери Марии воскресший спустя два тысячелетия римский имперский дух, сочетающийся с неоязыческим национализмом. Последняя тема имеет отношение не только ко Второй мировой войне, но и к нашему времени. Соединение Пилата и народов (языков) соответствует сочетанию римской идеи всемирной империи с идеей языческонациональной (об этом мать Мария подробно пишет в своей статье «Размышлении о судьбах Европы и Азии»[6]).

[6] «Рим. Многоплеменность его и многокультурность заставила римских граждан искать своего единства... не в общности веры,.. а только в общности государственного устройства. <...> Именно благодаря такому исключительному положению государства в Риме... оно очень быстро стало разбухать и вытеснять из сознания людей все иные ценности... В культе государства, в культе цезаря есть неч–то, так сказать, особое, специфически языческое, — обожествляется нечто в самой человеческой природе укорененное, не связанное ни с каким потусторонним миром.» (цит. по рукописи из архива о. Сергия Гаккеля. Л. 32–33).

Судя по поэме, «Рим» с «языками» и распинают Святой Дух, являя собой некую анти-Пятидесятницу. То есть если в церковной Пятидесятнице (непрекращающемся действии Святого Духа в Церкви) принципом единства является Христос, а объединяются в ней избранные из всех народов, то в анти-Пятидесятнице принципом единства является мировая (антихристова) империя, а объединяются в ней языки — народы. Так мать Мария развивает тему Вавилонского столпотворения как антипода Пятидесятницы, которую мы находим в церковной традиции.

Перейдем к другой теме Третьей песни. Говоря о повторении Евангельского сюжета в контексте современности, мать Мария пишет:

Сменяются потоки дней и лет, —
Все те же вы, бессмертны в повтореньи
Живые образы священных книг.

(3. 41)

Тему «повторения» или «подражания Евангелию» мы находим в ее статье «Оправдание фарисейства» (1938): *«Евангельское повествование как бы в малом кристалле запечатлело в себе все, что бывает, и все, что может быть в мире. В этом смысле мировая история является неким макрокосмом, в котором действуют те же силы, которые действуют в Евангелии <...> В известном смысле, каждая человеческая душа, явленная и раскрытая нам в Евангелии, отображается в ходе человеческой истории... И вечно отрекается Петр, и вечно по вере идет он по водам, и вечно противостоят Христу <...> книжники и фарисеи»*[7]. Те же идеи мы находим в поэме:

Пилат омоет руки. В отдаленьи

Петуший утренний раздастся крик,
И трижды отречение Петрово,
Сын плотника склонит Свой мертвый лик, —

[7] Там же. Т. 2. С. 171.

Ворота адовы разрушит Слово.
Но Славы Царь сегодня в небесах,
Утешителя Он нам дал иного,

Иной и мытарь посыпает прах
На голову иного фарисея
Мы видим. Он с усмешкой на устах

Уж вычитал, об истине радея,
Что есть закон. Закон не превозмочь.
А кто восстанет, тем судьба злодея.

(3. 41–45)

Итак, «повторимость» евангельской истории внутри истории мировой и церковной мать Мария связывает со схождением Святого Духа. То, что произошло с Христом при Его земной жизни, происходит все время, и разные люди играют роли разных евангельских героев (как, впрочем, и в одном человеке — заключено все Евангелие). В историческом масштабе: *«Тянутся долгие века, когда книжники, законники и фарисеи блюдут завещанный им отцами закон, когда во <...> всемирном Израиле все спокойно, пророки молчат, жертвы приносятся в храме, фарисей бьет себя в грудь и благодарит за то, что он не мытарь. Потом в мир врывается огонь... и рыбаки бросают сети, и люди оставляют непохороненных мертвецов, чтобы идти за Ним. И выполняется вечное пророчество: дом оставляется пуст, солнце гаснет, земля раскалывается на куски, — и нет человеку пристанища. Голгофа разрастается, становится всем миром. Ничего не остается, кроме Креста»*[8].

Последние слова имеют свой аналог в поэме: «Единая Голгофская гора / Вдруг выросла и стала необъятна» (3. 59).

Идея tвангельской истории, отображенной в современности, является принципиальной для понимания Третьей песни. Под законническим, dетхозаветным духом в христианстве мать Мария понимает смешение каких-либо естественных ценностей (нации, государства, культуры)

[8] Там же. Т. 2. С. 172.

с собственно христианской верой, с духом свободы и любви. Голгофский, апокалиптический момент в истории соответствует радикальному различению естественных ценностей и самой сущности христианства. В статье «Прозрение в войне» (1939) мать Мария говорит об оправданности всех «фарисейских», законнических ценностей, и, вместе с тем, об их относительности. В какой-то момент они должны уступить место самому главному — любви Христовой: *«Мы чувствуем религиозную катастрофу, нависшую над всем миром, но мы так долго воспринимали религию как некую благородную национальную традицию, что сейчас у нас не хватает силы все пронзить ее огнем»*[9]. В какой-то момент восприятие христианства как традиции может вступить в конфликт с сущностью христианства. В этот момент от уз «ветхого человека», пусть и облеченного в одежды христианства, нас может освободить только меч Слова Божия, о котором и говорится в Третьей песни:

Единый, славы Царь и Царь печали,
Источник радости, источник слез,
Кому не может развязать сандалий
Никто. Он в мир не мир, но меч принес.

(3.11–12)

Это духовный меч, который проникает до разделения души и духа (см.: Евр. 4:12)[10]. Именно этим мечом, по матери Марии, было пронзено сердце Божией Матери на Голгофе, и это

---

[9] Там же. Т. 2. С. 322.

[10] Поляризация «печаль – слава», «горечь – воля», очевидно, соответствует представлению об обоюдоостром мече, о двух его лезвиях. Интересно, что в коленопреклоненных молитвах Духова дня мы встречаем такого рода полярность, когда речь идет о христианской кончине: «Несть убо Господи, рабом Твоим смерть, исходящым нам от тела, и к Тебе, Богу нашему приходящым, но преставление от печальнейших на полезнейшая... и радость». Однако для самой матери Марии указанные полярности соотносятся не столько с христианской кончиной, сколько с тем, что без перенесения скорбей за Христа невозможно стяжание духовной радости и славы, как и обретение истинной духовной свободы.

таинство меча (души каждого человека, которая должна уподобиться Деве в своей пронзенности мечом Духа) навеки запечатлено на небесах, ибо все время повторяется в истории:

И прах, и небеса заполнил гром.
И лезвием блестящим рассекала
Струя огня храм, душу, камень, дом:

Впивалось в сердце огненное жало.
Ослепшие, как много вас теперь,
Прозревшие, как вас осталось мало.

Дух ведает один число потерь,
Дух только горечи и воли ищет.
Мать Иисуса и Давида дщерь,

Что херувимов огнекрылых чище,
Внесла свой обоюдоострый меч
На небеса небес, в Его жилище.

(3. 32–35)

Сама апокалиптическая битва для матери Марии связана, как видим, с образом Жены, рождающей в муках младенца мужеского пола, о которой говорится в Апокалипсисе. *Жена, облеченная в солнце... имела во чреве и кричала от болей и мук рождения* (Откр. 12:1–2). В отеческих толкованиях Апокалипсиса под Женой понимается Церковь, рождающая в муках христиан: *«Она болит, перерождая душевных в духовных... преобразуя их по подобию Христову»*[11]. Мать Мария не оспаривает эту трактовку, но связывает этот образ с муками Божией Матери, которые Она претерпела у Креста Своего Сына, — образец для каждой души, испытывающей муку рождения в Дом Отчий.

Собственно, апокалипсис свершился в момент смерти Спасителя, ибо в этот момент был пик противостояния Христа силам зла. Всякий другой апокалипсис — «подражание» этому: *«То, что пронзает каждую отдельную душу в течение ее земного пути, пронзило некогда все человечество в целом.*

[11] Толкование на Апокалипсис святого Андрея, архиепископа Кесарийского. М., 1992. С. 90.

На кресте пересеклось время и вечность, история наша на какое-то мгновение соединилась с тем, что за нею. Сын Божий вознес свою человеческую плоть на крест»[12]. Это цитата из ее статьи «Прозрение в войне», в которой речь идет о Второй мировой войне, но в действительности говорится о возможности «превращения» мировой войны в апокалипсис, то есть во встречу с живым Богом.

Для матери Марии (как видно из ее статей и Третьей песни поэмы) содержанием войны является не противостояние государств, народов и цивилизаций. Во время войны должен быть рожден «младенец мужеского пола» (Откр. 12:5). Речь, разумеется, идет о явлении образа Христова человеком — Богосыновства.

Если же взглянуть на вещи по-другому, то само написание поэмы «Духов День» было не чем иным, как рождением «слова». Вместе с тем речь в поэме идет о Христе (Слове Божием), рождаемом в апокалиптических муках человеком, Русью и всем человечеством. Такая аналогия между тем, «о чем» говорится, и тем, «что» делается, подтверждает наше ощущение подлинности поэмы матери Марии.

Рождению «младенца» из Апокалипсиса соответствует — в плане творческом — рождение поэтического слова. Недаром поэма кончается строчкой «*Пасет народы предреченный Вождь*», а о младенце в Апокалипсисе сказано: *И родила она младенца мужеского пола, которому надлежит пасти народы жезлом железным* (Откр. 12:5). «Логос» поэта, его слово, уже ему не принадлежащее, родилось в муках, являющихся образом мук Богородицы, стоявшей у Креста. Это слово обняло собой и индивидуальную судьбу матери Марии (парадигма которой узнана в Библии), и путь ее народа (точнее, русских святых, Церкви), и, наконец, судьбу человечества, в которой ночь «распятия» Святого Духа должна быть рассеяна Светом Воскресения.

Состоящая из трех песней поэма матери Марии явилась своеобразным откликом на «Божественную комедию» Данте с ее «Адом», «Чистилищем» и «Раем», только «Духов День» матери Марии был не восхождением в рай, но пасхальной мистерией трех Дней — Пятницы, Субботы и Воскресенья.

---

[12] Воспоминания. Т. 1. С. 315.

* * *

Поэзия матери Марии — уникальное явление в русской культуре. Сегодня, когда писание религиозных стихов стало повальным увлечением, обращение к стихам матери Марии представляется особенно важным. Они помогают понять, чем настоящая христианская поэзия отличается от стихов на «религиозные темы» или исполненных «религиозными чувствами». О христианской поэзии можно сказать то же, что говорится о всякой подлинной поэзии, — слово в ней не «выражает» ни мысли (идеи), ни «чувства» (какими бы «правильными» или «возвышенными» они ни были), а рождается в самом акте творчества, это рождение является самым главным в поэзии, и если его не происходит, поэзии — нет. Отличие христианской поэзии, как мы можем убедится на примере лучших стихов матери Марии, заключается в том, что в ней рождение «новой жизни» не только происходит в акте творчества (в слове), но и является «темой» стихов, свидетельствующих о христианской мистерии спасения.

Поэма «Духов День» — это особое поэтическое творение матери Марии во всей силе его мистического прозрения и погружение в глубинные тайны человека и мира. Это только подтверждает тезис о прохождении в период 1928–1942 гг. Е. Скобцовой (матерью Марией) «евангельского», «новозаветного» и «апокалиптического» периодов в духовной биографии, тесно связанных друг с другом.

«ВЕСТНИК» УЧАСТНИКОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК

Из семейного архива Кривошеиных

Постановление Правления Содружества русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции

Правление С.Р.Д.П. и У.С. во Франции на своем заседании 1 июля 1946 года единогласно приняло следующее постановление:

22 июня 1941 года было для нас, Русских Участников Сопротивления, днем нашей мобилизации. Именно с этого дня мы начали посильную борьбу за Родину.

Мы сожалели лишь о том, что мы не находимся на родной земле, среди своего народа. Указ 14 июня естественно завершает для нас путь борьбы и оформляет наше единство с народами нашей страны.

* * *

Цели, поставленные перед нашим Содружеством, вполне исчерпывающе высказаны в нашем Уставе — они и обусловили издание этого Вестника. До сих пор нами было напечатано три номера Бюллетеня (на ротаторе), предназначавшегося главным образом для членов Содружества. Но мы думаем, что материалы об участии русских людей в рядах Сопротивления, собранные нашим архивом, могут и даже должны быть преданы более широкой огласке; тут встает вопрос не только в сохранении и записи некоего исторического факта, а и в его правильном и справедливом освещении.

ВЕСТНИК
Русских Добровольцев, Партизан
и
Участников Сопротивления во Франции

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Памяти Бориса Вильде и Анатолия Левицкого, пятой годовщине их расстрела.

Русская женщина в рядах Сопротивления.

Из архивов Содружества.

Критика и библиография.

Репродукции вне текста с портретов Б. Вильде, А. Левицкого, Матери Марии и В. Оболенской.

NUMÉRO 2.

Обложка второго номера «Вестника» (1947)

Участие русских людей за рубежом в деле Сопротивления — как бы скромно оно ни было — факт *неоспоримый*, который мы и хотим *установить*.

Время бежит быстро, то, что было так недавно, кажется чуть ли не далеким прошлым, еще немного, и это будет предано забвению. Надо напомнить, что были русские люди, во Франции, в других европейских странах, которые сами, по собственному почину, в одиночку поначалу — вступали в организации Резистанса, уходили в «маки» или же с громадным риском переходили границу, чтобы вступить в ряды союзных армий.

Идти в Резистанс для многих французов было событием как бы естественным и органическим. Французская армия если и не участвовала больше в войне, то все же где-то там, в Англии, формировалась. И было ясно, что рано или поздно она снова вернется на родную землю и примет в свои ряды людей «чистой совести». Но для русского эмигранта, этого простого, общего импульса не существовало. Мотивы, которые побуждали русских людей вступать в ряды Сопротивления (в французский Резистанс), были всегда личного характера и для каждого свои. Но в какой-то момент они стали вполне императивны!

Многие считали, что долг человека, прожившего долгие годы во Франции, состоит в том, чтобы отплатить этой прекрасной стране за гостеприимство и не сидеть сложа руки и не смотреть, как горит дом друзей. Невыносимо было видеть, как попираются во всем мире все духовные и культурные ценности, всякий подлинный общечеловеческий идеал; и конечно (как все) русские люди хотели принять участие в борьбе с общим врагом, напавшим на нашу Родину (далекую Россию). Доказать своим участием любовь и верность незабытой Матери.

Невольно, конечно, встает вопрос — что же русские люди, работавшие в подполье, сделали? Чего достигли? На это можно будет ответить лишь опубликованием фактических данных, а мы будем черпать из личных отчетов отдельных членов и групп, входящих в наше Содружество, и переправлять эти данные в наш архив.

Французская печать давно и весьма полно осветила работу французских участников Резистанса; в русской зарубежной печати тоже уже появились отрывочные сведения о Русском Сопротивлении. Мы предлагаем, по мере наших скромных материальных возможностей, напечатать ряд подробных отчетов. Может быть, они при чтении покажутся несколько сухими, далекими от прикрас беллетристического рассказа, в них часто будет повторяться несколько назойливое местоимение «я». Но ведь общего отчета о резистанской работе в силу самой ее природы и быть не может. В подполье мало кто знал друг друга, и ввиду распыления сил, ввиду неопытности и неподготовленности людей многое, к сожалению, осталось не выполненным. Что, впрочем, никак не уменьшало риска предпринятого дела.

Весьма немногим по целому ряду причин (кроме макизаров, скрывавшихся в горах и лесах чуть ли не годами) удалось и в открытую сразиться с врагом, а иные и просто не дошли до намеченной цели и претерпели провал по пути. Но есть еще и ТЕ, кто с этого пути никогда назад не вернулся; много русских людей тихо и незаметно погибли в этой борьбе. Их имена мы не можем обходить сострадательным молчанием, они всегда должны быть с нами, они должны нам сопутствовать.

* * *

На могиле русского юноши Николая, погибшего 22 лет в Коррезе и похороненного в глухой французской деревне, нет даже фамилии. Она видно навсегда так и останется для нас неизвестной. А сколько тех, у кого даже нет могил, которые сознательно рисковали жизнью, зная, что идут к этой смерти — в концлагерях и в немецких застенках. Изысканное, медленное умучение лучших людей входило в систему национал-социализма, но кое-кто, кажется, и до сих пор еще позволяет себе в этом сомневаться.

Мы надеемся, что со временем сможем дать полный список русских участников Сопротивления, убитых и замученных в этой войне, а сейчас вспомним хотя бы некоторых из тех, кто нам доподлинно известен, — Вильде и Рогаль-Левицкий (оба одни из первых резистантов во Франции вообще). Отец Дмитрий Клепинин, мать Мария, ее сын Юрий Скобцов, совсем юные Новикова и Рыгалов, К. Иванов-Тринадцатый, Новицкий, Карновский...

На страницах нашего Вестника мы попробуем запечатлеть облик тех, кто от нас ушел навеки: записать что было, как и почему в уже далекие счастливые дни Резистанса. Счастливые? Да, и еще как! В то время все было предельно ясно, жить иначе было невозможно, это были не просто дни нашей жизни, а дни встречи с судьбой, с резко поставленным вопросом, на который надо было сразу и целиком дать ответ.

Дата 22 июня 1941 года была и для нас днем мобилизации! И не случайно в этот день во Франции многие русские оказались за проволокой Компьенского концлагеря. Участие и работа русских людей в Сопротивлении не была обусловлена жаждой авантюры, желанием просто уйти от скуки повседневной жизни. В той мере, как они могли, сколько им было возможно и отмерено, — они дали ответ на поставленный вопрос.

ОТЧЕТ О РЕЗИСТАНСКОЙ РАБОТЕ И.А. КРИВОШЕИНА

Из архивов Содружества

Моя работа в «Резистанс» протекала в нескольких направлениях — социальном, политическом, организационном и, наконец, разведывательном. Мой арест 12-го июня 1944 года помешал ей осуществиться в плане «военном», в рядах ФФИ. города Парижа, как это было мной подготовлено заранее. Здесь я коснусь кратко только первых трех направлений моей резистанской работы и более подробно четвертой — разведывательной. Именно эта деятельность послужила прямой причиной моего ареста и депортации.

Деятельность социальная

Еще в период моего первого ареста и заключения в Компьенский лагерь мною был организован совместно с некоторыми другими заключенными Лагерный комитет взаимопомощи». Первый раз я был арестован одновременно с 1000 русских эмигрантов — в день нападения Германии на Советский Союз, 22 июня 1941 года. Главная цель Комитета — была помощь семьям заключенных, оставшихся без средств к существованию. По освобождении из лагеря, 29 июля 1941 года, такой же негласный комитет был мною основан по адресу 77, rue de Lourmel при горячем участии матери Марии (Скобцовой), с благословения о. Дмитрия Клепинина. Он разрешил производить посылки от имени русской церкви на rue de Lourmel, при ближайшем и деятельнейшем участии С.Ф. Штерна, помощи гр. О. Игнатьевой, С.В. Медведевой, Р.С. Клячкиной и др.

За первый год существования Комитета, вплоть до фактической ликвидации русского отделения Компьенского лагеря, было выдано денежных пособий семьям и послано продуктовых посылок в лагерь примерно на 500 000 франков. С ликвидацией «русского лагеря» деятельность помощи арестованным русским продолжалась и дальше, в уменьшенном размере; она распространялась на всех русских

Игорь Кривошеин,
узник нацистских и советских лагерей

арестованных, семьи которых к нам обращались за помощью или имена которых нам становились известными. Таковая деятельность была продолжена уже С.Ф. Штерном и после моего очередного ареста и заключения в концлагерь вплоть до окончания войны.

Эта деятельность Комитета послужила главной причиной ареста в феврале 1943 года матери Марии, о. Дмитрия Клепинина, Ф.Т. Пьянова и Юры Скобцова.

Я считаю эту деятельность «резистанской», т. к. кроме своей непосредственной цели — помогать арестованным и их семьям, часто спасая их от голодной смерти, — была и другая область, и очень важная. *Нужно было противопоставлять запугиваниям Жеребкова и террору Гестапо — именно русскую акцию!* Это давало всем борющимся с немецким фашизмом уверенность, вселяло надежду, что в случае несчастья ни они, ни их семьи не будут брошены на произвол судьбы, а получат материальную и моральную поддержку. Цель эта была в значительной степени достигнута.

К области «социального резистанса» отнесу и мою работу в деле спасения евреев от фашистских преследований. Мне удавалось выдавать евреям фальшивые документы, устанавливать связи с соответствующими организациями и переправлять людей в безопасные места. Несомненно, мне удалось спасти от депортации несколько десятков человек.

Деятельность политическая

Начало этой деятельности нужно отнести еще к первому периоду войны (сентябрь 1939 — июль 1940 г.), когда нам приходилось бороться с антисоветскими и антирусскими настроениями в эмигрантских и французских кругах. Эти настроения были в прямой связи с советско-германским договором, русско-финской войной и т. д. Более определенной эта деятельность стала в период с июля 1940 по 22 июня 1941 года, когда грядущая германо-советская война становилась все более и более неизбежной и очевидной.

По освобождении из Компьенского лагеря (август 1941 г.) моя политическая деятельность развивалась по следующим направлениям:

1) Борьба с немецкой пропагандой. Которая велась, в частности, через Жеребкова и «Парижский Вестник» в эмигрантских кругах.

2) Защита доброго имени русской эмиграции перед французскими, главным образом резистанскими, кругами.

3) Попытка установить связь с советским правительством через советское посольство при генерале де Голле.

Она имела своей главной целью подготовить защиту интересов русской эмиграции в момент освобождения Франции и непосредственно после него, в переходный период. И затем включиться в жизнь своей родины.

Для осуществления этой цели, а также как и для рассмотрения всех вопросов, касающихся положения русской эмиграции в период оккупации, так и в предвидении освобождения Франции в начале 1943 года был образован «Триумвират» под председательством В.А. Маклакова, при участии А.Ф. Ступницкого и меня.

«Триумвират» собирался регулярно, и существование его оставалось секретным даже для того небольшого кружка очень близких людей, представлявших различные группы эмиграции, с которыми мы поддерживали контакт и совещались по отдельным вопросам, в переменном составе.

Связь с «Южной зоной» поддерживалась нами через Е.Ф. Роговского и А.Ф. Ступницкого, который ездил туда специально. В этой зоне работали также в тесном контакте с нами:

В.Е. Татаринов, К.С. Вильчковский и др. Предполагалось, что «Триумвират» продолжит и разовьет свою работу в момент освобождения Франции и организует представительство русской эмиграции на новых началах. (Но мой арест прервал работу «Триумвирата» сразу после высадки союзников.)

Далее хочу сказать о том, как развивалась «политическая деятельность», по каким направлениям: с французской стороны контакт был установлен с H. de Fontenay, который был членом Comité Directeur de C.D.L.R.[13], а также мы установили контакт с коммунистической партией и другими.

Отдельными этапами нашей деятельности были:

а) В июле 1943 года передача представителями Французской Резистанс и пересылки в Лондон и Алжир меморандума, составленного А.Ф. Ступницким и мной, о положении и роли русской эмиграции во время оккупации Франции.

в) В январе 1944 года при содействии C.D.L.R. была подготовлена моя поездка на самолете в Алжир и обратно — для установления непосредственного контакта с советским представительством и алжирским правительством. Поездка эта, к сожалению, не осуществилась в последнюю минуту, по чисто техническим причинам.

с) Весной 1944 года по моей инициативе В.А. Маклаков подготовлял специальную записку о русской эмиграции, которая должна была быть переслана в советское посольство в Алжире. Записка эта в несколько измененной форме была окончена лишь после моего ареста.

В этой «политическо-резистанской» работе мне пришлось в феврале 1944 года по указаниям Французской коммунистической партии установить контакт с группой «Русский Патриот» в лице М.М. Бренстеда, И.Т. Михневича и Шклявира, которыми мне было предложено войти в руководящую тройку этой организации. После обсуждения с моими друзьями я решил, что по тактическим и «резистанским» соображениям, предпочтительней мне действовать только в контакте с этой группой, но в состав ее не входить. (К этому вопросу, очень важному, я еще вернусь в изложении

[13] C.D.L.R. — «Сражающиеся в рядах Сопротивления», подпольная организация, близкая к ген. де Голлю, Ceux de la Résistance.

«организационной» стороны моей работы.) Считаю тут совершенно необходимым опровергнуть толки и легенды о том, что, подобно тому как во Французском Резистансе существовали две тенденции — чисто «голлисткий Резистанс» и «коммунистический Резистанс». И что будто в Резистансе «русском» было тоже две тенденции: «просоветский Резистанс» был представлен группой «Русский Патриот», а «правый Резистанс» — всеми другими группами. Такого разделения на самом деле не существовало и никаких политических расхождений между группой «Русский Патриот» и отдельными русскими группами, с которыми я был в теснейшем контакте, — я не обнаружил в то время. Многое о тенденциях в Резистансе, пришло гораздо позднее, после войны. *В то время мы были объединены одной общей задачей и одним общим врагом, с которым и вели борьбу.*

Организационная деятельность

С самого начала передо мной и моими друзьями встал вопрос: нужно ли пытаться создать отдельную русскую организацию Резистанса (как, впрочем, впоследствии сделала группа «Русский Патриот») или рекомендовать всем русским, желающим вести борьбу с немцами, — вступать прямо во французские организации. В результате мысль о создании отдельной русской организации была нами решительно отвергнута. Если такая организация могла иметь некоторые преимущества с точки зрения политической и, как бы лишними козырем впоследствии для защиты русской эмиграции, то с точки зрения реальной резистанской борьбы с фашистами она имела бы целый ряд недостатков. И вот каких:

а) Такое формирование чрезвычайно затруднило бы конспирацию. В случае провала, (который всегда нужно было предвидеть) повлекло бы слишком большой удар по всему русскому делу во Франции.

б) Оно очень ограничивало возможный круг действий. Мы считали, что вхождение русских в ряды французских организаций было несомненно более полезным для общего дела (в силу, например, знания русскими немецкого языка и т. д.), нежели соединение всех русских резистантов в один

кулак. Эта тактика совершенно оправдалась, в особенности в момент «антивласовской» акции.

в) При такой системе связь с французским Резистансом на местах происходила совершенно естественно и органически, чего, конечно, не было бы, если бы она сводилась к контакту некоторых руководителей (головок) «на верхах».

г) Наконец, мои французские друзья были против создания отдельной «национальной» русской организации и настаивали на нашем вступлении в их ряды.

Поэтому было решено, что русские должны вступать во французские движения и отряды Сопротивления. Отдельно и небольшими группами. Необходим был конкретный элемент связи и взаимной поддержки от общего имени «русских сопротивленцев», поэтому мне пришлось взять подобную функцию на себя. Это была роль связующего звена между отдельными русскими группами и возможно большим числом французских организаций — с другой. Я старался по мере возможности и поскольку это не противоречило только что высказанному принципу отсутствия центрального органа русского Резистанса выполнять свою функцию связного.

Выполняя это задание, я был в связи со следующими русскими группами Сопротивления или отдельными «резистантами»:

а) С А.А. Угримовым и через него с «Дурданской группой» русских резистантов. Мы действовали с Угримовым в теснейшем контакте и в полном единомыслии, при этом не вникали по взаимному соглашению ни в какие подробности работы друг друга.

б) С группой «Русский Патриот». Как я уже писал выше, я отказался войти в единый состав этой группы и даже войти в руководящую тройку этой группы. Должен, к сожалению, сказать, что конспирация в «Русском Патриоте» была крайне недостаточной. В результате чего мне пришлось прервать мою непосредственную связь с руководителями «Русского Патриота» и держать ее в дальнейшем через Вс. Попандопуло. Этот недостаток конспирации вызвал некоторое время спустя арест М.М. Бренстеда. Он держался на допросах в Гестапо крайне мужественно и героически. Именно это спасло всю группу «Р. П.»

от более тяжелого удара и потерь и позволило ей продолжить свою работу по организации партизанских отрядов.

в) С так называемой «Лионской группой» русского Сопротивления, в лице его представителей В.А. Нарсесяна и В.Б. Подгорного.

г) С работавшим в свободной зоне — Е.Ф. Роговским и, главным образом, по антивласовской линии А.В. К-м.

д) С группой бывших русских офицеров, служивших на побережье и также работавших по антивласовской линии.

е) С отдельными русскими резистантами, как, например с А. Бенигсеном, работавшим в связи с O.C.M.[14], с Г.Н. Товстолесом, печатавшим для Сопротивления подпольную литературу, а также с Ф.С. Марковым и др.

ж) С группой еврейского Резистанса, через Я.Б. Рабиновича.

Что же касается французских организаций. В силу того же задания, я установил связь со следующими группировками:

а) с C.D.L.R. через уже упомянутого выше Анри де Фонтене. С этой организацией я работал самым тесным образом, входя в одно из ее «РЕЗО»[15].

б) Связь с F.T.P.[16]

в) Связь с N.A.P.[17]

О моей работе с этими двумя последними организациями более подробно будет сказано ниже.

г) Связь с O.C.M. через Бенигсена и моего брата Кирилла Кривошеина.

д) Связь с M.U.R.[18] также через Кирилла.

---

[14] O.C.M. — военно-гражданские организации Сопротивления, близкие к ген. де Голлю, Organisation Civile et Militaire.

[15] «Резо» (réseau) — отделение подпольной организации, сеть..

[16] F.T.P. — «Вольные стрелки и партизаны», вооруженные подпольные отряды, контролируемые компартией Франции, Francs-Tireurs et Partisans..

[17] N.A.P. — Центр по инфильтрации пронемецкого государственного аппарата во Франции, Le noyautage des Administrations Publiques.

[18] M.U.R. — объединение движений Сопротивления, Mouvements unis de Résistance/

Моя личная резистанская и разведовательная работа

Описанная выше моя социальная, политическая и организационная деятельность не удовлетворяла меня целиком. Она не являлась в моих глазах достаточным вкладом и участием в активной борьбе с Гитлером и немецким фашизмом. В своем сотрудничестве с C.D.L.R. я не находил рационального применения своих сил. Мне приходилось выполнять для них отдельные «миссии», как, например, поехать в Берлин в мае 1943 года для изучения на месте ряда вопросов, касающихся положения промышленности и применения иностранной рабочей силы, и прочие поручения. Дело в том, что мое совершенное владение немецким языком позволяло мне быть во многом свободнее для подобных «миссий». Но работы регулярной не было, и активное участие откладывалось до момента высадки Союзников.

О моей неудовлетворенности я неоднократно говорил моему другу проф. В.А. Костицыну (члену нашего Содружества), и однажды он свел меня в ноябре 1943 года с представителем штаба F.T.P. Была соблюдена высшая конспирация и предосторожность этой встречи. Как я узнал впоследствии, во главе это штаба (Парижского района) стоял проф. Пренан. В результате этого свидания я был зачислен в ряды F.T.P. (Réseau F.A.N.A.[19]) с псевдонимом «Фернан» и с № X. Обсудив все возможности наилучшего использования меня в деле, было решено, что к моменту высадки Союзников или началу восстания в Парижском районе я перейду на нелегальное положение и войду в штаб F.T.P. А пока, в ожидании этой перемены обстановки, я буду работать в их «Service de Renseignements», занимаясь добыванием сведений, систематически передавая их раз в неделю моему новому знакомому или его агенту связи. Агент связи была молодая барышня, с которой меня познакомили. В дальнейшем развитии моей работы в поддержании связи с F.T.P. меня дублировал мой брат Кирилл Кривошеин, который был также в Réseau F.A.N.A. Должен сказать, что новая моя работа была полной противоположностью тому, чем я занимался до сих пор.

[19] F.A.N.A. — разведслужба организации F.T.P.

На мне была большая ответственность за контакты с самыми разными организациями Французского Резистанса, работа давала мне полное удовлетворение своей серьезностью, деловитостью, чрезвычайной осторожностью, конспирацией и истинно товарищеским духом, которым была проникнута атмосфера в F.T.P.

Скажу для примера, что мои свидания, которые происходили в воскресенье, по утрам, назначались всегда в разных местах, вне пределов города. Для этого я выезжал за город на автобусах и поездах, меняя их несколько раз в пути. Свидания никогда не назначались в кафе, а происходили на маленьких улицах, по которым мы иногда разгуливали больше часа и всегда возвращались отдельно и другими путями, чем приезжали. Моя настоящая фамилия никогда не стала известна моему «корреспонденту», так же, впрочем, как и его фамилия до сих пор мне неизвестна. Во всей работе этой организации чувствовалось бережное отношение к людям и выделяемым материальным средствам, что отнюдь нельзя было сказать про другие организации. Возвращаюсь к самому содержанию представляемых мною сведений. В начале они поневоле носили случайный характер и касались главным образом сведений о промышленном положении дел и т. д. По совету моей организации я стал пытаться проникать в немецкие круги и для этого я использовал те же промышленные связи и знакомства. Это не дало большого результата, но в декабре 1943 года мне повезло, мне удалось найти источники сведений, которые сразу повернули всю мою работу в конструктивное направление. Работа стала крайне интересной и крайне полезной!

Еще в 1941 году мне приходилось изредка встречать в одном русском доме некоего Вильгельма Б. Он был немец, служил в экономическом отделе «Мажестик» в звании Sonderführer. Это был человек лет 30–40, прекрасно говоривший по-французски, воспитанный в Швейцарии и не имевший близких и родных в Германии. Почти всю свою жизнь (кроме, кажется 4–5 лет) он провел за границей, занимаясь коммерческой деятельностью. Он много бывал по делам во Франции и Испании, где он был во время гражданской войны в «красной зоне». Постепенно и в результате наших

встреч и разговоров, Вильгельм стал высказывать мне свое несогласие с Гитлеровской политикой и не скрывал уже своих антинацистских убеждений и уверенности, что война неизбежно проиграна Германией. Он был крайне пессимистичен в своих высказываниях и суждениях и считал, что, чем скорее окончится война, тем легче будут ее последствия для немецкого народа. После долгого наблюдения за ним я пришел к выводу, что он вполне мог бы пойти на мою вербовку и помогать нам в деле борьбы против фашистов. С согласия моих друзей я в ноябре 1943 года провел с Вильгельмом решительный разговор и предложил ему перейти от слов к делу и помочь мне в антигитлеровской работе (и тем самым ускорить конец войны). Удивительно, но Вильгельм сразу согласился на мое предложение. Он сказал, что некоторое время тому назад у него уже были контакты с представителями Лондона, ныне эти контакты утеряны, о чем он сожалел, потому что уже давно мог бы оказать услуги Резистансу. Для начала В. предложил, что может заняться «доносами», а именно не передавать доносов, которые ему давали в «Мажестик» для переводов на немецкий язык. Он решительно отказался от какого-либо денежного вознаграждения. Мы условились с ним, что если по ходу работы ему понадобятся деньги для ее развития, то таковые я немедленно предоставлю в нужном количестве. Борьбу с национал-социализмом и помощь союзникам он считал своим долгом и перед своей родиной, Германией, и перед всем человечеством. Единственное, что он потребовал, — это обещание, чтобы после победы Союзников не быть смешанным с общей массой немцев, активно виноватых в ведении войны или пассивно в ней участвовавших. После победы он хотел иметь возможность продолжать жить и работать во Франции. Я все передал своим товарищам, и эти гарантии, с согласия представителей C.D.L.R. + F.T.P. — были мною ему даны при следующем свидании. Нужно сказать, что я не называл Вильгельму организаций, с которыми я работал, только указал, что их две, разного направления, коммунистического и голлистского, чему В. придавал большое значение.

Нечего и говорить, насколько в обеих организациях заинтересовались моим привлечением такого ценного

сотрудника, который получил для этой работы имя «Шмидт». От меня организации знали лишь, что это немецкий офицер, близкий к штабу Вермахта.

Однако мои друзья в F.T.P. тут же сказали мне, что они считают эту мою работу чрезвычайно опасной, а мой ранний или поздний провал в ней почти неизбежен. Более того, для моей сохранности и безопасности они даже выразили готовность отказаться от получаемых материалов, несмотря на их чрезвычайную ценность, чтобы не подводить меня. Я очень оценил такое заботливое отношение ко мне, но, конечно, не воспользовался им.

Материалы, которые стал передавать мне «Шмидт», оказались еще более интересными и важными, чем это можно было ожидать. Все эти сведения изымались из документов: как, например, «точное число немецких дивизий во Франции незадолго до высадки».

Это было извлечено из приказа о реформе дивизионных военных трибуналов.

Затем — Выписки или резюме ежедневных рапортов Гестапо, о деятельности ее на всей территории Франции. С указанием по всей территории и районам — всех арестов, раскрытия тех или иных отделений организаций, радиопостов и т. д. Часто даже с фамилиями арестованных В этих же рапортах перечислялись и произведенные Сопротивлением террористические акты, действия против «маки» с точным количеством жертв с обоих сторон и т. д.

Ежемесячные сводки этих рапортов, где, кроме перечисления основных фактов, бывали оценки того или другого движения Резистанса (много внимания уделялось коммунистической партии) и таблица всех арестов за месяц с разделением на 17 округов, на аресты (сделанные немецкой или французской полицией), на причины арестов в трех категориях (резистанской, коммунистической, еврейской и иных). Общее число арестов в течение зимы 1941 года составило 5770 человек в месяц. На первом месте бывали то Париж, то Лион. Французская полиция арестовывала, главным образом, по коммунистической линии, немецкая по резистанской и еврейской.

Мне передавались ежемесячные сводки «Rüstungsinspektion» о работе всех французских заводов на немецкую «оборону». По заводам и по отраслям промышленности указывались — задания по плану, его выполнение в %, заказы на следующие месяцы. Общее количество занятых рабочих, анализировались причины отставания от плана. А также важнейшие Рапорты 1943 года с анализом работы французской полиции, характеристикой всех начальников. Главный вывод — что немцы ни в коем случае не могут рассчитывать на французскую полицию в целом, а в случае высадки Союзников она должна быть разоружена и интернирована. Впоследствии восстание парижской префектуры полиции подтвердило эти выводы. План разоружения не был приведен немцами в исполнение за неимением технических возможностей это сделать весной 1944 года.

Все Рапорты помечены были как секретные «второй степени».

Вильгельм («Шмидт») в силу своего служебного положения имел доступ к рапортам, касающимся Гестапо, крайне ценным, и черпал он их из сейфа, стоявшего в кабинете его начальника. К этому сейфу В. удалось подобрать ключи. Все эти бумаги он забирал к себе домой, переписывал, резюмировал для меня сжато на машинке, на папиросной бумаге. Затем два или три раза в неделю мы с ним встречались на улице, места встречи постоянно менялись. Он всегда был одет в штатское и, так же, как и я, всегда на велосипеде. Потом мой брат Кирилл К. переводил все это на французский, перепечатывал на машинке в нужном количестве экземпляров, и далее все передавалось по инстанции всех отделений Сопротивления. Чем больше я получал сведений, тем чаще возникала у меня мысль о возможности быстрее предотвратить готовящиеся аресты и высылки в лагеря людей. Поэтому я хотел найти связь с «центральной» французской организацией Сопротивления, которая сама бы распространяла все эти сведения. В результате содействия А.Ф. Ступницкого я сблизился и сумел выйти как бы на «головной центр», или «основную» организацию, которая могла бы быстро реагировать на доставляемые мной и В. сведения. Мне казалось, что я сумел сократить прохождение,

фильтрации документов, а тем самым и возможность быстрого реагирования для спасения жизней людей. Однако по сделанным мною неоднократным проверкам я понял, что передаваемые сведения не проникали в другие организации, и от этого мне приходилось самому заниматься их распространением. Тем не менее, чтобы облегчить мою работу и сохранить связь с Вильгельмом в случае моего ареста, N.A.P. выделила для этой цели специального агента.

Первый из них был арестован, совершенно случайно, сразу через несколько дней после нашего начала работы. Он был заменен некоей м-ль Моник — довольно разбитной и толковой молодой дамой, которая исполняла эту роль с февраля по июнь месяц 1944 года.

В связи с этой дамой я хочу рассказать совершенно анекдотическую историю, очень характерную для нравов и обстановки, царивших в некоторых резистанских кругах. А с другой стороны, это показывает, насколько ценна была добываемая мной информация и сведения от «Шмидта». Воспользовавшись неурядицей, происходившей в рядах N.A.P. после ареста его главного руководителя, г. Негра, и заменой его человеком под кличкой «Магаллон», эта Моника убедила последнего, что привлечение В. («Шмидта») и вся связь с ним — дело ее рук. Она стала зарабатывать на этом фантастические деньги — 60 000 фр. в месяц. Обнаружить эту клевету мне удалось совершенно случайно и уже после ареста «Магаллон», когда в начале июня я познакомился с г. Бланом — новым главой N.A.P. Нам предстояла задача «деликатно» устранить Монику, убедившись предварительно, что она никого не выдаст и не продаст меня или В. Тактично и умно она была заменена другим агентом связи, м-ль Соланж, которая давно работала с г. Бланом. К сожалению, это было сделано поздно и всего за несколько дней до моего ареста, к обстоятельствам которого я вернусь позже.

Прибавлю к этому рассказу, что с г. Бланом я встретился затем в Бухенвальде, где познакомил меня со своими двумя предшественниками. Сам Негр был известный журналист, и Магеллон был блестящей личностью. Оба они были мужественными и бесстрашными людьми, а Магеллон, стоявший

во главе N.A.P. после Негра, несомненно, был человек очень порядочный, но какой-то тихий и имел вид всегда обиженный. Я знал, что во время пребывания в Компьенском лагере он не выпускал из рук молитвенника, он был очень набожным человеком и страдал в Бухенвальде оттого, что здесь было строго запрещены какие-либо молитвы. Причем не только общие, но и частные, личные, которые карались смертью. Облик его, доверчивость и кротость совершенно не соответствовали его чину «командана» и посту руководителя резистанской организации. Неудивительно, что такая ловкая дама, как Моника, сумела окрутить его и устраивала свои личные делишки за его спиной.

Обстоятельства моего ареста

В моем отчете для архива я написал подробно об обстоятельствах ареста «Шмидта» и последовавшего за ним моего. Здесь я могу говорить об этом сокращенно, так как дело это находится еще в процессе судебного следствия. Мне предстоит очная ставка с агентом немецкой контрразведки — лейтенантом Вермахта Рейбеном, меня предавшим.

На его ответственности лежит наряду с другими предательствами расстрел 40 французских патриотов в Булонском лесу в августе 1944 года. Некоторые детали моего ареста и как я был предан до сих пор не вполне ясны. Не хочу говорить поэтому опрометчиво, дабы не бросить тень на кого-либо в соучастии, в измене и в преступной легкомысленности.

Итак, в марте 1944 года по ходу моей работы я был познакомлен представителем одной из резистанских групп с неким «Шарлем» (лейтенантом Рейбеном). По словам товарища (которому я доверял и который нас познакомил), «Шарль» был «красный» испанец, коммунист, несколько раз ездивший из Франции в Алжир и обратно, а в настоящее время работавший с англичанами (S.S.)

С момента моего знакомства и до моего ареста мой товарищ передавал «Шарлю» те самые копии документов «Шмидта», которые я получал от Вильгельма в его частые приезды в Париж. Нечего и говорить, насколько «Шарль» был ими поражен и заинтересован. Два раза в отсутствии

товарища я передавал их ему лично. Кроме этих двух раз, видимо, я видел его еще раза три, и во время каждой нашей встречи он настаивал на личном знакомстве с В. — «Шмидтом». Рейбен считал, исходя из разнообразия и чрезвычайной ценности документов, что только офицер разведки, занимающий высокое положение в штабе Гестапо, мог иметь доступ к подобным материалам. Он был прав, но я совершенно не собирался раскрывать В. и знакомить их.

Рейбен засыпал меня каждый раз доводами своего желания личного знакомства, говоря о своей «опытности» в «разведывательной работе» и исходя из нее возможности лучшего использования «моего источника». Он говорил, что готов предоставить для этой работы неограниченные средства, ускорить передачу сведений в Лондон, и наконец, он приводил довод, что для самого «Шмидта» важно быть непосредственно связанным и «покрытым» англичанами. Хоть я и доверял моему товарищу, который нас познакомил с «Шарлем» (иначе я не поддерживал бы с ним отношений), — я не считал его доводы достаточными, чтобы увеличить для Вильгельма риск его работы через установление личной связи с «Шарлем». К сожалению, я не остался верен этой точке зрения до конца, и на нашем свидании в день высадки, 6 июня, «Шарль» добился от меня, чтобы я не брал на себя отказа в его просьбе, а предоставил этот вопрос на решение самого Шмидта. Этот последний, считавший, как и все мы, что освобождение Парижа и уход немцев из Франции — вопрос нескольких недель, сразу согласился на это свидание. Он заинтересовался возможностью непосредственно быть связанным с англичанами, а следовательно, и пользы Сопротивлению принести еще больше.

Наше тройственное свидание с «Шарлем» состоялось на следующий день, 7 июня. Я предварительно взял с В. обещание, что он не откроет своей настоящей фамилии и места службы. Однако в течение нашего свидания, которое происходило за обедом, «Шарль» и В. делились общими испанскими воспоминаниями, и «Шарлю» удалось настолько завоевать доверие, что В., к моему ужасу, дал ему свой служебный телефон и настоящую фамилию. Это было самоубийственным порывом! В следующий раз я видел В. в пятницу. Он сказал

мне, что «Шарль» звонил ему накануне на работу. В субботу, не знаю, при каких обстоятельствах, В. был арестован. А уже в понедельник, 12 июня, я был завлечен в настоящую ловушку французской полицией и выдан ею Гестапо.

Допрос мой начался немедленно после ареста, и им открывается последняя глава моей резистанской разведывательной работы. Глава, может быть, короткая, но весьма интенсивная. Мой допрос и пытки длились с понедельника 12-го по субботу 24 июня. Прерывались они лишь в воскресенье, 19-го (ведь и чинам Гестапо нужно было отдохнуть). За эти одиннадцать дней меня иногда отвозили «ночевать» в тюрьму Френ, но чаще я оставался там же, на рю де Соссэ, в маленькой мансарде, похожей на пенал, с руками, скованными наручниками, за спиной. Не буду описывать мои допросы подробно, я их уже рассказывал в отдельном рассказе. Скажу только, что в этих допросах и пытках были применены все, ставшие уже киношными, гестаповские методы: меня избивали, пытали «ледяной ванной», дружескими уговорами, провокациями, высокими рассуждениями о иерархии и понимании долга; подкуп, расчет на нервное истощение и многодневные бессонницы, аресты друзей и семьи...

С первого же дня мне сказали, что я буду расстрелян! Я имел все основания в этом не сомневаться, поэтому вся одиннадцатидневная борьба мной велась лишь для того, чтобы не дать моему делу «развернуться». Досье было достаточно толстым, а поэтому мне нужно было избежать каких-либо дальнейших арестов по моему делу или даже затруднений в работе товарищей, оставшихся на свободе. Это мне удалось достигнуть ценой главным образом очень большого нервного и умственного напряжения. До сих пор для меня остается загадкой, почему мой расстрел был заменен на депортацию в Бухенвальд.

Я видел В. — «Шмидта» после моего ареста еще два раза. Один раз издали в здании Гестапо, другой раз нас вместе привели на допрос в Гестапо из тюрьмы Френ. Мы были скованы одной парой наручников, говорить мне с ним не удалось, всяческое слово и жест карались мгновенно

и смертельно. Вел он себя на допросах прекрасно, никого не выдал, не сказал ничего, что могло ухудшить мое положение. Вернувшись из депортации, я узнал, что так же твердо и бесстрашно он держался перед военным судом, который состоялся в июле месяце в отеле «Континенталь». Он взял на себя полную ответственность за свои действия и сказал, что он немец, любящий свою родину, ненавидящий фашистский режим, и что он с радостью сделал то, что ему велел долг и совесть. Он не мог пожертвовать своей честью и работать совместно с врагами своей страны. Все остальное, в том числе и вопрос жизни и смерти, — интересовать его уже не может.

О точной дате его расстрела, вероятно в августе месяце, — сведений у меня нет.

Париж, 1946 г., март,
Игорь Кривошеин

ПАМЯТИ ОТЦА ДМИТРИЯ КЛЕПИНИНА

Несколько слов от редакции первого номера «Вестника»

Дмитрий Клепинин

От редакции нашего Первого «Вестника» мы хотим сказать, что печатаемая ниже статья посвящена о. Дмитрию Клепинину, павшему жертвой гитлеровского террора.

Его случай как представителя Русской Церкви за рубежом, замученного в страшном немецком концлагере, — к сожалению, не одиночен. Теперь уже почти с несомненностью можно сказать, что такая же судьба постигла монахиню Марию, в миру Елизавету Юрьевну Скобцову — замечательную русскую женщину, всю свою жизнь отдавшую на служение Церкви и ближнему.

Мать Мария была арестована в феврале 1943 года со всей группой «Православное дело», душой которого она была, и сослана в Германию. В эту группу входили, помимо о. Дмитрия Клепинина и матери Марии с ее несовершеннолетним сыном Георгием (Юрой), еще Ю.П. Казачкин, Ф.Т. Пьянов и А.А. Висковский.

Все они, за исключением Ф.Т. Пьянова и Ю.П. Казачкина, погибли в Германии, не вернувшись из концлагерей. Та же участь постигла и протопресвитера Андрея Врасского. Он был арестован немцами в январе 1943 года, сослан в Германию и замучен в лагере Бухенвальд в феврале 1944 года. Такая же судьба постигла выдающегося церковного деятеля, профессора Иринарха Аркадиевича Стратонова, участника Поместного Собора 1917 года. Он является автором замечательной книги «Русская церковная смута». Более того, он всегда стоял на страже верности Русской Патриаршей Церкви! Проф. И.А. Стратонов состоял старостой храма при Трехсветительском Подворье в Париже и был арестован в марте 1942 года. Заключенный сперва в тюрьму Сантэ, он был затем переведен в лагерь Компьен, а затем сослан в один из лагерей смерти под Берлином, где, по-видимому, и погиб.

В последующих номерах нашего «Вестника» мы постараемся отметить в отдельных очерках трагическую судьбу этих русских людей, замечательных патриотов и подлинных христиан.

Париж — 1946 г. — июль

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Ф.Т. ПЬЯНОВА

(Бывший политический заключенный № 39528
лагеря Бухенвальд)

Кто хочет идти за Мною, отвергнись от себя и возьми Крест свой и следуй за Мною. Ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потерят ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Мк. 8:34–35

Страшные, таинственные слова Спасителя, парадоксальные слова для естественного, грешного человека. Эти слова вполне применимы и приложимы к жизненному пути священника о. Дмитрия Клепинина.

В феврале месяце 1944 года в концентрационном лагере «Дора» отец Дмитрий погиб; он умер от воспаления легких на грязном полу, в углу так называемого «приемного покоя» лагеря, где не было ни лекарств, ни ухода, ни постелей. Вечером или в ночь он умер и, вероятно, под утро был увезен с другими покойниками в крематорий лагеря Бухенвальд. В то время покойников из лагеря «Дора» сжигали в Бухенвальде. Лагерь «Дора» был страшный лагерь! В 1944 году Бухенвальд поставлял в «Дору» живую силу. Нам говорили, что к 1944 году из 1000 человек через 2–3 недели оставались живыми 300 ч., и то больные. Остальные погибали от непосильного труда, скверного питания, обращения, отвратительных санитарных условий. В то время в «Доре» строились подземные заводы.

Люди в жизни крайне небрежны друг к другу. Мы обычно проходим мимо людей, не замечая их, потому что они не представляют ничего примечательного — ни по внешности, ни по манере говорить: простые, обыкновенные люди, скромные, застенчивые. Таким именно и был отец Дмитрий Клепинин в жизни. Казалось, он был простой священник, не отличавшийся ничем от других. А между тем это был замечательный человек и священник. В чем же была его замечательность? Сам я знал Диму Клепинина, а затем

отца Дмитрия, в течение 23 лет, но узнал и понял его по-настоящему только за год до его смерти. Мы провели вместе около года в лагере Компьен. Без преувеличения скажу, что год, проведенный с ним, для меня был милость Божия, я не жалею этого года, а только благодарен судьбе.

Основные, как бы последние вопросы жизни человек решает сам лично, и только Бог может в этом помочь — Бог открывается человеку. Но из опыта с о. Дмитрием я могу спокойно утверждать, что Бог может говорить и через человека. Из опыта общения с о. Дмитрием я понял, какую огромную духовную, моральную помощь может оказать человек как друг, товарищ и духовник. При помощи о. Дмитрия, а может быть, простой его образ дал мне ответы на многие мучительные вопросы жизни, которые казались раньше неразрешимыми или были простым интеллектуальным упражнением, не претворенным в жизнь. Сейчас, на свободе, я часто скорблю о постепенной утрате того, что Бог мне послал и дал как бы получить от о. Дмитрия.

В чем же здесь дело? Очень трудно объяснить все это просто словами, особенно раскрыть внутренний образ и мир другого человека, а его тем более. Отец Дмитрий был человеком глубочайшей Веры и Живого Бога, именно Живого Бога. Я думаю, что есть вера в Бога как отвлеченное, не живое понятие. Такая вера в приложении к жизни бывает иногда страшной, более того, такая вера может быть разрушительной, особенно для другой души. Дело в том, что живое отношение к Богу у отца Дмитрия непосредственно и просто переключалось в жизнь — к живому человеку. Особенно к несчастному, ко всякой душе «скорбящей и озлобленной». В этом у них было много общего с покойной матерью Марией!

Мне скажут, что каждый христианин и священник должен так поступать. Это верно. Но в том-то и дело, что мы, называющиеся христианами, так не поступаем. Те, кто знал отца Дмитрия, согласятся с тем, что он отдавался другому человеку без остатка, и это было связано с его отношением к Богу — как Творцу, Живому Богу, Богу Любви. Другими словами, это была та самая любовь, о которой говорит Св. Иоанн: «...нет больше той любви, как если кто положит душу

Отец Димитрий Клепинин, его жена Тамара и дочь Елена. Париж, 1940 г.

свою за друзей своих» (Ин. 15:13). Не случайно поэтому, что отец Дмитрий отдал свою жизнь, и именно он отдал свою Жизнь за человека, за друзей своих, ибо такова была его Вера в Бога. В этом случае образ Христа был для него жизненным и живым путем. Я помню, в конце февраля 1943 года нас привезли из крепости Романвилль в Гестапо на рю де Соссэ. Нас собрали около 400 человек во дворе, а из окон выглядывали накрашенные немки-стенографистки, француженки, русские... Отец Дмитрий в порванной рясе стал предметом насмешек. Один из СС начал толкать и бить о. Дмитрия, называя его «Иуда». Юра Скобцов, стоявший рядом, стал плакать, а о. Дмитрий, утешая его, говорил, что Христос претерпел большие издевательства. Если о. Дмитрий принимал личные оскорбления смиренно, то оскорбления в отношении других или другими переживал мучительно, вплоть до физической боли. Часто в лагере мы все были оскорбляемы и избиваемы не только немцами, а и своими пленными товарищами. Это позор концентрационных лагерей.

По возвращении из лагеря я иногда слышу: «Как жалко, что он (о. Дмитрий) так бессмысленно погиб, не подумав ни о семье, ни о приходе, ни о себе». Для человека, не знающего Христа, простительно такое замечание, но для христианина эти слова звучат кощунственно. Отец Дмитрий, мать Мария, Фондаминский, Юра Скобцов и другие — погибли

как мученики за Веру в Бога, за то, что они отдавали себя, свои души другим людям. В том-то и бессмыслица в этом мире, что люди отдают свою жизнь за отвлеченные идеи, иллюзорные призраки, деньги, богатство, а не отдают ее Живому Богу. Церковь в этом мире существует и будет существовать, ибо она живет Кровью Праведника Христа и Кровью Его последователей — мучеников. В нынешнюю безрелигиозную, крайне дехристианизированную эпоху как раз Церковь и оживляется.

Ибо в ней есть мученики, память о которых так высоко чтилась и чтится Церковью и всем христианским миром.

Перед смертью отец Дмитрий, в грязном арестантском халате, бритый наголо, в руке держал открытку, в первый раз выданную для писания близким. Он писать уже сам не мог, но если бы и писал, то только выразил бы свою горячую любовь своей жене, своим маленьким детям (мальчику и девочке). Как ни горячо он их любил, все же свой путь гибели он избрал по глубокой Вере, любовно и добровольно. Ибо в этом и был его Крест, заповеданный Христом.

30 апреля 1946 г. — Париж

ВТОРОЙ НОМЕР «ВЕСТНИКА»

Qu'on rende justice à notre souvenir après la guerre, cela suffit… [1]

Boris Vilde

ЗАДАНИЕ второго номера Вестника остается все тем же: почтить память русских людей, погибших в рядах Сопротивления во Франции, и выявить настоящее лицо тех, кто боролся с фашизмом в странах, подвергшихся оккупации во время войны.

Первая часть настоящего выпуска посвящена памяти БОРИСА ВИЛЬДЕ и АНАТОЛИЯ РОГАЛЯ-ЛЕВИЦКОГО и делу «Музея Человека» в Париже. Их имена теперь навек связаны, и всякий, входя в музей, где они работали, прочтет оба эти имени на памятной доске. Оба погибли во цвете лет, пожертвовав всей своей личной жизнью, своими успехами и научной карьерой; даже само слово Résistance, которое, очевидно, войдет во французскую энциклопедию в новом его значении, — родилось в тайной типографии Музея Человека.

Вильде был не только ученый, он был и поэт (псевдоним Дикой), и спортсмен, человек отчаянной храбрости, даже не чуждый известной авантюрности — подлинное дитя нашей революционной эпохи. Левицкий — человек тоже волевой и вполне современный, но более мягкий, скорее тип того, что принято называть кабинетный ученый.

---

[1] Пусть воздадут должное памяти о нас после войны, этого достаточно.

Мать Мария

* * *

Русская женщина в рядах Сопротивления — такова вторая тема этого номера.

Самоотверженность, работоспособность и героизм, проявленные во время Второй Отечественной войны советскими девушками и женщинами, — поразили все умы. Вряд ли найдется сейчас русский человек за рубежом (да и не только русский), который не знал бы имени и истории Зои КОСМОДЕМЬЯНСКОЙ и не гордился бы ею... Оторванные от родной земли, попавшие за границу зачастую почти в детском возрасте, русские женщины в эмиграции тоже приняли посильное участие в борьбе с фашизмом. Очень многие, рискуя жизнью своей и своей семьи, укрывали у себя подпольщиков, союзных летчиков и, главным образом, конечно, русских пленных: одевали их и помогали всем, чем могли. Некоторые состояли в подпольных организациях, были связистками или сражались в партизанских отрядах — из них многие подверглись аресту, пыткам и ссылке в немецкие лагеря смерти. АРИАДНА СКРЯБИНА (Сарра Кнут), партизанка, погибла в бою на юге Франции; красная княгиня Т. ВОЛКОНСКАЯ — участница партизанского отряда; радистка Лили РАЛЬФ, парашютированная во Франции, погибла в Равенсбрюке; С.В. Носович (награждена Военным крестом), ответственный работник reseau О.С.М., подверглась избиениям и пыткам, была депортирована в Равенсбрюк; МАТЬ МАРИЯ СКОБЦОВА, резистанка и по духу и по своей деятельности в годы оккупации, погибла в газовой камере Равенсбрюка; О. РАФАЛОВИЧ (награждена медалью Сопротивления) была сослана в Равенсбрюк.

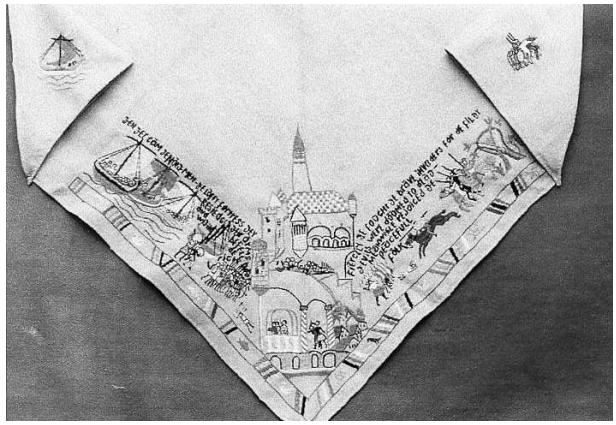
Среди трагически погибших русских участниц Сопротивления прекрасная фигура княгини В.А. ОБОЛЕНСКОЙ, казненной 4 августа 1944 года в Германии, — достойна особого внимания и сочувствия, и по нашей просьбе С.В. Носович написала краткий очерк, который мы и печатаем, — посвященный последним годам жизни Вики, ее аресту, допросам и суду. Сколько мужества и упорства проявила эта хорошенькая, хрупкая женщина, оставаясь при этом неизменно скромной, милой, женственной; весь ее духовный облик нам кажется особенно привлекательным. Она сохранила, хотя и жила всегда в Париже, все лучшие основные русские черты, обладала русской талантливостью и работоспособностью, веровала по-православному, искренно и без ханжества — словом, все в ней нам и понятно и близко... И думается, что все, кто узнают ее лишь теперь, после ее героической смерти, наверное, полюбят ее легкую тень, так же как всегда и всюду, вплоть до тюремных камер, все любили жизнерадостную и веселую Вики...

* * *

К запискам Е.А. Новиковой, пожалуй, нечего добавлять: они достаточно красноречивы сами по себе, несмотр на их удивительную простоту и незатейливую правдивость. Мы вполне учитываем, что сейчас, когда все так устали от страшных годов войны, будто не хочется еще раз возвращаться к широко уже использованной теме немецких концлагерей. Но нужно, чтобы и теперь еще помнили, чем именно рисковали буквально все участники Сопротивления: сегодня уже будто трудно заставить себя мысленно прожить хотя бы один день в Равенсбрюке или Югендслагере — а год, два? Но больше года почти никто и не выдерживал: крематорий дымился и днем и ночью, — все это нормальному человеку непонятно, но просто отмахнуться от этих диких картин — нельзя.

Е.А. Новикова не только прошла через весь этот ад: вернувшись во Францию, она у знала, что ее единственный сын ЮРИЙ, 19 лет, арестованный одновременно с ней, по доносу провокатора из «власовцев», — погиб от туберкулеза в ссылке.

Помимо краткого отчета АЛЕКСЕЯ ФЛЕЙШЕРА об его работе в Италии и заметки В.И. АЛЕКСИНСКОГО об русских



Платок, вышитый матерью Марией в лагере Равенсбрюк в 1944 г.

людях, сражавшихся в рядах войск «Свободной Франции», мы помещаем и статью А. ПОКОТИЛОВА, участника группы «Русский Патриот»; этот эпизод целиком вошел в книгу Гайто Газданова «Je m'engage de défendre»[2], изданную на французском языке; он был передан в наш архив еще задолго до выхода в свет этой книги и является как бы частью обширного отчета об деятельности группы «Русский Патриот», который должен составить главную тему следующего номера нашего Вестника.

Мы постарались при выпуске второго номера принять во внимание ту дружескую критику, которую нам пришлось услышать по поводу первого номера, и надеемся, что наше задание теперь выполнено лучше и полнее.

Редакция

ВСТРЕЧА С МАТЕРЬЮ МАРИЕЙ В ЛАГЕРЕ РАВЕНСБРЮК

Со слов С.В. Носович записано Н. Алексеевой (Н.А. Кривошеиной)

В ноябре 1944 года я случайно узнала, что мать Мария находится в лагере Равенсбрюк, где я сама была уже несколько месяцев. Как-то одна француженка-коммунистка, которую

[2] «Я начинаю борьбу».

я знала задолго до войны, сказала мне: «Vas voir la Mere Marie — elle est extraordinaire cette femme!»[3] То же мне сказала и одна русская советская пленная, ветеринар по профессии: «Пойдите, познакомьтесь с матерью Марией, есть у нее чему поучиться».

И вот как-то раз, воспользовавшись свободным днем, я пошла в 15-й барак, где находилась мать Мария.

Я была в другом блоке, и частые встречи, конечно, были немыслимы. Беседы наши всегда происходили во дворе лагеря. Матушка, в легком летнем пальто, вся ежилась от холода и физически, как и все, была измучена ужасными условиями жизни в Равенсбрюке. На это она, впрочем, мало жаловалась, а больше ее угнетала тяжкая моральная атмосфера, царившая в лагере, исполненная ненависти и звериной злобы. У матушки самой злобы не было — был гнев души: она пошла на борьбу против немцев как христианка и за самую сущность христианского учения и не раз повторяла: «Вот это у них и есть тот грех, который, по словам Христа, никогда не простится — отрицание Духа Святого».

Она близко сошлась со многими советскими девушками и женщинами, бывшими в лагере, и всегда говорила о том, что ее заветная мечта: поехать в Россию, чтобы работать там не словом, а делом и чтобы на родной земле слиться с родной церковью.

Постараюсь отрывочно и, конечно, весьма неполно передать некоторые мысли, которые матушка высказала мне в наших беседах. Я пришла к ней в тяжелую минуту, чувствовала, что теряю сердце, что мне больше не хватает душевных сил в этом беспроглядном мраке лагеря, искала у нее поддержки, — и скажу, что нашла у ней то, чего искала. Я как-то сказала ей, что не то что чувствовать что-либо перестаю, а даже сама мысль закоченела и остановилась. «Нет, нет, — воскликнула матушка, — только непрестанно думайте; в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже; не снижайте мысль, а думайте выше земных рамок и условностей»... «В других религиях тоже частица истины, в каждой из них она есть.

---

[3] «Сходи к матери Марии, это совершенно необыкновенная женщина!»

Только в христианстве она вся целиком». Другой раз речь шла о новой блоковой (старшей по бараку), весьма жестокой, польке, из хорошей семьи: «Ничто так не удаляет от Христа, как буржуазность — этих и ад здешний не прошиб. Бойтесь этой женщины — это аристократическая чернь».

Ее не пугало официальное неверие, а лишь душевная узость, черствость. Часто матушка радостно говорила о русской молодежи, ищущей знаний, любящей труд, полной жертвенности для блага будущих поколений. Как-то на перекличке она заговорила с одной советской девушкой и не заметила подошедшей к ней женщины SS. Та грубо окликнула ее и стеганула со всей силы ремнем по лицу. Матушка, будто не замечая этого, спокойно докончила начатую по-русски фразу. Взбешенная SS набросилась на нее и сыпала удары ремнем по лицу, а та ее даже взглядом не удостоила. Она мне потом говорила, что даже и в эту минуту никакой злобы на эту женщину не ощущала: «Будто ее совсем передо мной и нет».

В феврале меня, больную, эвакуировали в Маттаузен, а мать Мария, тоже больная, осталась в лагере Равенсбрюк, где потом и трагически погибла; она до конца осталась свободной духом и не поддалась рабской ненависти. Все те, кто ее знал или соприкасался с ней в тюрьме или лагере, надолго сохранят ее яркий, незабываемый и столь редкий образ интеллигентной русской женщины, ставшей по-настоящему деятельной христианкой, расточавшей в самые горькие минуты духовную помощь и поддержку всем, кто только к ней приходил за ними.

Б. Сосинский

ВИЛЬДЕ — ЛЕВИЦКИЙ (ДЕЛО МУЗЕЯ ЧЕЛОВЕКА)

Во внутреннем дворе тюрьмы Френ в январе 1942 года был выстроен деревянный барак, украшенный во всю стену внутри красным флагом со свастикой («черный крест,

плавающий в крови»[4]), перед которым стоял стол, покрытый таким же флагом, и на почтительном расстоянии от него — 18 некрашеных стульев претенциозного стиля «модерн». В день 8 января немецкие солдаты в касках ввели в этот зал 18 подсудимых, которые перебрасывались шутками, как студенты на годовых экзаменах, чтобы поднять свое настроение. Когда председатель суда предложил обвиняемым услуги сестры милосердия на случай, если кто-нибудь из них не выдержит допроса, громкий молодой смех со «скамей подсудимых» был ему ответом. Прокурор грозно стукнул по столу и крикнул: «Берегитесь, скоро слезы сменят смех!»

Так начался при закрытых дверях военный суд над патриотами, или, как говорилось в обвинительном акте, «националистами», который длился больше месяца и стоил семерым жизни, а остальные заплатили каторгой, и который по месту службы двух его главных героев вошел в историю под именем «Дела Музея Человека».

В предварительной речи председатель суда подчеркнул, что из 18 обвиняемых десять жили под фальшивыми паспортами. И в то же время «он произносит удивительное в его устах похвальное слово подсудимым, особенно по адресу Бориса Вильде. Он обращает внимание на поразительный факт, что Вильде нашел в себе моральную силу, будучи в тюрьме, после японского изучить санскритский язык. И, повернувшись к нам, он заявляет о своем чувстве уважения по отношению ко всем нам. Он знает, — говорит он, — что мы вели себя как подобает французским патриотам, в то время как его тяжелый долг велит ему вести себя по отношению к нам как подобает немцу». Эти сентиментальные слова вызывают лишь иронические улыбки.

Но когда сорок дней спустя, 17 февраля, тот же председатель, бледный, прерывающимся голосом, читает смертный приговор, его волнение кажется искренним, так же как и его слова, что он более чем уважает, он преклоняется перед людьми, которых приговаривает к расстрелу. И действительно,

---

[4] Все цитаты, заключенные нами в кавычки, взяты из книги: Agnès Humbert: «Notre guerre», кроме тех, которые сопровождаются в дальнейшем особыми сносками.

достаточно вспомнить некоторые реплики на этом суде — и особенно заключительные слова приговоренных, — чтобы разделить восхищение перед ними «прусского романтика».

Когда прокурор пытается одного из патриотов обвинить еще и в том, что он будто бы предал одного из своих товарищей, он получает решительный отпор: «Вы же сами знаете, что мы все здесь преданы одним лицом, тем, кто получил за это цену нашей крови», — на что даже председатель, к удивлению прокурора, утвердительно кивает головой. «Вы меня можете расстрелять, но не обесчестить!» — «Я иду на смерть с высоко поднятой головой: я ничего не сказал при допросе». — «Председатель, наверное, заметил, что за все эти 11 месяцев я не произнесла ни одного слова правды, но это нагромождение лжи имело единственную цель: покрыть товарищей, до которых вы никогда не доберетесь, а совсем не попытку найти себе личное оправдание». — В своем последнем слове Вильде, в нескольких ясных фразах, произносит прекрасную и высоко-гуманную защитительную речь в пользу Мальчугана. Он лично на себя берет всю ответственность. Ренэ ничего не знал, уверяет он, из того, что переносил отсюда в свободную зону. Он ссылается на молодость Мальчугана. О себе — ни слова. Все его усилие имеет единственную цель: снять всякую вину с Ренэ, спасти ему жизнь.

Через полчаса после вынесения приговора немцы снова собирают в том же зале подсудимых и разрешают тем, кто приговорен к каторге, проститься с теми, кого приговорили к смерти. Агнес Гюмбер горячо обнимает Левицкого в момент, когда он беседует, весело улыбаясь, со своей невестой, Ивонн Оддон. Вильде бодро говорит той же Гюмбер: «Не беспокойтесь о вашей семье, о ней позаботятся, пока вы будете в Германии в ожидании победы». И он добавляет: «Победа в 1944 году!» «(Эта отдаленная дата сжимает мое сердце! Он предсказывает с такой уверенностью!) Потом он берет мою руку и внимательно смотрит своими голубыми глазами, светящимися лукавством: “У вас будет много, много работы, Агнес, после освобождения...”»

Проходит пять дней, в которые надежды сменяются отчаянием: немцы не могут пройти мимо патетических

посланий от Франсуа Мориака, от Поля Валери, от Жоржа Дюгамеля и от мн. др., просящих помилования Бориса Вильде. «Вильде помилован, другие будут помилованы автоматически». По камерам тюрьмы Френ передается тревожная фраза Вильде: «Нас, даже помилованных, все равно расстреляют как заложников: вчера в Париже имел место новый террористический акт против немцев». Эта фраза сменяется полной доверия, мягкой улыбкой Левицкого: «Вы увидите: ни я, ни другие, мы не будем расстреляны».

«...23 февраля в 5 ч. веч. семеро были препровождены из тюрьмы Френ на Монт-Валериен. Председатель и прокурор сопровождали их к месту казни. Не было достаточно места у стены, чтобы расстрелять семерых вместе. Вильде, Левицкий и Вальтер[5] попросили умереть последними и без повязок. «Они все умерли героями, — заявил Готтлиб, прокурор»[6].

* * *

За что судили этих людей? Какие обвинения были им предъявлены на суде? Каковой была их фактическая деятельность в подполье и какое она имела значение для дальнейшего развития Сопротивления во Франции? Каким образом они попали в руки немцев? И наконец, что это были за люди?

Очень важно сделать ударение именно на дате возникновения этой, одной из первых по времени подпольных организаций по борьбе с оккупантами: фактически тотчас же после разгрома Франции, в период наивысшей мощи победителя Европы. Уже в августе 1940 года они распространяли знаменитый нелегальный тракт «33 совета оккупированным», уже тогда расклеивали в телефонных будках, в уборных, даже на немецких автомобилях летучки: «Мы все с генералом де Голль!», бросали в почтовые ящики, в универсальных магазинах засовывали в свертки материй письмо д-ра Ривэ, директора «Музея Человека», маршалу Петэну, — и тогда же Вильде и Левицкий задумали свой первый номер органа

---

[5] Лотарингец, которому немцы предлагали отказаться от французского гражданства и этим спасти свою жизнь, но который предпочел умереть французом.

[6] *Aveline C.* L'Affaire du Musée de l'Homme // Les Lettres Françaises. 1945. №44 du 24 Février.

«Национального комитета общественного спасения» — «Резистанс», вышедший лишь 15 декабря.

Четыре года спустя крупная ежедневная газета «Резистанс», ведущая свою родословную от детища Вильде — Левицкого, озаглавила статью, им посвященную, так: «Интеллигенция — авангард Резистанса»[7]. Действительно, в эту группу входили университетская молодежь, ученые, музейные работники, а также крупные писатели, как Жан Кассу, Клод Авелин и Пьер Абраам. Общепризнанным их вождем[8] был Борис Вильде, первым его заместителем — Анатолий Левицкий[9]. Кроме печатной и устной пропаганды, которую они вели как в Париже, так и в провинции, Вильде проводил весьма сложную и опасную работу по переправке в свободную зону, а оттуда на испанскую границу добровольцев в армию де Голля. В обвинительном акте упоминается еще «преступление шпионажа», — что, по-видимому, относится к двум секретным документам, раздобытым Вильде и Левицким, о строившемся тогда одном подземном аэродроме и о базе подводных лодок в Сан-Назэре, о существовании которой Лондон узнал именно из этого источника. Что за этой подпольной организацией немцы следили уже давно, можно судить по тому, что на суде фигурировала карта Франции, на которой были обозначены все передвижения Вильде в течение нескольких месяцев.

Первый номер «Резистанс» был редактирован тремя писателями, выше упомянутыми, но основная, руководящая передовица была написана самим Вильде, стала одним

---

[7] *Clair M.* Les Intellectuels-avant-garde de la Résistance («Résistance» — Premier journal clandestin) // Résistance. 1944. № 36 du 12 Septembre

[8] Хотя сам Вильде никогда не называл себя шефом и на всех собраниях ссылался на распоряжения, им получаемые от третьих лиц.

[9] В связи с изданием «Резистанса», следует отметить, что все статьи проходили через руки Левицкого, что он вместе с Вильде делал их отбор и вместе с ним же два первых номера в тайной типографии музея собственноручно отпечатал. Левицкий был арестован в драматических условиях: ему удалось, по некоторым рассказам, вырваться из музея, и он был захвачен уже в метрополитене. На допросах он был бит жесточайшим образом и пытаем; все это мужественно выдержал, никого и ничего не выдав, — на что особо указывается в приказе ген. де Голля.

из лозунгов всего патриотического движения и была в ту эпоху передана лондонским радио: «Сопротивляться! Этот крик идет из ваших сердец, из глубины отчаяния, в которое погрузил вас разгром родины. Это крик всех непокорившихся, всех, стремящихся исполнить свой долг». К моменту выхода третьего номера, когда Вильде был в Лионе и его заменял в Париже Левицкий, распорядившийся ввиду приезда из Берлина новой тайной полиции, более опытной, перейти всем на нелегальное положение, — организацию постиг первый удар: арест адвоката Нордмана, который, судя по белью, присланному им домой для стирки, подвергался пыткам. Это именно Нордману было брошено прокурором ни на чем не основанное обвинение в предательстве, а в вечер казни тот же прокурор, сказавший «Они все умерли героями», прибавил: «Даже Нордман» — язвительный оттенок этого добавления относился, конечно, к еврейскому происхождению последнего.

12 февраля 1941 года производится обыск в «Музее Человека», арестовывается с десяток служащих, из которых после допроса задерживаются лишь двое: А. Левицкий и И. Оддон. Д-ру Ривз удается вовремя бежать в свободную зону. После ареста Левицкого скрываются из Парижа и Жан Кассу, и Клод Авелин — редакция «Резистанс» разгромлена. Мальчуган Ренэ привозит от Вильде наказ во что бы то ни стало выпустить очередной номер органа, чтобы снять подозрения с арестованных. Редактором становится Пьер Броссолетт, крупный журналист, чьим именем названо несколько улиц в Париже и предместьях за героическую смерть в пытках Гестапо в марте 1944 года. Четвертый номер выходит. Но один удар следует за другим — круг все сужается: арестован на испанской границе Жорж Итье, главный помощник Вильде в переправке добровольцев в Африку. И в такой трагический момент, когда все спасаются из Парижа...

«...звонок у входа. Я открываю: ВИЛЬДЕ! Вильде улыбающийся, даже не переодетый, не загримированный. “Но вы с ума сошли!” Таковым было мое приветствие. Он ответил лаконически: “Нужно было, чтоб я вернулся”. Мальчуган не появился в Тулузе, где его ждал Вильде: по-видимому, и он арестован. Я продолжаю ворчать на Вильде, умоляя его

немедленно вернуться в свободную зону. Он дружелюбно посмеивается над моим испугом и говорит, умалчивая о подробностях, что его присутствие в Париже абсолютно необходимо. “Да! Но если и вы попадете в тюрьму?” Он отвечает, улыбаясь: “Моя дорогая, мы все будем там, ведь вы это сами знаете”».

Несколько дней спустя Вильде был арестован при довольно загадочных обстоятельствах: он обедал в одном ресторане с лотарингцем Вальтером и отлучился на пять минут, чтобы пройти в соседнее кафе, где у него было свидание по делу о фальшивых паспортах, и... исчез. Лишь впоследствии выяснилось, что, когда он переходил площадь, несколько человек на него набросились и кинули его в закрытый автомобиль. Пятый и последний номер героического «Резистанс» стараниями П. Броссолетта и А. Гюмбер все-таки выходит в конце марта.

* * *

Многое в этом деле осталось загадочным и по сей день. Главных его героев, которые могли бы нам многое разъяснить, нет в живых. Имя виновника разгрома «Нац. Ком. Общ. Спасения», крупного немецкого агента, замешанного и в других аналогичных делах, как и другие имена предателей, — ныне известны. Личность самого Вильде еще и до войны была окутана некоторой таинственностью и легендой. Подпольная жизнь была его родной стихией, — собрания заговорщиков, хранение оружия, борьба со слежкой, опасные свидания, — и если бы не его излишняя любовь к риску, его вечная азартная игра со смертью, — он имел все данные стать руководителем всего движения против оккупантов. Некоторыми его сподвижниками эта азартная игра угадывалась (напр., Клод Авелин в «Europe»), для других, слепо ему веривших, как Агнэс Гюмбер, эта сторона его души была наглухо закрыта. Впрочем, тема это особая, очень любопытная в художественно-психологическом плане, имеющая прямую связь с «Бесами» Достоевского, и мы не станем ее развивать на страницах нашего историко-документального журнала...

Важно лишь одно: что и Вильде, и Левицкий посеяли зерна сопротивления против мощного врага, что их журнал, их деятельность, суд над ними и, наконец, их героическая

смерть повлияли на многих и многих — и что эти первые ростки выросли в большое патриотическое движение во Франции, и умерли они не только за освобождение своей второй родины (как справедливо говорит Гюмбер: «Vildé était Russe comme Lewitsky, Walter, né a Metz de parents allemands avait opté pour la France et G. Ithier était natif de la République de Panama. On dit qu'ils sont morts pour la France; je pense, moi, qu'ils sont morts AUSSI pour la France!»[10]), а за вечные идеалы, за освобождение всего человечества, чуть было не ввергнутого темным прусским гением в самое страшное средневековье.

БОРИС ВИЛЬДЕ

Автор статьи писатель Владимир Сергеевич Варшавский (1906–1978)

Борис Вильде

Борис Вильде (1908–1942 гг.) Русский, принявший французское гражданство, окончил историко-филологический факультет и Этнографический институт. Работал при европейском отделе Музея человека, выполнил две научные командировки в Эстонию и Финляндию. Был мобилизован в 1939–1940 гг. Во время оккупации был судим по делу «Résistance» и расстрелян на Mont-Valérien 23-го февраля 1942 года. Генерал де Голль наградил его медалью Сопротивления согласно следующему приказу:

[10] «Вильде и Левиций были русскими, Вальтер (родом из Меца), чьи родители были немцами, принял французское гражданство, а Итье был уроженцем Панамы. Говорят, что они умерли за Францию; я же полагаю, что они умерли И за Францию».

«Вильде. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного Сопротивления с 1940 года. Будучи арестован чинами Гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения. Алжир, 3 ноября 1943 г.»

Этот текст выбит на памятной доске в вестибюле Музея человека.

* * *

Прошедшие годы были как Страшный суд. Миллионы людей, и в их числе русские эмигранты, были подвергнуты испытанию: не на словах, а на деле они должны были показать, чем в действительности они являются и что по-настоящему они думают. «Один берется, а другой оставляется». Люди, принадлежавшие к одному кругу, разделявшие на словах одни и те же взгляды, все казались более или менее одинаковыми. Но проба страшных лет обнаружила незаметные на поверхности обыденной жизни глубинные различия, и мы вдруг увидели настоящие лица наших знакомых, как бы проявленные в свободном действии в обстоятельствах исключительно трагических. Это было сверх ожидания. Теперь уже все забыто, мы снова с одинаковым равнодушием подаем руку и герою, и подлецу, и в восстановившейся «комнатной» повседневности уже почти неловко говорить: между нами были мученики и герои. А между тем мы знаем это и не должны забывать, как в эти годы расставились на лестнице восхождения личности: одни в самом низу, другие на средних ступенях, третьи — на верхнем конце, уходящем в открытую вечность жизни.

К этим третьим, чьи доблесть и пролитая праведная кровь спасли честь имени зарубежного русского, принадлежал и БОРИС ВИЛЬДЕ.

Бориса Вильде, Дикого, все любили на русском Монпарнасе за веселый, открытый нрав, за товарищество. Никто, даже когда у него самого не было никаких средств к существованию, так легко, заведомо без отдачи, не давал денег в долг. Он никогда не участвовал ни в каких ссорах. Был

товарищем надежным и верным. «Хороший малый». Но это, пожалуй, все, что о нем знали. Он не был похож на «героя» нашего Монпарнаса, героя, чей облик, напоминающий отчасти мечтателя из «Белых ночей», вернее всего обрисован в повестях Б. Поплавского и С. Шаршуна. Человек, измученный сознанием своей отверженности, с ужасом чувствуя, что ему нету места в окружающем его чуждом и враждебном мире, — замыкается в своем недуге, в своих неизъяснимосладостных безумных мечтаниях о жизни и любви.

Нет, Борис Вильде шел среди людей как завоеватель. Он появился в Париже откуда-то из Прибалтики бесстрашным провинциальным русским мальчиком, полным романтических бредней о «подвигах и славе», «жадным к жизни и счастливым, несмотря на нищету и мировую скорбь», как он сам позднее пишет в своих предсмертных тюремных записках[11]. Его светлые глаза смотрели на мир и в глаза людям открытым, полным беззаветной смелости взглядом. Однажды он сказал мне: «Я всегда живу так, как если бы завтра я должен был умереть». Отсюда жадность, с какой он стремился насладиться каждым мгновением, и в тоже время какая-то отрешенность от всего, что привязывает людей к жизни, т. к. он всегда чувствовал, что все это сейчас может оборваться. Но это не вызывало у него головокружения страха. Наоборот, мне казалось, он был опьянен сознанием, что наша жизнь ничем не охранена от произвола судьбы и смерти и мы, как все живое, рождены для существования, приключений и риска. В тюрьме он пишет: «Ты поклялся самому себе сделать из твоей жизни игру забавную, капризную, опасную и трудную...»

Но Вильде не стал ни искателем приключений, ни ницшеанцем, ни новым Ставрогиным, хотя у него было достаточно для этого силы.

Обладая ясным умом, огромной волей и железной выносливостью, всегда бесстрашно идя на риск, он мог добиться всего на любом общественном поприще. Он был щедро наделен для этого способностью подчинять людей своему

[11] Europe: Revue mensuelle (Fondateur: Romain Rolland). 1946. № 5 (Mai)..

влиянию, орудовать понятиями и словами и еще в большей степени «математическим разумом», необходимым для научных занятий. Учился он с необыкновенной легкостью. После пьяной бессонной ночи садился за научную книгу с головой совершенно ясной. Уже в тюрьме, в течение восьми недель занимаясь по 2–3 часа в день, выучивает древнегреческий достаточно, чтобы при помощи словаря разобрать любой текст. Мне пришлось слышать его доклады по самым разнообразным вопросам этнографии, антропологии, языковедения, социального и экономического строя различных исчезнувших и современных цивилизаций, и по тому, с каким вниманием и интересом его слушали заслуженные седовласые специалисты, я мог судить, что его доклады были не только блестящи по построению и ясности изложения, но и основанными на углубленном знании предмета.

Но Вильде было совершенно чуждо самодовольство «умных людей», самоуверенно говорящих о чем угодно. Все мы чувствовали, встречаясь с ним, как под этой поверхностью «умного человека» скрывалось что-то более глубокое: непосредственная, первородная интуиция жизни, содержание которой нам оставалось, впрочем, несколько неясным и загадочным, т. к. он сам очень редко и очень скупо об этом говорил. Однажды на мой вопрос, почему он занимается сразу столькими науками, он, усмехнувшись, ответил: «Единственная наука, меня интересующая, — это наука жизни». Это меня удивило. Я знал, что он не занимается школьной философией и никогда не участвовал в том беспардонном метафизическом остроумничании, которое, с легкой руки «учеников» Мережковского буйно цвело на нашем Монпарнасе. Теперь, когда опубликованы его тюремные, сделанные в ожидании расстрела, записи, нам несколько больше приоткрывается его мысль. Впрочем, он сам оговаривается о трудности ее выразить, не впадая в «литературу»: «А между тем, несмотря на противоречия чувств, я с такой совершенной ясностью вижу то, что я хочу перевести на слова». Эта ясность видения, не выразимая словами, только подтверждает, что перед нами не произвольная спекуляция, а подлинная интуиция, силящаяся проникнуть в самый «предмет» жизни.

Но может быть, еще больше, чем предсмертный дневник, самые поступки Вильде позволяют догадываться о содержании этой интуиции, приведшей его к высшей жертве, вовсе не к ставрогинской «так сказать, насмешливой» жизни, чего можно, казалось было, ждать от человека, бывшего в молодости, по его собственным словам, чудовищем.

«В 17 лет ты замыкаешься в великолепном безразличии. Ты еще сохраняешь любопытство к жизни, ты забавляешься; но ты никого не любишь, ни жизнь, ни самого себя, ты не принимаешь ничего всерьез. Ты смотришь на мир и на жизнь как на игру довольно забавную, но не больше» — напишет он в предсмертный час, оглядываясь на свое прошлое. Но под этой поверхностью несколько байронического, но в действительности очень доброго «чудовища» жила душа, стремившаяся к приключениям совсем другого рода, чем развлечения «Принца Гари».

В 22 года Вильде становится зачинщиком движения в пользу автономии ливов. Тюрьма, высылка. В Германии во времена первых успехов расизма он ведет коммунизанствующую деятельность. Новое тюремное заключение. Очутившись во Франции, он мечтает присоединиться к испанским республиканцам. Но женитьба и увлечение научной работой в «Музее Человека» как будто дают новое направление его жизни, уводят его от беспокойных, романтически-революционных порывов его юношеских лет. Начинается война. С первых же дней Вильде на фронте. Томится от бездействия месяцев drôle de guerre[12]. Хлопочет о зачислении в экспедиционный корпус в Норвегию. В 1940 году, после разгрома армии, бежит из плена и уже через несколько недель по возвращении в Париж начинает движение борьбы против немецких оккупантов, движение, которому он первый дает имя Résistance.

Все это говорит о том, что в действительности это был один из тех постоянно являвшихся в истории русского

[12] Термином «странная (сидячая) война» (фр. Drôle de guerre, англ. Phoney War, нем. Sitzkrieg) называют период Второй мировой войны с 3 сентября 1939 по 10 мая 1940 г. на Западном фронте из-за почти полного отсутствия боевых действий между сторонами.

общества беспокойных, волевых и смелых людей, которых влечет какая-то сила всюду, где борьба против угнетения и несправедливости, будь то революционное движение, война за освобождение славян или Трансвааль. Этими людьми, в сущности, двигает та же, видимо питаемая глубокими течениями народной жизни, русская идея, которая нашла свое выражение в творчестве великих русских писателей и мыслителей, как пророки Израиля, всегда возвышавших свой голос, когда где-нибудь в мире совершалась несправедливость. Но тогда душа этих людей с ее огромными силами действия не может удовлетвориться словом, ей нужно непосредственное участие в борьбе, в которую они бросаются бесстрашно, не только не останавливаясь перед угрозой пыток, тюрьмы и казни, а, наоборот, как бы ища смерти, как будто зная не разумом, а всем сердцем, что только смерть за други своя является высшим свершением личного существования. Трагическая развязка повести жизни Вильде: смерть под пулями немецких палачей, озарив последним, уже неземным светом его духовный облик, делает больше невозможным сомнение в том, что он был из этих людей и что к этой цели под личиной демонического равнодушия всегда двигалась его душа.

Впрочем, люди, близко его знавшие, уже и раньше могли об этом догадываться. Появляясь на Монпарнасе только как случайный гость, он становится одним из самых деятельных участников кружка, в 1938 году, как бы в предчувствии грядущих событий, основанного Ильей Исидоровичем Бунаковым-Фондаминским.

Это был кружок почти тайный, негласный, только немногие в него были приняты. Сам Илья Исидорович называл его орденом.

Чем занимались в этом кружке, в чем была его цель? На собраниях здесь читались и обсуждались доклады по политическим и социальным вопросам. Но это не был политический кружок в тесном смысле слова. В него входили люди разных взглядов и разных миросозерцаний. Общим было только одно: желание служить идеалу правды, сияющему, как самая яркая звезда на восходящем небе России. Собственно,

в рассказе об этой звезде было все содержание того предания об ордене русской интеллигенции, которое И.И. Фондаминский старался передать нам, эмигрантским сыновьям.

Когда наступили дни испытания, почти все участники этого кружка доказали на деле, что все эти разговоры не были для них только прекраснодушной болтовней: погибли в Германии сам И.И. Фондаминский и мать Мария; расстрелян немцами Б. Вильде; В. Алексинский, В. Андреев, Б. Сосинский, А. Угримов, рискуя не только своей головой, но и жизнью своих жен и детей, принимают героическое участие в борьбе с врагами России и всего человеческого мира. Ни один из членов кружка не стал коллаборантом.

Теперь нам кажется естественным, что именно в этом кружке Б. Вильде должен был стать одним из самых главных деятелей. Но тогда мы еще сомневались. Нам казалось: он слишком ценит удовольствия, слишком увлечен своей научной карьерой. Однажды в ресторане, когда после плотного обеда он с несколько детской важностью с наслаждением закурил толстую сигару, я подумал: нет, он слишком любит жизнь. Не выдержав, я спросил тогда, как он относится к нашему кружку и к тому, ради чего мы его затеяли. Он посмотрел на дым своей сигары, потом слегка удивленно на меня и с наивностью, всегда в нем появлявшейся, когда он был совершенно серьезен, сказал: «Это главная цель моей жизни».

Теперь мы знаем: это было правда.

* * *

Во французских книгах, журналах и газетах уже появились воспоминания о Вильде, этом замечательном русском человеке, чье имя стало легендарным среди участников Сопротивления во Франции. Придет время (во всяком случае, хочется этому верить), будет издан по-русски сборник его памяти[13].

В этом номере Вестника русского Сопротивления напечатаны переводы дневниковых записей, сделанных им в тюрьме, и последнего письма Вильде жене. Выдержки из них были уже несколько раз цитированы в настоящей

[13] Такая книга появилась в России: *Вильде Б.* Дневник и письма из тюрьмы. 1941—1942. М.: Русский путь, 2005. — *Ред.*

статье. Нас удивляет сначала, что мы не находим в этих записях почти ни слова о причинах, побудивших его начать борьбу против немецких оккупантов. Очевидно, для его совести здесь не было вопроса, и это решение было единственно возможное, само собою подразумевающееся, не подлежащее обсуждению. Одно из тех решений, которые принимаются сразу, без колебаний, прежде чем разум подсказывает какие-либо доводы, и не нуждаются в разъяснениях, т. к. отвечают всему глубинному составу мыслей и стремлений, всей жизни, всем вошедшим в плоть и кровь понятиям о своем назначении, о человеческом достоинстве, о чести.

Когда немецкий обвинитель сообщает ему о своем решении требовать для него смертной казни, он записывает: «Быть расстрелянным — это, в некотором роде, логическая развязка моей жизни».

Коченеющей от холода рукой, страдая от голода и отсутствия табака, он начинает тогда писать диалог перед лицом смерти между своими двумя воображаемыми «я». В этом диалоге, вспоминая свою жизнь и стараясь понять ее значение, он рассказывает свою духовную биографию: «Знаешь ли ты, в чем смысл твоей жизни? Оглянись назад на твое прошлое, и ты увидишь, что твое становление было историей твоего очеловечения». И он описывает, как «чудовище равнодушия», каким он чувствует себя в 17 лет, постепенно начинает приобретать любящую и страдающую душу человеческого существа. «В один прекрасный день великолепное здание твоего равнодушия дало трещину. Это началось со встречи с твоей женой».

В пробитую брешь проникают все человеческие чувства: «Ты не отдавал самому себе отчета, как мало-помалу ты привязывался к людям, к жизни: ты их любил».

В конце этого пути очеловечения его душа приходит к чувству «жизни вечной» и «любви более реальной, чем смерть». «Вечное солнце любви всходит из бездны смерти» — говорит он в прощальном письме жене, написанном за несколько часов до расстрела.

На первый взгляд может показаться: эти строки, в своей возвышенной поэтичности сравнимые в современной литературе, пожалуй, только с некоторыми страницами Моргана,

говоря нам о самом главном «открытии», сделанном Вильде в предсмертном усилии интуиции, и бесконечно важные для наших мыслей о последней борьбе, ждущей душу каждого из нас, — в то же время ничего нам не объясняют в политической работе Вильде, приведшей его под дула двенадцати немецких винтовок. Но думается, это действительно только на первый, поверхностный взгляд. Если же вглядеться, то станет понятным, что именно из этого глубинного стремления человеческой души к любви и вечной жизни вытекает та не случайная и временная, а абсолютная непримиримость к фашизму, которая определяет все политические поступки Вильде. Идя по пути очеловечения, он неизбежно должен был столкнуться с фашизмом, двигающимся в направлении прямо противоположном: к истреблению в душах людей всего истинно человеческого.

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО БОРИСА ВИЛЬДЕ К ЖЕНЕ

Простите, что я обманул Вас: когда я спустился, чтобы еще раз поцеловать Вас, я знал уже, что это будет сегодня. Сказать правду, я горжусь своей ложью: Вы могли убедиться, что я не дрожал, а улыбался, как всегда. Да, я с улыбкой встречаю смерть, как некое новое приключение, с известным сожалением, но без раскаяния и страха. Я так уже утвердился на этом пути смерти, что возвращение к жизни мне представляется очень трудным, пожалуй, даже невозможным.

Моя дорогая, думайте обо мне как о живом, а не как мертвом. Я не боюсь за Вас. Наступит день, когда Вы более не будете нуждаться во мне: ни в моих письмах, ни в воспоминании обо мне. В этот день Вы соединитесь со мной в вечности, в подлинной любви.

До этого дня мое духовное присутствие, единственно подлинно реальное, будет всегда с Вами неразлучно.

Вы знаете, как я люблю Ваших родителей: они мне стали родными. Благодаря таким французам, как они, я узнал

и полюбил Францию. Пусть моя смерть будет для них скорей предметом гордости, чем скорби.

Постарайтесь смягчить известие о моей смерти моей матери и сестре. Я часто вспоминал о них и о моем детстве. Передайте всем друзьям мою благодарность и мою любовь...

...Моя дорогая, я уношу с собой воспоминание о Вашей улыбке. Постарайтесь улыбаться, когда Вы получите это письмо, как улыбаюсь я в то время, как пишу его (я только что взглянул в зеркало и увидел в нем свое обычное лицо). Мне припоминается четверостишие, которое я сочинил несколько недель тому назад:

Comme toujours impassible
Et courageux inutilement,
Je servirai de cible
Aux douze fusils allemands.

Да, по правде, в моем мужестве нет большой заслуги. Смерть для меня есть лишь осуществление великой любви, вступление в подлинную реальность. На земле возможностью такой реализации были для меня Вы. Гордитесь этим. Сохраните, как последнее воспоминание, мое обручальное кольцо.

Умереть совершенно здоровым, с ясным рассудком, в полном обладании всеми своими духовными способностями, — бесспорно, такой конец более по мне, разве это не лучше, чем пасть внезапно на поле сражения или же медленно угаснуть от мучительной болезни. Я думаю, это — все, что я могу сказать. К тому же скоро пора. Я видел некоторых моих товарищей: они бодры. Это меня радует.

Бесконечная нежность поднимается к Вам из глубины моей души. Не будем жалеть о нашем бедном счастье, это так ничтожно в сравнении с нашей радостью. Как все ясно! Вечное солнце любви всходит из бездны смерти... Я готов, я иду. Я покидаю Вас, чтобы встретить Вас снова в вечности. Я благословляю жизнь за дары, которыми она меня осыпала...

Понедельник, 23 февраля 1942 года

БОРИС ВИЛЬДЕ. ДИАЛОГ В ТЮРЬМЕ

24 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Этой ночью я размышлял о смерти. Это было нечто вроде внутреннего диалога между двумя «я», обоими одинаково подлинными. Их трудно точно определить, потому я просто обозначаю их как первое и второе «я».

1. Итак, дорогой друг, нужно серьезно учесть возможность смертного приговора.

2. Нет, нет, я не хочу этого. Все мое существо тому противится, я хочу жить. Будем бороться, будем защищаться, попробуем бежать. Все, только не смерть.

1. Послушай, не может быть, чтобы ты говорил серьезно. Разве ты придаешь жизни такую ценность?

2. А ты? Совершенно искренно?

1. Инстинкт силен, но я умею рассуждать и заставлять повиноваться мое животное начало.

2. Животное начало? С каких пор ты относишься к этому началу с таким презрением? Разве, например, хороший обед не доставил бы тебе удовольствия? Представь себе: дюжина жирных устриц, свежая форель, горячий ростбиф или жареный цыпленок... все это с хорошими старыми винами, которые может дать только Франция. Тонкий, едкий сыр, ароматное кофе со старым коньяком? Крепкая папироса, которая кружит и дурманит голову? Все это способно было бы перенести тебя в светлый мир радости жизни и даже высокой поэзии. Не так ли?

25 ОКТЯБРЯ

1. Мой бедный друг. Ты говоришь с пафосом о застольных радостях. Это — умственная деформация под влиянием семимесячных лишений. Я согласен, что это все не плохие

вещи. Ты даже мог бы не описывать мне изысканного обеда: ведь даже тюремная похлебка доставляет большое удовольствие, когда человек голоден. Конечно, есть и пить приятно. Но не будем преувеличивать. Да, я люблю хорошие вина и вкусные блюда, но не настолько, чтобы делать из них предмет моих мечтаний. Я думал о них, садясь за стол, и забывал потом. Нет, не об этом я буду жалеть. К тому же я уже этим насладился. При злоупотреблении же можно нажить болезнь желудка и подагру. Сейчас, наголодавшись в тюрьме, ты стал так напряженно думать об этом: табака мне правда сильно недостает, но не будем все же придавать всему этому жизненного значения...

2. Но неужели ты с такой же легкостью отказываешься от умственных наслаждений? Подумай о книгах, которые ты хотел прочесть и не прочтешь никогда, о путешествиях, которых ты не совершишь, о тех открытиях в области языковедения, которые ты мог бы сделать, о картинах, которых ты больше никогда не увидишь (а ты помнишь, например, каким откровением явилась для тебя живопись на выставке итальянского искусства); ты не увидишь никогда больше ни Венеры Боттичелли, ни солнца Гогена, ни человечества Родена.

26 октября

1. Да, эти вещи прекрасны, и ты забываешь еще о самой прекрасной — о музыке. О, я знаю, что я мало в ней смыслю, но это не мешает мне любить ее. Не всю, но есть вещи, которые меня живо трогают, заставляют дрожать, приоткрывают предо мной область иррациональной действительности. Я имею в виду Моцарта, Бетховена и особенно необычайной нежности и прозрачности увертюру «Хованщины» Мусоргского, которая как бы все принимает и все разрешает, даже самую смерть, чтобы затем торжественно и без сожаления раствориться в Нирване. Это самое нематериальное и неопределимое из искусств, вызывающее не ощущения, а душевные состояния. В сущности, то, что я больше всего люблю в музыке, — это посвящение к смерти.

Но разве на этом пути я уже не достаточно посвященный? Итак?

Путешествия? Да, если бы я еще раз смог увидеть пред собою бесконечный морской простор, услышать шум волн, забраться в лес и сквозь ветви следить за облаками, войти на вершину горы и с ее чистой высоты глядеть на снежные верхушки, и темные ущелья, и на цветущую долину вдали, где можно лишь догадываться о присутствии людей. Да, тяжело, очень тяжело отказаться от этого. Не от странствований, а от природы. Но и этим я уже насладился. Ты помнишь, однажды над Грассом я смотрел на дивную картину природы — красивые деревни с черепичными крышами в цветущих мимозах и нежно-голубой залив в лучах заходящего солнца. Я говорил себе: быть может, я более никогда не увижу этой красоты, но я всегда буду помнить о ней и о том, что я тогда думал. И я не забыл о ней, как не забыл ни о прибрежных дюнах, ни о розовых скалах Бретани, ни об утесах Оверни, ни о ветре, раздувающем паруса на Псковском озере... И я надеюсь, что если я буду расстрелян, то это произойдет не в погребе, а на чистом воздухе, в широком поле, при розовом свете зари. И я знаю, что это последнее ощущение природы по своей силе будет стоить долгих годов дальних странствований.

Книги, которые я мог бы прочесть? Будем искренни: по мере того как старишься выбор книг все более и более суживается.

Несколько глав Евангелия от Матвея, несколько мыслей Паскаля, отрывки из Ницше, несколько страниц Толстого, Жида, два или три стихотворения; таков, если говорить с полной откровенностью, окончательный итог моих чтений.

Конечно, есть немало вещей, которые я хотел бы прочесть или перечесть, но нужно ли пить чашу до последней капли? Или ты серьезно думаешь, что я найду там откровение? Что моя правда может быть скрыта в книге другого?

2. А книги, которые ты мог бы сам написать?

1. Хорошее дело. В юности у меня был небольшой талант, но у меня не хватило ни наивности, чтобы «воссоздавать»

мир, ни достаточной глубины, чтобы его разъяснить. И даже если бы я нашел сейчас что сказать, то — зачем?

У меня нет честолюбия (быть может, потому, что слишком много гордости), и я не ищу славы. И что ты хочешь, чтобы я сказал людям, какую новую правду, которая того бы стоила? Люди не нуждаются в моей правде.

2. Да, поговорим о людях. Ты их отвергаешь? А твои родные, твои друзья? А Франция? Прости, если мой вопрос кажется тебе смешным, но ведь найдутся люди, которые приклеят к твоему имени «Mort pour la France»[14].

27 октября

1. Он нисколько не смешон. Быть может, нет тому причины, но я люблю Францию. Я люблю эту прекрасную страну, люблю ее народ. Да, я знаю, как он мелочен, эгоистичен, как он прогнил политически, он — жертва своей минувшей славы; но при всех своих недостатках он остается бесконечно человечным и ни при каких условиях не хочет пожертвовать ни величием, ни скорбным уделом человека. Не надо, впрочем, искать тому объяснений, допустим просто, что моя любовь к Франции есть то, что Гете называет die Wahlverwandtschaft[15], и я не верю в ее окончательное падение, хоть и предвижу долгие годы заблуждений, лжи и низости. И для того, чтобы подлинная Франция могла возродиться, необходимы жертвы. Поверь мне, напрасных жертв не бывает.

У меня есть родные, которых я искренно люблю, и есть друзья. Вот почему я еще долго буду жить в их памяти. Или ты хотел бы пережить своих близких и видеть, как они уйдут, один за другим? Ведь каждый раз — это была бы твоя собственная смерть. Ведь это вроде той собаки, которой хозяин каждый день отрезал из человеколюбия кусок хвоста. Нет, я не отвергаю людей. Это пришло не сразу, но я научился их любить. Порой я презираю их, но в то же время люблю. Я никогда не действовал под влиянием ненависти (жалею, что

[14] «Умерший за Францию».

[15] «Избирательное сродство» (назв. романа И.-В. Гете).

мне не хватает этого человеческого опыта), но я к ней совершенно не способен, быть может, тоже из-за презрения. Но, говоря откровенно, я прекрасно обхожусь без людей. Одиночество меня никогда не угнетало. К тому же, ты ведь знаешь, что появляешься на свет и умираешь — всегда один.

2. А твоя жена?

28 октября

1. Вот это удар в самое сердце. Я знаю, что мне невозможно от нее оторваться. Но ты же не думаешь, что эта любовь исчезнет вместе с жизнью? Если бы это было так, жить бы не стоило. Но успокойся: любовь есть единственная реальность, которую мы здесь постигаем, более реальная, чем жизнь и смерть.

2. Признаюсь, у тебя нет недостатка в ответах и искусных доводах. Итак, ты думаешь покинуть эту землю, которую ты, однако, любишь, без большого сожаления и даже мнишь найти в том некоторое преимущество? Убедить ты меня не можешь, я знаю, что я теряю, но не вижу, что я выигрываю. Я не хочу сомневаться в твоей искренности, но не стараешься ли ты представить зло за благо?

1. А даже если бы это была правда? Нужно уметь переносить свой удел, как носят корону. Но разуверься. Теперь мой черед переходить в наступление. Я хочу вернуть тебя к самому себе. Выслушай меня хорошенько...

29 октября

Становится холодно и сыро. Дни делаются короткими, и нам не дают света. Я учусь спать двенадцать часов и более. Много снов. Синтетический характер людей, которых я вижу во сне. Вот уже четыре дня, как я с трудом пишу мой диалог. С трудом, т. к. холодно рукам, я должен беречь бумагу, у меня нет папирос, и в особенности потому, что трудно не впадать в литературность. Я не смог отделаться от этого

искушения в начале. Не нужно писать много сразу и давать себе увлекаться. А между тем я совершенно ясно вижу то, что должен передать словами: это очень просто, несмотря на все противоречия в чувствах.

1. Тебе тридцать три года. Это прекрасная пора, чтобы умереть. Иисус умер в эти годы, и Александр Великий. Пушкин был убит тридцати шести, Есенин тридцати лет покончил с собой. Я не хочу уподоблять тебя этим людям, но я хочу показать тебе, что другие совершили свою жизнь в твоем возрасте, выполнили свое призвание. Ты не имел призвания, но ты тоже должен был «совершить» свою жизнь, осуществить ее смысл. И я утверждаю, что ты это сделал, и тебе не остается ничего прибавить к своей жизни. Знаешь ли ты, в чем смысл твоей жизни? Оглянись назад на свое прошлое, и ты увидишь, что твое становление было историей твоего очеловечения.

Это тебя удивляет? Я тогда напомню немного тебе твое прошлое. Ты был слишком умным, слишком смелым и слишком чувствительным юношей. С такими свойствами никогда не останавливаются на полдороге. Ты мог бы покончить с собой, как твои друзья Кутт или Орлов, или пойти в монастырь, как Иртель. Или еще: сделаться алкоголиком, как Каучус. Но ты нашел четвертое решение: ты сделался чудовищем. В семнадцать лет ты замыкаешься в великолепном безразличии. Ты еще сохраняешь любопытство к жизни, ты забавляешься, но все это поверхностно, ты никого не любишь, ни жизни, ни самого себя, ты не принимаешь ничего всерьез. Ты смотришь на мир и на жизнь как на игру довольно забавную, но не больше. И это не была поза, это было серьезно. Ты помнишь 1924-й год? Ты чуть не погиб тогда, один ночью в маленькой лодке во время бури на Псковском озере. Ты считал себя погибшим и царственно забавлялся и, борясь с волнами, тешился тем, что ты сильней бури, и бросал вызов смерти. Ты поклялся себе сделать из жизни забавную, капризную, опасную и трудную игру. Да, ты был почти совершенным чудовищем в своем безразличии, и, если ты не был счастлив, ты был, по крайней мере, неуязвим.

31 ОКТЯБРЯ

Этой ночью мне снилось, что я посетил поле сражения между Меш и Шарлемон, там, где мы похоронили Dewailly, Casture, Kohi. Я нашел лишь два креста, сделанных из досок от ящика со снарядами. На одном я прочел: Michael Devail (почему-то вместо Michel Dewailly), на другом, кстати без большого удивления, я прочел свое имя.

Мишелю было двадцать восемь лет. Это был юноша красивый, веселый, полный жизни и хороший товарищ. Когда он выпивал, он пел, и довольно хорошо, арии из опереток и опер, чаще всего: Фигаро здесь, Фигаро там... Мы вместе ездили в Париж и обратно в последний раз в отпуск. При отъезде из Парижа я познакомился с его родителями — он был единственный сын — и с пришедшей на вокзал его молодой и красивой женой. Жена держала на руках их ребенка. Она долго махала платком среди многих других, покидаемых в сером сумраке вокзала. Я помню фразу, которую он сказал, оторвавшись от окна: «Итак, мы запаслись счастьем еще на три месяца». Это не было на три месяца, мой бедный Мишель, это было навсегда. Он умер счастливым, внезапно: одна пуля в сердце, другая в голову...

1. В последующие годы ты узнал две новых вещи: вечность и дружбу. Редкие и краткие минуты — как блеск молний, когда ты познавал «вечную жизнь» (я пользуюсь твоим выражением, за недостатком подходящих слов), только усилили твое равнодушие к земной жизни. Игра жизни даже утратила для тебя свою легкую прелесть. Дружба только усиливала твое одиночество. Твои друзья были лишь подорожными спутниками, с которыми делаешь часть пути до ближайшего перекрестка, после чего остаешься более одиноким. К тому же ты был слишком непроницаем для друзей. Нет ничего более ясного и совершенного, чем равнодушие. Узнаешь ли ты себя в этом чудовище?

2. Я не очень люблю это слово «чудовище». Не будем преувеличивать. И почему не признавать ценности этого равнодушия? Если оно не давало мне счастья, оно, по крайней мере, спасало меня от страданий. Я не придавал большой

цены жизни, а потому мог легко и свободно наслаждаться многим. Я иногда жалею об этом состоянии.

1. Не я. К тому же эти сожаления ничего не дают. В один прекрасный день великолепное здание твоего равнодушия дало трещину. Это началось со встречи с твоей женой. Сначала ты не отдавал себе отчета в опасности, потом ты захотел вернуться назад, но было уже поздно, трещина была слишком велика. Несмотря на это, ты еще годы боролся, прежде, чем признать свое поражение. И лишь совсем недавно ты понял, что это поражение было и победой.

2. Да... Мне казалось, что я изменял самому себе, соединив наши две жизни; я отказался от своего сурового одинокого будущего. Но это было сильней меня: отныне я ощущал в себе душу человеческого существа.

2 НОЯБРЯ

1. Да, именно, и в этом суть твоего превращения. Я не останавливаюсь на подробностях, я знаю, как постепенно все человеческие чувства проникли в твою душу. Ты узнал стыд сожаления, самолюбие. И главное, ты узнал любовь. Ты не отдавал себе отчета, как постепенно ты привязывался к людям, к жизни: ты их любил.

2. Нет, я не отдавал себе отчета. Часто я бывал сам этим поражен. Когда, по возвращении, я впервые увидел в Париже немецких солдат, физическая острая боль в сердце дала мне понять, как я любил Париж и Францию[16]. Но особенно сейчас.

1. Помнишь ли ты слова, сказанные тобой на похоронах товарищей, убитых около Меш: «Быть может, однажды

[16] Из неопубликованного письма Вильде к своей жене от 16 июля 1940 г.: «...Никогда Париж не был столь прекрасен. Немецкие войска дефилируют перед Трокадеро, чтобы любоваться единственной в мире панорамой. Кажется, что город делает все возможное, чтобы покорить покорителей... Как публичная девка... Только в тюрьме я смог немного яснее разглядеть и открыть в себе ту любовь, о которой ты говоришь... Моя дорогая, нам предстоит жизнь печальная и тяжелая — не столько по причинам материальным, сколько по причинам духовного порядка. Я не думаю об отъезде. Мы разделим судьбу Франции».

мы позавидуем их смерти». Ну, что же, завидуешь ты им? Хотел бы ты умереть, как они, не имея времени ни для страдания, ни для страха? Отвечай мне откровенно.

2. Нет, я ни за что не хотел бы всего этого лишиться. Я понял, чем может быть любовь. Правда, я страдал в тюрьме, но мне всегда нравилось искать самого трудного. Зачем желать легкой смерти? Я слишком горд для этого.

1. Вот где мы согласны. Ты понял любовь, и ты любишь. О, твоя любовь еще очень бедная и жалкая. Но она все же из той же божественной сущности, как и совершенная любовь, которую можно найти лишь в смерти. И разве ты думаешь еще что-нибудь здесь постигнуть? Даже если ты проживешь еще пятьдесят лет?

Ты никогда не будешь так духовно богат и свободен, как сейчас. Постигаешь ли ты смысл происходящего? Много раз ты мог умереть, случаев к тому было достаточно. Но это была бы слишком легкая смерть. Равнодушному нетрудно покинуть этот мир. Но ты предпочел бороться, победить или пасть в борьбе. Ну что же, это лучшая минута для того, как мне кажется. Ты полон сил, и ты любишь эту жизнь со всем жаром новообращенного, со всей жадностью и свежестью молодости. Или ты мнишь вечно хранить нетронутой твою любовь? Или ты хочешь быть свидетелем собственного оскудения, покидать этот мир медленно и незаметно, не имея ничего, о чем пожалеть, и в последнюю минуту убедиться, что ты уже давно умер?

2. Ты все же несколько парадоксален. Зачем было тогда убеждать меня примириться с смертью, если ты видишь благо именно в том, что я привязался к жизни? Или ты хочешь все же облегчить мне смерть?

1. О, об этом я не беспокоюсь. Если ты меня послушаешь и охотно примешь смерть, тогда протестовать буду я. Ведь, в конце концов, я — это ты, а ты — это я. Чем больше оснований я нахожу для смерти, тем более я привязываюсь к жизни, моя гордость находит в этом новое удовлетворение, и я снова стремлюсь к смерти.

Если бы я был христианином и имел бы веру... Но это было бы слишком легко. Я ничего не знаю о потустороннем.

У меня есть только сомнения. Жизнь вечная, однако, существует. Или это страх перед небытием заставляет меня веровать в вечность? Но небытия не существует. Что ты об этом думаешь?

2. Я, я знаю лишь одно: я люблю жизнь.

1. Следовательно, существует любовь. Остальное не важно. Раз существует смерть, она не может быть ничем иным, как любовью.

Борис Вильде
Europe. 1946. № 5.
(Перевод с французского К.В.Г.)

АНАТОЛИЙ ЛЕВИЦКИЙ

Анатолий Левицкий

Анатолий Левицкий (1901–1942 гг.). Русский, принявший французское гражданство, окончил историко-филологический факультет и Этнографический институт, заведующий одним из отделов Музея человека. Был одним из самых деятельных организаторов этого Музея, известен своими трудами о шаманизме. Мобилизован в 1939–1940 гг.

Во время оккупации был судим по делу «Résistance» и расстрелян на Mon-Valérien 23 февраля 1942 года.

Генерал де Голль наградил его медалью Сопротивления согласно следующему приказу: «ЛЕВИЦКИЙ. Выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 г. принял активное участие в подпольном Сопротивлении. Арестован гестапо, держал себя перед немцами с исключительным

достоинством и храбростью, вызывающими восхищение. Алжир, 3 ноября 1943 г.»

Текст выбит на памятной доске в Музее человека.

Прощальное письмо родным и друзьям Анатолия Левицкого

Дорогие мои,

Пишу вам всем вместе, так как мне трудно написать каждому отдельно, да и, в сущности, это было бы ни к чему. Знайте, что я люблю вас всей душой и жалею, что недостаточно вам это доказал, пока было еще не поздно. Не могу себе простить горя, которое я вам причиняю, и умоляю вас простить меня всем сердцем, без всяких задних мыслей.

Я не ожидал столь быстрой развязки, но, быть может лучше, что это так.

Я готов уже давно и совершенно спокоен. Мне кажется, что душа моя в мире с Богом. Да исполнится Его воля.

Пусть возьмет Он и вас под Свое высокое покровительство!

В последний раз от всей души обнимаю вас.

Анатолий.
Френ, 22 февраля 1942 г.

ВИКИ ОБОЛЕНСКАЯ (ВЕРА АПОЛЛОНОВНА ОБОЛЕНСКАЯ)

Автор статьи С.В. Носович

Рожденная Макарова, родилась в Москве 4 июня 1911 года. Казнена в тюрьме Plotzensee в Берлине 4 августа 1944 года. Посмертно награждена орденом Почетного легиона, Военным крестом с Пальмовыми ветвями и медалью Сопротивления. Выписка из приказа: «Младший лейтенант F.F.I.[17], основательница, главный секретарь О.С.М. — участница

[17] F.F.I. — одно из вооруженных формирований французского Сопротивления, Forces Françaises de l'Intérieur.

Вики Оболенская

Сопротивления с 1940 года. Будучи арестована, вывезена в Германию и гильотинирована в Берлине, явила собой всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом» (Подписи: Бидо и Мишлэ).

Из приказа фельдмаршала Монтгомери: «Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение услугами, оказанными Верой Оболенской, которая в качестве добровольца Объединенных Наций отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной». 6 мая 1946 г.

* * *

Встретила я Веру Оболенскую, Вики, в первый раз на вечере у наших общих французских друзей, Arthuys; в последний раз видела ее на прогулке во дворе берлинской тюрьмы. Между этими событиями годы и годы довоенной парижской жизни. Частые встречи у общих знакомых, а после ее замужества — уютные вечера у нее.

Первое, что думалось, глядя на Вики: «какое милое русское лицо» — ясные, светлые, смеющиеся глаза, мягкие черты лица, что-то такое свое, дорогое, близкое. А потом, после ближайшего знакомства, открывалось и другое: ее сильная, горячая любовь к жизни, ее ум, ее доброта. В ней была ширь во всем. Способна она была ко всему чисто по-русски; схватывала на лету; читала много, разбросанно, но с любовью и чутьем. Любила много выезжать, танцевать, веселиться; искала смеха, радости, — брала жизнь легко и беззаботно.

Нужна была война, с разгромом ее любимой Франции, чтобы все, что в ней бродило, накипало, приняло наконец облик и определило бы ее путь к служению. Без всяких сомнений и колебаний сделала она свой выбор: активной борьбы с нацизмом или, лучше сказать, она сразу поняла, что даже вопроса о выборе поставлено быть не может. Всегда и всем существом СВОИМ отвергала насилие. «Нельзя, исповедуя Христа и понимая сущность Его заветов — братство людей в Духе Святом, — примириться с религией отбора людей по крови». Так же глубоко была она русской. Любила Россию, как родину свою, любила ее культуру, ее великое прошлое, а с наступившей войной гордилась и радовалась ее победам, никогда не сомневаясь в конечном исходе борьбы.

Разгром Франции был тяжелым ударом для нее. Вся жизнь ее прошла в Париже. Все здесь она чувствовала своим: красоту города, весь уклад жизни, французов, французскую культуру, которую она хорошо знала и понимала. Франция была действительно ее второй родиной. Понятно, что такой цельной натуре бездействие было невмоготу. Не колеблясь, пошла она в Résistance, в Réseau O.C.M. Arthuys одним из первых начал формировать это движение. Уже в августе 1940 года она стала его личной секретаршей и сотрудницей и проработала с ним до его ареста в декабре 1941 года. Бедный Жак погиб в Германии в концлагере в 1943 году.

Организация ОСМ доставляла в Лондон военные сведения о немцах, набирала и группировала партизан для восстания в день высадки и формировала будущий гражданский аппарат власти для генерала де Голля.

Гибель Arthuys и Simon, двух ее первых начальников, не обескуражила Вики, и она в 1943 году продолжала свою работу как секретарша Maxim Blocq-Mascart и как агент связи между нами, Центром и другими организациями. Ею была снята квартира на rue Cassete, где она хранила архивы О.С.М, принимала ответственных работников нашего движения, переписывала на машинке все приказы и тайные донесения в Лондон, снимала копии планов, схем мест высадки парашютистов и снабжения оружием.

Работала она толково, быстро, весело и без отдыха с раннего утра до позднего вечера; никогда не шифровала и не записывала ни одного имени, ни клички, ни номеров телефонов, не говоря уже об адресах. Эта невероятная память делала ее идеальным агентом и прекрасным секретарем. Как-то раз в метро Вики попала в облаву; при ней был чемодан, набитый планами и секретными документами. На вопрос полицейского, что в чемодане, она с веселой усмешкой ответила: «Mais une bombe, monsieur!»[18] — тот тоже рассмеялся и пропустил ее.

Арестована она была у меня на рю С.-Флорэнтин утром 17 декабря 1943 года. Она зашла на минутку передать мне некоторые сведения и не очень важные документы. Накануне был арестован мой ближайший сотрудник по работе, он не выдержал допроса и дал мой адрес. В 11 ч. утра раздался стук в дверь, я пошла открывать и увидела перед собой револьвер, немца и трех французских милиционеров. Выход из моей комнаты был один; бегство Вики, уничтожение документов были немыслимы. Арест сопровождался, как всегда, грубостью, нелепыми угрозами о немедленном расстреле, окриками с неизменной игрой револьверами. Типично было поведение Руди, немецкого гестаписта, который при виде carte d'identité[19] Вики завопил по-немецки и по-французски: «Eine echte Prinzessin» — «Une vraie princesse!»[20]. Найденные в ее сумке документы также немало порадовали его. Вики отвечала ему спокойно и с достоинством. Все это продолжалось недолго, видимо, Руди торопился нас поскорее увести, чтобы устроить в моей комнате засаду. Скованные одной парой наручников, мы спустились во двор, подняв руки над головой, чтобы предупредить друзей, живущих в этом доме, о нашем аресте. Никогда не забуду я, как Вики с веселой усмешкой сказала мне: «Сегодня нитью тонкою связала нас судьба»...

Повезли нас на avenue du Général Dubail, в маленький особняк, где сразу же устроили очную ставку с моим товарищем по работе. Мы с Вики никогда не осуждали его, зная всю его храбрость и великолепную работу в Резистанс. Дюбаль,

---

[18] «Разумеется, бомба, месье!»

[19] Удостоверения личности.

[20] «Настоящая княгиня!»

его кличка, опознал меня и отказался от Вики, что позволило ей при допросе скрыть и отрицать очень многое. Первой допрашивали меня. Допрос этот прошел гладко, и моя сплошь выдуманная история была принята немцами с таким комментарием: «Es ist ganz möglich»[21]. Ночью же меня потащили наверх, в ванную, и озверелый Руди долго бил меня по лицу. Не могу сказать, сколько времени все это продолжалось. Не успела я вернуться в комнату, где меня ждала Вики, и прилечь рядом с ней на диван, как Руди ворвался к нам, и все началось сначала. Слава Богу, мне удалось промолчать. Вики лежала, закрыв лицо руками. Наконец, Руди ушел, обещав нам смерть после долгих мучений. Вики, со слезами на глазах, перекрестила меня. «Ну, теперь моя очередь, ты отбыла свое», — сказала она.

Два тяжелых дня провели мы еще на avenue du Général Dubail. Нас охраняли милиционеры. Более отвратительного явления, чем эти предатели, трудно себе представить. Они все время приходили к нам в комнату для разговоров. С головой, тяжелой как котел, с почерневшим лицом и распухшими губами, я представляла собой довольно печальное зрелище. «Шеф правильно поступил», — говорили эти негодяи. «Вы все голлисты, коммунисты, так вам и надо». Вики долго крепилась и не отвечала им ни слова, но наконец не выдержала и раздраженно сказала: «Если вы все так против коммунистов, то идите на восточный фронт и воюйте с ними».

«Нет, — ответил один из них, очень хорошо одетый молодой человек, явно из буржуазной семьи. — Нет, я ненавижу войну, а здесь хороший спорт», — добавил он, играя наручниками.

Наконец нас отвезли в Френ, где мы отдохнули душой в обществе наших товарищей по несчастью. К сожалению, нас посадили в разные камеры. После Гестапо тюрьма показалась нам тихим приютом. Мы могли поддерживать связь только по так называемому «телефону». Сквозь стены нескольких камер доходили до нее мои непрестанные думы и беспокойство о ней. Гул голосов в этом тихом пристанище начинался с рассветом и кончался лишь поздно вечером. Никакие наказания,

[21] «Это вполне возможно».

крики — ничего не могли поделать с живыми и полными упорства француженками. Вики сразу вошла в тон тюрьмы. Она попала в интернациональную камеру: француженка, итальянка, австриячка — все политические, все молодые, веселые женщины и чудные товарки. Она училась по-немецки у австриячки, давала уроки русского языка итальянке, импровизировала стихи и делала все, что было «streng verboten». Так шла ее внешняя жизнь. Параллельно протекала другая, полная беспокойства о своих родных и о предстоящих допросах, Боже мой, как страшна мысль, что не выдержишь их мер воздействия, что скажешь что-нибудь, — ведь за нами была цепь человеческих жизней. Меня и ее особенно беспокоила мысль, что немцам известна ее обязанность секретарши réseau. Что тогда?.. Как жутко ожидать утром на рассвете скрип проклятого ключа и голос смотрительниц: «Оболенская, на допрос».

И это случилось в конце февраля в здании самой тюрьмы. Нас поочередно повели на допрос. Это был настоящий «идеологический» экзамен. Допрашивали нас 5 гестапистов с 2 переводчиками русского и французского языка. Играли они главным образом на нашем эмигрантском прошлом, почти что уговаривая нас отколоться от столь опасного движения, шедшего рука об руку с коммунистами. На это им пришлось выслушать нашу правду. Ни на какие их «крестовые идеологические походы» против коммунистов Вики не поддалась и подробно объяснила им их цели уничтожения России и славянства: «Я — русская, жила всю свою жизнь во Франции; не хочу изменять ни своей родине, ни стране, приютившей меня. Но вам, немцам, этого не понять». На их тупую антисемитскую пропаганду она отвечала: «Я — верующая христианка и поэтому не могу быть антисемиткой».

С этого первого допроса и до последнего дня суда она всегда держалась правила: не умалять перед ними всей своей идеологической борьбы, а напротив, как можно сильнее говорить об этом. Наш допрос кончился на фразе: «Идите и помните, что вы должны говорить всю правду. Вы знаете наши меры воздействия, и поэтому не советуем вам скрывать ничего».

Сильно они ошиблись, потому что, как только допрос подходил вплотную к именам, к ее работе, работе ее сотрудников,

товарищей по несчастью, адресам и т. д., тут Вики отрицала все и путала их как могла. Ничего они от нее не узнали. Мало того, ей удалось на последующих допросах на rue Saussaies выгородить своего мужа, которого освободили временно из Френ благодаря ее показаниям. Она выдумывала истории одну за другой, не колеблясь, приписала очень важную роль в Резистанс моему брату, живущему в Тунисе и совершенно непричастному к нашему делу. Проявила максимум сил, энергии, фантазии, и так все правдоподобно, что немцы поверили ей. Она, смеясь, впоследствии рассказала мне об этом.

28 марта я опять увидала Вики в коридоре. С мешками на плечах нас вывели из тюрьмы. Во дворе нас ждал маленький грузовик с рядом скамеек в глубине его. Мы были первые. Но вот появляются один за другим арестованные. Испуганно толкаем друг друга: из пяти человек — небритых, измученных мужских лиц — я знаю четыре, Вики — три. Все наши ответственные работники! Сердце падает... Среди них был Lepercq, впоследствии министр финансов первого правительство ген. де Голля, погибший в автомобильной катастрофе. Незаметно от стражи предупреждаем их, что будем молчать. По пути по губам читаем имена других арестованных. Полковник Touny взят тоже... Ужас в душе. Я вижу, как Вики мучается, — ее усилия скрыть все оказались напрасными. Напрасна была ее сплошь выдуманная история о несуществующем Gerard, на которого немцы после ее показаний завели дело. Напрасен был ее труд оградить оставшихся на свободе товарищей, спасти дальнейшую деятельность réseau. Все рухнуло... Мы потом узнали, кто был виновником этого разгрома: он покончил с собой, оставив жену и 4 маленьких детей...

Приезжаем вечером в полном смятении в Аррас, где было сосредоточено все наше дело. Там и начались главные допросы Вики. Ее допрашивали на протяжении 14 дней, с утра до вечера, и, несмотря ни на какие угрозы, она исполнила свой долг до конца. Военный следователь прозвал ее «Prinzessin Ich-Weiss-Nicht»[22].

Не буду подробно описывать всех допросов. Приведу лишь одну сцену, рисующую ее мужественное поведение

[22] «Княгиня “Я-не-знаю”».

перед ними. Дело дошло до денег, — ее спрашивали размер сумм, проходящих через ее руки. «Миллион, а иногда два», — ответила она, понявши по предыдущим допросам, что это им известно. — «Вы никогда ничего не взяли для себя из этих сумм?» — спросил ее немец. «Вы спрашиваете у меня глупости! — ответила Вики по-немецки, — Вы понимаете, глупости!» — И следователь замолчал.

Она возвращалась в тюрьму, изнемогая от усталости. С трудом проглатывала несколько ложек супа и после рассказывала мне обо всем. Немцы забыли нас разъединить, но, к сожалению, ненадолго. Они вспомнили это сразу же после моего первого допроса и по приказанию моего следователя, перевели меня в другую камеру. Несмотря на всю свою измученность, Вики не теряла бодрости духа, была всегда такой же услужливой, доброй, делилась всем чем могла. Во всех тюрьмах она всегда оставляла о себе самую светлую память. Ее муж все время получает письма от ее товарок по несчастью о том, как много дала она им своей духовностью и бодростью духа и какой неизгладимый глубокий след она оставила в их сердцах.

Тюрьма наша упиралась в зеленый холм, остатки старинных укреплений города. Он зарос деревьями и радовал нас своей яркой весенней зеленью. Раз как-то смотрю в окно, вижу какие-то фигуры, как будто гуляют между деревьями. Но именно как будто бы... Слежу за ними, они подходят все ближе и ближе. Наконец узнаю среди них Ник. Оболенского. Он ищет в бинокль за решетками Вики. Я кашляю, кашляю громко, упорно. Наконец Вики у окна. Я губами говорю: «Ника, Ника» — показываю. Она побледнела так, что я испугалась за нее.

В этот день была освобождена из тюрьмы Викина товарка по камере. Ей удалось увидеться с Оболенским в городе и передать ему очень толково составленный отчет Вики о своих допросах, что позволило спасти остатки нашего réseau и оградить немало людей от ареста.

Как-то утром, в конце мая, я получаю приказ сложить вещи. Выхожу из своей камеры, спускаюсь по лестнице, а навстречу идет Вики с комендантом тюрьмы. Я позже узнала, что ее вели, после смертного приговора, в камеру одиночного

заключения. Ничего не понимая, я очень взволновалась. На другой день утром меня отвезли в Лилль на допрос, а потом опять во Френ в одиночное заключение, и 7 июня в отеле «Континенталь» приговорили к смерти.

13 июня, рано утром, открылась со скрипом дверь и меня с вещами повели в нижний этаж. На душе было тяжело, приход священника совершенно убедил меня, что я стою вплотную к смерти[23]. Вдруг стук, упорный стук из соседней камеры. Я начинаю считать по алфавиту, путаюсь, нервничаю, стук возобновляется — считаю, и выходит В, дальше И. Тоска сменяется радостью — Вики! Стук продолжается, выходит: Германия — увозят вместе, значит: не смерть в одиночестве. Жду скрипа ключа. Меня всю трясет от нетерпения. И вот я наконец в коридоре. Стоит Вики и рядом с ней фельджандармы и офицер. Садимся в открытый автомобиль. По дороге успеваем сказать друг другу свой приговор. День чудный. Париж весь голубой. Воздух весенний. Проезжаем мимо собора Нотр-Дам, — Боже, какая красота! Не верится, что опять видим все это, и невольно думается, не в последний ли раз. На Gare de l'Est нас встречают еще фельджандармы. У каждой из нас в руках — скомканная записочка: — только бы успеть бросить! В ней: короткое извещение нашим об отъезде. Но не удалось: фельджандармы и офицер вплотную окружили нас. Впоследствии я выбросила свою записку на первой остановке в Эльзасе, и она дошла... Фельджандармы не мешали нам разговаривать по-русски. Захлебываясь, мы рассказали друг другу о суде, одиночном заключении, все,

[23] В это утро, 13 июня, я был привезен из Гестапо в тюрьму Френ и вместе с другими арестованными ожидал в коридоре, около канцелярии, вызова для оформления моего заключения. Неожиданно я увидел проходившую мимо меня в сопровождении надзирательницы С.В. Носович. Она шла, не оглядываясь по сторонам, с таким остановившимся взглядом и трагическим выражением лица, что я решил, что ее ведут на расстрел. Я попытался ее окликнуть, но она меня не слышала. Много позже я узнал от С.В. (как это подтверждается в этих ее воспоминаниях о Вики Оболенской), что мое впечатление было правильным: она действительно думала в эту минуту, что идет на смерть. (Примеч. И.А. Кривошеина.).

все, что мы пережили в разлуке. Вики приговорил к смерти военный суд в Аррасе. Обвинение: «шпионаж». «Никаких смягчающих вину обстоятельств». «Содержание документов ей было известно». Конечно, суд сопровождался всей инсценировкой: красное знамя со свастикой, зеленая скатерть на столе, за ним — 7 офицеров, помимо председателя, прокурора и адвоката, в стороне переводчик. Сперва был краткий допрос все о том же. Такой же сжатый отчетливый ответ. Энергичная речь прокурора и сонные слова, без малейшей интонации, адвоката о молодости подсудимой. Все это прошло очень быстро. Решение было принято заранее. Председатель торжественно объявил смертный приговор и спросил о последнем желании. Вики просила разрешения написать матери — отказали. О муже не смела и говорить, чтобы не подвести его: ведь она на всех допросах играла роль равнодушной жены. Просила позволения провести свои последние дни со мной. Не ответили ни да ни нет и наконец ее отпустили.

Возвращаюсь к нашему путешествию. Беспокоила мысль, почему нас везут в Берлин и почему так важно: во 2-м классе. Что нас ждет впереди?.. Но все-таки мы вместе, и это лучшее, что могло случиться. Наше путешествие продолжалось всего 24 часа. Видим ряд городов. Дома без крыш, ужасные разрушения. На станциях только старики, женщины и дети, даже солдат не много.

В Берлине нас отвезли в открытом автомобиле в тюрьму Альт-Моабит. И там нас рассадили в разные камеры, на режим приговоренных к смерти: ручные кандалы днем и ночью и зажженный в камере свет на всю ночь. Судьба нам помогла: наши камеры находились одна над другой. Я научила Вики «морзу», и мы с ней разговаривали, когда стихала беготня смотрительниц в тюрьме. Самое трудное, пожалуй, были не ручные кандалы, а бомбардировки. Каждую ночь с точностью экспресса прилетали англичане и бомбили Берлин. Было очень жутко сидеть ночью в ручных кандалах, с дверьми на засовах, в полной темноте, прислушиваясь, то к отдаленным, то к близким разрывам бомб и грохоту зенитных орудий. Страшно, очень страшно сгореть живой.

Как-то раз, усталая от бессонной ночи, размериваю я камеру шагами. Вдруг стук. Вики говорит: «Я поставила перед собой цель: по окончании войны ехать в Россию и работать там для родины».

И в Берлине Вики приобрела верных друзей. Ее «штубенмедхен», немка-арестантка, очень полюбила ее и не знала, чем только помочь ей. Она тихонько приносила ей хлеб с маргарином, газеты; закрывая шторы на ночь, шептала ей последние новости, подбадривая ее как могла. Всем этим она сама очень рисковала: такие вещи строго карались в Германии. Спасибо ей. Вспоминаю всегда, как раз Вики с грустью сказала «по телефону»: «Я в горе: мою штубенмедхен увозят в другую тюрьму». Вскоре и нас перевели в другую тюрьму. Это было в конце июля, после покушения на Гитлера. В тюрьме Барнимтшрассе были сосредоточены все немецкие и иностранные смертницы. С первой же минуты я возненавидела ее. Весь персонал был подобран соответственный: смотрительницы грубые, с безжалостными холодными глазами. Одно только нас там радовало: мы спускались в погреб во время воздушных тревог. Тюрьма эта пострадала от бомбардировок и пожаров, и многим арестованным удалось бежать из нее, и во избежание этого нас запирали всех вместе в маленькую подвальную камеру. Первую тревогу мы провели вместе с немками, приговоренными к смерти. Камера была переполнена ими, сколько их там было, сказать трудно. Когда надзирательница открыла дверь, мы увидали фигуры сидящих на полу женщин, закутанных в одеяла. Тихо позвякивали цепи на их руках. Они мало говорили, неохотно отвечали на вопросы. Мы так и не узнали, за что были приговорены к смерти эти несчастные женщины. Казнили их по несколько сразу. Днем, после обеда, уводили их в черный подвал, где они ждали до глубокой ночи часа смерти. Часто выли они, как звери. Вся тюрьма затихала в ужасе, прислушиваясь к их крику смертной тоски.

С нами вместе поместили одну советскую молодую девушку, докторшу по профессии. Более очаровательного внешнего и внутреннего облика трудно было себе представить. Ее приговорили к смерти в Берлине за пропаганду против войны и за связь с немецкими коммунистами. Тихая, скромная, она

мало говорила о себе. Рассказывала главным образом о России. Нас поражала она своей спокойной уверенностью в необходимости жертвы своего поколения для благополучия и счастья будущего. Она ничего не скрывала, говорила о тяжелой жизни в России, о всех лишениях, о суровом режиме и всегда прибавляла: «Так нужно, это тяжело, грустно, но необходимо». Встреча с ней еще более укрепила желание Вики ехать на родину. Они сговорились непременно встретиться там, — и обе погибли в Берлине. Сперва Вики, а потом, позднее, она.

* * *

Накануне ужасного дня исчезновения Вики во время прогулки смотрительница вызвала ее и о чем-то спросила. Мы вошли в тюрьму вместе, и она успела сказать мне: «Спрашивали, знаю ли я немецкий, и я сказала, что да».

В копии документа день ее смерти помечен 4 августа. Наутро нас повели принимать душ — Вики нет. Вскоре прозвучала сирена. Спускаемся в подвал — ее нет. Плачу. Друзья успокаивают, да и у самой еще теплится надежда: может быть, она у доктора или в бюро, и там задержали ее. После обеда — прогулка без Вики. Ноги двигаются машинально, в кругу со всеми — не вижу ничего и никого. Как в горячке, жду конца этого проклятого кружения. Наконец,я могу пробраться к ее товарке по камере, голландской проститутке. «Wo ist Wiky?» — «Weg» — «Wohin?» — «Ich weiss nicht»[24]. Маюсь по камере. Душа просто мечется,. Думаю только о ней. Одна она, одна перед смертью. Кругом ее не видно ни одного человеческого лица!..

Я бросаюсь к смотрительнице, плачу, умоляю сказать мне про Вики... Злобный окрик в ответ — дверь захлопнулась. Все; рвется внутри, чувства бьются одно о другое: ужас за Вики и страх, что на очереди я...

К вечеру, когда стемнело, сверху из окна кричат: «Послание Софке: видели Вики выходящей из тюрьмы в кандалах. Проходя мимо, успела сказать: послали в лагерь переводчицей». Сначала верю и засыпаю счастливой. Ночью внезапный ужас разбудил меня: «Где сейчас Вики? Что с нею?»...

---

[24] «Где Вики?» — «Увезли». — «Куда?» — «Я не знаю» (*нем.*).

Днем — раздача книг. Раздает библиотекарша, говорящая по-французски. Лицо хорошее — говорю с ней с доверием о книгах. Вдруг быстро спрашивает меня: «Вы хотите, может быть, узнать что-нибудь?» — «Да. Где Вера Оболенская? Казнена?» — «Нет, она послана в лагерь переводчицей». — «Куда?» — «Не знаю». Тогда я этому поверила. Всюду, куда только не таскали меня по лагерям и тюрьмам, искала я Вики. Теперь я знаю, что нашла она в себе нечеловеческие силы, идя на ужас казни, думать о нас, оставшихся, обо мне. Последний раз поддержала своих товарищей по беде, своего друга. Ведь смертницам читают приговор заранее. Знала она, куда шла... Ответ библиотекарши — вечернее послание мне — все это святая ложь ее...

Последнюю просьбу приговоренной к смерти исполняют, — даже в Германии. До последней минуты Вики осталась верна своему служению.

АРИАДНА СКРЯБИНА (САРРА КНУТ)

Ариадна и Довид Кнут. Париж, осень 1939 г.

Сарра Кнут, рожденная Ариадна Скрябина, была дочерью известного композитора, вышедшая замуж за еврейского поэта и участника Сопротивления Довида Кнута.

Она была одной из основательниц крупной еврейской организации сопротивления, вошедшей впоследствии в состав F.F.I. под названием «Organisation Juive de Combat».

Идеологические основы этого движения были заложены в первые же месяцы оккупации Франции; с тех пор С. Кнут

непрерывно и мужественно боролась с немцами. В партизанском движении в южной зоне она была известна под кличкой «Режин». В июле 1944 г., за месяц до освобождения Тулузы, она пала на своем боевом посту в стычке с устроившими ей засаду милиционерами. Там же, в Тулузе, Сарре Кнут воздвигнут памятник. Посмертно она награждена Военным крестом и медалью Сопротивления.

ТАМАРА АЛЕКСЕЕВНА ВОЛКОНСКАЯ

Т.А. Волконская, женщина-врач, жившая на своей ферме в департаменте Дордонь, около местечка Рафиньяк, с 1941 г. приняла активное участие в партизанской работе в рядах Ф.Т.П.

С 1943 года начинается организация во Франции партизанских отрядов из советских военнопленных, бежавших из лагерей или дезертирующих из власовских частей, расположенных во Франции, — она всецело посвящает себя обслуживанию этих отрядов.

Работа Т.А. Волконской чрезвычайно разнообразна: уход за ранеными и больными, в качестве врача на ее хуторе, превращенном в санпункт; пропаганда и распространение прокламаций, призывающих власовцев вступать в партизанские отряды (только за один день в «маки» перебежали 85 советских бойцов в полном вооружении). Наконец, борьба с оружием в руках в рядах партизанского отряда капитана Саши Хетаурова. Вместе с этим отрядом она участвовала в боях за освобождение многих городов юго-запада Франции.

Чтобы иметь возможность передвигаться, не вызывая подозрений, Волконская работала с французскими документами на имя Терез Дюбуа, но среди советских и французских партизан она была более известна под кличкой Красная княгиня.

31 марта 1944 года Т.А. Волконская была арестована в местечке St-Pierre-Chinau, подверглась избиению, никого не выдала, ни в чем не призналась. По освобождении с удвоенной энергией продолжала свою партизанскую работу.

В своей деятельности она была не одна: ей помогал целый ряд русских людей, осевших в этом уголке Франции.

Среди многих русских работниц Освободительного Движения мы сегодня выделяем имя княгини Волконской не только потому, что она была вдохновительницей русского сопротивления в деп. Дордонь, но в особенности чтобы этой краткой заметкой приоткрыть завесу над самым ценным вкладом русских за рубежом в дело борьбы с оккупантами: помощью советским военнопленным в организации партизанских отрядов на территории Западной Европы.

Этой теме, уже затронутой нами как в этом, так и в предыдущем номерах «Вестника», мы посвятим особое внимание в следующем номере нашего журнала.

И.А. КРИВОШЕИН

РУССКИЕ УЧАСТНИКИ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Настоящая статья написана специально для журнала «Новоселье» И. Кривошеиным, бывшим политическим заключенным № 78573 лагерей Бухенвальд и Аллах, по материалам, собранным «Содружеством Русских Участников Сопротивления во Франции»

Размер этой статьи не позволяет исчерпать тему об участии русских людей за рубежом в борьбе французского народа с фашистским захватчиком. Приведенные в ней имена и факты нужно рассматривать как иллюстрацию к общей, схематической картине. К этой теме нельзя подходить с точки зрения формальной, и история этого движения не ограничивается внешним перечнем событий; внутренний импульс, духовный рост и сознание каждого участника значительнее и ценнее, так как именно этот духовный фактор, а не только момент чисто политический или военный здесь особенно важен.

Следует помнить, что движение это шло исключительно по пути добровольного и свободного выбора, и было бы не вполне правильным эту мобилизацию самого себя, проделанную каждым вступившим в организацию Сопротивления, приравнять к поступку тех, кто идет в армию добровольцем. Тут правильнее говорить о вступлении в некий воинствующий орден с отказом от личной жизни, собственного имени, с принятием полного и слепого подчинения анонимному начальнику, с постоянным страхом попасться и действительно идти на муки, а не просто попасть в плен. В итоге — двенадцать пуль или виселица в концлагере. Если все сказанное

справедливо для французского резистанта, восставшего за честь родной земли, то оно приобретает еще больший вес и значение в отношении русского «апатрида», оторванного от своей родины и связанного с Францией годами более или менее благополучного в ней житья. И для того чтобы перед читателем возник настоящий живой образ русского сопротивленца, от скромного связиста до руководителя, следовало бы про каждого писать отдельно; иначе он останется лишь именем в длинном синодике русских героев и мучеников, отдавших свою жизнь за свободу.

Для большинства русских за рубежом день вторжения Германии на русскую территорию явился главным побудителем: патриотический момент вдохновил многих. Но факты иного порядка тоже имели значение, и ответ Вики Оболенской немецкому следователю на допросе: «Я христианка и потому не могу быть антисемиткой», очень характерен. Да и моментом чисто эстетическим не следует пренебрегать, и он сыграл свою роль: «Не могу видеть немцев в Париже — вот и все».

Несколько слов о повседневной жизни человека мирного, вполне порядочного, обычно семьянина, на годы ушедшего в подполье. Каждый шаг его становился опасным приключением, и не только для него, но и для всех его родных и подчас даже друзей, не подозревавших, что он — номер X в такой-то боевой организации. Все было опасно: и русская барышня, перевозившая ротатор на метро, рисковала своей жизнью наравне с набиравшим тайную листовку на этой машине или с тем, кто укрывал у себя сбитого союзного летчика, бежавшего из плена советского солдата и пр. Приходилось быть все время начеку: одно неосторожное слово, лишняя встреча в кафе — все могло быть поводом к доносу, т. е. к аресту. О том же, что было после ареста, говорить не приходится — это тема страшная, совсем особая. Те, кто прошел через немецкие застенки, — рю де Соссэ в Париже или гостиница «Терминюс» в Лионе, те, кто чудесным образом вернулись полуживыми из Бухенвальда или Равенсбрюка, — это знают.

Коротким вступлением я хотел обрисовать тот «климат», в котором проходила жизнь резистантов: русских людей в этом движении участвовало немало. Были и молодые, подчас совсем

юные, были верующие и атеисты, рабочий люд и интеллигенты, были ученые — все разнообразие зарубежья. Более ста человек русских участников Сопротивления и бойцов в рядах войск «Свободной Франции» погибли от немецких палачей; многие годами томились в тюрьмах и концлагерях. Все они — и те, кто принял мученический венец, и те, кому удалось проскочить сквозь сети гестапо, — составляют моральный актив русской эмиграции. Переходя к изложению фактической стороны моей темы, делаю сразу две оговорки. О действиях советских партизанских отрядов здесь будет упомянуто лишь в связи с участием в них русских эмигрантов; история этих отрядов и их героическая борьба с немцами во Франции такова, что ей следовало бы посвятить отдельный очерк[1].

Чисто политическая эволюция в русской среде за годы оккупации Франции — тоже тема слишком обширная, и я коснусь ее лишь мимоходом. Благородная позиция, занятая с первых дней главой русского эмигрантского комитета В.Л. Маклаковым, — всем известна. Несмотря на свой преклонный возраст, он был в 1942 году заключен немцами в тюрьму, где пробыл несколько месяцев. После освобождения в сотрудничестве с кучкой людей, среди которых первое место занимал А.Ф. Ступницкий (теперешний редактор газеты «Русские новости»), В.А. продолжал вести политическую акцию, несомненно давшую свои результаты. Этот небольшой негласный комитет мы можем с радостью противопоставить «комитету» Жеребкова, Краснова и прочих немецких приспешников.

По тем же причинам я не остановлюсь на политическом значении группы «Русский Патриот», о которой речь будет ниже, и ее влиянии на весь дальнейший путь русской эмиграции во Франции.

Участие русских в Сопротивлении во Франции можно разбить на две части: с августа 1940 г. по 1943 г. и с 1943 г. до освобождения.

1940–1943 гг. В эти годы русские самотеком или небольшими группами вступают в ряды Сопротивления.

[1] См. книгу Гайто Газданова «Je m'engage de Defendre». Ed. Defense de la France. Paris, 1946.

Обособленные русские группы с чисто «русскими» заданиями явятся лишь позже. Знание немецкого языка и ярлык «белый» сыграли здесь свою роль и облегчили работу разведывательного характера и службу связи.

Некоторые русские люди, замечательные по силе духа и красоте внутреннего облика, уже в августе 1940 года вступили в борьбу против оккупантов. Основателями réseau в «Музее Человека», издателями первой подпольной газеты во Франции под именем «Résistance» явились два талантливых молодых ученых — Борис Вильде и Анатолий Левицкий. Оба они совместно с пятью товарищами после длительного заключения в тюрьме были расстреляны на Mont Valerien. Имена их известны всему университетскому и ученому миру Франции. Смелость их, самоотверженное и благородное поведение на суде — высокий пример торжества духа в безнадежный период европейской жизни. В 1940 году также начали подпольную борьбу княгиня Вера Оболенская и Софья Вл. Носович; Оболенская была одной из ближайших помощниц Артюиса (арестован в 1941 году, погиб в 1943 в концлагере) и одной из основательниц организации О.С.М.

Оболенская и Носович вели опасную и ответственную работу до 1943 года. В декабре 1943 г. их арестовали, подвергли пыткам и военным судом приговорили к расстрелу. Веру Оболенскую казнили в тюрьме Plotzensee в Берлине. Носович провела еще один страшный год в Равенсбрюке. В апреле 1945 г. она вернулась во Францию. Оболенская награждена посмертно орденом Почетного легиона, Военным крестом с пальмами и медалью Сопротивления. Русские работали тогда в различных организациях Сопротивления: в разведывательных reseaux, связанных со штабом генерала де Голля в Лондоне, в отрядах Ф.Т.П. («Вольные стрелки и партизаны»), несли службу связи, набирали в типографиях подпольные издания и пр. Многие русские евреи работали в еврейских организациях Сопротивления, занимая там ответственные посты, например, Я.Б. Рабинович.

Но уже и в этот период следует отметить существование двух русских группировок, численно более значительных. Это «Группа 22 июня», возглавляемая инженером

Ю.С. Монтуляком, которая вела разведывательную работу и группа, основанная в городке Дурдан под Парижем А. Угримовым (он служил там инженером на мельнице), впоследствии сохранившая название Дурданской группы. Эта группа — около двадцати человек — была связана с Vengeance Nord через знаменитого французского гонщика Альбера Бенуа, повешенного немцами в сентябре 1944 года в концлагере Бухенвальд. Угримов и многие его товарищи принимали участие в приеме парашютажей оружия, происходивших над дурданскими лесами. Понемногу мельница, где работал Угримов, превратилась в настоящий арсенал. Угримов и его жена укрывали у себя в течение шести недель раненого американского летчика, а затем целые группы советских бойцов, бежавших из немецкого плена. За несколько дней до освобождения Дурдана А. Угримов вошел в связь с американским командованием и таким образом смог дать американцам ценнейшие сведения. И он, и многие из его товарищей награждены Военным крестом. Нельзя не упомянуть об организации, хотя и не причислявшей себя к настоящему Сопротивлению, но осуществившей весьма ответственную и ценную работу в области социальной помощи. Организация эта зародилась в июле 1941 года и обосновалась в помещении русской церкви на рю Лурмель; душой дела стала мать Мария Скобцова.

Оттуда посылались тысячи пищевых пакетов в концлагерь в Компьене, где были заключены многие русские, и оказывалась помощь их семьям. Там находили приют многие, скрывавшиеся от преследования немцев. В полном контакте с матерью Марией работал и Сергей Федорович Штерн; он помогал из собираемого им благотворительного фонда тем, кто по причинам полицейского надзора не мог больше скрываться в общежитии при церкви. Много русских ученых, писателей и больных стариков пережили трудные военные годы только благодаря его неустанным хлопотам и стараниям. Работая в контакте с еврейскими организациями, он содействовал перевозу еврейских детей в провинцию, спасая их от крематорных печей. С.Ф. долгое время принужден был жить на нелегальном положении.

Основатели организации при церкви на рю Лурмель дорого заплатили за свою деятельность: в феврале 1943 года мать Мария, настоятель прихода о. Дмитрий Клепинин, юный Юра Скобцов и трое других были арестованы немцами и вывезены в концлагери в Германию. Четверо из них там и погибли, в их числе мать Мария. Многие знают теперь, какая атмосфера царила в лагерях смерти. Но среди звериной злобы, страданий и унижений мать Мария сумела сохранить свободный дух, сочетая его с подлинно христианским смирением, словом и примером поддерживая остальных заключенных.

Многие русские священники во Франции подверглись преследованиям оккупантов за свое патриотическое поведение: проф. богословия И. Стратонов, священник Врасский погибли в депортации; священники о. Михаил Вельский, о. Константин Замбржицкий и престарелый монах Зосима были арестованы и месяцами сидели в тюрьмах и лагерях.

Расскажу один небольшой эпизод о двух русских учениках лицея Жансон в Париже: герои его почти мальчики. Таких мальчиков в Сопротивлении было немало. Часто они шли на дела отчаянные; есть много осиротевших семей, навсегда оставляющих за столом незанятое место. В марте 1944 года ученик старшего класса Филипп Сержан предложил своим товарищам Сидорову и Мхитарову помочь выполнить задание, полученное Сержаном от полковника Делорма: выкрасть и уничтожить важные бумаги, попавшие в руки провокатора. Те согласились и на следующее утро — успех дела зависел от быстроты выполнения — украдкой пробрались в указанный им дом, проникли в квартиру, связали старика-консьержа, который в это время был занят уборкой, стали шарить и обыскивать столы и ящики, и наконец нужные бумаги были найдены. Тем временем жена консьержа вызвала полицию; Филипп Сержан, схватив бумаги, успел бежать, а Сидоров и Мхитаров были арестованы и предстали перед уголовным судом за кражу со взломом (несмотря на то что украдено ничего не было, кроме бумаг). Они были приговорены к 15 месяцам тюрьмы — наказание слишком строгое и свидетельствующее о том, что судья отлично понимал,

в чем дело, но настроен был в духе Виши. Юноши отбывали срок наказания в тюрьме Санте, с нетерпением ожидая освобождения Парижа, казавшегося совсем близким. Но в день национального праздника, 14 июля 1944 года, в отделении уголовных вспыхнул бунт, жестоко подавленный французской «милицией».

Милиционеры расстреляли 22 заложника, отобранных наугад, среди них оказался Мхитаров. Сидоров был выпущен из тюрьмы только в октябре 1944 года, т. е. через два месяца после освобождения Парижа, и позднее получил медаль Сопротивления. Мхитаров награжден ею посмертно.

Второй период Сопротивления начинается с 1943 года, когда во Францию стали прибывать большие партии советских военнопленных, советских граждан, увезенных на принудительные работы, а также «власовские» войска. Союзное командование и французский Резистанс были обеспокоены приходом этих войск и возможностью применения их для репрессий во Франции; русским участникам Сопротивления было поручено выяснить численность и настроение власовцев. В сентябре 1943 года образовалась самая крупная русская организация Сопротивления — «Русский Патриот». Участниками и руководителями этой группы явились русские, проживающие во Франции. Группа эта входила в состав французской организации М. О. I., как самостоятельная русская единица Сопротивления. В М.О.I. объединялся ряд иностранных группировок во Франции — испанская, армянская и т. д. Эта организация сразу же заняла одно из первых мест благодаря самоотвержению и героизму вступивших в ее ряды партизан, и гестапо вело с ней усиленную борьбу. В 1944 году стены Парижа были оклеены желтыми афишами со списком и фотографиями двадцати двух иностранных террористов, расстрелянных по приговору немецкого суда. Целью этой пропаганды являлось желание вызвать ксенофобию и доказать французам длинным перечнем труднопроизносимых иностранных фамилий, а также изображениями страшных, небритых, измученных допросами людей, — что Резистанс не французское дело. Однако результат был противоположный: никогда, вероятно, во Франции не существовало более

тесного и братского единения, чем то, которое было в рядах людей, вставших на борьбу с оккупантами.

Вернемся к «Русскому Патриоту». Руководящее ядро этой группы состояло из русских, уже задолго до войны занявших антифашистскую позицию. Многие из них сражались в рядах интернациональных бригад в Испании. Большинство было арестовано в начале войны и заключено в лагеря, а впоследствии было выдано правительством Петена немцам и вывезено в Германию на принудительные работы. Те из них, кому удалось вернуться во Францию, и стали организаторами «Русского Патриота». Отметим Шибанова, Михневича и Качву.

Заданием «Русского Патриота» была пропаганда Сопротивления, сбор средств, всяческая помощь советским военнопленным, отправка посылок в лагеря, облегчение побегов, укрывание и переотправка в партизанские отряды и во французское «маки». И наконец, пропаганда среди «власовских частей», призывы к дезертирству или вооруженному восстанию. Первой цели помогал издаваемый группой журнал «Русский Патриот». Выходил он на ротаторе, с тиражом в 300–500 экземпляров; всего вышло в 1944 году тринадцать номеров. Даже представить себе нельзя, с каким риском и трудностями было связано издание и распространение «листовки» в те времена. Два первых состава «редакции» были поочередно арестованы; «типография» — пишущая машинка и полусломанный ротатор — захвачены гестапо. И все же выпуск газеты продолжался без перерывов до самого освобождения. Как всегда в Сопротивлении — арестованный товарищ автоматически сменялся другим.

Помощь русским военнопленным стала быстро развиваться; в январе 1944 года она была передана в руки «Центр. исп. комитета Союза советских военнопленных во Франции» — в нем сперва было три, затем пять ответственных членов, все бежавшие пленные. Вскоре внутри самих лагерей под руководством Центрального комитета уже работало более 20 местных отделов. Комитет издавал особую листовку для распространения среди военнопленных. Такова работа, осуществленная на чужбине людьми, не знавшими даже

французского языка. Роль участников группы «Русский Патриот» и русских сопротивленцев вообще уточняется: они служат переводчиками, проводниками для советских товарищей, помогают им в сношениях с французами и Резистансом. Многим советским военнопленным удалось таким образом пройти сквозь целые департаменты без бумаг и без денег; в одном Париже в мае 1944 года находилось до полутораста бежавших советских военнопленных. Помогал им и снабжал их продовольствием по поручению группы «Русский Патриот» — Лев Савинков.

В работе среди власовских частей принимала также участие Дурданская группа, остальные русские сопротивленцы, входившие в ряды французского Резистанса, и ряд эмигрантов, увидевших возможность внести свой вклад в дело борьбы с немцами. Эта работа была одной из самых опасных; военнопленные горели патриотизмом, пылали ненавистью к немцам. Ужасные муки, которые они претерпели в лагерях, еще больше их ожесточили. Среди «власовцев» же, наоборот, находились люди слабой воли, не выдержавшие пытки голодом, или же представители наименее цивилизованных народностей СССР; наконец, зачастую встречались и предатели, сознательно перешедшие на сторону врага. Перед русскими сопротивленцами была трудная задача: завязать контакт с этими частями и призывать их к дезертирству и бунту, а также внушить власовцам мысль о неизбежности разгрома Германии, разбудить в них дремлющее чувство патриотизма. Многие русские эмигранты пошли на эту работу без предварительной подготовки и были преданы гестаповцами. Так пострадали, например, Е.А. Новикова, ее двадцатилетний сын Юрий и его приятель Олег Жидков; после первой встречи с «власовцами» они были арестованы и вывезены в Германию, где Юрий Новиков умер в лагере от истощения. Его мать, проведшая полтора года в Равенсбрюке, записала свои впечатления об этом страшном лагере, и они частью уже опубликованы во втором номере «Вестника Содружества Сопротивления».

Несмотря на все опасности, антивласовская акция продолжалась, и многие власовцы стали переходить к партизанам. Французский Резистанс получил полное заверение в том,

что в случае высадки союзников немцы не смогут рассчитывать на власовские части. Два парижских писателя, В. Андреев и Б. Сосинский, жившие на острове Олерон, вошли в сношения с советскими военнопленными, завербованными в немецкие войска и находившимися в батарее острова; им удалось связать с ними местный Резистанс и совместно взорвать пороховой склад 24 ноября 1944 года. Член «Содружества Участников Сопротивления» Големба убедил целую группу (более 80 человек) советских татар сдаться с оружием и большим количеством патронов, которых как раз не хватало партизанскому отряду, где состоял Големба.

Многие русские эмигранты сражались во французском «маки». В первом номере «Вестника Содружества Сопротивления мы упоминали о геройской смерти Павла Зиссермана в Верхней Савойе, где шефом «маки» был тоже русский, Михаил Штранге. Офицером связи при штабе сов. партизанского отряда имени Максима Горького, действовавшего в окрестностях Дижона, был А. Покотилов. В департаменте Верхней Луары И. Басе (кличка Андрэ) организовал целый советский батальон, куда входили татары, армяне и грузины (352-й батальон Ф.Т.П.); этот отряд особенно отличился при взятии города Ле Пюи 19 августа 1944 года и при следующих боях взял в плен 4000 немцев. В советском отряде, оперировавшем в департаменте Дордонь под командой капитана Хетаурова, состояла наша соотечественница Тамара Волконская. Ей были выданы бумаги на имя Терезы Дюбуа, но в «маки» ее больше знали под кличкой Красная Княгиня. Она вела активную пропаганду среди советских военнопленных и в один только день привела в отряд 85 «власовцев», дезертировавших из немецких рядов. 1 июня 1944 года она попалась немцам, которые избили ее прикладами и бросили полумертвой; Волконской все же удалось вернуться к своему отряду, и она участвовала во многих сражениях во время освобождения Дордони. Восстание в Париже — последняя глава в истории Сопротивления во Франции. В эти исторические дни четверо русских положили свою жизнь за освобождение этого прекрасного города.

Моя заметка была бы неполной, если бы я обошел молчанием участие русских в рядах армии «Свободной Франции» (Ф.Ф.И.). Одним из первых записавшихся туда после призыва генерала де Голля 18 июля 1940 года был наш товарищ Николай Вырубов (номер записи десятый). Отказавшись от поста переводчика или офицера связи, который ему предлагали, Вырубов с оружием в руках принял участие во всех кампаниях Ф.Ф.И., был дважды тяжело ранен, награжден Военным крестом и получил высшее отличие за участие в Сопротивлении. Заполняя опросный лист для вступления в наше Содружество, Вырубов против вопроса «Имели ли вы дело с немцами, и если да, то почему?» смог написать: «Да, имел — на полях сражений». Многие русские, жившие во Франции, бежали через Пиренеи, побывали в испанских тюрьмах, но все же добрались до Африки и там вступили в ряды Ф.Ф.И. Было время, когда русским приходилось заверять, что они натурализованы, чтобы иметь право сражаться.

Некоторым, как, например, капитану Катламе, удалось на рыбачьей лодке пробраться в Англию через Ла-Манш и после прохождения специальных курсов быть парашютированным во Францию для участия в Сопротивлении. Также был парашютирован для чрезвычайно ответственной работы В. Бурышкин, схваченный впоследствии гестапо, но сумевший бежать из тюрьмы благодаря исключительному мужеству и присутствию духа. Только два эмигранта осуществили желание многих русских участников Сопротивления: сражаться на русской земле под советским командованием. Это лейтенант Стахович и лейтенант Эйхенбаум, вошедшие в состав эскадрильи «Нормандия–Неман» и проделавшие с нею все кампании — от Харькова до Берлина.

Из длинного списка русских, павших в рядах войск «Свободной Франции», упомяну в этой статье лишь одно имя: младший лейтенант Карновский, командовавший танком в дивизии Леклерка, был предательски убит немцами 25 августа 1944 года, в день вступления этой дивизии в Париж. За час до смерти он звонил по телефону матери, которую не видел несколько лет, и сообщил, что он в Париже и вечером придет ее навестить. Лагерь «Аллах» (отделение

Дахау) был освобожден американскими частями 29 апреля 1945 года. Через день вместе с 700 французскими товарищами по бараку я праздновал Первое мая. Над импровизированной эстрадой была выведена крупными буквами заключительная фраза из прощального письма Gabriel Peri, расстрелянного немцами в 1941 году: «Nous préparons les lendemains qui enchantent»[2].

Прошедшие с тех пор два года принесли с собой немало разочарований. Послевоенные будни не похожи на светлое будущее, рисовавшееся в ту минуту измученным, одетым в полосатые лохмотья людям. Однако хочется верить, что принесенные русскими участниками Сопротивления жертвы не были напрасны и что их посильный вклад в дело победы над гитлеровской Германией и ее приспешниками будет способствовать осуществлению долгого и прочного мира, и тем самым счастью нашей родины.

Новоселье. Нью-Йорк. 1947. № 35–36.
Текст находится на сайте
«Мать Мария» http://mere-marie.com/
(© Ксения Кривошеина).

[2] «Мы строим светлое будущее».

Н.А. КРИВОШЕИНА
МАТЬ МАРИЯ

Глава из книги «Четыре трети нашей жизни» (Всероссийская мемуарная библиотека, М.: Русский путь, 1999).

Муж через две-три недели после освобождения из Компьеня пришел в себя и решил, что надо что-то сделать для тех, кто остался в лагере (а среди них были очень скромные люди, их семьи оставались в настоящей нужде); он стал искать, как и где создать организацию под нейтральным наименованием и адресом. И тут он решил обратиться к Матери Марии, которая стояла во главе общежития и столовой для неимущих при русской церкви на улице Лурмель. Туда он и поехал на велосипеде, на котором проездил всю войну — порой до комендантского часа по улицам Парижа, где не горело ни одного фонаря. Учитывая бульвары с массой деревьев, круглые площади, где и днем-то трудно ориентироваться, — это был спорт не из легких.

Мать Мария, хоть и не знала Игоря Александровича, однако, поразмыслив два дня, дала положительный ответ, и очень скоро при церкви Лурмель образовался Комитет помощи заключенным лагеря Компьень, а позднее и всем русским жертвам нацизма во Франции. Этот комитет просуществовал вплоть до ареста Матери Марии гестаповцами в феврале 1943 г. Благословение и разрешение на посылку продуктовых пакетов от имени церкви на ул. Лурмель дал о. Дмитрий Клепинин, настоятель этой церкви — он тоже

позднее был арестован вместе с Матерью Марией, ее сыном Юрой и Ф. Пьяновым — из них всех выжил только Пьянов, остальные погибли в лагерях смерти.

После войны Игорь Александрович написал обширный отчет о своей деятельности в Сопротивлении и социальной помощи во время немецкой оккупации; он был напечатан в «Вестнике русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции», который мы издавали в Париже в 1946 году.

Но и прежде, в 1942–1943 гг., Игорь Александрович давал письменные отчеты тем, кто так или иначе помогал ему и Комитету собирать продуктовые посылки, — среди них были и русские магазины, и еврейские рестораны; некоторые люди помогали просто деньгами; все эти посылки (а их бывало порой 80–90) возила в Компьень Ольга Алексеевна Игнатьева на машине французского Красного Креста, которую выхлопотала Мать Мария. Словом, это была уже целая организация, которая жила и работала под носом Жеребкова, назначенного в Париж для управления русской колонией; Жеребков был активным сотрудником Гестапо, издавал гнуснейшую газетку на русском языке, выдавал справки «о личности».

Вот этот выжил и успел вовремя нырнуть в Испанию; как будто он и ныне благополучно там проживает.

Ольга Игнатьева проделала в общем не меньше восьмидесяти поездок в Компьень. Кроме шофера с ней, конечно, всегда ездил еще кто-нибудь из мужчин — иногда Лев Борисович Савинков, а чаще один из работников на кухне при церкви Лурмель. В Компьене ее встречал полковник Нахтигаль (которого мы заочно прозвали «Соловейчиком»), а брат ее, Сергей Алексеевич, просидевший в лагере около шести месяцев, был выбран старшиной русского отделения; Кунце привозил ему полную повозку передач, а он уж их распределял. В этой роли старшины он нашел себя, был строг, справедлив и никогда не допустил в лагере ни одного скандала. Понемногу Ольга и Нахтигаль стали почти друзьями, ему нравилось, как и всякому немцу, что она графиня; он был с ней галантен и услужлив, да и, наконец, просто доверился ей в своей ненависти к нацизму,

к Гестапо — он, действительно, не обидел никого, если же были недоразумения, умел все сглаживать.

Я пишу о нем, так как на фоне острой ненависти, которую мы тогда ощущали к оккупантам, Соловейчик был светлым явлением.

Так как передачи в еврейское отделение лагеря были очень долгое время запрещены и люди там ужасно голодали и мерзли, русский лагерь наладил трос из одного отделения в другое и по ночам часть посылок передавалась туда. Многие из заключенных еврейского лагеря погибли позже в Освенциме — кто от голода и побоев, а кто и в газовой камере.

Правильно или нет было мое решение не принимать активного участия в Комитете рю Лурмель и не вступать ни в какую организацию Сопротивления? Я считала, что раз мой муж ведет эту опасную работу, то я, ради Никиты, должна формально стоять вне ее. И когда Игорь Александрович начал вести совсем уж секретную работу в боевой организации, я ни о чем его не расспрашивала, чтобы даже под пыткой никого и ничего не выдать. Ясно, что, насколько это было возможно, я во всем помогала: принимала деньги для Комитета (иногда очень крупные), хранила их, передавала Игорю Александровичу пароли, которые кто-нибудь из его товарищей, зайдя ко мне днем на минутку, специально произносил при мне. Такую же позицию заняла и Ирина Николаевна, она тоже активно помогала мужу во всем, что касалось участия в Сопротивлении (и даже скрывала у себя в доме на мельнице в городе Dourdan, где тогда работал инженером-мукомолом ее муж, канадских и американских летчиков, потерпевших аварию или сбитых над французской территорией, — а это уж, в случае доноса, был расстрел для всей семьи), однако сама в Дурданской группе Сопротивления не состояла.

За время существования Комитета помощи на рю Лурмель я иногда, хотя и очень редко, там бывала и познакомилась с Матерью Марией, с Пьяновым, немного с Мочульским, но почему-то совсем не знала о. Дмитрия Клепинина, о чем потом всегда жалела.

Мать Мария с самого начала просто и хорошо меня встретила и несколько раз сама, по собственному почину,

приглашала посидеть в свою каморку под лестницей. Говорила: «Пойдемте ко мне, посидим, уж очень я устала нынче». Да и верно, она чуть не каждый день вставала ни свет ни заря и ехала на Центральный Рынок (знаменитое «чрево Парижа» — les Halles de Paris, которые сейчас уж не существуют) — там ее знали и бесплатно давали ей непроданные овощи, картошку, иногда и мяса немного, и она это все сама тащила на рю Лурмель для столовой.

Мы садились — она на какое-то старое кресло, а я на табуретку; комната имела неправильную форму, в стене видна была лестница, висели иконы, с потолка на веревках свисали косы лука, сушеные травы, а на столике, на противне, лежали только что высушенные ягоды или овощи — черника, вишни, морковка.

Мать Мария считала, что несчастных людей, не нашедших себе места в эмиграции, надо сперва напоить и накормить, дать им чистую одежду и т. д. Эти сушения входили в ее программу: когда уж ничего не было (а это в военное время часто случалось), то она пускала в ход свои сушения, и хоть чем-то, да можно было в столовой накормить когда двадцать, а когда и сорок человек. Она была всегда оптимисткой, считала, что все обязательно устроится и что нельзя никому отказывать в помощи, кто бы ни пришел.

Она отодвигала со лба косынку, так что были видны на пробор причесанные волосы, и закуривала. Курила она много, хотя на людях — избегала; то, что она курила при мне, как бы сразу придавало моим визитам в ее комнату простой тон — казалось, что мы знакомы давно и даже близко.

О чем она со мной беседовала? О текущих делах, о войне — все было так тревожно, мы все болели душой за Россию. Заметив, что я все рассматриваю ее сушения, она как-то спросила меня, сушу ли я тоже овощи и ягоды, как она. Я ответила, что не умею, да мне и в голову не приходило... Тогда она подробнейшим образом мне объяснила, как это делается, и прибавила: «Начинайте сразу, увидите, как приятно будет, если зимой сварите Никите кисель или компот». Вот так сидели мы, и вроде ничего особенного или поучительного не было, но она, конечно, знала, что я отношусь к ней с величайшим уважением.

Я была у ней в ее каморке раза три-четыре — и вот както, пожалуй уж под конец, я сидела и слушала ее — как раз про сушение — и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!.. А вот в памяти от этих минут осталось только ее лицо — лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал, и сияющие сквозь дешевенькие металлические очки незабываемые глаза.

Летом 1942 года Мать Мария устроила на рю Лурмель скромный праздник в честь годовщины образования Комитета Помощи; стоял небольшой стол с незамысловатой закуской военного времени, были все дамы, работавшие в Комитете, о. Клепинин и, кажется, Пьянов. Настроение у всех было хорошее, все ждали, что скажет Мать Мария; лицо у нее светилось весельем, на нем даже играла лукавая улыбка, и, взяв рюмочку водки, она произнесла маленькую речь про Комитет и его работу и в конце сделала шутливый комплимент Игорю Александровичу за то, что он сумел устроить это дело, которое уже целый год благополучно здравствует.

Конец 1942 и начало 1943 года я с Никитой прожила под Парижем, в местечке Villemoisson, снимала там домик — комнату с кухней, — потом сильно заболела, и в почти бессознательном состоянии Игорь Александрович отвез меня в город. Это было нелегко — пришлось пешком доползти до электрички, и с вокзала на рикше домой. В этот же день на другой рикше попала я в частную клинику, где провела три недели. Лекарств не было, кормили вареным горохом и помидорами, что могло тогда считаться и большим шиком, но ничего этого я есть не могла — у меня был острый приступ колита. Сестра трижды в день делала мне уколы камфоры, и, видно, эти уколы плюс полный голод меня спасли, и мне понемногу стало легче.

Кстати, в этой клинике было не так уж много настоящих больных, а все больше скрывались евреи; уж не знаю, удалось ли им выжить до конца оккупации, — ведь бесконечно жить в клинике запрещено, надо освобождать места для больных.

Как шла жизнь в Париже под оккупацией? Все старались получше одеться, пошикарнее, подчас совсем броско

и пестро; у большинства женщин были сапоги и туфли на деревянной подошве, и они, как кастаньетами, отбивали по улице шаг; театры, кино — все было переполнено — ведь это Париж, и парижский шик и темп не умрут из-за того, что по Парижу с жадными лицами шляются «les Fridolins»! Это название из песенки, которую пела солдатня: «Der heitere Fridolin» — «Веселый Фридолин». Как только началась война с Россией, все вдруг во французском образе жизни обострилось.

Не надо забывать, что до этого французская коммунистическая партия сочувственно относилась к русско-германскому договору; рабочие открыто против оккупантов не высказывались и де Голля не поддерживали. Но после 22-го июня 1941 года все резко изменилось. Подпольные коммунистические ячейки, конечно, существовали; они круто повернули курс, и в стране, где не было настоящей власти, а только правительство, посаженное оккупантами, их голос имел громадное значение. Движение «Резистанса», которое уже существовало, получило вдруг поддержку рабочего люда, а ведь вся Франция была принуждена работать на немцев... Участие в этой акции железнодорожников было чрезвычайно важно; на некоторых заводах — сперва незаметно, а потом все больше — начался саботаж.

Если внешне беззаботное поведение парижской улицы под оккупацией было своего рода фрондой, то внутренний раскол французского общества становился все чувствительнее; конечно, как всегда, одни обвиняли во всех несчастьях левых, другие — правых. Но вот из-за того, что правительство, подписавшее перемирие с Гитлером, возглавлял маршал Петэн, народный герой (сам он был крестьянский сын, что играло тоже немаловажную роль в его популярности, к тому же он был победителем Вердена), — многие французы, не только «правые», а самые широкие круги, не смели осуждать правительство Виши и считали, что Петэн чуть ли не спас Францию... Его ответственность в процессе морального загнивания страны очень велика — в этом сомневаться нельзя.

Среди наших друзей и даже родных большинство было настроено как мы; но среди французов и русских были

поклонники Гитлера, верившие в его звезду, верившие в фашизм и к концу войны примкнувшие к акции генерала Краснова или генерала Власова...

* * *

Первый процесс, о котором мы узнали (насколько это было тогда возможно) со многими подробностями, — это «Дело Музея Человека» в марте 1942 года; среди погибших там были Борис Вильде и его друг Анатолий Левицкий, оба — молодые ученые. Мать Мария близко знала Вильде, «монпарнасца» из группы русских поэтов, в числе которых был, например, Борис Поплавский. Она и рассказала об этом процессе Игорю Александровичу.

Приблизительно в январе 1944 года Би-Би-Си в своей французской передаче «Les Francais parlent aux Francais» начало предупреждать о том, что в этом году, в эту весну и лето, будет «высадка», тот самый пресловутый debarquement, о котором столько говорилось и в который многие уже не верили. СССР все громче и резче требовал образования второго фронта, никогда, впрочем, даже не упоминая о сопротивлении и отчаянной борьбе Англии, когда она в течение целого года одна сражалась против немцев (1940–1941 гг.)! Конечно, после того, как Гитлер дошел чуть ли не до Урала и половина европейской части России была чуть ли не сравнена с землей, это требование второго фронта стало справедливым; русские уже могли говорить, что по-настоящему никто, кроме них, не сражается!

Би-Би-Си много раз подряд повторяло: высадка будет, ждите, — если находите нужным или целесообразным, уезжайте заблаговременно в деревню, в родные места, где вам будет легче пережить новый взрыв войны на французской территории... Запасайтесь всем, чем можно: топливом, керосином, свечами, водой — вы можете быть надолго отрезаны от города, от поезда, от любой помощи. Остерегайтесь немцев — они станут еще много злее и мстительнее...

Я с детства твердо верила, что «англичане зря никогда не грозятся» и если что говорят, то исполняют.

В феврале я пошла в хозяйственный магазин и купила там печурку с длинной трубой; чем ее топить? — да чем угодно,

дровишками, даже мелким углем, мячиками из сперва намоченных, потом высушенных газет (оказалось, что такие мячики чудесно горят, медленно, не гаснут, и на них можно сготовить незамысловатую еду, например сварить картошку!). Там же я приобрела и две лампы типа «Пижон» — такие лампы горели вроде свечи, если падали — сами гасли, гореть могли много часов — словом, это было для меня и открытие, и удачная покупка; никогда прежде у меня таких светильников не было; их употребляли в деревнях, где ночью надо пойти в коровник или в подвал за бутылкой красного.

В эти месяцы настроение у нас дома становилось все напряженнее: я каждый день ждала какой-то катастрофы, с трудом могла себя заставить спокойно открыть дверь! Помню, как-то было уже около 10 вечера, раздался звонок — а ведь в полночь на улице уж нельзя было оставаться. Открывать? — Нет? Если немцы, все равно войдут. Наконец открываю — стоит Петя Гучков, свойственник Игоря Александровича (его сестра Вера Николаевна была замужем за дядюшкой Игоря Александровича, Геннадием Геннад. Карповым). Он входит, а мы оба без голоса от нервного напряжения. «Что это с вами, Нина Алексеевна? Что случилось?» Он и сам напуган. «Ох, — говорю, — да мы боялись немцев, ведь уже одиннадцатый час!» Наконец начинаем смеяться: как хорошо, что страхи не сбылись и что пришел милый и приятный человек.

В феврале 1944 года случилась беда с нашим другом Сергеем Федоровичем Штерном; до войны мы его не знали, но, едва Игорь Александрович начал свою социальную деятельность, на пути его попался С.Ф. Штерн. Он был еврей, женатый на русской, — его жену Марию Ивановну мне так и не пришлось встретить, но Игорь Александрович ее знал и говорил, что она хорошая, скромная, приветливая и по-настоящему верующая женщина. Недолгое время Игорь Александрович занимался судьбой еврейских детей, родители которых уж были вывезены в лагеря в Германию. Сергей Федорович стал у нас бывать, позже уже с желтой звездой на левой стороне пальто... Положение евреев в это время было в Париже тяжелое: нельзя посещать кафе, нельзя покидать свою квартиру после 8 вечера, а значит, нельзя даже

спуститься в бомбоубежище — между тем как налеты американской авиации становились все более грозными.

Штерн работал в каком-то комитете «защиты евреев», и вот как-то к концу дня он сидел в бюро один; внезапно вошел офицер-гестаповец в форме, молодой, громадного роста, и начал требовать, чтобы Штерн встал и отдал ему нацистский привет. Штерн отказался, сказав, что он уже вежливо поздоровался. Тогда гестаповец набросился на него, повалил на пол и начал жестоко избивать — бил по лицу и топтал сапогами... Штерн пролежал один в бюро до следующего утра, выходить вечером на улицу он не имел права.

Это гнусное дело произвело на нас ужасное впечатление; вскоре после окончания войны Штерн начал болеть, у него начался рак губы, которая была поранена гестаповцем, он очень мучился и вскоре скончался. Такова судьба одного из добрейших и светлых людей, попавшихся нам на пути в эти годы; он был благотворителем по призванию, причем без малейшего ханжества или особой позы, которую, увы, часто приходилось мне видеть у многих «благотворителей».

А.Н. ШУСТОВ

ОТЕЦ БОРИС (СТАРК) О МАТЕРИ МАРИИ (СКОБЦОВОЙ)

Борис Георгиевич Старк (1909—1996) был сыном известного морского офицера. С 1925 г. он жил с родителями в эмиграции во Франции, где в 1937 г. был рукоположен во священника.

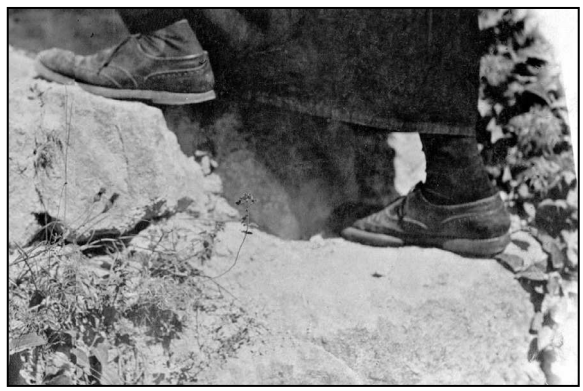
В 1952 г., вскоре после смерти отца, о. Борис с семьей вернулся на родину. И с 1962 г. до последних дней своих жил в Ярославле.

Отца Бориса хорошо знали как в России, так и за ее рубежом. Будучи с 1940 года священником Успенского храма при знаменитом русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, о. Борис встречался со многими знаменитыми соотечественниками; иных ему довелось провожать в последний путь. В 1930-е годы о. Борис был близко знаком с матерью Марией, знал ее детей, мать, второго мужа (Скобцова). Он предполагал написать воспоминания о матери Марии, но не успел сделать этого.

Я познакомился с о. Борисом в 1982 году по рекомендации сестры Иоанны (в миру Ю.Н. Рейтлингер). Наши дружеские контакты продолжались почти полтора десятилетия: мы регулярно переписывались, а во время его коротких наездов к родственникам в Ленинград встречались у них в Коломне. Сведения о матери Марии («Мемуары» о. Бориса) смонтированы мною на основании его многочисленных писем из моего архива. Ниже конспективно приводятся фрагменты сведений о. Бориса о матери Марии. Текст находится на сайте «Мать Мария» http://mere-marie.com/ (© Ксения Кривошеина).

«Я хорошо знал мать Марию, когда она была еще Е.Ю. Скобцовой. Мы познакомились в 1927 г. на V съезде РСХД в Клермоне. Мы тогда часто встречались; она была уже “персона грата”, а я — мальчишка 18 лет. Общались мы и позже, в годы ее монашества. Я часто сотрудничал с ней в деле обслуживания в Париже наших русских туберкулезников, а также посещал Пастырские курсы, основанные ею при объединении “Православное Дело”».

«Больше я общался с матерью Марией, будучи священником, неоднократно посещал ее дом на ул. Лурмель, 77, где проходили занятия курсов. Заходил к ней и просто побеседовать. Она меня приглашала на кладбище, где была погребена



Ноги м. Марии. Фото из архива о. Бориса Старка

ее младшая дочь, и я служил панихиды на Настенькиной могиле. Служил я по ее приглашению и в церкви в Нуази-ле-Гран, где она устроила дом для престарелых и маленькую церковку. Вообще-то она просила митрополита Евлогия, чтобы он назначил меня священником в храм при первом общежитии на ул. Де-Сакс. Но митрополит назначил другого».

«Я часто заходил в каморку матери Марии под лестницей на ул. Лурмель, в ее чуланчик (комнатой это назвать было нельзя). Я всегда заставал ее за работой: писанием или вышиванием икон, плащаниц, хоругвей. Мы говорили о людях, о России, по которой оба тосковали. О ее причастности к поэзии я узнал позднее».

«В своем общежитии мать Мария организовала дешевую столовую для бедных. Как-то раз я ее спросил: "Почему вы в Вашей столовке кормите не бесплатно, а берете один франк?"(в обычной столовой мало-мало приличный обед стоил франков восемь). Она мне ответила: "Я кормлю за франк, и все довольны: какая мать Мария молодчина, что так выкручивается. Если же я стала бы давать даром, каждый сказал бы: даром кормить невозможно; значит, кто-то дает деньги и, возможно, часть остается в ее кармане. А если я вижу, что человеку и франк не по силам, я ему его дам. Но все же он будет относиться к этому обеду более уважительно".

Ее пугало не то, что ее осудят, а то, что у человека возникнет соблазн и нехорошие мысли».

«Как-то после пострига она шла по улице в огромных мужских сапогах. К ней подошел один штатский, но по виду отставной военный с розеткой ордена Почетного легиона в петлице,

и спросил: “Матушка, это вас заставляют носить такие ужасные сапоги для умерщвления плоти или для смирения? Дело в том, что моя молодая дочка ушла в монастырь, и мое сердце обливается кровью при мысли, что моя бедная девочка тоже ходит в таких сапогах”. Мать Мария засмеялась и сказала: “Дело гораздо проще: у меня просто нет других сапог”».

«У нас есть тенденция представить монашество матери Марии утилитарно, как облегчение для ее собственной деятельности. Но она была монахиня до мозга костей после довольно пестро прожитой жизни. Ряса для нее была кожей, а не маскхалатом. Для матери Марии любовь к Богу и любовь к людям были неотделимы».

«На одном из съездов РСХД в 1937 году присутствовали представительницы из гитлеровской Германии, конечно, ярые нацистки. И тут развернулась горячая дискуссия. На вопрос этих девушек: “Разве Вы не боитесь атеизма и всего того, что с этим связано?”, мать Мария ответила: “Не бойся волка, в лес уходящего, а бойся волка, из леса идущего”».

«Во время войны и оккупации Франции митр. Евлогий оставался в Париже, хотя его ближайшее окружение и уговаривало его уехать; и даже автомобиль стоял перед домом, чтобы его увезти. Владыка вспоминал войну 1914 года, когда он, архиепископ Волынский и священноархимандрит Почаевской лавры, видя наступление немцев, благословил тех монахов, которые боятся, на отъезд. Но остаться — это уже подвиг, а подвиг приказать нельзя. Вот и тут он не мешал священникам, которые стали уезжать при приближении немцев. Но особенно любовно отнесся к тем из нас, кто остался на своем месте, и конечно, сам подал нам пример.

Конечно, митр. Евлогий очень рисковал, так как он свои патриотические настроения не скрывал. К нему было подослано немало провокаторов. Его тревожили и французы, и немцы, но Господь его хранил.

Все знавшие мать Марию, и именитые и безымянные, после ее ареста могли помочь ей только молитвами. Ни Владыка Евлогий, ни о. С. Булгаков, ни Н.А. Бердяев ничего не могли сделать, так как сами ждали решения своей участи, и их заступничество могло бы только ухудшить положение матери Марии».

НИКИТА КРИВОШЕИН

МАТЬ МАРИЯ В БЫВШЕМ СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ, или ДОЛГАЯ ДОРОГА В РОССИЮ

Во время войны в ожидании поражения Рейха, а потом в лагере м. Мария говорила о том, что хочет вернуться на Родину и странствовать по дорогам Советского Союза...

Этот возвращенческий порыв, ословесенный примерно тогда же, когда он стал оформляться у будущих, послевоенных репатриантов, был в корне иным по сути, чем у большинства тех, кто с восторгом принял «репатриационный» указ Президиума Верховного Совета от 14-го июня 1946 года.

Присущее м. Марии стремление к справедливости, дискомфорт от собственного благополучия, привели ее в молодости к близости с социал-революционерами. Позднее, когда революционная утопия стала овеществляться и стал очевиден ее ужасный смысл, безрадельное христианство стало естественным местом внутреннего обитания.

* * *

О том, как будущая м. Мария трезво, без младоросско-евразийских аберраций, представляла обстановку в стране и анализировала ее видно по двум ее статьям в «Днях» (1928–1929 гг.).

Так что если многие репатрианты покидали Западную Европу в надежде найти обезопасенность и достаток

на социалистической родине, то, чего им так не хватало в кризисный и послевоенный периоды на Западе, то м. Марии такого рода мотивы — и так всегда ей совсем чуждые — могли бы показаться лишь смешными.

О том, как складывалось общение м. Марии с русско-советскими зэками Равенсбрюка, мы знаем по рассказам С. Носович. Наверняка в лагере было преизобилие рассказов упраздняющих всяческие сусальныне иллюзии. У м. Марии не было и тех химер, которыми прельстились многие репатрианты: «закончится эмигрантское прозябание, перестану быть в Европе “чужим”»...

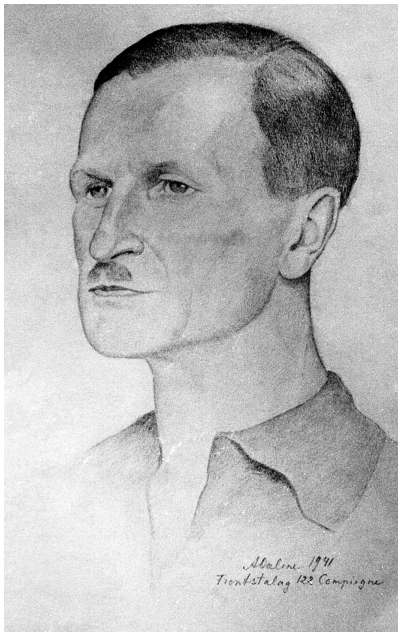
И еще одно, главное, предположение, без сослагательного тут не обойтись: личность с таким безошибочным чутьем на доброе и красивое не поддалась бы на дезинформацию, распространяемую после войны во Франции советской пропагандой, — «кончилась советская власть, происходит восстановление «единой и неделимой».

И еще: мог ли человек забыть о быстрой, таинственной и одинокой гибели почти сразу по возвращении в довоенную Москву любимой дочки Гаяны? Более чем досадно, что публикаторам поныне не оступны письма Гаяны матери из СССР.

Но более чем вероятно, что если бы страшный исход в Равенсбрюке миновал, то м. Мария воспользовалась бы указом.

Тут надо (после цепочки допущений и «если») перейти к уверенному утверждению: только Божий Промысел избавил бы в таком случае ее телесную жизнь от конца, быть может столь же страшного, как тот, что ей было дано принять: в нацистком лагере было утешение небесполезной борьбы с чужими, врагами Божьими и родного народа. В Тайшете или Караганде был бы абсурд гибели от как бы своих...

Список репатриантов, сразу же по возвращении забранных и бесследно исчезнувших на островах Архипелага, так и не собран... А сколько освобожденных советской армией заключенных Бухенвальда и других «кацетов», пройдя фильтрацию (часто в Тульских лагерях), были сэтапированы прямым ходом кто в Норильск, кто на Колыму? Органы бы воздали м. Марии причитающееся ей за ее политическое прошлое,



И.А. Кривошеин.
Рисунок сделан в лагере Компьень, 1941 г. Автор неизвестен

за статейки в эмигранских журналах и газетах, обязательно пришили бы связь с «сионизмом», а поскольку она выжила в Равенсбрюке, обвинили бы и в сотрудничестве с гестапо... Ну, а тогдашнее руководство РПЦ и пальцем бы не шевельнуло, чтобы попробовать заступиться за странную монашенку из Франции с обновленческим колером, к тому же и не канонически странствующую... Но «репатриация» м. Марии состоялась, состоялась подлинно промыслительно, и тому еще одно подтверждение — нынешняя конференция, и уже не первая! М. Мария опередила очень многих эмигрантов, возвращенных в Россию заочно и посмертно. Разве что Бунин, единственный, уже в 1954-м первым стал признанным и издаваемым. В рассказе о возврате м. Марии должен присутствовать раздел, посвященный тем многим, которые разыскивали, хранили и, если удавалось, распространяли все, что было возможно, об ее житии и творчестве.

* * *

Игорь Александрович Кривошеин (1899–1987), насколько мне известно, единственный «живой» репатриант из Парижа,

молитвами и стараниями которого во многом состоялось «проявление» м. Марии в бывшем Советском Союзе.

В линии жизни И.А. Кривошеина и маршруте м. Марии есть некий параллелизм: уверен в том, что, не по Евклиду, линиям этим в сенях небесных была найдена точка схождения. У обоих петербургское отрочество и юность. У каждого по-своему — увлечение искусствами, политикой, у обоих обращенность к мистике. У обоих — тоже разными путями и не одновременно сложившаяся контрреволюционность (в понимании Уголовного кодекса). У обоих бег из Крыма, Париж, оба из лучших «образцов» русских европейцев. Оба, в отличие от многих в диаспоре, по ходу эмигрантских десятилетий болели Россией и за Россию. И.А. Кривошеин сразу же по его освобождении из Компьенского лагеря в 1941 г. естественно подключается к работе в «Православном деле». Очень частое, тесное общение с м. Марией впечатлило и «пометило» Игоря Александровича на все его оставшиеся лета. Нина Алексеевна, его жена, тоже имела свою долю в работе, которая велась на ул. Лурмель. Намного позже она в книге «Четыре трети нашей жизни» посвятила русскому Сопротивлению во Франции и м. Марии отдельную главу, из которой здесь надо привести один абзац:

«Я была у ней в каморке раза три-четыре — и вот как-то, пожалуй уже под конец, я сидела и слушала ее — как раз про сушение [грибов] — и вдруг что-то вроде шока, и я во мгновение ощутила, что со мной говорит святая, удивительно, как это я до сих пор не поняла!.. А вот в памяти осталось только ее лицо — лицо немолодой женщины, несколько полное, но прекрасный овал, и сияющие сквозь дешевенькие металлические очки, незабываемые глаза».

С конца 1943 г. у Игоря Александровича совсем другой сопротивленческий путь, от, условно говоря, филантропической работы он переходит к активной разведывательной деятельности, направленной против штаба вермахта во Франции. Добываемую им очень богатую информацию он передает в Лондон... Предательство, арест, одинадцать дней пыток в парижском управлении гестапо, этап — сперва в Бухенвальд, потом в Дахау. Освобожден отец союзниками весной 1945 года

в состоянии агонизирующем. Неоднократно рассказывал, что обязан своим спасением молитве услышанной.

Сразу же по возвращении в освобожденный от оккупации Париж, только выйдя из состояния лагерного доходяги, И.А. Кривошеин уже в 1946 году по странному наитию, м. б. тогда единственный, посвящает себя «кристаллизации и фиксации» произошедшего, берется за составление некой «хроники текущих событий». В этом ему помогает Нина Алексеевна. Вдвоем они выпускают «Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции», которого выходят два номера с самымыи первыми материалами о «Деле Музея человека», о Вики Оболенской, о м. Марии, — о ней большое количество материалов. Тогда же Игорем Алесандровичем создается Союз участников движения Сопротивления.

В этом спасении для будущего, даже не недавних, а буквально вчерашних событий Игорь Александрович не ждет около полустолетия для того, чтобы памятью любви передать другим дорогие образы. Это не то что пресловутый склоняемый на Западе «devoir de memoire», культ, в последние два-три года буквально, по понятной конъюнктуре, захлестнувший западные СМИ и книжные магазины. Передается это выражение и как «долг памяти», а скорее как школьное домашнее задание памяти... Будто память «по долгу» может не быть злобно-непрощающей...

Первое это усилие было не тщетным — и сейчас обе тетрадочки «Вестника» остаются началом наших знаний о мученичестве м. Марии, о русском Сопротивлении во Франции.

* * *

Советский патриотизм был приобретен Игорем Александровичем как зеркало антинацизму и как иллюзорное ощущение того, что вторая война была продолжением первой — а на фронтах первой он успел побывать после Пажеского корпуса и писал отцу в 1916 году: «Папа, я побывал в деле», привел к принятию советского гражданства в 1946 году. Сильно афишируемый, этот советский патриотизм Игоря Александровича привел к адмнистративной высылке

из Франции в ноябре 1947 году. Холодная война начиналась быстро и бурно.

Выслана была группа из 25 «советских патриотов», этакий «философский пароход» обратного следования, но с более печальной участью пассажиров (среди них один с «того» парохода, проф. А.И. Угримов, пустился в обратный путь в теплушке)! В сентябре 1949 года Игоря Кривошеина в Ульяновске арестовывает МГБ, после двух лет на Большой Лубянке ОСО ему дает 10 лет ИТЛ за «сотрудничество с международной буржуазией». Реабилитируется он в 1954 году «по недостаточности улик». Немало лет по освобождении уходят на внедрение в жизнь. Мои родители смогли вновь заняться собой по-настоящему лишь в 1961 году — после моего выхода из лагеря (сам я был арестован в августе 1957 года). Где-то в середине шестидесятых годов, когда отец уже начинал искать, как вернуть из официального забвения русских «сопротивленцев» в Европе, происходит конъюнктурно объяснимая встреча «спроса» режима и «предложения» Игоря Александровича. Пропаганда-штаффель тогдашнего ЦК все более остро ощущала, что «трудящиеся массы» и «трудовая интелигенция» необратимо охладели к идеям светлого будущего для всего человечества. Как и к середине войны образовавшийся вакуум было решено заполнить второй волной русского патриотизма, стал оформляться и русский национализм. Отец сумел оптимально воспользоваться предоставившейся подцензурной трибуной! Статья в «Журнале Московской Патриархии» о м. Марии — с нее начинаю, конечно же, неполное перечисление сделанного в шестидесятых и начале семидесятых годов. Хорошо вместе с В.Б. Сосинским подготовленные выставки и вечера в Библиотеке иностранной литературы, участие статьями в исторических сборниках, встречи с Р. Райт-Ковалевой, М. Алигер, Д.Е. Максимовым, Е. Богатом, Н. Кальма, А. Горянином, многими другими писателями и интеллигентами, для которых эмиграция и ее история стали в период так называемого застоя и кислородом, и новым увлекательным континентом. Приезды в Москву о. Сергия Гаккеля, распространение его книги. Участники конференции наверняка полнее моего представляют урожай тогдашнего посева!

Выделить в этом перечне надо собрание «Никитинских субботников», целиком посвященное м. Марии, Вейдле и Левицкому. Вечер как бы официозный, как бы частный. Очень одухтворенный, на удивление свободный! На нем присутствовали Лев Копелев (Рубин из солженицынского «Круга первого»), очень близкий Игорю Александровичу друг и несколько человек, совсем недавно освобожденных из Дубравлага, — знак прямой преемственности нескольких поколений антитоталитарного Сопротивления! Атмосфера этого вечера хорошо передана фотографией выступающего отца, а рядом с ним — сосредоточенная Нина Константиновна Бруни. И в то время, и на склоне дней, оказавшись снова в Париже, Игорь Александрович неоднократно говорил, что подаренная судьбой возможность прославить м. Марию и русских «сопротивленцев» была для него утешением от того, что пришлось перестрадать, от болезненного ощущения абсурдности и несвоевременности своей послевоенной ослепленности, наоборот — благословенным утешением и осмыслением.

Вернувшись во Францию в 1974 году, Игорь Александрович не оставляет начатого дела: выступления по французскому радио, активная переписка с увлекшимися жизнью м. Марии москвичами и ленинградцами (А. Шустов, А. Сытова), консультации Евгения Богата, тогдшнего корреспондента «ЛГ» в Париже. Отец пополняет начатую в Москве библиографию. Его даже приглашают в 1980 году в советское посольство на премьеру (тогда «презентаций» еще не было) фильма «Мадам мэр Мари», показывают по первой программе Всесоюзного телевидения его очень критическое выступление по поводу этого фильма, но без звука. Один из советников стал настойчиво приглашать отца в Москву на премьеру. «Спасибо, я уже раз съездил!..» — отпарировал Игорь Александрович и добавил несколько слов о только что произошедшей высылке А.Д. Сахарова в Горький.

***

Время истекшее придает большую добавочную стоимость любым воспоминаниям о встречах с м. Марией. Поделюсь тем, что имеется у меня: образ и событие в моей уже взрослой

жизни. Во встречах с м. Марией, описанных моей матерью в ее книге, — я, восьмилетний, присутствовал по крайней мере раза два. Мама брала меня с собой на улицу Лурмель не для показа сына, просто не с кем было оставить в квартире. Никакой подготовки по пути не было. Да и в последующие годы, вплоть до шестидесятых, тема м. Марии в разговорах с родителями практически не возникала.

Много курящая женщина в черном, дважды или трижды виденная мной, осталась в моей зрительной памяти и памяти сердца необъяснимо странно навсегда. Физическое тепло, от нее шедшее, тем более ощутимое в нетопленом оккупированном Париже. Могу легко умственно восстановить и обьем кельи в длину, большой киот, стены целиком увешаны иконами и картинами.

* * *

В моей взрослой жизни м. Мария проявила себя спасительно. В 1965 году я, за три года до того будучи освобожденным из мордовских лагерей, был прописан в Малоярославце Калужской обл. Паспорт мой оставался с пометкой «Выдан на основании статей 39-40». Всякое мое географическое передвижение, каждая побывка в Москве, а там и родители, и источники переводческой работы, были риском попасться милиции. И тогда — нарушение паспортного режима и все из этого вытекающее... И родители, и я предпринимали всевозможные демарши для снятия адмнистративных ограничений. Настал срок погашения моей судимости, я на этот момент возлагал большие надежды. Но и бессудимая подача на прописку привела к очень резкому отказу 123-го отделения милиции, сопровожденному далеко не глухими угрозами. После этого у меня возникло тяжелое, близкое к депрессии состояние, и это очень действовало на моих родителей, и так немо корящих себя за преждевременный возврат в сталинскую Россию и привоз туда четырнадцатилетнего сына...

Именно в эти недели отцу попался в руки номер журнала «Огонек» с очерком Риты Корн (Рита Эмануиловна Корнблюм, вдова расстрелянного в 1937 году драматурга и рапповского деятеля В. Киршона), где упоминалась м. Мария. Скорее всего,

впервые в совесткой периодике. Напутано было абсолютно все, приводилось изображение норвежской почтовой марки с норвежской монашенкой из Сопротивления, преподносимой как м. Мария. И все так. Игоря Александровича эта публикация обрадовала — прорыв молчания. Он очень быстро через редакцию «Огонька» нашел автора благоглупого очерка, и они с Ритой Эмануиловной незамедлительно встретились. Между нашими семьями сложилась дружба очень крепкая. Младший сын Риты Эмануиловны, Юрий, будучи второкурсником литинститута, был, как и многие, посажен в 1949 году за намерение «совершить теракт против Сталина». Плюс ко всему он оказался моим давним другом и частым собутыльником! Рита Эмануиловна без всякого авторского самолюбия признала незнание предмета и взялась помочь отцу опубликовать в том же «Огоньке» обстоятельную статью, нашла ему и другие возможности продолжить! Естественно и быстро между Игорем Александровичем и Ритой Эмануиловной возникла тема посаженных сыновей. Отец упомянул о только что полученном отказе. Она ответила рассказом о своем возобновившемся после десталинизации знакомстве с А.И. Микояном. «У него, — объяснила она, — в последний год войны был посажен сын-девятиклассник за создание антисоветской организации, отбывал на Воркуте и его отцу стоило огромных усилий "вымолить" его обратно у Сталина, так что он это все понимает. Игорь Александрович, напишите ему кратко, а я позвоню и самому передам». Так и было сделано, а меня в известность не поставили по соображениям понятным.

Второй муж Риты Эмануиловны, если не ошибаюсь Кузнецов, крупный номенклатурщик, был среди обвиняемых так называемого ленинградского процесса 1948 года, его — как и в свое время В. Киршона — расстреляли... Так что к ней полным весом подходят ахматовское «муж расстрелян, сын в тюрьме...». Позволю себе сказать, что при всетаки определенной общей недалекости Рита Эмануиловна обладала даром редкой, не погасшей от обвала бед, доброты деятельной. Может быть, и получилось именно поэтому так, что она оказалась не слепым «орудием», передавшим мне подарок почти жизнеспасительный.

Как то прихожу вечером в измайловский кооператив родителей и застаю их обоих мрачнее тучи.

— Что-нибудь произошло?

— Микоян снят с должности.

(Он был председателем Президиума Верховного Совета, как раз то место, которое даже формально давало возможность меня прописать. — *Н.К.*)

— Ну и фиг с ним!

Служебная судьба сталинского приспешника меня занимала менее, чем прошлогодний снег, а удручение родителей по поводу его опалы было в большое удивление... Но... положительная резолюция на отцовской челобитной оказалась одним из последних, если не последним из государственных решений Микояна, об этом узналось недели через две! У этого старательного расстреливателя ежовского времени нашлась на меня под старость лет хоть эта молекула доброты. Это дает предположить, что могли быть и другие... Бумага прошла по инстанциям вниз и обернулась повесткой во все то же отделение милиции. Майор — мурло — не глядя тиснул мне московский штамп в паспорт.

Моя судьба повернулась и вскоре пошла к лучшему. Только тогда родители мне сообщили о предыстории события. Это было с того света улыбкой м. Марии! Помощью и добром ее другу по улице Лурмель, сочувствием и состраданием по отношению к встреченному ею незадолго до ее гибели мальчику, будущему политическому заключенному, как ей это, может быть, тогда увиделось! Название этого сообщения, слава Богу, можно переименовать: «Мать Мария в России», и нынешняя конференция для этой темы — новая и замечательная глава.

Париж, 2001 г.

Первая публикация: газета «Первое сентября» 2001 г.
https://ps.1september.ru/article.php?ID200300626

ЖОРЖ НИВА

«И ДО КОНЦА НАДО МНЕ ОБНИЩАТЬ...»

Ж. Нива — славист, профессор Женевского университета

Лиза Пиленко, Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, Е. Скобцова, Юрий Данилов, Ю. Д. и Д. Юрьев, потом ММ и наконец мать Мария — за этим перечнем имен стоит одна жизнь, одна личность. Личность парадоксальная, многосложная, вызвавшая острые споры, но и цельная, дошедшая до конца, осуществившая себя в мере, редко кому дарованной... Она полностью принадлежит XX веку. Как поэт, как художник, сопричастный миру искусств предреволюционной эпохи, как матрос на борту «корабля дураков», как эмигрант, как страстный искатель правды, как пепел в трубе крематория Равнсбрюка.

Ее гордая и смиренная, вечно алчущая душа искала свет в той «европейской ночи», о которой пел скептик и трагик Владислав Ходасевич. Она добровольно погрузилась в эту ночь тоталитаризма, пыток, холокоста, в ее неминуемую тьму. Судьба м. Марии присоединилась к судьбам миллионов жертв. Она вписывается в мартиролог века и в мартиролог поэзии рядом с Целаном, Мандельштамом, Цветаевой, Ахматовой, Шаламовым и многими другими.

Затмился ли Бог в Освенциме, в Равенсбрюке, на Колыме, на Соловках, как утверждают многие богословы вслед за немецким философом Йонансом? Или, напротив, Он сиял

в последних взглядах и последних вздохах мучеников? Этот вопрос трагически разделил мир, и на него нет ответа. Ибо истина — не то, что ты знаешь, а то, что есть. Истину нельзя знать, в ней можно только быть или не быть. Нет свидетелей последних слов матери Марии, но ее пророческое:

И мгла — мертва, не пуста,
И в ней — начертанье креста —
Конец мой, конец огнепальный —

свидетельствует, что Бог для нее сверкал в умирающих душах.

Она принадлежит безумному, страстному и блестящему Серебряному веку. Она чаяла взрыва и катастрофы, «невиданных мятежей». И она воистину была дитя «страшных лет России». Ее «Скифские черепки» (1912) написаны в год «Зарева зорь» Бальмонта, «Волшебного фонаря» Цветаевой, «Зеркала теней» Брюсова, «Вечера» Ахматовой, «Дикой порфиры» Зенкевича, «Cor ardens» Вячеслава Иванова и «Чужого неба» Гумилева.

Он в рабство продал меня чужому тирану...[1]

Героем будущей матери Марии и кумиром был «трагический тенор эпохи» Александр Блок, который и сам вглядывался в душу этой еще очень молоденькой, но уже столь волевой женщины. Жизнь ее уже тогда сложилась бурно и хаотично — она влюбилась в пророка «страшного мира», может быть, потому, что сама чувствовала всю безысходность «страшного мира». Блоку она писала: «Не надо чуда, потому что тогда конец мира придет. Исцелить людей нельзя». Она умоляла:

Убери меня с Твоей земли,
С этой пьяной, нищей и бездарной...[2]

---

[1] *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Равнина русская: стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма / сост. А.Н. Шустов. СПб., 2001. С. 29.

[2] Там же. С. 132.

Но Он, знающий времена и сроки, не давал ей скорого ухода. Как многие ее современники, Кузьмина-Караваева, пользуясь выражением Розанова, «ходила вокруг церковных стен». И как у многих ее сверстников, религиозность в какой-то момент перешла в веру, веру настоящую, испепеляющую. Сыграла роль встреча с отцом Сергием Булгаковым, утвердившим свою богословскую мысль на «реализме» Софии, то есть на совершенно новом понимании Бога и Его вечного самооткрывания в Софии и в Творении. А может быть, именно этот парадоксальный средневековый «реализм» Софии помог ей принять крестный путь. Принять «чудо», про которое она в 1913 году писала Блоку, что оно нас всех уничтожит и «тогда мы будем мертвые». Испепеляющее чудо помогло ей создать приют на улице Лурмель и пройти через жестокости века со спокойствием, даже вызовом. Вплоть до конца. Предчувствие слышно во многих строчках.

Я верю, Господи, что если Ты зажег
Огонь в душе моей, то не погаснет пламя[3].

Как Шарль Пеги, католический французский поэт, погибший на Первой мировой войне, мать Мария была социалистом и стала христианкой. Социализм или коммунизм с человеческим лицом виделся многим пламенным душам как первоапостольская община, как обетованный «Новый Град». Подобно Пеги, она в своей поэзии близка к мистериям. В ней литургическая сила и красота. Но эта литургичность никоим образом не слащавая, не сусальная красота; это христианство крепкое, острое, колючее.

Не хотят колючие слова
В эти мерные вмещаться строки[4].

Слова в ее мистериях и стихах колют. Они втискиваются в классические формы и даже в дантовские терцины, как, например, в ее замечательной поэме «Духов День».

---

[3] Там же. С. 165.
[4] Там же. С. 191.

Втискиваются, но с трудом, набожность ее не мещанская, скорее военная, солдатская... Сном морозным спит Россия, но:

Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка заспавшуюся пощекочет.

«Европейская ночь» — это были и муки избранного народа, это была христианская Европа, превращающаяся в коллективного палача. В апокалипсической мистерии Кузьминой-Караваевой «Семь чаш» народ израильский уже предчувствует страшные пытки, что всех будут отсылать в «солеварни» и настанет «бессмыслица, страшнейшая из пыток».

Всех в солеварни будут отсылать
И газами травить, коль не способны
К тяжелому труду. Всех уничтожат[5].

Посетительница безумных ночей на ивановской «башне», которая писала: «И еще мне жалко — не Бога, нет! Мне жалко Христа!» — она кончила жизнь не как старый поэт-мудрец на холме Авентино, а в аду нацистских лагерей. Признала лик Христа, которого она так славила в своем искусстве. Пророчествовал ведь в свое время Эрнест Ренан: когда человечество перестанет верить в ад на том свете, тогда ад переселится к нему на землю не в виде религиозного мифа, а в самодовлеющей реальности. Женщина эта, поэт этот, монахиня эта была больна безумием века и безумием России. Звериное чутье ее очень близко к дару пророчества. Ее поэзия, ее творчество и ее жизнь преисполнены и тем и другим.

В поэме «Мельмот-скиталец» Агасфер возвращается измученным на землю и ищет освобождения. *«Неужели никто не согласится быть искушенным»* — восклицает Елизавета Кузьмина-Караваева в эпиграфе к своей поэме. Агасфер сулит славу, богатство, счастье, но ценой отказа от Бога. Труба ангела Апокалипсиса уже поднесена к губам...

---

[5] Там же. С. 319.

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева была и богословом, и поэтом, и художником. Жила она на стыке Востока и Запада. В своей книге о Хомякове она винит его в том, что он «рассматривает Запад с точки зрения его эмпирического несовершенства, а к Востоку подходит с точки зрения никогда не воплощенного им идеала»[6]. Ошибку Хомякова повторяют многие и по сей день. Путь и творчество матери Марии свидетельствуют о другом: Восток и Запад неразделимы у нее, «неведомую святыню» она нашла на Западе с помощью не совсем ортодоксального православия. Нашла в людях, в действенной любви. Не в храме или в монастыре, а в окончательном обнищании.

В России была она еще Елизаветой Кузьминой-Караваевой, на Западе восстала матерью Марией... И поэтому принадлежит «обоим легким» Европы.

Данный текст является послесловием к книге «Красота спасающая» (изд. «Искусство—СПБ»; СПб., 2004. Автор-составитель К. Кривошеина)

---

6 *Скобцова Е.Ю.* Хомяков. Париж, 1929. С. 60.

ЕЛИЗАВЕТА СКОБЦОВА: ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА (1891–1945)

Летопись составлена на основании архивов
И. Кривошеина, А. Шустова, К. Мочульского.
Даты до февраля 1918 г. приводятся по старому стилю.

1891

8 (21) декабря У товарища (заместителя) прокурора Юрия Дмитриевича Пиленко (1857–1906) и его жены Софьи Борисовны (урожд. Делоне; 1863–1962) в Риге родилась дочь Елизавета.

27 декабря Елизавета Пиленко крещена в рижском православном Христорождественском кафедральном соборе (в приделе Рождества Богородицы). Восприемниками были Д.В. Пиленко (дед) и Е.А. Яфимович (двоюродная бабушка).

1893

27 октября В семье Юрия Дмитриевича и Софьи Борисовны Пиленко родился сын Дмитрий, брат Елизаветы (крещен в Христорождественском кафедральном соборе 14 ноября).

1895

20 февраля В Анапе скончалась бабушка Елизаветы, мать ее отца — Н.Б. Пиленко.

7 марта В Анапе скончался дед Елизаветы, ее крестный отец, отставной генерал-лейтенант Д.В. Пиленко.

июнь Семья Пиленко, унаследовав поместные владения, вместе с детьми переезжает из Риги в Анапу.

1897

январь (?) Елизавета знакомится в доме крестной матери Е.А. Яфимович с К.П. Победоносцевым, который надолго (до лета 1906 г.) станет «другом ее детства». Об этом она напишет в своих воспоминаниях.

1900

8 сентября Ю.Д. Пиленко избран старостой городского управления Анапы на 4-летний срок.

1905

7 мая Ю.Д. Пиленко назначен директором Императорского Никитского ботанического сада и Никитского училища садоводства и виноделия. Вступил в должность 14 мая.

август Елизавета Пиленко определена на учебу в 4-й класс ялтинской женской гимназии. Ее брат Дмитрий — во 2-й класс ялтинской Александровской гимназии.

1906

10 марта Ю.Д. Пиленко уволен с должности директора Никитского ботанического сада и причислен к Главному управлению землеустройства и земледелия.

середина мая Елизавета Пиленко окончила 4-й класс ялтинской женской гимназии с наградой 2-й степени.

16 июля Состоялись выборы в городскую думу Анапы. Среди кандидатов в «мэры» был и Ю.Д. Пиленко. Городским головой был избран В.И. Пиленко (двоюродный дядя Елизаветы).

17 июля В Анапе скоропостижно скончался отец Елизаветы Пиленко.

17 августа В Петербурге скончалась Е.А. Яфимович.

август Софья Борисовна Пиленко с детьми Елизаветой и Дмитрием переехала в Петербург.

конец августа Елизавета Пиленко поступила в 5-й класс гимназии Л.С. Таганцевой в Петербурге.

1908

январь На одном из вечеров современной поэзии Елизавета Пиленко впервые увидела выступающего А. Блока.

8–12 февраля В один из этих дней Елизавета пришла на квартиру Блока, на ул. Галерную, 41. Через неделю после встречи она получила письмо от поэта, в которое было вложено стихотворение «Когда вы стоите на моем пути...».

август Елизавета переходит в гимназию М.Н. Стоюниной (в 7-й класс).

1909

6 апр—16 мая Елизавета сдает выпускные экзамены в Стоюнинской гимназии.

8 июля Е. Пиленко подала прошение о зачислении ее на юридический факультет Бестужевских курсов.

9 июля Е.Ю. Пиленко подала новое прошение — о зачислении ее на историко-филологический факультет Бестужевских курсов. Извещена о зачислении 30 августа.

9 октября Решением педсовета Стоюнинской гимназии Е.Ю. Пиленко выдан аттестат об окончании 7-го класса с серебряной медалью. Аттестат подписан 25 октября и передан на Бестужевские курсы.

1910

19 февраля Е.Ю. Пиленко венчается с Д.В. Кузьминым-Караваевым в церкви Рождества Пресв. Богородицы при петербургской гимназии императора Александра I, которую окончил ее жених, сын известного профессора-правоведа и дальний родственник поэта Н.С. Гумилева.

14 декабря На вечере памяти Владимира Соловьева в Тенишевском училище Е. Кузьмина-Караваева вторично (официально) знакомится с А. Блоком. Начало сближения с литературными и художественными кругами. Первые выставки. Обед у Блока.

1911

Лето Е. Кузьмина-Караваева жила в имении своего мужа, в селе Борисково Бежецкого уезда Тверской губернии. Занималась живописью, общалась с Гумилевым и будущим театральным художником Д.Д. Бушеном, кузеном ее мужа.

15 июля В с. Борисково приезжает А. Ахматова.

1 сентября Елизавета Юрьевна отчислена с Бестужевских курсов.

20 октября Открытие «Цеха поэтов» под руководством Н. Гумилева и С. Городецкого. Д.В. Кузьмин-Караваев был выбран стряпчим «Цеха», а Елизавета Кузьмина-Караваева стала его активной участницей.

7 ноября На «башне» Вяч. Иванова состоялось первое чтение стихов Елизаветы Юрьевны Кузьминой-Караваевой, на которых присутствовал Александр Блок.

10 ноября Третье заседание «Цеха поэтов» на квартире матери Е. Кузьминой-Караваевой (ул. Московская, 4).

10 декабря Группа поэтов (О. Мандельштам, З. Гиппиус, В. Пяст), среди которых была Е. Кузьмина-Караваева, в ресторане «Вена» заочно избирают А. Блока «королем русских поэтов», о чем извещают его открыткой-дипломом со стихами. В тот же день состоялось очередное заседание «Цеха поэтов» у Кузьминых-Караваевых.

26 декабря В Петербурге открылась третья выставка объединения художников «Союз молодежи». На ней Елизавета Юрьевна экспонирует картину «Змей Горыныч». В экспозиции участвуют Н. Гончарова, М. Ларионов, К. Малевич и др. представители русского авангарда.

1912

январь Елизавета Юрьевна продолжает занятия живописью.

март Опубликован сборник стихов «Скифские черепки».

10 марта Заседание «Цеха поэтов» у Кузьминых-Караваевых, на котором отмечался выход в свет книг А. Ахматовой «Вечер» и М. Зенкевича «Дикая порфира».

26 марта Елизавета Юрьевна делает дарственную надпись А. Блоку на сборнике «Скифские черепки».

29 марта Получает заграничный паспорт и вскоре выезжает на немецкий курорт Бад-Наугейм.

апрель Отправляет А. Блоку в Петербург открытку и письмо из Германии.

лето (июнь?) В Анапе у Елизаветы Юрьевны гостили А.Н. Толстой и С.И. Дымшиц.

22 июля В Коктебеле у М.А. Волошина состоялся праздник под открытым небом, в котором участвовали гостившие там представители литературы и искусства: М. Волошин, А. Толстой, Е. Кузьмина-Караваева, А. Лентулов и др.

24 июля Елизавета Юрьевна переехала из Коктебеля в Феодосию к сестре отца О.Д. Щастливцевой.

19 декабря Кузьмина-Караваева присутствует на вечере акмеистов в артистическом кабаре «Бродячая собака», где ее муж выступил с приветствием нового течения.

27 декабря М. Лозинский сообщает поэту С. Грааль-Арельскому, что «завтра, в пятницу» у него состоится «полуцеховое» собрание в честь приехавшей в Петербург на праздники Елизаветы Юрьевны.

1913

март—апрель Елизавета Юрьевна оставила мужа и уехала из Петербурга в Анапу. О своем разводе она сообщила в ноябрьском письме А. Блоку.

18 октября В Москве у Елизаветы Юрьевны родилась дочь Гаяна. Крещена 18 октября 1914 г. в Анапе.

конец ноября Первое письмо Елизаветы Кузьминой-Караваевой из Москвы А. Блоку, начало их переписки.

ноябрь — декабрь Встречи с Вяч. Ивановым, А. Толстым, С. Дымшиц, К.В. Кандауровым, М. Сарьяном, М.П. Кювилье, М. Волошиным и его матерью Еленой Оттобальдовной (Пра) и др.

3 декабря Письмо к поэту Б.А. Садовскому с просьбой познакомить ее с издателями «Альционы» с целью издания своей второй книги стихов.

1914

январь Елизавета Юрьевна через посредничество А. Толстого посылает из Москвы в Петербург А. Блоку на отзыв рукопись своей книги стихов «Дорога».

начало февраля Получает от А. Блока обратно рукопись «Дороги» с его пометами. Благодарит в письме от 15 февраля.

27 февраля Елизавета Юрьевна пишет письмо поэту С.П. Боброву, в котором высылает ему несколько стихов. Пытается наладить контакты с футуристической группой «Центрифуга».

11 марта Вечер у матери М. Волошина.

май В Анапе у Елизаветы Юрьевны гостят А. Толстой и С. Дымшиц. Публикуются ее стихи в сборнике «Рукогон». Вернувшись в Коктебель, А. Толстой пишет рассказ «Четыре века», в котором приводятся некоторые факты из личной жизни Е. Кузьминой-Караваевой.

18 октября Крещение Гаяны в Св.-Онуфриевской церкви г. Анапы.

25 октября Визит к А. Блоку на ул. Офицерскую, 57. Начало их тесного общения.

1915

кон. января — нач. февраля Чтение поэмы А. Ахматовой «У самого моря» на квартире М. Лозинского. Присутствуют Н. Гумилев, В. Шилейко, Н. Недоброво, В. Чудовский, Е.Ю. Кузьмина-Караваева и др.

апрель Опубликована повесть «Юрали». Сделана серия рисунков к этой повести.

1916

10 апреля Вышел сборник стихов «Руфь». Рисунок для обложки сделан самой поэтессой Е.Ю. Кузьминой-Караваевой.

Елизавета Юрьевна вместе с С.Я. Эфрон (золовкой М. Цветаевой) были у М. Волошина в Петрограде.

лето Переписка с А. Блоком. В письмах к А. Блоку из Анапы на Белорусский фронт пишет о своем одиночестве.

октябрь Поездка Елизаветы Юрьевны из Анапы в Кисловодск «поправить сердце», о чем она сообщает А. Блоку в письме от 27 августа 1916 г.

середина ноября Многочисленные поездки в Новороссийск и Ростов-на-Дону «по делам», в связи с ее занятием виноделием. Встречается с братом Дмитрием, который после короткого отпуска возвращается на фронт.

конец года Официальное оформление развода с Д.В. Кузьминым-Караваевым.

1917

весна (март?) Вступает в партию эсеров.

4 мая Последнее письмо А. Блоку. Вскоре уезжает в Анапу.

июнь — июль В Анапе избран Гражданский комитет. От партии эсеров в него вошла и Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева.

конец августа Отъезд из Анапы в Петроград и Москву, очевидно, по партийным делам. Возвращение в Анапу на Рождество. За это время власть в городе постепенно переходит к большевикам.

1918

4 (17) февраля Избрана товарищем (заместителем) городского головы Анапы, заведовала «народным здравием и образованием». В конце февраля городской голова Н.И. Морев подал в отставку, и Елизавета Юрьевна заняла его место.

19 февраля В Анапе провозглашена советская власть, избран военно-революционный комитет (ВРК) под председательством П.И. Протапова. Наступил период местного двоевластия.

3 марта Анапская городская дума во главе с Е. Кузьминой-Караваевой приняла решение о самоликвидации. Управление городским хозяйством сохранилось за городской управой.

до 10 марта В Анапе создан большевистский Совет народных комиссаров во главе с П.И. Протаповым.

начало апреля Анапская городская управа официально упразднена Советом. Состав новой управы остался прежним, но ее члены стали называться комиссарами. Е.Ю. занимает должность народного комиссара по здравоохранению и образованию.

середина апреля Кузьмина-Караваева участвует в губернской конференции партии правых эсеров в Новороссийске, где ее избирают делегатом на VIII совет партии.

15 апреля Возвращение в Анапу. Убийство в Анапе П.И. Протапова (похороны состоялись 19 апреля).

после 20 апреля Отъезд в Москву по партийным делам.

20–27 мая В Москве работает VIII совет партии правых эсеров, в котором Елизавета Юрьевна участвует с правом совещательного голоса от Новороссийска.

июнь — июль Жизнь в Москве и частые встречи с А. Толстым, И. Эренбургом и поэтессой В. Меркурьевой.

28 августа — Захват Анапы Добровольческой армией генерала Деникина.

сер. октября — декабрь — Возвращение в Анапу после полугода «риска и конспирации». Арест, тюрьма в Анапе. Выпущена под залог до суда.

1919

февраль — В Москве выходит сборник стихов «Весенний салон поэтов», подготовленный И. Эренбургом. В нем опубликовано четыре стихотворения Елизаветы Юрьевны.

15 марта — В Екатеринодаре состоялось заседание краевого военно-окружного суда по делу Кузьминой-Караваевой. Она была осуждена на две недели ареста «при тюрьме».

24 марта — В газете «Одесский листок» опубликовано открытое письмо группы писателей в ее защиту. Письмо подписали: М. Волошин (автор текста), А. Толстой, Л. Гроссман, В. Инбер, Н. Крандиевская и др.

27 апреля — В советской газете «Известия» опубликована заметка о судебном процессе.

лето — Выходит замуж за кубанского деятеля Даниила Ермолаевича Скобцова (1884–1968), члена Кубанского краевого правительства по земельному ведомству. Венчание в Екатеринодаре.

20 ноября — После разгона генералом В.Л. Покровским Кубанской краевой рады (Екатеринодар), стоявшей за отделение Кубани от России в самостоятельную республику, председателем рады 22 ноября избран Д.Е. Скобцов.

декабрь — Восстановлена Законодательная кубанская рада. На место Д.Е. Скобцова председателем избран левый кубанец И.П. Тимошенко.

1920

17 марта — Екатеринодар занят частями Красной армии.

24 марта 15-я стрелковая дивизия, входившая в Первую конную армию, заняла Анапу, установив в городе советскую власть.

26–27 марта Е.Ю. Скобцова с матерью С.Б. Пиленко и дочерью Гаяной эвакуируются с потоком беженцев из Новороссийска в грузинский порт Поти. Д.Е. Скобцов эвакуировался отдельно с Кубанским казачьим правительством.

середина апреля У Скобцовых в Грузии (Тифлисе?) родился сын Юрий.

21 апреля Скончался от тифа штабс-капитан Д.Ю. Пиленко, брат Елизаветы Юрьевны.

конец года Семья Скобцовых воссоединилась в Константинополе.

1921

7 августа В Петербурге скончался А.А. Блок.

1922

4 декабря Рождение дочери Анастасии. Крещена вместе с братом Юрием 25 ноября 1924 г. в Сербии. (Предположительно, точная дата не установлена.)

1923

25 ноября Крещение Юрия и Анастасии в Сремских Карловцах протоиереем Василием Виноградовым. (Предположительно, точная дата не установлена.)

1924

Семья Скобцовых в начале января приезжает из Сербии в Париж. Сначала они живут под Парижем, в Вильпре, затем в Медоне. Елизавета Юрьевна много вышивает. Д.Е. Скобцов работает таксистом. За этот год (под псевдонимом Юрий

Данилов) у Е. Скобцовой выходит целый ряд произведений: «Последние римляне», «Равнина русская», рассказ «Йота».

1925

Под псевдонимом Юрий Данилов выходят несколько произведений Е. Скобцовой: «Как я была городским головой», «Друг моего детства», «Клим Семенович Барынькин».

1 марта Освящение храма в Сергиевском подворье в Париже.

середина года Открытие в Париже Богословского института (занятия начались в сентябре).

20 сентября Открытие «Общеказачьего дома» в Париже. Большую общественную работу среди казаков-эмигрантов ведет Д.Е. Скобцов. Опубликовано несколько заметок в парижской эмигрантской прессе. Вся семья Скобцовых тяжело болеет гриппом.

1926

7 марта В Пастеровском институте Парижа от менингита скончалась четырехлетняя Анастасия.

1927

Скобцовы «разъезжаются»: дочь Гаяна по договоренности супругов остается с матерью, сын Юрий — с отцом.

Во Франции организуется Русское студенческое христианское движение (РСХД).

12–18 сентября Пятый съезд Русского студенческого христианского движения (РСХД) в Клермоне, на котором Елизавета Юрьевна избирается кандидатом в члены Совета Движения. На съезде она знакомится с Г.П. Федотовым и Б.Г. Старком.

Начало поездок по Франции и выступлений с докладами.

1928

октябрь Прот. Сергий Булгаков провел 10 еженедельных собраний (по январь 1929 г.), посвященных изучению вопроса о святой Софии Премудрости Божией, на которых присутствовали Е. Скобцова, Ю. Рейтлингер (будущая сестра Иоанна, иконописец) и др.

3 декабря В Париже освящен храм Введения во храм Пресвятой Богородицы. День Введения (4 декабря) стал престольным праздником РСХД. Первым настоятелем храма стал духовный руководитель Движения о. Сергий Четвериков.

1929

Многочисленные выступления Е. Скобцовой с лекциями в Кружке по изучению России, на семинаре по изучению русской религиозной и философской мысли (рук. Н.А. Бердяев). Активная работа и участие в съездах РСХД.

1930

13–19 июля Работа 7-го съезда РСХД в Клермоне. С докладом выступила Е. Скобцова.

14–20 сентября Работа 8-го съезда РСХД в Монфоре. Доклад Скобцовой «Работа с молодежью». На этом съезде она назначена разъездным секретарем Движения для проведения миссионерской работы за пределами Парижа.

1931

март Состоялся Церковный собор в Париже (присутствовало 6 архиереев и 200 священников),

на котором принято решение отмежеваться от Московской патриархии и перейти под юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) патриарха Фотия II.

В связи с истечением срока бесплатного захоронения Анастасия Скобцова была перезахоронена на другом участке кладбища. Согласно французским законам Елизавета Юрьевна присутствовала при эксгумации. Это событие ускорило ее решение о монашеском постриге. По имеющимся сведениям от отца Бориса Старка, служившего панихиду на могиле Насти, перезахоронение было произведено через пять лет после ее смерти. Следовательно, оно произошло в начале 1931 г., когда Е. Скобцова уже была разъездным секретарем РСХД.

сентябрь Отдых в женском молодежном лагере на берегу океана, севернее Бордо.

1932

7 марта Митрополит Евлогий дал церковный развод Е.Ю. и Д.Е. Скобцовым. Гражданского развода они не добивались и юридически до конца дней оставались супругами.

16 марта В храме Сергиевского подворья при парижском Православном Богословском институте Елизавета Скобцова приняла монашеский постриг с именем Мария (в честь св. Марии Египетской). До пострига и после м. Мария провела несколько суток в полном одиночестве в келье при храме Св.-Сергиевского подворья.

9 апреля Организационное собрание Союза русских безработных Парижа. В правление избрана м. Мария.

24–31 июля В Пюхтицком женском Успенском монастыре (Эстония) состоялся пятый по счету (2-й Пюхтицкий летний съезд Движения РСХД), в работе которого вместе с проф. В.В. Зеньковским и о. Сергием Четвериковым участвовала мать Мария.

28 июля она выступила с докладом «Религиозное сознание в душе русского народа».

кон. августа — 1-я половина сентября Поездки по Латвии, Эстонии и Финляндии.

сентябрь Мать Мария подписывает контракт на аренду дома (Париж, Вилла-де-Сакс, 9) под общежитие для одиноких женщин.

24–26 сентября На съезде, посвященном проблемам православной культуры (Париж), мать Мария выступила с рассказом о своих впечатлениях от поездки в Прибалтику.

27 ноября В Париже, на бульваре Монпарнас, 10, состоялось открытое собрание Религиозно-философского общества на тему «Причины мирового безбожного движения». С докладами выступили Н. Бердяев, С. Булгаков. В работе участвовала и мать Мария. В.А. Зайцева знакомит ее с писателем и критиком К.В. Мочульским.

11 декабря Воскресное собрание РСХД, беседы на тему «Христианство и террор». Вступительное слово — мать Мария. Беседы с Мочульским, где она говорит, что хочет «создать новую форму монашества — в миру, новый тип общежития, полумонастырь-полубратство. Мы, выброшенные в эмиграцию, висим в пустоте».

26 декабря На съезде РСХД с докладом «Церковное служение миру» выступила мать Мария.

1933

21–22 января На ул. Вилла-де-Сакс, 9 (у ММ) прошел съезд Лиги православной культуры. Всенощная, в воскресенье литургия. Служит о. Сергий Булгаков. С докладом выступил К. Мочульский. На съезде присутствовал митр. Евлогий. «Отец Сергий — мой духовный отец, я ему всем обязана. Через сто лет его будут почитать как отца Церкви», — говорит ММ.

весна Париж, весна: «Поздно вечером идем с м. Марией к Инвалидам через Эспланаду до Сены. Теплый

вечер. Мать Мария говорит: «Когда я была девочкой, я убегала из дому и долго, до поздней ночи бродила над морем. У нас в Анапе высокие откосы, густая трава, внизу скалы и ветер. Я и теперь больше всего люблю ветер... ну а потом был Петербург, темные зимние дни, гимназия, тоска. Я писала стихи и мечтала о смерти» (из дневников К.В. Мочульского).

8 ноября Открытие богословских (миссионерских) курсов на ул. Вилла-де-Сакс, с числом слушателей 56 человек по изучению Священного Писания, истории Церкви, литургии, апологетики, догматического богословия. Вступительная лекция — прот. Сергия Булгакова. На этих курсах ММ выступала с лекциями на различные темы.

23 декабря Ф.Т. Пьянов организует Православный съезд русских рабочих в фабричном поселке Кнютанж. В числе докладчиков Ф.Т. Пьянов, В.Н. Ильин, о. Виктор Юрьев, К. Мочульский и мать Мария.

1934

август Мать Мария снимает дом на ул. Лурмель, 77. К 8 сентября ее пансионат уже переезжает на новое место. Устройство храма в гараже: иконы, иконостас, вышивки.

24 августа В Париже скончался священник Александр Ельчанинов, единомышленник и соратник ММ по РСХД. Через несколько дней она присутствовала на его похоронах в Медоне, а в 1935 г. в сборнике, посвященном памяти о. Александра, опубликовала две свои статьи о нем.

14 ноября Празднование первого храмового праздника на ул. Лурмель (церковь Покрова Пресв. Богородицы). В этот день ММ вместе с Ф. Пьяновым и К. Мочульским проводят совещание об организации «христианско-социальной работы».

25 ноября ММ посещает Бердяевых в Кламаре, где встречается с супругами Федотовыми и другими представителями церковной общественности.

1935

3 января — ММ выступила с речью на собрании, посвященном памяти о. Александра Ельчанинова.

17 февраля — ММ в гостях у Бердяевых. Вместе с ней были супруги Федотовы, К. Мочульский, жена И.И. Фондаминского и др.

май (?) — ММ приезжала на две недели в Ригу, посетила женский Свято-Троицкий монастырь, где поделилась планами создания христианско-социального общества будущего — «Православного дела».

27 мая — Заседание Центрального секретариата РСХД в Париже, на котором ММ рассказала о своей поездке в Латвию.

1–4 июня — Заседание расширенного Совета РСХД в Буасси (под Парижем). 1 июня ММ выступила с докладом о жизни молодежи в Прибалтике. В работе Совета принимали участие митр. Евлогий и о. Сергий Булгаков.

8–10 июня — ММ участвует в работе очередного съезда РСХД в Буасси.

21–25 июня — В Париже работал 1-й Международный конгресс писателей в защиту культуры. На конгрессе в качестве делегата от СССР присутствовал А.Н. Толстой. В этот период он встречается с ММ и уговаривает отпустить с ним в Ленинград ее дочь Гаяну.

30 июня — В Сергиевском подворье прошел День русской церковной культуры, на котором ММ выступила с докладом «Православное служение миру».

16 мая — 21 июля — В Париже, в Пти-Палэ, открыта выставка итальянского искусства «От Чимабуе до Тьеполо». Незадолго до ее закрытия ММ посетила эту выставку.

22 июля — Дочь ММ Гаяна приехала с А. Толстым в Ленинград и стала жить у Толстых в Детском Селе.

осень — ММ вместе со священником Михаилом Чертковым и Ф.Т. Пьяновым арендовала помещение

Дома отдыха для выздоравливающих туберкулезных больных в Нуази-ле-Гран. Торжественное открытие состоялось в мае 1936 г.; присутствовал митр. Евлогий. В этом санатории в 1942 г. скончался поэт К. Бальмонт, а в 1962 г. — престарелая мать ММ С.Б. Пиленко. Там же доживал свои дни Д.Е. Скобцов.

27 сентября Торжественное заседание на ул. Лурмель, 77, на котором основано объединение «Православное дело» и принят его устав. Основателями являлись: ММ, Н. Бердяев, о. С. Булгаков, Г. Федотов, К. Мочульский. Председателем была избрана ММ, заместителем — К. Мочульский, секретарем — Ф. Пьянов. Новое объединение благословляет ее почетный председатель митр. Евлогий. На открытии он говорит: «Помогайте меньшой братии. Храни вас Господь. Над вами Покров Пресв. Богородицы». Общество было независимо от церковной иерархии; это была благотворительная и культурно-просветительная организация. В течение двух-трех последующих лет объединение провело множество встреч и собраний на ул. Лурмель, 77, на которых активно выступала ММ по различным христианско-социальным проблемам.

конец года Дочь Гаяна переехала в Москву.

1936

19 марта этой датой помечено письмо Гаяны в Париж, в котором она сообщает о своей работе в архитектурной мастерской над проектом туберкулезного санатория на Кавказе.

Состоялось монашеское собрание под председательством митр. Евлогия, на котором ММ выступила с докладом «Настоящее и будущее Церкви».

ок. 12 апреля Дочь ММ Гаяна звонила из Москвы в Париж, поздравила мать, бабушку и брата с Пасхой.

30 августа В Москве скоропостижно скончалась дочь ММ Гаяна. Причина смерти неясна. По некоторым данным смерть наступила 30 июля: «В июле 1936 года мать Мария получает из России известие о смерти дочери Гаяны. Я помню ее огромные серые глаза, пепельные волосы, прелестную улыбку. Никогда я не видел матери такой вдохновенной и расплавленной» (К.В. Мочульский).

осень ММ с помощью Ф.Т. Пьянова открыла дешевое общежитие в особняке № 43 на ул. Франсуа Жерар (в 16-м округе Парижа), ставшее филиалом центрального общежития на ул. Лурмель. Разъезды по Франции, посещение домов умалишенных, госпиталей. Лекции, кружки, доклады по приходам.

2-я пол. сентября ММ получила письмо от Георгия Мелия, мужа Гаяны, о ее кончине и похоронах со схемой расположения могилы на Преображенском кладбище в Москве.

октябрь Назначение архимандрита Киприана (Керна) настоятелем Покровского храма на ул. Лурмель, 77. Отношения у ММ со священником не сложились. Резолюцией вл. Евлогия о. Киприан освобожден от настоятельства 14 сентября 1939 г.

1 октября ММ избрана членом Совета РСХД (кандидат с сентября 1927 г.). Пишет статью «Мистика человекообщения». Говорит Мочульскому: «Это тема моей жизни».

1937

28 февраля Объединение русских в Клиши. РСХД и «Православное дело» провели 5-й духовный съезд. С докладами на тему «Наша ответственность перед церковью и семьей» выступили ММ, Ф. Пьянов, К. Мочульский и др.

12 июля Панихида по Гаяне. 16–19 июня ММ участвовала в совещании церковно-общественных организаций в Буасси, где выступила с докладом. Бунтует против «духовного комфорта», «христианского

благополучия», обрядового благочестия: «Лучше кликушествовать и юродствовать, чем попивать чаек с просфоркой». Продолжает бунтовать и говорит, что отдаст дом другим монахиням и пойдет скитаться по Франции» (К. Мочульский).

1938

20 ноября В религиозно-философской «академии» (под рук. Н. Бердяева) в помещении на ул. Лурмель прошло открытое собрание на тему «Христианский мир и расизм». В числе докладчиков была ММ — «Русская мысль и расизм». В кружке Фондаминского она говорит, что «предчувствует неслыханную катастрофу; культура кончена. Мы вступаем во времена эсхатологические».

1-я пол. декабря ММ по поручению «Православного дела» посетила некоторые психиатрические лечебницы в Париже и вне его, пробыв в командировке пять суток. В январе 1939 г. вышли в свет ее статьи-отчеты об этой поездке. Жалуется Мочульскому: «У меня бесконечная усталость. Руки опускаются. Настроение ровно мрачное».

1939

«Комната, в которой живет мать Мария на Лурмель, — под лестницей, между кухней и прихожей. В ней большой стол, заваленный книгами, рукописями, письмами, счетами и множеством самых неожиданных предметов, корзинка с разноцветными мотками шерсти, в углу — темная икона. На стене над диваном — большой портрет Гаяны. Книжные полки, старое кресло с вылезающей мочалкой. Комната не отапливается. Дверь всегда открыта...» (К. Мочульский).

январь — июнь ММ в «союзе» с Н. Бердяевым активно поддерживает Г.П. Федотова в его конфликте с Богословским институтом и митр. Евлогием по вопросу свободы совести и мысли.

май 1939 — февраль 1940 ММ вместе с К. Мочульским и Ф. Пьяновым в гостях у Н. Бердяева на его воскресных вечерах — 29 мая, 24 сентября, 10 октября, 5 ноября, 31 декабря, 4 февраля.

29 мая Собрание у Н. Бердяева по поводу «дела Федотова». ММ не решается идти на разрыв с иерархией.

24 сентября В связи с начавшейся войной на Лурмель прошло собрание «Православного дела» с беседой на тему «Перед лицом новых испытаний».

10 октября В лурмельский храм Покрова Пресв. Богородицы назначен новый настоятель, свящ. Димитрий Клепинин.

5 ноября Собрание у Бердяевых. Н. Бердяев читает доклад на тему «Война и эсхатология». В обсуждении приняли участие проф. Н. Алексеев, Г. Федотов и ММ.

31 декабря ММ встречала 1940-й год у Федотовых. В полночь слова пожелания произнес Г. Федотов. За ним без оптимизма выступила ММ. Эта встреча нового года, по словам В.С. Яновского, «скорее походила на похороны».

1940

4 февраля Собрание у Бердяевых с присутствием ММ, И. Фондаминского, французских и немецких философов. Беседа шла о духовном смысле современных событий.

весна ММ как член Комитета помощи русским душевнобольным посетила 17 учреждений с целью возвращения здоровых людей к нормальной жизни.

28 апреля Торжественное празднование Пасхи в храме на Лурмель. Служил о. Димитрий Клепинин в новом облачении, сшитом ММ «из тонкого белого шелка, – никаких украшений. Только на фелони красным шелком вышита монограмма «Иисус Христос, Альфа и Омега». Город погружен во

мрак, ночью завывают сирены. Крестный ход с хоругвями и иконами пересек темный двор и остановился у дверей дома. Отец Дмитрий не ходит, а летает по зале. Его белое легкое облачение взвивается крыльями. Он "веселится о Господе"— Христос воскресе! А за тонкими стенами убогой церкви — гаража — тьма войны, тьма страшной весны 1940 года...» (К. Мочульский).

10–12 мая Немцы вторгаются в Бельгию и Голландию. Конец периода «странной войны» во Франции. Вечернее собрание у Бердяевых, присутствовало 12 человек из Парижа, в т. ч. ММ.

19 и 21 мая У Бердяевых собрались И. Фондаминский, К. Мочульский, ММ и др.; «интересная беседа» о цели и смысле происходящих событий. Немцы уже в двух часах езды от Парижа. 21 мая Поль Рено объявляет по радио о разгроме армии Кораба и взятии немцами Арраса и Амьена. ММ говорит: «Я не боюсь страданий и люблю смерть».

лето Американский Еврейский рабочий комитет подготовил список лиц, которые могли бы получить визу для выезда в США. В список среди других были включены Г. Федотов, Н. Бердяев, И. Фондаминский и ММ. Кроме Федотова, все остаются во Франции.

3 июня Массированная бомбардировка Парижа немецкой авиацией.

14 июня Оккупация Парижа. Благотворительная столовая на ул. Лурмель объявляется муниципальной.

22 июня На ст. Ретонд в Компьенском лесу подписано «перемирие» между Францией и Германией. 24 июня подписано аналогичное «перемирие» с Италией.

конец лета ММ открыла на ул. Лурмель, 77 при своей столовой специальный ларек по продаже дешевых продуктов первой необходимости.

26–30 сентября Разгром гитлеровцами русской общественной Тургеневской библиотеки в Париже. По просьбе И.А. Бунина Б.К. Зайцев перевез его архив

(9 чемоданов) из библиотеки в общежитие на ул. Лурмель, 77. Архив сохранился, И.А. Бунин получил его обратно 1 мая 1945 г.

1941

июнь — 22 июня Германия объявляет войну СССР. В Париже в то же утро были арестованы сотни русских эмигрантов, среди них И. Фондаминский и Ф. Пьянов, Альперин, И. Кривошеин. ММ организует на ул. Лурмель помощь заключенным — «фабрику посылок» в лагерь Компьень. Мать Мария говорит: «Я не боюсь за Россию, я знаю, что она победит. Наступит день, когда мы узнаем по радио, что советская авиация уничтожила Берлин. Потом будет "русский период" истории. Россия распространится от Ледовитого до Индийского океана. России предстоит великое будущее. Но какой океан крови» (К. Мочульский).

начало августа — Встреча ММ с И.А. Кривошеиным, который обещает помогать «Православному делу» и налаживает связи Лурмель с Сопротивлением.

1942

23 февраля — В Париже расстреляны русские участники Сопротивления, с которыми сотрудничали Кривошеин и ММ, — Б. Вильде и А. Левицкий.

25 мая — ММ закончила автобиографическую поэму «Духов День».

7 июня — Во Франции вступил в силу указ гитлеровской канцелярии от 4 марта о необходимости всем евреям носить желтую звезду Давида. В этот день ММ пишет стихотворение «Два треугольника — звезда...».

15–16 июня — Массовые аресты евреев в Париже; изоляция их на зимнем велодроме. ММ проникает на велодром

и проводит там три дня. Ей удалось организовать побег 4 детей в мусорных корзинах. Лурмель переполнен, люди спят во флигеле, сарае, в зале на полу.

2-я пол. года ММ написала пьесу-мистерию «Солдаты».

1943

7 февраля Мать Мария приехала к Д.Е. Скобцову в Фелярд (под Парижем) на сутки для отдыха.

8 февраля Обыск на ул. Лурмель, разгром гестаповцами «Православного дела». Арестован Юрий Скобцов. Мать Марию и Ф.Т. Пьянова извещают о случившемся. Он предупреждает людей, скрывавшихся от гестапо в Нуази.

9 февраля Возвращение в Париж. Мать Мария и о. Димитрий Клепинин арестованы гестапо, заключены в пересыльную тюрьму — форт Роменвиль.

9 февраля — 26 апреля ММ содержится в заключении в Роменвиле. Письмо ММ от 1 марта: «Мы все четверо вместе. Я нахожусь в большом зале с 34 людьми. Гуляем два раза в день, отдыхаем, у нас много свободного времени. Вы несчастнее нас. Надеюсь, что это не надолго». 25 апреля она вместе с другими верующими отпраздновала в лагере Пасху.

26 февраля Ю. Скобцов, о. Дмитрий Клепинин и Ф. Пьянов переведены из Роменвиля в Компьень.

22–27 апреля Мать Мария в числе других узниц переведена из Роменвиля в Компьень. В этот день она последний раз из кузова машины видела Д.Е. Скобцова. В Компьене заключенные женщины провели одну ночь, и матери Марии удалось случайно встретиться с сыном.

Мать Мария в числе 213 арестованных отправлена из Компьеня в женский концлагерь Равенсбрюк транспортом № 19000.

29 апреля Мать Мария прибыла в Равенсбрюк и два месяца провела в карантине.

1944

28 января — С.Б. Пиленко получила декабрьскую (1943 г.) открытку от дочери из Равенсбрюка, в которой ММ пишет: «Я сильна и крепка...», но в конце письма фраза: «Я стала совсем старухой".

6–8 февраля — В концлагере Дора (филиал Бухенвальда) 6 февраля от общего фурункулеза скончался Юрий Скобцов, узник №38893. Через два дня, 8 февраля, от плеврита скончался о. Димитрий (Клепинин).

16 апреля — Праздник православной Пасхи, в ознаменование которого мать Мария украсила окна своего барака художественными вырезками из бумаги. Риск был огромный, так как все виды праздников, в т. ч. религиозных, в лагере были запрещены.

6 июня — Высадка союзников в Нормандии, открытие второго фронта против Германии. ММ работает над вышивкой на лагерной косынке, посвященной этому событию.

12 июня1944 года в Париже, в результате сопротивленческой деятельности был арестован И.А. Кривошеин. Его допрос и пытки длились с понедельника 12-го по субботу 2 июня. Прерывались они лишь в воскресенье 19-го. С первого дня ему было сказано, что он будет расстрелян, но потом его отправили в Бухенвальд, затем он был этапирован в Дахау, где выжил и весной 1945 г. был освобожден вместе с оставшимися узниками союзными войсками.

1945

10 января — Мать Марию, ослабевшую и больную, переводят в Югендлагерь (1 км от Равенсбрюка).

3 марта — Оставшиеся в живых заключенные, в т.ч. мать Мария, возвращены в Равенсбрюк.

30 марта — Повторная отправка в Югендлагерь.

31 марта — Мать Мария — узница № 19263 — казнена в газовой камере Равенсбрюка.

1985

Указом Президиума Верховного Совета СССР Елизавета Кузьмина-Караваева посмертно награждена орденом Великой Отечественной войны II степени за антифашистскую деятельность.

1987

Мать Мария (Скобцова) и о. Димитрий Клепинин удостоены звания «Праведников Мира» от Государства Израиль, их имена увековечены в мемориале Яд-Вашем в Иерусалиме, где на Аллее Праведников Мира высажены деревья и установлены памятные таблички с именами обоих мучеников.

1988

В с. Юровка под Анапой усилиями краеведа В.Н. Грехно открыт небольшой музей матери Марии. В этом селе похоронены предки Е.Ю. Пиленко.

1990

2 сентября Перед большой аудиторией о. Александр Мень провел вечер, посвященный м. Марии. В частности, он сказал: «Во всей религиозной философии последнего столетия никто так внутренне не пережил тайну Голгофы, тайну Гефсиманской ночи, тайну Искупления, тайну сопричастности страданию, как мать Мария». Через неделю, 9 сентября, ранним воскресным утром по пути в храм отец Александр был убит.

1991

21 декабря В честь 100-летия м. Марии в Анапе установлен и освящен мемориальный знак. Памятник выполнен в виде гранитной плиты, на которую возложен

наклонный крест. Он появился по инициативе сотрудников анапского музея. На камне выбита надпись: «“Нет, Господь, я дорогу не мерю, — что положено, то и пройду”. Мать Мария».

1999

14 октября В Анапском археологическом музее открыта постоянная экспозиция, посвященная м. Марии и семье Пиленко.

2000

Создан первый интернет-сайт «Мать Мария. Жизнь-Творчество-Судьба» (автор К.И. Кривошеина), где представлены обширные материалы, включающие фотографии и авторские тексты как на русском, так и на других языках: http://mere-marie.com/.

2003

На месте бывшего общежития м. Марии в Париже, на ул. Лурмель установлена мемориальная доска.

2004

Мать Мария (Скобцова) причислена к лику святых по решению Священного синода Вселенского патриархата. Одновременно с нею прославлены о. Димитрий Клепинин (1900—1944), иподьякон Юрий Скобцов (1920—1944), Илья Фондаминский (1880—1942). В эту же канонизацию был включен и о. Алексей Медведков (1867—1934). После канонизации его нетленные мощи были перенесены в Преображенский храм Покровского монастыря в Бюси-ан-От (Франция).

2006

14 апреля в Санкт-Петербурге, в Манежном переулке, дом 2 открыта мемориальная доска в память о м. Марии (Скобцовой). Надпись на ней гласит: «Здесь в 1912–1915 гг. жила поэтесса, богослов, подвижница мать Мария».

2012

В 2012 г. исполнился 121 год со дня рождения св. матери Марии (урожд. Елизаветы Пиленко). В этот день в Риге по адресу Элизабетес, 21, где родилась эта замечательная женщина, была установлена памятная доска с барельефом и надписью: «Здесь родилась святая мать Мария (Елизавета Пиленко): поэт, герой и Человек». Ее установили активисты Общества имени матери Марии, единственной православной святой, родившейся в Латвии.

2013

В Париже, в XV округе, недалеко от места, где было общежитие м. М., скоро появится улица rue Marie Skobtsov.

2014

16–28 июня в Риге в Доме архитекторов Общество им. матери Марии провело выставку ее художественных работ, на которую из Парижа приехали Н. и К. Кривошеины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- *Кузьмина-Караваева Е.* Скифские черепки. СПб.: Цех поэтов, 1912. 46 с.
- *Кузьмина-Караваева Е.* Юрали. Пг., 1915. 94 с.
- *Кузьмина-Караваева Е.* Руфь. Пг., 1916. 139 + 4 с.
- *Юрий Данилов (Е.Ю. Скобцова).* Равнина русская // Современные записки. 1924. № 19. С. 79–133; № 20. С. 125–215.
- *Юрий Данилов (Е.Ю. Скобцова).* Последние Римляне // Воля России. 1924. № 18–19. С. 103–2??.
- *Юрий Данилов (Е.Ю. Скобцова).* Клим Семенович Барынькин. // Воля России. 1925. № 7–8. С. 3–37; № 9–10. С. 3–38.
- *Скобцова Е.* Жатва Духа (Жития святых). Париж: YMCA-Press, 1927. Вып. I. 41 с.; Вып. II. 41 с.
- *Скобцова Е.* Святая земля // Путь. 1927. № 6. С. 95–101.
- *Скобцова Е.* На лекции Мережковского // Дни. 1927. Отклик на вторую часть лекции Мережковского — «В Церкви» (вторая публикация: Вестник РСХД. 2000. №181).
- *Скобцова Е.* Изучение России // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1927. № 9. С. 17–19.
- *Скобцова Е.* А. Хомяков. Париж: YMCA-Press, 1929. 61 с.
- *Скобцова Е.* Достоевский и современность. Париж: YMCA-Press, 1929. 74 с.
- *СкобцоваЕ.* Миросозерцание Владимира Соловьева. Париж: YMCA-Press, 1929. 49 с.

- *Скобцова Е.* В поисках синтеза// Путь. 1929. № 16. С. 49–68.
- *Скобцова Е.* К истокам // Современные записки. 1929. № 38. С. 488–500.
- *Скобцова Е.* О юродивых // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1930. № 8–9. С. 3–13.
- *Скобцова Е.* Газета «Дни». Берлин. 1930. № 105.
- *Скобцова Е.* Рождение в творение //Путь. № 30. 1931. С. 35—47.
- *Скобцова Е.* Чем может быть пореволюционное народничество // Утверждения. Париж. 1931. №1. С. 16–22.
- *Скобцова Е.* Российское мессианское призвание // Утверждения. 1931. №2. Стр. 23–29.
- *Скобцова Е.* Социальные сдвиги в эмиграции // Новый Град. 1932. № 2. С. 70—74.
- *Скобцова Е.* Русская география Франции // Последние Новости. Париж. 1932. 14, 18, 24 июня.
- *Монахиня Мария (Скобцова).* Социальный вопрос и социальная реальность // Новый Град. 1932. № 4.
- *Монахиня Мария (Скобцова).* К делу // Новый Град. № 5.
- *Монахиня Мария (Скобцова).* Крест и серп с молотом // Новый Град. 1933. № 6. С. 78–81.
- *Монахиня Мария.* Истоки творчества // Путь. 1934. № 43. С. 35–48.
- *Монахиня Мария.* Православное дело // Новый Град. 1935. № 10. С. 111–115.
- *Монахиня Мария.* У гроба отца Александра. Отец Александр как духовник // Памяти о. Александра Ельчанинова: Сб. Париж, 1935. С. 21–24, 56–59. Первая статья подписана «м. М».
- *Монахиня Мария.* Встречи с Блоком: (К 15-летию со дня смерти) //Современные записки». 1936. № 62. С. 211–228. Переизд.: Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 209. 1968. С. 265–278. Вступительная статья Д.Е. Максимова. С. 257—264.
- *Монахиня Мария.* Мистика человекообщения // Круг. 1936. № 1. С. 152—158.
- *Монахиня Мария.* Стихи. Берлин: Петрополис, 1937. 97 + 7 с. Переизд.: М.:, МИК. 1993.
- *Монахиня Мария.* Испытание свободой // Вестник: Орган церковно-общественной жизни. 1937. № 1–2. С. 11–15. В этом же номере (с. 24–26) — анонимная заметка м. Марии «Объединение "Православное дело"». («Вестник» — временно переименованный «Вестник РСХД».)
- *Монахиня Мария.* Письмо в редакцию // Вестник: Орган церковно-общественной жизни. 1937. № 3–4. С. 24–26.

• *Монахиня Мария.* Под знаменем нашего времени //Новый Град. 1937. № 12. С. 115–122.

• *Монахиня Мария.* Под знаком гибели // Новый Град. 1938. № 13. С. 145–152. Перепечатано в сборнике ММ (1947). С. 113–123.

• *Монахиня Мария.* Расизм и религия // Русские Записки. 1938. № 11. С. 150–157.

• *Монахиня Мария.* Оправдание фарисейства // Путь. 1938. № 56. С. 37–46.

• *Монахиня Мария.* О подражании Богоматери // Путь. 1939. № 59. С. 19–30.

• Четыре портрета // Новый Град. 1939. № 14. С. 26–40.

• *Монахиня Мария.* Вторая Евангельская заповедь. На страже свободы // Православное дело: Сб. I. Париж, 1939. С. 27–44, 84–95. Анонимное предисловие (с. 5–8) также принадлежит м. Марии. Статья «Вторая заповедь» перепечатана в сборнике ММ (1947). С. 93–134.

• *Монахиня Мария.* Статья о посещении психиатрической лечебницы //Последние новости. 1939. Янв.

• *Монахиня Мария.* Размышления о судьбах Европы и Азии. Париж, 1941.

• *Монахиня Мария.* «Два треугольника, звезда...»: (Стихотворение) // Встреча. 1945. №1.

• Мать Мария: стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. Париж: La presse francaise et etrangere / Oreste Zeluck, 1947. 167 с.

• *Мать Мария.* Стихи. Париж: Издание общества друзей матери Марии, 1949. 99 + 2 с.

• *Мать Мария (Скобцова).* Аскетика человекообщения // Вестник РСХД. 1955. №1.

• *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* «Встречи с Блоком». Тартуский университет. Вып. 209. 1968.

• Мать Мария (Стихотворения). М.: Отчизна, 1979.

• *Кузьмина-Караваева Е.* «Увидишь ты не на войне»: (Стихотворение) // Байкал. №5. 1980.

• *Кузьмина-Караваева Е.* Духов день: Поэма // Огонек. 1987. №5.

• *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Анна: Пьеса /вступ. ст. С. Кайдаш // Театр. 1989. № 5.

• *Монахиня Мария (Скобцова).* Стихотворения / публ. Б.В. Плюханова // Собеседник. М.: 1989. Вып. 9.

• *Кузьмина-Караваева Е.* Стихотворения / вст. ст. А. Шустова // Звезда. 1990. № 5.

- *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* Стихотворения из «Скифских черепков» / публ. В.Н. Грехно // Анапа. 1991.
- *Кузьмина-Караваева Е. (мать Мария).* Как я была городским головой: Фрагмент // Анапа. 1992. Май.
- *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания, статьи, очерки: в 2 т. 1992. P., YMCA-Press.
- *Мать Мария.* Типы религиозной жизни / публ. Н. Струве // Вестник РСХД. 1997. № 176.
- *Мать Мария.* Два письма о. Сергию Булгакову (1938–1939)/ публ. Т. Емельяновой // Вестник РСХД. 1998. № 178.
- *Кузьмина-Караваева Е.* Тишина, огонь и слово: Стихи / предисл. Т. Емельяновой // Новый мир. 1998. № 9.
- *Мать Мария (Скобцова).* Семь чаш: Мистерия // Рига: Альм. 1999.
- *Мать Мария.* Стихи / публ. Л. Агеевой // Интеллектуальный капитал. 2001. № 3 (31).
- Равнина русская: Стихотворения, поэмы, проза. СПб.: Искусство—СПБ, 2001. 765 с.
- Жатва Духа. СПб.: Искусство—СПБ, 2004. 566 с.
- *Скобцова Е.Ю. (мать Мария).* Как я была городским головой / вступ. ст. А. Шустова // Русское прошлое. СПб., 2010.
- Встречи с Блоком. М.: Русский путь: Книжница: ИМКА Пресс, 2012. С. 656.

Отдельные стихотворения: прижизненные издания

- *Кузьмина-Караваева Е.* [3 стихотворения] // Руконог: Сборник стихов и критики. М.: Центрифуга, 1914. С. 13–14.
- *Кузьмина-Караваева Е.* [4 стихотворения] // Весенний салон поэтов. М.: Зерна, 1918. С. 108–110.
- *Кузьмина-Караваева Е.* [4 стихотворения] // Современные записки. 1929. № 39. С. 170–173.
- *Монахиня Мария* [3 стихотворения] // Современные записки. 1936. № 62. С. 185–187.
- *Монахиня Мария* [2 стихотворения] // Якорь: Антология зарубежной поэзии / сост. Г. Адамович и М. Кантор. Берлин: Петрополис, 1936. С. 75–76.
- *Монахиня Мария* [1 стихотворение] // Путь жизни. 1937. 24 июля.
- *Монахиня Мария* [4 стихотворения] // Русские записки. 1938. № 3. С. 161—164.

• Стихи: Сборник религиозной поэзии, разделенный на две части: «О жизни» и «О смерти». Берлин: Петрополис, 1937.

Литература о Матери Марии

• У Матери Марии // Иллюстрированная Россия. Париж. 1935. 15 июля. № 331.

• *Мочульский К.В.* «Монахиня Мария: Стихи». Петрополис, 1937. // Путь. Париж. 1937. Июнь-июль. С. 86–87.

• *Адамович Г.В.* Литературные заметки // Последние новости, Париж. 1937. 17 июня.

• *Вишняк М.В.* // Идишер Кемфер (газета). Нью-Йорк. 1945. 12 октября (русский текст в архиве).

• *Мочульский К.* Монахиня Мария Скобцова // Третий час. Нью-Йорк. 1946. № 1. С. 64–73.

• Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия, изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж, 1947.

• Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции. Париж. 1946. № 1 — июль. С. 5–8; 35–36; 1947. №2 — февраль. С. 47–48; 50–61.

• *Schneersohn J.* [Предисловие] // Knout D. Contribution a l'histoire de la resistance juive en France. P., 1967. P. 7.

• *Poliakoff P.* «L'etoile jaune». P., 1949. P. 43.

• *Бердяев Н.* «Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж:YMCA-Press, 1949. С. 299–300.

• *Манухина Т.* Монахиня Мария: К десятилетию со дня кончины// Новый журнал. Нью-Йорк. 1955. XII. Т. 41. С. 137–157.

• *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк. 1956. С. 292–295, 387.

• *Бердяев Н.* Заметка 1945 года, см.: Русские новости. Париж, № 1085. 1966. 1 апреля в статье «Две годовщины». С. 2 (два варианта в архиве).

• *Amicale de Ravensbruck.* Les Francais a Ravensbruck. P., 1965. P. 58.

• *Hackel S.* One of Great Price: The life of Mother Marie Skobtsova. Martyr of Ravensbruk. L.: Darton, Longman and Todd Limited, 1965. 135 p.

• *Hackel S.* Die grossere Liebe. Der Weg der Marie Skobsova (1891–1945) / ubersetzung von Annemaic Boll. Dusseldorf, 1967.

• *Hackel S.* «What can we say to God? : The poetry of Mother Maria Skobtsova (1891–1945) // Sobornost. 1977. Series 7. November (полный текст в Queen's Papers, New-York).

- *Stratton Smith T.* The Rebel Nun. The moving story of Mother Maria of Paris. L.: Souvenir Press, 1965.
- *Stratton Smith T.* Mere Marie. Nonne et Rebelle / trad. par R. Rouan. P.: Presse de la Cite, 1965. 283 p.
- *Раевский Г.А.* Двадцать лет спустя // Русская мысль. 1961. Париж, 1 августа.
- Mere Marie (1891–1945) // Contacts. Revue francaise de l'Orthodoxie. P., 1965. № 51. 3-eme trimestre. Pp. 170–233.
- *Goriely B.* Mere Marie // Esprit. 1966. № 7–8. Pp. 102–114.
- *Сергий Гаккель, о.* Мать Мария (1891–1945). YMKA-Press, 1980. — 11; rue de la Montagne Ste-Genevieve, Paris 5-e.
- *Кривошеина Н.А.* Четыре трети нашей жизни (глава «Мать Мария»). 1 изд.: P.: YMCA-Press, 1984; 2 изд. (доп.): М.: Русский путь, 1999.
- *Адамович Г.* Смерть и время // Русский сборник. Париж, 1966. Кн. 1. С. 171–182.
- *Плюханов Б.В.* РСХД в Латвии и Эстонии. P.: YMCA-Press,1993,
- *Носик Б.М.* На погосте XX века. СПб.: «Золотой век», 2000.
- *Жаба С.М.* Мать Мария // Русская мысль. Париж. 1967. 12 января.
- *Величковская Т.* О поэзии Матери Марии // Возрождение. 1969. № 205.
- *Кривошеин И.* Письмо в редакцию // Русская мысль. Париж, 1975. 05 июня.
- *Matzneff G.* Une femme russe // Le Monde. 1979. № 10 514.
- *Гаккель Сергий, прот.* Мать Мария (Материалы по истории Церкви». Кн. 2). М.: Всецерковное православное молодежное движение, 1993.
- *Милютина Т.П.* Люди моей жизни. Тарту: Крипта, 1997.
- Восхождение. О жизни и творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой / сост. Д.В. Куприянов, ред. А.Н. Шустов. Тверь, 1994.
- *Емельянова Т.* Пятидесятница Матери Марии // Истина и жизнь. Москва, 1998. № 9.
- Мать Мария (Е.Ю. Кузьмина-Караваева). Жизнь, творчество, судьба: Конференция к 55-й годовщине со дня смерти матери Марии. СПб.: Серебряный век, 2000.
- *Емельянова Т.* Немецкий курорт Бад-Нейгейм в восприятии А.А. Блока и Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // Вестник РСХД. Париж-Москва. 2000. № 181.
- *Varaut L.* Mere Marie. P.: Librairie Academique «Perrin», 2000.
- Е.Ю. Кузьмина-Караваева (мать Мария): Библиографический

указатель произведений и критической литературы. СПБ.: ИКЦ «Русская эмиграция», 2002.

• *Кривошеина К.* Красота спасающая. СПБ.: Искусство—СПБ, 2004. 200 с.

• *Desanti D.* La Sainte et l'incroyante. Rencontres avec Mere Marie. Édition Bayard, France, 2007.

• *ривошеина К.* Жизнь после смерти: Рассказ о м. Марии // Столицы и усадьбы. СПб. 2010. №11.

• *Десанти Д.* Встречи с матерью Марией: неверующая о святой / пер. и переработка. Т. Викторовой. СПб.: Алетейя, 2011.

• *Krivocheine X.* La beauté salvatrice, Mère Marie (Skobtsov): Peintures, dessins, broderies. P.: CERF, 2012. P. 112.

Издано в Советском Союзе

• *Любимов Л.* На чужбине. М., 1963. С. 341–342 (первоначально: Новый мир. 1955, № 4. С. 172. (Ташкент, 1965).

• *Тверетинова А.* Форт Роменвиль // Звезда. Ленинград, 1960. № 4. С. 130–132.

• *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // Литературная газета. 1960. 4 июня № 66; Новый мир. 1960. № 9. С. 125–126. Отдельной книгой: М., 1961. С. 204–205.

• Неизданные письма А.А. Блока. Письмо к Е.Ю. Кузьминой-Караваемой (публ. Э.Г. Минц) // Ученые записки Тартуского гос. университета. 1962. Вып. 119. С. 294–295.

• *Корн Р.* В субботу у Никитиной // Неделя. 1964. № 8. 12–13 февраля. С. 8–9.

• *Корн Р.* Жизнь, отданная людям // Голос Родины. 1964. № 16, апрель.

• *Блок А.* Записные книжки. 1901–1920. М., 1965.

• Воспоминания о Блоке Е. Ю. Кузьминой-Караваевой / вступ. ст. Д.Е. Максимова, примеч. З.Г. Минц // Ученые записки Тартуского гос. университета. Тарту, 1968. Вып. 209. С. 257–278.

• *Богат Е.* Такая живая, такая красивая // Комсомольская правда. 1965. 5 сентября.

• *Богат Е.* Не снижайте мысль // Культура и жизнь. 1966. № 1; (То же: Ахилл и Черепаха // Молодая гвардия. 1966. № 1. С. 289–294; Бессмертны ли злые волшебники. М.: Молодая гвардия, 1967; Вечный человек. М., 1970).

• *Тамарина Р.* Моим подругам // День поэзии. М., 1966. С. 47.

• *Кальма Н.* Книжная лавка близ площади Этуаль. М.: Детская литература, 1966. С. 175–189.

• *Кузьмина-Караваева Е.Ю.* (Чертко Л.Н.).// Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. С. 378.

• *Малярова И.* Монолог поэтессы Е. Ю. Кузьминой-Караваевой // День поэзии. М., 1968. С. 77–78.

• *Дейн А.И.* Арабески времени // Звезда. Ленинград. 1968. № 12. С. 182–203.

• *Кривошеин И.* Мать Мария (Скобцова:. К 25-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. Москва. 1970. № 5. С. 30–42.

• *Микулина Е.* Мать Мария. М.: Современник, 1983.

• *Кривошеин И.А.* Мать Мария // Против общего врага: Сб. М.: Наука, 1972. С. 270–273.

• *Микулина Е.* Мать Мария // Простор. 1973. № 12. Изд. ЦККП Казахстана (см. статью Ю. Терапиано в «Русской мысли» от 20 июня 1975).

• *Вознесенский А.* Песня. М., 1974.

• *Е. Богат.* История одной любви // Литературная газета. 1977. № 17.

• *Ахматова А.* Стихи и проза. Л., 1972. С. 557.

• *Алигер М.* Что такое подвиг // День поэзии. М., 1978.

• *Шустов А.* Жизнь за людей // Филателия СССР. 1978. № 3. С. 11.

• *Шустов А.* Их имена — в истории города на Неве: (глава «Дочь России»). Л.: Лениздат, 1985.

• *Сытова А.С.* Неизвестные портреты Е.Ю. Кузьминой-Караваевой // Памятники культуры: Ежегодник. Л.,1979.

Радио, телепередачи, выставки

• В Париже осенью 1945 — выступления Н.А. Бердяева, К.В. Мочульского, Ф.Г. Пьянова, С.П. Жабы.

• В «Пушкинском клубе» в Лондоне, июнь 1962 — выступления Ф.Г. Пьянова, С.П. Жабы и Г.А.Раевского.

• Несколько передач BBC на русском языке, сентябрь 1963.

• «Памяти русских сопротивленцев». Собрание в Париже — выступления С.П. Жабы, Т.М. Алексеевой, духовной дочери о. Димитрия Клепинина (см.: *Кожевников О.* // Русские новости» 1968. 7 нояб. № 1218.).

• «Никитинские субботники». Собрание в Москве, посвященное памяти матери Марии. 1964 (см.: *Корн Р.* // Вопросы литературы, М., 1964. № 12. С. 238.)

• Две передачи 1-й программы Московского радио в серии «Литературные вечера», апрель 1964.

• Телевизионный документальный фильм для немецкого телевидения по книге С. Гаккеля, с консультациями автора. 1967.

• Передача TF1 из программы «Orthodoxie», посвященная матери Марии. С участием Т.Ф. Клепининой. Снято в старческом доме в Нуази-ле-Гран.

• К 30-летию кончины матери Марии, собрание в Париже 23 марта 1975 с участием В.В. Вейдле, Е.Г. Эткинда, С.П. Жабы, И.А. Кривошеина, Т.Ф. Клепининой, Т. Величковской и Р. Ласкру (см.: *Никифорова Н.* // Русская мысль. 1975. 24 апр. № 3048. Тексты выступлений имеются в архиве).

• Открыт сайт, посвященный матери Марии «Жизнь, Творчество, Судьба», 2000. Автор — К.И. Кривошеина, Париж http://mere-marie.com/.

• В 2003 г. в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге прошла первая выставка художественных работ м. Марии. Организатор выставки — К.И. Кривошеина. На выставке были представлены работы из музеев РФ, частных коллекций, запасников и фондов гос. библиотек РФ.

Изография

• Портрет художницы Н.С. Войтинской. Карандаш, 1908. ГРМ, СПб.

• Притча о десяти девах. Акв., 1910–1920. (Из собрания Омельченко), ГРМ, СПб.

• Евангелие детства. Акв. 1910–1917, частная коллекция, РФ.

• Змей Горыныч (условное название). Акв., 1911, ГРМ, СПб.

• «Я есмь лоза истинная» (Церковь Христова) 1911. ГРМ, СПб.

• В саду Эдемском (условное назв.) Акв., гуашь, 1911–1917, ГРМ, СПб.

• Горний путь (условное название «Моление»). Акв., 1912, Гос. Тверской муз. (дарение Д.В. Куприянова).

• Добрый пастырь. Акв., 1913–1917. ГРМ, СПб. (из собрания Омельченко).

• Царь, пророк и псалмопевец Давид. Акв., 1911–1917. ГРМ, СПб. (из собрания Омельченко).

• Встреча Марии и Елизаветы. Акв., 1911–1917. ГРМ, СПб. (из собрания Омельченко).

• Ангелы трубящие. Акв., 1913–1917. Частная коллекция, РФ (из собрания Омельченко).

• Пророки (условное назв.) Акв., 1913–1917. ГРМ., СПб. (из собрания Омельченко).

• Пророк Даниил со львами. Акв., 1917. Музей Анны Ахматовой, СПб. (из собрания Омельченко).

• Иисус и самаритянка. Акв., 1917. Музей Анны Ахматовой, СПб. (из собрания Омельченко).

• В музее Анны Ахматовой находится 28 рисунков и акварелей из серии «Папка Омельченко».

• Материнство. Акв., 1917. ГРМ, СПб.

• Премудрость построила себе храм. 1913—1917. ГРМ, СПб.

• Церковь небесная и земная. Евхаристия. Акв., 1913—1917. Гос. Тверской муз. (дарение Д.В. Куприянова).

• В собрании Бахметевского фонда Колумбийского университета в Нью-Йорке (США), находится часть архива м. Марии (Скобцовой), переданного С.Б. Пиленко после 1945 г. Кроме литературного наследия, в нем хранятся графические работы м. Марии (1910–1917). Бахметевский архив российской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета — один из крупнейших архивов русской эмиграции.

• Серия рисунков умирающей дочери Насти. Бумага, карандаш. 1926. Находится на временном хранении в семье о. Сергия Гаккеля. Англия.

• София — Премудрость Божия. Вышивка. 1932–1940. Православный монастырь Иоанна Крестителя в Малдоне. Англия.

• Икона прп. Марии Египетской. Темпера. 1932. Частная коллекция. Англия.

• Ангел с кадилом. Вышивка, инкрустация. 1932—1940. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Святой Василий Блаженный, Христа ради юродивый. Темпера на доске. 1930—1934. Православный монастырь Знамения Божией Матери в Марсена (РПЦ МП). Франция.

• Царь, пророк и псалмопевец Давид. Темпера на доске. 1932–1940. Православный монастырь Знамения Божией Матери в Марсена (РПЦ МП). Франция.

• Жизнь Царя Давида. Вышивка (гобелен) 1932–1940. Православный монастырь Св. Иоанна Крестителя в Мэлдоне. Англия. Размер: 520х78 см.

• 1. Пресвятая Троица. 2. Рождество Христово. 3. Богоявление. 4. Нагорная проповедь. 5. Благовещение. Энкаустика. 1930—1942. (из коллекции Г.И. Лещенко). Храм Прп. Серафима Саровского

и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Облачение (богородичное). Вышивка шелком по шелку. 1935–1940. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Облачение (белое с красной вышивкой). Сшито специально для о. Димитрия Клепинина. Частная коллекция.

• Икона Божией Матери Умиление. Вышивка, инкрустация, аппликация. Лик написан с. Иоанной (Рейтлингер). 1932–1940. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Образ Господень на убрусе. Лик написан с. Иоанной (Рейтлингер) 1932–1940. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский Патриархат).

• Святой Филипп, митрополит Московский. 1939–1940. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Икона «Покров Пресв. Богородицы». Дерево, темпера. 1934.

• Плащаница Господня. Вышивка шерстью по льняной основе. 1936. Храм Прп. Серафима Саровского и Покрова Пресв. Богородицы в Париже (Константинопольский патриархат).

• Икона Божией Матери «Знамение». Вышивка (хоругвь). 1932–1940. Церковь Введения во храм Пресв. Богородицы, Париж (Константинопольский патриархат). .

• Спас Нерукотворный. Вышивка (хоругвь). 1932–1940. Церковь Введения во храм Пресв. Богородицы, Париж (Константинопольский патриархат).

• Плащаница «Успение Пресв. Богородицы». Вышивка. 1932–1940. Монастырь Знамения Божией Матери в Марсена (РПЦ МП). Франция.

• Тайная Вечеря. Вышивка, гобелен. 1940–1941. Частная коллекция. Англия.

• Икона Божией Матери Умиление. Вышивка. 1935–1940. Храм при старческом доме в Земгоре (Кормее), под Парижем.

• Рисунки к книге «Стихи», 1937. Изд. «Петрополис», Берлин. Оригинал находился в коллекции Г.И. Лещенко.

• Победа над злом (к высадке союзных войск в Нормандии). Вышивка на косынке, сделанная в лагере Равенсбрюк. 1944. Частная коллекция. Париж.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН[1]

А

Абызов Ю.И. 366
Адамович Г.В. 236
Аксаков И.С. 52, 55
Аксаков К.С. 43
Алданов (Ландау) М.А. 236
Александр II (Романов), росс. имп. 139
Александр III (Романов) , росс. имп. 52
Алексеев М.В. 206
Алексий (Медведков), прот., св. прав. 13
Алексий I (Симанский), патриарх Московский и всея Руси 267, 268
Алексий II (Ридигер), патриарх Московский и всея Руси 14
Альтман Н.И. 65
Амвросий (Гудко), еп. Сарапульский, сщмч. 188
Амилахвари Д.Г. 333
Андерсон П.Ф. 253
Андреев Л.Н. 89, 101, 171
Андреева М.Ф. 231
Андроник (Никольский), архиеп. Пермский, сщмч. 188
Антоний (Блюм), митр. Сурожский 11, 13
Антоний (Храповицкий), митр. 230, 267
Арсений (Стадницкий), митр. Новгородский 176
Аржаковская-Клепинина Е.Д. 12
Афанасьева А. 64, 70, 71
Ахматова (Горенко) А.А. 26, 81, 95, 106, 109, 110–112, 115, 117, 125, 126, 315, 358, 361

[1] Указатель составлен по книге К. Кривошеиной (за исключением раздела «Из архивов»), не включены в него герои литературных произведений (а также ветхозаветные библейские персонажи).

Б

Бакан А. 195
Бакунин М.А. 158[13]
Балакирев М.А. 52
Бальмонт К.Д. 60, 87, 101, 177, 236
Бардиж К.Л. 218
Барклай де Толли М.Б. 31
Баршева Л.И. 311
Бахметев Б.А. 225
Бекетов А.Н. 88
Бекетова М.А. 118, 189
Белкин В.П. 122, 124
Белый А. (Бугаев Б.Н.) 89, 101, 130, 242
Беневич Г.И. 167, 173
Бенуа А.Н. 61, 65, 95, 105
Берберова Н.Н. 230, 313
Бердяев Н.А. 48, 54, 60, 92–94, 115, 135, 142, 143, 230, 235–237, 253, 273, 276, 278, 298, 30038, 322
Билибин И.Я. 308
Бицилли П.М. 236
Бландина (Оболенская), мон. 287, 318
Бланке, Вильгельм 333
Блок А.А. 15, 18, 41, 48, 51, 72, 77– 88, 93, 94, 97, 101, 102, 109, 111, 112, 114, 116, 118–120, 123, 127–130, 135, 136, 143–145, 147, 150, 154, 155, 160, 166, 172, 173, 180–184, 189–191, 215, 218, 219, 226, 231, 244, 321, 361
Бобров С.П. 135
Богат Е.М. 19, 171, 193
Богословская О.В. 121
Бодров С.С. 234[5]
Бодуэн де Куртенэ И.А. 104[9]
Бодуэн де Куртенэ С.И. 104
Борчхадзе 49
Бородаевский В.В. 130
Бонч-Бруевич В.Д. 205
Брюллов А.П. 43
Брюллов К.П. 43
Брюсов В.Я. 101, 109, 110, 115, 141, 177, 190, 242
Будзинский В.А. 33, 38, 197, 199, 200, 208, 209, 211–214
Букретов Н.А. 223
Булгаков Сергий, прот. 48, 93, 94, 186, 202, 235, 236, 253, 270, 271, 275, 276, 283, 284, 294, 300, 316, 323
Бунаков (*см.* Фондаминский И.И.)
Бунин И.А. 18, 190, 191, 237
Бушен Д.Д. 98, 106, 330
Быков Д.Л. 182
Быстренина И.В. 121

В

Варнье, Режи 234[5]
Варсонофий (Лебедев), еп. Кирилловский, сщмч. 188
Введенский Александр, прот., «митр.» 186
Введенский А.И. 90
Вебстер И.Н. 344, 351, 353
Величковская (Жаба) Т.А. 263
Вениамин (Кириаку), патриарх Константинопольский 269
Веревкин Н. 335
Вильде Б.В. 326, 327, 332, 333, 363, 366
Вильгельм Завоеватель 290, 349
Владимир (Богоявленский), митр. Киевский, сщмч. 176, 188

Владимир (Тихоницкий), митр. Белостокский 268
Войтинская Н.С. 95, 104, 153
Волков (Русов) А.Н. 44
Волконская Т.А. 332, 333
Волохова Н.Н. 79
Волошин М.А. 15, 19, 78, 95, 101, 108, 120–123, 130–134, 137, 142, 191, 210, 211
Волошина Е.О. 131, 132, 134
Волынский А.Л. (Флексер Х.Л.) 95
Вольский В.К. 217
Врангель П.Н. 223
Врубель М.А. 175
Вырубов Н.В. 333
Вышеславцев Б.П. 230, 236, 322
Вяземский П.А. 97

Г

Габрилович Л.Е. 56
Гавриил (де Вильдер), архиеп. Команский 13
Гаккель Сергий, прот. 12
Гамсун, Кнут 68
Гениева Е.Ю. 24
Гермоген (Долганёв), еп. Тобольский, сщмч. 188
Герцен А.И. 90
Гинзбург Е.С. 245
Гиппиус Вл.В. 74, 89
Гиппиус (Галахов) В.В. 74, 123
Гиппиус З.Н. (Антон Крайний) 158[13], 180, 191, 236, 242–244, 278
Гитлер, Адольф 70, 331, 341, 349
Глинка М.И. 112
Гоген, Поль 129
Гоголь Н.В. 43, 112
Голенищев В.С. 133[4]
де Голль, Ж.А. 333
де Голль, Шарль 325–327, 333
Горбунов Н.П. 231
Гончарова Н.С. 15, 48, 104, 117, 133, 153, 283, 324
Городецкий С.М. 77, 97, 98, 102, 105, 108–110, 112, 113, 116, 126, 129, 141, 160, 161, 165
Горький (Пешков) А.М. 89, 308
Грааль-Арельский (Петров) С.С. 123
Грибоедов А.С. 42, 48, 75
Грибоедов А.Ф. 42
Григорий (Круг), монах 17, 295
Григорий (Чуков), митр. Ленинградский 269
Гришин-Алмазов А.Н. 210
Громогласов И.М. 186
Гроссман Л.П. 211
Грузенберг С.О. 95
Гумилев Д.С. 358
Гумилев Л.Н. 358
Гумилев Н.С. 15, 26, 63, 81, 95, 106, 108–110, 112, 113, 115, 125, 141, 191, 358, 359
Гумилева (урожд. Фрейгарт) А.А. 358
Гумилева А.И. 358–360
Гучков А.И. 176, 185

Д

Давид, царь, св. прор. 290, 291
Дейша-Сионицкая М.А. 122
Делоне Б.Н. 311
Делоне Б.П. 45

Деникин А.И. 194, 208, 209, 216, 222– 224
Дерин И.Я. 106
Дзержинский Ф.Э. 203
Дианин С.А. 70
Димитрий (Павлович), патриарх Сербский 229
Димитрий Клепинин, свящ., сщмч. 12, 13, 14, 253, 2768, 288, 292, 327, 332, 339–346, 355
Димитрий Ростовский, свт. 260
Дмитриев-Мамонов А.И. 42, 43
Дмитриев-Мамонов И.А. 44, 45, 357
Дмитриев-Мамонов И.И. 42
Дмитриев-Мамонов М.А. 128
Дмитриев-Мамонов Э.А. 43, 45
Дмитриева-Мамонова С.А. 45
Дмитриева-Мамонова П.Н. 357
Добужинский М.В. 95, 125
Долговая С.Б. 333
Достоевский Ф.М. 48, 52, 89, 90, 100, 271, 354
Дыбенко П.Е. 193
Дымшиц М.А. 310
Дымшиц С.И. 120, 122, 128, 129, 137, 138
Дутов А.И. 193

Е

Евдокия (Мещерякова), игумения 287, 318
Евлогий (Георгиевский), митр. 21, 74, 229, 230, 232, 253, 266–270, 276–283, 287–289[21], 318
Екатерина II, росс. имп-ца 42, 359
Елагина А.П. 43
Елевферий (Богоявленский), митр. Литовский 266
Елена, принцесса 49
Елена Павловна, вел. кн. 48
Еленевская И. 63, 641
Есенин С.А. 19, 1291, 180, 190
Ефрем (Кузнецов), еп. Селенгинский, сщмч. 188

Ж

Жаба С.П. 273
Жевахов Н.Д. 176
Железняк (Железняков) А.Г. 193
Жеребков Ю.С. 340, 341
Жид, Андре 307, 308, 315
Жуковский В.А. 60

З

Зайцев Б.К. 287[20]
Замбржицкий Константин, свящ. 329
Замятин Е.И. 123
Зандер Л.А. 327
Зеньковский Василий, прот. 232, 364
Зиновьева-Аннибал Л.Д. 99, 108
Зощенко М.М. 242
Зурен, Фриц 352

И

Иванов А.А. 112
Иванов Вяч. И. 15, 74, 84, 93, 94, 98–102, 111, 113, 121, 128–130, 134, 135, 177, 236, 361
Иванов Г.В. 125, 126, 236
Иванов-Разумник Р.В. 242
Ивнев Рюрик (Ковалев М.А.) 126

Игнатий (Брянчанинов), еп. Кавказский, свт. 305
Игнатьева О.А. 327
Иларион (Алфеев), митр. Волоколамский 288[20]
Ильин И.А. 230
Инбер (Шпенцер) В.М. 211
Иннокентий (Васильев), архиеп. Корсунский 12
Иоанн Креститель, св. прор. 301
Иоанна (Рейтлингер Ю.Н.), мон. 18, 282, 283, 286, 292, 296, 351
Иоанн Романов, брат Петра I 42
Исидор (Колоколов), еп. Михайловский 188

К

Каледин А.М. 193
Кандауров К.В. 134
Кандауров М.П. 134
Кант, Иммануил 83, 90
Каплан Ф.Е. (Ройтблат Ф.Х.) 205
Карсавин Л.П. 230
Карсавина Т.П. 96
Карташев А.В. 93, 102, 186, 232, 300[38]
Кваснов Ф. 70
Керенский А.Ф. 93, 185, 193, 236
Киприан (Керн), архим. 287, 288, 318
Киреевский П.В. 43
Кирилл (Гундяев), Патриарх Московский и всея Руси 22
Кириченко Н.С. 211
Клеман, Оливье-Морис 170
Клепинин Дмитрий *см.* Димитрий Клепинин, сщмч.
Клюев Н.А. 129[1]
Клячкина Р.С. 327
Книжник-Ветров И.С. 158
Колесник И. 195
Колчак А.В. 213, 216
Кони А.Ф. 97
Корнилов Л.Г. 194, 200, 201, 206, 215
Коробьин Ю.А. 211, 214, 215
Кострыкин 196, 197
Крамской И.Н. 52
Крандиевская Н.В. 211, 310, 311, 314
Кривошеин А.В. 1407
Кривошеин И.А. 21, 22, 253, 309, 328, 329, 332, 333, 363
Кривошеин Н.И. 12
Кривошеина Н.А. 339
Кропоткин П.А. 158[13]
Кругликова Е.С. 131, 151
Крупская Н.К. 88
Крутько П.Я. 37
Кузмин М.А. 89, 95, 109, 125, 261
Кузьмин-Караваев В.Д. 96, 106,
Кузьмин-Караваев Д.В. 82, 95, 96–98, 108, 110, 124, 126, 127, 137, 138, 145, 154, 155, 172, 185, 219, 357
Кузьмина-Караваева Гаяна, дочь м. М. 20, 21, 71, 81, 121, 128, 136, 151, 154, 155, 172, 184, 205, 215, 223, 224, 247, 248, 259, 270, 289, 303, 306, 307, 309–315, 321, 339, 340
Кузьмина-Караваева К.Ф. 359
Кульбин Н.И. 96, 124
Куприн А.И. 68, 308
Курский Д.И. 205

Кусова Е.Н. 45
Кустодиев Б.М. 65
Кювилье М.П. 134

Л
Лампе (урожд. Львова) В.И. 358
Лансере Е.Е. 65
Лапин П.Д. 186
Лапшин И.И. 90, 230
Ларионов М.Ф. 117
Ласкру, Розанна 349, 350
Лафону, Э. 318
Лев (Луи) (Жилле), архим. 270, 283
Левицкий А.Н. 332, 334
Ленин (Ульянов) В.И. 72, 179, 186, 189–191, 193, 197, 202, 230, 239
Лентулов А.В. 122, 132
Ленуар, Марсель (Жюль Ури) 324, 350
Леонтьев К.Н. 288[20]
Лермонтов М.Ю. 112
Лесков Н.С. 261
Лещенко Г. 24
Лившиц Б.К. 125, 126
Липеровский Л.Н. 231
Литвина (урожд. Эренштейн) Т.Д. 362
Лозинский М. 109, 110, 123
Лозинский Е.И. 158[13]
Лопатин Л.М. 279
Лопатина Е.М. 278
Лосский В.Н. 271, 295[29]
Лосский Н.О. 90, 93, 230
де Лоне, Бернар-Рене Жордан 42
де Лоне, Пьер-Шарль 44, 45
Львов В.Н. 176
Львов Л.И. 359
Львова А.И. 359
Львова Н. 115
Луначарский А.В. 186, 231

М
Мария Феодоровна, росс. имп-ца 43
Макарий (Гневушев), еп. Вяземский, сщмч. 188
Маковецкий Г. 333
Маковский С.К. 103
Максимов Д.Е. 144, 158, 321
Мандельштам О.Э. 70, 109, 110, 125, 237
Манухина Т.А. 275, 280, 290
Мария Египетская, св., прп. 278
Маркс, Карл 89
Маршак С.Я. 213[36]
Матисс, Анри 104, 129
Маяковский В.В. 19, 141, 189, 190
Медведева С.В. 327, 341
Мелиссино А.П. 31
Мелия Г.Т. 311, 312
Менделеев Д.М. 88, 175
Менделеева Л.Д. 88, 143, 219
Мережковский Д.С. 93, 94, 101, 158[13], 236
Метьюрин, Ч.Р. 147
Мечников И.И. 44
Мечникова О.Н. 246
Миклухо-Маклай Н.Н. 97
Милютина Т.П. 293
Михаил Александрович (Романов), вел. кн. 176, 177, 192
Михнович Н. 70
Молотов (Скрябин) В.М. 309
Моравская М.Л. 109, 140

Морев Н.И. 198, 200
Морозов Г. 17
Мотт, Джон 232
Мочульский К.В. 19, 235, 253, 276, 282, 283, 294, 304, 316, 325, 326, 338
Мошковская Ю.Я. 155, 259
Мхитарианц-Мхитаров Н. 332

Н

Нарбут В.И. 116
Нарышкина А.С. 42
Нащокин Н.В. 43
Недоброво Н.В. 97
Неслуховская Т. 92
Нива, Жорж 22
Никитин А.И. 231
Николай I (Романов), росс. имп. 45
Николай II (Романов), росс. имп., св. 52, 136, 176, 177, 192, 139, 211
Николай (Ярушевич), митр. Крутицкий 268
Новалис (Ф.-Г. фон Харденберг) 74
Новикова Е.А. 350, 351
Носович С.В. 351

О

Оболенская В.А. (Вики) 332, 333
Оболенский В.А. 287,
Ойцевич, Гжегож 309, 312
Ольга, двоюродная сестра Лизы Пиленко 29
Омельченко А.А. 151
Омельченко А.П. 24, 25, 151
Омельченко М.А. 24
Омельченко Е.А. 24, 25, 148, 184

П

Павел, св. ап. 240, 241
Павлов Н.Ф. 43
Павлов И.П. 175
Палеолог, Морис 175
Пастернак Б.Л. 308
Паулюс, Фридрих 337, 340
Пейри, Жаклин 352
Петен, Анри-Филипп 331
Петлюра С.В. 193
Петр I (Романов), росс. имп. 30, 42, 142
Петр (Полянский), митр. Крутицкий, сщмч. 266
Петражицкий Л.И. 91
Петровский Г.И. 205
Пикассо, Пабло 105
Пиленко В.М. 30
Пиленко Б.В. 201
Пиленко В.И. 201, 214
Пиленко Д.В. 31–34, 61, 118,
Пиленко Д.Ю., брат м. М. 35, 48, 49, 53, 59, 73, 106, 138, 139, 171, 205, 208, 215, 225,
Пиленко Иван, брат Пантелеимона 31
Пиленко Л.В. 214
Пиленко О.Д. 28, 123
Пиленко Пантелеимон 30, 31
Пиленко С.В. 28, 201
Пиленко (урожд. Делоне) С.Б. 28, 34–36, 38–42, 44–46, 49, 50, 56, 61, 62, 66, 73, 74, 82, 115, 145, 152, 154, 215, 219, 223–225, 228, 245, 246, 248, 259, 276, 281, 282, 285, 290, 299, 300–342, 348
Пиленко Ю.Д. 34–40, 46, 57–59, 184
Пиленко Ю.В. 201

Пиленко Ф. 30
Платон (Рождественский), митр. Тифлисский 188, 210
Плеханов Г.В. 101
Плюханов Б.В. 322, 361–366
Победоносцев К.П. 491, 50– 55, 60, 70, 170
Победоносцева Е.А. (жена) 53
Победоносцева Марфа (приемная дочь) 53
Покровский В.Л. 194, 207
Полнер Т.И. 236
Поплавский Б.Ю. 236
Попова В.А. 121
Попова Н.И. 26
Прасковья Иоанновна, царевна, племянница Петра 42
Пронин Б.К. 124–126,
Протапов П.И. 197–199, 203, 206
Пушкин А.А. 97
Пушкин А.С. 75, 97, 112, 226
Пушкин Г.А. 97
Пьянов Ф.Т. 253, 276, 318, 327, 329, 339, 341–345
Пяст (Пестовский) В.А. 97, 109, 125

Р

Рабинович Ж. 334
Рагозина Е.М. 362
Радищев К.А. 332
Раевский Г.А. 19, 264
Раевский С.М. 186
Ракитников Н.И. 217
Рапопорт Д. 333
Распутин (Новых) Г.Е. 141, 142, 173, 175
Ремизов А.М. 261
Рено, Поль 324
Репин И.Е. 335
Рерих Н.К. 65
Роден, Огюст 96
Розенфельд И. 120[16]
Розанов В. 52, 93
Рубинштейн А.Г. 112
Рубинштейн И.Л. 985
Руо, Жорж 324
Рябовол Н.С. 216

С

Садовская К.М. 118
Сазонова Ю.Л. 125
Сарьян М.С. 48, 104, 129, 131–134, 153
Свердлов Я.М. 205
Северн С. 333
Северянин (Лотарёв) И.В. 126, 141
Семашко Н.А. 214
Серафим Саровский, св. прп. 304, 305
Сергий (Коновалов), архиеп. Евкарпийский 12, 13, 22, 23, 292
Сергий (Королев), еп. 268
Сергий (Страгородский), патриарх Московский и всея Руси 265–268
Сергий (Четвериков), иеросхимон. 364
Сергий (Шевич), архим. 253, 295[29]
Сигизмунд III, польский король 30
Синопли А.Г. 121
Скобцов Георгий (Юрий; сын м. М.), св. мч. 13, 14, 20, 156, 223, 247, 248, 270, 2768, 281, 285, 288, 290, 306, 339–346, 355

Скобцов Д.Е. 24, 214, 215, 219, 222–224, 229, 234, 235, 248, 276, 299, 339, 340, 343, 348
Скобцова А.Д. (Настя, дочь м. М.) 29, 46, 54, 228, 245–247, 260, 264, 339
Скоропадский И.И. 30
Скрябина А.А. (Сарра Кнут) 332
Слонимский М.Л. 125, 242
Солженицын А.И. 237, 245, 298[35]
Соловьев В.С. 48, 52, 69, 90, 94, 96, 163[17], 271, 279
Сологуб Ф.К. 101
Солоневич И.Л. 175
Сомов К.А. 65, 95
Софронов П.М. 282[12]
Спесивцева О.А. 985
Сталин (Джугашвили) И.В. 265, 307, 308, 331
Старк Борис, прот. 289
Старчаков А.О. 314
Стеллецкий Д.С. 17, 295
Степун Ф.А. 236, 279
Столыпин П.А. 140
Струве П.Б. 93, 158[13], 282[12], 300[38]
Струве Ю.П. 64
Судейкин С.Ю. 124, 125
Сытова А.С. 164, 165

Т

Таганцев В.Н. 62, 63
Таганцева Л.С. 62, 63, 64
Таубе М.А. 49
Тимошенко И.П. 222
Тихон (Беллавин), патриарх Московский и всея России 186–189, 229, 230
Толстая М.А. 138[6]
Толстой А.Н. 19, 109, 120–122, 124, 125, 130–132, 134–138, 211, 247, 308–315, 321, 361
Толстой Л.Н. 48, 72, 89, 91, 112, 175, 314
Толстой Н.А. 311
Троицкий С.В. 280
Троцкий (Бронштейн) Л.Д. 197, 205, 239
Трубецкой Г.Н. 300[38]
Трубецкой Е.Н. 163, 186, 201
Трубецкой С.Е. 230
Тургенев И.С. 89
Туара, Тристан 105
Тэффи (Лохвицкая Н.А.) 211
Тютчев Ф.И. 52
Тютчева А.Ф. 52, 55
Тютчева Е.Ф. 54, 55

У

Угримов А.А. 298, 309, 335
Уидрингтон, П.Е.Т. 253
Уланова Г.С. 314
Успенский Л.А. 17, 295

Ф

Фаусек В.А. 89, 91
Федоров Н.Ф. 69
Федотов Г.П. 163, 236, 253, 254[19], 261, 271, 308, 328, 329
Фет А.А. 112
Флоренский Павел, свящ. 94, 162
Флоровский Георгий, прот. 54
Фонвизин Д.И. 42
Фондаминский (Фундаминский) Илья, св. муч. 13, 14, 217, 218, 253, 309, 325, 327–330, 345
Форш О.Д. 88

Фотий II (Маниатис), патриарх Константинопольский 269
Франк С.Л. 90, 93, 230, 271, 300[38]
Фурцева Е.А. 360

Х

Ходасевич В.Ф. 115, 236
Хомяков А.С. 43, 48, 90, 271–273

Ц

Цветаева М.И. 115, 122, 134, 236, 237, 282[12], 315
Цензор Д.М. 77, 89,
Цейдлер В.П. 34, 61, 62, 123
Цейдлер Е.Д. 40, 210
Цейдлер Н.Д. 311

Ч

Чавчавадзе (Грибоедова) Н.А. 48, 50
Чайковский П.И. 52, 112
Чернов В.М. 217
Чернова Е.Б. 359
Чернокрак Николай, прот. 24
Чертков Михаил, прот. 253
Чехов А.П. 89
Чистович Е.А. 138
Чистович Е.Д. 40
Чистович Т.А. 311
Чистяков Георгий, свящ. 24
Чуковский К.И. 191
Чулков Г.И. 101, 143

Ш

Шавельский Георгий, прот. 176
Шагал М.З. 120[16]
Шаламов В.Т. 245
Шаховская З.А. 333
Шевченко А. 117
Шестов (Шварцман) Л.И. 236
Шкуро А.Г. 193, 222
Шмидт П.П. 58
Шмелев И.С. 237
Шмеман Александр, прот. 288[20]
Шнейдер В.П. 65
Штейнер, Рудольф 130
Штерн С.Ф. 327
Шульгин В.В. 176, 211
Шустов А.Н. 24, 180, 210, 214[39], 215[40], 242, 309

Щ

Щастливцева О.Д. 40, 77

Э

Эйгер (Мошкова) Ю.Я. 65, 66, 70, 97
Эйхман, Адольф 334
Эрн В.Ф. 94
Эренбург И.Г. 308
Эрнст, Макс 105
Эрнст С.Р. 330
Эфрон А.С. 282[12]
Эфрон Е.Я. 134
Эфрон Е.Я. 134

Я

Языков Н.М. 43
Ярославский Е.М. (Губельман М.И.) 186
Яфимович (урожд. Дмитриева-Мамонова) Е.А. 48–50, 52, 73

При подготовке этой книги были использованы архивные материалы семьи Кривошеиных, а также издания, послужившие источниками справочной информации:

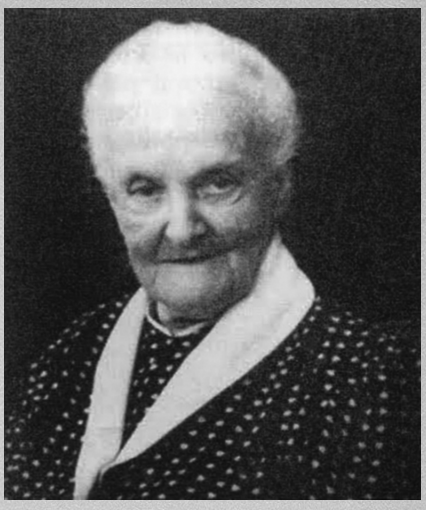
- *Мать Мария.* Стихотворения, поэмы, мистерии, воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк / сост. Д.Е. Скобцов. Р., 1947;
- *Мать Мария.* Стихи (издание общества друзей матери Марии). Париж, 1949;
- Равнина русская: Стихотворения, поэмы, проза / сост. А.Н. Шустов. СПб.: Искусство—СПБ, 2001;
- Жатва Духа. СПб.: Искусство—СПБ, 2004;
- *Монахиня Марія.* Стихи. Берлин: Петрополис, 1937 (репринтное издание уникального экземпляра книги с иллюстрациями, сделанными рукой матери Марии);
- *Мочульский К.В.* Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания (рукопись из архива Кривошеиных);
- «Восхождение». О жизни и творчестве Е.Ю. Кузьминой-Караваевой / сост. Д.В. Куприянов, ред. А.Н. Шустов. Тверь, 1994;
- *Кривошеина К.* «Красота спасающая». СПб.: Искусство—СПБ, 2004;
- *прот. С. Гаккель.* «Мать Мария». Ymca-Press, 1980.

Автор выражает особую благодарность семье А.Н. Шустова за предоставленные материалы и авторам текстов, вошедших в раздел «Из архивов», опубликованных на сайте «Мать Мария»: http://mere-marie.com/ (© Ксения Кривошеина).

Фамильный герб
рода Дмитриевых-Мамоновых

Портрет А. И. Дмитриева-Мамонова.
Кипренский О. А. Бумага, итальянский и графитный карандаши, пастель, уголь, мел. 1815

Юрий Дмитриевич Пиленко.
Начало 1890-х



Софья Борисовна Делоне.
1950-е.

Выгонная дамба, ныне - угол улиц Элизабетес и Пулквежа Бриежа
8 декабря 1891 г. в этом доме родилась Лиза Пиленко, будущая мать Мария

Лиза с братом Дмитрием.
Домашний театр, Анапа, 1899

К.П. Победоносцев с приемной дочерью Марфой
1899-1900, Архив РГАКФД

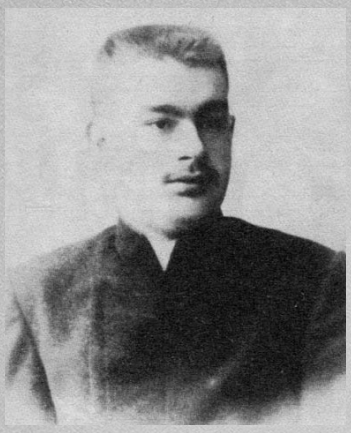
Елизавета Пиленко (внизу, первая слева), в кругу родственников и друзей.
Вверху справа мать Лизы - С.Б. Пиленко
Анапа, 1904

Фотопортрет В.И. Иванова
Открытка издательства «Д. Хромов и М. Бахрах», 1910-1912

«Башня» Вячеслава Иванова,
знаменитый дом № 35/1
на Таврической улице

Александр Блок
1907

Герб «Бродячей собаки»
рисунок М. Добужинского, 1912



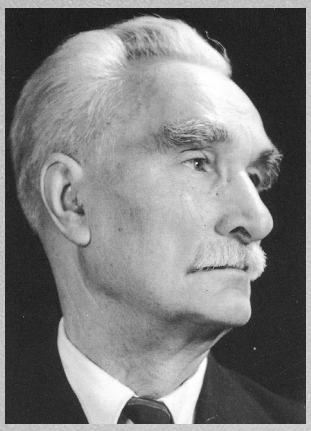
Д.В. Кузьмин-Караваев,
1904

Лиза Пиленко,
1909

Силуэт Анны Ахматовой
Е. Кругликова. 1916 г.

Слева направо,
стоят: Д.В. Кузьмин-Караваев,
Е.Ю. Кузьмина-Караваева,
А.А. Ахматова, М.Л. Сверчкова;
сидят: М.А. Кузьмина-Караваева,
Д.Ю. Пиленко, Д.Д. Бушен.
Слепнево, 1911

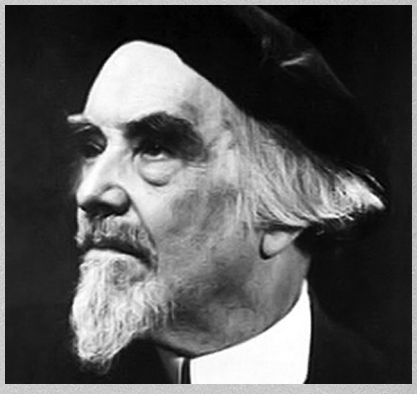
Сидят: С.Б. Пиленко и Д.Ю. Пиленко (брат Елизаветы).
Стоят: Е.Ю. Кузьмина-Караваева, дочь Гаяна на руках у кормилицы Фроси.
Анапа. 1915



Даниил Ермолаевич Скобцов
1945

Елизавета Юрьевна Скобцова с детьми - Гаяной, Юрой и Настей
Сербия, 1923

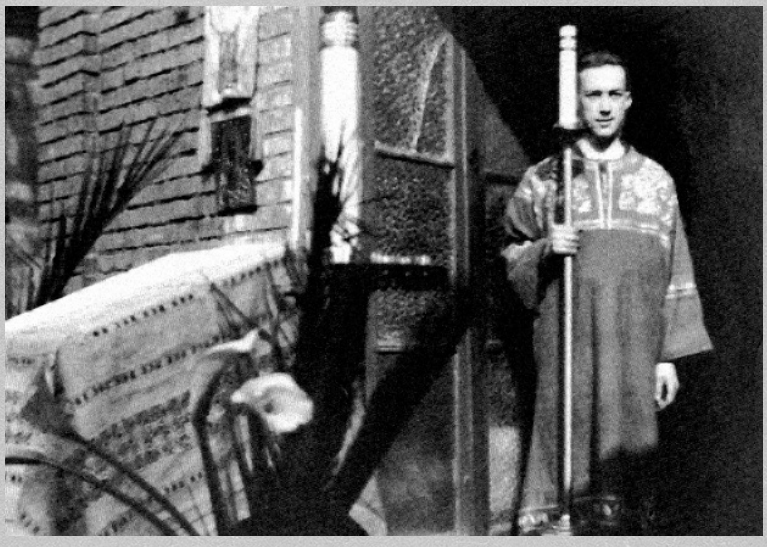
Елизавета Юрьевна и Николай Бердяев.
Франция, 1930



Н. А. Бердяев

Е.Ю. Скобцова,
Медон, (под Парижем), 1924

Дочь Гаяна,
Париж, начало 30-х

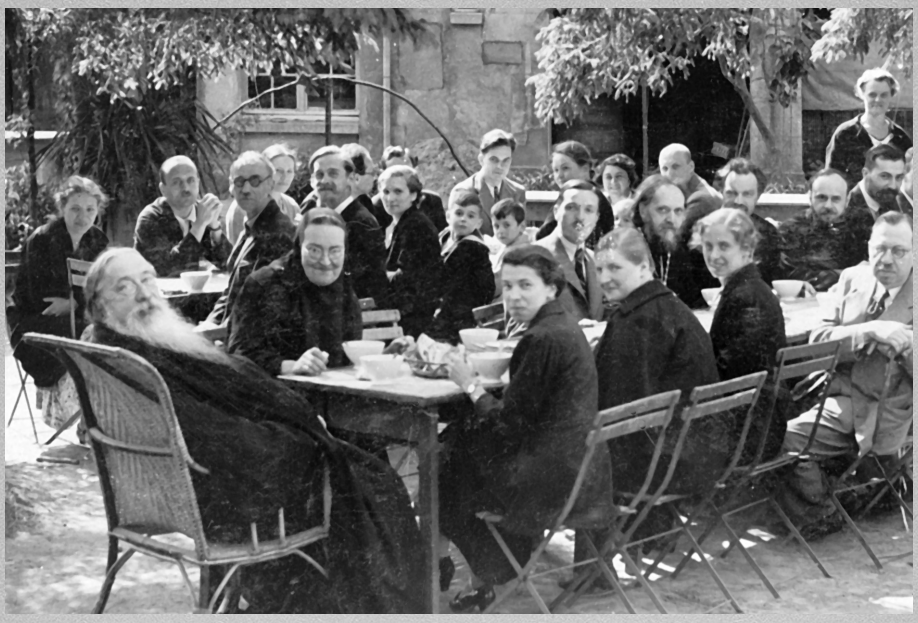


Юра Скобцов
Покровская церковь на ул. Лурмель, 1940 г.

Митрополит Евлогий (Георгиевский)
30-е г.

Священник о. Сергий Булгаков,
духовник матери Мариии

Célèbre petite photo regroupant (de gauche à droite) André Vassilievitch Morozoff, le père Victor Youriev, le métropolite Euloge, le père Serge Boulgakov et mère Marie Skobtsov, lors d'un congrès de l'ACER en 1932.



??Съезд РСХД под Парижем. На первом план??
????

Съезд РСХД под Парижем. На первом плане о. Сергий Булгаков
1937

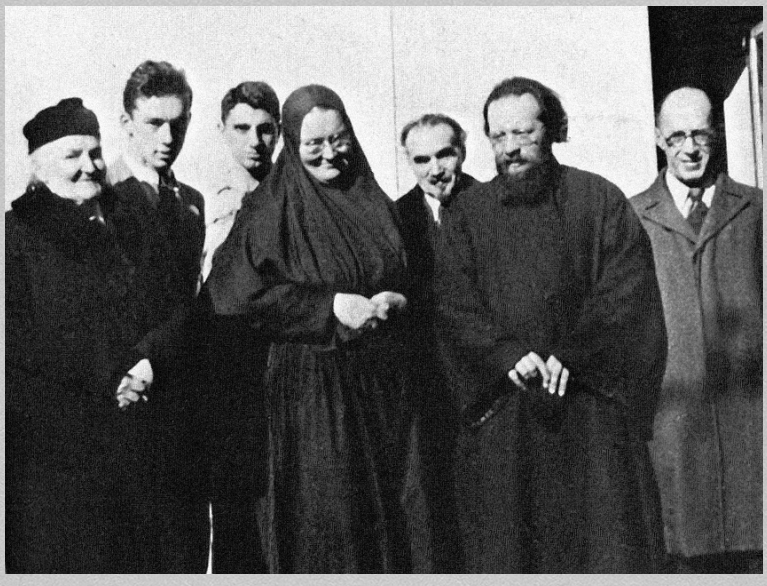
М. Мария с м. Евдокией

Мать Любовь, мать Мария и мать Евдокия
Villa de Saxe, 1935

Мать Мария
конец 30-х

Столовая на ул.Лурмель. Во главе стола сидят С.Б. Пиленко и м. Мария,
конец 30-х

о. Дмитрий Клепинин
ул. Лурмель, осень 1939 г.



Слева направо С. Б. Пиленко, Юра Скобцов, А. Бабаджан, мать Мария,
Г. П. Федотов, о. Дмитрий Клепинин, К. В. Мочульский.
ул.Лурмель, осень 1939 г.

Мать Мария
конец 30-х

«Равенсбрюк» - женский концентрационный лагерь нацистов, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни.
1945

Крематорий «Равенсбрюка»
1945

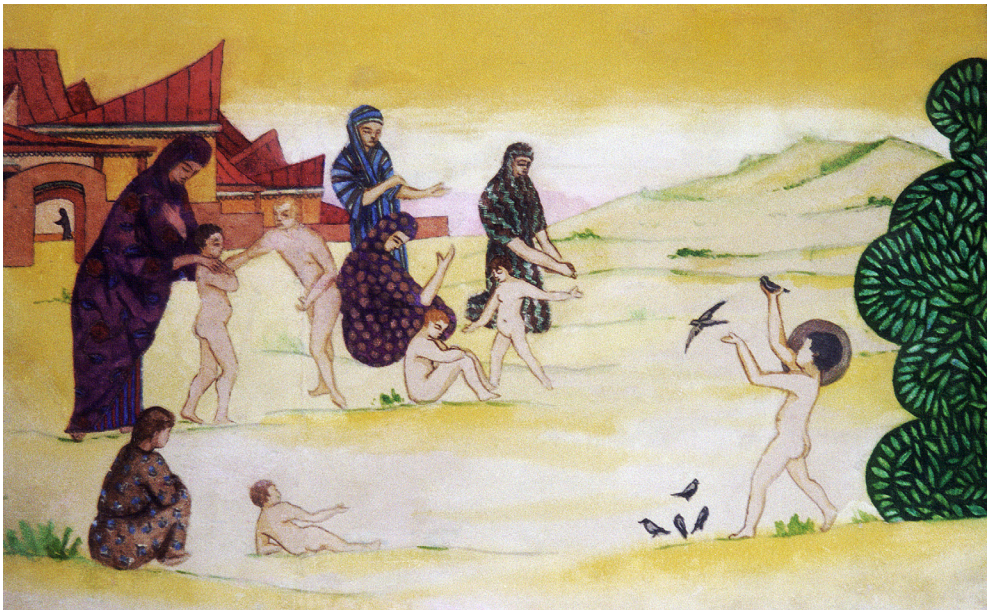
Мемориальная доска на фасаде дома где родилась будущая преподобномученица Мария

Установлена 16 марта 2012 года, г. Рига, ул. Элизабетес, 21

Бад-Наугейм, *акварель, 1912*

За работой, *акв. 1910-1917*

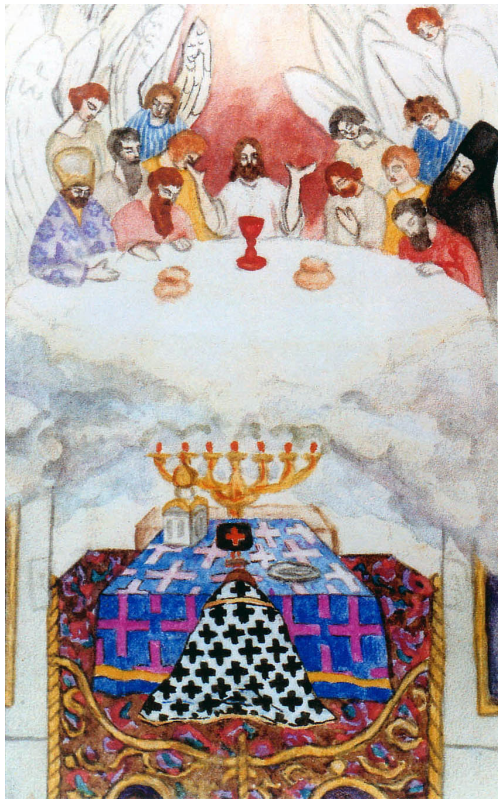
Встреча Марии и Елизаветы, *акв. 1911-1917*



Евангелие детства, *акв. 1910-1917*

Материнство, *акв. 1917*

Пророки (условное назв.) *акв. 1913-1917*



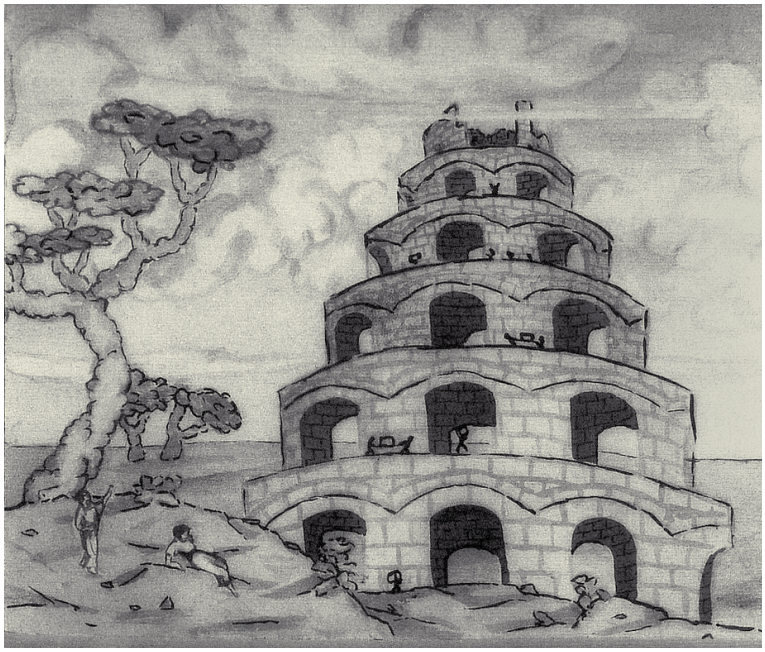
Евхаристия. Церковь небесная и земная, *акв. 1917*

Притча о десяти девах, *акв. 1910-1920*

В саду Эдемском, *акв.- гуашь 1911-1917*

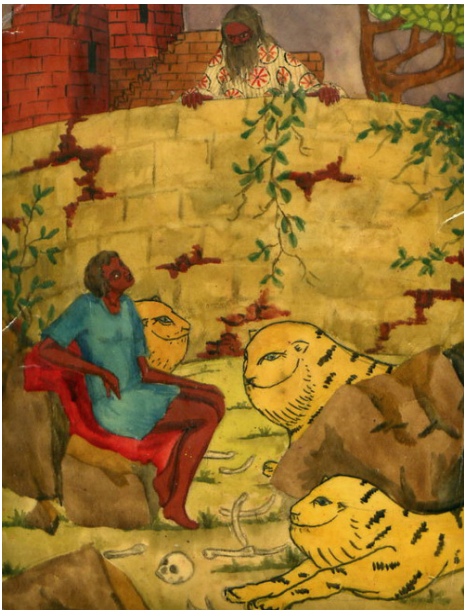
Пресвятая Троица, *тушь, 1912-1913*

Ангелы трубящие, *акв. 1913-1917*



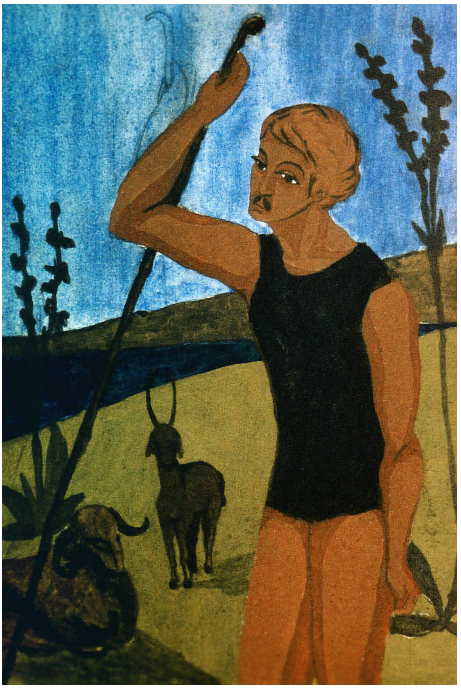
Вавилонская башня, *рисунок, 1912*

Иисус и самаритянка, *акв. 1917*

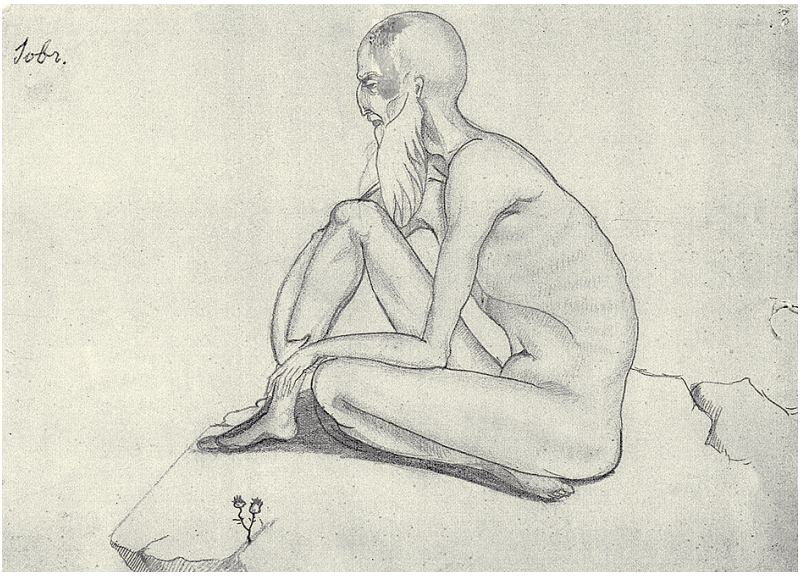


Пророк Даниил во рву со львами, *акв. 1915*

Царь и пророк Давид, *акв. 1911-1917*

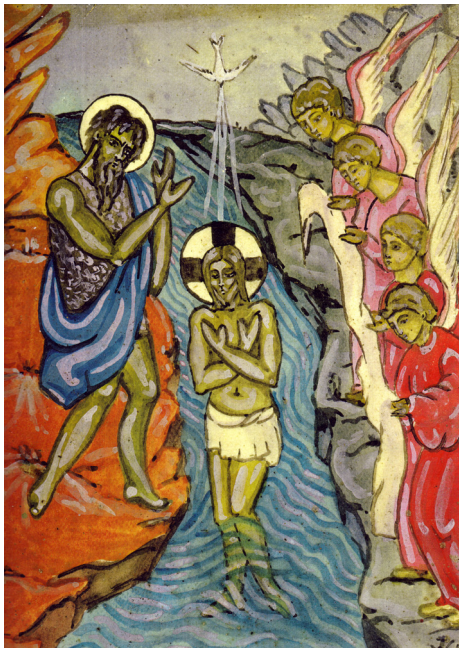


Добрый пастырь, *акв. 1913-1917*



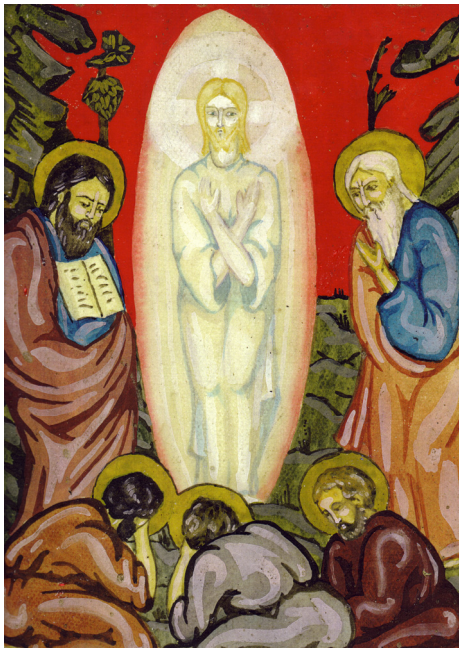
Святой праведный Иов, *бумага, карандаш*

Рождество Христово,
энкаустика, 1930-1942



Богоявление,
энкаустика, 1930-1942

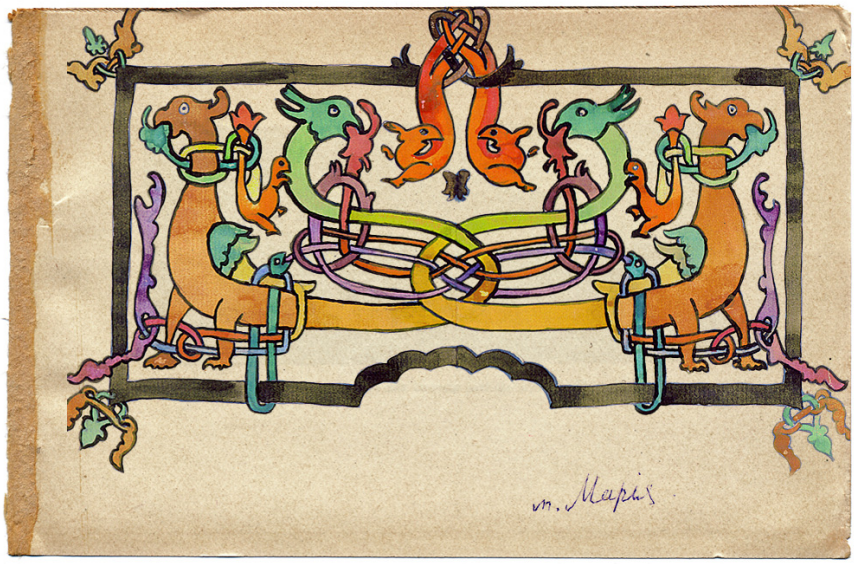
Нагорная проповедь,
энкаустика, 1930-1942



Преображение Господне,
энкаустика, 1930-1942

Богородица *(эскиз к иконе Богородица Афонская)*

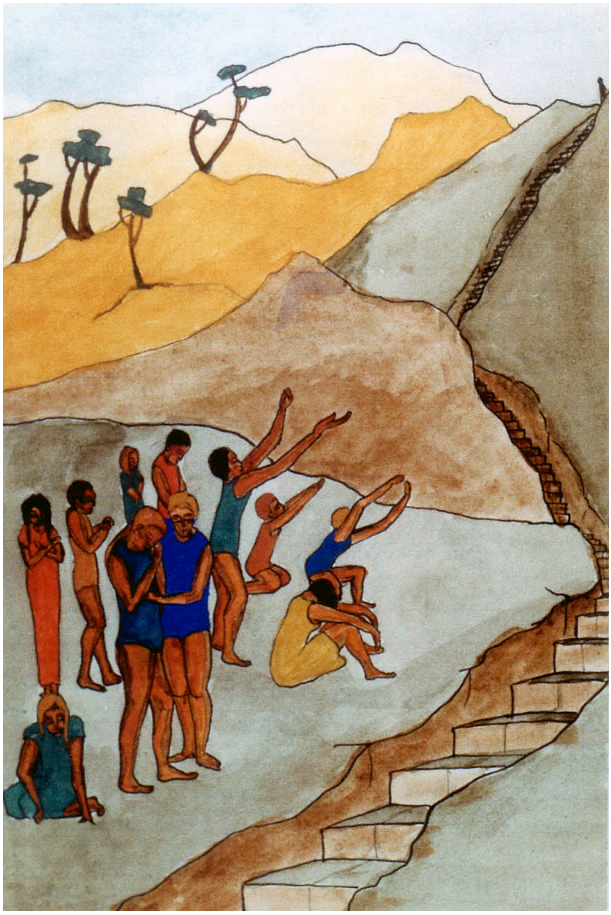
Орнаменты, *акварель*



Орнаменты, *акварель*

Серия акварелей «Восточная фантазия», *акв. 1914-1915*

Иллюстрация к поэме
«Мельмот - скиталец»,
1915-1916

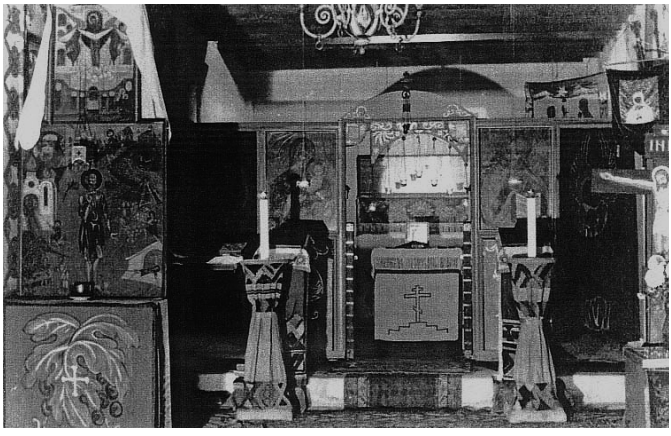


Горний путь,
акв. 1917

Обложка
к книге «Руфь».
1915

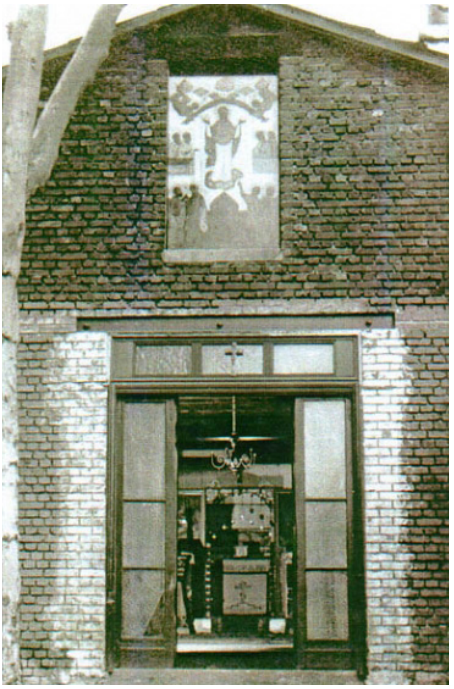
Иллюстрации
к книге «Руфь».
1915

Св. Василий Блаженный, Христа ради юродивый, *дерево, темпера. 1930-1934*
Икона из иконостаса Покровской церкви на ул. Лурмель



Интерьер церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель с росписями м. Марии

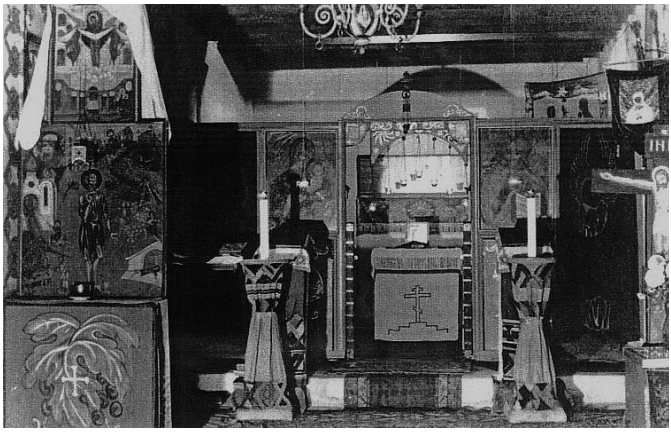
Начало строительства церкви на ул. Лурмель в Париже, *30-е годы*



Действующий Храм Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель

Этап строительства церкви на ул. Лурмель

Св. Василий Блаженный, Христа ради юродивый, *дерево, темпера. 1930-1934*
Икона из иконостаса Покровской церкви на ул. Лурмель

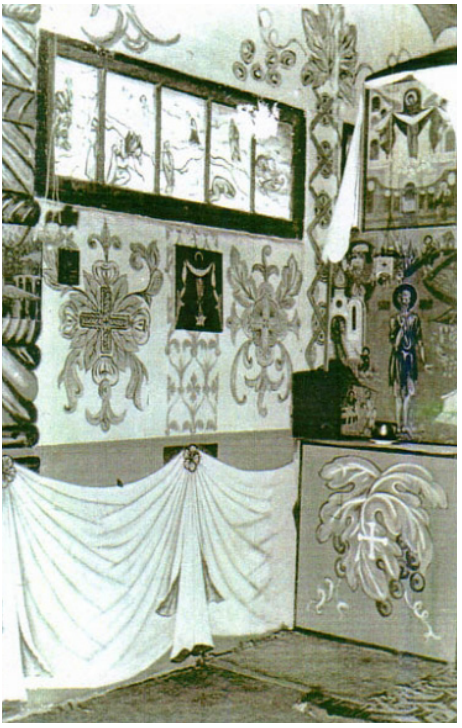


Интерьер церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель с росписями м. Марии

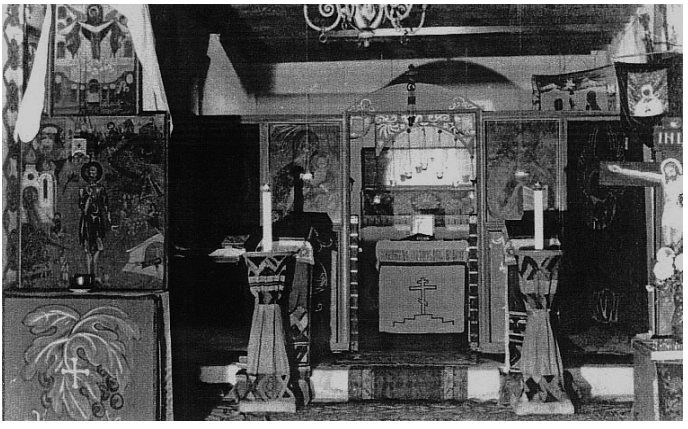
Преподобная Мария Египетская, *темпера. 1932*

Св. Василий Блаженный, Христа ради юродивый, *дерево, темпера. 1930-1934*
Икона из иконостаса Покровской церкви на ул. Лурмель

Церковь Покрова
Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель
в Париже, *30-е годы*



Интерьер церкви Покрова
Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель
с росписями м. Марии



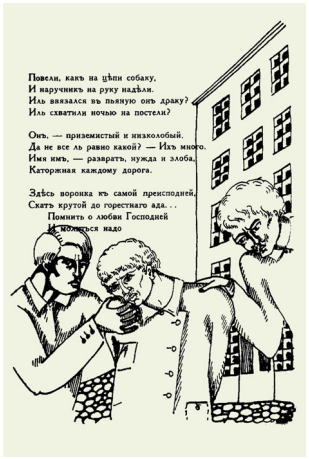
Интерьер церкви Покрова Пресвятой Богородицы на ул. Лурмель с росписями м. Марии

Преподобная Мария Египетская, *темпера. 1932*

Иконостас работы м. Марии. Церковь на Villa de Saxe. Париж. *1935 г.*

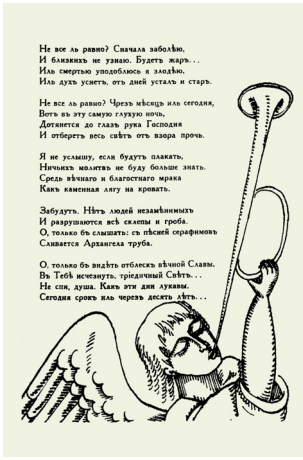
Интерьер церкови на Villa de Saxe с росписями м. Марии

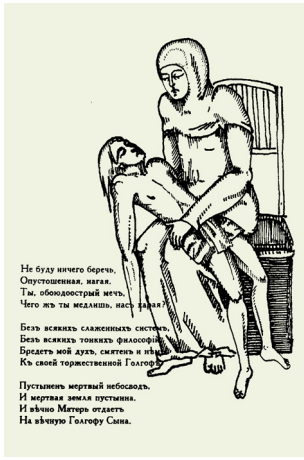
Царь, Пророк и псалмопевец Давид, *дерево, темпера. 1932-1940*



Рисунки
к книге «Стихи»,
Бумага тушь,
1937

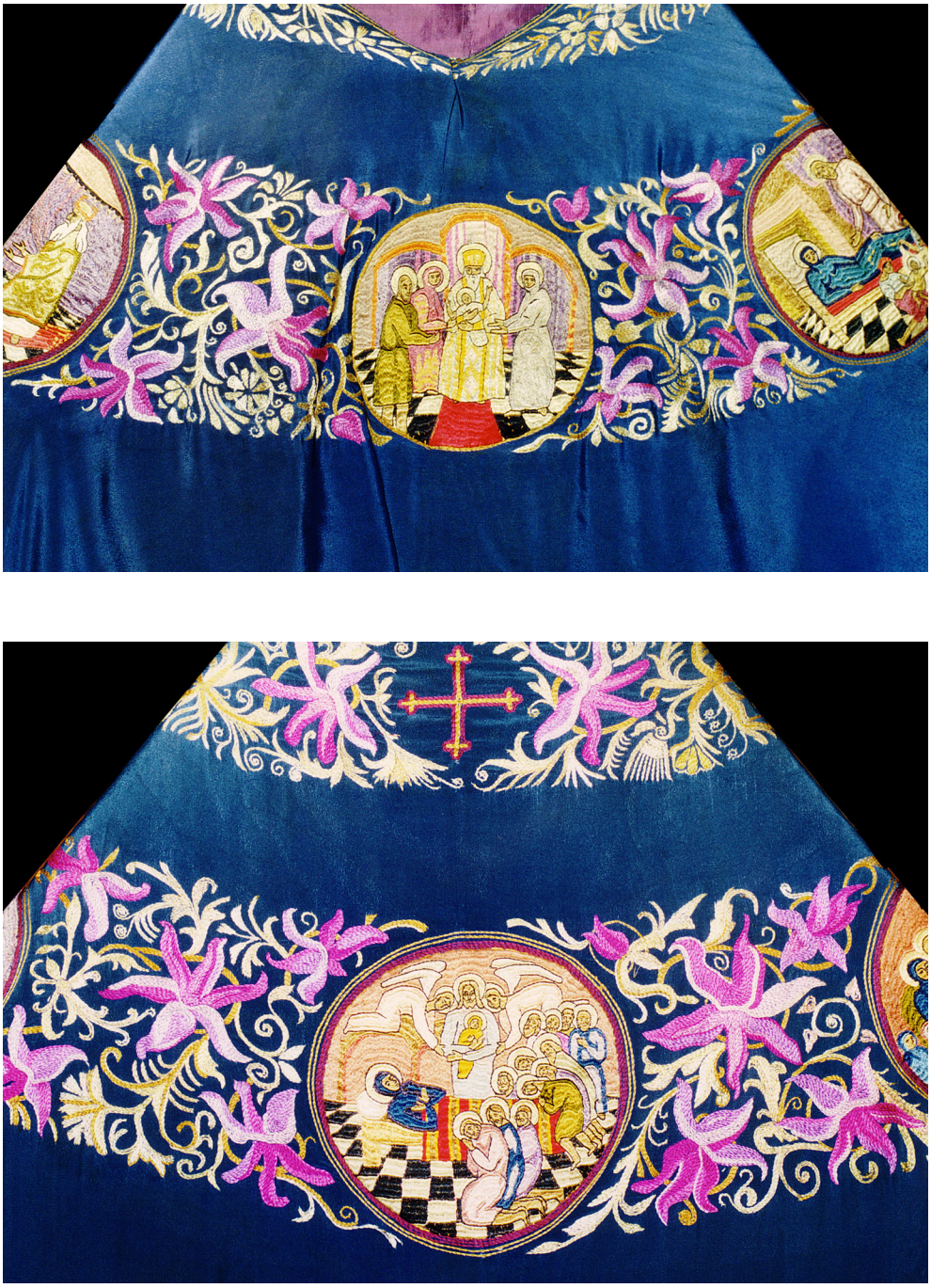
Рисунки
к книге «Стихи»,
Бумага тушь,
1937





Серия рисунков
у изголовья
умирающей дочери
Настеньки.
1926

София – Премудрость Божия. *Вышивка мулине. 1932-1940*



Богородичное облачение для священника.
Вышивка шелком по шелковой основе. 1937-1940

Ангел с кадилом. *Вышивка, инкрустация. 1935-1940*

Икона Божией Матери Умиление.
Вышивка, инкрустация, аппликация.
1939-1940

Образ Господень на Убрусе.
Вышивка, смешанная техника.
1940

Святитель Филипп,
митрополит Московский.
Вышивка, смешанная техника.
1940

Плащаница Господня *1939г. (деталь)*

Плащаница Господня *1939г. (деталь)*

Икона Божией Матери. *Вышивка. 1935-1937*

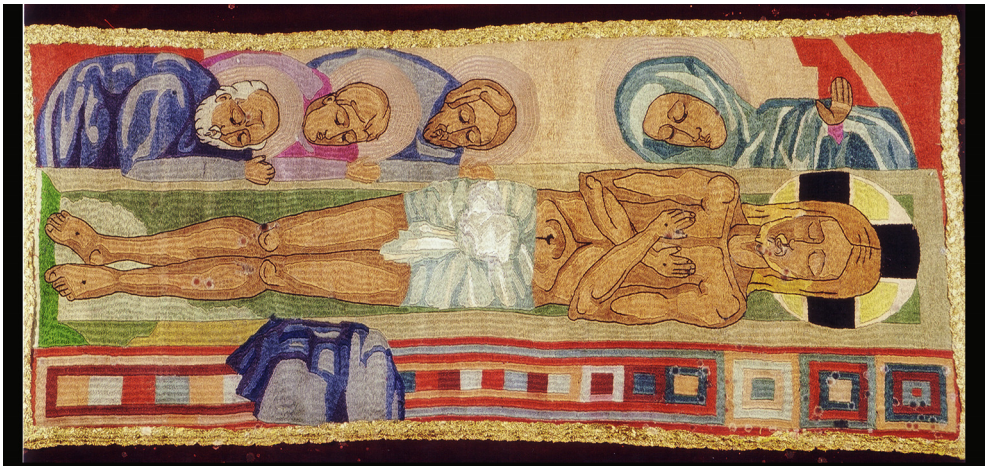
Плащаница Успение Пресвятой Богородицы. *Вышивка. 1932-1940*

Плащаница Успение Пресвятой Богородицы. *(деталь)*

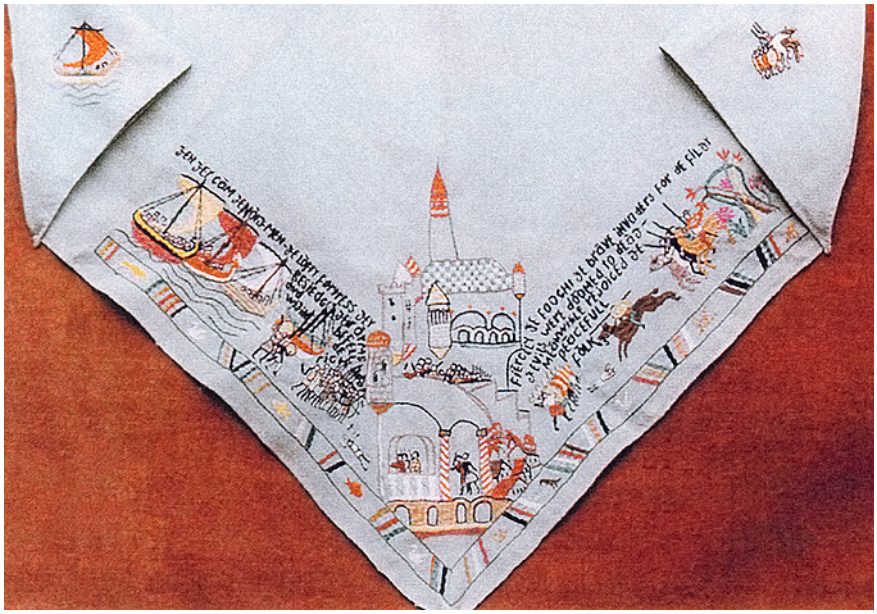
Спас нерукотворный: хоругвь. *Вышивка мулине гладью. 1934-1938*

Икона Знамение Божией Матери. *Вышивка мулине гладью. 1934-1938*

Тайная вечеря. *Гобелен, шерсть. 1940-1941*



Плащаница Господня. *Вышивка шерстью по льняной основе. 1936*



Победа над злом *(вышивка на лагерной косынке к высадке английского десанта в Нормандии). Лагерь Равенсбрюк, 1944*

Победа над злом *(деталь)*

Помазание Давида пророком Самуилом

Давид играет Саулу на гуслях

Победа Давида над Голиафом

Победа Давида над Голиафом

Священник Ахимелех дает Давиду хлеба предложения

Царь и пророк Давид *(центральная часть вышивки)*

Давид показывает Саулу кусок от его плаща

Пляска Давида перед Ковчегом Завета

Купание Вирсавии

Смерть Давида

Житие царя Давида, *гобелен (вышивка). Англия, 30-е годы*

Последняя икона, которую вышивала
м. Мария в лагере Равенсбрюк. *1945*

Реконструкция Равенсбрюкской вышивки.
Художница С. А. Раевская-Оцуп под руководством
сестры Иоанны (Рейтлингер)